

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ
ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ
СТАЖЕРЫ

МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

2000

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ
ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ
СТАЖЕРЫ

Москва

Terra Fantastica

Санкт-Петербург

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
С 87

Серия основана в 1996 году

*Серийное оформление Светланы Герцевой,
Александра Кудрявцева*

Составитель Николай Ютанов

Предисловие Сергея Переслегина

Иллюстрации Яны Ашмариной, Льва Рубинштейна

Художник Анатолий Дубовик

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

© А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1960, 1965, 1967, 1997

© Составление. Н. Ютанов, 1997

© Иллюстрации. Я. Ашмарина, 1997

© Иллюстрации. Л. Рубинштейн, 1975, 1997

© Предисловие. С. Переслегин, 1997

© Дизайн макета. А. Нечаев, 1997

© Обложка. А. Дубовик, 1997

ISBN 5-7921-0168-X(TF)

ISBN 5-17-001545-3(АСТ)

© ООО «Издательство АСТ», 2000

® TERRA FANTASTICA

БРИЛЛИАНТОВЫЕ ДОРОГИ

«...в ресторан, где обедали старшие офицеры, вошел бродяга в рваной одежде, со спутанными волосами, с бородой, закрывшей лицо, грязный, страшный, и, прежде чем его успели выбросить на мостовую, подняв руку, громогласно заявил:

«Не торопитесь! Вы не узнаете меня, господа? Я — арьергард „великой армии“. Я — маршал Ней!»

А. Манфред

1

События второй половины прошлого века, которые я квалифицирую как катастрофические, инициировали на Земле некоторое повышение интереса к истории. Если в семидесятых годах XXII столетия лишь одна из пятидесяти тысяч научных работ касалась событий человеческого прошлого и их интерпретации, то сейчас — одна из двух с половиной тысяч [1]. И наконец «роковые тридцатые» возродили такое, казалось бы, напрочь забытое понятие, как исторический роман.

Не следует заблуждаться: интерес этот достаточно поверхностен. В конце концов, из двадцати миллиардов жителей Земли и Периферии занимаются историей не более полутора миллионов, из которых две трети специализируются по Тагоре, Леониде, Саракшу и прочим внешним мирам.

Мы (человечество) слишком привыкли к тому, что знаем историю. Мы даже думаем, что умеем ее творить.

Для большинства землян знакомство с событиями прошлого ограничивается рассказами Учителя да парой книжечек с изложением стандартной теории исторических последовательностей. В книжках она выглядит простой, как бином Ньютона, и

очевидной, как второе начало термодинамики. Последнее, кстати, верно. Как и второе начало термодинамики, теория исторических последовательностей ниоткуда не следует и является обобщением «многовекового опыта существования человечества».

Теория исторических последовательностей была разработана в семидесятых годах XX столетия. Как и базисная модель феодализма, о которой мы будем говорить в предисловии к третьему тому настоящего Собрания, она опиралась прежде всего на разработки академика И. Дьяконова [2].

И. Дьяконов в хаосе событий, следовавших за Пражской весной 1968 и распадом Европейского Союза, оставался ортодоксальным марксистом. Высокообразованный человек, специалист по истории Древнего Мира, он, обработав колоссальный объем материалов по сравнительной истории стран Европы, Азии, Северной и Южной Америки, сформулировал понятие «исторических последовательностей» и рассмотрел поле операций над ними.

От многих моделей исторического развития, созданных в то время (Тартаковский [3], Ларионова [4], фон Арним [5], Д. Ачесон [6] и др.), теория Дьяконова отличалась наличием элемента предсказания. Малоизвестно, что с точки зрения господствовавшей тогда парадигмы это считалось недостатком, более того, таким недостатком, который ставил теорию за пределы науки вообще. «Марксистская астрология» — не самый резкий отзыв современников о книге «Пути истории» [7], ставшей через десять лет после выхода классической.

Ситуация изменилась, когда предсказания Дьяконова одно за другим начали сбываться. (События 1974 г. в Германии, знаменитый съезд НСДАП 1977 г., динамика расширения Союза Коммунистических государств.) После путча Зуна Паданы сомневаться в прогнозах Дьяконова и, соответственно, в его исторической модели, объявленной наконец теорией, стало как-то неловко. Для друзей и для недругов Дьяконов стал новым Ньютоном, раз и навсегда решившим основную задачу истории.

Собственно, и сама наука История казалась исчерпанной. Человечеству, которое дотянулось до Звезд, она перестала быть интересной.

Худший человеческий порок — отсутствие любопытства!

Элементарные расчеты в рамках модели Дьяконова показывают, что длительность периода войн между коммунистической Ойкуменой и Окраиной определяется в 150 плюс-минус 10 лет [8]! Но этот расчет был проделан лишь в 2253 г., и его результаты до сих пор почти никому не известны.

Собственно, усомниться в полноте теории исторических последовательностей заставила крайне неудачная практика прогрессорской деятельности — прежде всего на Саракше и Гиганде. Эти планеты на период их открытия (первая половина XXII столетия) находились на технологическом уровне развития, примерно соответствующем середине земного XX века.

Активная деятельность, развернутая землянами на этих планетах, должна была, по идее, привести к ускорению исторического развития, к менее кровавому прогрессу и в конечном итоге — к переходу цивилизаций Гиганды и Саракша на коммунистическую ветвь последовательности.

В действительности, однако, никакого «ускорения» не получилось. Для Земли XX века характерным временем, за которое происходит смена парадигм в науке, искусстве, политике, было десятилетие [9]. Считая «время активной жизни поколения» около 30 лет (примерно в 20 лет человек становится взрослым, в 50 — у него обычно уже взрослые дети, к которым переходит креативная активность), получаем, что каждое поколение успевало изменить мир трижды. Для Гиганды после пятидесятилетней прогрессорской деятельности землян соответствующий показатель был измерен, и он оказался близким к единице [10]. Для Саракша, длительное время находившегося под контролем Галактической Безопасности, он составил 0.27 [11]! На макроуровне это означает, что за сто лет (время, которого Земле хватило, чтобы перейти от лунной ракеты к сигма-Д-звездолету, от раздробленного тоталитарного мира эпохи Мировых войн к Всемирному Совету) Гиганда «добилась» распространения военного конфликта с устья Тары на все Внутреннее море. Те же поршневые бомбардировщики стартуют там сейчас с атомных авианосцев...

На Саракше за тот же период, кажется, «несколько замедлились темпы падения средней продолжительности жизни».

Опубликование Мировым Советом этих данных на рубеже 2203—2204 гг. [12] привело к тяжелым последствиям. Бессознательное неприятие прогрессоров и прогрессорства (Р-фобия) стало распространяться в обществе уже в конце шестидесятых годов [13]. Уже после «Дела Абалкина» (смотри предисловие к пятому тому настоящего издания) эксперты дали заключение, в котором преступление Сикорски увязывалось с его работой на Саракше [14]. (Резкий протест против подобных умозаключений заявил, к удивлению многих, Айзек Бромберг [15].) Стараниями Совета (в первую очередь Леонида Горбовского) остроту реакции общественности удалось несколько ослабить. Во всяком случае, предложение Симоны Леверер, согласно которому предлагалось лишить прогрессоров права работать на Земле, не

прошло [16]. Тем не менее период 2178—2185 гг. ознаменован повышенной статистикой разводов и самоубийств в семьях прогрессоров [17]. Ко времени «Большого Откровения» ситуация вернулась к равновесию.

Теперь же, стараниями Совета, общественное мнение наконец получило в свои руки реальное оружие против самого института прогрессорства. Кампания, начатая все той же Симоной Леверер, приобрела к 2206 г. характер истерии. Институт экспериментальной истории был закрыт, деятельность землян на других планетах свернута. С огромным трудом удалось добиться согласия Совета на сохранение там элементов наблюдательной сети.

Результат не замедлил сказаться. Ситуация на всех без исключения «поднадзорных» планетах начала быстро меняться от плохого к худшему. Сначала этим данным не верили. Потом стали склоняться к мысли, что это «реакция абстиненции» цивилизаций, лишенных привычного наркотика — прогрессорской помощи.

За двадцать пять лет индекс развития на Саракше упал в два с половиной раза, на Гиганде — в два раза, на Сауле — в 1,3 раза [18]. В 2228 г. в Алайском герцогстве происходит военный переворот и начинается такая резня, от которой потемнело в глазах даже у ветеранов прошлой войны. За месяц погибли почти все земляне-наблюдатели в пределах Герцогства и Северной Империи. И — еще около миллиона человек.

Какое-то время Совет, скорее по инерции, нежели исходя из принципиальных соображений, продолжает по отношению к прогрессорству прежнюю политику. Дело заканчивается двести тридцать третьим годом, когда на Голубой Змее (Саракш) вспыхнула первая в галактической истории война между гуманоидами и пегуманоидами. Широкое использование Островной Империей и Страной Отцов атомного и биологического оружия привело к фактическому уничтожению цивилизации голованов.

Это был приговор политике невмешательства.

А в следующем, 2234 г. секретарю Мирового Совета передают докладную записку, подписанную Леонидом Горбовским, который болес четверти века назад окончательно удалился от политики. В записке анализировалось поведение «индекса развития» на Земле. Спокойно, даже несколько меланхолично. Леонид Андреевич сообщал, что «указанный коэффициент достиг максимума — 3,9 — в шестидесятые годы XX столетия и достаточно долго оставался на этом уровне». После 2023 г. индекс упал до трех. В период реконструкции (2052—2103) он устойчиво держался около цифры 3,2. Следующие пятьдесят лет он медленно падал до уровня 2,5. А затем падение приобрело катастрофический характер. Уже к началу девяностых годов «ин-

декс развития» составил 1,1 — уровень Гиганды! Здесь он наконец стабилизировался. «Полагаю, — заключал Горбовский, — значение этой информации Вам понятно». [19]

Леонид Андреевич, как всегда, переоценил людей!

«Записка Горбовского» вызвала поток самых нелепых толкований. Утверждалось, в частности:

1. Прогрессоры, действующие на отсталых планетах, самим фактом своего существования способствуют «выравниванию разницы обобщенных потенциалов между цивилизациями», что проявляется как ускорение прогресса «там» и замедление его «здесь». (Красивая модель, вполне пригодная для фантастической повести: бедные прогрессоры выступают в ней в роли квантов-переносчиков некоего «социального взаимодействия».)

2. Земля находится под ударом разведывательных служб Алайской Империи, республики Хонти и едва ли не Министерства охраны Святого Ордена. (Совершенно не понимаю, почему из этого должно следовать снижение «индекса развития». По моему, наоборот.)

3. Странники ведут на Земле не прогрессорскую, а регрессорскую деятельность, дабы подавить развитие цивилизации-конкурента. (Ну, деятельностью Странников, равно как и промыслом Господним, можно объяснить все что угодно.)

4. Регрессорская деятельность действительно ведется, но не Странниками, а люденами — однако с той же «благородной» целью.

5. Мы столкнулись с первой фазой конфликта между Землей и Тагорой... (Странники и людены, а также «подкидьши» порождены информационной агрессией тагорян.)

Вся эта галиматья могла бы привести к серьезным дипломатическим осложнениям и создать перед Мировым Советом немалые проблемы, если бы не была «бурей в стакане воды». В отличие от «Дела Сикорски», «Большого Откровения», «Р-фобии» и «Алайской резни», «Записка Горбовского» не вызвала большого общественного резонанса.

Само по себе это было тревожным «звонок», но в тот момент Совет, наконец, вздохнул с облегчением.

Адекватную реакцию «Записка Горбовского» вызвала тогда только у моего Учителя — Лады Львовны Бромберг.

Надо сказать, что Лада Львовна считала своего знаменитого прадеда лучшим историком столетия. Но одновременно она возлагала на него ответственность — даже не за смерть Льва Абалкина, а скорее за «Дело Сикорски» и последующие события в целом. Эту вину, возведя ее, видимо, в ранг Судьбы, она возложила после смерти Айзеса Бромберга на себя. Как

следствие, Лада Львовна в противоположность прадеду никогда не публиковала свои исследования, предпочитая кратко сообщать выводы ученикам и коллегам по Школе.

Тогда, 18 марта 2234 года, Лада Львовна принесла нам мнемокристалл с «Запиской Горбовского». После обсуждения, в ходе которого нами, четырнадцатилетними школьниками, были предложены все пять приведенных выше гипотез (что, по-моему, однозначно характеризует их уровень), она сказала:

— А по-моему, это свидетельствует лишь о том, что характер исторического развития Земли между XX и XXII столетиями был уникальным, и что сейчас эта уникальность по каким-то причинам утеряна. По каким-то внутренним причинам...

Предлагаемое Вашему вниманию Настоящее Собрание — одна из наиболее удачных попыток рассказать галактическому человечеству об уникальности пройденного им пути. И о той цене, которой оно оплатит **добровольный отказ** от этой уникальности.

В настоящем издании произведения впервые выстроены в хронологическом порядке. Первый том включает в себя тексты, посвященные концу XX — началу XXI столетия. Второй открывается 2119 г. и заканчивается «парадным портретом XXII столетия». Третий и четвертый повествуют о событиях середины века, в частности о катастрофе на Радуге. Последний том завершается рассказом о «деле Сикорски» и историей «Большого Откровения».

2

Концепция «вероятностной истории» оперирует понятием критических точек, представляющих собой зоны энергетического и/или информационного обмена между различными вариантами динамики социума [20]. Несколько упрощая, можно сказать, что в критических точках «расстояние» между различными линиями развития минимально и «теневые», вероятностные миры оказывают наибольшее воздействие на Реальность. Общество, достигшее критической точки, обречено на **выбор** между Отражением: воспринимаемым и вероятным.

Как правило, критические точки можно ассоциировать с некоторым событием или совокупностью событий.

Тексты Настоящего Собрания от начала и до конца посвящены проблеме исторического выбора, который совершенно правильно рассматривается авторами как прежде всего выбор **личный**.

Цикл открывается повествованием о разведке Венеры, успешно проведенной в августе-сентябре 1991 г. фотонным планетолетом

«Хиус». Тема может показаться несколько странной и, во всяком случае, не претендующей на глобальную значимость. Действительно, речь идет вроде бы о решении чисто технической проблемы.

Вторая половина XX столетия ознаменовалась исключительно быстрым развитием конструктивных технологий, двигательных и энергетических систем. Следствием стал прогресс космонавтики, значение которого трудно оценить вне контекста того времени.

Завершение Второй Мировой войны и оформление Европейского Союза (Берлинский договор 20 января 1943 г.) и Атлантического Пакта (Лондонский договор 1 сентября 1943 г.) определили характер международных отношений на несколько десятилетий.

Хотелось бы подчеркнуть, что противоречия между этими политическими блоками — идеологические, политические, религиозные, философские — носили весьма серьезный характер. Они были источником конфликта, более глубокого, чем, например, конфликт между республикой Хонти и Страной Отцов на Саракш. Как известно, последний в течение пятнадцати лет привел к разрушительной войне с использованием ядерного оружия.

Вооруженные силы Европейского Союза и Атлантического Пакта были разделены океанами. После Либравильского договора 1947 г., подтвердившего демилитаризованный статус СССР, Великобритании и Исландии, возможности для чисто военных столкновений оказались сведены к минимуму. Обе стороны без большого воодушевления кропали проекты межконтинентального бомбардировщика [21].

19 ноября 1949 г. Вернер фон Браун, Ханна Райх и Алексей Гринчик придали борьбе между государственными структурами новое — космическое — измерение. Уже через год Атлантический Пакт ответил на успех Европейского Союза первой лунной ракетой.

Определенную пикапность ситуации придавало то, что ракета была полуавтоматической: пилот катапультировался после набора высоты в 100 метров и вертикальной скорости в 22 м/сек. Дальнейшие операции система выполняла без присутствия человека. Тем самым США сделали явную заявку на создание ракеты-носителя ядерного оружия. Несколько снимала остроту проблемы низкая точность (порядка сотен миль).

Космическая гонка резко ускорилась. В июне 1951 г. посадку на Луну совершила экспедиция Эрика Хартмана. Американцы отвечают на это созданием постоянно действующей лунной базы (1953 — 1956 гг.). Затем наступает пауза, вызванная исчерпанием технических возможностей атомно-жидкостных ракет.

К середине пятидесятых годов приходит понимание сакрального значения космической гонки. Решается вопрос: какая из

социальных систем — либеральная, «Атлантическая» или еврокоммунистическая — способна найти более адекватный ответ на вызов, который бросают человечеству Звезды.

В 1959 г. США достигли громкого, хотя и эфемерного успеха. Девятнадцатилетняя студентка Массачусетского Технологического Института Линда Нортон на специально оборудованной жидкостной ракете совершила высадку на Марс. Это выдающееся спортивное достижение выдавалось за триумф американской науки, хотя Нортон, решившаяся на полет при 10% гарантии успеха, действовала скорее в духе европейской, нежели атлантической парадигмы познания. Не приходится удивляться тому, что в 1963 г. девушка переезжает в Чехословакию, где вскоре погибает при одной из первых попыток высадиться на Венере. «...наблюдатели зафиксировали тусклую вспышку на том месте, куда погрузился планетолет» («Страна Багровых Туч»).

1961 год ознаменован созданием атомно-импульсной ракеты, пригодной для экономического освоения «малой системы», пояса астероидов, спутников Юпитера. За чрезвычайно короткий срок создаются обсерватории на Луне и Церере, исследовательские базы на Марсе, Каллисто, Амальтее. Начинается изучение системы Сатурна. Именно в эти годы, которые современники называли «золотыми шестидесятыми», «индекс развития» достиг своего рекордного значения. «Славное, славное время — расцвет импульсных атомных ракет, время, выдвинувшее таких, как Краюхин, Привалов, Соколовский...» («Страна Багровых Туч»).

Баланс на середину шестидесятых годов давал определенное преимущество США и Атлантическому Пакту. Прежде всего атлантисты опережали своих противников по уровню жизни. Затем, подвиг Л. Нортон дал им приоритет в исследовании значимых планет Солнечной Системы. Что же касается атомно-импульсных ракет, то уже через три года после полета «России» Н. Соколовского корабли этого типа были в распоряжении всех технически развитых государств того времени, до Новой Зеландии включительно [22].

Попутно заметим, что первая же военная тревога эпохи импульсных ракет — Карибский кризис 1962 г. — убедительно продемонстрировала, что военные методы решения споров между сверхдержавами окончательно отошли в прошлое. Земля оказалась слишком маленькой планетой для базирующихся в астероидном поясе крейсеров типа «Фельдмаршал Роммель» с ядерным оружием на борту.

С этого момента противостояние военных блоков окончательно приняло экономический и научно-технический характер. Прежде всего это позволило человечеству вздохнуть свободно,

так как с конца шестидесятых годов вероятность ядерной войны упала ниже «предела тревоги», воспринимаемого сознанием [23].

Сотрудничество — в океане, на суше и в Космосе — оставалось, однако, формой соперничества. Цивилизации еще предстоял выбор.

Венере поначалу никто не придавал серьезного значения — еще одна планета в общем ряду. Даже первые неудачи были восприняты довольно спокойно.

Положение стало меняться после первого штурма, когда выяснилось, что провалившаяся попытка овладеть Венерой обошлась во столько же человеческих жизней, сколько потребовало полное освоение остальной «малой системы».

Дальнейшие неудачи (уже после открытия Урановой Голконды) мало-помалу превратили Венеру в некий аналог Вердена, Сталинграда или Рейкьявика. Речь шла даже не об актинидях: Венера персонифицировала в себе Вызов, брошенный человечеству.

«Пражская весна», ознаменовавшая кризис Европейского Союза и крушение Берлинского Договора, вызвала на Западе преувеличенные надежды, которые не смогли сразу перечеркнуть даже события в Алжире и в Париже.

(«Пражская весна» — общепринятое в XX столетии обозначение событий мая 1968 года в Чехословакии. Фактически под флагом либерализации политической жизни Чехия инициировала начало развала Европейского Союза. В том же жарком мае 1968 года резко обострился конфликт между Францией и Алжирскими сепаратистами. Бои в Алжире откликнулись студенческими беспорядками в Сорбонне.)

Семидесятые годы вошли в историю как безвременье, как эпоха, когда прежние социальные структуры были уже разрушены, а новые — еще не созданы. Именно в этот период (1973 г.) был принят «Закон о свободе информации», заложивший основы нового миропорядка.

«Закон о свободе информации» не только резко повысил скорость научно-технического развития в социалистических странах, но и позволил решить гораздо более важную задачу — создание антитоталитарных механизмов в социальных системах, тяготеющих к диктатуре [24]. (Подробное это принципиальный вопрос будет рассмотрен в связи с описанием событий 2011 г. на Дионе и вызванного ими кризиса.)

Создание этих механизмов вызвало цепную реакцию разоблачений, прокатившихся по всем странам бывшего Европейского Союза. Политические деятели неодобрительно и даже несколько презрительно называли это «коллективным прозрением». Элементы общественной истерии (подобные тем,

которые в наше сравнительно благополучное время породили ту же «Р-фобию» действительно были налицо.

Сильнее всего разоблачения ударили по Германии. С 1972 г. эта страна, уже в конце пятидесятых вступившая в полосу глубокого экономического спада, утратившая цивилизационный приоритет и испытывавшая сильнейшее дипломатическое унижение в связи с отказом Советского Союза участвовать в оккупации Чехословакии и насильственном возобновлении Берлинского договора, перестает восприниматься как реальная политическая сила. Поток публикаций о преступлениях нацистской военщины навсегда сделал слово «фашист» ругательством.

(Замстим, что аналогичная волна, следовавшая за XX съездом Коммунистической партии Советского Союза, не вызвала столь мощного резонанса. Связано это, несомненно, с гуманизацией общественного сознания за время, прошедшее между 1944 и 1973 гг.)

1973 год заканчивается совместным заявлением СССР и Китая о создании Евразийского Коммунистического Союза (ЕАКС). Прогерманский Европейский Союз (включал в себя Германию, Италию, Румынию, Финляндию, причем последняя была с 1975 г. ассоциированным членом ЕАКС) влачил жалкое существование до середины 1976 г., после чего окончательно развалился.

Попытки ряда американских политиков воспользоваться «кровавым хаосом в Европе» для решения в свою пользу векового конфликта были сорваны твердой позицией официального Лондона. Имя перед глазами негативный опыт Германии, США не рискнули поддержать силой свои притязания на «особую роль» в Атлантическом Пакте [25]. Соревнование вернулось на привычные уже экономические и научно-технические рельсы.

В 1977 г. почти одновременно появляются два документа, официально декларирующие новые цели ЕАКС и Атлантического Пакта. Человечеству предстояло выбирать между «обществом потребления» и «обществом познания»: между капитализмом как обществом мелких частных собственников, отношения между которыми регулируются «рынком» — гомеостатическим механизмом, связывающим сферы производства и потребления продукции, и коммунизмом как обществом свободных людей, работающих на общее благо в силу внутренней потребности.

Теория исторических последовательностей рассматривала выбор «коммунистического пути развития» как нечто само собой разумеющееся. (Заметим, что от этого взгляда не вполне свободны и авторы Настоящего Собрания — см., например, повесть «Стажеры».) В рамках концепции вероятностной истории этот выбор, скажем так, неочевиден.

Все эти более или менее громкие политические события (самым известным из которых стало оформление Союза Советских Коммунистических Республик) происходили на фоне продолжающихся неудачных попыток освоения Венеры. «Погиб Соколовский, вице-президент Международного конгресса космогаторов. Ослепшим калеккой вернулся в Нагоя бесстрашный Нисидзима. Пропал без вести лучший пилот Китая Ши Фэнь-ю» («Страна Багровых Туч»).

Этому времени принадлежит знаменитая фраза Н. Краюхина: «Фотонная ракета — покоренная Вселенная».

Роль Н. З. Краюхина в событиях конца восьмидесятых — начала девяностых годов настолько велика, что иногда даже проводятся аналогии (на мой взгляд, во всех отношениях безосновательные) между ним и Рудольфом Сикорски, известным на Саракше как Странник.

Краюхин сумел найти и отстоять правильные решения в двух критических случаях: 21 декабря 1989 г. на специальном совещании ГКМПС, созванном в связи с гибелью Ашота Петросяна и первого «Хиуса», и 5 марта 1991 г., когда обсуждался вопрос о задачах, которые надлежит поставить перед вторым «Хиусом».

В обоих случаях Краюхин был не просто в меньшинстве — в одиночестве. В обоих случаях он сумел настоять на своем. (Б. Такман, известный американский историк и публицист того времени, написала: «Судьбе было угодно, чтобы он обладал сильным характером, а его противники — нет». Краюхин, ортодоксальный русский коммунист XX столетия — нам еще предстоит осмыслить это понятие, — наверное, не верил в Судьбу.)

Никто никогда не расскажет, почему после катастрофы первого корабля он решился — по тем же чертежам и спецификациям — строить новый, отклонив даже самую возможность реализации «десятилетней программы натурных исследований фотонного привода», предложенной Приваловым. Почему он решился — в первом же рейсе! — бросить «Хиус» именно на недостижимую Венеру, то есть дать кораблю и экипажу самое сложное из всех мыслимых заданий. (Так называемые «Воспоминания» Н. З. Краюхина [26] написаны, по-видимому, обширным авторским коллективом и представляют собой изложение официальной точки зрения ГКМПС на события семидесятых — девяностых годов.)

Во всяком случае, «Хиус» оказался «в пущее время в пущем месте». Героическая, без всяких натяжек, разведка выявила силу характера советских людей. Великолепные летные данные «Хиуса» продемонстрировали неоспоримое научно-техническое лидерство СССР. Создание в 1993 г. города и центра добычи актинидов на берегах Урановой Голконды закрепили достигнутый успех.

Резонанс, прежде всего психологический, был огромен. В течение следующих пяти лет к Союзу присоединяются Югославия, нейтральная с 1972 г. Франция, наконец — Великобритания, старейший член Атлантического Пакта.

Это время воспитания «поколения победителей», которых с детства учили тому, что неразрешимых задач не бывает. Время первой волны экспансии. Время, когда вне Земли стали рождаться дети.

1999 г. отражен в Настоящем Собрании короткой повестью «Путь на Амальтею». Сама по себе повесть интересна лишь тем, что в ней рассказывается о молодости Ивана Жилина, фигуры, несомненно, загадочной и даже трагической.

3

Итак, к концу столетия коммунистический миропорядок («общество познания») практически сложился. Сделаем небольшую паузу и попытаемся осмыслить произошедшие события в рамках концепции «вероятностной истории».

Рассуждая о реалиях XX столетия, нужно всегда помнить, что многие привычные нам понятия имели в те годы совершенно другой смысл. И в наибольшей степени это относится к словам «коммунист», «коммунистический».

Режим, построенный в конце тридцатых годов в СССР, был, возможно, более жесток, нежели германский фашизм. Собственно, между этими структурами оказалось немало общего [27]. И для Германии, и для Советского Союза была характерна абсолютная централизация управления (принцип фюрерства, он же «демократический централизм» ранних коммунистов), плановая государственная экономика (что в условиях глобальной нехватки ресурсов означало отнюдь не «научное», как принято считать, а просто силовое управление хозяйством), сегрегация населения по случайным и, как правило, ненаблюдаемым признакам (национальному, классовому...), блокада информации, доходившая до создания искусственных информационных структур [28].

Эти режимы убивали людей. Как правило — ни в чем не виновных даже с точки зрения извращенной морали режимов.

Поддержание «порядка» и «прогресса» обеспечивалось системой концентрационных лагерей, армией и тайной полицией, пронизывающей все ячейки общества.

Интересно, однако, что общий психологический настрой в Германии и в СССР по всем прямым и косвенным данным был довольно высоким. Это полностью подтвердилось в ходе войны между ними.

Заметим здесь, что наибольшее неприятие у современных землян вызывают именно те социальные структуры, которые более

всего близки к советскому коммунизму тридцатых-сороковых годов XX века: Страна Отцов, Алайское Герцогство (ныне — Алайская Империя), Норгорд. Видимо, это зеркало нам не льстит.

Люди, описанные в первом томе Настоящего Собрания, по сути ближе к Умнику из «Обитаемого Острова» и даже к Гагу из «Парня из преисподней», чем к нашим современникам. Сомневаюсь, что нынешние земные гуманисты, одержимые «Р-фобией», заставили бы себя подать руку тому же Краюхину или Алексею Быкову. Собственно, Соколовский, Краюхин, Ермаков, Быков, Жилин и были прогрессорами — прогрессорами, у которых не было за спиной ласковой теплой Земли, Учителя и процедуры рекондиционирования.

Авторы превосходно передают стиль человеческих отношений в XX веке. Неприятие хоть сколько-нибудь не соответствующих системе людей (Маша Юрковская, в какой-то степени и сам Владимир Сергеевич). Умение навязать другим свою волю, заставить выполнить распоряжение, смысл которого непонятен (Краюхин, Ермаков, Быков). Жестокость. Авантюризм. Стойкость.

Может быть, нравственный подвиг этих людей заключался не в организации полета на Венеру или снабжения Амальтеи продовольствием в условиях, «приближенных к боевым», а в том, что, будучи по условиям образования и воспитания, по реалиям своей жизни и особенностям личности предельно нетолерантными, они смогли — из чисто рассудочных соображений — построить и защитить систему взаимоотношений, основанных на терпимости.

Они создали довольно странный мир, и, может быть, причина неудач нашей прогрессорской деятельности, по крайней мере на Гиганде, лежит в том, что мы сегодняшние (или вчерашние — из XXII столетия) не сумели понять важнейшей особенности структуры раннего коммунизма, связанной с механизмом его создания — как ответа на вызов Звезд.

Это был мир первопроходцев. Мир *фронтира*. Вероятно, только сочетание абсолютной свободы познания, экспансии, риска, характерных для психологии фронтира, с социалистическим жестко централизованным, предельно несвободным управлением позволило пройти по «лезвию бритвы» и создать, скажем прямо, не имеющий аналогов феномен — галактическое коммунистическое человечество, столетиями поддерживающее индекс развития больше двух.

Еще в шестидесятые годы XX века И. Ефремовым был сформулирован закон неубывания социальной энтропии, определяемой через меру не реализованной на общественное или личное благо, но затраченной работы [29]. По сути, закон этот постулировал неубывание меры страдания человека в замкнутом социуме [30].

Но мир романов из первого тома Настоящего Собрания был предельно незамкнут. Семантически, социально, энергетически. И начала социодинамики оказались к нему неприменимы.

Экспедиция «Хиуса» считалась удавшейся. В ней погибла треть экипажа, все остальные были ранены или больны. Десятки других экспедиций оканчивались гораздо хуже.

Развитие шло по Бисмарку: «железом и кровью». Ключевым в семантике познания было слово «риск».

Это приводило к весьма важным социальным результатам. В опытах с крысами, помещенными в исключительно благоприятную среду обитания, было доказано, что в любой популяции существует какой-то процент особей, **добровольно** стремящихся покинуть «Эдем». Биологи легко объяснили это эволюционным механизмом: при резком изменении среды «благополучная» часть популяции благополучно погибнет, изгои же дадут потомство. Социальным аналогом крыс-изгоев служат изредка встречающиеся люди, которым плохо в любой, самой что ни есть распрескрасной общественной системе. Их немного — 2–3% от численности населения, но активность их достаточно высока, чтобы привести к макроскопическим социальным эффектам. В условиях современного мира эти эффекты **могут быть** достаточно безобидными...

«Открытый мир» конца XX столетия давал этим людям возможность реализовать себя вне общества, но для общества. Космическая экспансия питалась их энергией, которая иначе осталась бы нереализованной, их кровью, их жизнями.

К 2011 г. («Стажеры») мир меняется, и меняются люди. Солнечная система освоена. «Хиус-Молния» ушел в Первую Звездную (2005 г., Владимир Ляхов [31]). Атлантический Пакт распущен, в Белом доме второй срок находится президент-коммунист. Общая гуманизация отношений приводит к совершенно новой формуле: «отныне никакие открытия не могут быть оплачены человеческой жизнью».

Пока это скорее формула, нежели реальность. Мир все еще развивается через риск. Однако с разных концов системы все чаще раздаются тревожные «звоночки», сигнализирующие о неблагополучии. В результате принимается (как установлено Ричардсоном и Двайтом — на очень высоком уровне [32]) решение о «Спецрейсе № 17».

«Стажеры» — блистательная вещь, великолепно передающая реалии эпохи! Точность воспроизведения деталей просто поразительна. Даже бар «Микки-Маус», который большинство читателей воспринимает как чисто антуражный элемент, реально существовал в Мирза-Чарле по крайней мере до тридцатых

годов. («Старина Джойс» состряпал на старости лет мемуары, которые микроскопическим тиражом вышли в Нью-Йорке в 2043 г. [33]). Материалы главы «Эйномия. Смерть-планетчики», основанные на апокрифической рукописи М. А. Крутикова [34], которую долгое время считали образцом псевдоисторической подделки, наполненной анахронизмами, недавно нашли себе весьма печальное подтверждение [35]. Впрочем, мне не хочется касаться здесь этой трагической истории.

«Стажеры», «Спелрейс № 17» 2011 г., интересны мне прежде всего описаниями событий на Дионе.

Наступает пауза в экспансии. Звезды еще недостижимы, Система уже перестала быть фронтиром. Романтику подвига сменила повседневная *плановая* деятельность. «...Дионе программу надо выплюнуть, а не гоняться за хитрыми разумом Мюллерами (...) нам здесь нужны молодые дисциплинированные ребята» («Стажеры»).

Организация жизни на Дионе типична для Внеземелья первой четверти XXI века. Маленькая обсерватория, порядка десяти человек, план, четкая, монотонная работа. Система социодинамически замкнута: во-первых, регулярного пассажирского сообщения с Дионой не существует, во-вторых, специалисты по планетологии Сатурна, кроме Дионы, нигде толком не нужны, в-третьих, отзыв директора обсерватории однозначно определяет дальнейшую судьбу специалиста.

Иными словами, в структурах типа Дионы воспроизводятся общественные отношения, основанные на единоличной власти.

Человеческое страдание, накапливаясь в ограниченном объеме замкнутых, тяготеющих к пирамидальным, системах, определяет поведение коллективного эгрегора. Когда этот эгрегор начинает «питаться» страданием (возбуждаются низшие, инфразвуковые частоты коллективного бессознательного), замыкается кольцо обратной связи и система быстро приходит в состояние, из которого без посторонней помощи выйти уже не может [36].

Для Генерального Инспектора В. С. Юрковского Диона — одна из многих «остановок в пути», далеко не самая важная. Обсерватория выполняет план, находится на хорошем счету... да не будь у Юрковского на Дионе личных научных интересов, «Тахмасиб» вообще миновал бы эту планету.

Интересно описано взаимодействие информационных полей Дионы и «Тахмасиба». Генеральный Инспектор, которому по должности положено искать во Внеземелье всякую мерзость, не обнаруживает в деятельности Шерпия ничего незаконного или неэтичного. Естественно: иносфера Дионы носит шварцшильдовский характер [37], то есть — описывается теми же уравнениями, что и классическая Черная дыра.

Разумеется, обитатели Обсерватории тоже не способны к конструктивному общению с Внешним миром. Единственная попытка завязать разговор (Крутиков — Базанов) кончается выводом, продиктованным эгрегором Дионы: «...Базанова надо вернуть на Землю без права работать на висземных станциях» («Стажеры»).

«Победу добра» на Дионе не назовешь закономерной. Случайно попадает на «Тахмасиб» и затем на станцию Юра Бородин. Случайно он оказывается более восприимчивым к слезам девушки, чем к шварцшильдовскому информационному полю Обсерватории. И то, что — стараниями Жилина — Быков и Юрковский все-таки выслушивают восемнадцатилетнего стажера, — тоже не более чем случайность.

Вряд ли лицо у Юрковского было «старое и жалкое». Скорее — испуганное. Юрковский с опозданием понял цену кажущемуся благополучию на Станциях Внесемелья. И может быть, Диона заставила его в последние дни жизни многое переоценить или поставить под сомнение. Тот же Марс. Ту же Эйномию. Или Кольцо-1.

Сейчас мы знаем, что процессы аналогичного типа шли во всех внесемельных поселениях [38].

« — Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут».

«Как это оказалось просто — вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки — три года, один честолобивый маньяк и один провинциальный интриган» («Стажеры»).

А возвращались люди из этих бесчисленных социальных «Кара-Богаз-Голов» на Землю, уродуя в меру сил и возможностей ее ноосферу.

История с Дионой имела продолжение.

Узнав о том, что Юрковский погиб, не успев встретиться с директором системы Сатурна Зайцевым, Шершень возвращает себе власть на станции. По-видимому, он не предполагал, что Генеральный Инспектор станет обсуждать события на Дионе по радио.

Дальнейшее развитие событий не могло не привести к столкновению с человеческими жертвами.

Насколько удалось установить по сохранившимся материалам, погибли все без исключения сотрудники Обсерватории.

4

Жилин участвовал в расследовании. Он был одним из тех, кто высадился на внезапно замолчавшую Диону. Возможно, именно он, наплевав на «Закон о свободе информации», убедил Быкова не только уничтожить сделанные там видеозаписи, но и сжечь фотонным выхлопом саму станцию.

До конца своих дней Жилин пытался понять, откуда берутся люди, подобные Шершню. Теория исторических последовательностей не подсказала ему, что в определенных условиях (услужливо воспроизводящихся то на одной, то на другой дальней станции) «Шершнем» мог стать любой человек, в том числе и сам Жилин.

После 2011 г. фокус исторических событий вновь смещается из Внеземелья на Землю. Распад Атлантического Пакта для многих миллионов американцев обозначил конец света. Вообще, диссипационные процессы благополучия в мир, как правило, не привносят...

Смена социальной структуры чревата тем, что определенный процент людей выбрасывается из общества. Они перестают быть *нужны*. Экономически развитое государство будет их содержать, даже обеспечит приемлемый «среднестатистический» уровень жизни, но это будет лишь благотворительностью.

Десятилетием-двумя раньше эти люди или, по крайней мере, наиболее пассионарная их часть могли влиться в очередную волну космической экспансии. Но ирония судьбы в том и заключалась, что распад капиталистической системы пришелся на период, когда Космос перестал быть фронтиром, и Мир (в известной степени) снова стал замкнутым.

Поллилась кровь.

Первая четверть XXI столетия — время путчей: «...Уголовники, озверелое от безделья офицерье, всякая сволочь из бывших разведок и контрразведок...» Время гангстерских войн: «Города захватывались бандами хулиганов, музеи горели как свечи...» Время, когда появился и встал во весь рост призрак Окраины.

На этом не слишком благополучном фоне разворачивается действие «Хищных вещей века», четвертой повести Настоящего Собрания. 2019 г. Испания.

В конце XX столетия рядом западных социологов была выдвинута концепция «постиндустриального общества» [39]: интересная попытка отыскать «третий путь» в вековом конфликте.

«Навязанное нам противоречие между „обществом познания“ и „обществом потребления“ существует только в воображении кабинетных теоретиков. В коммунистической Европе люди отнюдь не собираются умирать от голода ради космических рекордов. С другой стороны, тихий буржуазный Стэнфорд строит третий ускоритель заряженных частиц вовсе не с целью извлечь из вакуума очередную пригоршню долларов и не ради набора мифических „очков“ в сомнительной гонке за открытиями, заменившей военное противостояние.

Все мы — по обе стороны Атлантики — граждане индустриального мира. Мы носим одну и ту же стереосинтетику, живем в похожих квартирах, приобретаем одинаковые телевизоры, ужасаемся и восхищаемся одними и теми же новостями. Прежде всего мы — люди, а уже потом — капиталисты, коммунисты, фашисты.

Мы должны наконец понять, что *общество познания* и есть *общество потребления*. Или, точнее говоря, общество познания создает общество потребления. (Две трети изготавливаемого в мире мезовещества применяется сейчас в бытовой технике. Мезопокрытия наносятся на внутреннюю поверхность термосов, используется в кастрюлях-скороварках, при изготовлении кинескопов, проекционных цветомузыкальных систем, модной одежды, значков. Приходится согласиться с тем, что без фотошной ракеты и созданных ради нее технологий мира потребления были бы существенно беднее.)

То, что верно для индустриального общества, вдвойне верно для постиндустриального, когда развитие науки и технологии окончательно снимет противоречие между потребностями и возможностями, и важнейшей задачей *познания* станет изобретение все новых и новых *потребностей*. [40].

Ко времени действия «Хищных вещей века» постиндустриализм выродился в «философию неооптимизма», с одним из создателей которой — доктором Опиром — Жилин имел удовольствие беседовать («Хищные вещи века»).

Вечно нейтральная Испания продвинулась на пути создания общества потребления значительно дальше, чем постоянно озабоченные борьбой за лидерство Соединенные Штаты. После мятежа Зуна Паданы и принудительного разоружения уровень жизни в Испании (и раньше достаточно высокий) возрос в несколько раз. По сути, эта страна — первая и единственная — вступила в конце десятичных годов в постиндустриальную стадию.

В этот период Испания устойчиво держит первое место в мире по развитию «индустрии развлечений» [41]. В повести описана лишь малая толика законных, полузаконных и совсем незаконных удовольствий, которые предоставляла отдыхающим курортная Барселона на рубеже десятичных — двадцатых годов.

Жилин, скорее инстинктивно, воспринимает этот благополучный и мирный город как угрозу коммунистической Ойкумене. Угрозу эту он пытается найти в «рыбарах», «мещанатах», наконец, в психоволновой технике. Дрожка, позднее слег — выдающиеся достижения человечества на пути создания «альтернативной реальности».

(Термин этот появляется в конце XX столетия в фантастическом романе Мела Гибсона. Описывается будущее, в котором

удалось создать дешевые вычислительные системы с большим быстродействием. Появившись в «обществе потребления», такие системы совершили переворот не в науке или технике, а прежде всего — в индустрии игр. ЭВМ становится важнейшим элементом досуга. Игры усложняются, информация о событиях передается уже не на телеэкран, а непосредственно в глаза, затем — прямо в зрительный центр. Постепенно добавляются запахи, тактильные ощущения... играющий оказывается полностью изолированным от реальности: он живет в искусственном «альтернативном» или «виртуальном» мире [42].)

Легко понять, что слег собственно и представлял собой гибсоновский «генератор вторичной реальности», правда, биохимический, а не электронный.

Жилин никогда не рассказывал, что именно он пережил под действием слега. Вообще, описаний «погружения» удивительно мало, и все они производят впечатление выдуманных [43].

Строго говоря, слег не нарушал никаких законов. Скорее, он был полезен, предлагая изгоем новую «внутреннюю» эмиграцию. (Все лучше, нежели путчи или окраинные войны.)

Что-то очень испугало (или слишком обрадовало?) Ивана Жилина в его индивидуальной «альтернативной реальности». Испугало настолько, что он сумел добиться полного прекращения всех исследований по волновым психотехнологиям. Как оказалось, навсегда.

Между 2019 и 2022 г. человечество сделало выбор.

Экспансия вовне — вместо внутренней экспансии.

Это был окончательный приговор «обществу потребления».

Принимаются долгосрочные программы ООН. Образовательная (она же «Австралийская») — 2021 г. «Конкретно я предлагаю программу воспитания человеческого мировоззрения в этой стране», — говорит Жилин. И Объединительная — 2022 г. Тремя годами позже ООН преобразовывается в Мировой Совет, что можно считать подведением окончательных итогов векового конфликта.

За этими глобальными событиями почти незамеченной прошла оккупация Испании международными полицейскими силами (2023 г.).

5

С уничтожением «Барселонского гнойника» существенных изменений к лучшему в мире не произошло. В последующие десятилетия росла статистика самоубийств и немотивированных преступлений, резко участились психические заболевания [44]. Географически указанные «негативные явления» тяготели к Америке, больше — к Южной, однако наблюдались они и в Москве.

Во Внеземелье до опасных значений возросла текучесть кадров [45]. Все искусство того времени пронизано ощущением скрытого неблагополучия.

Две катастрофы в Пространстве («Ибис», 2014 г., «Таймыр», 2017 г.) существенно затормозили осуществление звездной программы. (Краюхин умер, а его преемники не обладали его убежденностью и фанатическим упорством.)

В 2028 г. была опубликована интересная статья молодого ленинградского психолога Н. Ильина, в которой впервые был поставлен вопрос о значении фактора риска в коммунистическом строительстве [46]. Статья прозрачно намекала на то, что оккупация Испании и разрушение ее постиндустриальной гедонистической культуры привели к созданию замкнутой моноцивилизации, об опасности которой предупреждал еще И. Ефремов [47]. Ставилась проблема «сужения пространства выбора» и вызванного этим упрощения внутреннего мира жителя коммунистической Ойкумены.

Статья Н. Ильина вызвала весьма негативную реакцию практически во всех кругах, имеющих хоть какое-то отношение к власти. Это, однако, не помешало автору стать членом Мирового Совета и оставаться им рекордно долгий для XXI столетия срок [48].

Социальная «температура» продолжала увеличиваться. С середины двадцатых годов это стало проявляться в учащении локальных вооруженных столкновений на периферии цивилизованного мира. (Кувейт, 2024 г., Афганистан, 2027 г., Иран, 2028 г., Таиланд, 2028 г., Нигерия, 2029 г...). В печати открыто заговорили о новом вековом конфликте — между Окраиной и Ойкуменой.

В условиях разоружения пропасть между военными возможностями космической сверхцивилизации (по энергопотреблению Ойкумена уже превзошла «критерий Шкловского» [49]) и отсталых полуфеодальных государственных образований почти не ощущалась. Окраина кипела войнами. Все чаще вооруженное насилие перехлестывало зыбкие границы, устанавливая в городах коммунистического мира кровавый хаос.

Для полноты картины именно в эти годы «загрязнение окружающей среды», о котором предупреждали еще в эпоху атомно-импульсных ракет, стало грозной реальностью. Рак, десятки форм иммунодефицитов, всевозможные аллергии... Более всего это походило на трагедию Надежды (см. пятый том Настоящего Собрания). Там нарастание кризиса заняло 65 лет, после чего вспыхнула пандемия, завершившаяся вмешательством Странников. Теория исторических последовательностей, равно как и вероятностная модель, рассматривают такой исход как допустимый [50].

Именно здесь таится, пожалуй, главная загадка земной истории. В Настоящем Собрании авторы слегка касаются ее в

рассказе «Шесть спичек», где речь идет о Центральном Институте мозга. Этот Институт был создан в двадцатые годы (прежде всего в связи с эпидемическим характером распространения шизофрении в то время). В 2074 г. Институт ликвидируют, используя в качестве повода несчастный случай, описанный в рассказе. После этого года найти какие-либо упоминания о Комлеве, Лемане, Гордиевском не удастся, хотя вплоть до середины следующего века под разными фамилиями публикуются научные работы с их характерными семантическими спектрами [51]. Любопытно, что ни одна из этих статей не касается психодинамического поля мозга.

Попытки объяснить благополучный выход Земли из кризиса двадцатых годов наличием гипноизлучателей, установленных на Луне всемогущими Страшниками «еще в мезозойскую эру», предпринимались издавна и, на мой взгляд, не представляют интереса. Мы достаточно давно занимаемся прогрессорской деятельностью, чтобы не чувствовать, по крайней мере интуитивно, «предел вмешательства». Опыт Саракша, Гиганды, Авроры показывает, сколь большой инертностью обладает всякая цивилизация. Так что своими достижениями мы все-таки обязаны себе...

Институт мозга работал с 2022 по 2074 г.

Сеть самодвижущихся дорог (решившая среди прочих и экологическую проблему) создавалась с 2034 по 2073 г.

Проект этот от начала и до конца курировали — в Мировом Совете — Н. Ильин, от Международной безопасности — И. Жилин. Одним из научных консультантов строительства был Андрей Андреевич Комлев из Центрального Института мозга. Никто из перечисленных лиц не оставил воспоминаний.

График, показывающий изменение «социальной температуры», находится в противофазе с графиком, характеризующим развитие сети самодвижущихся дорог, что, разумеется, ничего не доказывает.

Никакой «загадки Комлева», равно как и «нейтринной акупунктуры», в природе не существует и никогда не существовало. Это может подтвердить любой, имеющий хотя бы минимальное представление о реальных работах по психодинамическому полю мозга, выполненных *на Саракше*.

И последнее: экипаж «Таймыра», вернувшийся на Землю через сто два года после старта, *не испытал футурошока*.

6

Произведения Настоящего Собрания лишь слегка касаются «периода реконструкции» (2052—2103 гг.). Странное, ни на что не похожес время! Когда в обществе лавинообразно пошли

процессы с убыванием энтропии, запрещенные классической социодинамикой. Когда сеть самодвижущихся дорог связала в единую систему Ойкумену и Окраину, и само понятие Окраины исчезло сначала из практической политики, а затем и из языка. Когда спокойно и ненавязчиво свершился переход от плановой к гомеостатической модели экономики [52], в результате чего призрак голода навсегда оставил Планету.

Постепенно были решены экологические проблемы. Снова начала расти средняя продолжительность жизни. Если первая половина XXI столетия наполнена ощущением приближающейся катастрофы, то искусство второй половины века пронизано скорее предчувствием рассвета.

Как будто тяжело больной, многие месяцы проведенный в постели человек встал, открыл окно, полной грудью вдохнул прозрачный ноябрьский воздух и понял, что он выздоровел.

Несмотря на теоретическое обоснование Д-принципа, человечество конца XXI века оставалось цивилизацией, существующей в рамках одной планетной системы. Немногочисленные звездные экспедиции «периода реконструкции» использовали исключительно фотонный привод. В это время небольшой серией были построены исполнинские релятивистские «прямоточпики» типа «Луч». Удивительно красивые, невероятно дорогие и, как оказалось, совершенно бесполезные корабли. Солнечная система была для них мала, а межзвездные полеты отнимали годы и десятилетия.

В произведениях Настоящего Соборания упоминается три более или менее осмысленные попытки использовать «прямоточники» для исследования ближайших к Солнцу звездных систем (А. Быков, Л. Горбовский, В. Петров).

Это были мучительные полеты. Условия обитаемости и уровень риска на фотонных «прямоточниках» приблизительно соответствовали германским подводным лодкам Второй Мировой войны.

На «Муромце» в полете погибла половина команды, да и вернувшиеся прожили недолго. «Луч», головной корабль серии, исчез в Пространстве вместе с экипажем из восьми человек. (Очень не хочется верить в его гибель, тем более что история «Таймыра» приучила нас к чудесам. «Безумцам сопутствует удача...» Может быть, на одной из Внешних станций наблюдателям еще предстоит увидеть характерный гиперболический силуэт релятивистского «прямоточника» «Луч». Завтра. Или через сто лет. Или через пятьсот.)

От теоретического открытия Д-принципа до первого Д-звездолета прошло почти полвека. Проблемой была сверхсветовая навигация. (Это ведь просто счастливый случай — то, что Кондратьеву удалось пройти через «эфирные мосты» и вернуть «Таймыр» на Землю.) Среднеквадратичная ошибка при прыжке

оценивалась в восьмидесятые годы в один с четвертью парсека. Это считалось приемлемым. На практике из беспилотных кораблей не удалось отыскать ни одного. Пилотируемые обычно возвращались. Делая по десятку прыжков, каждый из которых был игрой в рулетку со смертью.

Ситуация резко изменилась на рубеже веков, когда Л. Кохида из Барселоны опубликовал короткую, всего на пять страниц, работу, содержащую основы «обобщенной логики» [53]. Буквально через неделю молодой свердловский математик К. Тенин подробно рассмотрел «имеющий прикладное значение частный случай обобщенной логики, который мы назовем Д-логикой» [54]. А уже в следующем году штурманские факультеты Школ космогании перешли на преподавание Д-математики, а в производство была запущена первая крупная серия сигма-Д-кораблей. Период реконструкции закончился. Человечество вступило в новую фазу — галактическую.

Это выглядело как прорыв фронта. «В бой с мелкими гарнизонами не вступать, как можно быстрее двигаться вперед!» Лавина открытий. Почти мгновенный переход от вынужденной полувековой замкнутости к новой волне экспансии. Апофеозом стало создание в 2114 г. Группы Свободного Поиска.

ГСП подарило звезды *всем*. И «никто не ушел обиженным».

7

Историю XXII столетия я подразделяю на следующие этапы:
1. Экспансия — 2100—2134 гг.

Время расцвета. Осуществление глобальных проектов. Терроформирование Венеры. «Большая шахта». «Великий КРИ!». «Великос кодирование». Контакты с Тагорой, Леонидой, рядом иных миров. Зарождение галактической дипломатии.

Реальная власть принадлежит Мировому Совету.

Цивилизационный приоритет — в надежных руках КОМ-КОНа-1.

В произведениях Настоящего Собрания это время названо «Полдень, XXII век». Как когда-то над Викторианской Англией, над Галактической Империей человечества не заходило Солнце.

2. Военная тревога — 2135—2142 гг.

Первый кризис столетия, по сути — первый серьезный кризис с легендарного уже времени войн с Окраиной.

Все началось с эксперимента «Зеркало». Несмотря на Закон и вполне сформировавшуюся традицию «открытого общества», все материалы по «Зеркалу» были засекречены.

«Зеркало» было кодовым названием маневров по отражению возможной инопланетной агрессии. (В рассматриваемых произ-

ведениях говорится о Странниках, но речь идет, разумеется, не об абсурдной идее борьбы со сверхцивилизацией. Предполагается, что экономические и технические возможности условного противника соответствуют земным.)

Материалы по стратегическому разворачиванию «Зеркала» закрыты до сих пор. Насколько мне удалось установить, маневры вскрыли полную небоеспособность Земли. Организационную, военную и прежде всего — психологическую. Из тех, кто прошел «полное погружение», только Евгений Славин с «Таймыра» и Камилл не покоичили с собой. Камилл с Радуги.

Ответом Совета на катастрофический провал «Зеркала» было создание Комиссии по Контролю — КОМКОНа-2. Вновь созданная организация не имела четко заданных полномочий и нормально функционирующей структуры, когда началась «история с подкидывающими» (см. предисловие к пятому тому Настоящего Собрания). История эта и сама по себе довольно неприятная — поскольку мифические Странники внезапно обрели плоть и кровь: плоть и кровь тринадцати человек — привела к серьезным проблемам в отношениях с Тагорой и к дипломатической изоляции коммунистической Земли. В довершение ко всем неприятностям Вадим Дубровин и Антон Саенко открывают в 2141 г. Саулу, цивилизация которой развивается в условиях постоянного макроскопического воздействия со стороны Странников.

Во всяком случае, работы КОМКОНу-2 хватило. Сейчас трудно понять, то ли витающее в облаках предчувствие Иных (как материализации стандартного социального страха) «сконструировало» КОМКОН, а следом за ним — и Странников: по принципу «чего боишься, то и случится», то ли реальный идиотизм галактической дипломатии создал организацию для обуздания самого себя. Во всяком случае, демоны обрели Имена.

3. Ремиссия — 2143—2155 гг.

«Военная тревога» вошла в историю как период безвластия и утраты строгих цивилизационных ориентиров. Тем не менее, инерции, накопленной в предшествующие годы, оказалось достаточно, чтобы кризис был, по крайней мере внешне, преодолен.

В эпоху ремиссии складывается институт прогрессорства. Разумеется, тогда никто не знал этого слова. В Совете только-только начала разворачиваться дискуссия о принципах взаимоотношения Земли «с цивилизациями, находящимися на докоммунистических ветвях исторической последовательности» [55]. Еще действовал (едва ли не законодательно) «принцип абсолютного невмешательства».

Но люди Земли уже активно работали на феодальных и раннекапиталистических планетах. Самим фактом своего суще-

ствования *там* они вносили возмущения в местную инфосферу и *модифицировали вероятности* исторических событий [56].

Что бы ни говорилось в правилах и наставлениях, человек Земли, столкнувшись с коллективным бессознательным отсталых миров, был *обречен* на прогрессорскую деятельность. Совету пришлось с этим согласиться, тем более что создание института прогрессорства позволяло решать вполне земные проблемы.

Прежде всего прогрессорство давало человечеству неоценимую (и, к сожалению, так толком и не использованную) информацию о себе самом.

Прогрессорство было формой реализации одного из главных комплексов человечества. Ласковая коммунистическая Земля несла кайнову печать собственной кровавой истории. На чужие планеты прогрессоров-землян привел едва ли не Закон кармы. Мы хотели помочь другим прежде всего потому, что не сумели когда-то помочь себе.

Далее, прогрессорство сублимировало не востребуемую на Земле энергию тех, для кого и ГСП казалась «слишком пресной». Статистические показатели социально-негативных явлений в период ремиссии падают, хотя и остаются на более высоких значениях, чем в эпоху экспансии.

Наконец, прогрессоры были бойцами. Они умели убивать врагов. Они могли защитить Землю.

4. Кризис — 2156—2162 гг.

Ремиссию я назвал бы временем мнимого благополучия. Никаких принципиальных изменений в структуру общества, в механизмы управления им внесено не было. Противоречия между галактическим бытием человечества и политическими институтами, созданными еще в эпоху фотонных ракет, продолжали нарастать. К середине века Мировой Совет уже не функционировал в реальном времени: принимаемые им решения запаздывали почти всегда.

2156 год ознаменован двумя катастрофами.

Вышел из-под контроля очередной физический эксперимент на Радуге, планете нуль-физиков. Несколько сотен человек были вынуждены принимать решения перед лицом внезапной и неотвратимой смерти.

«Далекая Радуга» спокойно, даже сухогато, излагает подробности.

«Игры кончились, мальчики и девочки, перед вами жизнь, какой она бывает иногда, к счастью, редко», — говорит Л. Горбовский школьникам-старшеклассникам, которые *обречены* спасти ценой жизни родителей, воспитателей, старших друзей. (Настоящее Собрание, т. 3.)

Глобальная катастрофа была *отменена*, притом *неправдоподобно отменена*, в последний момент. В конечном итоге на Радуге погибло только 46 человек. Из них двадцать пять детей в аэробусе, попавшем под Волну. Еще восемнадцать человек по разным причинам покончили с собой уже после событий [57].

Живущие на Радуге выдержали испытание.

Но человечество в целом не выдержало его. С конца пятидесятих годов в общественном сознании диагностируется «синдром Радуги».

Как и положено при структурных кризисах, неблагоприятные события в этот период сгущаются. В том же 2156 г. резня в Арканарском королевстве ставит под сомнение концепцию прогрессорства и приводит к появлению в обществе «Р-фобии». Годом позже Максим Каммерер из ГСП разрушает систему излучателей в Стране Отцов и тем сдвигает политическое равновесие на Саракше. Ресурсы КОМКОНа-2 и Совета Галактической Безопасности, далеко не безграничные, почти целиком поглощаются в этот период Саракшем.

Параллельно идет операция «Ковчег» — первое (и последнее) глобальное вмешательство землян в дела других цивилизаций. Проект этот с первого и до последнего дня преследовали неудачи, вроде бы случайные. Довести проект до сравнительно благополучного конца удалось напряжением едва ли не всех сил и возможностей Земли.

В 2161 г. человечество вновь столкнулось с деятельностью Странников (см. предисловие к четвертому тому Настоящего Собрания). Контакт на Ковчеге — едва ли не самое многообещающее событие десятилетия, может быть, последний шанс переломить тенденцию к отступлению — кончается провалом.

Неустойчивое равновесие нарушается. В 2162 г. запрещен Свободный Поиск. (Формально под этим названием до 2195 г. функционировало одно из подразделений первого КОМКОНа, но ничего общего с ГСП первой половины века эта структура не имела.) Реальная власть на Земле и Периферии переходит к Совету Галактической Безопасности и КОМКОНу-2. Парадигма неограниченного познания замещается требованиями безопасности. Теперь уже не Леонид Горбовский, а Рудольф Сикорски характеризует менталитет человечества.

5. Безвременье — 2163—2177 гг.

По инерции еще продолжают исследования галактики. Но даже такие многообещающие события, как контакт с негуманной цивилизацией (голованы), открытие Гиганды, операция «Мертвый мир», воспринимаются Ойкуменой с равнодушной усталостью. На Надежде интересы Странников и Земли наконец

формально сталкиваются. И мы уступаем, даже не попытавшись воспользоваться ситуацией, складывающейся достаточно благоприятно для того, чтобы, по крайней мере, прояснить позицию оппонента.

(Заметим, что именно с операции «Мертвый мир» началось охлаждение отношений между человечеством и головами. Не нужно быть специалистом в ксенопсихологии, чтобы понять: искусственно возвышенная раса разумных собак подсознательно нуждалась в цивилизации-хозяине. Человечество, отступив перед неведомым, потеряло в глазах голованов право на руководство. В результате изоляция Земли усугубилась...)

6. Конец века — 2178—2199 гг.

Этот этап начинается смертью Льва Абалкина. Уходит в отставку Р. Сикорски и прекращается, по сути, всякая деятельность, направленная против Странников. Земля окончательно переходит к обороне. Вслед за Р-фобией начинают распространяться иные заболевания фобийного типа. Индекс развития, падающий с момента катастрофы на Радуге, стабилизируется — на самом низком за последние четыреста лет уровне.

Трудно сказать, кто на этом этапе может считаться «характерным представителем человечества». Может быть, Майя Тойвовна Глумова, уставшая и изверившаяся, потерявшая в этой жизни всех, кто был ей дорог.

8

Столетие, как известно, завершилось «Большим Откровением». Не будучи специалистом в делах люденов, я склонен свое мнение об этих событиях и их интерпретации оставить при себе.

При современных темпах развития не только «Большое Откровение», свершившееся полстолетия назад, но и «Дело Абалкина» воспринимаются скорее как явления политики, а не истории.

Литература на эти темы обширна, общеизвестна и, по-моему, малоинтересна [58, 59]. Как анализ технически проигранного шахматного эндшпиля.

9

Итак, вслед за авторами Настоящего Собрания мы с вами проследили последовательность событий, формировавших Реальность. Хотелось бы теперь осмыслить эту последовательность в рамках представлений об «историческом континууме».

С точки зрения вероятностной модели, историческому знанию присуща изначальная *неопределенность*. Историк не является очевидцем описываемых им событий. Всякий раз мы имеем дело не с наблюдением, но с воссозданием прошлого.

Опыты с КРИ формально доказали, что информационное усиление приводит к неоднозначности исходной информации [60]. Иными словами, ни об одном событии в прошлом нельзя сказать, что оно с достоверностью произошло. Можно лишь заключить, что вероятность реализации данного события достаточно велика.

Тем самым событиям, соткавшим Реальность, и самой этой Реальности мы приписываем определенную вероятность реализации.

Аналогичным образом можно рассмотреть параллельные (или, если хотите, альтернативные) истории, в которых события с какого-то момента, называемого «точкой ветвления», пошли по-другому. Например, Рудольф Сикорски не убил Льва Абалкина. «Тахмасиб» прошел мимо Дионы. Комов сумел форсировать контакт на Ковчеге. Германия проиграла Вторую Мировую войну. Совет не утвердил аннексию Барселоны. И так далее.

Совокупность всех возможных последовательностей событий и называется *историческим континуумом*. Интересно, что этот объект допускает довольно простое математическое описание, изоморфное (с точностью до обозначений) классической Д-алгебре Тенина [61].

Утверждение о принципиальной неоднозначности наших знаний о прошлом особым возражений не вызывает. Концепция вероятностной истории опирается, однако, на более сильную форму данной теоремы: мы утверждаем, что вероятно не только историческое познание, но и историческое бытие.

Иными словами, Реальность является лишь представлением (калибровкой) континуума, той стороной действительности, которую мы в состоянии воспринимать. (Подобно тому, как глаз видит лишь трехмерные сечения четырех-мерных объектов, но не может зафиксировать сами эти объекты.)

Но если вероятно прошлое, то вероятно и настоящее, и окружающий нас мир не достоверен. Его реализация является лишь одной из возможностей.

В это царство относительности абсолютность привносит личный выбор. Всяким своим решением человек подтверждает существование данной Реальности, пребывание именно в этой фиксированной калибровке. Или — не подтверждает. Возможность «смены Отражения» обсуждается в современной науке вполне серьезно [62].

Мир, в котором мы живем, был *сконструирован* по определенным законам, важнейшими из которых были приоритет свободы, право на риск и неограниченность познания. Он существует лишь постольку, поскольку своей деятельностью мы утверждаем эти законы. И это заставляет меня назвать события,

описанные в четвертом и пятом томах Настоящего Собрания, катастрофическими.

Все, что имеет начало, имеет и свой конец, и цивилизация, человечество не являются исключением. К сожалению, мы убедились себя в обратном. И начали создавать структуры и структурочки, имеющие одну-единственную цель — обеспечение безопасности. Вечность — ценой отказа от развития.

Но коммунистическая Ойкумена не адекватна миру с индексом развития, равным единице. Скорее уж это — «Страна дураков» постиндустриального неооптимизма.

Очень невесело думать, что с каждым днем, с каждым новым шагом назад мир, в котором я живу, становится все менее достоверным.

*Переслегин С. Б.
2 июня 2255 г.*

*Гиганда, Внутреннее море,
борт АБУ «Гепард».*

ЛИТЕРАТУРА

1. «Известия Лос-Анджелесского Института Новых Технологий в Образовании». — 2253. — № 8. — С. 56.
2. Дьяконов И. Полное собрание сочинений в 6 томах. Изд-е 8-е. Свердловск, 2214.
3. Тартаковский М. Историософия. М., 1968.
4. Ларионова О. Снова «Она» и «Он» (Фактор биадности в истории). Л., 1971.
5. Фон Арним С. Торжество национального духа в теории и истории. Дрезден, 1959.
6. Acheson D. The American way: from curiosity to tradition. New York, 1970.
7. Воротников П. — «Марксистская астрология». «Вопросы истории», — 1970, — № 3. — С. 16. (критическая статья на книгу Дьяконова И. «Пути истории». (ПСС, т. 2).
8. Переслегин С. За пределами теории исторических последовательностей. «Известия Института Экспериментальной Истории, серия «С» (Гиганда-Саракш). — 2253. — № 2.
9. Осорина М. Кризис «середины жизни». Л., 1995.
10. «Известия Института Экспериментальной Истории, серия «С» (Гиганда-Саракш), 2201. — №4. — С. 164.
11. «Известия Института Экспериментальной Истории, серия «С» (Гиганда-Саракш), 2202. — №1. — С. 173.
12. Доклад специальной комиссии Мирового Совета по изучению последствий контактов с цивилизациями, находящимися на докоммунистических ветвях исторической последовательности. Т. 3, с. 426.

13. Малейн Л. Социальная психиатрия. Учебное пособие для тренинговых групп типа «Риск». Свердловск, 2172. С. 202.
14. Материалы комиссии по расследованию дела Р. Сикорски. Т. 8. С. 356.
15. Бромберг А. Сборник статей «Коротко о главном». Дели, 2204.
16. «Известия Мирового Совета», 2181 г. т. 5., С. 872.
17. «Психологический журнал», 2196, №1, С. 130.
18. Приложение к «Статистическому ежегоднику: Кризисы» (не включенные материалы: БВИ, файлы 325.232.794/5/62, 325.232.1487/3/62, 325.232.4112/3/62).
19. «Известия Мирового Совета». — 2234. — Т. 3., С. 56.
20. Переслегин С. История: метаязыковый и структурный подход. Томск, 2248.
21. Шавров Б. История конструкций самолетов Европейского Союза. Т. 1. Берлин, 1958. С. 196.
22. Шавров Б. История конструкций космических кораблей Европейского Союза. Т. 2. Москва, 1975.
23. «Материалы психологической конференции „Пределы роста“. Милан, 15—25 июля 1964 г. Тезисы». Милан, 1964.
24. Налимов В. Все еще о диктатуре. Брюссель, 1997.
25. Французов С. Материалы по истории «Лондонского кризиса» 1975 г., Лондон, 2251.
26. Краухин Н. Воспоминания. М., 2024.
27. «История фашизма». Т. 4. Варшава, 1985.
28. Силантьев А. Теория информационных объектов. Т.1. Рига, 1999.
29. Ефремов И. Час быка. М., 1967.
30. Силантьев А. Теория информационных объектов. Т.2. Рига, 1999.
31. «Хиус-Молния» — Первая Звездная. Сборник материалов к десятилетию полета». Свердловск, 2015.
32. Ричардсон Н., Двайт К. Механизмы принятия решения в раннекоммунистических социальных структурах. Барселона, 2196. С. 386.
33. Джойс Д. «А я беспечной веры полн...», Нью-Йорк, 2043.
34. «Архивы ГКМПС». Вып. 164., М., 2049., С. 312 («Мемуары Крутикова»).
35. Эрикссон Г. Ушедшие — незавершенный гештальт цивилизации. Стокгольм, 2254.
36. Богданович В. Информационное бессознательное. М., 2226.
37. Люков А. «Шварцильдовские» решения уравнений информационного поля. Препринт докторской диссертации по неклассической математике. Новосибирск, 2166.
38. Доклад И. Жилина на 64 ежегодной конференции космогаторов. Пекин, 2015.
39. Brzezinski Z. Between two ages: Post-Industrial society. N.-Y., 1999.
40. Bell D. The coming of post-industrial society. N.-Y., 2008.
41. Материалы семинара по игровым технологиям: «Погружения, входы и выходы». Доклад Р. Баха «Индустрия развлечений в раннекоммунистическую эпоху». Л., 2247.
42. Gibson M. Neuromancer. N.-Y., 1984.

43. Орехова Ю. По следам С. Грофа: ипновации в медитации. Бергел, 2024.
44. Томпсон Д. Семантика суицида. Т. 2, Вена, 2251.
45. «Архивы ГКМПС». Вып. 211., М., 2071., С. 620. («Статистические таблицы»).
46. Н. Ильин. От произвола к беспределу. // Вопросы психологии. 2028. № 7.
47. И. Ефремов. Чаша отравы. М., 1975.
48. Шилов С. Мировой Совет в XXI столетии. Свердловск, 2111. С. 733.
49. Шкловский И. Типология цивилизаций. Л., 1970. С. 12.
50. Блоков И. Цивилизация: экологические ограничения. Сравнительный опыт Земли и Надежды. (Ежегодник «Окружающая Среда».) Пандора, 2192.
51. Фоминко Ю. Анализ семантических спектров научных работ в области психологии высшей нервной деятельности с 2050 по 2155 г. Препринт докторской диссертации по исторической статистике. Ванкувер, 2166.
52. Лазарев М. Механизмы саморегуляции в экономике: Земля, Тагора, Леонида. Радуга, 2156.
53. Кохида Л. Теория многих логик. Лондон, 2098.
54. Тепин Д. Принципы Д-логики. Свердловск, 2099.
55. «Известия Мирового Совета». 2143. Т. 2. С. 34.
56. Переслегин С. Исторические парадигмы и вероятностные корабли. Гиганда, 2251.
57. Ермолаев А. Нетрадиционные постпроявления стрессов при наличии фактора «Несвершившаяся катастрофа». Радуга, 2214.
58. Библиография «Дела Абалкина-Сикорски»: БВИ, директория 712.
59. Библиография «Большого Откровения»: БВИ, директория 883.
60. «Результаты социологического исследования Интерната № 4 (Петергоф). Выпуск 6: Анализ результатов психолого-педагогического эксперимента по информационному обогащению учащихся и созданию искусственных информационных средств». Филиал Лос-Анджелесского Института Новых Технологий в Образовании. Ленинград, 2255.
61. Исмаилов Р. Пространственно-временной континуум как реализация исторического метаконтинуума в системе представлений XX столетия. Будапешт, 2254.
62. Шох И. Дилемма принца Датского на пороге виртуального прошлого. Литературно-психологическое исследование на базе ролевого тренинга «Сад кампей». Париж, 2254.

XX век

(краткая хронология)

- 1942 г.** — Мирный договор между Германией и СССР. (СССР запрещено иметь военную промышленность, флот, бронетанковые войска; в романах Настоящего Собрания упоминается упразднение Академии бронетанковых войск).
- 1943 г.** — Берлинский договор. Создание Европейского Союза. В тот же день официальный одновременный роспуск Коминтерна и Антикоминтерновского пакта.
- Создание Европейского Центра Космических Исследований (Пенсьюнде).
- Мирный договор между Германией и Великобританией.
- «Фултоповская речь» У. Черчилля.
- «Лондонский договор». Создание Атлантического Пакта.
- 1944 г.** — XX Съезд КПСС. Доклад Г. К. Жукова «О культе личности и его последствиях». Развернутые прения по докладу. Доклад Н. С. Хрущева «О внешней политике Советского Союза». Развернутые прения по докладу.
- 1945 г.** — Испытание атомной бомбы в США.
- Испытание атомной бомбы в Германии.
- Испытание атомной бомбы в СССР.
- Выход в свет романа И.Ефремова «Туманность Андромеды».
- 1947 г.** — запуск первой ТЯЭС в СССР (Верхояпск).
- «Либравильский договор» о демилитаризованном статусе СССР, Великобритании, Исландии.
- 1949 г.** — Первый космический корабль (Хапна Райх, Алексей Гринчик).
- 1950 г.** — Первая автоматическая лунная ракета (США).
- 1951 г.** — Первая лунная экспедиция. (Э. Хартман, Х. Райх, Н. Соколовский, М. Галлай).
- 1953 г.** — Первая лунная база (США).
- 1957 г.** — Программа построения коммунизма (XXII съезд).
- 1959 г.** — Первая марсианская экспедиция (Л.Нортон (США)).
- 1961 г.** — Первая атомно-импульсная ракета Соколовского.
- Первая атомно-импульсная ракета Атлантического Пакта.
- 1962 г.** — «Карибский кризис» и Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия.

-
-
-
-
-
- 1965 г.** — Бернский договор о запрещении использования ядерного оружия на Земле.
- 1967 г.** — Выход романа И.Ефремова «Час быка».
- 1968 г.** — «Пражская весна» и кризис Европейского Союза: СССР препятствует намерениям Германии оккупировать Чехословакию и насильственно возобновить Берлинский договор.
— «Парижская весна» и кризис Атлантического Союза: Великобритания не предоставляет свою территорию для развертывания войск США.
- 1969-72 г.г.** — Франция, Чехословакия, Венгрия, Югославия и Польша покидают Европейский Союз.
- 1973 г.** — Закон о свободе информации. Начало «перестройки» в Рейхе. Приоткрыта завеса тайны над преступлениями «арийцев» в ходе Второй Мировой войны.
- 1973 г.** — СССР и Китай объявляют о создании Евразийского коммунистического союза.
- 1974 г.** — Польша вступают в ЕАКС.
— Начало оказания Советским Союзом продовольственной и технической помощи Германии.
- 1975 г.** — ЧССР и Венгрия вступает в ЕАКС.
- 1976 г.** — Роспуск Европейского Союза.
- 1977 г.** — Объединительный съезд НСДАП и КПСС.
- 1981 г.** — Начало проекта «Марс»*.
- 1984 г.** — Создание мезовещества*.
- 1985 г.** — «Змей Горыныч» — первый работающий фотонный двигатель*.
- 1986 г.** — Катастрофа на Каллисто**.
- 1988 г.** — Оформление Союза Советских Коммунистических Республик. Первые выборы в Европейский Совет.
- 1989 г.** — Обнаружение космических форм органической жизни***.
- 1991 г.** — Венерианская экспедиция***.
- 1993 г.** — Покорение Голконды**.
- 1994 г.** — Югославия присоединяется к ССКСР.
- 1996 г.** — Франция присоединяется к ССКСР.
- 1998 г.** — Великобритания присоединяется к ССКСР.
- 1999 г.** — Исследование атмосферы Урана**.

XXI век

(краткая хронология)

- 2001 г. — Голод на Амальтее**.
- 2004 г. — В США избран президент-коммунист*.
- 2005 г. — Распуск Атлантического Пакта. Закон о свободе передвижения.
- 2005 г. — Первая Звездная (В. Ляхов)*.
- 2006 г. — Завершение национализации и демилитаризации в США*.
- 2007 г. — Создание Мирового Совета как консультативного органа при ООН.
- 2007—12 гг. — Эпоха путчей*.
- 2009 г. — Путч Зуна Падапы*.
- 2010—15 гг. — Эпоха гангстерских войн*.
- 2011 г. — Спецрейс № 17. Гибель Юрковского и Крутикова***.
- События на Дионе**.
- 2014 г. — Гибель «Ибиса».
- 2014 г. — Теорема Лелика-младшего о структуре бесконечной последовательности саморегулирующихся систем в экономике.
- 2017 г. — Изобретен слег*.
- 2017 г. — Старт и исчезновение «Таймыра»**.
- 2019 г. — И. Жилин в Барселоне. «Кризис „Хищных вещей века“»**.
- 2021 г. — Принятие ООН долгосрочной Педагогической программы.
- 2022 г. — Принятие ООН долгосрочной Объединительной программы.
- 2022 г. — Создание Центрального Института мозга.
- 2023 г. — Оккупация Испании.
- 2025 г. — Переход функций ООН к Мировому Совету.
- 2024—45 гг. — Эпоха локальных войн на периферии цивилизованного мира. «Белое излучение».
- 2034 г. — Начало строительства самодвижущихся дорог. —

-
- 2036 г.** — Родился Леонид Горбовский.
- 2052 г.** — Открытие Д-принципа. Начало второй волны экспансии.
- 2054 г.** — Исчезновение «Луча» Антона Быкова.*
- 2069 г.** — Старт «Таризля» Л. Горбовского*.
- 2071 г.** — Экспедиция «Ильи Муромца»**?.
- 2073 г.** — Завершение строительства сети самодвижущихся дорог.
- 2074 г.** — Несчастный случай с Комлевым. Закрытие института мозга**.
- 2075—96 гг.** — Период «реконструкции».

- * — событие упоминается в романах.
- ** — событие точно датировано в романах.
- *** — событие подробно описано в романах.
- ? — событие ошибочно датировано в романах.

СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ

Художник Игорь Ильинский

Часть первая

СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

секретарь поднял на Быкова единственный глаз:

- Из Средней Азии?
- Да.
- Документы...

Он требовательно протянул через стол темную, похожую на клешню руку с непомерно длинным указательным пальцем; трех пальцев и половины ладони у секретаря не было. Быков вложил в эту руку командировочное предписание и удостоверение. Неторопливо развернув предписание, секретарь прочел:

«Инженер-механик гобийской советско-китайской экспедиционной базы Быков Алексей Петрович направляется Министерством геологии для переговоров о дальнейшем прохождении службы. Основание — запрос ГКМПС от...»

Затем он мельком проглядел удостоверение, вернул его и указал на дверь, обитую черной клеенкой:

— Пройдите. Товарищ Краюхин вас ждет.

Быков спросил:

- Предписание останется у вас?
- Предписание останется у меня.

В креслах вдоль стен приемной сидело несколько человек, ожидающих, по-видимому, своей очереди или вызова. Никто из них не обратил на Алексея Петровича никакого внимания. Это показалось ему странным — о нравах в при-

емных столичных учреждений он слышал совсем другое. Но и одноглазый секретарь, и покладистые посетители мгновенно вылетели у него из головы, когда он перешагнул через порог кабинета.

В просторном и сумрачном кабинете окна были закрыты бамбуковыми шторами. Тускло отсвечивали голые пластмассовые стены. Пол был покрыт мягким красным ковром. Быков огляделся, ища глазами хозяина кабинета, и возле широкого и пустынного письменного стола увидел две лысины. Одна лысина, бледная, даже какая-то сероватая, неподвижно возвышалась над спинкой кресла для посетителей. Другая, светло-шафрановая, наклонилась над папками по другую сторону стола и раскачивалась, словно ее обладатель недоверчиво обнюхивал лежащие перед ним кальки и голубые светокопии чертежей.

Затем Быков увидел третью лысину: она принадлежала безобразно толстой фигуре в сером комбинезоне, развалившейся на ковре, неуклюже уткнувшись серой плешивой головой в угол между стеной и сейфом. От шеи под стол тянулась круглая веревка...

В креслах вдоль стен приемной сидело несколько человек, ожидающих, по-видимому, своей очереди или вызова. Никто из них не обратил на Алексея Петровича никакого внимания. Это показалось ему странным — о нравах в приемных столичных учреждений он слышал совсем другое. Но и одноглазый секретарь, и покладистые посетители мгновенно вылетели у него из головы, когда он перешагнул через порог кабинета.

В конце концов, у каждого начальника свои привычки, но не зашел ли этот слишком далеко? Быков неловко переступил с ноги на ногу, снова подергал «молнию» куртки и тревожно оглянулся на дверь. В этот миг шафрановая лысина исчезла. Послышалось сопение, и глухой, простуженный голос удовлетворенно произнес: «Великолепно держит! Великолепно!» И над столом медленно выросла громоздкая сутулая фигура в рабочем нейлоновом комбинезоне.

Человек этот был огромного роста, чрезвычайно широк в плечах и, вероятно, очень тяжел. Лицо его, обтянутое бурой изрытой кожей, казалось маской, тонкогубый рот сжат в прямую линию, а из-под мощного выпуклого лба холодно и внимательно уставились на Быкова круглые, без ресниц глаза.

— Что вам? — сипло осведомился он.

— Мне нужно видеть товарища Краюхина, — сказал Быков, опасно покосившись на лысую фигуру, распростертую на ковре.

— Я Краюхин. — Человек с круглыми глазами тоже покосился на фигуру и снова уставился на Быкова.

Лысина в кресле оставалась неподвижной. Быков поколебался секунду, сделал несколько шагов вперед и представился. Краюхин слушал, наклонив голову.

— Очень рад, — сдержанно сказал он. — Я ждал вас еще вчера, товарищ Быков. Прошу садиться. — Он указал громадной, словно лопата, ладонью в сторону кресла. — Сюда, пожалуйста. Освободите место и садитесь.

Ничего не понимая, Быков подошел к столу, повернулся к креслу и едва удержал первый смех. В кресле лежал странный, похожий на водолазный скафандр, костюм из серой упругой ткани. Круглый серебристый колпак с металлическими застежками выступал над спинкой.

— Снимите его, положите на пол, — сказал Краюхин.

Быков оглянулся на толстое чучело, лежавшее в углу возле сейфа.

— Это тоже спецкостюм, — нетерпеливо проговорил Краюхин. — Садитесь же!

Быков поспешно освободил кресло и сел, испытывая некоторое смущение. Краюхин не мигая глядел на него.

— Так... — Он побарабанил по столу бледными пальцами. — Ну что ж, товарищ Быков, будем знакомы. Зовите меня Николай Захарович, любите, так сказать, и жалуйте. Работать вам придется под моим руководством. Если, разумеется...

Резкий звонок прервал его. Он взял трубку.

— Одну минуту, товарищ Быков... Слушаю. Да, я...

Больше он не сказал ни слова, но в голубоватом свете от экрана видеофона Быков увидел, как его лицо сразу налилось краской и на голых висках вспухли темные узлы вен. Повидимому, речь шла об очень серьезных вещах. Из деликатности Быков опустил глаза и стал рассматривать спецкостюм, лежащий на ковре рядом с креслом. Через раскрытый ворот можно было видеть внутренность шлема. Быкову показалось, что сквозь него он различает грубый узор ковра, хотя снаружи серебристый шар был совершенно непрозрачен. Быков

нагнулся, чтобы разглядеть шлем получше, но в этот момент раздался короткий треск брошенной трубки, затем легкий щелчок переключателя.

- Вызвать Покатилова! — сильным шепотом приказал он.
- Есть! — отозвался кто-то невидимый.
- Через час.
- Есть через час!..

Снова щелкнул переключатель, и все стихло. Быков поднял глаза и увидел, что Краюхин с силой трет ладонями лицо.

— Так, — проговорил он спокойно, заметив, что Быков смотрит на него. — Вот ведь тупица! Как об стену горох... Прошу прощения, товарищ Быков. На чем мы... Да-да... Еще раз прошу прощения. Так вот, разговор у нас с вами будет серьезный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу... Прежде всего я хотел бы поближе познакомиться с вами. Расскажите о себе.

- Что именно? — спросил Быков.
- Прежде всего биографию.
- Биографию? — Инженер подумал. — У меня очень простая биография. Родился в 19.. году в семье водника, под Горьким. Отец умер рано, мне еще трех лет не было. Воспитывался и учился в школе-интернате до пятнадцати лет. Потом четыре года работал помощником моториста и мотористом реактивных глиссеров-амфибий на Волге. Хоккеист. В составе сборной «Волга» участвовал в двух олимпиадах. Поступил в высшее техническое училище наземного транспорта. Это бывшая школа автобронетанковых войск. («Зачем так много говорю?» — кольнула неприятная мысль.) Окончил по отделению экспедиционного реакторного транспорта. Ну... послали в горы, в район Тянь-Шаня... Потом в пески, в Гоби... Там и служил. Там вступил в партию. Что еще? Вот и все.

— Да, биография простая, — согласился Краюхин. — Значит, вам сейчас тридцать три?

- Через месяц исполнится тридцать четыре.
- И не женаты, конечно?

Такой выпад со стороны начальника показался Быкову довольно бестактным. Инженер не любил намеков на свою паружность, и это «конечно» покорило его. Кроме того, ему казалось, что и лицо самого Краюхина тоже далеко не

соответствует принятым идеалам мужской красоты. Он даже хотел было сказать об этом, но решил промолчать. Во всяком случае, внешность вряд ли может иметь для Краюхина решающее значение, а Быкову известна по крайней мере одна женщина, для которой обожженное солнцем лицо, туфлеобразный нос и рыжие жесткие волосы не играют решающей роли.

— Я хочу сказать, — продолжал Краюхин, — что еще полгода назад вы, кажется, были холостяком.

— Да, — сухо ответил Быков, — я и сейчас холостяк. Пока...

Он вдруг понял, что Краюхин знает о нем многое и задает вопросы не потому, что интересуется ответами, а чтобы составить «личное впечатление» или с какой-то другой неясной целью. Это было неприятно, и Быков насторожился.

— Пока я холостяк, — повторил он.

— Следовательно, — сказал Краюхин, — близких родственников у вас нет?

— Следовательно, нет.

— И вы, так сказать, совершенно одиноки и независимы...

— Да, одинок. Пока одинок.

— Где, вы говорите, служили в последнее время?

— В Гоби...

— Давно?

— Три года...

— Три года! Все время в пустыне?

— Да. Конечно, были небольшие перерывы. Командировки, курсы... Но в основном в пустыне.

— Не надоело?

Быков подумал.

— Сначала было тяжело, — проговорил он осторожно. — Потом привык. Конечно, служить там нелегко. — Он вспомнил огненное небо и черные океаны песка. — Но ведь и пустыню можно полюбить...

— Вот как? — сказал Краюхин. — Полюбить пустыню? И вы любите?

— Привык, конечно.

— Ваша последняя должность?

— Начальник колонны атомных транспортеров-вездеходов гобийской экспедиционной базы.

— Следовательно, машины хорошо знаете?

— Смотря какие...

— Вот хотя бы эти ваши атомные вездеходы.

Вопрос показался Быкову праздным, и он промолчал.

— Скажите, это вы в прошлом году руководили спасением экспедиции Дауге?

— Я.

— Молодец, отлично справились! Без вас они бы погибли.

Быков пожал плечами:

— Для нас это был довольно обычный марш-бросок, только и всего.

Глаза Краюхина сузились.

— Но ведь и ваши люди пострадали, если мне память не изменяет.

Быков покраснел — при его цвете лица это выглядело устрашающе — и сказал со злостью:

— Была Черная буря! Я не хвастаюсь, товарищ Краюхин. Марши под музыку бывают только в Москве на парадах. А в песках это сложнее.

Ему было неловко и досадно. Краюхин с неопределенной усмешкой разглядывал его.

— Так-так... Сложнее... Три года в песках. Это немало. Это хорошо. Скажите, товарищ Быков, вы чем-либо, помимо службы, увлекаетесь?

Быков озадаченно посмотрел на него:

— В каком смысле?

— Чем вы занимаетесь во внеслужебное время?

— Гм... Читаю, конечно. Играю в шахматы.

— Ведь у вас, кажется, кое-какие работы есть?

— Есть.

— Много?

— Нет, не много. Две статьи в журнале «Гусеничный транспорт».

— О чем писали?

— Ремонт моторных реакторов в полевых условиях. Личный опыт.

— Ремонт моторных реакторов... Очень интересно. Кстати, кроме хоккея, чем в спорте интересуетесь?

— Самбист... Инструктор.

— Это хорошо. Так. А астрономией вы никогда не интересовались?

Быкову показалось, что Краухин издевается над ним. Он ответил:

— Нет, астрономией не интересовался.

— Жаль!

— Возможно...

— Дело в том, Алексей Петрович, что ваша работа у нас будет до известной степени, так сказать, связана с этой наукой.

Инженер нахмурился:

— Простите, не совсем понимаю...

— Что вам сказали, когда откомандировали к нам?

— Сказали, что направляют для переговоров об участии в научной экспедиции. Временно...

— В какой экспедиции, не говорили?

— Куда-то в пустыни на поиски редких руд.

Краухин хрустнул бледными пальцами и положил ладони на стол.

— Да, разумеется, — пробормотал он. — Вполне естественно. Этого они не знают. Так вот, Алексей Петрович, — сказал он со вздохом. — Разумеется, астрономия здесь ни при чем. Точнее, почти ни при чем. Еще точнее: для вас ни при чем. Это не важно, что вы не интересовались астрономией. Вам она вряд ли понадобится. Ну в крайнем случае кое-что почитаете, кое-что вам расскажут. Но все дело в том, что работать вам придется не здесь. Так сказать, не на Земле.

Быков беспокойно моргнул. Ему снова вдруг стало не по себе, как полчаса назад, когда он переступил порог этого кабинета.

— Боюсь, что... не понимаю вас; — с запишкой проговорил он. — Не на Земле? На Луне, быть может?

— Нет, не на Луне. Гораздо дальше.

Это походило на очень странный сон. Краухин, положив подбородок на сплетенные пальцы, говорил:

— Чему вы так удивляетесь, Алексей Петрович? Люди летают на другие планеты уже тридцать лет. Вы полагаете, это какие-то другие, особые люди? Ничего подобного. Обыкновенные люди, такие же, как вы. Люди разных специальностей. Я, например, убежден, что из вас вышел бы незаурядный межпланетник. Кстати, многие межпланетники пришли к нам, так сказать, извне — например, из авиации. Я понимаю, вам, инженеру с сугубо «земной» специальностью, возможность участия в таком деле просто не приходила в

голову. Но вот обстоятельства сложились так, что мы посылаем экспедицию на Венеру, и нам пужен человек, отлично знающий условия работы в песках. Вряд ли тамошние пески сильно отличаются от вашей любимой Гоби. Только, будет несколько труднее...

Быков вдруг вспомнил:

— Урановая Голконда!

Краюхин быстро, внимательно взглянул на него:

— Да, Урановая Голконда. Вот видите, вы уже почти все знаете.

— Венера... — медленно сказал Быков. — Урановая Голконда... — Он покачал головой и усмехнулся. — Я — и вдруг на небо! Невероятно!

— Ну, не такой уж вы грешник. И, кроме того, мы вас не в райские кущи посылаем. Но, может быть... — Краюхин наклонился и понизил голос, — вы боитесь?

Быков подумал.

— Конечно, страшновато, — признался он. — И даже просто страшно. Ведь я... я могу и не справиться. Правда, если от меня требуется только то, что я знаю и умею, то почему же нет? — Он посмотрел на Краюхина и улыбнулся. — Нет, настолько, чтобы отказаться, я не боюсь. Поймаете, все это очень неожиданно. И потом, почему вы... Вы уверены, что я справлюсь?

— Я совершенно убежден, что вы справитесь. Разумеется, там будет трудно, очень и очень трудно, будут, вероятно, опасности, о которых мы пока даже и не подозреваем... Но вы справитесь.

— Вам виднее, товарищ Краюхин.

— Да, я полагаю, мне виднее. Так что же, Алексей Петрович, будем считать, что вы не кинетесь сейчас в свое министерство и не будете умолять освободить вас по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам?

— Товарищ Краюхин!

— А вы как думали? — Лицо Краюхина потемнело. — И не такие, как вы, сидя вот в этом самом кресле, трусили прискорбнейшим образом. — Он провел ладонью по лицу. — Откровенно говоря, я давно уже держу вас на примете и рад, что не ошибся.

Быков смущенно хмыкнул и стал смотреть в сторону. Затем, спохватившись, спросил:

— Откуда вы меня знаете, товарищ Краухин?

— По походу за экспедицией Дауге. Это была экспедиция нашего ведомства, и с тех пор я взял вас на заметку. Затребовал ваши характеристики и все прочее. Вот пришла пора, и мы пригласили вас.

— Понятно.

— Обычно принято давать время на размышление. Неделю, иногда месяц. Но сейчас мы ждать не можем. Решайте, Алексей Петрович. Предупреждаю: если вы хоть чуть-чуть колеблетесь, отказывайтесь сразу. В обиде не будем.

Быков засмеялся:

— Нет, товарищ Краухин, не откажусь. Если вы считаете, что я справлюсь, то не откажусь. Согласен. Неожиданно это, конечно, но ничего, привыкну. Согласен.

— Вот и прекрасно.

Краухин спокойно кивнул и взглянул на часы.

— Теперь вот что. Экспедиция продлится сравнительно недолго, не дольше полутора месяцев. Устраивает?

— Устраивает...

— Объяснять подробно предстоящую работу сейчас не буду. Узнаете позже. Времени у нас в обрез. Прошу учесть только, что завтра мы вылетаем.

— Завтра? На Венеру?

— Нет, на Венеру не так скоро. Пока поработаем на Земле. Только не в Москве, а в другом месте. Кстати, где ваш багаж?

— Внизу, в гардеробной. Вещей у меня немного — чемодан и полевая сумка. Я не думал...

— Это неважно. Где хотите остановиться? Я бы рекомендовал «Прагу». Это здесь, рядом.

Быков кивнул:

— Знаю. Хорошая гостиница.

— Очень хорошая. Сейчас я вас отпускаю, а через... — он снова посмотрел на часы, — часа через два с небольшим ровно в семнадцать ноль-ноль, товарищ космонавт, снова приходите сюда. Здесь вы кое-что узнаете. Вы не пообедали? Разумеется, не пообедали. Столовая на тринадцатом этаже. Пообедайте, отдохните в библиотеке или в клубе — это тоже здесь, не выходя из здания, — и в семнадцать ноль-ноль возвращайтесь. Ну, ступайте. Я сейчас буду, так сказать, намыливать кое-кому шею.

Быков, все еще немного взволнованный, встал и, поколебавшись, задал давно уже мучивший его вопрос:

— Товарищ Краюхин, как называется это учреждение полностью? В предписании написано «ГКМПС», но я, кажется, расшифровал неправильно.

— ГКМПС — это Государственный комитет межпланетных сообщений при Совете Министров. Я — заместитель председателя комитета.

— Спасибо, — сказал Быков.

«Комитет межпланетных сообщений, — пробормотал он, поворачиваясь к двери. — Ну конечно... Я думал — Государственный комитет международных политехнических связей... Такое же сокращение...»

В дверях Быков столкнулся с каким-то долговязым человеком, неудержимо устремившимся в кабинет. Быков успел только разглядеть, что человек носил большие очки в роскошной черной оправе и был чрезвычайно бледен. Посетителя он не заметил и, толкнув его в грудь, прямо с порога начал:

— Николай Захарович!..

— Где шестой реактор? — услышал Быков зловещный сиплый бас Краюхина.

— Но позвольте, Николай...

— Я спрашиваю, где шестой реактор?

Инженер Быков закрыл дверь и шагнул к выходу из приемной. Темнолицый секретарь проводил его одиноким глазом и снова склонился над столом.

ЭКИПАЖ «ХИУСА»

«Венера — вторая по порядку от Солнца планета. Среднее расстояние от Солнца 0,723 астрономические единицы = 108 млн км... Полный оборот вокруг Солнца В. совершает в 224 дня 16 часов 49 мин. 8 сек. Средняя скорость движения по орбите 35 км/сек... В. — самая близкая к нам планета. При прохождении между Землей и Солнцем ее расстояние от Земли может составлять 39 млн км... Когда В. проходит за Солнцем, она находится от Земли на удалении в 258 млн км... Диаметр В. составляет 12400 км, сжатие незаметно. Принимая данные для Земли за 1, для В. будем иметь: диаметр

0,973, площадь поверхности 0,95, объем 0,92, сила тяжести на поверхности 0,85, плотность 0,88 (или 4,86 г/см³), масса 0,81... Период вращения вокруг оси составляет около 57 часов... В. окружена чрезвычайно плотной атмосферой из углекислоты и угарного газа, в которой плавают облака кристаллического аммиака... В настоящее время изучение В. производится с нескольких временных и постоянных искусственных спутников, два из которых принадлежат АН СССР. Ряд попыток высадиться на В. (Абросимов, Нисидзима, Соколовский, Ши Фэнь-ю и др.) и предпринять непосредственное исследование ее поверхности не увенчался успехом.

Быков посмотрел на цветную фотографию Венеры — на бархатно-черном фоне желтоватый диск, тронутый голубыми и оранжевыми тенями, — и захлопнул тяжелый том. «Ряд попыток высадиться... и предпринять непосредственное исследование... не увенчался успехом...» Коротко и ясно. Да, попытки были. Быков стал вспоминать все, что было ему известно из книг и газет, из телевизионных лекций и коротких, сухих сообщений ТАСС.

К концу третьего десятилетия после первых лунных перелетов почти все объекты в пределах полутора миллиардов километров от Земли были уже знакомы человеку. Появились новые науки — планетология и планетография Луны, Марса и Меркурия, крупных спутников больших планет и некоторых астероидов. Межпланетники — особенно те, кому приходилось месяцами и даже годами работать вдали от Земли, — привыкли к зыбким напластованиям вековой пыли на равнинах Луны, к красным пустыням и худосочным рошицам марсианского саксаула, к ледяным пропастям и добела раскаленным горным плато на Меркурии, к чужим небесам со многими лунами, к Солнцу, похожему на яркую звездочку. Сотни кораблей пересекали Солнечную систему по всем направлениям. Наступал новый этап завоевания пространства человеком — время освоения «трудных» больших планет: Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна и Венеры.

Венера была в числе первых объектов внимания земных исследователей. Ее близость к Земле и к Солнцу, известное сходство некоторых ее физических характеристик с земными и вместе с тем полное отсутствие сколько-нибудь достоверных сведений о ее строении влекли к ней межпланетников в первую очередь.

Сначала, как всегда, в ход были пущены беспилотные устройства. Результаты оказались обескураживающими. Плотная, напоминающая океанский ил, облачность ничего не позволила увидеть. Сотни километров обычной и инфракрасной пленки показывали одно и то же: белую однородную завесу непроицаемого — видимо, очень толстого — слоя тумана. Не оправдала надежд и радиооптика. В атмосфере Венеры радиолучи либо бесследно поглощались, либо отражались от самых верхних ее слоев. Экраны локаторов оставались черными либо сияли ровным, ничего не означающим светом. От телемеханических и кибернетических танкеток-лабораторий, которые так блестяще показали себя при предварительных исследованиях Луны и Марса, никаких известий не поступило. Они бесследно и навсегда затерялись где-то на дне этого плотного океана розовато-серой облачной массы.

Тогда на штурм Венеры двинулись смельчаки. Три экспедиции, оснащенные самой передовой по тому времени техникой, на лучших в мире межпланетных кораблях одна за другой нырнули в атмосферу загадочной планеты. Первый корабль сгорел, не успев подать о себе никаких вестей (наблюдатели зафиксировали тусклую вспышку на том месте, куда погрузился планетолет). Вторая экспедиция сообщила, что идет на посадку и — через двадцать минут — что их корабль несет атмосферными течениями невероятной силы. Затем она замолчала навсегда. Третьей экспедиции удалось благополучно сесть на поверхность планеты. По каким-то капризам прихотливой венерианской атмосферы оказалось возможным поддерживать с высадившимися связь в течение целых суток. Начальник экспедиции сообщал о песчаных бурях, о смерчах, срывающих с места целые скалы, о багровой тьме, окутывающей все вокруг. Затем замолчала и эта экспедиция, а через несколько дней кто-то быстро проговорил в микрофон: «Горячка, горячка, горячка...» На этом связь оборвалась.

Гибель трех экспедиций в такой короткий срок — это слишком! Стало очевидно, что штурмовать Венеру можно лишь после новой, самой тщательной подготовки. Необходимо была кропотливая, всесторонняя и глубокая разведка. Международный конгресс космогаторов разработал план изучения Венеры, рассчитанный на пятнадцать лет. Для исследовательских работ человечество двинуло весь богатейший

арсенал науки и техники. Было построено несколько искусственных спутников-обсерваторий, оборудованных сотнями автоматических устройств. Применялись самоходные лоты-разведчики, инфракрасная и электронная оптика, ионоскопические устройства и многое другое. Полученная информация неустанно обрабатывалась крупнейшими электронными машинами мира. Стратосфера Венеры была изучена с доскопальностью, поражавшей самих ученых. Установили, наконец, с необходимой точностью период вращения Венеры вокруг оси. Составили в общих чертах карту горных цепей Венеры. Измерили ее магнитные поля. Работы велись методично и целеустремленно.

Французский искусственный спутник установил на Венере область повышенной ионизации. Через некоторое время это открытие подтвердили советские, китайские и японские исследователи. Оказалось, что область сверхвысокой ионизации, занимающая примерно полмиллиона квадратных километров, фиксируется периодически на определенном участке поверхности планеты, что она не связана с толстым слоем облаков и, следовательно, вероятность ее атмосферного происхождения исключается. Оставалось предположить, что источник ионизации связан с твердой поверхностью Венеры. Если ионизация вызвана радиоактивным излучением, то источником его могли быть только радиоактивные руды неслыханной концентрации. Название «Урановая Голконда» напрашивалось само собой.

Теперь дело приняло другой оборот. В отношении тяжелых активных элементов человечество все еще оставалось на голодном пайке. Технология добычи рассеянных элементов развивалась медленно; во всяком случае, спрос на актиноиды намного превышал продукцию обоганительных предприятий, а искусственное их получение обходилось слишком дорого. Чисто академический научный интерес к Венере дополнился интересом более практическим.

Снова последовал ряд экспедиций. Погиб Соколовский, вице-президент Международного конгресса космогаторов. Ослепшим калеккой вернулся в Нагоя бесстрашный Нисидзима. Пропал без вести лучший пилот Китая Ши Фэнь-ю. Очевидно, старые штурмовые средства не годились для этой планеты. Она словно издевалась над усилиями людей. Анализ скудных данных о причинах гибели экспедиций показал,

что условием успешной высадки на Венере может быть только отказ от прежних форм и принципов техники межпланетных полетов. Международный конгресс призвал временно воздержаться от новых попыток со старыми средствами и учредил премию за разработку нового вида межпланетного транспорта, годного для преодоления кипящего панциря венерианской атмосферы. В СССР полным ходом шли работы по созданию фотонной ракеты. Другие страны тоже искали новые пути.

За два года до времени нашего повествования в центральных газетах промелькнуло сообщение о том, что на самом крупном искусственном спутнике Земли «Вэйдады Ю-и» — «Великая дружба» — советские и китайские мастера безгравитационного литья — литья в условиях невесомости — приступили к отливке корпуса первой фотонной ракеты. И, может быть, именно на этой ракете суждено Быкову и его товарищам прорваться к венерианским пустыням... которые «вряд ли сильно отличаются от вашей любимой Гоби».

Фотонная ракета или атомная, отличаются пески Венеры от земных или нет, — но очевидно, что экспедиция отправляется не на готовенькое. Межпланетные перелеты, а главное — работа на других планетах, дело трижды трудное и сложное. Для завоевания Венеры и богатств полумифической Урановой Голконды нужны огромные знания, железное здоровье, необыкновенная выдержка. Нужно быть истым межпланетником, то есть одним из тех героев, которых показывают в кино и встречают с цветами или... хоронят в мрачных пропастях бесконечного пространства. Хватит ли знаний, здоровья, выдержки у скромного инженера Быкова? Впрочем...

Краюхину виднее. Краюхин — заместитель председателя ГКМПС, Государственного комитета межпланетных сообщений. И если Краюхин уверен, что Быков справится, значит, Быков справится. В самом деле, эти межпланетники такие же люди! Раз могут они, сможет и он.

Быков поймал себя на том, что пристально смотрит прямо в глаза хорошенькой девушке-библиотекарю за столиком напротив. Девушка нахмурилась, затем не удержалась — рассмееялась. Быков пасутился. Да, надо послать в Ашхабад телеграмму, что командировка будет длительной. Жаль, нельзя повидаться перед экспедицией... Но что бы это дало? Разве можно в несколько минут высказать то, о чем не решался заговорить несколько лет? Предоставим все судьбе.

Когда он вернется... (в памяти возник снимок из иллюстрированного журнала: герои космических пространств вернулись из трудного рейса — цветы, улыбки, поднятые для приветствия руки...) ...когда он вернется, то возьмет отпуск и поедет в Ашхабад. Он подойдет к одному дому, нажмет кнопку звонка, и тогда...

Быков взглянул на часы. До пяти оставалось несколько минут. Он встал, с легким поклоном вернул улыбающуюся девушке том энциклопедии и пошел к Краюхину.

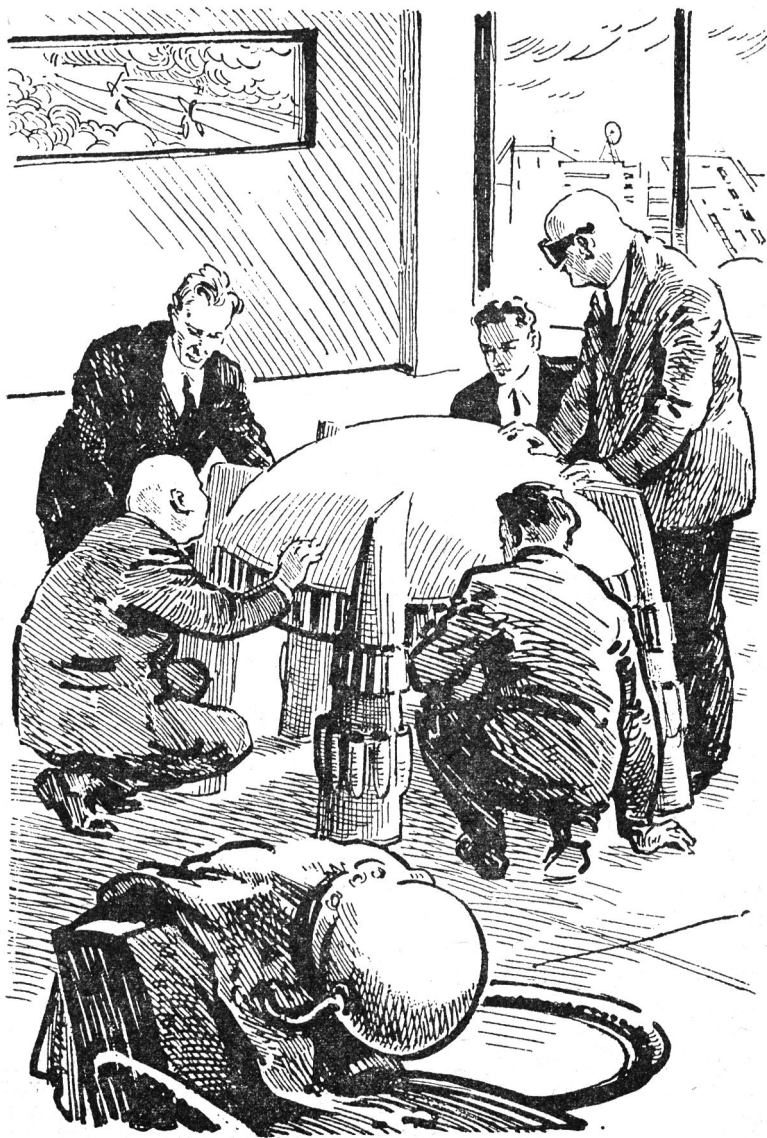
В приемной одноглазый секретарь кивнул ему как старому знакомому. Быков еще раз взглянул на часы (было без минуты пять), провел ладонью по волосам, одернул гимнастерку и решительно распахнул дверь в кабинет.

Ему показалось, что он попал в другое помещение. Шторы были подняты, в настежь раскрытые окна веселым потоком врывалось солнце, заливая светлые бархатистые пластмассовые стены. Кресло у стола было сдвинуто в сторону, на нем все еще лежал, свесив через спинку серебристый колпак, скафандроподобный спецкостюм. Ковер, свернутый рулоном, протянулся вдоль стены. Посреди кабинета, на блестящем паркете, стоял странный предмет, смахивающий на громадную серую черепаху о пяти толстых, как тумбы, ногах. Полу-сферический гладкий панцирь возвышался над полом не меньше чем на метр. Черепаху окружали, присев на корточки, несколько человек.

Когда Быков вошел, один из них, широкоплечий и сутулый, в черпых очках-консервах, закрывающих половину лица, поднял голову с лоснящейся на солнце желтой лысиной и сильным голосом Краюхина произнес:

— Вот он! Товарищи, представляю вам шестого члена вашего экипажа, инженера Алексея Петровича Быкова.

Все повернулись к нему — рослый, очень красивый человек в легком изящном костюме, багровый от жары толстяк с наголо обритой головой, смуглый черноволосый парень, вытиравший жилистые руки клочком промасленной пакли, и... Дауге, старый, добрый друг Григорий Иоганнович Дауге, такой же тощий и нескладный, как в прошлом году в Гоби, только не в шароварах и косынке, а в нормальном городском костюме. Дауге глядел на Быкова и приветливо кивал ему, улыбаясь во весь широкий рот.

— Знакомьтесь, — сказал Краюхин. — Владимир Сергеевич Юрковский, замечательный геолог и опытный межпланетный путешественник...

Красавец в изысканном костюме слабо, словно нехотя, пожал руку Быкова и отвернулся с безразличным видом. Быков покосился на Краюхина. Ему показалось, что в круглых глазах Краюхина вспыхнули и сразу же погасли веселые огоньки.

— ...Богдан Богданович Спицын, пилот, один из лучших в мире космонавтов. Участник первых экспедиций в пояс астероидов.

Черноволосый парень блеснул великолепными зубами. Рука его была горячая и твердая, как железо.

— ...Михаил Антонович Крутиков, — продолжал Краюхин. — Штурман. Гордость нашей советской космогации.

— Ну, уж вы скажете, Николай Захарович! — забормотал толстяк, смутившись, словно девушка, и дружелюбно глядя снизу вверх на Быкова. — Товарищ Быков в самом деле может подумать... Очень рад познакомиться, очень приятно, товарищ Быков...

— ...Наконец... Впрочем, тут, мне думается, представленный не требуется.

Быков и Дауге обнялись.

— Отлично, Алексей, отлично! — шепнул Дауге.

— Глазам не верю! Иоганыч, это ты?

— Я, Алексей!

Краюхин дотронулся до локтя Быкова:

— Командир корабля и начальник экспедиции...

Быков обернулся. В дверях стоял невысокий стройный человек, очень бледный и совершенно седой, хотя по лицу его, тонкому, с четкими, правильными чертами, ему нельзя было бы дать больше тридцати пяти лет. Видимо, он вошел вслед за Быковым и остановился, наблюдая нехитрую церемонию представления.

— ...Анатолий Борисович Ермаков.

Быков, услышав фамилию, несколько месяцев назад не сходявшую с газетных страниц, вытянулся и опустил руки по швам. Есть люди, абсолютное превосходство которых над собой чувствуешь с первого взгляда. Таким человеком, несомненно, был Ермаков. Быков физически ощущал в нем огромную силу воли, нестигаемую, почти жестокою целенаправ-

ленность, гибкий, разносторонний ум. Твердый рот Ермакова был приоткрыт в вежливой улыбке, но темные глаза ощупывали лицо нового члена экспедиции пастороженно и пытливо.

Прошло несколько нестерпимо длинных секунд. Наконец Ермаков мягко проговорил:

— Очень рад, товарищ Быков.

Инженер осторожно пожал его узкую теплую руку и поспешно отошел к Дауге. Он заметил, что лоб Григория Иоганновича покрыт испариной. Впрочем, в кабинете было довольно жарко.

— Так, товарищи... — начал Краюхин. — Теперь, когда мы все в сборе, начнем наше совещание — последнее совещание в Москве.

Он подошел к столу и нажал одну из кнопок на эбонитовом щите у видеофона. Раздалось глухое жужжание. Быков невольно попятился, когда серая черепаха медленно опустилась под пол и над широким квадратным колодцем сомкнулись паркетные створки люка. Дауге и Спицын накатили ковер на место, толстый Крутиков пододвинул к столу кресло.

— Прошу садиться, — пригласил Краюхин.

Все расселись на легких стульях красного дерева. Воцарилась тишина.

— Рад сообщить вам, друзья мои, — начал Краюхин, — что приказ подписан. Приказ подписан два часа назад, и все, что касается, так сказать, личного состава экспедиции, утверждено безоговорочно. Поздравляю вас!

Никто не шевельнулся, только красавец Юрковский вдруг вскинул голову и мельком взглянул на Быкова.

— Что касается задачи... — Краюхин помолчал, поднес к очкам лист бумаги. — Что касается задачи, то тут комитет счел нужным внести кое-какие изменения. Вернее, дополнения.

— Начинается... — недовольно, но очень негромко проворчал Дауге.

Зазвонил телефон. Краюхин поднял и снова положил трубку, щелкнул переключателем и буркнул:

— У меня совещание.

— Есть! — отозвался кто-то.

— Так вот, товарищи. В общем и целом, как говорится, все остается как было в проекте. Комплексная задача — испытание новой техники и геологический поиск на Венере.

Поскольку среди нас есть новичок, который совершенно не в курсе наших дел, а также памятуя, что повторение, так сказать, мать учения... да и вообще небесполезно будет довести до вашего сведения содержание этой части приказа дословно, читаю выдержку: «Параграф восьмой. Цель экспедиции состоит в том, чтобы, во-первых, провести всесторонние испытания эксплуатационно-технических качеств нового вида межпланетного транспорта — фотонной ракеты „Хиус“. Во-вторых, высадиться на Венере в районе месторождения радиоактивных руд „Урановая Голконда“, открытого два года назад экспедицией Тахмасиба — Ермакова...»

Быков шумно вздохнул. Дауге предостерегающе положил руку на его колено.

— «...и провести его геологическое обследование. Параграф девятый. Задача геологической группы экспедиции состоит в определении границ месторождения „Урановая Голконда“, в сборе образцов и приближенном расчете запасов имеющихся там радиоактивных ископаемых. По возвращении представить в комитет соображения об экономической ценности месторождения». Все как было, не правда ли? — сказал Краюхин. — А вот пункт, которого в проекте не было. Слушайте: «Параграф десятый. Задачей экспедиции является отыскание посадочной площадки не далее 50 километров от границ месторождения „Урановая Голконда“, удобной для всех видов межпланетного транспорта, и оборудование этой площадки автоматическими ультракоротковолновыми маяками конструкции Усманова — Шварца с питанием от местных ресурсов».

Краюхин положил бумагу и оглядел слушателей. Некоторое время все молчали. Затем Юрковский, великолепно заломив густую черную бровь, произнес:

— Кто же будет этим заниматься?

— Станный вопрос, Владимир Сергеевич, — усмехнулся Краюхин.

— Прекрасно, прекрасно, площадку мы отыщем, — быстро заговорил Дауге. — В крайнем случае построим. Но вот относительно маяков... Действительно, дело это, видимо, тонкое и требует специальных знаний...

— Вот это уже, дорогие товарищи, не моя забота. Это забота начальника экспедиции. — Краюхин достал из стола папиросу, закурил. — Так ведь, Анатолий Борисович?

Быков с любопытством повернулся к Ермакову. Тот равнодушно кивнул.

— Я думаю, — медленно сказал он, — мы справимся. В нашем распоряжении еще по крайней мере полтора месяца, если я не ошибаюсь. За это время мы вполне сможем ознакомиться с особенностями конструкции маяков и провести две-три пробные сборки. Это не столь уж «тонко»...

— Только учтите, — перебил его Краюхин, — что полтора месяца я вам на это не дам. Даже месяца не дам.

— Что ж, раз так — будет достаточно и трех недель. — Ермаков опустил глаза и стал рассматривать свои длинные тонкие пальцы. — Разумеется, если вы обеспечите нам эту возможность.

— Я не понял, — не дождавись ответа Краюхина, вмешался Юрковский, — что значит «с питанием от местных ресурсов»? Так, кажется, там написано?

— Это значит, Владимир Сергеевич, что источник энергии для маяка вам придется отыскивать там, на месте, — сказал Краюхин. — Впрочем, я думаю, для наших техников этот вопрос ясен, так?

Крутиков торопливо закивал, а Спицын проговорил, улыбаясь:

— Это-то понятно... Радиоэлементы, если Голконда хоть вполовину так богата активными веществами, как говорят, или термоэлементы... Но... Да что говорить! Приказ есть приказ.

— Одно дело — приказать, другое дело — выполнять, — хмуро пробормотал Юрковский. — Во всяком случае, следовало бы этот пункт предварительно согласовать с нами, а потом уже отдавать в приказе.

«Почему Краюхин не оборвет этого распутившегося пиджона?» — сердито подумал Быков.

Прямой, как разрез бритвой, рот Краюхина растянулся в насмешливую улыбку:

— Вам кажется, Владимир Сергеевич, что экспедиции это не под силу?

— Не в этом дело...

— Конечно, не в этом! — резко сказал Краюхин. — Конечно, не в этом! Дело лишь в том, что из восьми кораблей, брошенных на Венеру за последние двадцать лет, шесть разбилось о скалы. Дело лишь в том, что «Хиус» посылается

не только... и не столько ради ваших геологических восторгов, Владимир Сергеевич. Дело лишь в том, что вслед за вами пойдут другие... десятки других, сотни других. Венеру... Голконду оставлять без ориентиров больше нельзя. Нельзя, черт побери! Или там будут надежные автоматические маяки, или мы будем вечно посылать людей почти на верную гибель. Неужели это, так сказать, непонятно вам, Владимир Сергеевич?

Он закашлялся, отбросил папиросу и вытер платком лысину. Юрковский, мгновению ставший пунцовым, смотрел в сторону. Все молчали. Дауге подтолкнул Быкова локтем:

— Вот так нашего брата из высоких эмпиреев стаскивают на землю.

— погоди, Иоганыч! — досадливо прошептал Быков. — Дай послушать.

Он все еще плохо представлял себе замысел и средства экспедиции. Пока было ясно, что по крайней мере одна высадка на Венере все же прошла удачно. Высадка экспедиции Тахмасиба — Ермакова. Урановая Голконда не была мифом.

— ...Полагаю, нам не придется менять расчеты перелета? — спросил Ермаков.

— Нет, расчеты не меняются. Михаилу Антоновичу следует ориентироваться на старт пятнадцатого — восемнадцатого августа.

Штурман Крутиков заулыбался, закивал головой.

— У меня есть еще один вопрос, — неожиданно сказал Юрковский.

— Пожалуйста, Владимир Сергеевич.

— Мне не совсем понятна роль товарища... э-э... Быкова в нашей экспедиции. Я несколько не сомневаюсь в его... э-э... отменных качествах как физических, так и духовных, но я хотел бы еще знать его специальность и его задачу.

Быков затаил дыхание.

— Вам известно, — медленно сказал Краухин, — что экспедиции придется работать в обстановке пустыни. А товарищ Быков хорошо знает пустыню.

— Хм... Я думал, что он специалист по посадочным площадкам. Ведь и Дауге, надо думать, знает пустыню не хуже.

— Дауге знает пустыню гораздо хуже! — сердито вмешался Григорий Иоганнович. — Значительно хуже. Упомянутый Дауге сел в калошу в самых прозаических барханах

Гоби, и если бы не Быков... Ты не знаешь Быкова, Володя, и не знаешь пустыни. Не все пустыни такие же, как на Большом Сырте.

Краюхин спокойно дождался, пока Дауге умолк, и закончил:

— Кроме того, Алексей Петрович — прекрасный инженер, химик-радиолог и водитель.

Юрковский пожал плечами:

— Не поймите меня дурно. Я ничего не имею против инженера Быкова. Но должен же я знать обязанности своего товарища по экспедиции! Вот теперь я знаю: специалист по пустыням.

Быков стиснул зубы и промолчал. Но Краюхин, сердито уставившись на Юрковского круглыми глазами, прогудел:

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, Владимир Сергеевич. Кажется, это у вас пять лет назад в бытность вашу на Марсе рассыпалась гусеница у танкетки, не правда ли? И вы с Хлебниковым тащились пешком пятьдесят километров, потому что так и не сумели ее починить...

Юрковский вскочил и хотел что-то возразить, но Краюхин продолжал:

— И в конце концов, дело даже не в этом. Инженер Быков введен в состав экспедиции, помимо всего прочего, еще и за те, так сказать, отменные физические и духовные качества, в которых вы, по собственным вашим словам, не сомневаетесь. Это человек, на которого вы, Владимир Сергеевич, сможете положиться в критический момент. А такие моменты там будут, обещаю вам! Что же касается его знаний, то будьте уверены, в своей области их у него не меньше, чем у вас в своей.

— Капитулируй! — Крутиков потрепал Юрковского по спине. — Тем более что ведь это он спасал твоего возлюбленного Дауге...

— Перестань! — буркнул Юрковский.

Быков перевел дыхание и пригладил жесткие волосы на макушке.

— Кстати, об обязанностях, — сказал Краюхин, доставая из стола сложенный вчетверо листок. — Все их знают, но... для повторения зачитаю еще раз. «Ермаков — начальник экспедиции, командир корабля, физик, биолог и врач. Спицын — пилот, радист, штурман и бортиженер. Крутиков —

штурман, кибернетист, пилот и бортинженер. Юрковский — геолог, радист, биолог. Дауге — геолог, биолог. Быков — инженер-механик, химик, водитель транспортера, радист».

— Специалист по пустыням... — шепнул Дауге.

Быков нетерпеливо дернул плечом.

— Ну-с, теперь еще одно... — Краюхин поднялся и оперся ладонями о стол. — Несколько слов о «загадке Тахмасиба»...

— О господи! — жалобно пробормотал Крутиков.

— Что вы сказали? — повернулся к нему Краюхин.

— Ничего, Николай Захарович.

— Вы, вероятно, хотели сказать, что вам до смерти надоел этот миф о загадке Тахмасиба?

— Ну... — Крутиков неловко задвигался и покосился на Ермакова, — не совсем так, конечно...

— Но в этом духе. Однако перейдем к делу. Кое-кто в президиуме академии весьма заинтересовался этим вопросом и просил включить работу над расшифровкой «загадки» в план экспедиции.

— Разумеется... — усмехнулся Крутиков.

— Я отказался, сославшись на нашу загруженность. Но, поскольку вы все равно будете работать вблизи от Голконды, прошу брать на заметку все явления, в какой бы то ни было степени напоминающие то, что стало известно после экспедиции Тахмасиба — Ермакова. Договорились?

Все промолчали. Только Ермаков тихо произнес:

— К сожалению, мнение о том, что странное происшествие с Тахмасибом — миф, очень распространено. Но ведь его гибель — не миф...

— Он мог погибнуть от тысячи причин, — сказал Дауге.

— Не исключено. Но не исключено и то, что «красное кольцо», что бы оно ни значило, существует реально и было причиной его гибели.

— Короче говоря, это не приказ, а просьба, — сказал Краюхин, — хотя боюсь, что «загадка Тахмасиба» даст вам о себе знать независимо от того, верите вы в нее или нет... Вот все, что я хотел вам сообщить. Теперь о текущих делах. Вам известно, что завтра мы вылетаем. Сбор здесь, в двенадцать. Поедем на Внуковский аэродром... Алексей Петрович!

— Я!.. — Быков вскочил на ноги.

— Сидите, сидите. Где будете ночевать? В «Праге»?

— У меня, — быстро сказал Дауге.

— Вот и отлично! Ну что ж, товарищи, если нет вопросов, можете идти собираться. Вас, Анатолий Борисович, прошу задержаться на пять минут.

Все поднялись и стали прощаться. Выйдя в приемную, Дауге взял Быкова под руку:

— Спускайся вниз, Алексей, и жди в вестибюле, я схожу за машиной. Впереди целый вечер. Посидим, поговорим. Думаю, у тебя целая куча вопросов, правда?

— Какой ты, Григорий Иоганыч, проницательный, сил нет! — проворчал Быков.

НА ПОРОГЕ

Быков вздохнул и уселся на диване, отбросив одеяло. Он никак не мог заставить себя заснуть. В кабинете Дауге было тепло, только белели сползшие на пол простыни. За широкими окнами слабо розовело ночное зарево огней над столицей.

Он протянул руку за часами на стуле рядом. Часы выскользнули из пальцев и упали на коврик. Быков слез с дивана и принялся искать их, шаря ладонью по коврику и гладкому полу. Часов не было. Тогда он, чертыхаясь, выпрямился и стал поправлять простыни. Он делал это уже в третий раз с тех пор, как Дауге, пожелав ему спокойной ночи, ушел к себе в спальню, чтобы написать несколько писем. Быков улегся, но заснуть не удалась. Он вертелся, сопел, пытался устроиться поудобнее, считал до ста. Сон не приходил.

«Слишком много впечатлений», — подумал Быков, снова усаживаясь. Слишком много впечатлений и мыслей. Слишком много объяснил Дауге, и еще больше осталось неясного. Славно было бы выкурить сейчас сигарету — так нет, нельзя! Надо бросать. Бросать курить и начисто отказаться от спиртного. Давеча Иоганыч, выслушав без всякого энтузиазма сообщение Быкова о том, что «...вот в этом, дружище, чемодане ждет своей очереди бутылка преотличнейшего армянского коньяка», задал равнодушный вопрос: «Лет пятнадцать выдержи?» — «Двадцать!» — торжественно возразил Быков. «Ну, так ты его выбрось, — ласково предложил Дауге. — Выбрось в мусоропровод сейчас или отдай кому-нибудь

завтра. И подумай о том, что в корабле тебе курить не разрешат. Таков режим. На Земле — только виноградное вино в минимальных дозах, в походе — ни капли! Таков режим, товарищ межпланетник».

— М-монастырь, — с чувством произнес Быков, устраиваясь поудобнее под одеялом. — Надо спать. Попробую еще разок.

Он закрыл глаза, и тотчас ему представился огромный пустой вестибюль, где он после совещания ждал Дауге. Богдан Спицын и толстенный Крутиков прошли мимо и остановились рядом с книжным киоском. Насколько можно было понять, они говорили о какой-то новой книге. Точнее, Спицын помалкивал, сверкая ослепительной улыбкой, а Крутиков тараторил высоким тенорком, то и дело бросая самые приветливые и благожелательные взгляды в сторону новичка. Быков почувствовал, что его приглашают присоединиться к беседе, но тут появились Дауге и Юрковский. Дауге стремительно шагал с закушенной губой, лицо Юрковского было исковеркано судорогой. В руке он держал смятую газету.

«Данже погиб», — сказал Юрковский, подойдя вплотную.

Быков увидел, как с лица черноволосого Спицына сползла улыбка.

«А-а, черт!» — выругался он.

Крутиков весь подался вперед, губы его задрожали:

«Господи... Поль?!»

«Над Юпитером! — с бешенством проговорил Юрковский. — Застрел в экзосфере, потерял ход и не захотел возвращаться...»

Он протянул газету. Быков увидел портрет в черной рамке — худощавый молодой человек с печальными глазами.

«Юпитер... Опять проклятый Джуп! — Юрковский стиснул кулаки. — Хуже Венеры, хуже всего на свете... Вот куда бы я... вот...» — Он резко повернулся и пошел прочь, широко шагая по матово-белому пружинящему полу.

«Поль Данже, Поль...» — повторял Крутиков, горестно качая головой.

«Я так и не успел ответить на его письмо», — с трудом выговорил Дауге, жмурясь, как от сильного света.

Все замолчали, только хрустела плотная обложка книги в пухлых волосатеньких пальчиках Михаила Антоновича Крутикова...

...Быков открыл глаза и перевернулся на спину. Это происшествие бросило тень на весь вечер. Хорошего разговора с Иоганьчем не получилось. «Эти межпланетники — чертовски храбрые ребята, — подумал инженер. — И удивительно настойчивые. Настоящие люди! Сколько их легло на Венере!» На громоздких импульсных ракетах с ограниченным запасом горючего шли на штурм. Никто их не гнал, их удерживали, им запрещали, их отстраняли от полетов... если они возвращались.

Теперь на штурм идет «Хиус».

Фотонная ракета «Хиус»... Как и любой инженер-ядерник, Быков был знаком с теорией фотонно-ракетного привода и с интересом следил за всем новым, что появлялось в печати по этому вопросу. Фотонно-ракетный привод превращает горючее в кванты электромагнитного излучения и таким образом осуществляет максимально возможную для ракетных двигателей скорость выталкивания, равную скорости света. Источником энергии фотонно-ракетного привода могут служить либо термоядерные процессы (частичное превращение горючего в излучение), либо процессы аннигиляции антивещества (полное превращение горючего в излучение). Преимущества фотонной ракеты над атомной ракетой с жидким горючим бесспорны и огромны. Во-первых, низкий относительный вес топлива; во-вторых, большая полезная нагрузка; в-третьих, фантастическая для жидкостной ракеты маневренность; в-четвертых...

Так говорит теория. Но Быков знал также, что до последнего времени все попытки использовать идею фотонно-ракетного привода на практике оканчивались провалом. Одна из фундаментальных проблем этой идеи — отражение излучения — не поддавалась практической разработке. Для создания фотонной тяги требуются интенсивности излучения порядка миллионов килокалорий на квадратный сантиметр поверхности отражателя в секунду, и никакие материалы не выдерживали даже кратковременного воздействия температур в сотни тысяч градусов, возникающих при этом. Беспилотные модели сгорали дотла, не успев израсходовать и сотой доли горючего. И тем не менее фотонная ракета «Хиус» построена!

«Создано идеальное зеркало, — сказал Дауге, — „абсолютный отражатель“. Субстанция, отражающая все виды лучистой энергии любой интенсивности и все виды элементарных

частиц с энергиями до ста — ста пятидесяти миллионов электроновольт. Кроме нейтрино, кажется. Волшебная субстанция. Ее теорию разработал институт в Новосибирске. Правда, они не думали о фотонной ракете. Они исследовали возможности идеальной защиты от проникающего излучения ядерного реактора. Но Краюхин сразу понял, в чем дело. — Дауге усмехнулся. — Краюхин — фанатик фотонной ракеты. Это ему принадлежит знаменитый афоризм: „Фотонная ракета — покоренная Вселенная“. Краюхин моментально вцепился в „абсолютный отражатель“, посадил за его разработку две трети лабораторий комитета, и вот — „Хиус“!»

Создание «абсолютного отражателя» было первым реальным достижением новой, почти фантастической науки — мезоатомной химии, химии искусственных атомов, электронные оболочки в которых заменены мезонными. Это так заинтересовало Быкова, что он на время забыл обо всем — о несчастном Поле Данже, о Венере, даже об экспедиции. К сожалению, об «абсолютном отражателе» Дауге мог рассказать очень немного. Зато он рассказал о «Хиусе».

«Хиус» — комбинированный планетолет; пять обычных атомно-импульсных ракет несут параболическое зеркало из «абсолютного отражателя». В фокус зеркала с определенной частотой впрыскиваются порции водородно-третиевой плазмы. Назначение атомных ракет двойное: во-первых, они дают «Хиусу» возможность стартовать и фишишировать на Земле. Фотонный реактор для этого не годился — он заражал бы атмосферу, как одновременный взрыв десятков водородных бомб. Во-вторых, реакторы ракет питают мощные электромагниты, в поле которых происходит торможение плазмы и возникает термоядерный синтез.

Очень просто и остроумно: пять ракет и зеркало. Кстати, уродливая пятиногая черепаха, которую Быков видел в кабинете Краюхина, — это, оказывается, макет «Хиуса». Изяществом обводов «Хиус», откровенно говоря, не отличается...

Инженер снова сел, скорчившись, упираясь голой спиной в прохладную стену.

«Мы стартуем на фотонной ракете „Хиус-2“. „Хиус-1“ сгорел два года назад во время испытаний, — нехотя сказал Дауге. — Никто не знает почему. Спросить не у кого. Единственный человек, который мог бы об этом что-нибудь сказать, — это Ашот Петросян, светлая ему память! Он распался

в атомную пыль вместе с массой легированного титана, из которого был сделан корпус первого „Хуса“. Легкая и честная смерть...»

«Никто из нас, наверное, не боится смерти, — подумал Быков. — Мы только не хотим ее. Чьи это слова?» Он слез с дивана. Заснуть не удастся, это ясно. Абсолютный отражатель. Даже, «Хиус», Петросян... «Попробуем последнее средство».

Он вышел на балкон, совершенно машинально пашарив в кармане куртки пачку сигарет.

Если не спится, надо как следует померзнуть. Быков облокотился на перила. Было тихо. Огромный город спал в призрачной полутьме июльской ночи; далеко за горизонтом стояло розовое мерцающее зарево, на севере ослепительной белой стрелой уходил в серое небо пик Дворца Советов.

«Уже не меньше двух, — подумал Быков. — Где же, однако, мои часы?.. Удивительно тепло. Мягкий теплый ветерок... А вот „хиус“ по-сибирски — зимний ветер, северяк. Проект фотонной ракеты разрабатывали инженеры-сибиряки, и они предложили это слово как кодовое название. Потом это название перешло и на планетолет».

Странные, непривычные названия, «Хиус» — в честь сибирской стужи, «Урановая Голконда», кажется, — в память о древнем городе, где царь Соломон хранил некогда свои алмазы... И еще — «загадка Тахмасиба». Тахмасиб Мехти, крупный азербайджанский геолог, — первый человек, побывавший на Голконде. Ермаков, Тахмасиб и еще двое геологов на специально оборудованной спортивной ракете благополучно опустились на Венере. Это была огромная удача и счастливый случай. Все так считают, в том числе и сам Ермаков.

Они сели где-то километрах в двадцати от границ Голконды. Тахмасиб оставил Ермакова у ракеты, а сам со своими геологами отправился на разведку. Что там произошло — неизвестно. Тахмасиб вернулся к ракете через четверо суток один, полумертвый от жажды, страшно истерзаный, изъеденный лучевыми язвами. Он принес образцы урановых, радиевых, трансураниевых руд («Богатейшие руды, Алексей, изумительные руды!») и в контейнере розовато-серую радиоактивную пыль. Он был уже почти без памяти. Он показывал Ермакову контейнер и что-то много и горячо говорил по-азербайджански. Ермаков не понимал по-азербайджански и умолял его говорить по-русски, потому что ясно

было, что речь идет о чем-то важном. Но Тахмасиб по-русски сказал только: «Бойтесь красного кольца! Уходите от красного кольца!» Больше до самой смерти он не произнес ни слова. Умер он при старте, и Ермаков полмесяца провел в ракете с его трупом.

«Красное кольцо» — это и есть загадка Тахмасиба, загадка гибели трех геологов, загадка Голконды. А может быть, никакой загадки и нет. Может быть, как считают многие, Тахмасиб просто помешался от лучевой болезни или от картины гибели товарищей. Серо-розовый порошок в контейнере оказался сложным кремнийорганическим соединением — на Земле, впрочем, давно известным.

И зачем Тахмасиб тащил на себе этот контейнер — непонятно... И непонятно, какое к этому отношение имеет «красное кольцо».

Дауге рассказывал об этом скороговоркой, морщась, как от изжоги. Он не верил в «загадку Тахмасиба». Зато он готов был часами говорить о богатствах Голконды. Только бы добраться, дойти, доползти до нее...

Быков бочком присел на перила, пачка сигарет мешала ему, и он положил ее рядом. В высоте с легким фырканьем пронесся небольшой вертолет. Быков проводил взглядом его сигнальные огоньки — красный и желтый. Он вспомнил разговор с Дауге.

Тахмасиб с товарищами шел к Голконде пешком. Но наша экспедиция берет с собой транспортер. Дауге говорит, что это превосходная машина. У Иоганьча все превосходное: «Хиус» превосходный, транспортер превосходный, Юрковский превосходный. Только о командире он отозвался как-то сдержанно. Оказывается, Ермаков — приемный сын Краюхина. Один из лучших космонавтов мира, но человек со странностями. Правда, у него, видимо, была очень тяжелая жизнь. Дауге отзывался о нем как-то очень неуверенно:

«Я его почти не знаю... Говорят... говорят, что это очень смелый, очень знающий и очень жестокий человек... Говорят, он никогда не смеется...»

Жена Ермакова была первым человеком, высадившимся на естественном спутнике Венеры. И там произошло какое-то несчастье. Никто об этом не знает ничего толком — какое-то столкновение между членами экипажа. С тех пор женщин перестали брать в дальние межпланетные рейсы, а Ермаков

целиком посвятил себя штурму Венеры. Он, оказывается, четыре раза пытался высадиться на поверхности этой планеты — и все четыре раза неудачно. В пятый раз он летал с Тахмасибом Мехти. А сейчас, на «Хиусе», идет к Венере в шестой раз.

Быков прошелся по балкону, заложив руки за спину. Нет, положительно ему не удастся даже замерзнуть! Слишком тепло, даже душно. Может быть, все-таки закурить? Быков почувствовал, как в нем растет уверенность в том, что лучшее и радикальнейшее средство против бессонницы — это сигарета. Тонкая ароматная сигарета, чарующая, баюкающая, успокаивающая... Он нашупал пачку.

Лучший способ преодолеть искушение — это поддаться ему. Он усмехнулся. Черта с два! Режим! Пачка полетела вниз с высоты одиннадцатого этажа. Быков, перегнувшись через перила, поглядел в темную пропасть. Там вдруг вспыхнули слепящие лучи фар, бесшумно пробежали по асфальту и скрылись.

«Зря намусорил, — подумал Быков. — Эх, слабости да грехи! Спать надо...» Он вошел в комнату и ощупью добрался до дивана. Под ногой что-то хрустнуло. «Бедные часы», — подумал он, пытаясь хоть что-нибудь разобрать в темноте.

Он глубоко вздохнул и опустился на губчатое сиденье непокорного дивана. «Нет, не заснуть тебе сегодня, товарищ инженер, специалист по пустыням! С чего это красавчик Юрковский так невзлюбил меня? Теперь прилипнет прозвище: специалист по пустыням. А какое у Юрковского лицо было, когда он говорил о Поле Данже!.. Да, такой не страдает бессонницей перед полетом. „Мы не боимся смерти, мы только не хотим ее...“ Так ли, инженер? А вдруг в этом же вестибюле, через полгода, кто-то сообщит новость: «Товарищи, слышали? „Хиус“ погиб. Ермаков погиб, Юрковский и этот... как его... специалист по пустыням...» Чепуху городишь, Алексей! Это от бессонницы и от безделья. Скорей бы утро — и в самолет, на Седьмой полигон, на ракетодром в Заполярье, где экспедиция будет готовиться к отлету и ждать „Хиус“, который сейчас в пробном рейсе. Сегодня вставать в восемь, а я заснуть не могу, черт побери... Дауге уже спит, конечно...»

Тут Быков заметил, что дверь в спальню приотворена и сквозь щель падает на стену слабый лучик света. Он встал, на цыпочках подошел к двери и заглянул в щелку. За столом,

рядом с раскрытой постелью, сидел Дауге, обхватив голову руками. Стол был почти пуст, на полу громоздился огромный рюкзак. На рюкзаке лежал геологический молоток с лоснящейся рукояткой. Быков кашлянул...

— Входи, — сказал Дауге, не оборачиваясь.

— Э-э... — затащил Алексей Петрович в совершеннейшем смущении. — Я, понимаешь, забыл тебя спросить...

Дауге обернулся:

— Заходи, заходи... Садись. Ну, что ты забыл спросить?

Быков напряг память так, что даже зубами скрипнул.

— Э-э... Да вот, понимаешь... — Тут его наконец осенило. — Вот. Зачем нам ставить на Венере радиомаяки, если ее атмосфера все равно не пропускает радиосигналов?

На лице Дауге лежала глубокая тень абажура. Быков уселся на пизенькое легкое креслице и победоносно задрал одну ногу на другую. Он почувствовал огромное облегчение от того, что находится в освещенной комнате, в обществе верного друга Иоганьча.

— Да, — произнес Дауге задумчиво, — это действительно — чрезвычайно важный вопрос. Теперь я понимаю, почему ты до сих пор не заснул. А я-то думаю — что это он шатается по комнате? Зубы у него болят, что ли? А дело, значит, в маяках...

— Н-да, — неуверенно заявил Быков, опустив ногу. Чувство облегчения куда-то испарилось.

— У тебя, вероятно, есть какие-нибудь соображения по этому поводу? — продолжал Дауге совершенно серьезным тоном. — Ты, конечно, что-нибудь придумал во время... своего бдения? Нечто общепольное...

— Видишь ли, Иоганьч... — проникновенно начал Быков, делая многозначительное лицо и не имея ни малейшего представления о том, чем он кончит начатую фразу.

— Да-да, я тебя понял, — прервал Дауге кивая. — И ты совершенно — понимаешь? — абсолютно прав! Именно так и обстоит дело. Атмосфера Венеры действительно не способна пропускать радиолучи, но при строго определенном диапазоне мы допускаем возможность прорыва этой радиоблокады. Этот диапазон определен из чисто теоретических, а равно и наблюдательных данных относительно локальных ионизирующих полей... чего, инженер?..

— Венеры, — мрачно произнес Быков.

— Именно — Венеры! Атмосфера планеты пропускает иногда волны и других длин, но это — явление случайное, на него рассчитывать не приходится. Поэтому задача состоит в том, чтобы определить полосу пропускания, а определив, забросить маяки на поверхность... на поверхность чего?

— Венеры! — повторил Быков с ненавистью.

— Великолепно! — восхитился Дауге. — Ты не зря провел ночь без сна. Однако все попытки забросить на поверхность радиостанцию кончались... чем, инженер?

— Хватит, — отвечивал Быков, ерзая на кресле.

— Гм... Странно. Они, друг мой, кончались неудачей. Скорее всего, эти маяки-танкетки разбивались о скалы. Или, во всяком случае, приходили в негодность во время спуска. Но, если бы даже они не разбивались, что толку от них? Они бы не помогли нам. Зато теперь у нас есть... что у нас есть?

— Терпения у нас уже нет, — мрачно сказал Быков.

Дауге торжественно провозгласил:

— У нас есть «Хиус», и есть маяки, и найдена полоса пропускания, в коей сигналы оных маяков прорываются через атмосферу. Значит, у нас есть все, кроме терпения, а это уже дело наживное. Можно, пожалуй, спать спокойно.

Алексей Петрович грустно вздохнул и поднялся.

— Бессонница, — проговорил он.

Дауге кивнул:

— Бывает.

Быков прошелся по комнате и остановился перед тремя стереофотоснимками на стене. Левый изображал старинную узкую улицу какого-то прибалтийского города, правый — межпланетный корабль, похожий на колоссально увеличенный винтовочный патрон времен Великой Отечественной войны, уткнувшийся острым носом в черное небо. На средней фотографии Быков увидел молодую грустную женщину в закрытом до шеи синем платье.

— Кто это, Иоганнч? Жена?

— Д-да... Собственно, нет, — с неохотой проговорил Дауге. — Это Маша Юрковская, сестра Володи. Мы разошлись...

— А; извини...

Инженер, прикусив губу, вернулся к креслицу и сел. Дауге бесцельно листал страницы книги, лежащей перед ним на столе.

— Собственно, она ушла... Это будет точнее...

Быков молчал, разглядывая худое загорелое лицо друга. В свете голубой лампы оно казалось совсем черным.

— Вот мне тоже не спится, Алексей, — проговорил Дауге печально. — Жалко Поля. И на этот раз ехать не очень хочется. Я очень люблю Землю. Очень! Ты, наверное, думаешь, что все межпланетники — убежденные небожители. Неверно. Мы все очень любим Землю и тоскуем по голубому небу. Это наша болезнь — тоска по голубому небу. Сидишь где-нибудь на Фобосе. Небо бездонное, черное. Звезды, как алмазные иглы, глаза колют. Созвездия кажутся дикими, незнакомыми. И все вокруг искусственное: воздух искусственный, тепло искусственное, даже вес твой и тот искусственный...

Быков слушал не шевелясь.

— Ты этого не знаешь. Ты не спишь только потому, что чувствуешь себя на пороге: одна нога здесь, другая там. А вот Юрковский сейчас сидит и стихи пишет. О голубом небе, об озерных туманах, о белых облаках над лесной опушкой. Плохие стихи, на Земле в любой редакции таких стихов — килограммы, и он это прекрасно знает. И все-таки пишет.

Дауге захлопнул книжку и откинулся на спинку кресла, запрокинув голову.

— А кругленький Крутиков, наш штурман, конечно, гоняет по Москве на машине. С женой. Она за рулем, а он сидит и глаз с нее не сводит. И жалеет, что детишек рядом нет. Детишки у него живут в Новосибирске, у бабки. Мальчуган и девочка, очень славные ребята... — Дауге вдруг засмеялся: — А вот кто спит, так это Богдан Спицын, наш второй пилот. У него дом — в ракете. «Я, — говорит, — на Земле как в поезде: хочется лечь и заснуть, чтобы скорее приехать». Богдан — небожитель. Есть у нас такие, отравленные на всю жизнь. Богдан родился на Марсе, в научном городке на Большом Сырте. Прожил там до пяти лет, а потом мать его заболела, и их отправили на Землю. И вот, рассказывают, пустили маленького Богдашу погулять на травке. Он походил-походил, залез в лужу да как заревет: «Домой хочу-у! На Марс!»

Быков радостно засмеялся, ощущая, как тает, сваливается с души тяжелый ком непонятных чувств. Все очень просто, он действительно на пороге — одна нога еще здесь, а другая уже «там»...

— Ну а что делает наш командир? — спросил он.

Дауге подобрался.

— Не знаю. Просто не могу себе представить... Не знаю.

— Тоже, наверное, спит, как и Богдан-небожитель...

Дауге покачал головой:

— Не думаю... Небо сейчас ясное?

— Нет, заволокло тучами...

— В таком случае — совсем не знаю. — Дауге покачал головой. — Я мог бы себе представить, что Анатолий Ермаков сейчас стоит и глядит на яркую звезду над горизонтом. На Венеру. И руки у него... — Дауге помолчал. — Руки у него стиснуты в кулаки, и пальцы белые...

— Ну и фантазия у тебя, Иоганнч!..

— Нет, Алексей, это не фантазия. Для нас Венера — это, в конечном счете, эпизод. Побывали на Луне, побывали на Марсе, теперь летим осваивать новую планету. Мы все делаем свое дело. А Ермаков... У Ермакова — счеты, старые свирепые счеты. Я тебе скажу, зачем он летит: он летит мстить и покорять — беспощадно и навсегда. Так я себе это представляю... Он и жизнь и смерть посвятил Венере.

— Ты хорошо его знаешь?

Дауге пожал плечами:

— Не в этом дело. Я чувствую. И потом, — он принялся загибать пальцы, — Нисидзима, японец, — его друг, Соколовский — его ближайший друг, Ши Фэнь-ю — его учитель, Екатерина Романовна — его жена... И всех их сожрала Венера. Краюхин — его второй отец. Последний свой рейс Краюхин совершил на Венеру. После этого рейса врачи навсегда запретили ему летать...

Дауге вскочил и прошелся по комнате.

— Укрощать и покорять, — повторил он, — беспощадно и навсегда! Для Ермакова Венера — это упрямое, злое олицетворение всех враждебных человеку сил стихии. Я не уверен, что нам всем дано будет когда-нибудь понять такое чувство. И, может быть, это даже к лучшему. Чтобы это понять, надо бороться, как боролся Ермаков, и страдать, как страдал он... Покорить навсегда... — повторил Дауге задумчиво.

Алексей Петрович передернул плечами, словно от озноба.

— Вот почему я сказал про сжатые кулаки, — закончил Дауге, пристально глядя на него. — Но, поскольку сейчас пасмурно, я просто не могу представить, что он может делать. Вероятнее всего, действительно, просто спит.

Помолчали. Быков подумал, что с таким начальником ему служить еще, пожалуй, не приходилось.

— А как твои дела? — неожиданно спросил Дауге.

— Какие дела?

— С твоей ашхабадской учительницей.

Быков сразу насупился и поскуchnел.

— Так себе, — грустно сказал он. — Встречаемся...

— Ах вот что! Встречаетесь. Ну и?..

— Ничего.

— Предложение делал?

— Делал.

— Отказала?

— Нет. Сказала, что подумает.

— Как давно это было?

— Полгода назад.

— И?

— Что — «и»? Ничего больше не было.

— То есть ты положительный дурак, Алексей, извини, ради бога.

Быков вздохнул. Дауге глядел на него с откровенной насмешкой.

— Поразительно! — сказал он. — Человеку тридцать с лишним лет. Любит красивую женщину и встречается с нею вот уже семь лет...

— Пять.

— Хорошо, пусть будет пять. На пятый год объясняется с пей. Заметьте, она терпеливо ждала пять лет, эта несчастная женщина...

— Не надо, Григорий, — морщась, сказал Быков.

— Минутку! После того, когда она из скромности или из маленькой мести сказала, что подумает...

— Довольно!

Дауге вздохнул и развел руками.

— Ты же сам виноват, Алексей! Твой способ ухаживания похож на издевательство. Что она о тебе подумает? Тюфяк!

Быков уныло молчал. Потом сказал с надеждой:

— Когда вернемся...

Дауге хихикнул:

— Эх ты, покоритель... виноват, специалист по пустыням! «Когда вернемся»!.. Иди спать, видеть тебя не могу!

Быков встал и взял со столика книжку. «*La description planétographique du Phobos*» Paul Dangée*, — прочитал он. На титульном листе стояла жирная, красным карандашом надпись по-русски: «Дорогому Дауге от верного и благодарного Поля Данже».

На рассвете Быков проснулся. Дверь в спальню была полуоткрыта. Дауге в одних трусах, черный и взъерошенный, стоял у письменного стола и смотрел на портрет молодой грустной женщины — Маши Юрковской. Затем он снял портрет со стены и сунул его в рюкзак.

Быков осторожно перевернулся на другой бок и заснул снова.

БУДНИ

Город был невелик: несколько сотен новеньких коттеджей, вытянутых в четыре ровные параллельные улицы вдоль лощины между двумя грядами плоских голых холмов. Красное утреннее солнце неярко освещало мокрый асфальт, пологие крыши, веселые деревца в палисадниках. За холмами в розовой дымке виднелись огромные легкие сооружения, знакомые по кино и фотографиям, — стартовые установки для межпланетных кораблей.

Алексей Быков, запахнувшись в белый халат, стоял у огромного, в полстены, окна, ждал, когда его вызовут к врачу, и глядел на улицу. Экипаж «Хиуса» прибыл в этот городок вчера вечером. В самолете Быков спал, но, вероятно, не отоспался и потому дремал и в машине по дороге с аэродрома. От вчерашних впечатлений о городе в памяти сохранилась только залитая розовым вечерним солнцем улица, светлое многоэтажное здание гостиницы и слова дежурной по этажу: «Вот ваша комната, товарищ, устраивайтесь...» В семь часов его разбудил Дауге и сообщил, что всем приказано явиться на медосмотр и что от долгого сна бывают пролежни.

Медицинский корпус примыкал к зданию гостиницы. Здесь межпланетникам велели снять всю одежду, накинуть халаты и ждать.

* «Планстографическое описание Фобоса». Поль Данже.

За окном, на улице, было пусто. Возле дома напротив застыл стремительный низкий автомобиль с серебряным оленем на радиаторе. Прошли двое в легких комбинезонах, с огромными чертежными папками в руках. Тяжело прополз мощный полугусеничный электрокар с фургоном. В палисадник вышел парнишка лет двенадцати, посмотрел на небо, свистнул в три пальца и, перескочив через ограду, побежал по улице, явно копируя стиль бега знаменитых чемпионов.

Быков отошел от окна. Ермакова и Юрковского в комнате уже не было, их вызвали в кабинет врача. Остальные неторопливо раздевались, вешая одежду в изящные шкафчики с полупрозрачными створками. Алексей Петрович залюбовался Спицыным. У пилота было могучее поджарое тело гимнаста-профессионала. На широченных плечах, под тонкой золотистой кожей, перекатывались желваки мускулов. Дауге уже накинул халат и, ехидно улыбаясь, завязывал узлом рукава шелковой сорочки Юрковского, приговаривая: «Т-так, а теперь вот так...» Покончив с этим полезным занятием, он весело хихикнул и подошел к Быкову:

— Нравится город, Алексей?

— Хороший город, — ответил Быков сдержанно. — А далеко ли ракетодром?

— Там, за холмами. Видишь стартовые стрелы? Вот там и находится знаменитый Седьмой полигон, первый и пока единственный в мире специальный ракетодром для испытаний, стартов и посадок фотонных ракет. Здесь стартовало первое фотонное беспилотное устройство «Змей Горыныч». Здесь садились «Хиус-один» и «Хиус-два». Здесь, вероятно, сядут и «Хиус-три», и «Хиус-четыре», и «Хиус-пять»...

— Сядут или будут стартовать?

— И стартовать будут. Но сначала сядут. Ведь их строят не на Земле.

— Ага... — Быков вспомнил о внеземном литейном заводе на спутнике «Вэйдады Ю-и».

Там, на высоте пяти тысяч километров над Землей, в условиях невесомости и почти идеального вакуума отливались исполинские корпуса сверхтяжелых ракет. Двести пятьдесят человек — ученых, инженеров, техников и рабочих — управляли солнечными печами, центробежными машинами, сложнейшей литейной автоматикой, превращая многотонные

титановые и вольфрамовые болванки в корпуса межпланетных кораблей. Очевидно, там же рождались и «Хиусы»...

— Крутиков и Спицын, пожалуйста! — раздался за спиной голос Ермакова.

Друзья обернулись. Крутиков бросил газету и вслед за Спицыным вошел к врачу, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Седьмой полигон — идеальное место! — с воодушевлением говорил Дауге. Лицо его было обращено к Быкову, но глаза косили в сторону Юрковского, уже распахнувшего свой шкафчик. — Вокруг — сотни километров тундры, ни одного населенного пункта, ни одного человека. На севере — океан...

Юрковский взялся за сорочку.

— ...По прямой до побережья около двухсот километров... — Дауге вдруг прыснул, но тут же, спохватившись, торжественно провозгласил: — И между городом и океаном распростерлись по тундрам пять миллионов гектаров нашего полигона!

Юрковский просунул голову через ворот и теперь стоял в напряженной позе, с обвисшими рукавами, похожий на огородное чучело. Ермаков, уже одетый, прошел к врачу, аккуратно застегнув все пуговицы на халате.

— Отсюда на юг идет железнодорожная ветка и шоссе, — громко продолжал Дауге. — Километрах в четырехстах, около геофизической станции...

— Интересно, — спросил Юрковский задумчиво, — какой кретин это сделал?

— ...м-м-м... около станции, значит, она сворачивает и соединяется с северной транссибирской магистралью у Якутска... Гм... Володя, как твое здоровье?

— Благодарю вас, — сказал Юрковский приближаясь. Сорочку он снял и теперь выразительно играл мускулами, глядя на Дауге исподлобья. — Я совершенно здоров. Я приложу максимум усилий к тому, дружок, чтобы о вас этого не сказал даже самый скверный ветеринар.

— Володя! — вскричал Дауге. — Это ошибка. Это не я.

— А кто же?

— Это он! — Дауге похлопал Быкова по волосатой груди. — Это, Володя, такой шутник!..

Юрковский мельком глянул на Алексея и отвернулся. Быков, открывший было рот, чтобы принять участие в игре,

только кашлянул и промолчал. Юрковский не принимает его в игру — это было ясно. Дауге также понял это, и ему тоже стало неловко.

В этот момент дверь открылась, и Ермаков позвал:

— Товарищи, ваша очередь.

Очень довольный таким оборотом дела, Быков поспешно прошел в кабинет.

Сначала их осмотрел врач — жгучий брюнет с фантастическим носом. Дауге он отпустил, не сказав ни слова, но, осматривая Быкова, ткнул пальцем в длинный рубец на его груди и спросил:

— Что это?

— Авария, — лаконично ответил Быков.

— Давно? — не менее лаконично осведомился врач, поднимая нос.

— Шесть лет.

— Последствия?

— Без, — сказал инженер, демонстративно рассматривая докторову переносицу.

Дауге тихонько хихикнул.

Врач что-то записал в толстой книжке, на которой значилось: «Медицинский дневник № 4024. Быков Алексей Петрович», и повел друзей в соседнюю комнату. Там они увидели большой матово-белый шкаф. Врач прицелился носом в Дауге и предложил ему войти в этот шкаф. Дверца шкафа бесшумно закрылась, врач надавил несколько клавиш на пульте с правой стороны шкафа, и тотчас послышалось тихое гудение. На пульте загорелись, перемигиваясь, разноцветные лампочки, заколебались стрелки приборов. Это продолжалось минуты полторы, после чего аппарат звонко щелкнул и выбросил откуда-то белый листок, покрытый ровными строчками букв и цифр. Лампочки погасли, и доктор открыл дверцу. Дауге вылез спиной вперед, потирая плечо.

Врач повернулся к Быкову и весело кивнул ему носом:

— Вперед!

Алексей кашлянул и забрался в шкаф. Там было темно. Прохладные металлические обручи сомкнулись на его плечах и на поясе, прижали к чему-то теплomu и мягкому, подняли, опустили. Вспыхнул красный свет, потом зеленоватый, потом что-то кольнуло в предплечье, и Быков почувствовал себя свободным. Дверь открылась.

Врач, мурлыча себе под нос что-то легкомысленное, внимательно рассматривал листки, выброшенные «шкафом». Это были «формулы» здоровья, полный отчет о состоянии организма, а также индивидуальный комплекс обязательных гимнастических упражнений и диетический рацион на период подготовки к старту. Пометив что-то в «Медицинских дневниках», врач передал листки Ермакову и сообщил, что такие осмотры будут проводиться еженедельно.

Ермаков поблагодарил и вышел.

— Что это за ящик? — спросил Алексей Петрович у Дауге, одеваясь. — Инкубатор для взрослых? Электронный вариант шкатулки Папдоры?

— Кибердоктор, электронная диагностическая машина, — сказал Дауге. — Все бы хорошо, но она делает уколы. Терпеть не могу уколов!

Они вошли в лифт и поднялись на пятый этаж, в столовую. Это был огромный пустоватый зал, залитый розовым светом северного солнца. Почти все столики были свободны. Завтрак либо уже кончился, либо еще не начинался.

— Вон наши, — сказал Дауге.

Экипаж «Хиуса» занял два сдвинутых столика у самого окна. За ними уже сидели оба пилота и Ермаков. Быков отметил, что у толстяка Крутикова несчастный вид. «Гордость советской астронавтики» сидела, сгорбившись, над стаканом молока, крошила сухой хлеб и с невыразимой тоской поглядывала на тарелку Спицына. Черноволосый Богдан терзал дымящийся ломоть сочного бифштекса.

Как ни странно, но завтрак был подан уже по новым рационам. Быков с некоторым недоумением съел целый салатник душистой травки, очистил тарелку овсяной каши, умял два куска отличной ветчины и принялся за яблочный сок. Дауге было подано мясо.

Иоганн поднял вилку и нож и осведомился:

— Что же сказал тебе врач, Михаил Антоныч?

Крутиков покраснел и уткнулся в стакан.

— А я знаю, — объявил подошедший Юрковский. — Он, паверное, долго и нежно держал Мишу за складку на животе и популярно объяснял, что чревоугодие никогда не было украшением межпланетника.

Крутиков молча допил молоко и потянулся было к вазе со сдобным печеньем, но Ермаков негромко произнес «гм», и штурман поспешно убрал руку.

После завтрака Краюхин объявил, что приехал Усманов, один из конструкторов нового маяка. Усманову поручено обучить экипаж сборке и эксплуатации «этого замечательного достижения технической мысли».

— Даю на это две недели, — сказал Краюхин. — Затем каждый начнет работу по своей специальности.

Первое занятие проходило в спортивном зале гостиницы. Рабочие в синих спецовках бесшумно внесли толстый шестигранный брус и несколько предметов, форма и материал которых лишь с трудом могли бы вызвать у несведущего человека ассоциации с какими-нибудь общеизвестными понятиями. Недоумение и любопытство было даже в глазах Богдана Спицына и Крутикова, только Ермаков рассматривал неизвестную аппаратуру с обычным холодно-равнодушным видом.

Вошел Усманов, высокий скуластый человек в рабочем комбинезоне, представился и сразу приступил к делу. Постепенно нахмуренные лица космонавтов прояснились. Посыпались вопросы, завязался оживленный разговор. Скоро к беседе подключился и Быков, знакомый в общих чертах, как и всякий инженер, с принципами радиолокации и радионаведения.

Речь шла об устройстве, предназначенном для подачи направленных и очень мощных ультракоротковолновых импульсов определенной длины волны, способных пробить плотные пылевые облака и высокоионизированные области атмосферы. Длительность импульсов не превышает десяти микросекунд. В секунду подается до ста импульсов. Специальные приспособления заставляют этот импульсный луч описывать спираль, обегая за несколько секунд верхний сегмент небесной сферы от горизонта к зениту и снова к горизонту.

Такое устройство обеспечит космическим кораблям ориентировку над неизвестной планетой, поверхность которой недоступна для визуального наблюдения и где обычные средства радиолокации бессильны из-за электрических возмущений и высокой ионизации. Маяки эти предполагается устанавливать на вершинах скал недалеко от удобных для посадки площадок и других объектов, которые желательно отмечать ориентирами. В данном случае, в связи с главной задачей экспедиции,

их надо будет установить возле первой посадочной площадки на Венере, на границе Урановой Голконды.

— А питание? — спросил Юрковский.

Усманов вытянул из портфеля сверток.

— Селеново-цериевые радиобатареи, — сказал он. — Двести ячеек на квадратный сантиметр. Мы могли бы снабдить вас еще и нейтронными аккумуляторами, но я думаю — это лишнее. Они слишком громоздки. Полупроводниковая радиобатарея гораздо портативнее. На «Хиус» погрузят пятьсот квадратных метров такой ткани, и вы просто разложите и укрепите ее возле маяков... Если почва у края Голконды будет давать на каждый квадратный сантиметр по пятидесяти—шестидесяти рентгенов в час — а по предварительным расчетам она будет давать много больше, — мощность батареи достигнет двух-трех тысяч киловатт. Для маяков это более чем достаточно.

Быков недоверчиво ощупал тугую эластичную пленку, в полупрозрачной толще которой виднелись мутные зернышки.

Принципы сборки и установки маяка оказались очень простыми.

— Нет никакой необходимости разбирать основные агрегаты устройства, — говорил Усманов. — Это было бы даже нежелательно, Анатолий Борисович. (Ермаков кивнул.) Как видите, они опечатаны заводскими штампами. За их работу отвечает наша лаборатория. А остальное несложно. Подойдите поближе, товарищи, помогите... Вот так, спасибо.

Все агрегаты нанизывались на шестигранный шест, как кольца в детской пирамидке, и скреплялись между собой немногими защелками и скользящими в пазах шпильками. Быков отметил про себя, что во всем устройстве не было ни одного винта — по крайней мере снаружи.

— Теперь в это гнездо вставляется кабель от радиобатарей. Маяк в таком виде может работать без присмотра десятки лет.

— Хороший маяк, простой, — сказал Крутиков, поглаживая выпуклую и сетчатую, словно гигантский стрекозиный глаз, макушку маяка. — Какова его масса?

— Всего сто восемьдесят килограмм.

— Неплохо, — подтвердил Юрковский. — Короче говоря, самое сложное — это установить маяк.

Для установки маяка предусматривались три способа. На твердой скалистой поверхности можно было воспользоваться огромной присоской на нижней части шеста.

В более неустойчивой породе следовало пробурить скважину, в которую опускался шест. Скважину заливали пластрактором. Наконец, в том случае, если почва окажется сыпучей, в ней при помощи тока высокой частоты выплавляется шестиногая монолитная колонна, уходящая вглубь до десяти метров. Шест вплавляется в нее.

Пробные сборки и установки маяков были проведены за городом в тот же день. Быков с восхищением наблюдал, как направляемый ловкими руками Юрковского вибробур быстро высверлил в замшелой гранитной глыбе узкую глубокую скважину. Усманов объявил, что скважина превосходная — прямая и идеально отвесная. В нее вставили шест, залили омерзительно пахнущей жидкостью из баллона с манометром. Жидкость моментально затвердела.

— Ну-ка! — предложил Усманов.

Быков и Спицын переглянулись и взялись за шест. К ним присоединился Дауге, затем Крутиков, но ни выдернуть его, ни согнуть не удалось.

— Вот видите! — гордо сказал Усманов. — А теперь займемся сборкой.

Солнце снова повисло над верхушками стартовых стрел на ракетодrome, когда экипаж «Хиуса» вернулся в гостиницу.

— В ближайшие дни, — объявил Ермаков, — каждый член экипажа должен научиться владеть вибробуром так же искусно, как наши геологи, и собирать и разбирать маяк с завязанными глазами. Этим мы и займемся.

Пообедав, Быков уединился в своем номере и принялся за письмо в Ашхабад. Он исписал убористым почерком семь страниц, перечитал, безнадежно вздохнул и завалился на диван.

Письмо получилось неприлично сентиментальным. И чертовски хочется закурить. Быков перевернулся на живот и сунул в рот карандаш. Во-первых, можно лечь и проспать до утра. Во-вторых, можно залезть в ванну... Черт, что за кислые мысли — лечь, проспать, залезть... Он решительно вскочил и побежал в библиотеку.

Гостиница Седьмого полигона начинала свой вечер. Хлопали двери. По длинным коридорам спешили нарядные люди. Снизу неслись звуки бравурной музыки. У всех четырех лифтов толпился народ, и Быков решил добираться до

читальни по лестнице. Навстречу, направляясь вниз, двигался веселый поток молодежи. По-видимому, все шли в клуб.

В тихом читальном зале Алексей Петрович взял три книжки о Венере, одну по теории фотошпых приводов и перелистал последний номер «Космонавта». Там он обнаружил статью М. А. Крутикова об автоматическом управлении планетолетом, попытался прочесть ее и со смущением отметил, что разобраться не может — слишком много математики.

— Функционал... — пробормотал Быков, силясь разобраться хотя бы в выводах. — Ай да толстяк!..

«А не зайти ли к Дауге? — подумал вдруг он. — И вообще, чем сейчас занят экипаж «Хиуса»? Тоже читает книжечки о Венере? Сомнительно...»

Дауге не читал книжечек. Он брился. Челюсть его была выворочена совершенно неестественным образом, и жужжание электробритвы заполняло комнату. Увидев Быкова, Дауге что-то невнятно пробормотал.

Алексей плюхнулся в кресло и стал рассматривать спину Дауге, голубые пластмассовые стены, большой плоский телевизионный экран, матовый далекий потолок.

Дауге кончил бриться и спросил:

— Ты зачем пришел?

— А что, мешаю?..

— Да нет, не то чтобы мешаешь... У меня сейчас должен быть разговор с Юрковским. Совершенно деловой разговор.

Он отправился в ванную. Там зажурчала вода, слышно было, как блаженно бормочет и отфыркивается хозяин. Потом он появился, вытираясь на ходу махровым полотенцем.

— Не сердись, Алексей, но...

— Ничего, ничего, я пойду... — Быков поднялся. — Я забежал просто так, от скуки.

— Деловой разговор, — повторил Дауге. — Ты, если тебе скучно, пойди поищи пилотов. Они, по-моему, в спортзале. Богдан снимает жирок со штурмана. Посмотри — забавное зрелище!

— Ага... Ну, бог с вами! — Быков пошел было к выходу, но остановился. — Ты мне скажи, что это Юрковский глядит на меня зверем?

Дауге хмыкнул, затем с неохотой сказал:

— Не обращай внимания, Алексей. Во-первых, он вообще человек пелегий. Во-вторых, всегда относится так к

новичкам, не имевшим чести крутиться в центробежных камерах и просиживать по десять суток в маске в азотной атмосфере, как это делают в Институте подготовки, а в-третьих... Видишь ли на твое место намечался один пилот, близкий друг Володьки. Потом Краюхин решил взять тебя. Понимаешь?.. Одним словом, все это пройдет, и на Землю вы вернетесь самыми лучшими друзьями.

— Сомневаюсь, — пробормотал Быков и, сердито открыв дверь, вышел.

На другой день началась работа, тяжелая работа, с ноющей усталостью в плечах, которую не сразу снимает даже горячий душ и послеобеденный отдых. Весь экипаж в течение двух недель практиковался в установке радиомаяков.

Монтировать маяк научились очень скоро, потому что каждый имел за плечами богатый инженерный опыт. Но зибробур оказался весьма капризным инструментом, и много кривых, безобразно раздутых дыр украсило каменные валуны в окрестностях города, прежде чем Ермаков объявил, что теперь он более или менее удовлетворен сноровкой новичков-бурильщиков. Не меньше хлопот доставили членам экипажа и вакуум-присоски.

— Не понимаю! — сердито сказал однажды Быков, обращаясь к Дауге. — Зачем мы тратим время на возню с бурением? Ведь ты умеешь бурить, и Юрковский тоже... Разве этого недостаточно?

Дауге строго посмотрел на него.

— Предположим, что мы с Володькой не дойдем до Голконды, — просто сказал он.

Краюхина видели все эти дни только за завтраком. Он был круглые сутки занят материальным оснащением экспедиции и дневал и ночевал на складах, предприятиях и в снабженческих организациях ракетодома. По-видимому, не все обстояло благополучно. Ходили слухи, что кого-то он уволил, кому-то запретил показываться впредь до устранения недоделок. Рассказывали о его выступлении на совещании городского партактива, о страшном разносе, который он учинил начальнику полигона.

Быков исподтишка наблюдал за Ермаковым. Начальник экспедиции и командир корабля был молчалив, сдержан и

действительно никогда не смеялся. Зато он улыбался странной улыбкой — одними губами. Глаза его при этом становились еще более холодными, чем обычно. Очень скоро Быков убедился, что улыбка Ермакова не предвещает ничего хорошего тому, кому она адресована.

Как-то за обедом Дауге встал из-за стола, оставив на тарелке большую часть телятины, которая была подана ему на второе согласно диетическому рациону.

— Одну минуту, — мягким голосом остановил его Ермаков. — Прошу вас доесть второе, Григорий Иоганнович.

— Не могу, Анатолий Борисович, — сказал Дауге.

— И все-таки я очень прошу вас, — еще мягче сказал Ермаков.

Дауге молча провел ребром ладони по горлу.

Тогда Ермаков улыбнулся своей странной улыбкой.

— Мне не хотелось бы огорчать вас, Григорий Иоганнович, — совсем тихо сказал он, — но у меня есть серьезные основания опасаться, что ваше отношение к режиму подготовки выпудит экспедицию ограничиться в конечном счете одним геологом. Мы не можем себе позволить дать Венере хотя бы один, самый маленький шанс против нас. Даже недоеденный вами кусок телятины...

Дауге с пылающими ушами сел и с ожесточением вонзил вилку в злополучный кусок. Никто не сказал ни слова и не взглянул в его сторону. Обед закончился в гробовой тишине, и Ермаков не спускал с Дауге глаз до тех пор, пока нарушитель режима не подобрал с тарелки корочкой остатки подлив.

Быков не без удивления отметил, что этот инцидент не вызвал у его товарищей и тени возмущения строгостью Ермакова. Напротив, Юрковский в тот же вечер долго и настойчиво внушал что-то Дауге вполголоса, после чего тот только вздохнул и виновато развел руками.

К концу второй недели Усманов распрощался с экипажем и улетел. На следующее утро Краюхин после завтрака сказал:

— С сегодняшнего дня каждый займется, так сказать, своим делом. Товарищ Ермаков, вы будете работать со Спицыным и Крутиковым, как мы и договорились. Можете отправляться сейчас же, пропуска вам выписаны... Вас, Юрковский, и вас, Дауге, прошу подождать меня здесь. Я сейчас отвезу нашего пустытника и вернусь... Поехали, товарищ Быков.

У подъезда стояла мощная полугусеничная машина.

— Прошу, — пригласил Краюхин.

Они уселись рядом позади шофера. Когда город остался позади, Краюхин поклонился к Быкову и спросил:

— С Дауге говорили?

— О чем?

— Обо всем.

— Да... говорил.

— Ну и как?

Быков пожал плечами. Краюхину не следовало бы заговаривать в таком тоне. Не дело начальника совать нос в душу подчиненного без особых на то оснований. Серьезные люди предпочитают держать свои переживания при себе. Впрочем, Краюхин как будто и не заметил, что ему не ответили.

— Сейчас будем знакомиться с вашим хозяйством, инженер, — сказал он, помолчав.

Через несколько минут машина остановилась перед длинным зданием без окон, с дверью во всю стену. Подошел хмурый вахтер, проверил пропуск.

— Вызвать механика! — приказал Краюхин.

Они вышли из машины. Вокруг расстилалась слегка всхолмленная равнина, покрытая редкой жесткой травкой. По небу ползли растрепанные серые тучи, моросил мелкий дождь. Под ногами хлопала вода.

— Тундра, — вздохнул шофер.

Широкие, как ворота, двери раздвинулись. К Краюхину, протягивая чумазую руку, подошел веселый человек в комбинезоне.

— Вот, привез, — буркнул Краюхин.

Человек в комбинезоне взглянул на Быкова:

— Вижу, вижу! Ну что ж, пойдете.

В здании было темно. Краюхин споткнулся обо что-то, выругался сквозь зубы. Механик виновато кашлянул.

— Не успели провести свет, товарищ Краюхин. Но завтра все будет сделано.

— Завтра? А сейчас что, человек в потемках ковыряться будет, так?

Постепенно глаза Быкова привыкли к полутьме, и он разглядел впереди широкую, мутно отсвечивающую серую массу. Стали видны ребристые гусеницы, открытый люк, круглые слепые глаза прожекторов.

— Что это? — спросил он.

— Это «Мальчик», — отозвался Краюхин. — Наш танк-транспортёр. Он несколько отличается от обычных машин такого типа, но вы освоитесь с ним быстро. Принимайтесь за дело сейчас же... А вы? — Он повернулся к механику. — Чтоб через полчаса здесь был свет!

— Есть! — бодро ответил тот и кинулся прочь.

— Прихватите с собой описание и справочники! — бросил ему вдогонку Краюхин. — Ну, вот и все. Оставайтесь и работайте. К обеду за вами заедут. — Он попрощался и пошел к выходу.

Когда через двадцать минут под потолком вспыхнула яркая лампа. Быков ахнул от восхищения. Перед ним была самая совершенная машина из всех когда-либо передвигавшихся на гусеницах. Она была огромна — не меньше гигантского танка-батискафа, который Быков видел несколько лет назад на Всесоюзной промышленной выставке, — но вместе с тем производила впечатление необычайной легкости, стройности, даже, пожалуй, грациозности. Длинный, округлый, слегка сплюснутый по вертикали корпус, приподнятая узкая корма, едва намеченные выпуклости люков и перископов, высокий клиренс... И нигде ни единого шва! Талант конструкторов слил в «Мальчике» огромную мощь тяжелой транспортной машины и благородные линии сверхбыстроходных атомомаров.

— Вот это лихо! — бормотал Быков, обходя транспортёр кругом и то и дело опускаясь на корточки. — А это что?.. Система равновесия... Здорово! И опорные рычаги вытягиваются?.. Умно!

У кормы он задержался и приложил ладонь к гладкому борту. Борт был теплым.

— Заряжено, — добродушно усмехнулся механик, наблюдая за ним с порога гаража. — Хоть сейчас садитесь и поезжайте.

Быков нахмурился.

— Рано еще... ехать, — сказал он. — Вы руководство мне принесли?

— Принес. Вот, пожалуйста.

— Спасибо.

С неожиданной легкостью Быков юркнул в открытый люк. Створки крышки сомкнулись над его головой.

— Эй, товарищ! — крикнул механик. — Я вам буду нужен?

Он постучал по люку. Ответа не последовало. Механик пожал плечами и ушел.

Как было указано в руководстве, «Мальчик» являлся танком-транспортёром высокой проходимости, предназначенным для передвижения по твердым, вязким и сыпучим грунтам и по сильно пересеченной местности, в газообразной и жидкой среде при давлениях до двадцати тысяч атмосфер и температурах до тысячи градусов, способным нести экипаж до восьми человек и полезный груз до пятнадцати тонн. Он был оснащен турбинами общей мощностью в две тысячи лошадиных сил, питающимися от компактного урана-плутониевого воспроизводящего реактора. На нем имелись инфракрасные проекторы, ультразвуковая пушка, пара выдвижных механических рук-манипуляторов (почти таких же, какими водители атомомаров пользуются при перезарядке реакторов своих машин на базах энергопитания), внешние и внутренние дозиметры и радиометры и десятки других устройств и приборов, назначение которых Быков представлял себе пока очень смутно. Экипаж, груз, механизмы и приборы прикрывались надежным панцирем из прочной — более прочной, чем титан, — термостойкой и радиостойкой пластмассы.

Управление «Мальчика» мало отличалось от известных Быкову систем. Знакомой оказалась и ходовая часть, но для очистки совести Алексей решил перебрать машину по винтику. Он приезжал к обеду и ужину усталый, испачканный жирной графитовой смазкой, жадно ел, перебрасывался короткими фразами с товарищами и торопливо возвращался в гараж или ложился в постель. Утром и после обеда его ждала у подъезда машина. Но личный тренировочный и гигиенический режим периода подготовки не нарушался ни в чем. Ермаков внимательно следил за этим.

На четвертый день Быков впервые вывел «Мальчика» в поле. Громадная машина с неожиданной легкостью и почти бесшумно выкатилась из ворот. Быков поразился тому, как послушно она реагировала на малейшие движения его пальцев, лежащих на клавишах пульта управления. Дежурный, улыбаясь, махнул рукой. Быков кивнул в ответ, сомкнул перед собой люк и стал набирать скорость. «Мальчик» несясь по мокрой тундре, плавно покачиваясь и слегка кренясь на холмах. С испуганным криком из стелющихся кустарников поднимались птицы, серым комочком промелькнул заяц.

Путь вперед застилал густой туман — пришлось включить инфракрасный проектор. На экране возникали и исчезали бледные очертания массивных валунов, одиночных, странно искривленных деревьев. Быков то переводил транспортер на максимальную скорость, то резко останавливал, делал крутые развороты, вертел на месте, и тогда из-под гусениц потоками взлетала и падала на линзы перископа ржавая жижа. Автоматические щетки мгновенно смахивали ее.

Неожиданно, когда «Мальчик» шел на полном ходу, впереди мелькнула сетка колючей проволоки. Быков круто повернул вправо и затормозил, но было уже поздно. Раздался звон и скрежет, что-то хрустнуло под гусеницами, и транспортер остановился. Быков выскочил наружу. Позади в обе стороны тянулась проволочная изгородь. След «Мальчика», отчетливо видимый в вязкой почве, проходил сквозь нее. В огромной рваной дыре болтались обрывки проволоки с обломками деревянных столбов.

— Этого еще не хватало! — пробормотал Быков оглядываясь. — Куда меня занесло?

Внимание его привлекло круглое сооружение из светлого бетона, видневшееся в тумане, шагах в двадцати.

— Эй, люди! — негромко позвал он.

Никто не отзывался. Слышно было только шуршание дождя в траве и тихий жалобный звон проволочной сетки. Быков поколебался с минуту, затем решительно двинулся к круглому зданию. Оно показалось ему необычным — в гладких высоких стенах не было ни окон, ни отдушин, только у самой земли виднелась небольшая, раскрытая настежь квадратная дверь. Несколько в стороне из травы выглядывал конец бетонной трубы, прикрытый круглой ржавой крышкой. Быков подошел к двери и заглянул внутрь. Он успел заметить только, что там темно и тепло. Позади лязгнуло железо. Быков обернулся и увидел нечто похожее на дурной сон: крышка люка была откинута, и из бетонной трубы вылезало влажное привидение с круглой безглазой серебристой головой.

Прежде чем Алексей вспомнил, что уже видел где-то такое чудовище, оно пригнулось и прыгнуло на него. Около трех метров было между ними, — и привидение покрыло это расстояние одним прыжком. Но Быков уже оправился от растерянности. К тому же привидение не имело никакого понятия о самбо. Через несколько секунд ожесточенной борьбы оно

было повержено на спину, и Быков, напав на него, нанес ему несколько полновесных оплеух по тому месту, где у обычных людей бывает лицо, вскочил на ноги как раз вовремя, чтобы столкнуться со вторым таким же уродом, вылезавшим из того же люка.

Теперь дело приняло другой оборот. Не помогло даже самбо. Получив сокрушительную затрещину, Алексей упал боком на сырую землю, а затем его схватили за ноги и с быстротой, показавшейся ему необыкновенной, волоком потащили куда-то. Очень трудно оказывать сопротивление, если вас крепко держат за обе ноги. Быков понимал это и не сопротивлялся, ожидая, что будет дальше. Привидения остановились, но ног не выпустили. Быков попытался приподняться, упиравшись в землю кулаками, разбитыми в кровь во время первой схватки. Послышался топот, и появилось третье привидение. Тогда Быков почувствовал, что ноги его свободны. Он сейчас же повернулся и сел, с трудом ворочая гудящей от удара шеей.

Оглянувшись, он понял, что находится за кормовой частью «Мальчика». Привидения стояли рядом и торопливо проделывали что-то со своими головами. Наконец блестящие шары откинулись, и изумленный Быков увидел знакомые лица — встревоженного Дауге, хмурого Краюхина и белого от ярости Юрковского. Юрковский поднес руку к носу, выморкался и протянул Быкову окровавленную ладонь.

— Вы идиот! — звенящим голосом сказал он. — Вы болван! У вас на плечах голова или кочан капусты?

— Погодите, Владимир Сергеевич... — сказал Краюхин. — Видите, человек ошалел от неожиданности.

— Вы? — только и мог сказать Алексей.

— Нет, не мы! Это наши бабушки! Рыцари ордена розенкрейцеров! Представители женского комитета!..

— Да погодите же, Юрковский!.. Товарищ Быков, быстро выводите отсюда машину... Дауге, закройте люк и дверь и скажите там, что мы уезжаем.

— Есть! — Дауге снова накрыл голову шлемом и вышел из-за корпуса «Мальчика».

Быков полез в транспортер, Краюхин и Юрковский, все еще продолжавший ругаться, последовали за ним.

— Выезжайте за ограду и там остановитесь! — приказал Краюхин.

«Мальчик» дал задний ход.

— Достаточно. Стоп! Теперь подождем Дауге.

Быков покосился на Юрковского. Тот осторожно ощупывал распухший нос.

— Больно? — сочувственно осведомился Краюхин.

Юрковский только яростно оскалился. По обшивке застучали ботинки, и в люк прыгнул Дауге.

— Исполнено, Николай Захарович, — сказал он.

— Поехали.

Быков положил пальцы на клавиши. Затем, подумав, пощелкал переключателями, включил двигатель и отошел от пульта. «Мальчик» легко тронулся.

— Куда же ты? — испуганно-удивленно спросил Дауге. — А кто будет править?

— Автоводитель, — виновато отозвался Быков. — Я не помню дорогу назад. Да вы не беспокойтесь! Здесь ведь электронное устройство, «Мальчик» пойдет по гирокомпасу.

Некоторое время ехали молча. Машина в точности, только в обратном порядке, производила все манипуляции, которые полчаса назад проделывал Быков.

— Дозиметр у вас с собой? — спросил Краюхин у Дауге.

— С собой, Николай Захарович. Но он не понадобится. Я забыл сказать, что, когда Быков подошел к камере, ее уже закрыли. Так что все кончилось благополучно.

Краюхин облегченно вздохнул.

— Вы чуть не нарвались на большую неприятность, товарищ Быков, — сказал он, вытирая пот с лысины. — Знаете, где мы вас перехватили?

— Никак нет... — Быков чувствовал себя очень несчастным.

— За проволочной оградой под землей находится мощный реактор, вырабатывающий тритий. Это горючее для нашего «Хиуса». Бетонная башня, в которую вы так неосторожно заглядывали, есть не что иное, как камера-могильник для радиоактивных отходов от очистки урана. И как раз сегодня комплект урановых стержней пошел на переплавку. Если бы вы сунули туда нос...

— То есть ясно даже и ежу! — проникновенно сказал Юрковский. — Если место окружено колочей проволокой, то это значит, что вход туда запрещен. Нет, он лезет своими гусеницами прямо через проволоку! Не может равнодушно видеть заграждения и смело, как лев, кидается на них грудью.

Это было очень несправедливо, но Быков только сокрушенно вздыхал.

— Юрковский вас заметил, когда вы подходили к камере, и кинулся, чтобы, так сказать, оттащить вас, но немного опоздал. Признаться, мы уже думали, что произошло несчастье.

— Бежали сломя голову, — сказал Дауге. — Я думал, у меня сердце выскочит...

Быков повернулся к Юрковскому и пробормотал, запинаясь:

— Я... мне очень жаль, право... я не хотел... — и в отчаянии махнул рукой: — Черт знает, как это получилось! Понимаете, я очень испугался вас...

Губы Юрковского скривились в презрительную улыбку.

Дауге хихикнул:

— Как он его встретил! Великолепно встретил! О господи, вот это был бой!

— Да, деретесь вы хорошо, — усмехнулся Краюхин, — но впредь будьте осторожны. В нашем деле ничего нельзя трогать голыми руками, тем более без спросу. И это напомнило мне: сегодня же вечером Дауге подберет вам спецкостюм и научит вас пользоваться им.

— Господи, вот это была драка! — повторил Дауге, вытирая глаза.

Быков быстро пересел на свое место и отключил автоводитель. Впереди в легком тумане проступили очертания плоской крыши гаража.

— И еще, — сказал Краюхин. — Нужно будет испытать вас и «Мальчика» по-настоящему. Вы готовы?

— Здесь нельзя испытать по-настоящему, — пробормотал Быков, — тундра, все плоско, как стол...

— Ничего, я найду вам о-отличное место, дружок! — Золотые зубы Краюхина блеснули в полутьме.

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Проводив Краюхина и геологов — за ними приехала вызванная из города машина, — Быков озабоченно почесал затылок и вернулся в гараж. «Мальчик» стоял в двух шагах от ворот, дождевые струйки блестели на его покатых боках.

— Испытания! — сказал Быков вслух. — Ну что ж, испытания так испытания.

Он достал из кармана мятую, испачканную смазкой книжечку руководства, полистал ее, вздохнул и пополз в люк. Как и всякий человек, Алексей Петрович Быков не любил экзаменов, в какой бы форме они ни проводились. Большой несправедливостью представлялось ему положение, когда ничтожный, никому не нужный пустяк, на который никогда не обращаешь внимание за его полной неприменимостью в практической работе, становится в один ряд с важнейшими и необходимейшими знаниями. Сам он, проводя занятия, держался совсем другой системы. «Будьте вы хоть семи пядей во лбу, — говорил он, — вам никогда не удастся запомнить все напечатанное в горах книг и таблиц. Ведь в них есть и самое важное, и просто важное, и второстепенное, и, наконец, просто ненужное — то, что либо успело устареть, едва родившись, либо потеряло значение к настоящему времени, либо, может быть, и имеет значение, но не для нас с вами. И я, разумеется, не собираюсь требовать от вас знания всего, что есть в книгах и таблицах. Но уж если, товарищи, кто-нибудь не будет знать того, что обязан знать в первую очередь, — прошу не обижаться».

Авторитет Быкова, лучшего специалиста по транспортным механизмам, охранял эту систему от посягательств со стороны самых педантичных начальников. Но ведь так было там, в Гоби, а как будет здесь? На этот раз экзаменуемым придется быть ему самому. Правда, Краюхин не производит впечатления начетчика и формалиста, но кто может сказать, куда смотрят его крохотные глазки, спрятанные под громадными темными очками? И Быков снова и снова листал зачитанное руководство, особенно ту его часть, которая касалась всевозможных аварий и ремонта в полевых условиях. Затем он снял куртку, натянул комбинезон и погрузился в отсек двигателя.

В гостиницу он вернулся поздно, усталый, но довольный и почти спокойный. В столовой уже никого не было. Поужинав (основательно, без излишней поспешности), Быков отправился разыскивать Дауге. На втором этаже, в коридоре, куда выходили двери комнат межпланетников, он становился. Одна из дверей была приоткрыта, и слышался звучный голос Юрковского, декламировавшего стихи Багрицкого:

...А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,

Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звейсли,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!..»

Быков заглянул в комнату. Юрковский в пижаме и домашних туфлях полулежал на диване, закинув руки за голову, повернув лицо к окну. Рядом сидел Крутиков, сгорбившись, посасывая короткую пустую трубочку. У стола Богдан Спицын покачивался на стуле и улыбался каким-то своим, одному ему известным мыслям. Ни Дауге, ни Краюхина и Ермакова в комнате не было.

...Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу...

Это были чудесные стихи. Кроме того, «пижон» читал удивительно хорошо. Что-то тревожное и зовущее было в его глубоком, полном сдержанной силы и волнения голосе, и Быков невольно подумал, что вот этот бесстрашный красавец, вероятно, очень похож на автора стихов, которые он читает. Он такой же беспокойный и страстный, так же готов без сожаления отдать всю жизнь свою для больших и необычайных дел. О том же, вероятно, подумал и Крутиков. Он вдруг выпнул изо рта трубку и внимательно посмотрел на Юрковского, словно желая убедиться в чем-то. Только Спицын продолжал тихонько раскачиваться и улыбаться с полузакрытыми глазами.

...И петь, задыхаясь,
На страшном просторе:
«Ай, Черное море,
Хорошее море!..»

Юрковский замолк. Быков отступил от двери и пошел дальше. Комната Дауге оказалась пустой. На кровати лежал спецкостюм, который Иоганыч, наверное, подобрал для своего

друга. Красноватые отблески вечернего неба переливались на полированной поверхности шарообразного колпака. Быков хотел было идти, но тут внимание его привлекла фотография, лежавшая на столе. Фотография была знакома — прекрасная женщина с грустным лицом, в синем платье, закрытом до шеи.

«Маша Юрковская», — вспомнил Быков. Он вздохнул.

Бедный Иоганыч! Вот к чему пришла твоя любовь... Даже ты, веселый и добрый, шутивший и смеявшийся в самые крутые минуты... ты не можешь забыть о ней и сейчас, за несколько дней до старта в неведомое.

— Именно сейчас — вот что самое омерзительное! — загремел вдруг за стеной голос Юрковского. — Прислать такое письмо именно сейчас... И не успокаивай меня, б-брат милосердия, божья коровка! Ведь она же дрянь!..

— Не смей! (Быков сначала не понял, чей это пронзительный выкрик.) Не смей так говорить о ней! В конце концов, это совсем не твое дело!

— Нет, и мое! И не потому, что она моя сестра. Это дело всех — и Краюхина, и каждого из наших ребят, в том числе и твоего краснорожего пустытника. Там, куда мы идем, жизнь всех будет зависеть от каждого. Мы должны быть абсолютно уверены друг в друге, а теперь, я думаю: хватит ли у тебя в таком состоянии цепкости, воли к жизни? Не подведешь ли ты нас, Григорий Дауге?

— Полегче, Володя!

— Ничего не полегче... Неужели ты не раскусил ее, эту мою очаровательную сестричку? Ведь это не человек — это кукушка! Да-да, кукушка! Отними у нее смазливое рыльце, и что от нее останется? Мало разве других женщин? Верных, любящих, умных... Что ты за нее цепляешься?

Быков на цыпочках прошел в свою комнату и плотно притворил дверь. Вряд ли Дауге станет сегодня заниматься спецкостюмом, да и самому Быкову было теперь не до этого. Нужно было о многом подумать. Он разделся, лег, закрыл глаза. Лучше всего, пожалуй, постараться уснуть. Он поднялся, чтобы опустить штору, и в ту же минуту вошел Дауге. Он был такой, как всегда, — слегка встрепанный, со сбитым набок галстуком. Быков сел и уставился на него.

— Уже лег? — спросил Дауге. — А спецкостюм? Что ты на меня так смотришь, Алексей? Что-нибудь не в порядке?

Он поднес руку к лицу, затем посмотрел себе на грудь.

— Да нет, ничего... Это я так, — с трудом выдавил из себя Быков. — Я думал, сейчас уже поздно...

— Ничего не поздно. Одевайся, идем. Сегодня тебе нужно освоиться со спецкостюмом, иначе завтра, боюсь, не успеем. Где ты так задержался?

— С «Мальчиком» возился. Боязно мне, Иоганыч... Провалюсь я на этих испытаниях.

— На каких испытаниях?

— Как — на каких? О которых Краухин сегодня говорил. Помнишь, когда возвращались...

— А-а! Ну, мне кажется, не провалишься, Алексей. Водитель ты хороший, я знаю.

— «Водитель»... Как пачнут вводные давать...

Дауге удивленно посмотрел на него:

— При чем здесь вводные? Ты, Алексей, и без вводных взмокнешь так, что тебя потом выжимать придется.

— Не понимаю.

— Между тем все просто. Будет испытательный пробег. Завтра сделаешь марш по сильно пересеченной местности, усиленной искусственными препятствиями, как говорят спортсмены.

— Один?

— Кто-нибудь будет с тобой, не знаю... Готов? Пошли.

В комнате Дауге Быков заметил, что фотографии на столе уже нет. Иоганыч взял спецкостюм с кровати и разложил его на полу.

— Садись, Алексей, и слушай. Вот этот балахон называется «СКК-6», то есть спецкостюм системы Краухина, модель шестая. Изготовлен он из очень прочного и гибкого материала с длинным и сложным химическим названием. Впрочем, в техническом просторечии его называют «силикет». Это какое-то кремнийорганическое полимерное соединение с баснословно длинными нитевидными молекулами. Прочность его на разрыв необычайно велика. Кроме того, он в высшей степени огнеупорен и, разумеется, газо- и водонепроницаем.

— Ясно, — сказал Быков. Он сидел на корточках и с интересом мял и разглаживал на ладони эластичный рукав спецкостюма.

— Костюм этот, разумеется, не шьется и даже не штампуются. Его отливают в готовом виде, вот таким, каков он

сейчас, с заранее намеченными отверстиями и карманами для приборов, продовольствия и прочего. Силиконовый слой двойной, причем ориентация молекул одного слоя перпендикулярна по отношению к ориентации молекул другого. Ясно?

— Ясно. Для вящей прочности и непроницаемости.

— Совершенно верно. Перейдем к шлему. Видишь, он прикреплен к воротнику, но его можно легко откинуть. Вот так.

Быков заглянул внутрь шлема. Так и есть! Блестящий, словно никелированный снаружи, колпак оказался совершенно прозрачным, если смотреть сквозь него изнутри.

— Что за чертовщина?

— Спектролит, особый вид пластмассы, — сказал Дауге. — Неплохо придумано, правда? Обеспечивает полный круговой обзор. — Он сел рядом с Быковым на пол и постучал пальцем по шлему. — Разумеется, здесь подошли бы и другие прозрачные вещества, но у спектролита есть несколько совершенно неоценимых преимуществ. Во-первых, он определенным образом поляризует свет, поэтому в темноте или в сумерках сквозь него можно смотреть на сильный источник света в упор и видеть все. Свет не ослепит тебя. Затем, спектролит пропускает только видимые лучи спектра. Ультрафиолет и тепловые лучи им либо поглощаются, либо отражаются полностью. Также и рентгеновские и гамма-лучи. В-третьих... в общем, великое дело свершил Краюхин.

— А это что? Ага... мембрана.

— Это дуга с наушниками. Чрезвычайно чувствительная мембрана для радиоприема, а дуга служит амортизатором... на случай, если ты сверзишься откуда-нибудь вниз макушкой. Тут же и микрофон с передатчиком и питанием на полупроводниках.

— Ясно.

— Весь костюм звуконепроницаем. Для того чтобы можно было слышать звуки извне, здесь есть приспособление. Его можно отрегулировать в соответствии с плотностью окружающей атмосферы. Сейчас оно настроено на наше обычное атмосферное давление.

— Ясно.

— Превосходно! Теоретическая часть как будто закончена. Теперь надень-ка его, Алексей... Погоди, не так. Влезай в него ногами через вырез шеи. А теперь прикрепи шлем.

Несколько раз заставил он Быкова снимать и надевать спецкостюм, закреплять и снимать шлем, выполнять в спецкостюме всевозможные гимнастические упражнения. Наконец, когда Быков взмок и готов был заговорить прочувствованными словами, Дауге сжалился:

— Хорошо, довольны с тебя. Раздевайся. Обрати внимание еще вот на что, Алексей. Здесь на поясе — гнезда для термосов с какао, бульоном, освежающими напитками. От них в шлем будут поданы трубки. Кислородные приборы и поглотители углекислоты крепятся на спине. Вот они. Обрати внимание — терморегулятор: на случай холода можно включить отопление. Здесь — дозиметр. Да, и еще... Костюм оборудован великолепным устройством — кислородным фильтром. Если в самой ядовитой атмосфере есть хотя бы пять процентов кислорода, фильтр пропустит этот кислород в шлем. Никакие другие газы через фильтр не пойдут...

Быков выбрался из костюма и еще раз внимательно рассмотрел его.

— А излучения? Предохраняет он от излучений?

— Разумеется. В этом отношении силикет незаменим.

— Как «абсолютный отражатель» фотонного реактора?

Он вытер со лба пот и уселся рядом с Дауге. Тот сказал:

— «Абсолютный отражатель» тверд и хрупок. Как материал для комбинезона он не годен. Силикет достаточно надежен. Например, сегодня утром мы — Краюхин, Володя и я — час просидели в костюмах в «могильнике».

— Что ты говоришь!

— Серьезно. Температура около двухсот градусов, альфа-излучение, гамма-лучи и все такое прочее. И тем не менее великолепно держит. Жарковато, разумеется, немного...

Быков удивлялся, хлопал себя по коленкам. В дверь постучали.

Вошел Краюхин. Быков придвинул ему кресло.

— Нет, садиться не буду, — сказал Краюхин. — Пора, так сказать, идти отдыхать. Как у вас со спецкостюмом, товарищ Быков? Освоились?

— Так точно.

— Вполне освоился, — подтвердил Дауге.

— Надо бы вас в нем потренировать, конечно, но некогда все, некогда...

Краюхин взялся было за ручку двери, но снова отпустил ее:

— Самое главное забыл. Завтра, товарищ Быков, отправляйтесь с утра к гаражу и возвращайтесь сюда на «Мальчике».

— Слушаюсь, — сипло проговорил Быков.

— Поедем на полигон. Покажете нам, на что способна эта машина.

— Слушаюсь.

— Покойной ночи...

Краюхин вышел. Быков вздохнул и тоже стал прощаться. У двери он задержал руку Иоганыча в своей и сказал тихо:

— Я... того... слышал, что письмо к тебе пришло. Нехорошее письмо.

Дауге молчал.

— Я это к тому, что... в общем, если я тебе буду нужен...

— Ладно... — Иоганыч усмехнулся невесело и подтолкнул Алексея Петровича к выходу. — Вот насели... утешители, черти бы вас побрали!..

— Ты не обижайся...

— Да нет, ничего. Ступай.

— Спокойной ночи.

— Еще ты дремлешь, друг прелестный? — пропел утром Дауге, стягивая с Быкова одеяло. — Пора, красавица, проснись!

— Не мешай! — буркнул Быков и повернулся к стене, сладко чмокая и поджимая колени к подбородку.

— Вечор — ты помнишь? — выюга злилась... а сейчас уже семь часов и внизу тебя ждет машина.

— Не... Что? Ах, дьявол!

Дауге едва успел посторониться. Быков прыгнул к стулу и схватился за одежду.

— Погоди, Алексей, а зарядка?

— Отставить! Как погода?

Дауге поднял шторы:

— Изумительная! Ни облачка. Тебе везет, Алексей. Но тебе же и влетит от Ермакова!

— За что? — осведомился Быков, застегивая рубашку.

— За то, что уходишь без зарядки.

— Ничего, пусть влетит. Ну, я побежал.

— Завтрак?

— Потом, потом...

— Выпей хоть молока с хлебом, чудака! Ермаков снимет тебя с испытаний.

— А, черт...

В столовой Быков торопливо проглотил кружку молока, сунул в карман несколько черных сухарей и кинулся к выходу.

— Счастливого пути! — Дауге, сунув руки в карманы, посмотрел с крыльца вслед удалявшейся машине, зевнул и вернулся в дом.

К удивлению Быкова, появление огромного «Мальчика» на улицах города не вызвало у жителей особого интереса. Прохожие довольно равнодушно оглядывались на транспортер, иногда останавливались, чтобы присмотреться внимательно, — и только. По-видимому, технические новинки не были здесь редкостью. Быков остановил «Мальчика» перед гостиницей и отправился доложить Краюхину. В коридоре он столкнулся с Ермаковым.

— Приехали? Очень хорошо... — Серые пристальные глаза командира внимательно оглядели инженера с головы до ног. — Нехорошо то, что вы нарушили режим.

— Я...

— С лучшими намерениями, понимаю. Но через полтора-два часа вам предстоит перенести очень большое напряжение, и сегодняшнее нарушение может дорого обойтись. Не только вам.

Он помолчал, затем добавил:

— Если бы не ваше удивительное здоровье, я бы настаивал на том, чтобы отложить испытательный пробег.

— Больше не повторится, — пробормотал Быков.

— Надеюсь. Режим межпланетника рассчитан лучшими врачами страны, и любой опытный человек может привести вам десяток примеров того, к каким печальным результатам приводили иногда малейшие нарушения режима. Будь вы пилотом, сегодняшний день был бы последним днем вашего участия в экспедиции. К счастью, вы не пилот. Примите десяток таблеток топина. А теперь пойдемте, нас ждут.

Наверху, в кабинете Краюхина, собрался весь экипаж «Хиуса». Здесь находились и два незнакомых Быкову человека — председатель городского Совета и секретарь горкома партии. По тому, с какой почтительностью они обращались к Краюхину, было видно, что в городе авторитет у заместителя председателя ГКМПС громадный.

— Не будем терять времени, товарищи, — начал Краюхин, едва Быков успел поздороваться со всеми и присесть в углу. — Алексей Петрович, сегодня вы — исполнитель главной роли. Извольте, так сказать, выйти к рампе. Прошу вас...

Быков подошел к столу и встал рядом с Краюхиным. Секретарь и председатель дружески улыбнулись ему, Дауге подмигнул. На столе лежала крупномасштабная карта.

— Испытания мы проведем в этом квадрате... — Палец Краюхина описал круг в северо-восточном углу карты. — Сколько отсюда до этого места?

Быков нагнулся:

— Километров пятьдесят.

— Правильно. Сколько потребуется «Мальчику»...

— Минут тридцать — сорок...

— Отлично. В указанном районе в настоящее время множество различных формаций искусственного происхождения, на карте они... км... не отмечены. Ваша задача: отвезти всех нас на эту вот высотку, откуда мы будем наблюдать за пробегом, затем пересечь район точно с юга на север и снова вернуться к возвышенности вдоль вот этого ручья. Понятна задача?

— Понятна.

— Предупреждаю: на этом пути вам могут встретиться всяческие сюрпризы. За один, во всяком случае, ручаюсь... Люди туда посланы? — обратился он к председателю горисполкома.

Тот кивнул.

— Вообще испытание серьезное. С вами направляется товарищ Ермаков. Будьте осторожны. Смелость и осторожность! Без лишнего, так сказать, лихачества.

— Слушаюсь.

— У меня все. Вопросы есть?

— Никак нет.

— Спецкостюм ваш где?

— Сейчас возьму, Николай Захарович.

— Берите скорее и выходите. Мы пока будем рассаживаться.

Через четверть часа «Мальчик» выбрался за северную гряду холмов, и Быков впервые увидел ракетодром. Это была все та же однообразная, плоская, как стол, тундра с редкими щетинистыми холмиками. Только местами на равнине зияли

круглые и звездообразные рыжие проплешины, на которых не росло ни травинки. Быков направил «Мальчика» на одну из этих пятен. На несколько секунд мягкое чавканье под гусеницами сменилось глухим, дробным рокотом, словно железный бак катился по булыжной мостовой.

— Здесь приземлялись корабли, — пояснил Дауге, занявший место за спиной Алексея.

— А это?

Слева потянулись ржавые рельсы, мелькнули остатки колючей проволоки, покосившийся столб с белым жестяным треугольником, на котором красовались знаки: «I Р». За проволокой Быков успел заметить нечто вроде обширного котлована, наполненного бурой комковатой массой.

— Отсюда пять лет назад стартовал «Змей Горыныч», — проговорил Дауге. — Видишь, место старта было обнесено изгородью, так как грунт спекся в радиоактивный шлак. «I Р» означает «один рентген».

— Это-то я знаю, — буркнул Быков.

«Мальчик» бежал по тундре, обходя ледниковые валуны, стремительно проносясь через мелководные озера-болотца. Когда счетчик пройденного расстояния показал тридцать километров, Ермаков попросил водителя уступить ему место. Быков прошел в кабину. Все люки были открыты настежь. Председатель горисполкома спорил о чем-то с Крутиковым, секретарь горкома без видимого интереса прислушивался к их спору. Краюхин дремал, прислонившись к мягкой губчатой обивке. Юрковский и Спицын сидели снаружи, свесив ноги в люки. Быков заглянул в моторное отделение, послушал, посмотрел, затем присел рядом с Ермаковым.

Рев двигателя резко усилился. «Мальчик», слегка замедлив ход, взбирался по крутому склону.

— Приехали, — сказал Краюхин.

Машина в последний раз взревела, круто развернулась и стала. Все выбрались наружу. Быков вышел последним. Они находились на макушке высокого кургана, поросшего жесткой серой травкой. Странное зрелище представилось Алексею, когда он взглянул вниз. Равнина кончилась. Дальше на север до самого горизонта шло дикое нагромождение каменных глыб и вставших дыбом мощных пластов земли. Широкие воронки, окруженные изломанными валами, почти отвесная зубчатая красноватая стена, протянувшаяся поперек этого

хаоса, неровные груды обломков гранита и снова воронки, степы, каменные насыпи...

— Ну вот, — раздался за его спиной голос Краюхина, — по-моему, этот участок будет, так сказать, достоин вашего искусства, Алексей Петрович, и превосходных качеств нашего «Мальчика». Как вы находите?

— Отлично! — Быков в упор поглядел прямо в черные стекла, скрывающие глаза Краюхина. — Мне это подойдет. Разрешите начинать?

— Здесь командует Ермаков. Прошу к нему.

«Этим ты меня не запугаешь», — подумал Быков и обратился к Ермакову, стоявшему на гусенице «Мальчика» с биноклем в руке.

— Разрешите начинать, Анатолий Борисович?

Ермаков кивнул и ловко спрыгнул на землю.

— Надевайте спецкостюм, — сказал он и, понизив голос, добавил: — Да не волнуйтесь, спокойнее...

Быков пожал плечами и разлаписто полез в машину. Дауге шагнул было к нему, но остановился и медленно отошел. Юрковский стоял в стороне, посвистывая, поглядывая то вниз, то в сторону транспортера. Краюхин сидел на корточках, оживленно переговариваясь с «отцами города» над картой, развернутой на земле. Михаил Антонович и Спицын молча возились у крошечного радиоаппарата.

— Включите микрофон и опустите шлем, — сказал Ермаков, усаживаясь рядом с Быковым.

Они помогли друг другу пристегнуться к сиденьям широкими лямками, и Быков вопросительно взглянул на серебристый шлем командира, склонившегося над приборами.

— Пошли, — негромко прозвучало в наушниках.

Алексей опустил пальцы на пульт, и «Мальчик» сначала медленно, затем все быстрее и быстрее устремился вниз по склону. Внизу он вздыбился, перевалил через первую грудку щебня и нырнул в воронку. Пробег начался.

Быкову некогда было заниматься сравнениями, но где-то в глубине сознания всплыла фраза: «Как лягушка в футбольном мяче», — и он бессознательно повторял ее шепотом. В квадратном отверстии люка мелькало то голубое небо, то черная, словно обугленная, земля, то замшелая макушка гранитного валуна. «Мальчика» бросало из стороны в сторону, гремели гусеницы, скользя по камням, но мотор гудел ровно.

и весело, без перебоев. «Этим меня не запугаешь», — упрямо думал Быков. Транспортёр с ревом ринулся в глубокий ров. На мгновение в люке мутно блеснула неподвижная коричневая поверхность, на колени водопадом хлынула вода.

— Вперед! — весело крикнул Быков.

На другой стороне рва «Мальчик» приостановился. В нескольких метрах впереди возвышалась почти отвесная стена красноватой глины. «Метров пятнадцать — двадцать, — мельком подумал Алексей. — Попробуем». Краем глаза он заметил, что Ермаков ухватился руками за сиденье. «Как лягушка в футбольном мяче...»

С вершины холма транспортёр казался маленьким серым жучком, пробирающимся по вспаханному полю. Вот серый жучок полез на стену. Каким-то непонятным образом ему удалось проползти несколько метров. Затем он дрогнул, сорвался и в тучах красной пыли опрокинулся на спину.

— О черт, — пробормотал секретарь горкома, — шел бы, в объезд!

Дауге первню сплюнул.

— В объезд нельзя, — спокойно сказал Краухин. — Не по правилам. Внимание!

Что-то случилось там, под красноватой стеной. Жук зашевелился. Из его туловища вдруг вытянулись в стороны коленчатые блестящие ноги, медленно согнулись и снова перевернули его спиной вверх. Мгновение, другое... Упираясь тремя стальными стержнями в подножие стены и осторожно нащупывая опору четвертым, «Мальчик» подтянулся до вершины, вцепился в нее гусеницами и двинулся дальше, на ходу убирая внутрь себя опорные рычаги.

— Молодец! Вот молодчина! — возбужденно проговорил Юрковский. — Настоящий мастер!

— Может, все же возьмем вместо него лишнего пилота? — заметил Краухин, поднимая к глазам бинокль.

Быков ликовал. Все шло как нельзя лучше. «Мальчик» брал препятствие за препятствием. Крошились под гусеницами камни, расплескивалась жидкая грязь из глубоких круглых ям, с пушечным гулом валились сбитые валуны. Несколько раз Ермаков, следивший за маршрутом по карте и компасу, указывал направление — без этого Быков

непременно сбился бы, хотя старался вести машину точно по прямой.

— Сколько прошли, Анатолий Борисович?

— Осталось километра полтора...

И в этот момент совершенно неожиданно и бесшумно впереди встали столбы малинового пламени. Быков отшатнулся и остановил машину.

— Вот они, краюхинские сюрпризы, — пробормотал он.

Огонь быстро распространялся. Казалось, горели камни. Черные струи дыма, мешаясь с кровавыми языками, то стлались по земле, то взлетали высоко вверх. Сухой горячий ветер поднял тучи пыли.

— Сгущенный бензин! — встревоженно сказал Быков. — Вот придумано...

Ермаков молчал. Быков усмехнулся, опустил на люки спектролитовые щитки и тронул клавиши. «Мальчик» на полном ходу нырнул в огненную бурю.

Когда горизонт заволочла мутная темно-малиновая пелена, секретарь горкома кашлянул, председатель горисполкома подошел ближе к радиоаппарату, а Краюхин сказал невозмутимо:

— Я приказал зажечь там несколько десятков бочек бензина. Каких-нибудь семьсот—девятьсот градусов в течение нескольких минут. Пустяки. «Мальчик» должен выдержать отлично, так. А вот выдержат ли нервы...

«Мальчик» выдержал, выдержали и нервы. В облаках жирной копти transporter скатился в речушку, отмечавшую конец маршрута, и остановился. Торопливые волны набегали на почерневшие, отливающие лиловым блеском бока машины, окутанной паром. Слышалось шипение. Постепенно папцирь остывал. Быков потряс за плечо Ермакова, беспомощно повисшего на лямках. Но Ермаков был в сознании.

— Прошли... — слабым голосом пробормотал он. — Хорошо прошли, — повторил Ермаков. — Я рад за вас... и за себя.

Быков смущенно хмыкнул.

Весь обратный путь по равнине вдоль ручья они молчали. И только сворачивая к кургану, на вершине которого несколько фигурок размахивали руками, приветствуя их, инженер сказал:

— Одно мне непонятно, Анатолий Борисович. Откуда здесь, в тундре, такие разрушения?

Ермаков долго не отвечал, отстегивая пряжки лямок. Затем неохотно проговорил:

— Над этим районом взорвалась ракета... фотонная ракета, только и всего.

— Я так и думал, что здесь был взрыв...

Это было все, что мог сказать изумленный и потрясенный Быков.

В конце позднего обеда (с рюмочкой коньяку по случаю удачно проведенного пробега) Краухин попросил внимания и объявил:

— Ермаков и Быков на неделю переводятся на санаторный режим. Никакой работы. Приключенческие романы, прогулки и сон. Остальным готовиться к приему «Хиуса». Получено сообщение, что машина стартовала от «Циолковского» и будет у нас через пять-шесть дней.

«ХИУС» ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Быкову приснилось, что Ермаков поставил «Мальчика» в ангар. Транспортер был раскален докрасна, и ангар пылал холодным багровым пламенем. Быков сорвал со стены огнетушитель, но Ермаков рассмеялся, потряс его за плечо и закричал в самое ухо, почему-то обращаясь на «ты»:

— Проснись, Алексей! Проснись, говорят тебе!

Тут Быков заметил, что на Ермакове блестящий хлорвиниловый плащ и что это вообще не Ермаков, а Дауге. Быков сел на кровати и протер глаза:

— В чем дело?

— «Хиус» на подходе. Пойдем встречать, Алексей.

Часы показывали около двух ночи. Небо было плотно забито тяжелыми черно-серыми тучами, только на севере тускло светились мутные розоватые полосы. Лил дождь.

— Кто еще встречает?

— Все наши. И в придачу — половина города.

Быков подошел к окну. По улице торопливо шли и бежали люди; позвякивая, солидно прополз трактор, таща за собой странного вида громоздкое сооружение на огромных

колесах. Его обогнало несколько автомобилей. Внизу хлопнула дверь, кто-то сердито крикнул:

— Почему до сих пор не вызвали?

Ермаков и остальные межпланетники уже ждали в вестибюле. У выхода стоял Краюхин, возвышаясь над группой инженеров в плащах и мокрых кожаных куртках. Сухим, жестким голосом, словно вбивая гвозди, он говорил:

— Город существует для того, чтобы снаряжать, принимать и отправлять корабли. Вы об этом забыли. Думаю, придется освежить вашу память. Но это потом. Сейчас — немедленно разыскать все машины — раз. Отправить людей на станцию — два. — Он повернулся к коренастому бородачу. — За станцию вы мне головой ответите!

— Постараемся справиться, — прогудел бородач.

— Все средства дезактивации и противопожарной безопасности...

— В порядке, Николай Захарович, все в готовности номер один.

— Хорошо. Я буду где-нибудь в капонирах или там поблизости. Да... — Краюхин ткнул пальцем в грудь молодого человека в хлорвиниловом капюшоне. — О всех радиogramмах с корабля немедленно докладывай.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

— Можете идти... А вы, Зайченко, — теперь он говорил небрежно и как будто нехотя, — отправляйтесь под арест. И, если произойдет несчастье, пойдете под суд, так.

Тот, кого звали Зайченко, прижал руки к груди:

— Николай Захарович!

— Я сказал!..

— Да позвольте мне хоть сейчас на станцию, хоть на часок! — умоляюще проговорил Зайченко. — Ну, я виноват... ну, суд... Но сейчас-то никто лучше меня не справится!

Краюхин подумал.

— Так. Хорошо... Поезжайте на станцию. Под арест пойдете после прибытия корабля.

— Есть!

— Все? — Он оглянулся на межпланетников. — Пошли, товарищи.

На улице было мокро и зябко. Машина нетерпеливо пофыркивала у подъезда. Межпланетники расселись, и она помчалась в обгон длинной вереницы полутусеничных гру-

зовиков с кузовами, обтянутыми брезентом. Быков спросил вполголоса:

— Что случилось? Что это за станция, о которой говорил Краюхин?

— Радиомаяк точного наведения... — Дауге покосился на спину Краюхина. — Когда межпланетный корабль подлетает к Земле, пилот ориентируется на три основных, базовых маяка. Один из них здесь, в городе, два других расположены по углам полигона на океанском берегу. Но это довольно грубые ориентиры, и корабль может сесть либо на город, либо в океан, либо еще где-нибудь в стороне. Так вот, для точного наведения корабля на место посадки применяется этот самый радиомаяк. Зайченко — его начальник.

— Что же произошло?

— Вчера вечером во время пробного запуска там сгорел какой-то важный агрегат — не то трансформатор, не то еще что-то в этом роде. Выяснилось, что резервное оборудование не получено станцией, затерялось где-то на складах. Крупный скандал! В самый ответственный момент станция не работает. Остается надеяться только на искусство Ляхова.

— Кто это?

— Пилот «Хиуса».

— В худшем случае сядет в тундре, километров за двести отсюда. Это не беда. С таким расчетом полигон и строился. Может сесть в море. Но если он повиснет над городом...

— Не повиснет! — уверенно сказал Крутиков. — Не пугай, Григорий Иогансович. Ляхов не новичок — увидит, что сигналов точной наводки нет, и станет забирать к северу. А вообще-то скандал, конечно...

— Сегодня всю ночь на станции работали, старались исправить. Может быть, еще исправят? — Дауге снова поглядел в спину Краюхина.

— Для Ляхова это не имеет значения, — сказал вдруг Богдан Спицын. — Ляхов посадит корабль точно в центр полигона на одних базовых маяках.

— Будто? — прищурился Крутиков.

— Ляхов сядет точно в центре полигона, — повторил Спицын и сжал губы, показывая, что дальнейший спор на эту тему считает излишним.

Юрковский, кашлянув, сказал:

— Зайчика жалко. По-настоящему, наказать нужно бы не его, а кое-кого повыше.

— Все получат! — проворчал Краюхин, не оборачиваясь. — Никого не обделим. Но Зайченко получит первым.

— Начальник полигона...

— Я сказал, — Краюхин наконец повернулся и посмотрел на Юрковского, — получают все... в части и пропорции, их касающейся, так. Но вы, должно быть, забыли, Владимир Сергеевич, что Зайченко был *на доверии*.

Это, по-видимому, был веский аргумент, потому что Юрковский и не пытался возражать. Больше никто не произнес ни слова.

Машина свернула и промчалась по обширному бетонированному полю у стартовых установок. Справа потянулись прилепившиеся к подножию холмов низкие широкие сооружения без передних стен, над ними торчали сетчатые мачты высоковольтной линии, уходящей за холмы, и какие-то серые куполообразные башни.

— Укрытия, — пробормотал Спицын.

— А мы куда едем, Богдан?

— К капонирам. Будем наблюдать за посадкой «Хиуса».

— Если он не сядет нам на голову, — пробормотал Дауге.

— Слышу глас благоразумия, — изумленно сказал Михаил Антонович. — Брось, Иоганьч, все равно никто не поверит, что ты оробел.

— Не с чего будто, — буркнул Дауге.

Юрковский быстро взглянул на него, но промолчал.

Они выехали на узкое прямое шоссе. Дождь усилился, стекла заливали потоки воды, белесые пузырьки прыгали по асфальту. Машина резко затормозила. Подошел человек в плаще с капюшоном, нагнулся, вглядываясь; узнал Краюхина и махнул рукой. Краюхин приоткрыл дверцу:

— Радисты давно проехали?

— Полчаса, не меньше, Николай Захарович.

— Глядите, никого не пропускать!

Через четверть часа впереди показались врытые в землю стальные купола, похожие на наблюдательные колпаки старинных дотов.

— Капониры, — прокомментировал Спицын.

Давным-давно, лет тридцать назад, эта равнина служила полигоном для испытания космических ракет. Наблюдатели

помещались в окопах и блиндажах. Иногда громадные, величиной с высотный дом, ракеты вследствие каких-то неточностей в системе управления, вместо того чтобы лететь в небо, падали набок и принимались, изрыгая огонь, прыгать и ползать по равнине. Сначала обходилось без жертв, но однажды многотонная машина обрушилась прямо на окоп. Пришлось возвести капониры — подземные сооружения из железобетона с выведенными на поверхность наблюдательными колпаками, которые обеспечивали круговой обзор. Капониры были надежными, рассчитанными на прямое попадание ракет, и наблюдатели могли чувствовать себя в них в полной безопасности.

Шофер повернул машину, ввел ее в глубокую бетонированную траншею с тяжелым перекрытием и остановил.

— Пошли, — сказал Краюхин.

Пройдя коротким коридором со светящимися стенами, межпланетники очутились в полутемном помещении с низким сводчатым потолком. Быков с интересом огляделся. Справа и слева несколько ступенек вели на круглые площадки, прикрытые сверху стальными куполами. На площадках стояли треноги с мощными сорокакратными перископами. Перед их объективами в стальных куполах зияли прямоугольные бойницы, в которые заглядывало серое морозящее небо. Трое юношей в кожаных куртках колдовали у радиоустановки. Когда Краюхин вошел, один из них шагнул к нему и отрапортовал, что связь с маяками и локационными станциями налажена.

— Спросите, есть ли что с борта «Хиуса», — приказал Краюхин.

Спицын поднялся на одну из площадок и подошел к бойнице. Остальные расселись по табуретам вдоль стен. Репродуктор захрипел и каркнул:

— «Хиус» пока молчит, Николай Захарович...

Краюхин, сунув руки в карманы плаща, принялся расхаживать по комнате. Он остановился и начал внимательно рассматривать на стене древний выпцветший плакат «Рост удельного веса ядерной энергетики в общем энергетическом балансе нашей страны с 1960 по 1980 год», потом снова возобновил свое хождение. Радисты сочувственно поглядывали на него. Юрковский шепнул Дауге:

— Нервничает старик...

Снова зарычал репродуктор:

— Внимание, внимание! Николай Захарович!
 — Да, слушаю, — нетерпеливо отозвался Краюхин.
 — «Хиус» над полигоном. Даю его координаты с поправкой на ваше местоположение. Геодезический азимут восемь градусов и... сорок... сорок четыре минуты... Высота шестьдесят градусов. («Он сядет в центре полигона», — прошептал Спицын.) Опускается со скоростью двадцать сантиметров в секунду...

— На фотореакторе?
 — Пока на фотореакторе.
 — Передайте приказание: на высоте шестьдесят километров выключить фотореактор и перейти на водородные ракеты.
 — Слушаюсь... — Последовала пауза, затем репродуктор рявкнул: — Исполнено. Николай Захарович, «Хиус» просит прислать санитарную машину и врача...

Все встревоженно повернулись к репродуктору.
 — Так. Распорядитесь.
 — Уже распорядился.
 — Что у него случилось?
 — Передает... ничего не понимаю. А вот в чем дело. У них на борту большой инженер с чешского спутника, Дивисьек. Ему очень плохо.

— Распорядитесь насчет санитарной машины, и пусть приготовят самолет на Москву. Мой самолет. Что с инженером?

— Лучевая болезнь...
 Краюхин вполголоса выругался.
 — Да, вот что... Передайте Ляхову, чтобы был осторожен. Напомните, что станция точного наведения не работает.
 — Уже передаю.
 — А он что? — спросил Спицын.
 — Смеется...

Репродуктор замолк. Краюхин достал из нагрудного кармана черные очки-консервы, надел их и бросил:

— Пошли к перископам.
 В окулярах виднелись серое небо, серая тундра, серый колпак соседнего наблюдательного пункта. Дождь прекратился, сырой тепловатый ветерок рябил воду в лужах, из которых торчали низкорослые кустарники и острые травинки. Быков посмотрел на часы. Было около пяти.

Все молчали. Минуты тянулись медленно.

— Свет! — вскрикнул Крутиков.

Небо осветилось дрожащим фиолетовым заревом. И сразу же исчезло кажущееся серое однообразие неба и тундры. Стал отчетливо виден тонкий муаровый рисунок каждой тучи. По земле пробежали прихотливо изогнутые ослепительно белые прожилки. Свет усиливался. Над тундрой заиграла странная перевернутая радуга. Белые и лиловые блики запрыгали в лужах. И, постепенно нарастая, в уши вонзился тонкий высокий вой. У Быкова заныли зубы, он зажал уши и затряс головой. Свет становился все ярче, звук поднялся до нестерпимой высоты и стал едва слышен.

— Ляхов докладывает, что через две минуты выключает фотореактор, — донесся низкий бас из репродуктора.

— Давно пора, — буркнул Краюхин.

Свет погас, и, как по волшебству, мгновенно исчезли радуга и веселые зайчики в лужах. На тундру упали сумерки. Но через минуту глаза снова освоились с ее серым однообразием. И тогда небо заполнил низкий, зловеющий рев. Задрожали стены, жалобно задребезжала стальная заслонка бойницы. Казалось, неисчислимые косяки реактивных самолетов один за другим проносятся над головой.

— Вот он! — крикнул Крутиков. — Смотрите!

Под тучами блеснули красноватые искры. Округлое темное пятно появилось в вышине и, брызгаясь огнем, стало медленно опускаться. Оно росло на глазах. Тяжелый грохот потряс воздух, и пять огненных струй, тонких и прямых, как мачты, сорвались с краев пятна и ударили в землю. Взметнулись облака пара, полетели комья грязи. Грузное черное тело повисло в воздухе, слегка покачиваясь на подпирающих его пяти столбах оранжевого пламени. Затем еще медленнее, чем прежде, оно погрузилось в вихри пара и скрылось из глаз. Земля мягко дрогнула, рев стих. Никто не произнес ни слова, каждый словно прислушивался к звону в ушах. Там, где опустился планетолет, теперь колыхалось, клубилось тяжелое облако грязно-белого пара...

— Посадка чистоты необыкновенной! — задыхаясь, проговорил Спицын.

— Так, — согласился Краюхин. — Мастерская посадка. Едем, а то вы все лопнете от нетерпения.

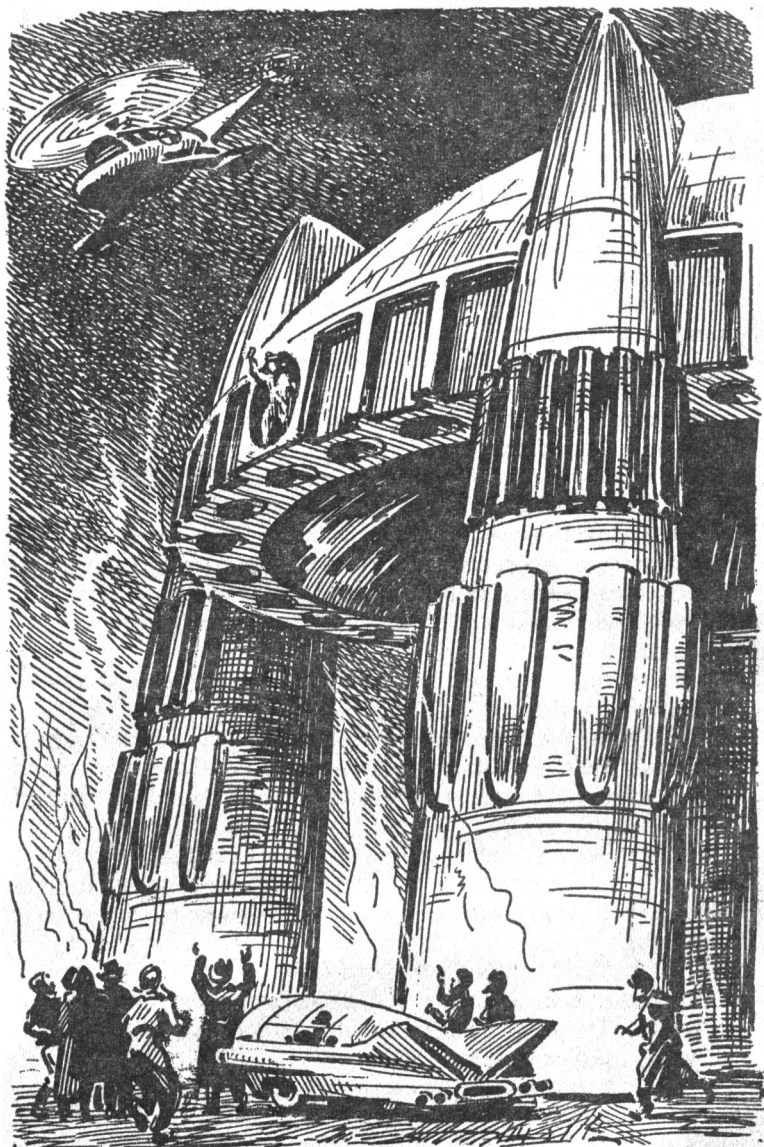
«Хиус» сел значительно дальше от наблюдательного пункта, чем это вначале показалось Быкову. Шофер вел машину на предельной скорости, какую позволяла развивать кочковатая равнина. И все же прошло не менее пятнадцати минут, прежде чем шины зашелестели по горячей, спекшейся и все еще слабо дымившейся земле. Исполинский купол «Хиуса» заслонил полнеба.

— Смотрите-ка, — ликующе сказал Спицын, — сел-то как — нижним люком к городу! Молодчина!

Все выскочили из машины и задрали головы. Быков с изумлением и недоверием смотрел на это чудовище, рожденное волей человека в черной пустоте на верфях «Вэйдады Ю-и». Ничего подобного по масштабам и по форме ему еще не приходилось видеть. Правда, на первый взгляд «Хиус», пожалуй, имел некоторое сходство с черепахой, как и его модель в московском кабинете Краюхина. Но вблизи такое сравнение просто не могло прийти в голову. Больше всего планетолет походил, кажется, на громоздкую беседку-павильон о пяти толстых косых колоннах. Каждая из колонн, величиной с водонапорную башню, поддерживала крышукорпус, имеющий форму выпукло-вогнутой линзы. Нижняя вогнутая поверхность корпуса была зеркальной, и, зайдя под нее, Быков увидел над головой свое донельзя искаженное и увеличенное отражение.

Зеркало... Тончайший слой волшебного вещества, которое в природе, вероятно, существует только в недрах самых плотных звезд, неимоверными ухищрениями нанесенный на полированный металл. Быкову показалось, что он ощущает на своем лице слабый, едва заметный ток тепла. Но он знал, что зеркало остается холодным даже во время работы фото-реактора. Вот из этой черной дыры в центре вогнутой поверхности на высоте десяти—пятнадцати метров брызжет струя раскаленной плазмы, и там, где он, Быков, стоит сейчас, начинается сумасшедшая реакция синтеза голых ядер. Быков нервно передернул плечами и поспешно вышел под открытое небо. Может быть, впервые в жизни он по-настоящему понял, какие огромные силы подчинил и поставил себе на службу человек.

Что-то застрекотало наверху, и Быков увидел большой вертолет с красными крестами на боках, проплывающий над «Хиусом».

— Оперативность прежде всего, — пробормотал Юрковский. — Но почему они не выходят?

Как бы в ответ на его слова, неожиданно между двумя реакторными кольцами — так назывались башни-колонны — у кромки корпуса открылся круглый люк, и в нем появилось бледное, улыбающееся лицо.

— Вася! Ляхов! — заорал Спицын, подпрыгивая и размахивая руками.

— Здравствуй, Богдан! Здравствуйте, Николай Захарович! Привет, товарищи!

— Да вылезайте вы, бродяги межпланетные! — сипло рывкнул Краюхин. — Что вы там возитесь, Ляхов?

— Сию минуту. Санитарная машина есть?

— Вот она. — Спицын махнул рукой в сторону приземлившегося вертолета, от которого бежало к ним несколько человек в белых халатах.

Из люка с металлическим лязгом выпала гибкая лестница.

— Принимайте больного! — крикнул Ляхов.

На четырех прозрачных тонких шпагатах осторожно спустили в гамаке человека, закутанного в простыни. Быков принял его на руки и с помощью санитаров уложил на носилки. С удивлением и жалостью он увидел, что по лицу больного текут слезы.

— Земье, — прошептал больной. — Земье, модре небо... синее...

— Да-да, товарищ Дивишек, Земля! — Краюхин наклонился над ним. — Теперь все будет хорошо. Через несколько часов будете в Москве, подлечитесь, а там домой, на отдых.

— Декую, соудругу...

— Передайте распоряжение, — обратился Краюхин к врачу, — чтобы больного немедленно — то есть после оказания ему помощи нашими средствами — отправили на моем самолете.

— Слушаюсь, Николай Захарович.

Тем временем Ляхов и его двое спутников тоже сошли на землю. Наскоро поздоровавшись с товарищами, они подошли к носилкам.

— До свидания, Ян! — сказал Ляхов. — Поправляйся — и снова за работу, дружище!

Худощавая круглолицая женщина в просторном комбинезоне ласково погладила чеха по щеке:

— Выздоровляйте скорее, товарищ Дивишек. Привет вашей семье.

— Декую, соудругу... Спасибо, спасибо, — бормотал Дивишек, пожимая их руки худыми пальцами. — Очень много спасибо!

Все молча проводили глазами улетающий вертолет. Ляхов взглянул на просветлевшее небо, на неясные очертания далеких холмов и слабо улыбнулся.

— Вот и снова на Земле, — сказал он. — Снова дома... Но какая машина, друзья мои! Какая машина!

— Погодите, товарищи... — Спицын схватил Ляхова за плечо и подвел его к круглолицей женщине. — Чокан, встань слева от Веры, пожалуйста...

Третий член экипажа, высокий молчаливый казах, нахмурился:

— Опять снимать будешь?

— Да-да...

Спицын попятился, не спуская с них глаз, достал из кармана миниатюрный киноаппарат и, присев на корточки, заснял несколько метров.

— Довольно! — сердито сказал Краюхин. — Немедленно в машину — в город и отдыхать! Без разговоров! Разговаривать будем вечером.

— Одну минуту, Николай Захарович... — Ляхов повернулся к Быкову: — Если не ошибаюсь, вы новый член экипажа?

— Да, познакомьтесь, — спохватился Краюхин. — Быков Алексей Петрович. Химик, инженер-ядерник, водитель. Василий Семенович Ляхов — пилот... Верочка, идите сюда. Вера Николаевна Василевская — штурман. Чокан Кунанбаев — борт-инженер.

Быков и ляховцы обменялись рукопожатиями.

— Так, — сказал Краюхин. — А теперь — в город!

— Вечером увидимся, — ласково кивнул Быкову Ляхов.

— Мы с вами, Анатолий Борисович, останемся на часок здесь, — обратился Краюхин к Ермакову. — Осмотрим «Хиус». Вы тоже, Быков. Кстати, поговорим с начальником группы обслуживания. Вои он катит... Остальные свободны.

По полю к «Хиусу» ползла вереница машин — полугусеничные грузовики, тракторы, подъемные краны на колесах.

— Скажите им, пусть обратят внимание на третий реактор, — сказал Чокап. — Особое внимание! Что-то релейная система барахлит... Да ладно, завтра сам скажу.

Они уехали, и Быков с бьющимся от волнения сердцем полез вслед за Краюхиным и Ермаковым по гибкой, но прочной лестнице. В кубической камере, куда открывался люк, Краюхин сказал:

— Здесь тамбур — кессон — для выхода в безвоздушное пространство или в среду с ядовитой атмосферой. Тесновато, так?

— Да нет... ничего как будто, — нерешительно пробормотал Быков.

— Тесно, тесно! — брюзгливо проворчал Краюхин. — Многого не рассчитали, когда проектировали. Вот начнем разгружаться и грузиться — увидите. Придется пропустить десятки тонн груза через три таких вот игольных ушка. — Он ткнул пальцем в сторону люка. — В самом корабле и того хуже, так. Переходы узкие, перегорожены переборками с комингсами.

— С точки зрения герметичности и безопасности от метеоритов это дает большие преимущества, — заметил Ермаков.

Они прошли камеру и стали подниматься по гофрированным ступенькам ярко освещенного коридора.

— Термоядерная ракета — дело, так сказать, новое, — говорил Краюхин. — Многих ее возможностей и преимуществ не учли, проектировали по старинке, как обычные ракеты. Рутинка, ничего не поделаешь... А вот здесь начинается новое...

Краюхин толкнул тяжелую стальную дверь, и они оказались в обширном помещении, заполненном незнакомыми Быкову приборами и распределительными щитами.

— Здесь рубка, — сказал Краюхин. — А там, — он указал на стену напротив входа, — за титановым кожухом находится сердце «Хиуса» — фотореактор. Специальное устройство создает поток плазмы, поток голых тритонов, ядер сверхтяжелого водорода, который крошечными порциями, по несколько тысяч порций в секунду, выбрасывается вниз. Мощное электромагнитное поле, образуемое пятью соленоидами над реакторными кольцами, резко тормозит комочек плазмы, в результате чего в нем начинается термоядерная

реакция. Точка торможения находится в фокусе параболического зеркала — нижней поверхности корпуса «Хиуса». Плотный поток фотонов, нейтронов, ядер гелия и непрореагировавших тритонов бьет в зеркало и создает огромную тягу... Конечно, — добавил Краухин, помолчав, — не будь слоя «абсолютного отражателя», корпус корабля мгновенно, так сказать, прогорел бы насквозь. Первый «Хиус» сгорел потому, что где-то был нарушен этот защитный слой.

— Это неизвестно, — сухо бросил Ермаков.

Он ходил по рубке, заглядывал в приборы и что-то записывал в записную книжку.

Краухин пожевал губами, помолчал.

— Фотонная ракета — новое дело, — сказал он. — Огромное дело. Будущее человечества... — Он снял очки, стал протирать стекла, глядя на Быкова круглыми глазами. — «Благосклонная природа, вероятно, знает, почему она не хочет, чтобы мы превратили наш земной мир в скромный рай и на этом успокоились, и почему она заставляет нас завоевывать новые миры — те последние и крайние миры, ключом к которым должны стать фотонные ракеты». Это сказал более полувека назад один весьма умный немец; тогда фотонные ракеты казались отдаленной мечтой. А теперь этот ключ к последним и крайним мирам у нас в руках. Но мы еще не научились им пользоваться по-настоящему. Много, еще очень много несовершенного, непонятного. И много рутины. Вот хотя бы эти атомные ракеты на «Хиусе». При фотонном приводе они — как кляча, запряженная в новейший атомокар.

— Но ведь иначе «Хиус» не мог бы стартовать с Земли, — вставил Быков робко.

Краухин снова водрузил очки на нос.

— В ближайшем будущем мы, вероятно, вообще откажемся от стартов с Земли. «Хиусы» будут стартовать с искусственных спутников.

— Понятно, — сказал Быков. — Но пока-то «Хиус» берет запас обычного для ракет топлива?

— Очень немного. Едва пятую часть полетного веса. Только для того, чтобы оторваться от Земли, выйти из плотных слоев атмосферы, легко поддающихся радиоактивному заражению. А затем включается фотонный двигатель. «Хиус» не знает неудобств, связанных с невесомостью. Он движется

с постоянным ускорением в десять метров в секунду за секунду, таким же, что и ускорение силы тяжести на поверхности Земли. Таким образом экипаж «Хиуса» избавлен от невесомости и всех ее неприятных последствий. «Хиус» — по крайней мере в межпланетных перелетах — не знает долгих и тоскливых рейсов по инерции, продолжающихся годы. Он развивает гигантские скорости и расстояния до планет покрывает за дни и недели. «Хиус» — это и есть ключ «к последним и крайним мирам».

— «Хиус» — ключ к большим планетам, — странным, сдавленным голосом проговорил Ермаков.

Он стоял, склонившись над каким-то прибором, и Быков не видел его лица.

Краюхин сжал губы.

— Пойдемте, товарищ Быков, — хмуро сказал он. — Я покажу вам остальные помещения.

Они обошли весь корабль, заглянули в жилые каюты, в кают-компанию, в камеры-хранилища. Все было предельно просто, почти голо. В жилых каютах — голые мягкие стены, выдвижные койки с широкими эластичными ремнями, стенные шкафы, низкие и мягкие кресла, наглухо принайтованные к пружинящему полу. В кают-компании — большой круглый стол, мягкие кресла, в мягких стенах — буфет, книгохранилище. На столе лежал забытый, видимо, листок бумаги с неровными строчками вычислений. Краюхин забрал его. («Чокан, — сказал он с усмешкой. — Математик...»)

Когда они вернулись к люку, «Хиус» был окружен машинами и людьми. Ермаков что-то говорил начальнику группы обслуживания, тот кивал, переспрашивал и на ходу раздавал приказания толпившимся возле него рабочим — молодым ребятам, вероятно, только что со студенческой скамьи.

— Едем домой, — сказал Краюхин. — Если завтра закончат перезарядку реакторов, послезавтра начнем погрузку.

— Да! — вспомнил вдруг Быков, усаживаясь в автомобиль. — Я совершенно забыл. А «Мальчик»? Куда его погрузят?

— Наверх, — ответил Краюхин. — «Мальчик» пропутешествует через пространство верхом на «Хиусе». Так...

— Мгм... — начал было Быков, но осекся и больше спрашивать не стал.

«КАК АРГОНАВТЫ В СТАРИНУ...»

Отчет Ляхова был заслушан на следующий день. В просторном кабинете начальника Седьмого полигона едва разместились, кроме межпланетников, человек тридцать работников ракетодома, инженеров с верфей «Вэйдады Ю-и», представителей научно-исследовательских и проектных учреждений, связанных с Комитетом межпланетных сообщений. Ляхов, бледный и улыбающийся, говорил быстро, четко, постукивая для убедительности карандашом по кожаной папке с дневниками и заметками.

В соответствии с планом испытательного перелета «Хиус» через двадцать часов после старта принял неподвижное по отношению к Солнцу положение и затем, с постоянным ускорением в 9,7 метра в секунду за секунду, устремился к точке встречи с Венерой в обход Солнца. Пройдя точно половину расстояния и достигнув скорости четыре тысячи километров в секунду (оживление среди слушателей), Ляхов повернул планетолет зеркалом к точке встречи и начал торможение. Через восемь с половиной суток «Хиус» вышел на орбиту «Циолковского» — одного из советских искусственных спутников Венеры, а еще через несколько часов причалил к нему. Далее, следуя программе испытаний, Ляхов около месяца маневрировал вокруг Венеры, проверяя работу фотореактора на всех режимах, посетил искусственные спутники, принадлежащие другим государствам, совершил посадку на Вениту — естественный спутник Венеры — и наконец отправился в обратный путь, приняв на борт больного инженера с чешской станции.

Ляхов рассказал о режимах работы фотореактора, о результатах применения эффекта Доплера для определения собственных скоростей фотонной ракеты, высказал соображения относительно противометеоритного устройства («К сожа... э-э... к счастью, вернее... нам не пришлось испытать его в действии»), сообщил новые оценки распределения плотностей космической пыли в промежутке между орбитами Земли и Венеры («Эти данные, товарищи, по моему глубокому убеждению, позволяют надеяться на осуществление прямого фотонного двигателя, по крайней мере в таких рейсах, как только будет решена проблема фотонного привода на аннигиляции»). Особое внимание Ляхов уделит некоторым

непонятым феноменам, имевшим место во время рейса. Наблюдались беспричинные перерывы радио- и телевизионной связи, вспышки ультразвуковой вибрации корпуса плането-лета, небольшие нарушения тормозного магнитного поля в фокусе зеркала. Все это происходило непосредственно перед торможением, то есть в период максимальных скоростей. Ляхов выражал уверенность, что дело здесь имело в колоссальных скоростях плането-лета — скоростях, требующих уже перехода на релятивистскую механику.

Но в целом «Хиус» оправдал все надежды. После пробного рейса стало очевидно, что «вопреки мнению перестраховщиков и тупиц, оскверняющих самим фактом своего бытия славную идею межпланетных сообщений», будущее, притом ближайшее будущее, принадлежит фотонным ракетам. (Аплодисменты, одобрительные возгласы.) Даже в таком примитивном и прямолинейном виде сочетание фотореактора с абсолютным отражателем является огромным шагом вперед в технике космогации.

Мелкие конструктивные недостатки «Хиуса» с лихвой покрывались его неоспоримыми достоинствами и преимуществами: практически неограниченным запасом хода, способностью совершать старты и посадки, не стесняясь в расходе энергии, и без перегрузок, опасных для жизни и здоровья экипажа, независимостью от промежуточных баз и множества других, менее значительных.

— ...и я, товарищи, грешным делом, — сказал Ляхов, — даже подумал: «А не попытаться ли заодно уж произвести высадку на Венере?» (Смех, шум в зале. Краюхин сердито хмурится. Юрковский показывает Ляхову кулак.) А что? Никто бы и не узнал... Но достаточно было взглянуть на эту милую планету вблизи, чтобы вспомнить, что такое дисциплина. Нет, правда, дисциплина — прекрасная вещь. Я никогда прежде не летал к планетам с атмосферами, и, должен сказать, с непривычки это действует... Вид у нее неважный.

После Ляхова выступила штурман Вера Николаевна, очень хорошенькая, в синем платье, с розовым от смущения круглым лицом. Она привела несколько оптимальных вариантов выхода фотонного плането-лета на «прямую траекторию». Выяснилось, что электронная курсовычислительная машина, установленная на «Хиусе», не вполне отвечает требованиям новой, «прямой» космогации. Штурману и опера-

тору приходится непрерывно вводить поправки на возмущение со стороны Солнца, чего, например, не требовали перелеты по орбитальным траекториям. Веру Николаевну перебил пышноволосый усатый юноша, представитель Института счетно-решающих устройств, и принялся объяснять Краюхину, что подготовлено для решения этой проблемы в их институте. Он говорил горячо и непонятно; в него неожиданно вцепились Крутиков и один из инженеров; они яростно заспорили. Их никто не перебивал, и Быков уже подумал было, что счетно-решающие устройства являются сейчас наиболее важной частью оборудования фотонных ракет, но через минуту с изумлением увидел, что чинного и торжественного совещания как не бывало.

Группа работников ракетодрома обступила Чокана Кунапбаева, и тот неторопливо объяснял что-то, водя карандашом по развернутым листам ватмана. Краюхин и Ермаков собрали вокруг себя ракетостроителей «Вэйдады Ю-и», листали и показывали им дневники перелета. Ракетостроители кивали и писали в блокнотах и записных книжках. Ляхов, Богдан Спицын и Юрковский молча слушали начальника Седьмого полигона. Юрковский, иронически усмехнувшись, сказал что-то, все заулыбались: Ляхов и Спицын — весело, начальник — смущенно. В кабинете стоял ровный шум голосов и шелест бумаги.

Быков досмотрел, как изничтожают усатого представителя, и повернулся к Дауге. Тот предложил:

— Пойдем, Алексей, домой. Доспорят без нас. Надо разобратся в новых данных о Венере. Прислал Махов, начальник «Циолковского».

Вечером межпланетники собрались в читальном зале гостиницы.

Вера Николаевна, блестя глазами, говорила:

— Оторваться от Земли и оказаться в пространстве — это еще не значит завоевать пространство. Первые воздушные шары не сделали человека хозяином воздушного океана. Это сделал только самолет. Не так ли? Хозяином пространства сделает нас только «Хиус», независимый от сил тяготения, освобожденный от рабского подчинения этим силам...

Богдан Спицын влюбленно смотрел на нее, а Ляхов проворкотал, растерянно улыбаясь, словно эта мысль только что пришла ему на ум:

— Подумать только, ведь мы были первыми в таком деле! Юрковский усмехнулся:

— Но все-таки дома, на Земле, лучше, не так ли, Вася?

— Разумеется, лучше.

— «Разумеется...» Ах, Василий, Василий, нет в тебе ни капли поэзии! Совершил такой перелет!.. Нет, ты действительно недостойн такой чести.

Ляхов нахмурился.

— Я, знаешь ли, не спортсмен, — сердито сказал он, — я работник! И не вижу в этом ничего дурного.

— Никто не говорит, что это дурно... — Юрковский поднял к потолку томные глаза. — Но согласишься, мон шер, что путь прокладывают обычно... спортсмены, как ты их называешь.

— Значит, раз на раз не приходится.

— Что за разделение такое? — удивленно спросил Крутиков. — Спортсмены, работники...

— Всегда и везде, — твердо сказал Юрковский, — впереди шли энтузиасты-мечтатели, романтики-одиночки, они прокладывали дорогу администраторам и инженерам, а затем...

— Затем по костям этих самых мечтателей и романтиков кидалась жадная серая масса, чернь презренная... — криво улыбаясь, тоненьким голосом сказал Дауге. — Трепло ты, милый Володя, вот что! Энтузиаст-мечтатель... гусар-одиночка!

Юрковский стремительно повернулся к нему, но Краюхин поднял руку.

— Одну минутку, — проскрипел он насмешливо. — Значит, Владимир Сергеевич, администраторов-энтузиастов не бывает? И инженеров-мечтателей тоже? Хм... И что там насчет серой массы?

Быков сидел как на иголках. Никогда еще «пижон» не был ему так несимпатичен. Он взглянул на Ляхова, бледного, с дрожащими от обиды губами, и разозлился еще больше. Но он еще не имел здесь права голоса.

— Мы все мечтатели, если угодно, Владимир Сергеевич, — продолжал Краюхин. — И энтузиасты тоже. Только каждый на свой лад. Вот Вера Николаевна выражает свою радость по поводу того, что «Хиус» дает ей возможность носиться до пространству куда угодно и как угодно, тешить ее крылатую душу. Так. В этом она, по-видимому, и видит истинное назначение «хозяина пространства».

— Я совсем не это хотела сказать... — растерянно проговорила Вера Николаевна.

— Надеюсь, что не это... Потому что, имейте в виду, государство, наш народ, наше дело ждет от нас не только... вернее, не столько рекордов, сколько урана, тория, трансуранидов. Мы все мечтатели. Но я мечтаю не носиться по пространству подобно мыльному пузырю, а черпать из него все, что может быть полезно... Что в первую очередь необходимо для лучшей жизни людей на Земле, для коммунистического содружества народов. Тащить все в дом, а не транжирить то, что есть дома! В этом наше назначение. И наша поэзия.

— Как пчелы, — изрек Крутиков.

— Именно как пчелы, а не как... бабочки-поденки. Кроме того, позволю себе обратить ваше внимание и на то обстоятельство, что в наше время переходные периоды проходят быстро. И вот пример: в предстоящем рейсе пилоты «Хиуса» будут уже выполнять скромную обязанность извозчиков. Главная роль отводится на сей раз уже другим. Вот ему... — Краухин указал на Быкова. (Тот испуганно заморгал.) — И Дауге, и вам, Владимир Сергеевич. Человечеству нужны богатства Венеры, а не восторженные рапорты. Так. А затем вы уступите место новым героям — производственникам, тем, кто будет строить заводы на берегах Ураповой Голконды. И все это работа, друг мой, вдохновенная работа, а не спорт! Только одни относятся к ней как к эффектной возможности блеснуть под куполом цирка и сорвать аплодисменты, а другие — как к работе в общем строю. А вам, так сказать, мой шер, только бы добраться до сокровищницы тайн, где они лежат штабелями, и водрузить... Эх вы... спортсмены!

Наступило молчание. Юрковский поднялся и, ни на кого не глядя, вышел.

— Славный парень, — проговорил Краухин. — Смелый, умница... Только амбиции у него — ой-ой-ой!

Ермаков сказал без улыбки:

— Отец мне рассказывал, что некто Николай Захарович Краухин в молодости...

— «Краухин, Краухин»... — Николай Захарович стал кряхтя растирать колени. — То было в молодости... И кроме того, может быть, тебе известно, что упомянутого Краухина

за это самое мордой об стол... простите за выражение... на партийной конференции, да. И именно твой папаша, Анатолий Борисович! Так.

Краюхин сердито хмыкнул, покашлял и ушел.

Последние дни перед стартом прошли незаметно. Все были заняты. Ермаков руководил работой группы обслуживания, грузившей «Хиус» всем необходимым. Корабль был погребен под массой металлических конструкций, опутан паутиной шлангов и кабелей. Под ним теснились десятки машин-газгольдеров, машин-цистерн, тракторов, кранов и конвейеров. Работа велась днем и ночью. По толстым шлангам, покрытым пластами льда и инея, подавались сжиженные газы — водород и кислород, по тонким шлангам — вода и смазочные вещества. Конвейеры и краны забрасывали в три люка баки, мешки и ящики с продуктами, снаряжением и оборудованием. Десятки людей в спецкостюмах копошились в урановых реакторах. Приехавшие из Новосибирска специалисты микрон за микроном проверяли слой «абсолютного отражателя»; в этой неправдоподобно тонкой и вместе с тем самой прочной в мире броне могли оказаться микроскопические изъяны, которые привели бы экспедицию к мгновенной огненной гибели. Сам Краюхин приехал поглядеть, как с купола «Хиуса» сняли толстую титановую плиту и осторожно опустили в зарядные камеры фотонного реактора баллоны-капсулы со смесью жидкого трития и дейтерия. Затем плиту опустили на место и в то же день затащили и укрепили над ней огромный контейнер с «Мальчиком».

— С этим дурацким ящиком на горбу, — досадливо сказала Вера Николаевна, — «Хиус» имеет какой-то доморощенный вид.

Ляхов со Спицыным и Крутиковым все эти дни проводил в рубке, где было сосредоточено управление планетолетом. Дауге и Юрковский занимались изучением новых данных о Венере, привезенных Ляховым, без конца спорили, составляли какие-то таинственные радиограммы, несли их на подпись к Краюхину и потом на радиостанцию.

В самый разгар этой горячки Краюхин вызвал Быкова и поехал с ним на один из подземных складов на южной окраине города. В сухом и светлом помещении склада Быков увидел ящики с оружием.

— Знакомые штучки? — осведомился Краюхин.
Быков с недоумением посмотрел на него и нагнулся.

— Карабин-автомат образца семьдесят пятого года.

— А вот те?

— Реактивные ружья... пистолеты...

— Ну вот, выбирайте.

Быков понял:

— На всех?

— На всех... да возьмите и запасец.

Быков молча отобрал восемь новеньких карабинов, несколько десятков ручных гранат, лучевые пистолеты, финские ножи в светло-желтых кожаных чехлах.

— А патроны где? И капсюли для гранат?

— Есть патроны, капсюли и все, что хотите. Напишите начальнику склада, что вам нужно.

Они спустились этажом ниже.

— Это тоже для вас, — сказал Краюхин, указывая на цилиндрические предметы, тускло отсвечивающие воронеными боками.

— Атомные мины... — пробормотал Быков.

— Знаете?

— Как не знать...

— Возьмите десять комплектов. Прихватите десяток ви-
сячих прожекторных ракет.

Спустя два часа через город на полигон проехала машина, груженная тяжелыми пластмассовыми ящиками и десятью круглыми решетчатыми футлярами. Еще через два часа эти ящики и футляры при усиленном участии и под личным наблюдением Быкова были погружены на «Хиус».

Наконец все было закончено. В течение одной ночи исчезли легкие и неуклюжие фермы, опутывавшие планетолет, шланги, краны и конвейеры. Ушли машины и тракторы, уехали люди. На земле остались под морозящим дождем только обрывки проводов и тросов, куски фанеры, несколько забытых досок да вбитые в грязь клочья маслянистой упаковочной бумаги.

Краюхин в сопровождении Ермакова и начальника группы обслуживания облазил все помещения «Хиуса», все пересмотрел и перетрогал, придирчиво и подозрительно прислушался к мощному гулу включенных для пробы соленоидов, сделал несколько пустячных замечаний, слез на землю, вытер руки о край плаща и сказал:

— Пожалуй, все в порядке, Анатолий Борисович. Подписывайте акт.

Ермаков согласно наклонил голову. Начальник группы обслуживания облегченно вздохнул, потоптался, затем спросил, покашливая:

— Когда же старт, Николай Захарович? Завтра?

Но, как оказалось, оставались еще кое-какие формальности. В городе Краюхина срочно вызвали на радиостанцию, и, вернувшись оттуда, он сухо (так, по крайней мере, показалось Быкову) сообщил, что старт откладывается на утро послезавтра, а завтра прибывает комиссия.

— И вечером будет... э... торжественный обед. Можно без фраков.

Юрковский энергично пошевелил губами, Ермаков равнодушно зевнул, а Крутиков пожал плечами и снова углубился в какую-то книгу.

— Пойдем прогуляемся, — предложил Дауге Быкову.

Они вышли из гостиницы и не спеша направились вдоль улицы к полигону.

— Тосты, напыщенные речи, — сказал Иоганыч устало. — Терпеть этого не могу!

— Ну, знаешь... — Быков недовольно поглядел на него. — Такое событие все-таки...

— Да какое оно «такое»? Люди делают свое дело. Чего же тут экстраординарного? Ведь не назначается же специальная комиссия, скажем, для того, чтобы отметить отправление геологической экспедиции?

— Бывает, наверно, что и назначается.

— И напрасно. Это только на нервы действует.

— Не знаю, не знаю. Все-таки проявление внимания, так сказать... Люди идут на риск...

— Не хвастайся, — сказал Дауге строго. Быков сконфузился. — На риск... Думаешь, эти министерские понимают, что такое риск? Проявление внимания... — Дауге сплюнул. — Это же сплошная казенщина. И никакого чувства такта. Обязательно найдется какой-нибудь ишак, который будет превозносить до небес «аргонавтов вселенной», а заодно и самого себя за мудрое руководство упомянутыми аргонавтами.

— Гм...

— Причем, заметь, настоящие, ценные работники аппарата министерства сюда не поедут специально на проводы.

Ни Кокорьшкин, ни Привалов, ни Стручинский... Во-первых, они заняты по горло, во-вторых, они достаточно тактичны, в-третьих, отлично понимают, что это все комедия. Впрочем, это каждый понимает.

Некоторое время они шли молча. Быков спросил:

— Так почему же так делается?

— А черт его знает почему. Думаю, это еще с первых лет после революции... Тогда еще, наверное, нужно было воодушевлять людей, напомнить им об их долге, разъяснить им значение предстоящей работы... Вот с тех пор и повелось так, и не могут отказаться от дурацкого обычая. Ведь кому лучше нас понимать значение того, что делает сейчас с нашей помощью Краюхин? Вот увидишь, они будут делать вид, что только благодаря им... и так далее. А Краюхину потребовалось битых пять лет, чтобы отвоевать проекту «Хиуса» место под солнцем.

Дауге помолчал, затем добавил:

— Конечно, формально министерство должно иметь акт комиссии о состоянии «Хиуса» перед стартом. Но уж эти банкеты...

Быков не стал возражать. Спорить не хотелось, и кроме того, он чувствовал, что Иоганьч во многом прав.

Они повернули назад, и тут он заметил, что встречные прохожие почтительно сторонятся их, давая им дорогу, а некоторые в знак приветствия прикладывают руку к головному убору. Он обратил на это внимание Дауге. Тот рассмеялся.

— Мы живем здесь уже месяц, и все в городе знают, кто мы такие. Знают они и то, что послезавтра мы... прыгнем.

Снова пошел дождь, и они поспешно вернулись в гостиницу. У входа в столовую Дауге остановился, попятился и толкнул Быкова локтем:

— Тихо!..

Столовая была освещена неярким вечерним солнцем. На диване, склонившись друг к другу, сидели Богдан Спицын и Вера Николаевна. Они молчали, глядя в окно, и лица их были так серьезны и необычайно грустны, что у Быкова сжалось сердце. Большая белая рука Богдана обнимала узкие, хрупкие плечи женщины. Дауге потянул Алексея за рукав, и они на цыпочках прошли на второй этаж.

— Вот, Алексей, как бывает... — проговорил Дауге. — Встречаются только на неделю, на две, и снова в разные стороны. Она старше его на пять лет... Любовь, ничего не поделаешь. Настоящая, большая любовь...

Он задумался. Быков осторожно спросил:

— Чего же они не поженятся?

— Что? Почему не поженятся? — не сразу отозвался Дауге. — Да при чем здесь это? Они встречаются раз, много — два раза в год, понимаешь?

— Понимаю, — пробормотал Быков, но затем сказал решительно: — Нет, ни черта не понимаю! Жепились, бы, жили бы вместе, вместе и летали...

— Вместе... Вместе им нельзя, Алексей. Они встречаются раз-два в год. Летать им вместе нельзя — ведь Богдан ходит в такие экспедиции, куда женщин не берут. Какая же это будет семья?

— Нет, — твердо сказал Быков, — могли бы как-то устроить, если бы захотели.

— Может быть, конечно. Может быть, они просто выдумали себе эту любовь?

— Ну вот ты...

— Я бы, Алексей... — голос Дауге дрогнул, — я бы жизнь за любимую женщину отдал! Я, друг мой, слабый человек.

На следующий день прилетели гости из Москвы. К удивлению и удовольствию Быкова, ужин прошел весело. Были речи (и неплохие, как показалось ему), и тосты (только шампанское), и пожелания, межпланетники держались чинно и благопристойно, вежливо вставали и кланялись и даже смеялись, когда кому-либо из гостей случалось сострить. Краюхин рассказал несколько комических эпизодов из раннего периода межпланетных сообщений, а Юрковский вдруг разразился стихами Багрицкого. Он прочитал своих любимых «Контрабандистов» и, когда смолкли аплодисменты, сказал грустно:

— Вот... сколько хороших стихов о море и моряках, а о нас совсем нет. Сплошное «ты лети, моя ракета».

— Поэты знают море тысячи лет, — заметила Вера Николаевна, — а пространство они совсем еще не знают. Потерпи, Володя, будут отличные стихи и о нас.

Юрковский поцеловал ее руку:

— Терплю, Верочка. А пока у нас только и остается:

Как аргонавты в старину,
Покинув отчий дом,
Поплыли мы,
Тирам-там-там,
За золотым руном.

Когда гости разошлись, Крутиков вздохнул и заметил:

— Слава богу, хорошо посидели. Только...

— Да, — кивнул Дауге. — В своем кругу прощальный обед был бы лучше.

Краюхин поднялся, с шумом отодвинул свое кресло.

— Прошу внимания, друзья мои, — сказал он. — Одну минуту внимания. Сейчас мы в своем кругу, и мне хочется сказать вам несколько слов. Алексей Петрович, налейте, пожалуйста, всем вина... По капле, Анатолий, не беспокойся... Вот так, благодарю вас. Друзья! Я здесь самый старый межпланетник... да. Страшно вспомнить, на каких гробах мы начинали дело! По сравнению с «Хиусом» это были колымаги, чтобы не сказать хуже. Но я не из тех самодовольных дураков, которые ворчат, что нынешней молодежи-де не в пример легче, чем было нам. Ибо я знаю, как сложна ваша задача. Задача всегда определяется средствами, и насколько мощнее ваши теперешние средства, настолько сложнее и ваша задача. Вам будет не легче, чем нам... и даже труднее, ибо на вас больше ответственности. Друзья, если вам будет очень трудно, нестерпимо трудно, прошу вас, вспомните, для кого и во имя чего вы это делаете! Я знаю вас всех достаточно хорошо, чтобы быть уверенным: если вы об этом вспомните, сил у вас будет больше. Ну... вот и все. За вас!

Он поднял свой бокал, выпил и быстро вышел из комнаты. Некоторое время все молчали. Затем поднялся Юрковский и сказал негромко:

— Что ж, аргонавты... за старика!

В этот вечер Быков долго не мог уснуть.

Он встал, зажег свет и сел за стол, уставясь на лампочку, и так сидел долго. Взгляд его упал на газету, которую он так и не удосужился просмотреть сегодня.

«Смелее внедрять высокочастотную вспышку» — передовая. «Исландские школьники на каникулах в Крыму»,

«Дальневосточные подводные совхозы дадут государству сверх плана 30 миллионов тонн планктона», «Запуск новой ТЯЭС мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», «Гонки микровертолетов. Победитель — 15-летний школьник Вася Птицын», «На беговой дорожке — 100-летние конькобежцы».

Быков листал газету, шелестя бумагой.

«Фестиваль стереофильмов стран Латинской Америки», «Строительство Англо-Китайско-Советской астрофизической обсерватории на Луне», «С Марса сообщают...»

Быков просмотрел газету, подумал и, сложив, сунул в карман куртки. Это надо взять с собой. Это дыхание Земли, могучий пульс родной планеты, который хочется ощущать и в далеком рейсе. Символ... Алексей вздохнул и погасил свет.

Утро старта было ясное. В пять часов никто уже не спал, все собрались в гостиной, сидели или слонялись из угла в угол. За завтраком ели мало и неохотно, и Ермаков делал вид, что не замечает этого. Краюхин и гости о чем-то переговаривались вполголоса. Подали машины. Несмотря на ранний час, улицы были полны людей. Никто не выкрикивал лозунги и приветствия, никто не подбегал с цветами, люди просто стояли и смотрели, но смотрели так, как смотрят на родных и близких, уходящих в далекий и опасный путь. Машины выехали за город.

И тут с Быковым произошло то, о чем он долго вспоминал потом с недоумением и стыдом. Какое-то странное оцепенение охватило его. Он как бы раздвоился и с безучастным любопытством смотрел на себя со стороны, не в силах сосредоточиться. Обрывки мыслей металась у него в голове, но ни за одну из них он не мог ухватиться и заставить себя вполне последовательно реагировать на то, что происходит вокруг. Они проехали мимо стартовых установок, и Быков долго и упорно старался представить себе, о чем думает ворона, сидящая на одной из них.

У капопиров все стали прощаться. Быков машинально пожимал чьи-то руки, чувствуя на своем лице глуповатую застывшую улыбку и не имея сил согнать ее. Краюхин что-то сказал ему, они обнялись и поцеловались, и опять Алексей Петрович подумал только, что щека Краюхина очень холодная и очень шершавая. Он с готовностью кивал головой,

когда ему что-то с жаром говорил председатель горсовета, похлопывая по плечу. Затем он на негнущихся деревянных ногах отошел в сторону и смотрел, как Спицын обнял Веру Николаевну, а она гладит ладонями его лицо. Дауге взял Алексея за руку и подвел к машине.

...Когда Быков поднял глаза, над ним уже громоздилась матово отсвечивающая выпуклая поверхность реакторного кольца. Наконец он понял, что мешало ему. В мозгу бессознательно, но отчетливо билась одна и та же мысль: «В последний раз. В последний раз». Он не мог вспомнить, когда это впервые пришло ему в голову, но теперь отделаться от этих слов было невозможно.

— По местам! — крикнул Ермаков неестественно резким голосом.

Быков оглянулся. Машины, которые подвезли их к «Хиусу», уже уехали. Кругом расстилалась ровная пустынная тундра.

— Алексей Петрович, не задерживайтесь!

«Последние шаги по Земле», — со странным любопытством прислушиваясь к себе, подумал он, подходя к гибкому металлическому трапу. «Последний глоток земного воздуха», — думал он, ухватившись за край люка. Кто-то — кажется, Юровский — сердито оттолкнул его и попросил быть осторожнее. «Последний взгляд на голубое небо...» Люк со звоном захлопнулся. Тогда он понял, что боится. Просто-напросто трусит. Он сразу успокоился и пошел вслед за Дауге в кают-компанию. Они расселись в креслах — Быков, Дауге и Юровский — и молча пристегнулись широкими эластичными ремнями. Ермаков, Спицын и Крутиков были, вероятно, в рубке. Быков посмотрел на Юровского. Лицо Юровского было сердитое, на носу виднелось желтоватое пятно. «Здорово все-таки я его тогда...» — подумал Быков с мимолетным раскаянием.

— Приготовиться! — раздался из невидимого репродуктора высокий и звонкий голос Ермакова.

Наступила мертвая тишина. На мгновение Быков почувствовал тошноту и слабость. Огромным усилием воли он подавил отвратительное ощущение беспомощности и покосился на Дауге. Тот сосредоточенно смотрел прямо перед собой.

— Старт!

Громовой гул донесся откуда-то снизу. Все вдруг сдвинулось. Сиденье кресла мягко павалилось на тело. Быков изо всех сил зажмурил глаза и увидел разноцветные круги. Гул усилился, стал тише и наконец зачих. Наступила тишина. Быков осторожно приподнял веки и повернулся к Дауге.

— Боли больше не будет, — ясным, веселым голосом сказал Дауге. — Старт дан.

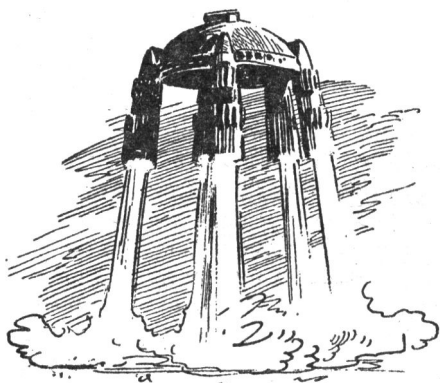
Юрковский вдруг яростно хлопнул себя по лбу.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Дауге.

— Дьявольщина!.. Я забыл электробритву в гостинице и, кажется, не выключил ее!

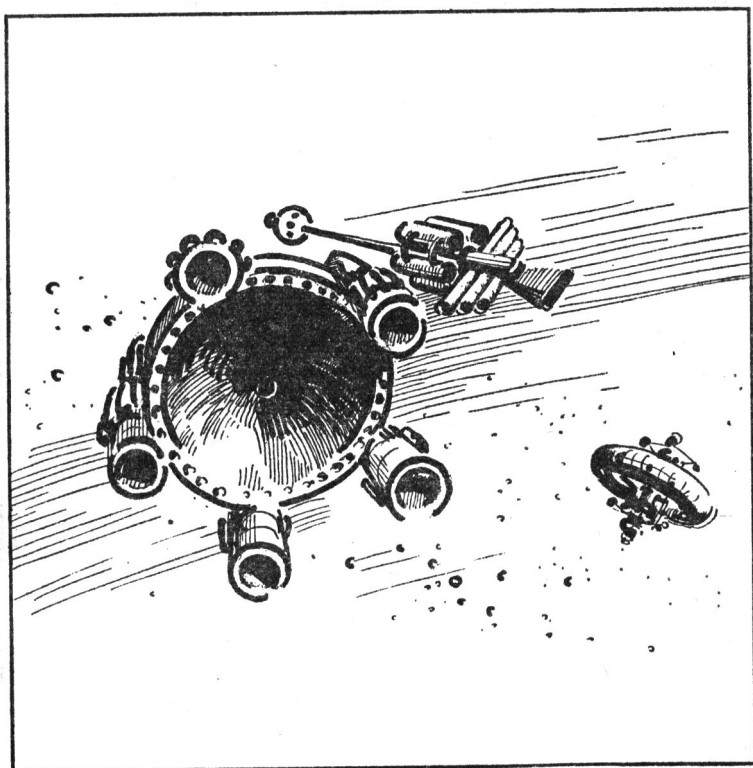
Быков с некоторым трудом принял сидячее положение, крепко потер ладонями виски и облегченно вздохнул.

Конец первой части

Часть вторая

ПРОСТРАНСТВО И ЛЮДИ

КРАЮХИН

вечеру погода испортилась. Со стороны океана потянуло ледяным холодом, пад тундрой тяжело заворочались плотные волны серого тумана. Небо заволокли низкие тучи. Стало сумрачно, почти темно.

В кабинете начальника Главной радиостанции Седьмого полигона было тепло и светло. У стола в низком кресле, уткнув в грудь подбородок, дремал Краюхин. Его ноги в испачканных подсыхшей глиной ботинках были неловко вытянуты, большие узловатые руки тяжело лежали на подлокотниках кресла. Над дверью звонко щелкали часы, отсчитывая минуты, и каждый щелчок вызывал судорожное подергивание покатым плеч сидевшего. Нетронутый чай в стакане с никелированным подстаканником остывал на тумбочке видеофона. В полуоткрытую дверь заглянул дежурный, постоял в нерешительности, затем пошел на цыпочках и положил перед ним пачку радиogramм.

— Что нового? — сипло проговорил Краюхин.

Дежурный вздрогнул:

— Э-э... ничего. Тринадцать минут назад «Хиус» передал, что все в порядке.

— Телевизионную связь наладили?

— Никак нет, Николай Захарович, не удастся пока.

Краюхин долго молчал (дежурный несколько раз переступил с ноги на ногу и покашлял), затем сказал:

— Так пового пичего, говоришь?

— Никак нет, пичего.

— Ладно...

Он покосился на радиogramмы и снова закрыл глаза. Сердце пыло тупой, тягучей болью, ломило левое плечо. Вытянутые ноги затекли, по двигаться не хотелось. Все же он заставил себя снять руку с подлокотника и взять стакан. Чай показался до тошноты приторным. «Это все нервы, — сказал он себе. — Нервы и старость». До сих пор он не знал, что такое нервы. Врачи говорили, что ему вредно волноваться. Он только посмеивался. Ему казалось, что он никогда не волновался... До сегодняшнего дня...

Сегодня, 18 августа 19.. года, ровно в 5.00 по московскому времени, началось то, к чему он готовился полтора десятка лет. Старт первой фотонной ракеты ознаменовал новую эру в истории межпланетных сообщений. И этим же стартом закончилась для него, Краюхина, возможность непосредственно влиять на дальнейший ход событий. Полтора десятка лет исканий, борьбы, огромного напряжения... И вот чем все это закончилось: он сидит, прислушиваясь к тоскливым осенним звукам, к однообразному дробному стуку дождевых капель в окошечные стекла, бульканью струек, стекающих с крыши, к тонкому завыванию ветра. Шестеро отборных людей на борту самого совершенного в мире планетолета взяли у него эстафетную палочку и двинулись дальше, к осуществлению его заветной мечты. А он остался, сразу ослабевший и согнувшийся. И ждет, ждет, ждет...

На мгновение он ощутил острую жалость к себе и зависть к ним, молодым, но сейчас же забыл об этом, потому что главным чувством, оттеснившим на задний план все другие чувства и мысли, был страх за этих людей. Ну хорошо... Пробный рейс «Хиуса» прошел благополучно. Кажется, до тонкости изучены процессы в титановом кожухе фотореактора... Инженер может с абсолютной точностью указать, что происходит там в любую миллиардную долю секунды, и предвидеть, что произойдет в последующие доли. Учено все: чудовищные температуры, чудовищные скорости,

чудовищные давления и напряжения. Но ведь не по злему року взорвался несчастный Петросян!

Краюхин с трудом проглотил несколько ложек чаю. Горло пересохло, глаза резало. Телом овладевал противный озноб. По стеклу блестящими полосами струилась вода.

— Мерзость, — пробормотал он, зябко втягивая голову в плечи.

Неудача экспедиции была бы катастрофой дела всей жизни... Именно теперь, когда многие еще не верят в «Хиус», когда еще не улеглась шумиха, поднятая «осторожными» вокруг внезапного взрыва первого «Хиуса». Тогда казалось, что идея фотонного привода дискредитирована надолго... быть может, навсегда. Только вмешательство правительственной комиссии заставило замолчать маловеров, примазавшихся к великому делу.

Нет, ему нельзя жаловаться. Он потребовал огромных средств — дали, даже больше, чем он смел надеяться. Он потребовал убрать работников, которых считал вредными или ненужными, — а среди них были люди с большими заслугами в прошлом, — их убрали. Он бесстрашно экспериментировал, и ему верили. Вероятно, была в нем огромная сила, непоколебимая убежденность. Впрочем, важно, конечно, было и то, что ему все удавалось. Краюхин — первый исследователь двух больших планет и нескольких лун, строитель пяти крупнейших искусственных спутников, воспитатель и кумир трех поколений самых отважных в мире межпланетников... И теперь Краюхин фактически во главе самого мощного межпланетного флота. Это были трудные успехи, трудные победы. Позади — погибшие товарищи, часы нестерпимого отчаяния и ужаса, боль безвозмездных потерь... триумфы, мгновения огромного счастья, ослепляющей гордости... Но оглядываться назад было пельзя. Нужно было торопиться. Великий народ доверял ему лучших своих детей и первоклассную технику и за это доверие требовал победить пространство со всеми сокровищами и тайнами. Под силу ли ему, Краюхину, дать народу эту победу? Да, если «Хиус» возвратится с удачей, тогда никто больше не посмеет поднять голос против фотонной ракеты. Нет, если...

Краюхин встал и, разминая ноги, прошелся из угла в угол.

— Так не годится, — сказал он громко. — Я гадаю, как старая баба. «Если, если»...

В сущности, он прекрасно знал, что никто и ничто на свете уже не сможет остановить бурное развитие фотонной техники. С того мгновения, когда были получены первые крупинки «абсолютного отражателя», участь старых импульсных ракет была решена. Теперь пространство будет только отступать. Огрызаясь, выхватывая новые жертвы... но только отступать. Оно снимет свои межевые знаки сначала в Солнечной системе, а затем (кто знает... может быть, это произойдет еще при жизни Краюхина) и в межзвездных пустынях.

Но как сильна инертность мысли! Как и все новое, новый принцип межпланетного транспорта с первых же минут обрел немало противников — тех, кто возлежал на старых лаврах и не хотел идти дальше, кто всю жизнь свою посвятил доказательству невозможности практического осуществления фотонного привода, кто сначала, с маху, охаял нововведение, а потом не нашел в себе смелости признать свою неправоту, и просто тех, кто искренне не хотел рисковать людьми и государственными средствами... Их было много, гораздо больше, чем этого хотелось Краюхину и его соратникам, и он всегда ломал их сопротивление. Они кричали: «Беспочвенная фантазия! Дело отдаленного будущего!» Требовали, чтобы он отчитался за десятки сгоревших моделей, а он поднял за атмосферу и провел вокруг Земли беспилотный «Змей Горыныч». Они пытались использовать против него гибель первого «Хиуса», но это им тоже не удалось. Второй «Хиус» дал старт. Может быть, Краюхин допустил ошибку, дав «Хиусу» такое головомное задание? Может быть, следовало сначала использовать фотонную ракету в обычных рейсах, привыкнуть к ней, сделать ее распространенным и надежным видом транспорта? Может быть... Но сколько времени отняло бы это? А сокровища Голконды ждут. И только «Хиус» даст человеку возможность овладеть ими.

Краюхин снова опустился в кресло и застыл, обхватив плечи руками. Его знобило, и он подумал, что болезненное состояние вызвано таким непривычным для него пассивным ожиданием и беспокойством. Было бы во сто крат лучше, если бы он сам повел эту экспедицию. Но его, конеч-

но, не пустили бы. Да и кому он пужен был бы там, на самой страшной планете в Солнечной системе, со своими выжженными легкими, искусственным желудком, изношенным сердцем? Только одним он мог бы помочь: своим огромным опытом, хладнокровием и осмотрительностью. Умением отступать... Нынешняя молодежь забыла это умение, а оно стоит всякого другого. Эти шестеро молоды, они нетерпеливы и горячи. Они бесстрашны и лишены драгоценного дара осторожности. Они не пожалеют своих жизней, забыв или не поняв, какой огромный вред нанесут своей славной гибелью великому делу покорения пространства. Никакие Голконды не возместят этого вреда. Никто не узнает, что произошло под белой пеленой, скрывающей лицо неприступной планеты, все будет отнесено за счет несовершенств «Хиуса», проекты и расчеты останутся в пыли архивов, и на многие годы вернется эпоха старых импульсных ракет.

Об этом лучше не думать. Да и нет оснований не доверять этой шестерке.

Ермаков... Умный, хладнокровный, всегда спокойный Анатолий Ермаков. Пожалуй, он единственный, кто наиболее близок к пониманию истинного положения вещей. Во всяком случае, он достаточно опытен, чтобы оценить значение термоядерной ракеты для межпланетных сообщений. Да это и неудивительно. Вся его жизнь прошла под наблюдением и руководством Краюхина. Краюхин водил его в первый рейс. Краюхину он поверял свои замыслы, порой казавшиеся фантастическими по размаху и смелости. Краюхину он подражал в ненависти к застою и рутине, у него учился понимать людей, в нем видел пример беззаветного служения родине. И все же... Он идет на Венеру, как солдат на штурм, и не задумываясь ляжет грудью на амбразуру, чтобы отомстить за все — за страшную, бессмысленную гибель жены, за огненную смерть товарищей.

Но даже он не видит за покоренной Венерой покоренную Вселенную...

И для Дауге, способного геолога-радиоактивщика, самым заманчивым представляются сказочные богатства Урановой Голконды. Вероятно, он чувствует себя в положении заядлого охотника, долгое время вынужденного пробав-

ляться скудными подачками пригородной природы и вдруг получившего приглашение в заповедный лес, полный дичи. Правда, у него еще остается Маша Юрковская... Но он — геолог до мозга костей и поэтому, конечно, не может позволить себе слишком остро переживать семейные невзгоды.

Для Юрковского, удачливого геолога-разведчика, перелет означает прежде всего новый рекорд и новые ощущения. Его не очень прельщают слава и почет — он открыто издевался над иными пилотами, опьяневшими от внимания и забот, которыми их окружала благодарная страна. Он принимал участие в самых рискованных экспедициях, но портреты его редко появлялись в газетах и на телеэкранах. Он любит опасность за высокое ощущение победы над ней. Он наслаждается ею, как гурман ароматом изысканного блюда. Правда, он стыдливо скрывает эту маленькую слабость, которую Краухин как-то назвал «отрыжкой монтекристовщины самого дурного толка». Романтик... Жаль, что он не принимает, не жалуется Быкова, которого в припадке кастовой спеси обвиняет и в тупости, и в ограниченности, и в отсутствии воображения. Вся беда именно в избытке воображения у Юрковского...

Богдан Спицын... Он искренне не понимает, как можно интересоваться чем-либо, кроме вождения межпланетных кораблей. Теперь, когда стеснявшие его путы прежних принципов космогании разорваны, он чувствует себя настоящим хозяином пространства. Смешной паренек! Кроме пространства и пульта управления, для него существует только Вера, милая, нежная Вера, единственная женщина в мире и, как он думает, единственный человек, понимающий его до конца. Но и тут он верен себе. Пожалуй, он похож на рыцаря, когда ведет корабль и думает, что делает это в честь своей дамы...

А Михаил Антонович Крутиков — просто лучший штурман в стране, только и всего. Добродушный, мягкий, любитель товарищеских вечеринок и торжественных собраний, на которые является со всей семьей — с женой и двумя ребятами, превосходный математик, предложивший несколько принципиально новых методов ускоренного решения сложнейших задач космогании. Он с одинаковым удовольствием позирует перед объективами кипокорреспондентов и

возится дни напролет с детьми. Он никогда не отказывался ни от самого мелкого, незаметного дела, ни от внезапного предложения отправиться в самый головоломный рейс. Если бы не Краюхин, мягкого и уступчивого Михаила Антоновича всегда отправляли бы в скучные и опасные рейсы в пояс астероидов. А сейчас штурман занимает привычное место рядом с давним своим другом Спицыным и простодушно восторгается этим.

И Алексей Быков... Краюхин улыбнулся, вспомнив кирпично-красное лицо, маленькие, близко посаженные глазки, облезлую лиловатую шишку носа, жесткую щетину, торчащую вперед над вогнутым лбом. Не красавец, не Юрковский, конечно... И по части стихов не очень силен... Зато прекрасный инженер-практик. И какая быстрая реакция! Вспомнить только происшествие у колючей изгороди, испытательный пробег... Для Алексея Петровича экспедиция на Венеру — лишь весьма странная и неожиданная командировка, оторвавшая его — временно, конечно, — от привычной работы в глуши азиатских песков. Приятная возможность показать во всем блеске свое мастерство перwokлассного водителя и инженера-ядерника и дорогая сердцу простого, хорошего человека возможность похвастать когда-либо в кругу друзей участием в межпланетном перелете. С другой стороны, вполне понятный и уместный у неискушенного страх перед грозными и величественными тайнами внеземного. Это очень хорошо, что он в экспедиции.

Вся шестерка в целом — отличная «сборная». Их человеческие черты сцементированы общим для всех глубоким, бесценным фоном: все они коммунисты, люди чести и дела. А слабости и недостатки... что ж, достоинства этих шестерых чудесно дополняют друг друга, и он, Краюхин, справедливо гордится умением подбирать людей.

И, закрыв глаза, Краюхин снова и снова вызывает в памяти лица и поступки Ермакова, пилотов, геологов, «специалиста по пустыням». Но... если бы не путались под ногами осторожные маловеры! Правда, их скептицизм приносил не только вред. В борьбе со старым новое крепнет. Надо признать, что эта борьба многое прибавила к мощи и неуязвимости «Хиуса». Но вреда было гораздо больше. На борьбу впустую уходила масса энергии, противни-

ки подрывали в создателях «Хиуса» веру в грандиозную идею.

Ведь среди противников оказались и те, кто были когда-то близкими друзьями и помощниками Краюхина, те, на кого он так надеялся...

Когда дежурный снова вошел в кабинет, Краюхин взглянул на него с таким гневом, что молодой человек остановился как вкопанный и растерянно заморгал. Но Краюхин уже пришел в себя.

- Что у вас? — спросил он.
- Радиограмма из комитета, Николай Захарович.
- Ну?
- Запрашивают о «Хиусе».
- Сообщите, что все... что пока все благополучно.
- Слушаюсь. Но...
- Что?
- Ваша подпись...
- Давайте.

Краюхин торопливо расписался и бросил ручку.

— Телевизионная связь?

Дежурный виновато развел руками.

— Ладно, ступайте.

Он вспомнил свою напутственную речь на прощальном обеде. Да, пожалуй, он говорил не совсем то, что хотел. Но ведь не мог же он выпалить: «Если погибнете, все пропадет...», или что-нибудь в этом роде. А может быть, так и нужно было?

Он, шатаясь, поднялся на ноги. Ясно, он болен. Ему очень жарко, и в то же время знобит. Хорошо бы спросить чего-нибудь горячего... Он протянул руку к видеофону. В то же мгновение послышались торопливые шаги, полуоткрытая дверь распахнулась настежь, и веселый, улыбающийся дежурный крикнул:

— Николай Захарович! Есть связь! Ермаков просит вас к экрану!

— Иду, — сказал Краюхин, но еще минуту постоял, опираясь о стол, глядя куда-то поверх головы дежурного. «Ермакова надо предупредить, — вертелось у него в голове, — Ермакова обязательно нужно предупредить. Но сумею ли я?»

Дежурный тревожно-вопросительно взглянул на него, и он словно очнулся.

— Пойдемте.

В большом зале телевизионной связи белые трубки ослепительно освещали несколько креслиц перед высоким стендом с круглым серебристым экраном. Краюхин прищурился, вынул темные очки.

— Включайте, — сказал он и подошел к экрану.

Дежурный встал у пульта. На экране замелькали серые тени, и вскоре из зеленоватой пустоты выплыло серьезное лицо Ермакова. Краюхин мельком подумал о том, что радиоволнам требуются уже секунды, чтобы донести до Земли это изображение.

— Здравствуй, мальчуган! — сказал он. — Как ты меня видишь?

— Отлично, Николай Захарович.

— Все благополучно?

— Полчаса назад вышли на прямой курс. Впервые в жизни иду в пространстве по прямой. Но пришлось много повозиться, пока выписывали траекторию первого этапа. Электронные курсовычислители действительно придется усовершенствовать. Крутиков сейчас свалился и спит как убитый. Скорость — пятьдесят километров в секунду, фотореактор работает спокойно, температура зеркала — практически ноль, радиация — обычный фон.

— Что команда?

— Отлично.

— Быков?

— Держится хорошо. Удручен тем, что не имеет возможности посмотреть на Землю.

— А ты покажи ему.

— Слушаюсь.

— Как прошел старт?

— Великолепно. Юрковский разочарован. Он говорит, что такой старт и ребенка не разбудил бы.

— За это тебе нужно благодарить Богдана. Дело мастера боится.

— Конечно, Николай Захарович.

Они помолчали, вглядываясь друг в друга через разделяющие их миллионы километров.

— Ну... а ты сам?

— Не беспокойтесь, Николай Захарович.

Ермаков ответил быстро. Слишком быстро, словно он ждал этого вопроса.

Краюхин нахмурился.

— Дежурный! — резко окликнул он.

— Слушаю вас.

— Выйдите из зала на десять минут.

Дежурный поспешно ретировался, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Не беспокойтесь, — повторил Ермаков.

— Я не беспокоюсь, — медленно проговорил Краюхин. — Я, брат, просто боюсь.

Глаза Ермакова сузились:

— Бойтесь? Что-нибудь случилось?

Как объяснить ему? Краюхин снял очки и, зажмурившись, стал протирать их носовым платком.

— В общем, прошу тебя: будь осторожен. Так... Особенно там, на Венере. Ты не мальчишка и должен понимать. Если будет очень трудно или опасно, плюнь и отступи. Сейчас все решает не Голконда.

Он говорил и чувствовал: Анатолий не понимает. Но не поворачивался язык прямо сказать ему: «Сведи риск к минимуму. Главное сейчас — благополучно вернуться. Если с вами что-нибудь случится, от фотонных ракет придется отказаться надолго». Он всегда считал, что межпланетников нужно держать подальше от борьбы мнений в комитете. Ему казалось, что это может подорвать их доверие к руководителям.

— Береженного бог бережет, — продолжал он, с ужасом чувствуя, что говорит бессвязно и неубедительно. — Зря не рискуй...

— Если будет трудно или если будет опасно?

Это был Ермаков, Толя Ермаков, с молоком матери всопавший презрение к околичностям и недомолвкам. Ему было стыдно за Краюхина и жалко его. И он был встревожен. Он нагнулся к экрану, вглядываясь в лицо Краюхина. Тот поспешно откинулся назад. Несколько секунд длилась неловкая пауза.

— Вот что, — сказал Краюхин, стараясь побороть страшную слабость, — слушай, что тебе говорят, товарищ Ермаков. Я не собираюсь состязаться с тобой в остроумии. Так...

— Слушаюсь, — тихо ответил Ермаков. — Я не буду рисковать. Я буду считать, что основная задача экспедиции — это сберечь корабль и людей. Я сберегу корабль. Но ведь их я не смогу удержать...

— Ты — командир.

— Я командир. Но у каждого из них есть своя голова и свое сердце. Они не поймут меня, и я не знаю, сумею ли заставить их отступить. У меня нет вашего авторитета.

— Ты меня не понял...

— Я понял вас, Николай Захарович. И по вашему приказу я готов поступиться всем, даже честью. Но поступятся ли они?

Ясные глаза Ермакова глядели Краюхину прямо в мозг. Они понимали. Они все понимали.

— Я могу только догадываться, что у вас на уме...

Краюхин опустил тяжёлую голову и хрипло сказал:

— Ладно, поступай как знаешь. Видно, ничего не поделаешь. У меня вся надежда на твоё благоразумие. А теперь прости, я пойду. Я, кажется, приболел немного...

— Вам надо отдохнуть, Николай Захарович.

— Надо... Проверь радиоавтоматику. Точно по расписанию, через каждые полчаса мы должны получать автоматические сигналы «Хиуса». Через каждые два часа — твоё личное донесение. Не опаздывать ни на секунду!

— Слушаюсь.

— Ну, прощай. Я пошел.

Он встал и заплетающимися шагами устремился к выходу. Пол под ним качался, становился дыбом. «Надо успеть...» — подумал он и рухнул лицом вниз в черную пропасть...

Краюхин очнулся в теплой постели у себя в номере. Светило солнце. Тумбочка у изголовья была уставлена пузырьками из разноцветных пластиков и коробочками. Доктор и Вера, оба в белых халатах, сидели рядом и глядели на него.

— Время? — спросил он, еле ворочая непослушным языком.

— Двенадцать-пять, — поспешно отозвалась Вера.

— Число?

— Двадцатое.

— Третьи... сутки...

Вера кивнула головой: Он встревожился, попытался подняться.

— «Хиус»?

— Все хорошо, Николай Захарович. — Доктор осторожно придержал его за плечи: — Лежите спокойно.

— Только что звонили с радиостанции, — сказала Вера, — все благополучно.

— Хорошо, — пробормотал Краюхин. — Очень хорошо...

Доктор приложил один из пузырьков к его плечу. Раздалось шипение, и лекарство всосалось под кожу. Краюхин закрыл глаза. Затем отчетливо сказал:

— Передайте Ермакову. Все, что я говорил, не считается. Это паника. Болезнь...

— Бредит, — прошептала Вера.

Он хотел сказать, что это не бред, но заснул.

Проснулся он ночью и сразу почувствовал, что ему лучше. Вера накормила его бульоном и сухарями, напоила горячим настоем из индийских трав.

— Включите радиogramмы, — потребовал он.

— Нужно отдыхать, — возразила Вера.

— А я говорю — включите!

Она послушно включила магнитофон. Он слушал рассеянно, глядя в чистый белый потолок, думая о том, что «Хиус», вероятно, уже начал торможение. Незаметно он снова уснул.

Следующие сутки прошли спокойно. Краюхин быстро поправлялся. Доктор разрешил поставить у постели видеофон, телеэкран и пускать посетителей. До позднего вечера с радиостанции поступали пленки с сигналами «Хиуса» и донесениями Ермакова. Приходили и уходили инженеры, мастера, начальники служб. После ужина Краюхин просмотрел газеты, включил стереоскопическую телепрограмму Москвы, поговорил с Верой и Ляховым и, привычно усталый, а потому окончательно успокоившийся, улегся спать.

Утром в комнату вбежала Вера, бледная, с растрепавшимися волосами, и слишком громко, как ему показалось, выкрикнула:

— «Хиус» не подает сигналов! Ночью замолчал... замолчал... и... и... вот молчит уже пять часов...

Она схватилась руками за щеки и горько, навзрыд заплакала.

КОСМИЧЕСКАЯ АТАКА

«...Либо ввали романисты и газетчики, либо наш перелет не типичен. В нем нет ничего „межпланетного“. Все буднично и обыкновенно. И вместе с тем... Но это самое „вместе с тем“ относится уже к области чувств и переживаний. Если обратиться к фактам, то просто трудно представить себе, что находишься на борту космического корабля и что наш планетолет с гигантской скоростью несется к Солнцу. Сейчас, когда я пишу эти строки, Юрковский и Иоганьч в кают-компании возятся над картой полушарий Венеры — так они называют два круга на бумажном листе, на которых нанесены цепочки красных и синих кружков и небольшие пятнышки, заштрихованные зеленым. Юрковский объяснил, что красные — это горные вершины, достоверно известные; синие — гипотетические или замеченные всего два или три раза; зеленые пятна отмечают места, где были зарегистрированы мощные магнитные аномалии. И большая черная клякса — Голконда. Это все. Воистину загадочная планета! Над этой картой наши астрогеологи сидят часами, сверяя что-то со своими записями и переругиваясь вполголоса, пока Ермаков не выйдет из рубки обедать и не прогонит их со стола. Крутиков сейчас на вахте, Богдан в соседней каюте читает, свернувшись в три погибели на откидной койке. Пристегнуться не забыл — видимо, привычка. Что касается Ермакова, то он заперся у себя и не выходит вот уже второй час. Но о нем разговор особый...»

«...Итак, за истекшие сутки никаких происшествий не случилось. Пилотам и электронно-счетным машинам пришлось много потрудиться, прежде чем планетолет был выведен на так называемый прямой курс и взял прямое направление к точке встречи. Для этого Ермаков и Михаил Антонович еще на Земле рассчитали какую-то „дьявольскую кривую“, трехмерную спираль, следуя по которой, планетолет гасил инерции орбитального и вращательного движения Земли и выходил в плоскость орбиты Венеры. Крутиков после сказал, что электронный курсовычислитель „Хиуса“ оказался не совсем на высоте положения. Мы — Юрковский, Дауге и я — сидели в это время в кают-компании и прислушивались к легким толчкам. Но амортизационные

устройства кресел — чудесные, и дальше чувства легкой тошноты мои страдания не пошли. Затем я приготовил обед. У нас обильные запасы готовых обедов в термоконсервах, но есть и „живое“ мясо в пластмассовых баках, стерилизованное гамма-лучами, и изрядное количество овощей и фруктов. Я решил блеснуть. Все хвалили. Но Юрковский сказал: „Хорошо, что у нас теперь есть, по крайней мере, порядочный повар“, — и я разозлился. Ермаков, впрочем, заметил Юрковскому:

„Зато к вашей стряпне, Владимир Сергеевич, подход возможен только с наветренной стороны“.

„Пробовали?“ — с любопытством спросил Дауге.

„Краюхин предупредил“.

Короче говоря, мне придется ходить в коках до конца перелета. С удовольствием! Но „пижон“ обидно посмеивается. В конце концов, плевать мне на гусара-одиночку!

Однако все это мелочи. Есть три беспокоящих обстоятельства: первое — встреча с метеоритом, второе — вид на пространство и третье — самое главное — разговор с Ермаковым. Расскажу обо всем по порядку.

Нам не так повезло, как Ляхову во время испытательного перелета. Очень скоро после старта „Хиус“ встретился с метеоритом. Конечно, если бы не Ермаков, никто из нас не заметил бы этого. Просто вдруг пол провалился под ногами и замерло сердце, как во время спуска на скоростном лифте. Оказывается, пространство вокруг „Хиуса“ непрерывно прощупывается ультракоротковолновым локатором. Если в опасной близости появляется метеорит, счетно-решающее устройство по отраженным импульсам автоматически определяет его траекторию и скорость, сопоставляет эти данные со скоростью и путем планетолета и подает соответствующие сигналы на управление. Совершенно автоматически планетолет либо замедляет, либо ускоряет движение и пропускает метеорит перед собой или обгоняет его. Встреча с метеоритом, оказывается, совсем не редкое и весьма опасное событие. Противометеоритное устройство „Хиуса“ пока выручает...»

«...Несмотря на спокойствие товарищей и весьма обыденную обстановку, когда все спокойно работают, отдыхают, читают, спорят, я все же испытываю смутное беспокойство. Дауге сказал, что у повичков такое состояние не редкость,

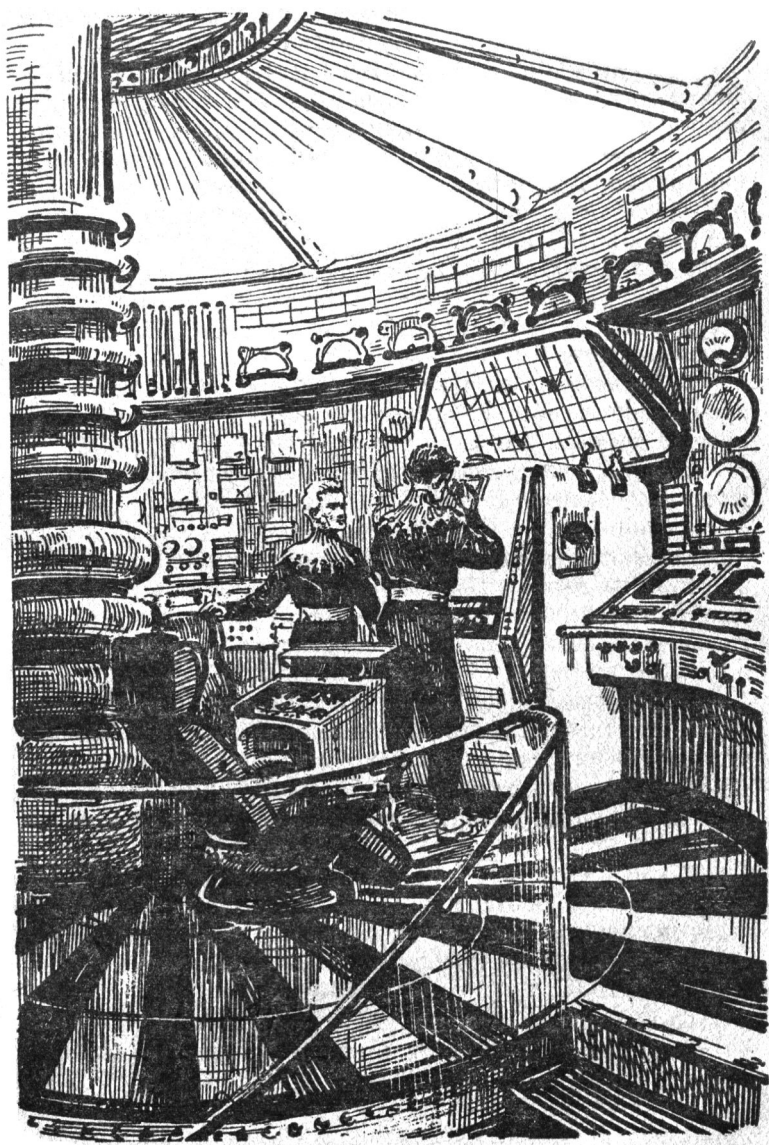
что это „инстинктивное чувство пространства“, вроде морской болезни для непривычных к морю. Не согласен! Какое может быть „чувство пространства“ у человека, который это пространство и в глаза не видел? Ведь на „Хиусе“ нет иллюминаторов, и единственное наблюдательное устройство находится в рубке, куда входить не пилотам категорически воспрещается. Но, пока я раздумывал над этим вопросом, для меня было сделано исключение, причем при таких обстоятельствах, которые усугубили мою тревогу. Произошло это так.

Несколько часов назад радиостанция Седьмого полигона установила с нами телевизионную связь. Краюхин потребовал Ермакова для переговоров. О чем они говорили, никто не знал, потому что Ермаков тотчас отослал из рубки Богдана, стоявшего тогда на вахте, и плотно задраил за ним дверь. Разговор был недолгим. Скоро Ермаков вышел и молча спустился в свою каюту. Дауге и Юрковский пустились было в веселые догадки, но Богдан резко их оборвал. Через два часа пришла очередь Ермакова заступать на вахту. Проходя в рубку управления, он приказал мне явиться к нему. Общему удивлению не было предела, все странно посмотрели на меня. Я понимаю. Действительно, всем могло показаться, что у Ермакова с Краюхиным речь шла о моей персоне. Я и сам так подумал, признаться, и очень встревожился. В рубке было жарко, через титановый кожух доносился гул фотореактора. Ермаков, не глядя мне в лицо, спросил, хочу ли я увидеть Землю.

„Вы, кажется, мечтали об этом, Алексей Петрович?..“

Сердце у меня противно ёкнуло, и губы сразу стали сухими. Не прибавив ни слова, Ермаков подвел меня к прибору, похожему на большой холодильник, с двумя окулярами наверху. Он предложил взглянуть в окуляры. Глазам моим открылась круглая черная пропасть, окаймленная по краям слабыми лиловыми вспышками. В бездонной глубине виднелись мириады ярких и тусклых точек, в центре отчетливо выделялся светящийся крест, а правее и выше его я увидел шарик теплого зеленого тона с яркой звездочкой возле него. Это были Земля и Луна...

„Сейчас перед вами нижнее полушарие небесной сферы, — проговорил Ермаков. — Свечение по краям — это отражение термоядерных взрывов в фокусе зеркала из „абсолютного отражателя““.

Я, конечно, сразу успокоился: нелепо думать, что меня „высадят“ с корабля и отправят обратно на Землю.

Ничего грандиозного в открывшемся зрелище я не нашел. Почти то же можно видеть в ашхабадском планетарии, и я сказал Ермакову об этом. Он кивнул.

„Разумеется, ведь это только электронное изображение. Оно служит для проверки точности счисления курса. Светлый крест посередине отмечает точку пересечения оси нашего движения с небесной сферой“.

Я осведомился, на каком расстоянии от Земли сейчас находится „Хиус“.

„Около тридцати миллионов километров... Хотите посмотреть вперед?“

Он повернул выключатель, и в поле зрения вспыхнул яркий желтый диск. Его пересекал крест, а вокруг в черной пустоте дрожали звезды.

„Солнце, — проговорил Ермаков. — А вправо от него — видите? — Венера. К тому моменту, когда „Хиус“ придет к ее орбите, она тоже будет в точке встречи“.

Он выключил устройство, предложил мне сесть и мельком взглянул на доски приборов, усеянные множеством циферблатов и циферблатиков, разноцветных глазков и стрелок. После этого начал разговор. Постараюсь передать его слово в слово.

Лицо Ермакова было, как всегда, спокойно; но темные круги под глазами и угрюмая складка на лбу показывали, что случилось что-то не совсем обычное.

„Скажите, Алексей Петрович, — начал он, глядя на меня в упор, — как вы рассматриваете свое положение в экспедиции?“

„В каком смысле?“ — снова встревожился я.

„В смысле субординации... подчинения, например“.

Я подумал и ответил, что привык в работе выполнять приказы того, в чьем непосредственном служебном подчинении нахожусь.

„То есть?“

„В данном случае я ваш подчиненный, Анатолий Борисович“.

Он, помолчав, спросил:

„А если вы имеете два взаимно исключающих друг друга приказа?“

„Выполняется последний по времени“.

Я старался говорить спокойно, но, признаться, у меня мурашки пошли по телу от этого разговора, и я стал делать самые глупые предположения и строить заранее план действий на случай, если Ермакову вздумается поднять черный флаг и начать пиратствовать на межпланетных коммуникациях.

А он допытывался:

„Значит, если мой приказ будет противоречить приказу председателя Госкомитета, вы повинуетесь мне?“

„Да... — Тут я, кажется, с самым дурацким видом облизнул губы и добавил: — Мы не в армии, но я выполню любое ваше приказание, если оно не будет противоречить интересам нашего государства... и партии, конечно. Я коммунист“.

Он засмеялся.

„Только не воображайте, что я заговорщик. И не думайте, что я сомневаюсь в вашей готовности выполнять мои приказания. Просто мне хочется знать, какой линии поведения вы будете придерживаться, если обстоятельства принудят нас нарушить приказ комитета. Очень рад, что нашел в вас дисциплинированного и знающего службу человека“.

Я тоже был рад, честное слово, стоило только мне перехватить его уверенный, твердый, как железо, взгляд.

„Все же хотелось бы знать...“ — рискнул спросить я.

„Объясню... Вернее, намекну, вы поймете. Дело в том, что не столько от выполнения задачи экспедиции, сколько от успешного возвращения „Хиуса“ зависит очень многое. Слишком многое, и мы, возможно, не будем вправе подвергать себя большому риску в поисках и исследованиях Голконды, даже для выполнения прямого приказа комитета...“

Он кивнул мне и проводил к выходу. Действительно, здесь есть над чем подумать. Держи ухо востро, Алексей Быков! Ничего не понимаю. Впрочем, Краюхиш и Ермаков — не такие люди, чтобы чего-либо испугаться... Таким для отступления нужно очень много мужества... В чем же дело?»

Поставив точку и аккуратно сложив тетрадь в потертую полевую сумку, Быков отправился в кают-компанию. Там были Юрковский, Дауге и Спицын. Иоганых ползал по карте

Венеры, а Юрковский вел со Спицыным ожесточенную полемику, смысла которой Быков сначала не уловил. Ему показалось, что речь идет о вещах, недоступных его пониманию, потому что спорившие оперировали формулировками из арсенала тензорного исчисления и то и дело обрушивали друг на друга цитаты из классиков, что, впрочем, как-то не вносило особой ясности. Но некоторые замечания были очень интересны и необычны, и уже через несколько минут он сидел в кресле у книжного шкафа и жадно слушал, почти забыв о своих тревогах.

— Ты с таким подходом неизбежно ввалишься в болото ньютонианства, дружок, — говорил Юрковский. — Ведь это все равно, что утверждать абсолютность пространства. Чему тебя только учили!

— Выводы Лоренца...

— И столько фактов, столько фактов! А ты осмеливаешься отвергать это! И когда! Почти через сто лет после создания теории относительности...

— Выводы Лоренца я не собираюсь оспаривать, — сказал Богдан. — И не воображай себя единственным последователем и хранителем идей старика Эйнштейна. Я хочу сказать, что...

— Послушаем, послушаем!

— А именно: при нынешнем состоянии техники нам далеко еще до практического столкновения со следствиями теории относительности... в нашем деле, конечно.

— Ах вот как!

— Да, вот так.

— Далеко?

— Далеко. Пространство для межпланетника есть пространство. Однородная пустота.

— Если не считать метеоритов, — не поднимая головы, вставил Дауге.

— Да, пустота! Я летаю около десяти лет, и ни разу что-то мне не пришлось делать в расчетах поправок на теорию относительности.

Они помолчали, глядя друг на друга, словно петухи перед дракой.

— А скажи, пожалуйста, — вкрадчиво спросил Юрковский, — слушал ли ты отчет экспедиции к Вэйяну?

— Куда?

— К Вэйяну... Не слушал? И впервые слышишь это название? Ты мне жалок, Богдан!

— А что это такое, в самом деле? — спросил Дауге.

— Вэйян — это крошечная планетка, орбита которой находится внутри орбиты Меркурия. Среднее ее расстояние от Солнца около десяти миллионов километров. Ее открыли три года назад китайские товарищи и назвали Вэйян — «Телохрани- тель Солнца» или что-то вроде этого. Из-за близости к Солнцу она с большой скоростью испаряется и, надо думать, через сотню лет совсем сойдет на нет... Так ты действительно не слыхал о ней? — снова обратился Юрковский к Богдану.

Тот покачал головой.

— Тогда слушай то, что рассказывал нам в прошлом году Федя. И ты будешь посрамлен, приготовься! Потому что Федя, участвовавший в этой экспедиции, говорил: «На таком расстоянии от Солнца нельзя было пренебрегать всякими неизвестными еще каверзами, какие может выкинуть мощное поле тяготения». А каверзы были и чуть не стоили экспедиции жизни. Вот так-то...

— Ладно, ты рассказывай.

— Слушай. Лу Ши-эру не удалось подобраться к этой планетке вплотную, орбиту ее он вычислил достаточно точно. И вот первая неожиданность: наши обнаружили планетку совсем не там, где ей полагалось быть по расчетам Лу Ши-эра.

— Лу ошибся, — проворчал Богдан.

— Допустим. Чтобы не изжариться, командир оборудовал планетолет зеркальным экраном. Сначала все было хорошо. Планетку нашли и устремились в ее тень. Она очень мала — яйцевидная глыба кристаллического железа в несколько десятков километров в диаметре. Вращается быстро и не успевает остывать, но наши надеялись провести наблюдения, укрывшись за ней от Солнца. Но не тут-то было... — Юрковский сделал эффектную паузу и торжествующе взглянул на Спицына. — Чем ближе планетолет подходил к Солнцу, тем сильнее давали себя знать новые и странные явления. Солнце меняло цвет, оно темнело и становилось красным, его видимые размеры росли гораздо быстрее, чем этого требовали законы перспективы. Наконец... — снова торжествующий взгляд в сторону Спицына, — оно стало греть и

светить сразу с двух сторон! Тени не было. Федор говорил, что это страшно. Планетолет почти касался раскаленной поверхности Вэйяна, но тени не было! Солнце, огромное, пышущее нестерпимым жаром, будто обступило планетолет со всех сторон. Там, где ему не полагалось быть, с противоположной стороны, так же жарко и тускло светилось багровое пятно, заслонившее все небо...

— Мираж, — перешитительно предположил Богдан.

— Мираж в пустоте! Мираж, который обжигает и испускает потоки протонов! Ну хорошо, положим. А то, что все гироскопические устройства на планетолете вышли из строя, — это тоже мираж? А то, что все хронометры, в том числе и обыкновенные ручные часы, отстали, как оказалось после возвращения, ровно на двадцать три минуты каждый, — это тоже мираж?

Богдан молчал.

— И чем же все это объясняется? — не вытерпел Быков.

— Разумеется, тем, что поле тяготения в такой близости от Солнца исковеркало, изменило «абсолюты» пространства и времени. Тебе остается только одно утешение, — Юрковский картинно протянул к Богдану руку. — Все эти явления не могут быть объяснены даже эйнштейновской теорией. Но факт остается фактом: пространство — это не «просто пространство», о котором ты так легкомысленно разглагольствовал перед нами полчаса назад. Порукой тому седые волосы Феде, которому удалось увести планетолет от Вэйяна только после пятой или шестой попытки.

Юрковский замолчал и стал, посвистывая, ходить по кают-компани; Быков напряженно думал, что могли означать страшные слова «тяготение изменило время и пространство». Но едва он собрался задать вопрос, как Дауге, уже с минуту иронически поглядывавший на Юрковского, положил конец дискуссии:

— Владимир, хватит болтать! Накрывай на стол и зови Анатолия Борисовича. Пора ужинать.

После ужина за столом остались все, кроме Крутикова, ставшего на вахту. Ермаков, чуть заспанный, но, как всегда, гладко причесанный и подтянутый, сидел над маленькой чашкой тонкого фарфора и с удовольствием смаковал горячий кофе. Богдан и Юрковский, по обыкновению, пересмеива-

лись, вспоминая какие-то смешные случаи из их студенческой жизни. Дауге серьезно и сосредоточенно составлял какой-то фантастический напиток по меньшей мере из десяти различных фруктовых соков. Мягкий матовый свет озарял кабину, все было устойчиво, уютно, спокойно, и Быков в сотый раз подумал о том, как не вяжется такая обстановка с мыслью о металлическом ящике, с бешеной скоростью поглощающем миллионы километров черной пустоты.

— О чем задумался, Алексей? — спросил Дауге.

Быков виновато улыбнулся:

— Так, понимаешь... мысли! Вот сидим, чай распиваем... Я совсем не так себе это представлял.

— Да как ты это вообще представлять мог? — Иоганнч комически изумился. — Ах, по книжкам? По газетным очеркам?

— Хотя бы...

Юрковский напыщенно изрек:

— Героические межпланетники отважно преодолевали все трудности опасного перелета, мужественно шагая навстречу опасности...

— Да... вроде этого. И, кроме того, я ожидал невесомости и всяческих новых ощущений.

— Да побойся бога...

— Нет-нет, я знаю, что в корабле, движущемся с постоянным ускорением, невесомости быть не может. Но все-таки это было разочарованием.

Богдан и Дауге расхохотались.

— Поверьте, Алексей Петрович, — серьезно сказал Юрковский, — без невесомости гораздо удобнее. Вам ведь повезло. А вот, помнится, тому назад лет шесть совершали мы рейс на Луну. И с нами отправился — тоже в свой первый рейс, заметьте, — некий специалист. Только не по пустыням, а по селенографии. Много времени он писал о Луне, изучал Луну, спорил о Луне, а на Луне никогда до того не был. Боялся лететь. Но... так уж устроена наша жизнь...

— Это ты про Глузкина? — спросил Дауге.

— Про него, про Глузкина, — усмехнулся Юрковский. — Так вот, стартовали мы. Летим. Выключили реактор, освободили пассажиров из амортизационных ящиков. Все им было свёрхинтересно — невесомость, понимаете ли, новые

ощущения и прочее. Этот Глузкин тоже радуется, хотя и бледен немного. Часа через два подбирается он ко мне и спрашивает: «Где здесь умывальная комната, товарищ?» А я, видите ли, забыл, что он повичок. «Идите, — говорю, — по коридору, последняя дверь направо». И ничего больше не объяснил. Он, сердешный друг, и отправился.

Теперь улыбались все: Дауге, Богдан и даже Ермаков. Быков слушал насупясь.

— Ну, заперся там, как полагается, — продолжал Юрковский. — Проходит пять, десять минут, четверть часа — нет его! Потом появляется... весь мокрый с ног до головы. Ругается, водяные пузыри вокруг него целым облаком летают... Мы все кто куда прятаться. Включили на полную мощность вентиляторы, насилу очистили коридор. Ругался селепограф — спасу не было! До сих пор краснею, когда вспоминаю. А ведь там с нами были женщины. Вот что иногда невесомость учиняет, Алексей Петрович! — торжественно заключил Юрковский.

— Да, в общем, невесомость — удовольствие ниже среднего, — подтвердил Дауге, когда смех утих. — Пока научишься, как себя вести, намучаешься изрядно...

— Я помню, — сказал Богдан, — как один товарищ...

— Погодите-ка, — прервал его Ермаков.

Тонкий, едва слышный звук доносился сверху, то стихая, то усиливаясь волпообразно, словно писк комара в лагерной палатке. И Быков увидел, как медленно сошла краска с окаменевшего лица Ермакова, как внезапно до синевы побледнел Дауге, широко раскрыл глаза Спицын, а на скулах Юрковского выступили желваки. Все смотрели куда-то поверх его головы. Он обернулся. Под самым потолком, в складках стеганой кожи обивки, разгорался, пульсируя, красноватый огонек. Кто-то хрипло чертыхнулся и вскочил. С сухим стуком упал стакан, по скатерти расплзлось красное пятно. И в то же мгновение оглушительный звон заполнил кают-компанию. Потолок, лица, руки, белая скатерть — все озарилось зловещим малиновым блеском.

— Излучение! — проревел над самым ухом чей-то знакомый голос.

Быков как замороженный глядел на судорожно вспыхивающую красную лампочку-индикатор, похожую на палец, торчащий из стены. «Дзанн, дзан, дэззанн!» — надрывался

сигнальный звонок. Дверь распахнулась, на пороге появился Крутиков.

— Излучение! — крикнул он.

Осунувшееся лицо его было покрыто потом. Ермаков спокойно проговорил, едва разжимая белые губы:

— Видим и слышим.

— Почему, откуда? — пробормотал Богдан.

Юрковский пожал плечами:

— Праздный вопрос.

— Не праздный, не праздный! — словно задыхаясь, то-ропливо сказал Дауге. — Может быть, еще можно за-крыться...

— Спецкостюмы?

— А хотя бы и спецкостюмы!

— Ерунда, — убежденно сказал Богдан. — Ведь пробило оболочку и защитный слой...

«Дзани, дззани, дзан...»

— От этого не закроешься, — прошептал Крутиков.

Дауге криво улыбнулся.

— Так, — сказал он. — Что ж, будем ждать.

Крутиков с какой-то чопорной торжественностью поднял упавший стакан и уселся между Ермаковым и Быковым.

— Рентген сто, не меньше, — заметил Юрковский.

— Больше, — отозвался Богдан.

— Сто пятьдесят. Кто больше? — Дауге взял со сто-ла чайную ложку и стал сгибать ее трясущимися пальца-ми. — Честное слово, я чувствую, как в меня врезаются протоны!

— Интересно, долго это будет продолжаться? — провор-чал Юрковский шурясь, глядя на лампу-индикатор.

— Если больше пяти минут, нам труба...

— Прошло две минуты, — объявил негромко Ермаков.

Крутиков поправил воротник комбинезона, захлестнул раскрывшуюся «молнию» на груди и полез в карман за труб-кой.

«Дзани, дззани, дзан...»

— Они сидели под ливнем смерти и слушали очарова-тельную музыку, — сказал Юрковский. — Слушайте, нельзя ли выключить этот проклятый трезвон? Я не привык умирать в таких условиях.

«Дзани, дззани, дзан...»

Дауге наконец сломал ложечку и швырнул обломки на стол. Все устались на них.

— Первая жертва лучевой атаки, — сказал Юровский. — Иоганьч, будь другом, засунь руки в карманы...

Быков зажмурился. Пять минут — и конец? И, главное, ничего не поделаешь, ни-че-го...

И вдруг звои прекратился. Красный глазок индикатора погас. Тишина. Долго сидели они молча, не смея шевельнуться, слишком ошеломленные, чтобы радоваться. Наконец Ермаков проговорил, обращаясь к Юровскому:

— Все-таки вы фат, Владимир Сергеевич. Позер...

Дауге нервно рассмеялся. На Крутикова напала икота, и он, морщась, потянулся за сифоном с содовой.

— Виноват, Анатолий Борисович! Каюсь, есть немножко, — сказал Юровский. — В юности блистал в театральной самодеятельности... — Он потянулся, хрустнув суставами. — Будем надеяться, что обойдется без последствий. У меня и без того на текущем счету целая куча этих рентгенов.

Быков очумело вертел головой.

— Неужели всего две минуты? — спросил он.

— Что ж, товарищи, — глухо проговорил Ермаков вставая. — Будем считать инцидент исчерпанным. Теперь — немедленно за проверку внутренней защиты!

— Надо же! Ведь такие вещи раз в десять лет бывают! — пробасил Крутиков. — Кстати, чем же это вызвано, по-вашему?

— Ясно даже и ежу: космические лучи, — ответил Юровский.

— Отлично, если так. Я, грешным делом, подумал, что кожух фотореактора лопнул.

Богдан посмотрел на часы:

— Мне на вахту, Анатолий Борисович. И время подавать сигналы на Землю. Будем сообщать?

— Нет! — сухо отрезал Ермаков. — Незачем зря волновать людей. Подавайте обычное «все благополучно». И еще: сейчас прошу всех по очереди в медпункт для прививок и дезактивации. Дауге — первый. А потом — проверять и проверять защиту.

— Но пока можно позволить себе кружечку кофе! — весело заметил Крутиков. — Э-э, да он совсем остыл! Алеша, будь другом, включи...

— И все же героическим межпланетникам приходится мужественно преодолевать трудности, — сказал Быков, взглянув на Юрковского.

Тот беспечно рассмеялся:

— Не трудности, дорогой Алексей Петрович, а всего-на-всего страх смерти. Трудности будут еще впереди. Это я вам гарантирую, как говорил Краюхин.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ

Загадка космической атаки объяснилась через несколько часов. В ответ на осторожный запрос Ермакова была получена выписка из сводки Крымской актинографической обсерватории, и из выписки этой явствовало, что как раз в те минуты, когда экипаж «Хиуса» готовился к гибели от смертоносного излучения, на Солнце наблюдалось мощное извержение раскаленных газов — явление, вообще говоря, вовсе не редкое и достаточно хорошо изученное. Плотная струя ядер атомов водорода — протонов — с колоссальной скоростью устремилась в пространство и «окатила» планетолет, оказавшийся на ее пути.

Лишь часть протонов прошла через панцирь из легированного титана, усиленный слоем «абсолютного отражателя», но они образовали в его толще бесчисленные источники чрезвычайно жесткого гамма-излучения, для которого преград практически не существовало. Гамма-лучи и воздействовали на индикаторы и сигнальные устройства и едва не погубили экспедицию в самом начале ее пути.

Это было гораздо опаснее встречи с метеоритом. Продлилась протонная бомбардировка хотя бы четверть часа — и на «Хиусе» не осталось бы ни одного живого человека. Даже менее продолжительное гамма-излучение такой жесткости могло принести экипажу много серьезных неприятностей: кое-кто из старых межпланетников, уже подвергавшихся в прошлом лучевым ударам, неминуемо заболел бы. К счастью, в распоряжении Ермакова были новейшие препараты, предоставленные в свое время комитету одним из биофизических научно-исследовательских институтов. Введенные в организм, они полностью или почти полностью

ликвидировали последствия не слишком тяжелых радиоактивных поражений.

— Я слышал о таких историях, — заметил Богдан, когда Ермаков зачитал радиограмму. — Кажется, именно так погиб лет пятнадцать назад один немецкий космотанкер. Но если взрывы на Солнце — не редкость, почему нам так редко приходится сталкиваться с этими протонными фонтанами?

— Очень просто, — отозвался Юрковский. — Я бы сказал, достаточно странно, что с ними вообще приходится сталкиваться. Протонный поток распространяется весьма узким пучком, и вероятность попасть в него ничтожна.

— Нам просто повезло, — вздохнул Дауге. — Омерзительное состояние, когда тебя вот так запросто убивают, а ты ничего не можешь сделать. И потом... я вообще терпеть не могу уколов, а от этих добавок сильно болит поясница.

— И даже спецкостюмы не могли бы помочь? — поинтересовался Быков.

— Какие там спецкостюмы!.. — Дауге махнул рукой. — От этого, Алексей, никакие костюмы не спасут. Энергии в миллионы электроновольт! Но, к счастью, все позади...

— Пока еще не все, — сказал Ермаков.

— А что такое?

— В рубке до сих пор мигают индикаторы.

Юрковский живо обернулся к нему:

— Мигают?

Ермаков кивнул.

— Мигают, черт бы их взял, — подтвердил Богдан.

— Сильно?

— Да нет, этак на одну сотую рентгена. Но все-таки мигают...

— Значит, извержение еще не прекратилось... А ведь мы летим как раз около оси протонного пучка... — Дауге с озабоченным видом замолчал.

— Никуда не годится! — Юрковский с видом учителя, уличившего ученика в ошибке, покачал головой. — Солнце вращается, и место извержения давно переместилось в сторону. Нет, здесь что-то другое...

— Наведенная радиация, — сказал Ермаков.

— Ну конечно! — обрадовался Дауге. — Этого и следовало ожидать. Под воздействием протонной бомбардировки

часть атомов в толще стен «Хиуса» стала радиоактивной, только и всего...

— Хорошенькое «только и всего»! С этим будет такая возня...

— Не думаю, — возразил Спицын. — Ведь радиация не очень сильная, допустимую дозу не превышает.

— Хорошо еще, что сверху нас прикрыл «Мальчик», — осмелился вставить свое слово Быков.

— Да, «Мальчик»... — Ермаков подумал. — Ведь «Мальчик» тоже может оказаться зараженным. Это было бы неприятно.

— Сделаем вылазку, проверим? — предложил Юрковский.

— Только после того как повернемся зеркалом к Солнцу. Примерно через двое суток.

— Подумать только, — проговорил Дауте, который, видимо, все еще осмысливал пережитое, — если бы эта гадость длилась еще несколько минут, все было бы кончено! «Хиус» с мертвым экипажем!

— И через пятьдесят часов мы раскаленным облаком врезаемся в Солнце...

— Такие похороны не снились ни одному викингу! — торжественно сказал Юрковский. — Иногда мне чертовски жаль, что я не поэт...

— Лучше уж без похорон, — заметил Михаил Антонович. — Мне кажется, что, как ни увлекательна эта перспектива, нам следует сначала выполнить свою задачу.

— Мертвый планетолет с мертвым экипажем... — Богдан посмотрел на Ермакова. — Такие уже есть, не так ли, Анатолий Борисович?

— Межпланетные «Летучие голландцы»...

— Что с ними случилось? — с понятным любопытством осведомился Быков.

— Разные причины... Болезни, вывезенные с других планет, такие же вот вспышки на Солнце...

Разговор этот происходил в кают-компании. Юрковский сидел верхом на стуле, положив локти на его спинку, и поглядывал на собеседников красивыми блестящими глазами. Дауте ходил из угла в угол, останавливаясь время от времени у стола, чтобы взять из вазы ломтик засахаренного лимона и поक्रяхтеть, поглаживая поясницу. Спицын и

Быков устроились на диване. Ермаков, только что сменившийся с вахты, сидел в кресле у книжного шкафа, а Михаил Антонович, собравшийся в рубку, стоял в дверях.

— Да, это ужасная штука, — вздохнул Дауге. — Планетолет с экипажем мертвецов...

— Гм... — Ермаков взглянул на часы, затем на Михаила Антоновича. — Иногда это, несомненно, случалось потому, что пилоты слишком полагались на точность автоматического управления.

Михаил Антонович запылал от смущения, кашлянул и поспешно вышел. Юрковский рассмеялся, скаля белые зубы:

— Пойдем-ка и мы, Иоганьч, работать, а то ты пенароком все конфеты слопаешь.

— Зависть все, — покачал головой Дауге. — Зависть и жадность. У меня после инъекции болит поясница, понял? Неужели нельзя человеку немного утешиться? Ладно, идем. К тебе?

— И я, пожалуй, пойду, посплю перед вахтой, — сказал Богдан. — Ты не пойдешь, Алексей Петрович?

— Нет, посижу здесь, почитаю.

Юрковский, Богдан и Дауге ушли, и Быков углубился в растрепанный сборник статей по радионавигации в астронавтике.

Жизнь на планетолете шла своим чередом. Ермаков вел наблюдение за работой фотошной техники и разрабатывал совместно со штурманом какую-то проблему новой космогации; геологи в сотый раз пересматривали программу исследовательских работ на Голконде; Быков читал книги по астрономии; Богдан Спицын все свободное время возился с радиоаппаратурой.

Однажды Богдан позвал всех к рубке.

— Слушайте! — сказал он, счастливо улыбаясь. — Говорит Марс, Песчаная Бухта. Это для нас.

«...очень недолго, — говорил высокий веселый женский голос. — И вот в долине, закрытой от холодных бурь отрогами Срединного Хребта, мы обнаружили мелководные озера и обширные луга, словно из детской сказки. Ах, товарищи, если бы вы знали, какая это красота! Вы поднимаетесь на вершину холма и видите: лиловая гладь озера, неподвижная, как зеркало, необыкновенный ковер высоких

оранжевых трав и огромных ярко-зеленых цветов, и над всем этим — темно-фиолетовое небо. Нам хотелось сорвать с себя скафандры...»

Быков видел, как на лицах товарищей восторг и радость борются с недоверием, губы их сами собой раздвигаются в счастливые улыбки, глаза загораются мягкими теплыми огоньками.

— Это Марс! — прошептал Дауге. — Ребята, подумайте, это Марс, мертвый Марс!

«...Мы пазвали эту долину „Долиной Хиуса“, в вашу честь. Мы не можем поднести вам воды из ее озер, цветов с ее полей, мы не можем, к сожалению, даже показать вам ее, но пусть она носит имя вашего корабля, отважные друзья наши! Вот... Одну минуту... Нам пора заканчивать. До свидания, желаем вам всем удачи — тебе, Анатолий Ермаков, тебе, Владимир Юрковский, тебе, Михаил Крутиков, тебе, Богдан Спицын, тебе, Григорий Дауге, и тебе, Алексей Быков...»

В этот день за обедом Юрковский, Дауге и Спицын долго говорили, перебивая друг друга, о своих походах на Марсе.

Прошло пятьдесят пять часов полета, и Ермаков объявил, что наступило время повернуть «Хиус» зеркалом к Солнцу и начать торможение. Скорость планетолета к этому моменту достигала тысячи двухсот километров в секунду. В течение последующих сорока часов «Хиус» должен был двигаться с отрицательным ускорением относительно Солнца, чтобы прийти к месту встречи с Венерой с нулевой скоростью.

Все это Дауге торопливо объяснил Быкову, пока они готовили кают-компанию к повороту: задраивали книжный шкаф и буфет, убрали все, что могло падать и сдвигаться с места. Затем по команде из рубки все прикрепилось к креслам ремнями.

Быков ждал ощущений, похожих на те, которые ему пришлось испытать во время пробега «Мальчика», но все обошлось гораздо проще. Благодаря необыкновенному искусству Спицына планетолет перевернулся плавно, быстро. Секундное состояние невесомости прошло почти незамеченным. Сидевшим в кают-компании показалось только, что пол под

ними взмыл вбок, на мгновение остался в вертикальном положении и снова плавно встал на свое место.

«Хиус» мчался к Солнцу реакторными кольцами вперед, фотонный реактор действовал по-прежнему, придавая ему постоянное ускорение в 10 метров в секунду за секунду, но теперь скорость планетолета относительно Солнца непрерывно уменьшалась. После обеда Быков напомнил Ермакову о необходимости проверить «Мальчика» на радиоактивность.

— Кроме того, — добавил он, — хоть у нас и нет оснований сомневаться в прочности крепления контейнера к корпусу «Хиуса», все же не грех поглядеть, не нарушилось ли что-нибудь во время поворота. Надо пойти и посмотреть.

— Давно пора, — проворчал Юрковский.

— Пойти посмотреть? — Ермаков прищурился. — Не думаю, что это так просто...

— Но ведь мы... я не раз выходил наружу во время прежних рейсов, — вступил в разговор Юрковский.

— Во время прежних рейсов — пожалуй. А сейчас речь идет о том, чтобы выйти из планетолета, двигающегося ускоренно.

— Мм... — Юрковский закусил губу, соображая.

— Представляете себе, что произойдет с вами, если вы сорветесь? — продолжал Ермаков.

— «Хиус» улетает прочь, а ты попадаешь чуть ли не в фокус, где взрывается плазма, — сказал Дауге.

Быков решительно шагнул вперед.

— Анатолий Борисович, позвольте мне, — проговорил он. — «Мальчик» — мое хозяйство, и я за него отвечаю.

— Статья восемнадцатая «Инструкции межпланетного пилота»: «Воспрещается во время рейса выпускать пассажиров за борт корабля», — быстро процитировал Юрковский.

— Так. Таков закон, — кивнул Дауге.

— Я не пассажир! — возразил Быков, негодуяще оглядываясь на него.

— Одну минуту, — сказал Ермаков. — Алексей Петрович, я действительно не имею права выпустить вас наружу. Практики, опыта не хватает... Мало того, если бы даже и имел, то все равно не выпустил бы: в случае несчастья никто не сможет заменить вас на «Мальчике».

— И риск лишиться такого повара... — лицемерно вздохнул Юрковский.

Быков холодно взглянул на «пижона», но не ответил и снова уставился на Ермакова.

— Фотореактор мы выключим, так что риска тут никакого не будет, — продолжал тот (Лицо Юрковского вытянулось.) — Что же касается ответственности, то здесь на корабле за все — и за команду и за груз — отвечаю я. Так что дело не в этом. Спички сейчас на вахте, Крутиков собирается отдыхать. Впрочем, Михаила Антоновича тоже вряд ли стоит посылать. Он слишком... грузен для такого дела.

— Кхм, — произнес Крутиков, заливаясь краской.

— Значит, я? — с улыбкой сказал «пижон».

— Владимир Сергеевич действительно прошел специальную школу и напрактиковался во время перелетов, — заключил Ермаков. — Итак, я или Владимир Сергеевич...

— Статья шестнадцатая, — сейчас же сказал Дауге. — «Командиру корабля запрещается выходить за борт во время рейса».

— Так, таков закон! — воскликнул со смехом Юрковский и вышел.

Быков урюмо опустил голову и отошел в сторону.

— Не огорчайся, Алексей! — Дауге хлопнул его по плечу. — Ведь здесь, мой друг, не только и не столько смелость нужна, сколько сноровка.

— Не велика хитрость.

— Ну хорошо. А о вакуум-скафандре ты имеешь представление?

— О чем?

— О вакуум-скафандре. О костюме для работы в безвоздушном пространстве.

— А разве в спецкостюме пельзя?

— Что ты, Алексей! Тебя в нем так раздует, что ты не сможешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Ты видел раздутый спецкостюм в кабинете Краюхина?

Быков вздохнул:

— Видно, не судьба... Очень уж хотелось посмотреть на это ваше «пространство» в натуре.

— Ничего, Алексей Петрович! — Ермаков неожиданно мягко взглянул на него. — Пространство в натуре вы еще увидите.

Вернулся Юрковский, сгибаясь под тяжестью двух обемистых серых тюков.

— Может быть, не будем выключать фотореактор? — спросил он, ловко распаковывая их и извлекая прозрачный цилиндр, сдвоенные баллоны и еще какие-то приспособления.

— Обязательно выключим. Вот кстати, Алексей Петрович, сейчас вы познакомитесь с миром без тяжести. Советую не покидать кают-компания и не делать резких движений.

— Не понимаю...

— Как только выключат фотореактор, ускорение исчезнет, планетолет станет двигаться равномерно, а раз ускорения нет — нет и тяжести.

— Вот оно что! — Лицо Быкова просветлело, и он потерял руки. — Очень интересно... А то, знаете, обидно даже: был в межпланетном перелете и не испытал...

— Готово! — объявил Юрковский.

Он стоял в дверях, закованный с ног до шеи в странный панцирь из гибких металлических колец, похожий на чудовищное членистоногое с человеческой головой. Цилиндрический прозрачный шлем-колпак он держал под мышкой. Быкову уже приходилось видеть межпланетный скафандр на фотографиях и в кино, но он не удержался и обошел вокруг Юрковского, с любопытством оглядывая его.

— Пошли, — коротко приказал Ермаков.

Быков уселся в кресло и молча проводил взглядом товарищей.

Топот ног в коридоре затих, послышался тихий звон закрываемой двери. Дауге крикнул: «Куда трос крепить, Анатолий Борисович?» Затем все стихло.

— Внимание! — раздался в репродукторе голос Спицына.

В ту же минуту Быков почувствовал, что его мягко поднимают в воздух. Он судорожно вцепился в ручки кресла. Что-то тонко засвистело, по планетолету пронесся холодный ветерок. Быков шумно вздохнул. Ничего страшного как будто не произошло. Тогда он осторожно разжал пальцы и выпрямился.

Когда через четверть часа Дауге, Михаил Антонович и покрытый белой изморозью Юрковский, цепляясь за специальные деера на кожаной обивке стен, вернулись в кают-компанию, Быков, красный, потный и взволнованный, висел в воздухе вниз головой над креслом и тщетно пытался дотянуться до него хотя бы кончиками пальцев.

Увидев это, Юрковский восторженно взвыл, выпустил леер из рук, стукнулся головой о потолок и снова выпорхнул в коридор. Дауге и Михаил Антонович, давась от хохота, подползли под мрачно улыбающегося водителя «Мальчика» и стянули его на пол.

— Как... тебе показался... мир без тяжести? — всхлипнул Дауге. — Ис... испытал?

— Испытал, — кротко ответил Быков.

— Внимание! — рявкнул репродуктор.

Когда вновь был включен фотореактор и все пришло в порядок, Юрковский рассказал о результатах своей вылазки. Контейнер с «Мальчиком» излучает, но не сильно, едва заметно. Крепления не пострадали — по крайней мере, наружные, — что, собственно, и было самым важным, и сам контейнер не сдвинулся ни на сантиметр.

— Серп Венеры виден простым глазом. А небо... Какая величественная красота! «Открылась бездна, звезд полна! Звездам числа нет, бездне — дна!» — продекламировал Юрковский. — Можно подумать, Михаила Ломоносов побывал в пространстве... Вокруг Солнца — корона, как жемчужное облако! Ну скажите же мне, почему я не поэт? — Юрковский встал в позу и начал: — «Бездна черная...»

— «Бездна жгучая», — серьезно добавил Богдан Спицын, забежавший с вахты глотнуть кофе.

Юрковский поглядел на него с отсутствующим выражением и начал снова:

Бездна черная крылья раскинула,
Звезды — капли сверкающих слез...

...Э-э-э... как там будет дальше?

— Отринула, — предложил Богдан.

— Молчи, презренный...

— Ну, накинула...

— Подожди... минутку...

Бездны черные, бездны чужие,
Звезды — капли сверкающих слез...
Где просторы пустынь ледяные...

— Там теперь задымил паровоз, — закончил Богдан самым лирическим тоном.

И никто не проронил ни слова о злосчастном приключении Быкова в мире невесомости. В планетолете снова воцарились покой, тишина, обычная, почти земная жизнь.

Быков и Дауге сидели в кают-компании за шахматами, когда вошел озабоченный Крутиков.

— Слыхали новость, ребята?

Быков вопросительно взглянул на него, а Дауге, покусывая ноготь, спросил рассеянно:

— Что там еще случилось?

— Связи нет.

— С кем?

— Ни с кем нет. Ни с Землей, ни с «Циолковским».

— Почему?

Крутиков пожал плечами, запустил руку в буфет и достал вафлю.

— И давно нет связи?

— Больше часа. — Крутиков с хрустом раскусил вафлю. — Ермаков с Богданом все перепробовали. Шарили на всех волнах. Пусто, хоть шаром покати. И что удивительно — обычно всегда наткнешься на чей-нибудь разговор. А сейчас на всем диапазоне мертвая тишина, словно на морском дне. Ни единого звука, ни единого разряда.

— Может быть, аппаратура испортилась? — предположил Дауге.

— Все три комплекта сразу? Вряд ли.

— Или антенны не в порядке?

Штурман пожал плечами. Дауге пробормотал: «Опять не все слава богу», — и смеялся фигуры.

— Где Володька?

— У себя, наверное...

Быков тронул Михаила Антоновича за рукав:

— Может быть, разладился только прием, и они нас слышат?

— Все может быть. Но вообще — весьма странно. Вдруг ни с того ни с сего отказали все радиоустановки сразу. Никогда еще такого не бывало. Правда, Ляхов предупреждал... Но... это, понимаешь, как-то тревожно... неудобно как-то...

Быков с симпатией посмотрел на его доброе круглое лицо с маленькими грустными глазками.

— Да... я понимаю, Михаил Антонович.

Действительно, стало очень неуютно. Смутное предчувствие несчастья овладело Быковым. Может быть, потому, что всякая, даже ничтожнейшая неприязнь на межпланетном корабле представлялась ему большой бедой. Но и Крутиков, по-видимому, испытывал нечто подобное, а уж его никак нельзя было заподозрить в мнительности по-вчика.

— Не вешайте носа, друзья! — с наигранной веселостью воскликнул Дауге. — Пока ничего страшного не случилось, не правда ли? Ну, временно потеряна по каким-то причинам связь. Но двигатели в порядке, продовольствия достаточно, «Хиус» идет по курсу...

Крутиков вздохнул. И опять Быков понял его. Для них, детей Земли, связь была единственной живой, ощутимой питочкой, протянувшейся к ним с родной планеты. И обрыв этой животворной питочки, даже временный, действовал угнетающе. Быков вдруг каждой своей кровинкой ощутил глухое, невероятное одиночество «Хиуса». Десятки и сотни миллионов километров безмолвной пустоты свинцом легли на плечи, отрезали от других миров и от матерински теплой, родной Земли. Десятки и сотни миллионов километров ледяной пустоты... Эти невообразимые пропасти — вовсе не «ничто». Нет, они живут какой-то своей особой и непонятной жизнью, по каким-то непостижимым законам, сложные, коварные...

Быков взглянул на Дауге, рассеянно перебиравшего шахматные фигурки, и ему стало стыдно. Достаточно того, что он струсил тогда, перед стартом. Ведь самое страшное, что может произойти... Да почему что-нибудь вообще должно произойти?

— Новые шалости нашего возлюбленного пространства, — сказал, входя, Юрковский. — Как вам это нравится?

— Совсем не нравится, — буркнул Дауге. — Перестать паясничать! Надоело... На Земле Краюхин с ума сойдет.

— Ну, за старика бояться нечего! Голова у него окрепче, чем у нас с тобой. Мне кажется, связь исчезла потому, что участок пространства, где мы сейчас находимся, так или иначе непроходим для радиоволн. Объяснить не берусь, но... Во всяком случае, на радиоаппаратуру сваливать нечего. И тем более на антенны.

— Фантазер! — вздохнул Михаил Антонович.

— Видал? — Юрковский указал на него пальцем. — Что ни пилот, то консерватор и скептик. Ничем их не проймешь. Даже фактами.

— Ну где ты видел, чтобы пустота не проводила радиоволн?

— До сегодняшнего дня — нигде. А Ляхов видел. И я сейчас вижу, достопочтенный скептик. Тебя даже фактами не проймешь.

— Видишь?

— Вижу.

— Шиш ты видишь, Владимир Сергеевич!

— Я вижу шиш? — с подчеркнутой вежливостью спросил Юрковский.

— Ага.

Юрковский повернулся на каблуках и пошел из каюты. На пороге он остановился:

— Рекомендую всем присутствующим подняться ко входу в рубку. Вам, возможно, удастся услышать кое-что интересное.

Крутиков досадливо поморщился и снова полез в буфет за вафлей. «Фантазер, фантазер», — бормотал он.

Но Дауге промолчал, а Быков в глубине души чувствовал, что прав, вероятно, все же Юрковский. Они поднялись по трапу до раскрытой двери рубки и присоединились к Юрковскому, сидевшему на ступеньке.

Из рубки доносился монотонный голос Богдана:

— Земля, Земля... Вэ-шестнадцать, почему молчите? Земля, Земля... Я «Хиус». Вэ-шестнадцать, почему молчите? Даю настройку: раз, два, три, четыре, пять...

Наступило молчание. Дауге и Быков переглянулись. Юрковский задумчиво поглаживал подбородок. Послышались щелчки каких-то переключателей. Богдан со вздохом сказал:

— Ничего, Анатолий Борисович. Тихо, как в могиле.

— Попробуйте снова на длинных волнах.

— Слушаюсь.

После минутной паузы Спицын заговорил снова:

— Ну хорошо, положим, что-нибудь не в порядке с антеннами. Но ведь такую радиостанцию, как на Седьмом полигоне, можно принимать прямо на корпус. Да и что могло

бы.. случиться с антеннами? Ничего не понимаю! Ведь ни звука, ни шороха... Конечно, Ляхов прав. Это все наша скорость... Земля! Земля! Вэ-шестнадцать, почему молчите? Я «Хиус». Даю настройку: раз, два, три...

— Может быть, Юрковский прав и мы действительно провалились в какую-нибудь четырехмерную яму? — сказал Ермаков.

Юрковский гулко покашлял. Ермаков подошел к двери:

— Вы все здесь?

— Здесь, Анатолий Борисович. Сидим, ждем.

— Что вы думаете по поводу этого?

— Я уже сказал, что я думаю... — Юрковский пожал плечами.

— Может быть, может быть... Но от всех этих искривленных пространств очень пахнет математической мистикой.

— Как угодно, — спокойно сказал Юрковский. — Мне это мистикой не кажется. Я думаю, легко убедиться, что это самая настоящая объективная реальность, данная нам в ощущениях.

— И еще как данная, — добавил Дауге.

Ермаков помолчал.

— Где Михаил?

— В кают-компании, вафли лопают.

— Надо будет...

Радостный крик Богдана прервал Ермакова:

— Отвечают! Отвечают!

Все вскочили на ноги. Сухой, надтреснутый голос устало произнес:

— Я Вэ-шестнадцать. Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», «Хиус», отвечайте. «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать. Даю настройку: раз, два, три, четыре. Три, два, один. «Хиус», отвечайте...

— Это Зайченко, — пробормотал Юрковский.

Богдан торопливо заговорил:

— Вэ-шестнадцать, слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус», слышу вас хорошо. Почему так долго не отвечали?

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать, — не обращая, по-видимому, никакого внимания на ответ Богдана, продолжал Зайченко. — «Хиус», почему не отвечаете? Почему замолчали? «Хиус», отвечайте. Я Вэ-шестнадцать...

— Мы их слышим, они нас — нет, — сказал Дауге. — Час от часу не легче. Ну-ка...

— Я «Хиус», слышу хорошо, — упавшим голосом повторял Богдан. — Я «Хиус», слышу вас хорошо. Вэ-шестнадцать, я «Хиус»...

— Я Вэ-шестнадцать, я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Прошел час. Тем же монотонным, полным безнадёжного ожидания голосом Седьмой полигон вызывал «Хиус». Так же монотонно и устало отвечал Богдан. Седьмой полигон не слышал его. Пространство доносило до «Хиуса» радиосигналы с Земли, но не пропускало его радиосигналы. Ермаков неустойчиво расхаживал по рубке. Юрковский сидел неподвижно с закрытыми глазами. Дауге барабанил по колену костяшками пальцев. Быков вздыхал и гладил ладонями колени. В рубку, посасывая пустую трубочку, прошел Крутиков.

— Я Вэ-шестнадцать. «Хиус», отвечайте...

Что-то зашуршало и затрещало в эфире. Новый, незнакомый голос ворвался в планетолет, задышающийся и хриплый голос:

— Хильфе! Хильфе! Сэйв ауа соулз! На помосч! На помосч! Тэйк ауа пеленгз!

Юрковский торопливо поднялся. Замер, остановившись как вкопанный, Ермаков. Дауге схватил Быкова за руку.

— Хильфе! Хильфе! — надрывался незнакомец. — Ин ту-три ауаз ви ар дан... Баллонен... На помосч! Кончается... — Голос потонул в неистовом треске и взвизгивании.

— Что это? — пробормотал Быков.

— Кто-то гибнет, просит помощи, Алексей... — одними губами прошептал Дауге.

— ...Координатен... цвай ун цванциг... двадцать два... Задохнемся... Цум аллес...

— Спицын, на пеленгатор, живо! — приказал Ермаков.

— Есть!..

— Ауа пеленгз... тэйк ауа пеленгз... Унзерен пеленген...

— Немедленно идти к нему! — крикнул Юрковский.

— Вопрос — куда?

— Спицын, что у вас там?

После короткой паузы раздался изменившийся голос Спицына:

— Пеленг не берется!

— Как — не берется?

— Не берется, Анатолий Борисович, — дрожащим тенорком простонал Спицын. — Сами убедитесь...

Не сговариваясь, не оглядываясь друг на друга, Юровский, а за ним Дауге и Быков протиснулись в рубку. Быков заглянул через плечо Ермакова. Тонкая длинная стрелка медленно и вяло кружилась по циферблату, нигде не задерживаясь и слегка подрагивая на ходу. Юровский выругался.

— Хильфе! Хильфе!.. На помосч... Тасукэтэ курэ! Наши пеленги...

Все растерянно глядели друг на друга. Богдан с остервенением крутил барабан настройки пеленгатора; щелкая рычажками, включал и отключал какие-то приборы. Взять пеленг не удавалось.

— Заколдованное место, — прошептал Богдан, вытирая со лба пот.

— Это позор для нас, — тихо сказал Дауге, — люди гибнут...

Ермаков стремительно повернулся к нему:

— Почему вы в рубке? Кто разрешил? Марш за дверь, вы, трое...

На ступеньках Юровский присел на корточки и уткнул подбородок в ладони. Быков и Дауге встали рядом.

— На помосч! На помосч! — надрывался хриплый голос. — Эврибоди ху хиарэ ас, хэлп!

Быков затаив дыхание слушал. Он не знал, кто зовет о помощи, не знал, что произошло там, он чувствовал только, всем существом своим чувствовал страшное отчаяние, сквозившее в каждом звуке этого голоса.

— Если бы только знать, где они находятся!.. — прошептал Юровский.

— Черт! — злобно выкрикнул Дауге. — Неужели никто, кроме нас, их не слышит?

— Насколько я знаю, кроме нас сейчас в полете не менее семи кораблей. Из них только два — китайский и английский — имеют некоторый запас свободного хода. Но все равно, пока они рассчитают новую траекторию, пройдет не менее часа... Странно, что мы их не слышим все-таки...

— Кого?

— Тех... других...

— Только «Хиус» мог бы лететь без всяких расчетов траекторий, прямо на пеленг, — сказал Дауте.

— Был бы пеленг...

В дверях появился Ермаков, бледный, с блестящими, словно стеклянными глазами.

— Спускайтесь в каюты, товарищи! — приказал он. — Укладывайтесь по койкам, пришвартуйтесь к ним. Попробуем выскочить из этого проклятого мешка. Ускорение превысит норму в четыре раза — имейте в виду. Дауте, покажете Быкову, как вести себя при перегрузке.

— Есть!

Юрковский поднялся и первым пошел вниз. И тут из рубки раздались новые звуки. Чей-то резкий, уверенный голос на скверном английском спрашивал:

— Ху токк? Хир ми? Ху токк? Ай тэйки ёр пеленгз...

Тот, кто звал на помощь, взволнованно ответил:

— Ай хиар ю олл райт!

— Спик чайниз?

— Но...

— Спик рашн?

— Да-да, говорю и понимаю... Вы русски?

— Нет. С вами говорит командир звездолета КСР «Янцзы» Лу Ши-эр. («Добрый старый Лу!» — прошептал Юрковский.) Мы слышим вас давно, но у нас только направленный передатчик, а ваш пеленг удалось взять лишь несколько минут назад. С кем я говорю?

— Профессор... университети ов Кэмбридж... Роберт Ллойд. На борту корабля «Стар»... Ужасная авария...

Они заговорили по-английски.

— Мы идем к вам по пеленгу, — сообщил Лу.

(«Смелчак!» — Дауте широко раскрытыми глазами взглянул на Юрковского.)

— Спасибо, большое спасибо... Вы где?

— Полчаса назад снялись с международной базы на Фобосе.

Горестный крик раздался в ответ:

— Вам не успеть!.. Нет-нет, вам не успеть! Мы обречены...

— Постараемся успеть. За нами готовятся к вылету аварийные космотанкеры. Мы снимем вас с вашего...

— Не успеть. — Голос англичанина звучал теперь почти спокойно. — Не успеть... Кислорода осталось только... на два часа.

— Да где же вы? Координаты?

— Гелиоцентрические координаты...

Профессор назвал какие-то непонятные Быкову цифры. Наступило молчание. Слышно было, как Ермаков и Богдан торопливо шуршали бумагой, затем зажужжала электронная счетная машина.

— Это в поясе астероидов. Треть астрономической единицы от Марса, — сообщил наконец Крутиков.

— Пятьдесят миллионов километров, — угрюмо проговорил Юрковский. — Даже «Хиус», и даже находясь у Марса, не успел бы.

Он поднялся и опустил руки по швам.

— Мне все ясно, — раздался голос Лу. — Нет ли какой-нибудь возможности продержаться хотя бы десять часов? Подумайте.

— Нет... Глицериновые анестезаторы разрушены... Воздух непрерывно утекает — видимо, в оболочке корабля микроскопические трещины...

После короткой паузы профессор добавил:

— Нас осталось двое... и один из нас без сознания. Если бы это спасло его, я бы умереть... собственноручно... Но теперь это не имеет значения.

— Мужайтесь, профессор!

— Я спокоен, — послышался нервный смешок. — О, теперь я совершенно спокоен!.. Мистер Лу!

— Слушаю вас, профессор.

— Вы последний, кто слушает мой голос.

— Профессор, вас, вероятно, слушают сотни людей...

— Все равно, вы последний человек, с кем я говорю. Через какое-то время вы найдете наш корабль и наши тела. Прошу и заклинаю вас передать все материалы, собранные в этот рейс нами, в распоряжение Международного конгресса космонавтов. Вы обещаете?

— Я обещаю вам это, Роберт Ллойд!

— Все, кто слушает нас, будут свидетелями... Материалы я кладу в портфель... портфель крокодиловой кожи... вот так. Он будет лежать на столе в рубке. Вы слышите меня?

— Я вас хорошо слышу, профессор.

— Вот так. Заранее благодарен вам, мистер Лу. Теперь еще одна просьба. На Земле, когда вы вернетесь... вернетесь... — Последовала пауза, слышалось частое всхлипывающее дыхание Ллойда. — Простите, мистер Лу... Когда вы вернетесь, вас, вероятно, навестит моя жена, миссис Ллойд... и сын. Передайте им мой последний привет... и скажите, что я был на посту до конца. Вы слышите меня, мистер Лу?

— Я слышу вас, профессор.

— Вот и все... Прощайте, мистер Лу! Прощайте все, кто меня слушает! Желаю всем счастья и удачи!

— Прощайте, профессор. Я преклоняюсь перед вашим мужеством.

— Не нужно таких слов... Мистер Лу!

— Слушаю вас.

— Пеленгатор будет работать без перерыва.

— Хорошо.

— Люки вы найдете открытыми.

Пауза.

— Хорошо, профессор.

— Вот, кажется, все. Уанс мо, гуд бай!

Наступила тишина.

— Мы... никак не успели бы? — спросил Быков, еле шевеля одеревеневшими губами.

Никто не ответил. Молча спустились они в кают-компанию, молча расселись по углам, стараясь не глядеть друг на друга. Скоро к ним присоединились Ермаков с Крутиковым. Быков едва сознавал, что делается вокруг. Мысли его были прикованы к картине, услужливо нарисованной воображением: хрипя и задыхаясь, седой человек ползет по коридору, открывая одну за другой массивные стальные двери. Перед последней дверью — наружным люком — он останавливается, оглядывается назад помутневшими глазами. В дальнем конце коридора виден край стола, на котором поблескивает под лампой портфель крокодиловой кожи. Человек проводит по лбу трясущейся рукой и в последний раз глубоко вдыхает разреженный воздух.

— Алексей Петрович!

Быков вздрогнул и оглянулся. Ермаков озабоченно наклонился над ним:

— Ступайте-ка в свою каюту и постарайтесь уснуть.

— Иди, Алексей, иди. На тебе лица нет, — сказал Дауге.

Быков послушно встал и вышел. Проходя мимо трапа, ведущего в рубку, он услышал, как Богдан монотонно повторял:

— Вэ-шестнадцать, Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Вэ-шестнадцать, я «Хиус». Даю настройку...

В кают-компании Ермаков сказал со вздохом:

— Я встречал Роберта Ллойда. Недавно. Хороший межпланетник. Незаурядный ученый...

— Светлая ему память! Он хорошо держался, — тихо проговорил Юрковский.

— Светлая ему память...

После короткого молчания Дауге вдруг вскочил на ноги:

— Черт знает что! Мне кажется, что мы застыли на месте. Провалились куда-то, и нас засыпало...

— Не паникуйте, Дауге, — устало усмехнулся Ермаков.

Обедать никто не захотел, и скоро Ермаков первым поднялся, чтобы идти к себе. Крутиков положил руку на плечо Юрковского и сказал виновато:

— Похоже на то, что ты был прав, Володя.

— Пустяки, — проговорил тот. — Но вот вам еще одна загадка, товарищи.

Все вопросительно поглядели на него.

— В чем дело?

— Лу сказал, что у него только направленный передатчик, так?

— Так.

— А ведь мы хорошо слышали его.

Михаил Антонович раскрыл рот и растерянно оглянулся на Ермакова.

— А почему бы и нет? — спросил Дауге.

— А потому, дружок, что «Хиус» по отношению к Лу находится совсем в другом направлении, нежели корабль Ллойда. Направленный радиолуч никак не должен был бы добраться до нас.

Дауге взялся за голову:

— Достаточно загадок! Это уже, наконец, невыносимо!

Но Ермаков и Михаил Антонович сейчас же отправились в рубку, захватив с собой Юрковского.

ВЕНЕРА С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Связь паладилась через сутки так же неожиданно, как и прервалась. По-видимому, «Хиус» миновал «заколдованное место» — страшную область в пространстве, обладающую неизвестными еще свойствами в отношении радиоволн. В кают-компании много спорили об этом неслыханном явлении, было выдвинуто несколько предположений, в том числе и явно пелепых (так, Дауге объявил, что все члены экипажа стали жертвами массового психоза), а Юрковский принялся разрабатывать гипотезу каких-то четырехмерных отражений, пытаясь с помощью лучшего на борту математика Михаила Антоновича Крутикова ввести «физически корректное понятие точки пространства», через которую электромагнитные колебания проходили бы только в одну сторону. Что же касается Быкова, то первое время он чувствовал себя оскорбленным равнодушием товарищей к гибели Ллойда. Ему представлялось чуть ли не кощунством разговаривать о теориях и формулах уже через два часа после того, чему они были свидетелями. Катастрофа «Стара» произвела на него громадное впечатление. Оглушенный и подавленный, бродил он по планетолету, с трудом заставляя себя отвечать на вопросы и выполнять мелкие поручения Ермакова.

До встречи с Венерой оставалось всего пятнадцать — двадцать миллионов километров. Перелет близился к концу. Наступал самый ответственный момент экспедиции — посадка на поверхность Венеры. За редкими исключениями это не удавалось лучшим космонавтам мира. И не порицания, а подражания и всяческого восхищения заслуживали люди, которые усилиями хорошо натренированной воли заставляли себя забыть об испытаниях прошлого, даже совсем недавнего, и сосредоточить все свое внимание на испытаниях предстоящих. Этого вначале не понял Быков. Но теперь они казались ему бойцами, вышедшими на рубеж атаки. Оставив позади убитых, наскоро перевязав свежие раны, готовятся они к последнему, решающему прыжку навстречу победе... или смерти. При этом никто, даже Юрковский, не произносил прочувствованных фраз и не принимал эффектных поз. Все были спокойны и деловиты. И их попытки понять природу

«заколдованного места» были лишь проявлением естественной заботы о тех, кто пойдет вслед за ними.

Уважение и почтительное восхищение Быкова выразилось в том, что он угостил товарищей великолепным пловом, и Михаил Антонович дважды после ужина забегал на камбуз, причем второй раз — с вахты, в чем был уличен и за что подвергнут выговору.

Как только оказалось, что двусторонняя связь с Землей налажена, Ермаков передал радиограмму, в которой четко и скупко описал необычайное происшествие и передал содержание последнего разговора Лу с профессором Ллойдом.

— Ну и заставили вы нас понервничать! — заикаясь от волнения, сказал Зайченко. — Вера Николаевна чуть с ума не сошла. А «Стар»... — голос его стал тише и серьезнее, — об этом мы уже знаем. Весь мир знает. Лу добрался до английского корабля и снял с него тела погибших и бумаги.

— Что там произошло?

— В точности не известно, но полагают, что взорвался реактор. Двигательная часть корабля разворочена вдребезги. Лу показывал нам снимок по телевизору.

— Сколько погибло?

— Лу нашел двоих. Англичане сообщили, что на «Старе» ушло восемь человек.

— Светлая им память...

— Светлая им память...

Они помолчали.

— Что же вы думаете о причинах перерыва связи, Анатолий Борисович?

— У меня пока нет определенного мнения.

— Ну да, конечно... мало фактов. Может быть, здесь играет роль скорость, с которой двигался «Хиус»? Ведь Ляхов, кажется, говорил об этом...

— Может быть.

— Или вы попали в плотное облако металлической пыли?

— Это ничего не объясняет. Впрочем, оставим решение специалистам. Что Краюхин?

— Оправился. Рвался сюда, на станцию, но врачи пока не разрешают. У нас здесь дожди.

— Приветствуйте его, погорячей, от имени всех нас и от меня лично.

— Принято, Анатолий Борисович! Да... заговорили вы меня. Здесь его записка к вам лежит, принесли еще два дня назад.

— Чего ж вы молчите? Читайте!

— Сию минуту. Так... «Анатолий, все, что я тогда говорил, позабудь. Видно, старею и слабею. К.».

— Что?!

— Ка. Заглавная буква. Вместо подписи.

— Понятно. «Все, что я тогда говорил, позабудь».

— Да, «позабудь».

Ермаков покосился на Спицына, сидевшего у пульта спящий к нему.

— Понятно. У нас был небольшой спор... У вас все?

— Все, Анатолий Борисович. График связи прежний?

— Прежний. До свидания.

Вернувшись в кают-компанию, Ермаков увидел там странную картину. Стол был покрыт большими листами оберточной бумаги, на которой блестели какие-то металлические предметы и лежали кучи белого тряпья. Пахло оружейным маслом. У стола стоял Быков и с воодушевлением объяснял что-то Дауге, с интересом следившему за его руками. На диване сидели Юрковский и Михаил Антонович. Они тоже следили за тем, что делает Быков, первый — с напускным пренебрежением, второй — с откровенным любопытством, смешанным с тревогой.

— Вот, — говорил Быков, — эта вилочка служит для крепления затвора. Вставляем сюда — видишь? — этот стерженок, падаем на него пружинку...

Он замолчал, нагнул голову, и под его оттопыренным локтем сверкнуло темное полированное дерево.

— Вот так. Затем беремся за рукоятку и...

Клик-кляк.

— Готово. Понял механику? Теперь собери свой.

— Чем это вы тут занимаетесь? — спросил, подойдя, Ермаков.

Быков смущенно пояснил:

— Вот... поскольку скоро прибудем на место, решил оружие в порядок привести. Очистить от заводской смазки и все такое. А Дауге заинтересовался...

— Впервые в жизни автомат в руках держу, Анатолий Борисович, — сказал Дауге. — Попросил Быкова подучить меня.

— Я, между прочим, тоже по оружию не спец, — заметил Ермаков. — А вы, Владимир Сергеевич?

Юрковский усмехнулся.

— Чему здесь учиться? Взвел, нажал на курок и дуй, пока в магазине патроны есть.

— Гм... А вы, Михаил Антонович?

— Я... так сказать, присматриваюсь.

— Продолжайте, пожалуйста, Алексей Петрович, я тоже посмотрю.

Ермаков придвинул стул и уселся. Да, здесь было на что посмотреть. Робкий и застенчивый водитель преобразился. Исчезла неуверенность, исчез страх «сделать что-нибудь не то». Ловкие пальцы быстрыми и точными движениями вкладывали, соединяли, закрепляли, и разбросанные по столу причудливые кусочки металла словно сами собой становились на свои места, превращаясь в грозное оружие. Ермаков невольно залюбовался Быковым, как тогда, когда они возвращались на почерневшем транспорте после испытания огнем. Водитель не глядел на то, что делали его руки. Крохотные серые глазки спокойно переходили с одного лица на другое, а пальцы действовали как самостоятельный, отдельно от человека существующий организм.

— Вот так и... вот так. — Быков щелкнул затвором и вскинул автомат к плечу. — Готово, стреляй по врагам рабочего класса...

— Дайте-ка мне, — неожиданно потребовал Юрковский.

Импровизированные занятия продолжались до обеда. Когда пришло время накрывать на стол, каждый член экипажа был уже способен собрать и разобрать автомат и устранить простейшие задержки.

— Нужно будет еще научиться обращаться с пистолетом и гранатой, — сказал Быков, вытирая ветошью руки.

— Займемся после ужина? — Дауге вопросительно взглянул на Ермакова.

Тот кивнул в знак согласия.

— Не понимаю, — немного раздраженно сказал Юрковский, критически разглядывая большое масляное пятно на рукаве новенькой шелковой рубашки. — Не понимаю, зачем это все нам нужно?

— Взять оружие приказал Краухин, — насупясь проговорил Быков. — Уж он-то, паверное, знает, что к чему.

— А вы сами как думаете?

— Мм... Возможно, там есть какие-либо животные... или чудовища. Я слышал, на какой-то планете с ними пришлось столкнуться.

— Это на Калиосто... На спутнике Юпитера, — сказал Дауге. — Но там управились и без оружия.

— Во всяком случае, — заметил Ермаков, — с оружием лучше, чем без оружия. Оно не помешает, а может быть, и поможет.

— Что у вас там еще припасено в вашем арсенале? — осведомился Юрковский. — Кроме этих самых автоматов, пистолетов, бомб...

— Есть еще финские пожигалки...

— Уф!

— ...и атомные мины.

— Так. А нет ли у вас портативных бомбардировщиков или складного линкора? Ладно, давайте ваши пугачи и покажите, куда их нести.

Юрковский взял под мышки два автомата и вышел в сопровождении Быкова. Ермаков и Дауге переглянулись и рассмеялись.

— Пора, — сказал за обедом Спицын. — Пора начинать брать пеленги у Махова.

— Не рановато ли? — отозвался Ермаков. — Ведь у нас в запасе еще часов десять.

— С вашего разрешения, Анатолий Борисович, лучше начать пораньше. Дело новое, и желательно иметь побольше данных.

Быков вполголоса осведомился, о чем идет речь.

— «Хиус» подходит к Венере, — пояснил Дауге, — нам сейчас надо рассчитать трассу к «Циолковскому».

— К «Циолковскому»? К искусственному спутнику Венеры? А зачем?

— В каком смысле — зачем? Чтобы сблизиться с ним, разумеется.

— Я понял, что мы будем с «Циолковским» только связь поддерживать и что сядем на Венеру, минуя его.

— Какой ты быстрый... Нужно обстоятельно договориться с начальником «Циолковского» Маховым о взаимодействии.

— И долго мы там пробудем?

— Не знаю... Анатолий Борисович, сколько времени мы пробудем у «Циолковского»?

— Часов пять-шесть, не больше. Передадим почту, книги, фрукты, проведем совещание и отправимся дальше.

— Ясно. Кстати, Алексей, вот там ты вкусишь невесомость в полную меру. Мы полюбуемся...

Быков вспомнил свой неудачный опыт в этой области и уткнулся в тарелку.

Сближение «Хиуса» с «Циолковским» заняло больше трех часов и доставило экипажу много хлопот. Для пилотов дело осложнялось тем, что плоскость орбиты «Циолковского», вращавшегося вокруг Венеры на расстоянии в несколько тысяч километров, была почти перпендикулярна плоскости орбитального движения Венеры, так что Крутикову и Спицыну снова пришлось немало поработать. Однако задача была решена, и планетолет по суживающейся спирали стал приближаться к тому месту, где в назначенное время должен был пройти «Циолковский». «Пассажиры» провели эти часы в кают-компани, пристегнувшись к креслам, и последовательно чувствовали себя то легкими, как воздушные шары, то тяжелыми, как куски свинца. Быкову казалось, что он раскачивается на фантастических качелях; он то судорожно хватался за подлокотники, боясь взлететь под потолок, то разевал рот, тщетно пытаясь вздохнуть и явственно чувствуя, как ребра проваливаются внутрь легких. Однако все на свете имеет конец. Видимо, пилоты решили, что пассажиры пертерпели достаточно, манипуляции с ускорением прекратились, и в один не очень приятный момент качели, вместо того чтобы начать новый подъем, стремительно ухнули вниз, в бездонную пропасть.

— Все в порядке! — раздался наконец из репродуктора голос Спицына. — Можно отстегиваться. «Циолковский» в ста километрах от нас, Венера — в трех тысячах.

— погоди, Алексей, не отстегивайся, — предупредил Быкова Дауге, торопливо освобождаясь от ремня.

Вместе с Юрковским он очень ловко, цепляясь за стены и за привинченную к полу мебель, протянул по кают-компани несколько пейлоновых шнуров, дополнительно к леерам на стенах. Такие же шнуры были протянуты по коридору, в рубке и в каждой каюте.

— Вот теперь вылезай...

Быков осторожно поднялся, неожиданно вспорхнул и повис в воздухе, цепляясь за спинку кресла. Лицо его стало пунцовым. Криво улыбаясь, ни на кого не глядя, он ухватился за штур и, неуклюже взболтнув ногами, снова оказался на полу.

— Чепуха какая-то... — сердито проворчал он.

— А что, Алексей Петрович, — сказал Крутиков, появляясь в дверях, — хорошо бы приготовить ужин попыхшее, угостить ребят с «Циолковского»...

— Сейчас, — с трудом произнес Быков.

— Э, нет, Алеша! — Крутиков засмеялся. — Ручки коротки... Придется тебе временно сложить их.

— Почему?

— А ты умеешь готовить в таких условиях? Когда вода не течет, а летает пузырем по кухне, когда котлеты скачут по сковороде, как взбесившиеся лягушки, и недожаренными порхают в воздухе...

Сильный толчок прервал его. Что-то визгливо заскрежестало по обшивке. Кают-компания качнулась.

— Это еще что такое? — пробормотал Дауге.

Глаза Быкова встретились с остановившимся взглядом Крутикова. На лбу штурмана заблестели мелкие бисеринки пота.

— Принимай гостей, Михаил Антонович! — весело крикнул Богдан из коридора. — Бесы неуклюжие!

Дауге шумно выдохнул воздух, а Михаил Антонович дрожащей рукой полез в карман за платком.

— Именно бесы, — сказал он хрипло, с трудом переводя дух. — Этак человека можно на всю жизнь калекой сделать... заикой...

Он сунул платок обратно в карман и, цепляясь за шнуры, быстро выбрался за дверь. Дауге недовольно пробормотал:

— Почти каждый раз получается такая штука, и каждый раз у меня сердце уходит в пятки.

— Да что случилось?

— Причалила ракетка с «Циолковского». Межпланетное такси, извольте видеть. Лихачество... Вероятно, прибыл за свидетельствовать свое почтение Махов... Стой, куда ты? Не улетай, побудь со мной...

Быков сделал неосторожное движение, пролетел между шпуррами, ударился о потолок и, растопырив руки, устремился вниз. Дауге схватил его за ногу и, ловко дернув, привел в нужное положение.

— Успокойся, ангел небесный, не падо волноваться... Помнишь формулу — эм вэ квадрат пополам? Так вот, хорошо что хоть пополам, а то раскроил бы ты сейчас свою буйну голову.

Быков снова водворился в спасительное кресло с твердым намерением не покидать его до тех пор, пока не кончится «проклятая невесомость». В эту минуту в коридорном отсеке послышалась возня, раздались радостные восклицания, звонкие хлопки ладони о ладонь и даже, кажется, звуки поцелуев.

— Здорово, друзья! Здорово, землячки-земляне! — оживленно гремел чей-то бас. — Здравствуй, свет Михаил Антонович! Все худеешь, бедный?

— Здравствуй, голубчик Махов! Дай-ка я тебя поцелую да штрафовать буду. За нарушение правил космического движения...

— А-а, Богдан! Не бранись хоть на радостях... Анатолий Борисович, рад вас видеть! Познакомьтесь: мой заместитель, инженер Штирнер Григорий Моисеевич. Будет непосредственно работать с вами.

— Слышал, отлично...

— Рад познакомиться. — Голос Штирнера был сух, резок.

— Прошу в кают-компанию, — пригласил Ермаков.

— Нет уж, дорогие, заберем почту — и все к нам. Ждем не дождемся.

— Виноват, Петр Федорович. На этот раз ограничимся разговором здесь, на борту «Хиуса». У вас погостим на обратном пути.

Наступила странная пауза.

— Напрасно он так сказал, — прошептал Дауге, уставясь в дверь круглыми глазами. — Это слово в слово фраза Тах-масиба...

Быкову стало не по себе.

— Знаю, знаю, о чем вы думаете! — снова заговорил Ермаков. — Не следует быть суеверным. Нужно спешить.

Он сказал это и чуть усмехнулся.

— Как знаете, Анатолий Борисович, — растерянно отозвался Махов. — Куда прикажете?

— Прошу сюда... Прошу вас, Григорий Моисеевич.

Гости вошли первыми — высокий грузноватый Махов и похожий на подростка Штирнер, оба в мягких потертых комбинезонах с откинутыми на спину прозрачными шлемами. Штирнер держал под мышкой папку.

— Здравствуйте, товарищ Дауге! — гремел Махов. — А это, конечно, товарищ Быков? Так?

Благоразумно не выпуская из левой руки шнур, Быков пожал ему руку, затем поздоровался со Штирнером. Все расположились за столом.

— Итак, Петр Федорович, — сказал Ермаков, — выкладывайте, что у вас есть.

Махов шумно откашлялся, Штирнер раскрыл папку, и совещание началось. Говорили мало и точно, больше формулами и математическими терминами, водя пальцами по чертежам и расчетам, привезенным Штирнером. Речь шла о том, как обеспечить максимальную точность посадки «Хиуса» у границ Урановой Голконды и как поддерживать связь после посадки. Махов со Штирнером и их товарищи на двух других искусственных спутниках подробно разработали систему радионаведения, пользуясь которой предполагалось довести «Хиус» до места, отстоящего от границ Голконды не дальше чем на пятьдесят—сто километров. Правда, система эта еще не опробована на практике, но тренировки дают право надеяться на полный успех.

— От нас теперь требуется максимальная точность, — сказал Штирнер, постукивая пальцем по чертежу, — а от вас, товарищи, — внимание и маневренность. Насколько я знаю, «Хиус» не так ограничен в своих эволюциях, как обычная импульсная ракета, и при всех случайностях сможет строго держаться пеленгов. Но, повторяю, прежде всего внимание! Если «Хиус» даже чуть-чуть оторвется от радиолуча, вы рискуете сесть за тысячи километров от нужного вам места.

Итак, «Хиусу» предстояло спускаться на планету, держась в перекрестии трех радиолучей, которые и выведут его на наиболее выгодную, по мнению специалистов, точку. На высоте десяти-пятнадцати километров над поверхностью

Венеры импульсы пеленгаторов исчезают: они либо бесследно поглощаются, либо отражаются вверх, в венерианскую стратосферу. С этой высоты планетолет должен будет спускаться отвесно. Не исключены серьезные осложнения: коварная атмосфера Венеры может обмануть, исказив сигналы. На этот случай будут действовать контрольные параллельные установки. Спицын и Ермаков записали кое-какие цифры, сверили свои расчеты со схемой Штирнера и объявили, что вопросов больше не имеют. Махов перешел ко второму пункту. Поскольку радиосвязь — по крайней мере, надежную — с поверхностью Венеры установить, по-видимому, не удастся, следовало договориться о системе оптических сигналов. По мнению Махова, необходимы только два сигнала: первый — «продовольствие и вода», второй — «запасные части, энергетическое питание». Список запчастей и аппаратуры был заранее составлен.

— Мы привезли вам портативную пусковую установку и две ракетки с атомными зарядами. Если... тьфу-тьфу, конечно... если случится что-нибудь нехорошее и потребуется наша помощь, вы пошлете одну из ракеток вверх, вертикально над собой. Она взорвется на высоте около двухсот километров. Конечно, стрелять можно не в любой момент. Вот вам таблица для расчета времени. В назначенные минуты наши наблюдатели будут тщательно следить за районом вашей высадки.

— Ну и что же? — спросил Ермаков.

— И... ничего. Мы будем знать, что у вас не все в порядке, и постараемся принять меры.

— Какие?

— Подбросим вам автоматические ракеты с необходимым аварийным запасом. Ракеты пойдут точно на ваш пеленг.

— Отлично! — Ермаков кивнул. — А зачем вторая сигнальная ракетка?

— Две ракетки подряд вы выпустите, если посадка прошла неудачно и планетолет серьезно вышел из строя.

Наступило молчание.

— Весьма возможно, что тогда их некому будет выпустить, — заметил Дауге, поморщившись.

— Мой пессимизм не заходит так далеко, — мягко ответил Махов.

После совещания Дауге предложил Быкову:

— Пойдем посмотрим на прекрасную Венеру. Ермаков разрешил выпустить тебя.

Через десять минут они, облаченные в неуклюжие панцири с прозрачными колпаками на головах, стояли в кубическом кессоне перед наружным люком. Дауге наглухо задраил за собой дверь, затем включил насос и повернулся к манометру, укрепленному на стене. Тонкая стрелка неровными скачками запрыгала вверх. Когда она остановилась, Дауге откинул с люка широкую стальную полосу, и толстая ребристая крышка мягко отвалилась в сторону.

Быков ожидал увидеть то, что сотни и сотни раз описывалось в репортажах, очерках и романах: черно-фиолетовую бездну, испещренную ослепительными точками звезд. Вместо этого круглый провал люка озарился мутным желто-розовым светом. Планетолет висел над громадным, тускло освещенным туманным куполом. Сероватые тени ползли по блестящему оранжевому полю, медленно сближались и расходились, свивались в кольца и разрывались на неверные исчезающие пятна. Ближе к краям купол темнел, но границы его не были резкими, они как-то незаметно, размытыми лиловыми тонами переходили в полную непроглядную черноту. А в центре тончайшие розовые, желтые и серые дымчатые ленты переплетались между собой, но не смешивались; то ясные и отчетливые, то затянутые однообразной рыжей дымкой...

Вот она какая, Венера, «самая страшная планета в Солнечной системе»! Быков понял, что движения цветных теней, такие незначительные на расстоянии в несколько тысяч километров, есть не что иное, как чудовищные по мощности и скорости изменения в атмосфере — бури, тайфуны, смерчи, которым на Земле нет никакого подобия.

Вот длинное серое пятно стало топыше, изогнулось, свилось в кольцо... Можно было представить себе исполинскую воронку и громадные массы облаков, с бешеной скоростью несущиеся внутри ее. «Вид у нее неважный», — вспомнил Быков. Он глядел и не мог оторваться от этого страшного и величественного зрелища.

Там, под кипящим облачным покровом, скрыт огромный мир с горами, пустынями... может быть, с морями и океанами. Там где-то скрыты сокровища, которые должен

разведать экипаж «Хиуса», там обломки телеуправляемых механизмов, разбитые планетолеты, могилы смельчаков... Смутное чувство, похожее на суеверный страх, шевельнулось в душе Быкова. Он подумал о том, с какой яростью эта планета отражала до сих пор все попытки покорить ее. Но человек умнее и сильнее природы. Он смел и упорен, и, если даже экипажу «Хиуса» суждено будет сложить головы, их гибель ни на минуту не задержит тех, кто пойдет вслед.

Слева на купол быстро напозла черная тень, неровная, с глубокими впадинами и выпуклостями — словно разливалась чернильная лужа.

— Выходим на ночную сторону, — раздался в шлеме голос Дауге.

«Хиус» погрузился в теневой конус, отбрасываемый Венерой. Стало темно, только размытая круговая полоса светящегося тумана обозначала края планеты. Но вскоре на черном фоне стали проступать слабые розоватые отблески.

— Что это? — проговорил Быков.

Дауге качнул шлемом, присматриваясь. Затем в наушниках Быкова раздался его голос:

— Вероятно, вулканы. Я слышал о районе непрерывной вулканической деятельности. Пока никто не знает. Предположение...

Они покинули кессон после того, как слева снова забрезжил яркий свет и обрисовался громадный желтый серп.

— Да... — спохватился Быков. — А где же «Циолковский»? Я хотел бы посмотреть на этот искусственный спутник.

— Из люка его не видно, Алексей. Ведь мы повернуты люками вниз, к Венере, а «Циолковский» выше нас. По обшивке «Хиуса» тебе еще рановато ползать. Подождешь до следующего раза. Увидишь, когда вернемся.

Быков вспомнил недавнее замечание Дауге, вздохнул, но промолчал.

Их уже ждали. Ермаков пригласил всех отобедать. Это был первый обед в условиях невесомости, и Быков втайне пожелал, чтобы он был и последним. Межпланетники деловито, не прерывая разговора, подносили к губам эластичные соски, к которым от закрытых пластмассовых сосудов тяну-

лись гибкие трубки. Куски хлеба и закуски они брали из сетчатых коробочек, не забывая тщательно закрывать их. Одним словом, водитель «Мальчика» остался бы голодным, не возьми над ним шефство Крутиков, севший рядом специально для этого.

За столом говорили о делах на искусственном спутнике, о планах создания целых армад «Хиусов», о необходимости специальных передач-консультаций для студентов-заочников, работающих на спутниках. Махов пожаловался на бестолкового снабженца, приславшего на спутник ящик микрофильмов о технике лыжного спорта. Штирнер, смеясь, рассказал, что кто-то завез на «Циолковский» мышей. «Теперь молим прислать kota. Будет потрясающий аттракцион — охота кошки за мышкой в условиях невесомости». Много говорили о концертах изумительного индонезийского ансамбля, о потрясшей всех новой симфонии свердловчанина Гадалова «Путь к звездам». Много шутили, смеялись. Ни одного слова не было сказано о том, что вскоре предстоит испытать экипажу «Хиуса».

Ермаков взглянул на часы, и Махов торопливо встал:

— Пора, товарищи.

Все поспешно поднялись и стали прощаться. Махов по очереди сжал руками плечи каждого межпланетника, и Быков с беспокойством заметил, как внезапно ввалились его щеки и пожелтело лицо. У Штирнера признаки волнения были не так заметны.

— Не забудьте, — сказал Ермаков, — отойдите от нас не меньше чем на пятьдесят километров, иначе вас может сильно опалить.

— Ладно, о нас не беспокойся, — буркнул Махов. — Ну, про... до свидания, друзья! Удачи вам!

Он повернулся и, быстро перебирая руками шнур, выбрался в коридорный отсек. Штирнер приветственно махнул рукой и последовал за ним. Со звоном захлопнулся выходной люк. Наступила тишина.

— Мы так и не рассказали им о космической атаке, — вспомнил вдруг Юрковский.

Ермаков рассеянно взглянул на него.

— Не рассказали... Впрочем, это неважно. Прошу приготовиться... Спицын, пошли.

Быков шепотом спросил у Дауге:

— Разве Михаил Антонович останется здесь?

— Да. В рубке ему сейчас делать нечего... — Дауге тряхнул головой, словно отгоняя какие-то мысли, и сказал: — По местам, что ли?

Михаил Антонович и Юрковский уже сидели в креслах и возились с ремнями. Дауге помог Быкову пристегнуться, снял шнуры и остановился в нерешительности.

— Ну? Чего ждешь? — раздраженно прикрикнул Юрковский.

— Десять минут осталось, — раздался голос Ермакова. Дауге торопливо занял свое место.

И снова наступила тишина. Быков закрыл глаза и стал вспоминать. Черная среднеазиатская ночь, смутно белеющее платье, свежий запах духов... и милое, милое, нежное лицо. Как давно это было! Что-то сжало горло, пришлось два-три раза энергично глотнуть.

— Начали спуск! — хрипло каркнул репродуктор.

Пол под ногами дрогнул, спинка кресла тяжелым грузом навалилась на плечи. Нарастающий рев реактора ударил в уши, заполнил собою все.

Махов и Штирнер, припавшие к круглому иллюминатору «межпланетного такси», увидели, как из-под планетолета, похожего на черную медузу, нелепо раскорячившуюся на фоне огромного оранжевого диска Венеры, блеснуло неяркое пламя. Затем вспыхнуло ослепительное лиловое солнце. Когда они снова открыли глаза, «Хиуса» уже не было видно. Только легкое туманное облачко расплывалось на том месте, где он только что находился.

«ЖИЗНЬ НАША ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ...»

Никто на «Хиуса» не обольщал себя надеждами на быструю и легкую посадку. В свое время в докладе об экспедиции Тахмасиба Ермаков рассказал, как трудно было вести ракету в атмосфере Венеры, как вертело ее, словно щепку в водовороте, какого нечеловеческого напряжения стоило удерживать ракету дюзами вниз. Он описал свирепые ветры, ледяные вихри над раскаленной до ста градусов поч-

вой. В таких условиях были бесполезны и даже опасны самые совершенные гироскопические устройства, которые в более спокойных атмосферах автоматически держали межпланетный корабль точно в заданном положении, не позволяя ему раскачиваться, вращаться и переворачиваться...

«Хиусу» оставалось полагаться на очень неточную и ежеминутно готовую прерваться наводку с искусственных спутников. Радиолокаторы противометеоритных устройств не действовали в атмосферных электрических полях Венеры, и планетолет каждое мгновение мог своей громадой обрушиться на какую-нибудь скалистую вершину. Бури и смерчи должны были сносить «Хиус» еще сильнее, чем обычную ракету, ибо форма его хотя и несколько облегчала посадку «дном вниз», но была далеко не обтекаемой.

И тем не менее только «Хиус» мог с большой степенью вероятности рассчитывать на успешную посадку. Он способен был снижаться необычайно медленно, сантиметр за сантиметром, мог вновь подняться и сделать попытку снизиться в другом месте, чего никогда не смогла бы проделать самая лучшая атомно-импульсная ракета с ее ограниченным запасом свободного хода. Ермаков объявил «Хиус» «господином планет с атмосферами», и сейчас предстояло доказать это.

— Пустяки, все пустяки, — бормотал Михаил Антонович Крутиков, в десятый раз проверяя прочность ремней, удерживавших его в кресле. — Все пустяки, и все пойдет отлично, уверяю вас. Слегка потрясет, быть может... Зато подумайте, какой переворот в истории овладения пространством начинается этим рейсом «Хиуса»!

— Мысль сия премного меня утешает в предвидении грядущих испытаний, — нараспев сказал Юрковский. — Еще бы... Крутиков, тот самый — знаете? — который строил первый ракетодом на Венере!

— Только бы сесть... — процедил Дауге сквозь зубы.

Михаил Антонович достал пустую трубочку и с задумчивым видом пососал ее.

— Скорей бы уж! — сказал он. — Как все это непохоже на прежние рейсы, правда, товарищи?

— Правда, — ответил Дауге. — Святая правда, Михаил Антонович. При посадке на безатмосферные и спокойные планеты совсем иное самочувствие.

— Поч-чему? — с трудом спросил Быков, думая о том, испытывают ли и другие тошноту и головокружение.

— Потому что с пилотами, подобными Ермакову и Спицыну, можно на старте и на посадке спать, читать, играть в шахматы... Но, видимо, только не здесь, не на Венере.

— Да, — вздохнул Крутиков, — не на Венере...

— Вы мне надоели своей кислой болтовней! — рассердился Юрковский. — Что вы ноете? Держите ваши переживания при себе. Сдрейфили? Так держите про себя и не портите настроения другим. Берите пример с Быкова — позеленел... хотя с его цветом лица это трудновато, но держится, помалкивает.

— Тебе кажется, что он не может позеленеть? — невинно удивился Иоганьч. — Алеша, скажи, что ты можешь...

— Он сможет, — вступился Михаил Антонович. — Если постарается, то сможет. Верно, Алешка?

Нападение было неожиданным. Тошнота и головокружение мигом исчезли. Быков яростно засопел и приготовился дать уничтожающий ответ, но в этот момент напряженный голос Ермакова провозгласил:

— Внимание!

И сейчас же пол качнулся и стал медленно переворачиваться.

О том, что происходило в последующие три-четыре часа, у Быкова сохранилось лишь несколько смутных, отрывочных воспоминаний. Позже он никак не мог восстановить последовательность событий. Кажется, Юрковский подполз с кислородным баллоном к Дауге еще до того, как тот уронил голову на грудь. Страшный, измененный до неузнаваемости голос Спицына, известивший о том, что у Анатолия Борисовича разбита голова, раздался уже после рывка, от которого лопнул ремень, державший Быкова в кресле. Что было дальше, он не помнил. Какие-то чудовищные силы играли «Хиусом», и тем не менее старое выражение «как лягушка в футбольном мяче» пришло ему в голову только тогда, когда, сжимая в кулаке обрывок ремня, он перелетел через всю кабину и с размаху ударился спиной о стенку. Упрутая обивка отбросила его назад, и, кажется, он потерял сознание на некоторое время, потому что внезапно обнаружил себя снова крепко привязанным к креслу. Быков не помнил также, каким образом меж колен его оказался

зажат легкий баллон с активированным озоном... как и когда случилось, что Юрковский повис в своем кресле с лицом, залитым кровью... Затем Михаил Антонович тряс его, Быкова, за плечо и кричал что-то в ухо... Все это мелькало в его мозгу сквозь желто-зеленый туман, между обмороками и приступами тошноты. Потолок оказывался где-то сбоку, затем молниеносно перемещался на место, проваливался и вновь с неудержимой силой давил на ноги пол. На минуты наступало затишье; тогда Быков запрокидывал голову, разевал рот и часто и глубоко дышал. Но планетолет вдруг швыряло, и все начиналось сначала. И при этом — тишина, сменившая оглушающий рев. Доносился лишь негромкий гул реакторов, не заглушавший ни стонов, ни... шуток! Да, матерые межпланетные волки находили в себе силы шутить. Но Быков не запомнил ни одной шутки. Он был целиком поглощен своими ощущениями, вытекавшими из уверенности, что уже следующий толчок окончательно вышибет из него дух. Временами он вспоминал о пилотах в рубке управления и представлял их себе искалеченными, приборы — вдребезги разбитыми, а планетолет — падающим с огромной высоты на острые крутые скалы. Вероятно, «Хиус», резко погасивший скорость, попал в мощный атмосферный поток, увлекавший его в сторону от цели, и Ермакову со Спицыным приходилось прилагать все силы, чтобы держать его на заданных радиопеленгах. Как потом говорил Спицын, ни разу в жизни не приходилось ему сажать корабли в таких ужасных условиях.

И вдруг наступил покой. Полный и несомненный покой, не нарушаемый ни малейшей вибрацией, ни единым звуком. Он обрушился на оцепевших людей, как удар грома. Быкову показалось, что остановилось самое время. Перед глазами его все еще плыли разноцветные пятна, по телу ползли струйки пота, руки и ноги дрожали. Затем странная апатия овладела им, смертельно захотелось вытянуть ноги и спать, спать, спать... Сквозь опущенные ресницы он увидел, как зашевелился и встал Юрковский, сделал несколько неуверенных шагов, провел ладонью по лицу и с недоумением посмотрел на испачканные кровью пальцы.

— Что с тобой? — негромко спросил Дауге.

— Н... ничего... — Юрковский сморщился и потряс головой. — Кажется, из носа... Болят глаза...

— Фффух! — выдохнул Михаил Антонович. — Вот это была встряска, доложу я вам!

Юрковский поднял руки, сделал несколько гимнастических движений и вдруг замер.

— Товарищи! — крикнул он. — Мы на Венере... и живы! «Хиус» цел, черт побери! Дауге! Вставай! Ты понимаешь? Мы на Венере...

— Погоди радоваться, — остановил его Дауге. — Кажется, что-то случилось с Анатолием Борисовичем...

— Да, я тоже слышал голос Спицына, — подтвердил Крутиков.

— Пойдем?

Они пошли к рубке, но дверь распахнулась, и на пороге появился сам Ермаков, бледный, взмокший от пота, с головой, туго перехваченной молочно-белым перевязочным эластиком.

— Все живы? — Он быстро оглядел товарищей.

— Все, — сказал Дауге.

— Поздравляю с благополучной посадкой!

Он подошел к каждому и крепко пожал руки.

— А что Богдан? — спросил Михаил Антонович.

— Спит.

— Гм...

— Свалился как убитый.

— Не мудрено, — усмехнулся Крутиков. — Три с половиной часа такой... такого... Я и сам еле держусь на ногах.

— Интересно, что с «Мальчиком»? Не сорвался? — спросил Быков.

— Сделаем вылазку? — как-то вяло предложил Юрковский.

— Нет. — Ермаков еще раз оглядел всех и повторил: — Нет. Ни в коем случае. Приведите себя в порядок и отдохните. О вылазке будем говорить часа через четыре, когда получим все данные внешней лаборатории. Включите ионизаторы, мойтесь — и спать!

— Хорошо бы поесть... — озабоченно сказал Михаил Антонович.

«И рюмку коньяку выпить», — подумал Быков.

— Это как вам угодно. Лично я — в ванну и в постель... Алексей Петрович, помогите проводить Богдана в его каюту, хорошо?

— Слушаюсь, Анатолий Борисович.

Нет, все было не так, как предполагал Быков. Гораздо проще и лучше. Когда через полчаса он, распаренный и еще более красный, чем обычно, заполз под простыни, ему снова вспомнился домик в Ашхабаде... Он счастливо улыбнулся и заснул.

Как всегда, его разбудил Дауге. Тощее лицо Иоганыча выглядело осунувшимся, черные глаза запали и лихорадочно блестели.

— Одевайся, Алексей. Натягивай спецкостюм и выходи в кают-компанию, — хрипло проговорил он. — Сейчас будет вылазка.

Вылазка! Острая мысль, что он находится на планете, погубившей столько замечательных смельчаков, мгновенно пронеслась в мозгу. Сейчас должно начаться главное, для чего они прибыли сюда...

Быков торопливо оделся, достал из ниши спецкостюм и облачился в него. Все уже собрались в кают-компанию и стояли вокруг стола с откинутыми на спину спектролитовыми колпаками, молча поглядывая друг на друга. Глаза Ермакова были широко раскрыты и, кажется, светились, как у кошки. Михаил Антонович сосал пустую трубочку.

— Кофе? — ни к кому не обращаясь, спросил Быков.

— Думаю, потом, — нахмурясь, сказал Юрковский. — Нечего оттягивать, надо идти. Неслыханное дело: пять часов после посадки, а мы еще не открывали люков!

— Пойдемте, — просто пригласил Ермаков.

— Оружие? — Быков взглянул на командира.

Тот кивнул и, пригнувшись, вышел в коридорный отсек. За ним двинулись остальные. Быков, хватаясь за поручни, побежал наверх. Через минуту он присоединился к товарищам с автоматом на груди и двумя гранатами за поясом.

— Алексей-завоеватель! — пошутил Спицын.

Юрковский только поморщился.

Они столпились в кессонной камере перед наружным люком. Богдан наглухо завинтил за собой дверь.

— Надеть колпаки! — скомандовал Ермаков.

Теперь Быков не видел лиц товарищей, и это было неприятно. Застучал насос, запрыгала стрелка манометра. Ермаков взялся за рукоятку люка. Поползла в сторону тяжелая

стальная полоса. Люк дрогнул, и... омерзительная жирная жижка желто-серого цвета с сочным хлопанием хлынула под ноги. Она была густая и вязкая, но текла свободно, и свет прожектора золотыми огоньками играл на ее поверхности. Это было так неожиданно, что в первые секунды никто даже не пошевелился. Затем Юрковский со сдавленным криком бросился вперед. Но Быков опередил его. Он ухватился за край люковой крышки и изо всех сил нажал на нее. Ноги скользили в грязи, он упал на колени. Но уже подоспели Юрковский и Дауге, в их спины уперлись Богдан и Михаил Антонович. С мягким чавканьем крышка подалась, встала на место, и Ермаков торопливо нажал кнопку засова.

Все выпрямились. Под ногами растекалась мутная слякоть, от нее поднимался пар. Быков поднял автомат, провел по прикладу рукавом, заглянул в дуло. Затем тщательно очистил выпачканные колени.

— Насколько я понимаю, — раздался в наушниках голос Дауге, — это совсем не песок.

— Да, на пустыню мало похоже, — подтвердил Юрковский. — Это я заявляю, хоть и не специалист.

Ермаков, присев на корточки, рассматривал грязную лужу.

— Если оставить балагурство до более подходящего времени, — сказал он, — то я склонен предположить, что «Хиус» сел в болото.

— По уши, — согласился Юрковский. — Но где же пустыня?

— Жизнь паша полна неожиданностей, — вздохнул Крутиков.

— Вот удружил нам Штирнер со своими пеленгами!

— При чем здесь Штирнер?

— Если «Хиус» ушел в эту трясину целиком... — начал Богдан.

Юрковский нетерпеливо передернул плечами:

— Чего проще! Пройдем через верхний люк и посмотрим.

Они покинули кессон и, оставляя на линолеуме ржавые маслянистые следы, поднялись в узкий отсек грузового люка.

— Болото на Венере, вы подумайте! — бормотал Михаил Антонович. — Такой сюрприз!

Верхний люк открывали осторожно, готовые в любое мгновение захлопнуть его снова. Но ничего страшного не

произошло. Раздалось тонкое шипение — это в отсек ворвалась наружная атмосфера, — и все стихло.

— Ура, — спокойно сказал Юрковский. — Все в порядке. Открывайте.

Крышка со звоном откинулась. Стоявший впереди Ермаков перегнулся через край. За его спиной, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, теснились Юрковский и Михаил Антонович. Дауге, пролезший между ними, отпрянул с невнятным восклицанием.

— Н-да, — проговорил кто-то. — Оч-чень интересно...

Они ничего не увидели. «Хиус» окружала плотная стена зыбкого, совершенно непроницаемого желтоватого тумана. Внизу, в полутора метрах, тускло блестела поверхность трясины. В тишине слышались невнятные звуки, похожие не то на приглушенный кашель, не то на бульканье. Долго стояли межпланетники, всматриваясь в мутные, белесые волны испарений. Иногда им казалось, что впереди маячат какие-то тени, выступают какие-то уродливые серые формы, но на ползали новые и новые слои тумана, и все исчезало.

— Достаточно, — сказал наконец Ермаков. — У меня уже в глазах темнеет. Придется пустить в дело инфракрасную технику. — Он выпрямился и заглянул вверх. — Ага, «Мальчик», кажется, на месте!

— Здорово мы увязли... — Спицын, лежа грудью на краю люка, обеспокоенно поворачивался то в одну, то в другую сторону. — Реакторные кольца погрязли в трясине до основания.

— Ничего, осмотримся немного и попробуем подняться.

— А если корпус провалится еще глубже?

Инфракрасная техника ничего не прояснила.

На экране клубились тени, почва одного и того же места то казалась зыбкой, то плотно утрамбованной, то рыхлой...

— Давайте выйдем, — предложил Юрковский. — Там будет видно, что делать.

Он приготовился спрыгнуть. Быков схватил его за плечо.

— В чем дело? — несколько раздраженно осведомился геолог.

— Жизнь наша полна неожиданностей, — сказал Быков. — Я пойду первым.

— Почему это?

Быков молча показал автомат.

— Бросьте вы разыгрывать лорда Рокстона! — Юрковский оттолкнул руку Алексея Петровича.

— Быков прав, — сказал Ермаков. — Прошу вас, пропустите меня, Владимир Сергеевич.

— Я не понимаю...

— Пропустите меня и Быкова. Я через три минуты вернусь...

Все знали, что по положению командир не должен первым оставлять корабль при посадке в неизвестном месте. Но... понимали Ермакова. И Юрковский молча шагнул в сторону. Быков быстрым движением поставил автомат на предохранитель и прыгнул вслед за Ермаковым. Ноги его по колено ушли в жидкое месиво.

Конец второй части

Часть третья

НА БЕРЕГАХ УРАНОВОЙ ГОЛКОНДЫ

НА БОЛОТЕ

олото на Венере... Это представлялось межпланетникам абсурдным. Более абсурдным, чем пальмовые рощи на Луне или стада коров на голых пиках астероидов. Белесый туман вместо огненного неба и жидкий ил вместо сухого, как пламя, песка. Это ломало давно и прочно установившееся мнение и являлось само по себе

открытием первостепенной важности. Но вместе с тем это невероятно усложняло положение, ибо было неожиданностью. А ведь ничто так не портит серьезное дело, как неожиданность. Даже отважный водитель гобийских вездеходов, мало осведомленный о теориях, господствовавших в науке о Венере, и потому не имевший об этой планете решительно никакого мнения, чувствовал себя изрядно обескураженным: то небольшое, что он увидел через раскрытый люк, совершенно не соответствовало роли проводника-специалиста по пустыням, к которой он готовился.

Что же касается остальных членов экипажа, то, поскольку их взгляд на вещи был, естественно, шире, неожиданность вызвала у них гораздо более серьезные опасения. Не то чтобы пилоты и геологи не были подготовлены к разного рода осложнениям и неудачам. Вовсе нет. Каждый знал, например, что при скоростях «Хиуса» место посадки могло оказаться на расстоянии многих тысяч километров от Голконды;

«Хиус» мог сесть в горах, перевернуться, наконец, разбиться о скалы. Но все это были предусмотренные осложнения и неудачи и потому не страшные, даже если они грозили гибелью. «В большом деле всегда риск, — любил говорить Краюхин, — и тем, кто очень боится гибели, с нами не по дороге». Но болото на Венере!

При всей своей выдержке и огромном опыте межпланетники лишь с большим трудом скрывали друг от друга охватившее их беспокойство. Профессия приучила их быть сдержанными в подобных случаях. А между тем каждый из них понимал, что судьба экспедиции и их жизнь зависят теперь от целого ряда неизвестных пока обстоятельств. В сознании каждого стремительно, один за другим, возникали новые и новые вопросы. Далеко ли тянется болото? Что оно собой представляет? Пройдет ли по нему «Мальчик»? Не грозит ли «Хиусу» опасность погрузиться еще глубже или перевернуться и затонуть? Можно ли рискнуть вновь поднять планетолет и попытаться посадить его где-нибудь в другом месте?

Незадолго перед стартом Дауге сказал Краюхину: «Только бы благополучно сесть, а там мы пройдем хоть через ад». Все они знали, что, возможно, придется «пройти через ад», но кто мог предположить, что этот ад будет вот таким — мутным, булькающим, непонятным?..

Как уже было сказано, Быкова, по его неосведомленности, волновали соображения совсем другого порядка. За судьбу экспедиции он не беспокоился, ибо верил в чудесные возможности «Хиуса» и, главное, в своих товарищей, особенно в Ермакова, в голосе которого не чувствовалось и тени растерянности. Для Быкова неожиданность была только приключением. И он был весьма польщен, когда Ермаков встал на его сторону в маленьком споре с Юрковским у открытого люка.

С трудом вытаскивая ноги из вязкой жижи, Быков сделал несколько шагов за Ермаковым. Тот остановился, прислушиваясь. Плотная желтоватая полутьма окружала их. Они видели только небольшой участок жирно мерцающей трясины, но слышно было многое. Невидимое болото издавало странные звуки. Оно хрипло вздыхало, кашляло, отхаркивалось. Глухие стоны доносились издалека, басистый рев и протяжное высокое гудение. Вероятно, звуки эти производила сама трясина, но Быков подумал вдруг о фантастических тварях,

которые могли скрываться в тумане, и торопливо ощупал за поясом гранаты. «Рассказать об этом друзьям по гобийской экспедиции, — подумал он, — так не поверят!» Неприятное чувство одиночества охватило его. Он оглянулся назад, на темную громаду «Хиуса», взял автомат наперевес и двинулся вперед, обгоняя Ермакова.

Тик... тик-тик... тик... — робко, едва слышно застучал счетчик дозиметра. «Немного, не больше тысячной рентгена», — успокоил он себя и тут же забыл об этом, ощутив под ногами что-то твердое. Он нагнулся, шаря впереди себя свободной рукой. Сквозь дымку испарений над ржавой маслянистой поверхностью выступили какие-то угловатые, облепленные илом глыбы.

— Как у вас дела, Алексей Петрович? — раздался голос Ермакова.

— Пока ничего... особенного, — отозвался Быков, — все в порядке. Очень топко. Под ногами не то камни, не то обломки...

Скользя и спотыкаясь, он полез через непонятные глыбы. Под ногами хлюпало, чмокало, чавкало...

— Сильно засасывает? — спросил Ермаков.

— Нет, — ответил Алексей Петрович и провалился по пояс.

«Не утонуть бы ненароком...» — мелькнула тревожная мысль. Но в эту минуту ствол автомата цапнул по твердому. Быков взгляделся с удивлением. Путь преграждала шершавая серая площадка с отсвечивающей на изломе глянцевитой кромкой.

— Анатолий Борисович! — позвал он.

— Да?

— Дальше болото асфальтировано.

— Не понял. Иду к вам.

— Я говорю, дальше болото покрыто асфальтом.

— Ты бредишь, Алексей? — донесся встревоженный голос Дауге. Он вместе с другими членами экипажа стоял у открытого люка и ловил каждое слово разведчиков.

— Правда, настоящий асфальт! Или вроде такыра в наших пустынях.

Быков закинул автомат за спину и уперся руками. Трясина с протяжным сосущим звуком выпустила его. Он стал на колени, отполз на четвереньках от края и встал.

...Тик... тик-тик... тик...

— Настоящий прочный асфальт, Анатолий Борисович. Стою!

— Может быть, это берег? — с тайной надеждой в голосе спросил, подходя, Ермаков.

— Не знаю... нет, не берег. Это как корка над болотом.

Ермаков нагнулся.

— Толщина примерно сантиметров тридцать — тридцать пять, — сказал он.

— Я знаю, что это такое, — вмешался вдруг Крутиков. — Ведь «Хиус» спускался на фотореакторе...

— О черт! — Было слышно, как Юрковский звонко шлепнул себя по шлему. — Ведь это же...

— Спекшийся ил, несомненно, — подтвердил Ермаков. — Фотореактор выжег из него воду, образовалась корка. А «Хиус» при посадке проломил ее.

— Похоже на это, — согласился Быков. Он шел вдоль кромки, с любопытством приглядываясь. — Широкая, как Красная площадь, ровная, танцевать можно. Но вся в трещинах.

— «Мальчик» пройдет? — осведомился Ермаков.

Быков ответил небрежно:

— «Мальчик» везде пройдет. ...Тик-тик... тик... тик-тик...

— Ну что же, товарищи... Я возвращаюсь. Думаю, экипажу можно высаживаться. Юрковский и Спицын, отправляйтесь к Быкову.

— Есть!

— «Вперед, покорители неба»! — насмешливо пропел Юрковский, вылезая из люка. — Эй, Богдан, поберегись!

— А я? — обиженно осведомился Дауге.

— Мы с вами займемся анализом образцов грунта и атмосферы и кое-что посмотрим.

— Хорошо, Анатолий Борисович.

— Михаил Антонович, — распорядился Ермаков, появившись в кессонном отсеке, — ступайте в рубку и попытайтесь прощупать окрестности локатором... Товарищ Быков, сейчас к вам подойдут Юрковский со Спицыным. Вы старший. Попробуйте дойти до внешнего края площадки. Дальше не ходить.

— Слушаюсь.

«Правильно, — подумал Быков. — Глупо ползать вслепую по шее в этой трясине, когда у нас есть транспортер с инфракрасными проекторами. Правда, транспортер еще надо снять...»

Где-то неподалеку чертыхался вполголоса Юрковский. Приглушенный голос Богдана произнес:

— Правее, правее, Володя...

Через несколько минут послышались медленные чавкающие звуки, и из тумана выплыли две серые фигуры.

— Где ты тут, Алешка? Черт, ни зги не видно... Как, еще не сожрали тебя местные чудища?

— Бог миловал, — буркнул Быков, помогая обоим выбраться на «такыр».

Юрковский притопнул, пробуя прочность корки. Богдан, обтирая ладонью забрызганную илом лицевую часть шлема, сказал:

— Зря это, скажу я вам...

— Что?

— Зря ее называли Венерой.

— Кого? А-а... — Быков пожал плечами. — Дело, знаешь, не в названии.

Юрковский расхохотался.

Они неторопливо пошли, перепрыгивая через широкие трещины, в которых дымилась жидкая масса ила.

— Богдан! — понизив голос, проговорил Быков. — Ведь болото излучает... Слышишь?

...Тик... тик-тик-тик-тик...

— Слышу. Это чепуха. У нас очень чувствительные счетчики, Алеша.

— Все, что попадает под фотореактор, должно излучать, — наставительно изрек Юрковский. — Ясно даже и...

— Погодите-ка... — Богдан поднял руку.

Они остановились. Невнятные голоса Ермакова и Дауге стали едва слышны в шорохах и потрескивании наушников.

— Насколько мы отошли от «Хиуса», как вы думаете? — спросил Спицын.

— Метров на семьдесят — восемьдесят, — быстро ответил Быков.

— Так. Значит, наших радиотелефонов хватает только на это расстояние.

— Маловато, — заметил Юрковский. — Ионизация, вероятно?

— Да...

...Тик... тик-тик... тик... тик...

Они пошли дальше. Рев, бульканье, завывание становились все слышнее. Где-то впереди справа раздался громкий храп.

— Чу! Слышу пушек гром... — пробормотал Юрковский.

— Вот она!

Внешняя кромка огромной лепешки, выжженной на поверхности трясины пламенем фотореактора, была закруглена и полого уходила в жижу. И сразу за ней из тумана выступили бледно-серые причудливые силуэты странных растений. До них было рукой подать — не больше десяти шагов, но белесые волны испарений непрерывно меняли и искажали их облик, открывая одни и окутывая непроницаемой мглой другие детали, и разглядеть их как следует не было никакой возможности.

— Венерианский лес, — прошептал Юрковский с таким странным выражением, что Быков недоверчиво покосился на него.

— Да... венерианский. По-моему, пакость, — кашлянув, сказал Богдан.

— Молчи, Богдан! Ты говоришь ерунду... Ведь это жизнь! Новые формы жизни! И мы — мы! — открыли их...

— Вот, кажется, еще одна новая форма жизни, — пробормотал Быков, с беспокойством вглядываясь в большое темное пятно, внезапно появившееся у края корки недалеко от них.

— Где? — живо повернулся Юрковский.

Пятно пропало.

— Мне показалось... — начал Быков, но низкий, глухой рев прервал его. — Вот, слышите?

— Это где-то здесь, рядом... — Спицын ткнул рукой вправо.

— Да-да, неподалеку. Значит, действительно видел...

Быков потихоньку потянул из-за пояса гранату, тревожно поглядывая по сторонам.

— Большое? — спросил Спицын.

— Большое...

Снова раздался рев, теперь уже совсем близко. Ни одно земное животное не могло издавать такие звуки — механические, похожие на вой паровой сирены, и вместе с тем полные угрозы.

Быков вздрогнул.

— Ревет... — тихонько сказал он.

— Да... Пойдем посмотрим? — хриплым голосом предложил Юрковский. — Эх, то ли дело на Марсе! До чего щедрая и приличная планета! Санаторий!

...Тик... тик-тик... тик-тик...

— Нет, идти не следует, — сказал Спицын. — Лихачество...

Быков промолчал.

— Бойтесь? Тогда я один... — Юрковский решительно шагнул вперед.

Все произошло очень быстро. Быков повернулся к Спицыну, и в этот момент что-то тяжело рухнуло на площадку, словно сбросили на асфальт тюк мокрого белья. Округлая темная масса величиной с упитанную корову надвинулась на людей из тумана. Юрковский отшатнулся и со сдавленным криком сорвался в болото. Спицын попятился. Секунду Быкову казалось, что вокруг воцарилась мертвая тишина. Затем робкое «тик-тик» дозиметра вошло в сознание, и он опомнился.

— Ложись! — заорал он.

Спицын, упав ничком, увидел, как Быков прыгнул назад и взмахнул правой рукой — раз и еще раз. Два тупых гулких удара оглушили его. Туман коротко озарился двумя оранжевыми вспышками, и дважды возникло и мгновенно исчезло в сумраке блестящее влажное тело — громадный кожаный мешок, изрытый глубокими складками. С визгом пронеслись осколки, дробно простучали по «асфальту». Затем все стихло.

— *Finita la comedia*, — машинально пробормотал Спицын, с трудом поднимаясь на ноги.

— Где Юрковский? — задыхаясь, крикнул Быков.

— Здесь... Дайте руку...

Они втащили на «асфальт» Юрковского, вымазанного с головы до ног. «Пижон», не говоря ни слова, кинулся к тому месту, где три минуты назад находилось чудовище.

— Ничего, — разбчарованно сказал он.

Действительно, чудовище исчезло.

— Но ведь оно было? — Юрковский ходил вдоль края площадки, останавливался, нагибался, упираясь руками в

колени, всматривался в неясные очертания спутанных стеблей и стволов за пеленой испарений.

— Было...

— Он... оно ушло.

— Словно растворилось, — задумчиво сказал Спицын.

— Может быть, вы не попали? — наивно спросил Юрковский, останавливаясь перед Быковым, который озабоченно осматривал автомат.

Быков презрительно фыркнул.

— Ну ладно, ушел он, и слава аллаху, — сказал Спицын. — Интересно, что ему от нас было нужно? Хотел пообедать?

— Ер-рунда! — с чувством произнес Юрковский. — Удивительная ерунда. И откуда только идет это дурацкое представление о чудюшах-людоедах с других планет! Досужим писакам вольно выдумывать, будто стоит нам появиться на другой планете, как у всех местных животных аппетит разыгрывается... Но ведь ты... ты же старый межпланетник, Богдан!..

Обратно шли молча. Голосов Ермакова и Дауге не было слышно: вероятно, они уже вернулись во внутренние помещения «Хиуса». Перед тем как вновь ступить в дымящийся ил, Юрковский сказал задумчиво:

— Как бы то ни было, а живность на Венере есть. Очень интересно! Только... вы уверены, Алексей Петрович, что не промахнулись?

Это было уж слишком. Быков яростно засопел и поспешил вперед.

...Тик... тик-тик-тик... тик-тик...

Быков задержался за чисткой оружия и, войдя в кают-компанию, застал спор в самом разгаре. Юрковский и Дауге, разделенные столом, кричали друг на друга, азартно выпятив подбородки, а Крутиков. Богдан Спицын, по обыкновению, улыбался и покачивался на стуле, придерживаясь за спинку кресла, в котором сидел Михаил Антонович, и если Богдан время от времени вставлял иронические реплики, то толстый штурман молчал, сосредоточенно опустошая баночку с фаршированным перцем.

— Тогда почему? — упорно, по-видимому не в первый раз, спрашивал Дауге.

— Что — почему?
— Почему оно кинулось на нас?
— А кто тебе сказал, что оно кинулось на нас?
— Ты сказал...
— Ничего подобного. Оно просто наткнулось на нас. Серость! Серость в яблоках! Наткнулось на нас совершенно случайно! Мало того: я уверен, что, пока бравый Алексей Петрович не вклеил в него свои бомбы, оно и не подозревало о нашем существовании!

— А потом стало подозревать, — заметил Богдан, — но было уже поздно...

— ...даже у нас, на Земле, каждое животное имеет свой определенный рацион и нарушает его лишь в крайних случаях и без особой охоты. А здесь! Другой мир, совершенно другие условия существования... Другие законы!

— Как так — другие законы?

— Конечно. Здесьним аборигенам для поддержания жизни нужны совсем другие вещества. Какой им прок в костлявом водителе?

— Гм, — сказал Быков.

— ...или в чумазом пилоте? Двуногая мерзость, издающая отвратительный запах, покрытая какой-то кожей, сухой и твердой! Да вы встаньте на его место... Михаил!

— М-м? — Михаил Антонович встрепенулся и спрятал банку под стол.

— Стал бы ты есть скользкую жабу ростом с быка?

— Не знаю... Наверное...

— Наверное — да или наверное — нет?

— Наверное — да, — сказал Богдан, отбирая у штурмана консервы. — Михаил! Не нарушай экспедиционного режима, установленного группой знающих людей.

Михаил Антонович жалобно посмотрел на него, но сопротивления не оказал.

— Да-а?! — взвился Юрковский. — Да ты бы аппетит на всю жизнь потерял, глянув только на эту тварь!

— Вряд ли, — печально сказал Михаил Антонович, провояжая глазами банку, которую Богдан ставил в буфет.

— Так или иначе, — проговорил Дауге, — но ты, вероятно, не прав, Володька. Другие условия, другие законы... Белок, брат, всегда есть белок.

— И всегда белок ест белок? — продолжил Богдан, возвращаясь к своему месту. — А если это был не белок?

— А что же, по-твоему? Каменный уголь?

— Ну, не знаю. Только мне не понравилось, как он исчез... Слишком уж внезапно. А спорите вы впустую. Данных ни у того ни у другого нет, а потому оба постоянно ссылаются на фундаментальнейшую теорему «Ей-богу, так!» Иоганьч — человек уравновешенный, он мои слова оценит, а тебе, Володенька, я расскажу сейчас историю о глупом щенке Шлепе и о белой ящерице с Калисто...

— Какой? Скалистой? — не расслышал Быков.

Бирский фыркнул.

— С Калисто. Калисто — это спутник Юпитера, единственное небесное тело, на котором до сих пор удалось обнаружить животную жизнь. Воронов привез оттуда белую слепую ящерицу...

— Знаю, — мрачно сказал Юрковский. — И Левкин проклятый Шлеп ее слопал.

— И как слопал! Моментально! — с удовольствием добавил Дауге.

— Правда, бедняга потом чуть не окошел от поноса...

— Вот видишь... — неуверенно сказал Юрковский.

Крутиков и Быков расхохотались.

— Так печально закончилась встреча существ разных миров, — серьезно заключил Спицын, — собаки с планеты Земли и ящерицы со спутника Юпитера.

— Да ведь и ежу ясно... — Юрковский подумал и махнул рукой. — Пещерные люди!

Вошел Ермаков — как всегда, спокойный, только немного более бледный, чем обычно. Он присел к столу, раскрыл блокнот в кожаном переплете и склонил над ним забинтованную голову. Все замолчали, глядя на него. Быков уселся поудобнее и приготовился слушать.

— Прошу внимания, товарищи, — сказал Ермаков. — Надо обсудить план дальнейших действий.

Стало тихо, слышно было, как пощелкивает холодильник.

— Я не имею еще информации от группы Быкова... — Ермаков захлопнул блокнот и откинулся на спинку кресла. — Алексей Петрович, доложите результаты разведки.

Быков поднялся.

— Болото, — начал он, — очень топкое болото. В десяти шагах от «Хиуса»...

Он рассказывал медленно, стараясь не пропустить ни одной подробности, и с огорчением думал, что за такой доклад начальник геологического управления назвал бы его размазней. Но Ермаков слушал внимательно, одобрительно кивал, делал какие-то пометки в блокноте. Быкова несколько удивило то, что командир, слушая о появлении неизвестного животного, не проявил никакого любопытства и только улыбнулся, когда Юрковский нетерпеливо заерзал, протестуя, видимо, против слишком натуралистического описания его, Юрковского, поведения во время схватки с венерианской гадиной.

— Вот и все, — вздохнул Быков.

— Значит, вверх ногами... — повторил Ермаков. — Спасибо, товарищ Быков. Садитесь.

Дауге подмигнул ему и кивнул в сторону насупившегося «пижона». Быков сделал каменное лицо и отвернулся.

— Ну что ж... — Ермаков поднялся, потрогал повязку, поморщился. — Резюмируем все, что нам известно. «Хиус» совершенно неожиданно для всех нас сел в болото. По моим расчетам, мы находимся не более чем в ста километрах к югу от Голконды. Не более чем в ста... Расстояние, как видите, не велико. При других обстоятельствах нам хватило бы суток, чтобы покрыть это расстояние. Но...

— Вот именно, — прошептал Спицын.

— ...мы сидим на болоте. Мало того, по данным радиолокации — не очень надежным, правда, — болото окружено горным хребтом, заключено в кольцо скал, и в этом кольце не удалось нащупать никаких признаков просвета.

— Вулкан? — спросил Дауге.

— Возможно, мы находимся в кратере исполинского грязевого вулкана. И престранный это вулкан, должно быть, потому что анализ илистой воды показывает... — Ермаков раскрыл блокнот: — Вот, извольте. Смесь примерно в равной пропорции тяжелой и сверхтяжелой воды.

Юрковский подскочил на месте:

— Тритиевая вода?

— T_2O , — кивнул Ермаков.

— Но...

— Да. Период полураспада трития всего около двенадцати лет. Значит...

— Значит, — подхватил Дауге, — либо наш вулкан образовался очень недавно, либо существует какой-то естественный источник, пополняющий убыль трития...

Каким должен быть естественный источник сверхтяжелого водорода — изотопа, который на Земле производится в специально оборудованных реакторах, — Быков не мог себе представить. Но он молчал и продолжал слушать.

— И это еще не все, — сказал Ермаков. — Кратер — если это кратер — представляет собой бездонную пропасть. Во всяком случае наши эхолоты оказались бессильны.

— Каков диаметр кратера? — быстро спросил Юрковский.

— Кратер, очевидно, почти круглый, диаметр его около пятидесяти километров. «Хиус» находится ближе к его северо-восточному краю: с этой стороны от нас до хребта всего восемь километров. Таково положение, товарищи.

Юрковский встал, пригладил волосы:

— Короче говоря, под нами сотни метров трясины. От цели нас отделяют сто километров, из которых десять километров болота, и скалистая гряда. Правильно?

— Таково положение, — кивнул Ермаков.

— Болото наполовину состоит из тритиевой воды. Позволю себе напомнить, что тритий распадается с испусканием нейтронов, а нейтронное облучение — длительное нейтронное облучение я имею в виду — это вовсе не мед, даже при наличии спецкостюмов.

— Совершенно верно.

— Но... Быков заверяет нас, что «Мальчик» пройдет через болото. А через скалы?

— «Мальчик» пройдет везде, — упрямо повторил Быков. — В крайнем случае скалы буду рвать.

— Гм... И все же я предпочитаю, чтобы мы, отправляясь на «Мальчике», оставили «Хиус» в более безопасном положении. Учтите...

Юрковский сел.

— Не думаю, чтобы пришлось рвать скалы, — начал Дауге, — хребет не может быть сплошным. Просто нам придется поискать проход, и мы его найдем.

— И еще прошу иметь в виду, — сказал Спицын, — что «Хиус» не приспособлен к горизонтальному полету. Очень легко ошибиться и промахнуться на несколько тысяч кило-

метров. Мы все знаем, чем могут оказаться атмосферные потоки на этой милой планете. И в конце концов, лучше сидеть в болоте, чем лежать на скалах...

Юрковский пожал плечами.

— Насколько я понимаю, — заговорил молчавший до сих пор Крутиков, — речь идет о том, в чем больше риска: в том ли, чтобы оставить все как есть, или в попытке убраться с болота. Так ведь?

— Ваше мнение? — спросил Ермаков.

— Если Алеша... то есть Алексей Петрович ручается за «Мальчика» и если геологи ручаются за «Хиус», следует оставить все как есть.

— Что значит «ручаются за „Хиус“»? — спросил Юрковский.

— То есть докажут, что «Хиус» не провалится в эту самую пропасть и не перевернется. — И штурман сунул в рот пустую трубочку.

Ермаков встал.

— Значит, «Хиус» останется здесь, — твердо сказал он. — Мы с Дауге провели необходимые измерения, и мне представляется, что планетолет стоит достаточно прочно. Во всяком случае, пользуясь выражением Михаила Антоновича, риск провалиться в трясину не больше риска упасть на скалы при попытке переменить место. Итак, «Хиус» остается здесь.

Быков покосился на Юрковского. Тот и бровью не повел.

— Дальше. «Хиус» нельзя оставлять без присмотра. Поэтому с «Мальчиком» пойдут пять человек. Один из пилотов останется.

Спицын вздрогнул и обеспокоенно взглянул на Ермакова. Крутиков выпул трубочку изо рта.

— Постоянным дежурным по «Хиусу» я оставляю Крутикова. Возражений нет? Я имею в виду существенные возражения...

По широкому, добродушному лицу штурмана было видно, что у него *есть* возражения — правда, — к сожалению, не *существенные*.

— Отлично. Не будем терять время, товарищи. Нам нужно будет тронуться в течение ближайших двадцати четырех часов. Правда, сейчас по венерианскому времени вечер, и старт придется на ночное время, но я не думаю,

чтобы темпота помешала нам больше, чем мешает сейчас туман. Давайте закусим...

— ...чем бог послал, — вздохнул Крутиков.

— ...и возьмемся за «Мальчика». Вопросы есть?

Совещание окончилось. Быков заметил, что все наперебой старались выразить свое сочувствие Михаилу Антоновичу, у которого был действительно очень несчастный вид. Юрковский собственноручно палил ему какао, Дауге то и дело обирал с него невидимые пушинки, Спицын открыл для него банку обезжиренной колбасы.

— Кстати, — сказал Юрковский, воткнув вилку в холодную вареную курицу, — очень удачно, что от купола «Хиуса» до поверхности болота всего песколько метров. Нам не придется возиться с блочной системой, в которой я, откровенно говоря, так ни черта и не понял.

— Пустяки, — заявил Дауге, — это вовсе не так уж сложно, и тебе еще представится случай разобраться в ней, Владимир, когда мы будем затаскивать «Мальчика» обратно. А сейчас, разумеется, наше счастье... Как, Алексей?

— В два счета, — промямлил Быков с набитым ртом.

Действительно, «Мальчик» был спущен «в два счета». Переднюю стенку контейнера сняли, разомкнули внутренние крепления, и Быков очень важно попросил товарищей вернуться в кессонную камеру.

— Так будет... кхм... безопаснее, — уклончиво и неопределенно сказал он.

Удивленно пересмеиваясь, межпланетники повиновались. Быков задрал люки вездехода, сел перед пультом и положил пальцы на клавиши. «Мальчик» заворчал, тихонько лязгнул гусеницами. «А теперь... — подумал Быков, — теперь мы удивим их». Оглушительно взвыл двигатель, «Мальчик» прыгнул. Межпланетники увидели, как широкая темная масса с гулом и металлическим лязгом мелькнула и окупнулась в туман. «Хиус» качнулся, словно лодка на волнах. Болото дрогнуло от тяжелого удара. Скрежеща гусеницами по обломкам «асфальтовой» корки, транспортер выкарабкался из трясины, с неожиданной легкостью не то поплыл, не то покатился, разбрасывая вокруг себя фонтаны ила, описал короткий круг и замер под выходным люком звездолета. Яркий белый свет прожектора озарил клубящиеся облака испарений.

— Мастер! — пробормотал Юрковский.

Крутиков восторженно захлопал в ладоши. Длинная нескладная фигура серым привидением выросла перед люком, прижала руки к бокам, и деревянный голос проскрипел в наушниках:

— Товарищ командир, «Мальчик» приведен в походную готовность.

Если можно говорить о спортсменстве в профессии, то Быков всегда был немного спортсменом. Во всяком случае его прыжки на гусеничных вездеходах без разбега ставили его в первые ряды виртуозов-водителей. Он знал это, гордился этим. Мысль «удивить» товарищей пришла ему в голову внезапно, когда он возился у передней стенки контейнера. Он еще не знал, как отнесется к этому акробатическому номеру командир, и это слегка беспокоило. Но Ермаков только пожал ему руку.

— Все же, Алексей Петрович, вам следовало предупредить нас.

— Это невозможно, — засмеялся Спицын. — Настоящий мастер всегда немного фокусник. Должен же он получить какое-то удовольствие от своего мастерства!

Быков не понял — комплимент ли это или упрек, но на всякий случай ткнул Спицына в бок увесистым кулаком.

Ермаков отдал распоряжение начинать перетаскивать грузы из кладовых к кессону, а сам с Быковым отправился на «Мальчике» в глубокую разведку. Над болотом спускалась ночь, непроницаемая черная тьма окутала все вокруг, когда в тумане снова заплескали пятна света и «Мальчик», переваливаясь с гусеницы на гусеницу, весь забрызганный грязью, вернулся под грузовой люк. В узком коридоре Ермаков присел на один из тюков. Все выжидательно смотрели на него. Быков опустил на корточки рядом с ним. Лицо его выражало рассеянное недоумение.

— Итак, Анатолий Борисович? — не вытерпел Юрковский.

— Что, Владимир Сергеевич?

— Вы были... там?

— Где?

— В зарослях.

— В водорослях, — проворчал водитель.

— Были.

— И...

— Ничего. Быков прав: «Мальчик» проходит везде. Превосходная машина. И превосходный водитель.

— Э-хэм, — кашлянул превосходный водитель.

— А как... там?

— В зарослях? — Быков поднялся. — Не сомневаюсь, очень интересно. Рассказывать об этом бессмысленно. Через... — он посмотрел на часы, — через четырнадцать часов двинемся, сами увидите.

Они проработали несколько часов подряд. Погрузка «Мальчика» была в основном закончена.

Быков и Ермаков последний раз осмотрели транспортер от перископов до гусениц, покопались в машинном отсеке, опробовали прочность креплений грузов, заполнивших почти все свободное пространство в пассажирском отделении, и выбрались наружу. Все уже ждали их, и влажная силикетовая ткань костюмов отсвечивала в луче прожектора.

Быков плотно задраил люки. Ермаков задержался у радио.

— Как там, Алеха? — осведомился Дауге. — Скоро опять пойдем?

— Сейчас. Командир уже заканчивает.

— Из-хэ-хэ! — Богдан зевнул, сладко потянулся. — Хорошо будет вздремнуть сейчас... Устал я что-то, друзья...

— Сначала поужинаем, — торопливо сказал Михаил Антонович. — Делаю заявку на кусочек ветчины... у меня со вчерашнего дня в буфете лежит.

— Заявка не принята! — Дауге грозно упер руки в бока. — И вообще, заметьте: тот, кто рассчитывает на эту ветчину, рискует остаться с хорошим аппетитом, как говорят французы.

— Фи, — с негодованием произнес Юрковский. — Вся поэзия убита. Такая чудная почва, а они — о ветчине.

Быков невольно оглянулся в бархатный непроницаемый мрак, прислушался к жутким звукам, доносившимся с болота.

— Сп'гаведливо, сп'гаведливо! — грассируя, подхватил Дауге. — Это так к'гасиво — туман, и ничего не видно. Ах, Миша, Миша!

— Ну что с ним говорить, — лениво добавил Спицын, — если он... из-хо-хо... криволинейного интеграла по простому контуру взять не может...

Михаил Антонович поднялся. Влажная силикетовая ткань костюма попала в луч прожектора и снова скрылась в темноте.

— Ветчина... — начал он торжественно.

— Крутиков! — грозно крикнул Юрковский. — Как вы смеете? Немедленно выйдите за скобки и одумайтесь!

Слушая шутки товарищей, Быков улыбался, испытывая то теплое радостное чувство, которое возникло у него при первом знакомстве. Господи, как давно это было! Он снова оглянулся на болото и поежился. Все впереди, все впереди!.. Тик... тик-тик... тик — едва слышно отстукивал счетчик.

Крышка командирской башенки откинулась, вылез Ермаков.

— Вы что не спите, полуночники? — удивился он.

— Вас ждем, Анатолий Борисович.

— Сейчас всем спать! Через четверть часа проверю.

Межпланетники, усталые, но довольные, перебрасываясь шутками, поднялись на «Хиус».

Но спать не пришлось. Когда они, сняв спецкостюмы, весело болтая и смеясь, спустились в кают-компанию, чтобы наскоро поужинать, спешивший впереди Крутиков вдруг поскользнулся и с размаху сел на пол.

— Вот злоправия достойные плоды! — провозгласил Юрковский.

— Черт! — Толстый штурман вскочил на ноги и понюхал ладонь. — Какой... кто разлил здесь эту гадость? — Им все еще было весело.

— Не сваливай на других, Мишенька!..

— Ай-ай! Такой большой, а еще...

— Какую гадость?

— Погодите, товарищи... — встревоженно сказал Ермаков. — Что это такое, действительно?

Пол в кают-компании был покрыт тонкой пленкой красноватой прозрачной слизи. И только теперь Быков ощутил резкий, неприятный запах, похожий на смрад от гниющих фруктов. В горле у него запершило. Юрковский шумно потянул носом, фыркнул и чихнул.

— Откуда эта вонища? — проговорил он, оглядываясь.

Ермаков нагнулся и осторожно взял немного слизи на палец в перчатке. Межпланетники недоуменно переглянулись.

— Что, собственно, случилось? — спросил Дауге нетерпеливо.

— Вот, смотрите! — Крутиков указал на буфет. — И там тоже! И там!

Из-под неплотно прикрытой дверцы буфета свешивались фестоны каких-то рыжих питей. Большое рыжее пятно виднелось в углу возле холодильника. Забытая на столе тарелка была наполнена ржавой мохнатой паутиной.

— Плесень, что ли?

Ермаков, гадливо вытирая палец носовым платком, покачал головой.

— Об этом мы забыли... — пробормотал он.

— А! — Юрковский взял со стола тарелку, наклонил ее и с отвращением поставил. — Я понимаю.

Он подошел к буфету, затем склонился над пятном у холодильника. Быков с испугом и удивлением следил за ним.

— Что случилось? — снова спросил Дауге.

— Вам же сказано, — ответил Юрковский. — Мы потеряли бдительность. Мы впустили противника в свою крепость.

— Какого противника?

— Плесень... грибки... — будто про себя проговорил Ермаков. — Мы занесли в «Хиус» споры венерианской фауны, и вот результат... Как я мог забыть об этом? — Он сильно потер ладонями лицо. — Вот что, товарищи. Отставить сон и ужин. Необходимо осмотреть планетолет и тщательно продезинфицировать все помещения ультразвуком. Пока будем надеяться, что ничего опасного нет... но на всякий случай приказываю всем немедленно принять душ и обтереться спиртом.

— Может быть, после? — спросил Юрковский.

— После тоже. Но и сейчас обязательно. За работу, за работу!

Ошеломленные этой новой неожиданностью, встревоженные незнакомыми нотками в голосе командира, межпланетники принялись за осмотр. Кожаная обивка в некоторых каютах оказалась покрытой белесыми пузырьками величиной с булавочную головку. Полимеровая обивка не пострадала. Предметы, содержащие влагу, поросли нитевидной плесенью. На шерстяных ковриках в душевой, на полотен-

цах, на простынях образовались пушистые холмики ржавой паутины. Крутиков с ужасом обнаружил, что все неконсервированные продукты в буфете, в том числе облюбованный им кусочек ветчины, превратились в безобразные коричневые комья, издающие резкий, отвратительный запах, а в нижнем кессоне Быков с ужасом обнаружил чудовищный маслянисто-серый гриб, лопнувший при первом же прикосновении.

Это было настоящим бедствием, и пришлось пройти ультразвуковыми насадками по всем закоулкам.

— Видимо, легкая вода для местной микрофауны гораздо более благоприятна, чем тяжелая, — заметил Юрковский.

— Да... к сожалению... — ответил сухо Ермаков.

Быков на всякий случай окропил дезинфицирующей жидкостью все автоматы и гранаты и спустился, чтобы помочь Дауге, перебиравшему полиэтиленовые пакетики с «вечным» хлебом. Хлеб не пострадал.

— Ты не знаешь, почему Ермаков так встревожился? — спросил он.

— Не знаю. То есть, конечно, гораздо спокойнее было бы без этой пакости... Одно можно сказать: Ермаков не такой человек, чтобы волноваться по пустякам.

Это Быков понимал и сам. Впрочем, Ермаков удовлетворил его любопытство. Когда через три часа усталые до последней степени члены экипажа «Хиуса» сошлись наконец в кают-компании, чтобы поужинать «чем бог послал», как выразился с горьким сарказмом Крутиков (мясной бульон и шоколад), командир сказал, ни на кого не глядя:

— Пять лет назад экипаж американского звездолета «Астра-12», высадившийся на Калисто, погиб от неизвестной болезни, продолжавшейся пятнадцать часов. Думаю, с нами ничего подобного не случится. Имею все основания так думать. Но... будьте осторожны. При малейшем недомогании немедленно сообщайте мне.

Он помолчал, барабанил пальцами по столу, и добавил:

— После ужина всем мыться, обтираться и спать. В вашем распоряжении семь часов сна. Вас, товарищ Крутиков, прошу зайти ко мне.

— Я бы сейчас с наслаждением выпил стаканчик коньяку, — шепнул Быков.

Иоганьч коротко вздохнул.

КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ

Справа и слева медленно ползут отвесные черные скалы, гладкие, блестящие, как антрацит. Впереди все тонет в красноватом сумраке — кажется, что стены бесконечного коридора смыкаются там. Дно расселины, изрытое и перекошенное, покрыто толстым слоем темной тяжелой пыли. Пыль поднимается за транспортером и быстро оседает, хороня под собой следы гусениц. А паверху тянется узкая иззубренная полоса оранжево-красного неба, и по ней с бешеной скоростью скользят пятнистые багровые тучи. Странно и жутковато в этом прямом и узком, как разрез пожом, проходе в черных базальтовых скалах. Вероятно, по такой же дороге вел когда-то Вергилий в ад автора «Божественной комедии». Гладкость стен наводит на мысль об удивительной... может быть, даже разумной точности сил, создавших ее. Это еще одна загадка Венеры, слишком сложная, чтобы решать ее мимоходом.

Впрочем, Дауге и Юрковский не упустили, конечно, случая построить на этот счет несколько гипотез. Раскачиваясь и подпрыгивая от толчков, стучаясь головами об обивку низкого потолка, они разглагольствовали о синклиналях и эпигенезе, обвиняли друг друга в незнании элементарных истин и то и дело обращались за поддержкой к Ермакову и Богдану Спицыпу. В конце концов командир надел шлем и отключил наушники, а Богдан в ответ на чисто риторический вопрос о том, каково его мнение относительно возможности метаморфизма верхних пород под воздействием гранитных внедрений на Венере, серьезно сказал:

— По-моему, рецессивная аллель влияет на фенотип, только когда генотип гомозиготен...

Ответ этот вызвал негодование споривших, но прекратил спор. Быков, понимая в тектонике столько же, сколько в формальной генетике, прекращению спора обрадовался: маловразумительная скороговорка геологов почему-то представлялась ему неуместной перед лицом окутанного красно-черными сумерками дикого и сурового мира, царившего по ту сторону смотрового люка.

Вчера, когда покрытый липкой грязью, волоча за собой длинные плети белесых болотных растений, транспортер вырвался наконец из трясины и тумана на каменистое подножие

черного хребта, пришлось долго колесить взад и вперед в поисках чего-нибудь похожего на проход. Скалы, густо заросшие бурым, твердым, как железо, плющом, казались безнадежно неприступными. Тогда Ермакову пришло в голову использовать для поисков радиолокатор, и искомое было найдено в несколько минут — эта самая расселина, скрытая за буйными зарослями голых ветвей с полуметровыми шипами. С ревом и скрежетом транспортер вломился в эти железные джунгли и, помогая себе растопыренными опорными «ногами», ломая и подминая упругие стволы, ввалился в проход. Выйдя наружу, межпланетники молча глядели на стены, на кровавую полосу неба. Потом Дауге сказал:

— А ведь земля под ногами... дрожит.

Быков не ощущал ничего, но Ермаков отозвался тихо:

— Это Голконда... — и, обернувшись к Быкову, спросил: — Пройдем?

— Рискнем, Анатолий Борисович, — бодро ответил Алексей Петрович. — А если встретим завал или тупик, вернемся и еще поищем, только и всего. Или взорвем...

«Мальчик» двинулся дальше. Часы тянулись за часами, километры за километрами, ничего похожего на тупик или завал не появлялось, и Алексей Петрович успокоился.

Ровно гудит двигатель, поскрипывают и трещат ящики и упаковочные ремни. Все уснули, даже неутомонный Юрковский. В зеркале пад экраном инфракрасного проектора Быков видит внутренность кабины. Спит Богдан, уронив голову на крышку рации. Спит, лежа ничком на тюках, Юрковский. Спит, прислонившись к нему, Иоганьч и морщит во сне свое хорошее лукавое лицо. Рядом кивает серебристым шлемом Ермаков. А мимо смотрового люка, покачиваясь и кренясь, ползут черные блестящие стены — справа стена и слева стена. Свет фар пляшет по изрытой поверхности неподвижных дюп черного праха. Дальше — сумерки, тьма. Где-то там стены раздвинутся, и «Мальчик» выйдет в пустыню. Если впереди нет тупика.

...Кренятся и опрокидываются черные стены, в смотровой люк заглядывает раскаленное небо. Транспортер выбирается из глубокой рывтины, и снова пятна света плывут по волнам черной слежавшейся пыли. Еще ухаб, еще трещина, и еще...

Пройдено двадцать километров по болоту и почти столько же по ущелью. Быков уже пять часов за пультом управления

Одеревенели ноги, ноет затылок, от напряжения или от непривычного сочетания красного с черным слезятся глаза. Но доверить транспортер на такой дороге кому-нибудь, даже командиру, нельзя. С транспортером, конечно, ничего не случится, но скорость... Сам Быков не может позволить себе роскошь дать больше шести — восьми километров в час. Хоть бы скорее кончились эти проклятые скалы!

Ермаков выпрямился и откинул шлем на затылок.

— Как дорога, Алексей Петрович?

— Без изменений.

— Устали?

Быков пожал плечами.

— Может быть, передадите мне управление и поспите?

— Дорога очень сложная.

— Да, дорога скверная. Ничего, скоро выйдем в пустыню.

— Хорошо бы...

Юрковский поднялся и сел, потирая ладонями лицо:

— Ух, славно поспал! Дауге!

— М-м...

— Вставай.

— Что случилось? Фу... А мне, друзья, такой сон снился!..

Иоганнч хриплым голосом принялся рассказывать свой сон, но Быков не слушал его. Что-то случилось снаружи, за прочным панцирем «Мальчика». Стало значительно темнее. Небо приняло грязно-коричневый оттенок, и вдруг в лучах фар закружились, оседая на дно расселины, мириады черных точек. Черный порошок сыпался откуда-то сверху, густо, как снег в хороший снегопад, и скоро не стало видно ни дороги, ни скал. Сигнальные лампочки от наружных дозиметров налились малиновым светом, стрелки на циферблатах альфа-бета-радиометра беспокойно запрыгали. Быков круто затормозил. Транспортер скользнул правой гусеницей в рытвину, развернулся и встал поперек расселины. Тусклый от наполнившей атмосферу пыли свет фар уперся в гладкую базальтовую поверхность.

— В чем дело? — спросил Ермаков.

Быков молча открыл перед ним смотровой люк.

Ермаков помолчал минуту, вглядываясь, затем сказал:

— Черная буря. Я уже видел это.

— Что там такое? — встревоженно спросил Дауге.

Спицыш проворчал, глядя через плечо Быкова.

— Карнавал трубочистов.
 — Что это, Анатолий Борисович?
 — Черная буря. Еще одно свидетельство того, что мы недалеко от Голконды. Выключайте двигатель, Алексей Петрович.

Водитель повиновался, но «Мальчик» продолжал дрожать мелкой неприятной дрожью, от которой тряслось все тело и постукивали зубы. Дробно позвякивал какой-то неплотно закрепленный металлический предмет.

— Голконда близко, — повторил Ермаков.
 — Выйдем? — предложил Юрковский.
 — Зачем? Пыль радиоактивна, разве вы не видите? Потом придется тратить много времени на дезактивацию.
 — Хорошо бы взять пробу этой пакости...

— Можно взять манипуляторами, — предложил Быков. — Разрешите, Анатолий Борисович? — Он повернулся к Дауге: — Выбрасывай контейнер.

Юрковский и Дауге скрылись в кессонной камере, ведущей к верхнему люку, и через минуту в черную пыль перед «Мальчиком» скатился свинцовый цилиндр с винтовой крышкой. Быков положил ладони на рычаги манипуляторов. Длинные коленчатые «руки» выдвинулись из-под днища транспортера, медленно, славно с опаской пошарили в воздухе и опустились на цилиндр. Быков нелепо задрал правое плечо, резко дернул локтями. Клепши манипуляторов вцепились в контейнер.

— Ну-ка! — сказал весело Спицын.
 — Не говори под руку, — процедил сквозь зубы Быков.
 Цепкие клепши отвинтили крышку, подержали открытый контейнер под черным снегопадом, снова закрыли крышку и точным движением отправили контейнер в верхний люк.

— Есть! — крикнул из кессона Дауге.
 Быков втянул манипуляторы в гнезда и вытер пот со лба. Ермаков сказал тихо:

— Мне приходилось два раза наблюдать черный буран. Каждый раз перед этим были сильные подземные толчки.

— Но ведь сейчас, по-моему, никаких толчков не было, — заметил Быков.

— На ходу мы могли не заметить.
 — А земля дрожит все сильнее... — Спицын прислушался. — В устье ущелья тряска была едва заметна, а теперь...
 — Ближе к Голконде...

Юрковский и Дауге вернулись из кессона, оживленно обмениваясь впечатлениями, и Ермаков приказал двигаться дальше. Быков включил инфракрасный проектор. Снова поплыли, покачиваясь, стены расселины. Через полчаса «черный снегопад» прекратился, и полоса неба приобрела прежнюю оранжево-красную окраску. Напряженно манипулируя клавишами управления, Быков краем уха прислушивался к разнообразию голосов у себя за спиной.

Из весьма оживленного разговора Юрковского с Дауге выяснилось, во-первых, что «черный снег» является, несомненно, вулканическим пеплом; во-вторых, что серьезно говорить о радиоактивном вулканическом пепле может только человек, «не способный взять криволинейного интеграла по простому контуру» (подобная характеристика научного бесилия показалась Быкову несколько туманной, но было ясно, что во всяком случае геологи не могут серьезно говорить о радиоактивном вулканическом пепле); в-третьих, что появление «черных буранов», вероятно, связано с деятельностью Голконды; и в-четвертых, что ничего определенного на этот счет сказать пока нельзя.

Несмотря на неясность положения, межпланетники весело позавтракали.

- ...вулканический пепел, ясно даже и ежу...
- Расскажи своей бабушке! Радиоактивный вулканический пепел! Ты долго думал? Геолог!..
- Хорошо, а твое мнение?
- Ясно одно, что эта дрянь ничем не отличается от той, что у нас под ногами... под гусеницами.
- Вполне определенное мнение, ничего не скажешь.
- Заметь, между прочим...
- Она нагрета на двухсот градусов.
- Вероятно...
- А вы как думаете, Анатолий Борисович?
- Тахмасиб считал, что появление черной бури связано с деятельностью Голконды. Но ничего определенного, конечно, сказать нельзя.
- Скорее бы добраться... Анатолий Борисович, чашку какао?
- Да, нам будет где развернуться...
- Прежде всего — разведка... Погоди, куда ты через край...

- Изумительная все-таки загадка — эта Голконда!
- Богдан, передай бутерброд...
- Алеха, держи...

Быков замедлил ход, наскоро проглотил два куска ветчины с хлебом и выпил целый термос шоколада.

- Спасибо.
- Давай-ка запишем... эх, трясет очень.
- Потом запишешь...
- Иоганыч! Ты что это? Заместитель Мишки по продовольственной части?
- А что такое? Второй бутерброд...
- Положим, четвертый!..

После трапезы Ермаков, Дауге и Юрковский сняли показания экспресс-лаборатории. С удалением от болота влажность атмосферы резко понизилась, упала почти до нуля. Увеличилось содержание в атмосфере радиоактивных изотопов инертных газов, окиси углерода и кислорода, температура колебалась в пределах семидесяти пяти — ста градусов. Ко всеобщему изумлению и к восторгу Юрковского, экспресс-лаборатория показала в атмосфере заметные следы живой протоплазмы — какие-то микроорганизмы, бактерии или вирусы жили даже в этом сухом, раскаленном воздухе. Непосредственным результатом открытия явился приказ Ермакова удвоить осторожность при выходах из транспортера и обеспечение при первом удобном случае сделать всему экипажу инъекции комплекса мощных антибиотиков.

Дауге повздыхал немного и объявил, что надеется дожить до того времени, когда Венеру превратят в цветущий сад и в этом саду можно будет гулять без спецкостюмов и без опасения подцепить какую-нибудь пакостную болезнь.

— Вообще назначение человека, — добавил он подумав, — превращать любое место, куда ступит его нога, в цветущий сад. И если мы не доживем до садов на Венере, то уж наши дети доживут обязательно.

Затем последовал его долгий спор с Юрковским относительно возможностей преобразования природы — и в первую очередь атмосферы и климата — в масштабах целой планеты. И Дауге, и Юрковский соглашались, что в принципе ничего невозможного в этом нет, но относительно практических методов разошлись весьма далеко и чуть было не поссорились.

Ущелье окопчилось внезапно. Скалы-стены вдруг опали и расступились, свет фар померк в красноватом сиянии открытого неба. Быков увеличил скорость. «Мальчик» накренился, нырнул в последнюю рытвину, прогрохотал гусеницами по камням, и бескрайняя черная равнина, ровная и гладкая, открылась глазами межпланетников.

— Пустыня! — обрадованно сообщил Быков.

— Останови, Алексей! — дрожащим от волнения голосом попросил Дауге.

«Мальчик» остановился. Торопливо пристегивая шлемы, межпланетники бросились к люкам. Быков вышел последним.

Да, горы кончились. Гряда зубчаток черных скал, уходящая за горизонт, осталась позади. Позади остался и узкий, поразительно ровный проход. Но то, что вначале показалось пустыней, снова было неожиданностью. Во всяком случае для Спицына, никогда не видевшего пустынь. Он не мог себе представить пустыню без рыжих и черных песков, барханов. Перед «Мальчиком» расстилалась ровная, как стол, черная поверхность, по которой стремительно неслись туманные струи мельчайшей черной пыли. Далеко у горизонта, затянутого красноватой дымкой, медленно передвигались тонкие, грациозно изгибающиеся течи, словно исполинские змеи, вставшие на хвосты. И над всем этим — оранжево-красный купол неба, покрытый беспорядочной массой темно-багровых туч, с бешеной скоростью скользящих навстречу «Мальчику».

— Как вам понравится такая дорога? — услышал Быков голос Ермакова.

— Пустыня... — спокойно ответил он.

— Разумеется. Родной вам пейзаж. Правда, здесь нет саксаула, но зато это настоящая Гоби, настоящие Черные Пески.

— Черные-то они, черные... — Быков запнулся. — Ну, а дорога неплохая. Широкая, ровная... Теперь полетим.

— Ура! — дурачась, заорал Дауге. — И запируем на просторе!

Шутя и пересмеиваясь, межпланетники вернулись в транспортер. Настроение заметно поднялось. Только Богдан Спицын задержался у люка, оглянулся вокруг еще раз и сказал со вздохом:

— Здесь совсем как у Стендаля.

— То есть? — не понял Быков.

— Все красное и черное. Понимаешь, мне никогда не правился Стендаль...

Быков снова занял место у пульта. «Мальчик» дрогнул и, набирая скорость, понесся вперед, плавно покачиваясь. Ветер подхватил и рассеял полосу пыли, сорвавшуюся с гусениц. Навстречу мчалась черная пустыня, ветер гнал по ней туманные полосы, горячую пылевую поземку. На красном фоне горизонта гуляли гибкие столбы, вытянутые к тяжелым тучам. Вот вспух маленький холмик, потянулся вверх крутящейся воронкой, влился в тучи — и еще один черный столб погнал по пустыне ветер.

— Смерчи, — проговорил Быков. — Сколько их здесь...

— Лучше не попадать в такую воронку, — заметил Дауге.

— Да, лучше не попадать, — пробормотал Быков, вспоминая, как однажды смерч — куда меньше тех, что гуляют по Венере, но тоже громадный — на его глазах превратил лагерь геологов в центре Гоби в песчаный бархан.

Ветер усиливался. Едва заметный у подножия базальтовой стены, теперь он стучал в лобовой щит транспортера, пронзительно свистел в антенном устройстве. Путь шел в гору, это становилось все заметнее. Транспортёр поднимался на обширное плато. Местами слой песка был сорван ветром, и тогда гусеницы дробно стучали по белым потрескавшимся плитам обнаженного камня.

— Странная, однако, на Венере ночь, — сказал Юрковский, тыча пальцем в багово-красный горизонт. — Ведь, если не ошибаюсь, мы сейчас на почной стороне, Анатолий Борисович?

Ермаков слегка усмехнулся:

— Да, это почь... Красное небо, красные тучи, красный сумрак. Так выглядит почь на берегах Урановой Голконды. За триста километров к югу отсюда — вечный мрак, а здесь, как видите...

— Вечный закат, — пробормотал Спицын.

— Да. — Ермаков быстро взглянул на него. — Да. Именно так говорил Тахмасиб: «Солнце никогда не заходит над Голкондой...» Все это — и черные бури, и вечный закат — все это Голконда, все это загадка. Решать ее начнем мы.

— Скорей бы, — негромко сказал Юрковский, хрустнув пальцами, и отошел вглубь, к Дауге, который писал что-то, устроившись за маленьким откидным столиком.

Спицын, воткнув в шлем пучки разноцветных проводов, склонился над рацией, пытаясь — в который раз уже — связаться с «Хиусом». Дауге и Юрковский принялись обсуждать план изысканий, переходя время от времени на язык жестов, чтобы не орать и не мешать остальным.

Быков передал Ермакову управление, дал несколько полезных советов, забрался на тюки и приготовился соснуть на ближайшие полтора-два часа, оставшиеся, по словам Ермакова, до Голконды. Но заснуть не удалось.

Богдан Спицын вдруг поднял руку, призывая к молчанию. Юрковский обрадованно спросил:

— Что? Есть связь?

— Нет... Но... Погодите минутку.

Он принялся торопливо вертеть рубчатые барабанчики верньеров, затем замер, прислушиваясь.

— Пеленги.

— Чьи? «Хиуса»?

— Нет. Слушайте.

Дауге и Юрковский перегнулись через его плечи. Ермаков оставил управление и тоже наклонился к рации. Дауге протяжно свистнул:

— Оказывается, кто-то уже здесь есть?

— Выходит, так.

— Справа по курсу... Интересно! — Ермаков обернулся к Быкову: — Алексей Петрович, примите управление на минуту.

— Слушаюсь...

Ермаков пристроился рядом со Спицыным и принял от него наушники. Лицо его было встревожено.

— Три точки тире точка. Кто бы это?

Он снял наушники и поднялся.

— За последние десять лет в район Голконды были направлены шесть экспедиций и по крайней мере дюжина всевозможных беспилотных устройств.

— Так, может быть... — глаза Дауге расширились, — может быть, там люди? Потерпели аварию и просят о помощи?

— Сомнительно, — покачал головой Юрковский. — Вы как думаете, Анатолий Борисович?

— Кривицкий на Марсе продержался в своей ракете три месяца. Но он пашел воду...

— Да, воду...

— Так что, скорее всего, это автоматический пеленгатор.

Быков, нетерпеливо ерзавший на своем сиденье, вмешался:

— Ну, будем поворачивать?

— Давайте...

Ермаков думал. Впервые Быков видел, что командир колеблется. Но причины для таких колебаний были достаточно веские, и это знали все.

— Вода, — произнес Ермаков.

— Вода, — как эхо повторил Юрковский.

— Возможно, это все же недалеко? — просительно сказал Дауге.

Ермаков решил:

— Хорошо! В пределах двух часов езды — согласен. Алексей Петрович, поворачивайте. Берите по гирокомпасу, — он снова наклонился над рацией, — шестьдесят градусов примерно. Вот так. И выжмите из двигателя все.

«Мальчик» резво бежал наперерез струям пыли, летящим с севера. Ветер бил в левый борт, и порой удары его достигали такой силы, что Быков «шестым чувством» водителя ощущал неустойчивость машины. Тогда он слегка менял курс, стараясь подставить ударам плотной волны газа с песком лобовую броню, или вытягивал правый опорный шест. Богдан с наушниками сидел за рацией и вполголоса корректировал направление. В зеркале качалось бледное лицо Дауге с закушенной губой. Летели минуты, летели багровые тучи... Раз Юрковский нагнулся и что-то неразборчиво крикнул, указывая вперед. Быков успел заметить сквозь пыль странную стекловидную проплешину в несколько десятков метров в диаметре, посредине которой зияла огромная дыра с рваными краями, затем гусеницы коротко прогрохотали по твердому. Он вопросительно оглянулся на Дауге, но тот, видимо, ничего не заметил и ответил ему недоумевающим взглядом. «Мало ли загадок на Венере, — подумал Быков. — Вперед, вперед!» Дрожащая стрелка спидометра качалась между 100 и 120. Таинственный красно-черный мир пролетал справа и слева, скользил под гусеницы. От мелькания кровавых и угольных пятен рябило в глазах.

— Скорее, Алексей, скорее! — шептал Дауге.

Быков зажмурился и потряс головой. И в этот момент Юрковский крикнул:

— Берите влево, влево! Вот он!

— Планетолет! — одним дыханием прошептал Дауге.

Да, это был планетолет, и даже неискушенному в межпланетных делах Быкову с одного взгляда стало ясно, какая катастрофа постигла этот огромный металлический конус. Видимо, его с невероятной силой швырнуло боком о вершину плоского базальтового хелма, и он так и остался там, среди циклопических глыб вывороченного камня. Широкие лопасти стабилизаторов были смяты и изорваны, как куски жести, а вдоль всей кормовой части проходила извилистая трещина, забитая черным песком. Внизу, у самой земли, виднелось круглое отверстие — пастежь распахнутый люк.

— Да, пеленги автоматические... — глухо сказал Юрковский.

Быков оглянулся на товарищей. Дауге прикусил губу. Красивое лицо Юрковского неподвижно застыло. Спицын покачивал головой, словно человек, увидевший то, что ожидал увидеть. Ермаков, потирая ладонью подбородок, хмуро глядел в смотровой люк.

— Подъезжайте ближе, Алексей Петрович, — проговорил он, — нужно осмотреть...

Когда «Мальчик», перебравшись через груды щебня, остановился под открытым люком планетолета, все стали торпливо застегивать шлемы, готовясь к выходу. Но Ермаков остановил их:

— Незачем ходить всем. Со мной пойдут Быков и Спицын.

В крошечной тьме, подсвечивая себе фонариками, они на четвереньках проползли по перевернутому коридорному отсеку к перекошенной стальной дверце. Быков слышал, как скрипит силикет под коленями и часто стучит кровь в висках.

— Ч-черт... — задыхаясь, бросил Ермаков. — Сил не хватает. Попробуйте вы, Алексей Петрович.

Быков уперся в дверь, нажал. С пронзительным скрежетом она подалась, образовался узкий проход.

— Входите, товарищи...

Они оказались в пустом кубическом помещении — очевидно, в кессоне. В лучах фонариков блеснули обломки разбитых приборов. Ермаков нагнулся, поднял чешуйчатый металлический костюм, внимательно посмотрел.

— Кислородные баллоны пусты, — пробормотал он, — все ясно.

— Смотрите! — сдавленным голосом вскрикнул Спицын.

Быков оглянулся и попятился. Что-то загрохотало под ногами. Позади виднелась узкая полоска света.

— Вход, — сказал Ермаков. — Пошли.

Они миновали освещенную кают-компанию, осторожно перешагивая через обломки мебели и обугленное тряпье, покрытое бурными пятнами — вероятно, когда-то это были простыни, — и протиснулись в рубку.

— Здесь...

На стене, бывшей в свое время потолком, горело матовое полушарие лампы. Треснувшая поперек панель управления была сдвинута с места, из-под нее торчали обгорелые провода. Но радиопередатчик работал, дрожали зеленые и синие огоньки за круглыми разбитыми стеклами. И перед ним, уронив косматую, обмотанную серыми бинтами голову, сидел мертвый человек.

— Здравствуй, бандит Бидхан Бондепадхай, отважный калькуттец, — тихо сказал Ермаков и выпрямился, положив руку на спинку кресла. — Вот где довелось тебя встретить... Ты умер на посту, как настоящий Человек...

Он помолчал, стараясь справиться с волнением. Затем поднял сжатый кулак и отчетливо проговорил:

— Светлая тебе память!

Они подняли тело межпланетника и осторожно положили его на пол.

— Ну что ж, лучшего памятника, чем этот планетолет, для него не придумаешь. — Ермаков склонил голову. — Оставим его здесь.

Быков смотрел на худое, искалеченное тело, наскоро и неумело обвязанное простынями и обрывками белья, и думал о том, что этому человеку, бойцу пауки, наверное, не было страшно умирать одному, за миллионы километров от Земли. Такие не падают духом, не отступают. Такими сильно человечество.

Спицын отошел от радиопередатчика.

— Сам чинил аппаратуру, — вполголоса сообщил он, — и сам наладил автомат-пеленгатор. Но как он уцелел при таком ударе — не могу себе представить. Здесь все разбито вдребезги.

Быков вздрогнул, пораженный новой мыслью:

— Анатолий Борисович, а где же остальные?

— Кто?

— Ну... его спутники.

Ермаков ответил:

— Бондепадхай-джи летел на Венеру один.

Забрав бортжурнал, пленки из автоматических лабораторий и дневники, они тщательно закрыли за собой двери и направились к выходу. Выбравшись из люка, Ермаков сказал, понизив голос:

— Там, в «Мальчике», поменьше подробностей о том, что видели. Спицын, сделайте несколько снимков корабля — и пошли.

В кабине «Мальчика», усевшись за пульт управления, он кратко и сухо рассказал геологам о гибели Бондепадхая.

Дауге спросил только:

— Это тот самый Бидхан Бондепадхай, что основал на Луне обсерваторию? Калькуттец?

Ему никто не ответил, и лишь несколько минут спустя Ермаков, не отводя глаз от смотрового люка, проговорил:

— Эта планета — чудовище... Но мы ее возьмем! Мы ее укротим!

Ермаков был в шлеме, и Быков не видел его лица, но он видел сжатые в кулаки руки, лежащие на панели управления, и знал, что под силикатовой тканью стиснутые пальцы холодны и белы, как мрамор.

«Мальчик» уверенно шел на север, навстречу ветру, обходя смерчи. И вот впереди, гася красное сияние неба, вспыхнуло ослепительное синее, неправдоподобно прекрасное зарево. На его фоне отчетливо проступила сиреневая волнистая гряда далеких холмов. Зарево дрожало, переливаясь бело-синими волнами, в течение нескольких минут. Затем померкло и исчезло.

— Голконда фальшиво улыбнулась нам, — сказал Ермаков. — Идет Черная буря. Алексей Петрович, берите управление. Сейчас, вероятно, нам понадобится вся ваша сноровка.

ВЕНЕРА ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

Позже Быков никогда не мог восстановить в памяти с начала и до конца все то, что произошло через несколько минут после слов командира. Еще меньше могли бы рассказать остальные, не успевшие или не пожелавшие наглухо пристегнуть себя к сиденьям. Черная буря Голконды не приносится и не налетает ураганом — она возникает мгновенно,

как отражение в зеркале, сразу и справа, и слева, и спереди, и сзади, и сверху, и снизу. Взглянув на инфразэкран, Быков успел только заметить исполинскую чернильно-черную стену в сотне метров от «Мальчика» — и наступила тьма. Здесь кончались впечатления и начинались ощущения.

Транспортер был отброшен назад со скоростью курьерского поезда, и Быков с размаху ударился головой в шлеме о переднюю стенку. Из глаз посыпались искры. Быков зашипел от боли и вдруг почувствовал, как «Мальчик» задирает нос, становясь на дыбы. Ремни впились в тело, затрещали, но выдержали. Вокруг, в крошечной тьме, визжало и грохотало; вцепившись в пульт управления, оглохший, ослепший, задохнувшийся от страшного напряжения, Быков дал полный, самый полный вперед и выбросил одновременно все четыре опорных рычага. Задний правый сломался через секунду. Тьма закрутилась бешеной каруселью. «Мальчик» повалился набок, прополз несколько десятков метров по песку и перевернулся вверх дном. Уцелевшие рычаги приподняли его, и буря сделала все остальное — транспортер снова встал на гусеницы.

Как всегда в минуты смертельной опасности, мозг работал быстро, холодно и четко. Быков сопротивлялся, слившись с великолепной машиной, напрягая все мышцы, следя расширенными остекленевшими глазами, как на экране в бездонной мгле возникают дрожащие голубые клубки. «Удержаться, удержаться!...» На экране плясали ослепительные шары, беззвучно взрывались, разбрызгивая огонь, в грохоте и вое бури, гусеницы многотонной машины вращались с бешеной скоростью, сверхпрочные титановые шесты впились в почву, но «Мальчик» отступал. Буря снова повалила его, поволокла. «Удержаться, удержаться!...» Уау-у, уау-у... — ревет, и воет, и грохочет, надрывая барабанные перепонки. На губах какая-то липкая слякоть... Кровь? А-ах! Быков повисает на ремнях головой вниз, бессознательно надавливает клавиши... А на экране скачут косматые огненные клубки... Шаровые молнии? А-ах!.. «Удержаться, что бы там...» И снова «Мальчик» бросает на корму...

Потом все кончилось так же внезапно, как и началось. Быков выключил двигатель и с трудом снял руки с пульта управления. В смотровой люк снова заструился красноватый свет, показавшийся теперь прекрасным. В наступившей

тишине торопливо и четко застрекотали счетчики радиации. Быков оглянулся. Ермаков непослушными пальцами путался в ремнях. Богдан Спицын без шлема сидел на полу около радиции, очумело крутя головой. Лицо его было вымазано черным до такой степени, что Быков даже испугался — пилота-радиста было трудно узнать. Ермаков отстегнулся наконец и встал. Ноги у него подгибались.

— Ну, знаете, чем так жить... — проговорил Богдан. Белые зубы его блеснули в спокойной улыбке. — Неужели молодость и нашей Земли была такой беспокойной?

Из-под столика у стены выполз Дауге, встал на четвереньки, попробовал подняться, но потом, видимо раздумав, выругался по-латышски, снова сел, прислонившись к тюкам, и стянул шлем. Его мутило. Юрковского долго не могли найти под грудой развалившихся ящиков. Он был без сознания, но сразу пришел в себя и, открыв глаза, осведомился:

— Где я?

Быков облегченно улыбнулся, а Богдан серьезно сказал:

— В «Мальчике». «Мальчик» — это такой транспортер...

— К черту подробности! На какой планете?

— Поразительная способность — в любых условиях цитировать бородатые анекдоты, — злобно проговорил Дауге. Он сидел в прежней позе, с отвращением рассматривая содержимое шлема, лежащего на коленях. — Вот они, твои бутербродики! Все здесь... Пожалел, скупердяй!..

Юрковский сразу поднялся, задыхаясь от восторга.

— Шер Дауге! Знаешь, какого ты сейчас цвета?

— Знаю. Желтого. Бутерброды были с сыром...

Спицын захохотал, размазывая по лицу черную грязь, Юрковский вытянул руки по швам — равняясь на Дауге, который, отставив от себя подальше шлем, понес его, как полную чашу, направляясь к выходу.

— К церемониальному маршу! Равнение на середину!..

Дауге споткнулся о тюк, без малого не уронил свою ношу и яростно выразился.

— ...И скажет: ветренная Геба,

Кормя Зевесова орла,

Громокипящий кубок с неба,

Смеясь, на землю пролила; —

ликующе провозгласил Юрковский.

— Товарищи межпланетники! — прозвенел голос Ермакова. — Немедленно надеть шлемы! Тревога!

Быков, только что собиравшийся снять шлем, удивленно обернулся.

— Пыль! Радиоактивная сажа! — Ермаков склонился у стены в напряженной позе. — Надеть шлемы! — Спицын — мыться немедленно! Приготовиться к дезактивации!

Быков понял. Стены, пол, ящики и тюки, приборы, костюмы, лицо Спицына — все было покрыто налетом тончайшей черной пудры, вбитой чудовищным напором бури в микроскопические, почти капиллярные зазоры закрытых люков. Запыленный колпачок индикатора мерцал зеленым, и сразу все услышали стрекотание радиометров. Юрковский стал торопливо шарить пальцами у застежек спецкостюма. Богдан кинулся в умывальную. Дауге поколебался мгновение, но под тяжелым взглядом командира решительно сунул голову в шлем.

— Алексей Петрович, осмотрите «Мальчика» снаружи, — коротко приказал Ермаков и тоже надел серебристый колпак.

Снаружи было удивительно тихо. Ветер, непрерывно дувший с Голконды, прекратился. Исчезли гигантские смерчи, еще полчас назад мотавшиеся у горизонта. Быков прыгнул с борта «Мальчика» и по колени ушел в мягкую черную пыль. Почва дрожала так сильно, что у Быкова застучали зубы. В наушники поминутно врвался глухой грохот.

— Голконда! — Быков впился глазами в холмистый горизонт.

В багровом мареве то обрисовывался, то снова пропадал далекий, очень далекий горный хребет, колеблясь в восходящих потоках раскаленного газа. Бу-бу-бу-бу, — рокотало оттуда.

«Мальчик» стоял дыбом, слегка накренившись на правый борт, похожий на огромного черного искалеченного паука. Под днищем намело мягкий холм, коленчатые стержни грубо ушли в пыль.

Обойдя транспортер спереди, Быков увидел широкие полужасыпанные борозды, тянущиеся на несколько десятков метров, — это были следы отступления. Они казались неглубокими, но, вступив в одну из борозд, он провалился по пояс.

Правый задний опорный шест висел «на ниточке». Натиск бури вывернул титановую «кость» из сустава, и она бессиль-

но вытянулась, полужасыпанная черным прахом. Это можно было починить, но прежней прочности уже не вернешь. Быков вздохнул и принялся за работу.

Ремонт подходил к концу, когда Быков, увлеченный работой, услышал над ухом голос Ермакова:

— Как дела? Мы уже справились...

Командир спрыгнул с транспортера, присел рядом на корточки.

— Легко отделались. Я вижу, вы тоже заканчиваете.

— Д-да... — пропыхтел Быков. — Жалко «Мальчика». Покалечил ножку, бедняга.

Став на колени, он критически рассматривал результаты своей работы.

— Годится для увеселительных прогулок... Плохо, Анатолий Борисович, сами видите... — Он вздохнул и принялся собирать инструменты. — Надо было мне уступать. Все уцелело бы...

Командир усмехнулся.

— Вы знаете, сколько времени длился ураган? — спросил он неожиданно.

— Ну... минут двадцать... Трудно сказать, я не засекал по часам.

— А я следил: три с половиной минуты.

— К-как?

— Три с половиной минуты, Алексей Петрович, и за это время нас отбросило на тысячу метров. Если бы вы уступили, «Мальчик» был бы сейчас за сто километров отсюда... И валялся бы разбитый вдребезги вдобавок. Вы и не подозреваете, какой вы молодец, Алексей Петрович! — Он нежно погладил стальной рычаг. — А теперь — вперед! Дорога открыта, Голконда рядом. Слышите? (Бу-бу-бу-бу...) Километров пятьдесят. Ее уже видно — вон те черные пятна... Нет, это не горы — это клубится Голконда.

Перед тем как последовать за командиром в люк, Быков оглянулся. И вот, как в странном тумане, у горизонта возникли, расплываясь, широкие лиловые полосы. Рябило в глазах. Быков зажмурился, потряс головой. Полосы исчезли.

— Только этого и не хватало! — пробормотал он, карабкаясь по броне. — Галлюцинации... Милое дело!

Внутренние кабины «Мальчика» были чисто вымыты, блестели металлом и пластмассой. Груз аккуратно уложен и

закреплен. Взъерошенный, с мокрыми после мытья волосами, Богдан возился у рации. Геологи сидели в своем уголке за откидным столиком. Юрковский быстро листал какой-то справочник, посовистывая сквозь зубы. Тихо, мирно, уютно... Быков сразу захотел спать — сказывалось нечеловеческое напряжение последних часов. Глаза слипались.

— Анатолий Борисович...

— Спать, спать! — быстро прервал его Ермаков. — Немедленно спать.

— Слушаюсь! — обрадованно сказал Быков и присел на тюки, снимая шлем.

Дауге следил за ним с дружеской улыбкой. Но, когда Быков снял колпак, Дауге вскочил на ноги и издал страшный звук, изумивший Алексея Петровича и заставивший всех разом оглянуться.

— Мамо ридна, помичньця межпланетнькив усёго свиту! — пробормотал Юрковский, неумело крестясь. Спицын ахнул. Ермаков резко поднялся.

— Ч-что такое? — растерянно спросил Быков, оглядывая себя.

— Подожди, подожди, Алексей, что это? — заикаясь, проговорил Дауге.

— Да в чем дело?!

— У вас все лицо в крови, Алексей Петрович, — сказал Ермаков. — Вы, вероятно, ударились лбом при толчке.

— Ударился один раз, — пробормотал водитель, ощупывая нос.

— Не трогайте руками... Сейчас я вам промою ссадину... Да не трогайте вы руками, говорю!.. Владимир Сергеевич, дайте ему зеркало.

На лбу чернела огромная ссадина, нос распух, нижняя губа приняла необычайную форму и все еще сочилась кровью. Щеки были разрисованы замысловатым узором. Быков сердито отстранил зеркало.

— Действительно, мама родная...

— Ничего опасного. — Ермаков быстро и ловко промыл ранки. — Эффектно, но не страшно... Но вот как вы ухитрились этого не заметить и не почувствовать?..

— Так, ссадило немножко... Кто мог думать?..

— Я лично этому отнюдь не удивляюсь, — сказал Дауге.

— Чему?

— Тому, что ты ничего не почувствовал. Я, например, чувствовал только, что все время стою вверх ногами и придерживаю языком желудок...

— Не мог ты все время стоять вверх ногами... Спасибо большое, Анатолий Борисович. Все в порядке.

Быков повесил шлем на крюк и, побряхтывая от наслаждения, полез на тюки.

— То есть нисколько не сомневаюсь, что «Мальчик» иногда и стоял на гусеницах в этой чертовой каше... Я слишком о нем высокого мнения, чтобы сомневаться. Но лично я точкой опоры имел собственную голову... в течение всего рассматриваемого периода.

— Это хорошо сказано — «точка опоры»... Люблю конкретность формулировок, — заметил Юрковский, снова принимаясь за справочник.

— Намеков не понимаю... Да... А вот почему это было так — это совершенно неясно.

— Еще одна загадка, — сказал Спицын.

— И решение не лежит на поверхности, — подхватил Юрковский.

Дауге что-то сказал — что-то про «человекоподобных рабботников науки», — но Быков уже спал.

Большой белый корабль нес его, плавно покачиваясь, по широкой синей реке. Ярко светило солнце, далеко-далеко темнели берега за голубоватой дымкой, а над водой носилась ослепительно белая стремительная птица. Качка становилась все сильнее, палуба уходила из-под ног. Кто-то закричал: «Бу-бу-бу! Ну и дорожка!» Быков полетел за борт, дрыгнул ногами и проснулся. Транспортёр швыряло и подбрасывало. Ермаков вел машину, а остальные, цепляясь друг за друга, сгрудились у него за спиной, глядя на экран.

— словно клыкастые зубы, — заметил Богдан Спицын. — Престарелая богиня красоты, и мы у нее в зубах.

Быков слез со своего жесткого ложа и, подобравшись к товарищам, просунулся между Богданом и Дауге. Пустыня коичилась. Обходя нагромождения серого камня, «Мальчик» шел через лес гладких прямых столбов. Над горами камня торчали, возвышаясь на много метров, черные острокопечные скалы — сотни их виднелись вдали. Почва была изрыта трещинами и воронками, поросшими жестким плющом. Колочие ветки обвивались вокруг уткнувшихся в низкое небо

скалистых башен. Каменная чаша обступала транспортер. Богдан был прав — скалы удивительно напоминали старые редкие зубы.

Тряска становилась невыносимой. Юрковский вдруг замычал, затряс головой — прикусил язык. Быков тронул плечо Ермакова:

— Надо остановиться, Анатолий Борисович, здесь легко пропороть брюхо «Мальчику».

Ермаков кивнул. Он подвел машину к ближайшему столбу и выключил двигатель.

— Надо разведать дорогу, — сказал Быков, нагибаясь к смотровому люку. — Может быть, следует вернуться и обойти это место.

— Нет! — отрезал Ермаков. — Полоса скал тянется, вероятно, далеко. У нас нет времени.

— Нужно рвать скалы. Несколько мин — только и всего, — предложил Богдан Спицын.

Ермаков подумал, затем решительно поднялся:

— Проведем разведку. Вчетвером. Водитель остается у машины.

— Слушаюсь.

— На разведку, на разведку! — обрадованно запел Дауге, размахивая геологическим молотком.

— Молоток оставить, — приказал Ермаков. — Взять только оружие.

— Анатолий Борисович, ведь мы ни разу...

— Нет времени. Юрковский, Спицын, быстрее! Быков, от машины не отходить. Даже если услышите выстрелы... Все готовы? Пошли.

Быков выбрался вместе со всеми, присел на броню. Он сидел на чуть выступающей командирской башенке «Мальчика» и смотрел, как удаляются по расходящимся путям человеческие фигурки — маленькие, словно мошки, среди тяжелых потрескавшихся валунов. Юрковский с Богданом уходили вправо, Ермаков с Дауге — прямо. Некоторое время он еще слышал голос Юрковского, уверявшего, что здесь лучший в мире геологический заповедник, веселый смех Богдана, бодрый басок Иоганыча, напевавшего песенку про аргонавтов, потом все затихло. Быков остался один.

По небу по-прежнему неслись тучи, ветер ревел в вышине среди черных столбов, несколько раз раздавался отрывистый

треск — Быкову казалось, что это сигнальные выстрелы, и он подскакивал на месте и оглядывался. Потом он понял, что это ветер сталкивает валуны друг с другом, однако спустился в машину, достал автомат, перекинул через плечо. Почву сотрясали тяжелые удары.

Удивительно все-таки мрачное место! Впереди, сзади угрюмые голые столбы, словно колонны огромного разрушенного здания. Быков представил себе: когда-то здесь стоял великолепный древний дворец. В нем не было комнат — только роскошные колонны черного камня. Меж колонн с достоинством выступали люди в белых как снег одеждах — благообразные бородатые мудрецы, изящные женщины, воины в медных шлемах, со щитами... Как на рисунке, который ему как-то пришлось видеть в историческом романе об Атлантиде... Потом налетела Черная буря, разрушила свод; свод рухнул, провалился между колоннами. Все погибло, и среди пустыни остался только лес безмолвных черных гладких столбов...

Быков вдруг вскочил, схватился за автомат. Ему показалось, что из-за ближайшей колонны бесшумно выдвинулся огромный темный человек ростом с дом и замер, приглядываясь. Нет, это просто каменная глыба. Валуны поражали причудливостью форм. Успокоившись, он принялся разглядывать самые близкие, отыскивая знакомые очертания. Вот спящий лев; смеющаяся физиономия в шапке; гигантская жаба; что-то вообще непонятное с рогами и вытаращенными глазами... Каменные дебри жили своей неподвижной дремотной жизнью. Тихонько, так, чтобы незаметно было, дышали, подрагивая боками, замершие странные звери, поглядывали украдкой из-под тяжелых зажмуренных век на пришельцев из другого мира. Тигры, ящеры, драконы — каменное население каменного венерианского леса.

Быков подумал, что здешний край все-таки очень беден жизнью. На Земле в пустыне увидишь змею, скорпиона, паука-фалангу; на краю пустыни — сайгу... А здесь? Правда, на болоте жизни много, даже чересчур, пожалуй, но в горах и в пустыне — только жесткие колючки, растущие прямо из камня... Когда «Мальчик» еще выбирался из горного кольца около болота, Быкову почудилось, что какая-то стремительная тень скользнула вдоль стены и скрылась в колючих зарослях. Но это, наверное, обман зрения... Гиблые места...

Быков вспомнил зеленый ковер весенней травки, поникшие ветви карагачей, белые глинобитные домики окраин, журчание воды в арыке — вздохнул грустно: Земля, Земля...

Вдали из-за валуна выпрыгнула черная фигурка — возвращаются! Быков поднялся во весь рост, присматриваясь. Кто-то неторопливо шел, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Вот споткнулся, чуть не упал, в наушниках Быкова слабо скрипнул голос. Юрковский! Чертовски приятно видеть человека на этом каменном кладбище. Идет, не торопится, и голос сердитый — видно, дороги нет... Плохо дело, придется рвать скалы... волокита... Быков опять вздохнул, потом невольно рассмеялся: эх его, однако, качает! Геолог нелепо взмахнул одной ногой, изогнулся и съехал с большого валуна, через который перебирался, желая, видимо, сократить путь. Наушники донесли взрыв негодования. Алексей Петрович улыбался — приятно, удивительно приятно видеть здесь человека! Юрковский, в конце концов, вовсе не плохой парень и действительно совсем не пижон. Но любит задирать нос и вообще... поэт. Быков не очень понимал стихи и к романтике относился скептически. В жизни еще слишком много прозы, чтобы заниматься поэзией, а из каждых десяти романтиков девять не стоят скорлупы от съедаемых ими яиц...

Юрковский подошел, тяжело дыша. Стащил через голову автомат, с отворачиванием бросил его на броню, присел на булыжник. Быков спросил, выждав:

— Есть дорога?

Юрковский махнул рукой:

— Валуны, ямы какие-то, черт бы их драл... — Торчат обломки из песка — метра по полтора, острые как бритва, а там, — он махнул рукой в сторону, откуда пришел, — метров через двести эти Венерины зубки сплошной стеной, человек не пролезет. Короче говоря, тупик. Придется вам, водитель, поворачивать свои бронированные оглобли. Кто-то из умников предлагал взять на «Хиус» вертолет. Чудак! Здесь бы эту машинку через три секунды в щепки разнесло...

— Может быть, Ермаков с Дауге дорогу найдут...

— Возможно, хотя и сомнительно; наверное, придется искать обход: не взрывать же все подряд! Я бы на вашем месте начал разводить пары.

Юрковский вскарабкался на броню, сел рядом с Быковым, вытянул ноги и постучал ступней о ступню.

— А Голконду-то слышно! Чуете, Алексей Петрович? Чудесный край загадок и тайны... Дикая, первозданная природа! Людским дыханием не оскверненный воздух и бездорожья истоптанный простор, а?..

Быков неопределенно помычал. Манера Юрковского разговаривать раздражала. И великолепный «романтизм» его казался нелепым, позерским. Он, Быков, считал, что «Хиус» прокладывает дорогу для тех, кто пойдет вслед за ним, покончит с «истоптанным бездорожьем», изменит здесь климат, построит прекрасные города... и тогда на этом самом месте можно будет выпить кружечку холодного пива, как в павильоне на углу Пролетарского проспекта и улицы Дзержинского в Ашхабаде...

— А вот еще загадка... — «пижон» протянул руку.

Над вершинами скал беззвучно возникли и протянулись по небу давешние лиловые переливающиеся полосы. Быков вскочил.

— Ага! — Вы их тоже видите!

— Что значит «тоже»? — удивился Юрковский. — Трудно не увидеть...

Полосы медленно погасли, словно растаяли в багровом свете.

— Вдали показались еще две фигурки — они поднялись на валун, одна помахала рукой. Быков махнул в ответ.

— Вот и Ермаков с Дауге. Что же Богдан? Вы разошлись с ним, что ли, Владимир Сергеевич?

— Да, видно, разошелся, — рассеянно ответил Юрковский, следя за приближавшимися товарищами. — Здесь легко разойтись — за десять шагов из-за камней ничего не видно, а я возвращался другой дорогой. Он давно ушел?

— Как это — ушел? Вместе с вами...

— Что? — спросил Юрковский, очевидно не расслышав его слов.

Быков промолчал, соображая. Что он, смеется, что ли, чужак?

— Там же ерунда какая-то была, течь в кислородном баллоне. Неполная герметичность...

— Что такое? — Быков ощутил странное беспокойство. Он не понимал Юрковского.

Тот, по-видимому, тоже удивился:

— У Богдана что-то случилось с кислородным баллоном. Он сказал мне, чтобы я не задерживался, а сам вернулся к

«Мальчику» взять новый... На всякий случай. Вы что — отлучались, что ли, Алексей Петрович?

— Богдан вернулся к «Мальчику»?

— Вернулся. Взять новый баллон...

— Богдан не возвращался к «Мальчику», — с трудом выговорил Быков, ощущая во всем теле томительный холодок нехорошего предчувствия.

— Не возвращался?

Оба они вскочили одновременно и уставились друг на друга, едва осознавая тяжесть надвигающейся беды. Быков не видел лица Юрковского и только вдруг совершенно перестал слышать его дыхание.

— Осторожнее, осторожнее, Анатолий Борисович... Вот так!.. — раздался голос Дауге.

Быков оглянулся. Дауге и Ермаков подходили к транспортеру. У геолога на шее висело два автомата, он поддерживал командира под руку. Ермаков шел медленно, сильно припадая на правую ногу. Не доходя нескольких шагов, он проговорил сквозь стиснутые зубы:

— Готовьтесь, водитель. Там можно пройти. Все в машину!

Неожиданно Юрковский спрыгнул на землю, подхватил автомат и, не говоря ни слова, кинулся прочь, скользя и спотыкаясь на каменных обломках. Быков отстал от него на секунду.

— Дауге! — рявкнул он таким голосом, что тот вздрогнул и вытянулся. — Один автомат командиру — и за Юрковским, живо!.. Анатолий Борисович, вероятно, с Богданом беда. Разрешите идти?

— Идите! — крикнул Ермаков.

Дауге уже бежал впереди, путаясь в колючих стеблях плюща. Быков бросился за ним. Ноги разъезжались, срывались с гладкого камня. Почва — крупный щебень пополам с булыжниками, припорошенными песком и пылью, — уходила из-под ног, щетилилась острыми обломками. Быков сразу покрылся потом. «Скорее, скорее», — стучало в висках. Мысль работала быстро, четко. Либо Богдан подвергся нападению («Вряд ли — скалы мертвы...»), либо поскользнулся, расшибся, лежит без сознания («Тогда найдем, непременно найдем...»), либо заблудился («Но почему тогда не стреляет, не зовет?»). Хлестко ударила автоматная очередь.

Богдан!.. Нет, это Юрковский. Правильно, молодец, включил сигнальный магазин, забрался на валун, на тот, что похож на жабу, оглушительно бьет из автомата в низкое небо. Перестал, прислушивается... Нет ответа, нет... Камень отвечает замысловатым раскатистым эхом, да воет ветер в вершинах остроконечных скал...

Быков сидел, прислонившись спиной к груди тюков, медленно жевал прессованную ветчину, жадно запивая фруктовым соком из нейлонового стаканчика. Тяжело, с хрипом дышал во сне Дауге. Он свалился где сидел, прямо на полу. Темное лицо его еще больше почернело, щетинистые щеки ввалились. Время от времени он торопливо бессвязно бормотал что-то по-латышски, судорожно шевеля губами. Над рацией склонился неподвижный Ермаков. Глаза его были закрыты, только тихонько двигались белые сухие пальцы на блестящей кремальере. Он прощупывал эфир, пытаясь связаться с «Хиусом». Раньше это всегда делал Богдан. Богдан... Над головой по пласт-броню постукивают медленные, усталые шаги. Это Юрковский.

Юрковский считает себя виновным в несчастье с Богданом. Дауге и Быков пытались переубедить его, но безуспешно.

— Я не должен был отпускать его одного, — твердил он, глядя на товарищей пустыми глазами.

Бедный Богдан... Бедный Юрковский...

Двенадцать часов бродили они по каменным дебрям.

Глухое эхо отвечало на выстрелы, мерно рокотала далекая Голконда, гулко лопались горбатые валуны, заставляя их вздрагивать и озираться. Богдан не отвечал. Они находили стреляные гильзы — там, где побывали уже сами. Полустертые следы ног — своих собственных ног. Богдан не откликнулся... Они почти не разговаривали друг с другом, только иногда, когда Дауге или Юрковский пытались отделиться от маленького отряда, Быков приказывал им вернуться голосом, которого не узнавали ни они, ни он сам. Несколько раз им казалось, что откуда-то издалека доносятся выстрелы, — они опрометью бросались туда, стреляя на ходу, и всегда оказывалось, что они ошибались. Пот заливал глаза, ноги подгибались и дрожали. Все чаще они спотыкались и падали, и все труднее им было подниматься. Наконец Юрковский упал, а Дауге, пытаясь ему помочь, свалился сам. Быков подошел

к ним и опустился на щебень, с трудом подогнув одеревеневшие ноги. Некоторое время он смотрел, как Юрковский, задыхаясь, пытается подняться, еле шевеля руками, не поднимая отяжелевшей головы, потом сказал:

— Пошли к «Мальчику»... Надо передохнуть.

— Не-е-ет! — яростно просипел Юрковский.

Но они все-таки пошли назад, и Быков нес все три автомата и вел Юрковского, придерживая его за плечи, Дауге, шатаясь, шел впереди, не выбирая дороги, и, когда он останавливался, припикнув к скале, Быков подходил к нему и толкал в спину. Геолог с трудом отрывался от камня и, спотыкаясь, брел дальше. Он казался ослепшим от усталости, но именно он первый заметил широкую черную расселину и на краю ее тускло поблескивающий автомат Богдана. Дауге закричал и упал на колени, невнятно бормоча, тыча слабой рукой в пропасть...

Когда «Мальчик», грузно переваливаясь на камнях, подполз к трещине, Быков обвязался стальным тросом и спустился вниз. Он слышал, как наверху хрипло зовет Юрковский: «Богдан! Богдан!...» На дне расселины Быков при свете фонарика увидел груды камня, песок, обломки колючих ветвей плюща, щебень... Он бродил во тьме полчаса, ощупал каждый камень, осмотрел каждую трещинку... Богдана не было. У него еще хватило сил выбраться из расселины и залезть в машину. Там он упал и заснул...

Быков допил сок, собрал крошки, бросил их в мусоросборник. Ермаков не шевелился. Дауге вдруг поднялся, тараща мутные глаза, и бросился к нему:

— Богдан! Богданьч! Нашелся, родной! — Голос его упал, он как-то сразу обмяк, сел, растирая лицо обеими ладонями. Помолчав, проговорил: — Простите, Анатолий Борисович... Померещилось, — и принялся надевать шлем дрожащими руками.

Ермаков только глянул на него бегло и отвернулся.

— Мы, пожалуй, попробуем еще раз, Анатолий Борисович, — сказал нерешительно Быков.

— Да, — беззвучно шевельнул губами Ермаков.

Прошло еще восемь часов, полных предельного напряжения, надежд и горьких ошибок. Поиски были напрасны.

Ничего! Никаких следов. В километровом радиусе вокруг «Мальчика» межпланетники обыскали каждую трещинку. В расселину, рядом с которой был найден автомат, спускались

четыре раза. Они не могли сделать большего, и Юрковский глухо рычал, в бессильной ярости сжимая большие руки. Если бы Богдан погиб у них на глазах, в бою или под обвалом, если бы они нашли хотя бы его тело — им было бы легче.

Ермаков молчал. Каждый раз, когда товарищи уходили на поиски, он с трудом, волоча вывихнутую ногу, выползал наружу и часами сидел около транспортера, положив на колени автомат, — ждал сигнала. Пока остальные отдыхали, измотанные многочасовой ходьбой, он дежурил наверху или пытался связаться с «Хиусом». Ермаков ждал и боялся разговора с далеким штурманом, но, когда наконец радостный голос Михаила Антоновича донесся из репродуктора, прерываемый раздражающим треском помех, командир заговорил в спокойном, даже слегка шутливом тоне. Сказал, что цель близка, все в порядке, настроение бодрое. Немного задержались в скалах из-за плохой дороги, но это не страшно. Все члены экспедиции шлют привет. Прислушиваясь к этому разговору, геологи молчали одобрительно — Михаилу ни к чему знать все. Ему и так несладко в одиночестве.

В этот день Юрковский сделал последнюю безумную попытку раскрыть тайну исчезновения Богдана. Опытный скалолаз, он ухитрился взобраться на вершину одного из самых высоких столбов метрах в ста от «Мальчика». Тридцатиметровая черная громадина была расколота вдоль, и, упираясь в края трещины, геолог с нечеловеческой ловкостью вскарабкался на нее, чтобы осмотреть окрестности.

Быков и понурый Дауге терпеливо стояли у подножия. Потом, когда Юрковский спустился вниз и отдыхал, упираясь спиной в гладкий камень, они так же терпеливо ожидали, что он скажет.

Но Юрковский сказал только:

— Голконда близко... Как на ладони...

Ермаков ждал их около «Мальчика», пропустил в люк, пролез сам и, когда все сняли шлемы, сказал очень тихо:

— Выступаем через час.

Быков не удивился — он ждал этих слов. Даже если бы кислородный баллон Спицына был исправен, запасы кислорода в нем должны были кончиться уже давно, а то, что мог вытянуть из венерианской атмосферы кислородный фильтр, могло затянуть агонию удушья только на тридцать — сорок часов. Богдан Спицын был мертв.

Но, когда Ермаков объявил, что «Мальчик» выступает, Юрковский стиснул руки, а Дауге поднял темное лицо с усталыми, запавшими глазами.

— У нас нет времени. Оставаться здесь дольше я не считаю возможным и... целесообразным.

Юрковский, шатаясь, поднялся:

— Анатолий Борисович!..

Ермаков молчал. Юрковский, беззвучно шевеля губами, прижимал к груди трясущиеся руки. Дауге снова понурил голову. Молчание длилось бесконечно, и Быков не выдержал. Он поднялся и направился к пульта управления. И тогда, высокий, надорванный, прозвенел голос Юрковского:

— Я не уйду отсюда!

Глаза его блуждали, на белых щеках вспыхнули красные пятна.

— Он здесь, где-то рядом... может быть, он еще... Я не уйду... — голос сорвался, — Анатолий Борисович!

Ермаков проговорил мягко, убеждаяще:

— Владимир Сергеевич, мы должны идти. Богдан умер. У него нет кислорода. Мы должны выполнить свой долг. Мы не имеем права... Вы думаете, первым экспедициям в Антарктике было легче? А Баренц, Седов, Скотт, Амундсен?.. А наши прадеды под Сталинградом?.. Смерть любого из нас не может, не должна остановить наступления...

Никогда Ермаков не произносил столь длинных речей.

Юрковский, цепляясь за стены, придвинулся к Ермакову:

— Мне плевать на все!.. Мне плевать на Голконду! Это подло, товарищ Ермаков! Я не уйду! К черту! Я остаюсь один...

Быков увидел, как лицо Ермакова стало серым. Командир планетолета не шевельнулся, но в голосе пропали дружеские нотки:

— Товарищ Юрковский, прекратите истерику, приведите себя в порядок! Приказываю надеть шлем и приготовиться к походу!

Он резко повернулся и сел за пульт управления. Юрковский, весь сжавшись, будто готовясь к прыжку, следил за ним дикими глазами. Он был жалок и страшен, и Быков, не сводя с него глаз, шагнул к нему. Но не успел: стремительным кошачьим движением, выпрямившись, как стальная пружина, геолог рванулся к люку. В руках его вдруг оказался автомат.

— Так? Да? Так? — выкрикнул оп. — Пусть! К черту! Я остаюсь один!

Быков схватил его за плечо.

— Куда? Без шлема, сатана!..

Юрковский ударил его прикладом в лицо, брызнули темные капли на силикотовую ткань костюма. Быков, навалившись, рвал у него из рук оружие, ломая пальцы. Оба рухнули на пол. Юрковский сопротивлялся бешено. Перед глазами Быкова блеснули оскаленные зубы, в ушах хрипел задыхающийся шепот:

— Сволочь!.. Пусти, гад!.. Кирпичная морда... Жандарм, сволочь!..

Быков вырвал наконец автомат, отбросил в сторону. Пол качнулся, раздался визгливый скрежет — «Мальчик» разворачивался, уходил от проклятого места, от ненайденной могилы, лязгая сталью по серому камню.

— Иоганыч!.. Что же ты? Иоганыч... Богдан... — Юрковский застонал, запрокинув лицо. Быков выворачивал ему руки.

— Надо, Володя, надо! — Дауге стоял над ним, держась за качающиеся стены. Перекошенное землистое лицо. Потухшие глаза. Мертвый, чужой голос: — Надо, Володя, надо... будь оно все проклято!..

НА БЕРЕГАХ ДЫМНОГО МОРЯ

— Выйдем здесь.

— Слушаюсь, Анатолий Борисович. Дайте-ка я вам помогу... Вот так... Иоганыч, поддержи...

Быков выглянул из люка, невольно зажмурился, вылез на броню и протянул руку Ермакову. За командиром выбрался угрюмый Дауге, и только Юрковский остался лежать в транспортёре, повернувшись лицом к стене.

Вот она, Голконда!.. В километре от «Мальчика» клубилась над землей серая пелена дыма и пыли, протянувшаяся вправо и влево до самого горизонта. Пелена шевелилась, вспучивалась, колыхалась огромными волнами. А вдали, заслоняя полнеба, вздымалась исполинская скала-гора, угольно-черная, озаряемая ослепительными вспышками разноцветного

пламени. Вершина ее тонула в бегущих багровых тучах. Оглушительный грохот неся из недр этого чудовищного, вечно бурлящего котла, и почва вздрагивала, уходя из-под ног, словно живое существо. Быков, закусив губу, торопливо отключился.

— Выключи внешний телефон!.. Ты слышишь, Алексей? — закричал Дауге над самым ухом, так что Быков даже вздрогнул. — Алешка-а-а!..

— Да что ты орешь! Выключил я давно.

— А, выключил, — понизил голос Дауге. — А то я тебе криком кричу — как в лесу...

Бу-бу-бу-бу... Из клубящейся пелены вырвался огненный шар, взлетел и раскололся с оглушительным треском.

— Красиво! — с восхищением проговорил Дауге. — Я пойду позову Владимира...

— Не надо его тревожить, — процедил Ермаков неохотно.

Быков не мог оторвать глаз от невообразимо огромной черной горы на горизонте. Наконец он понял — перед ним столб дыма. Не верилось, что это мрачное сооружение состоит из пара, раскаленных газов и пылевых частиц. Только приглядевшись, можно было различить еле заметное на таком расстоянии медленно-неуклонное движение гладких стен вверх, к низкому небу. На мгновение ему стало не по себе. Необытная труба, будто вонзившаяся в тело планеты, всасывала в себя тысячи тонн песка, пыли и щебня, выбрасывая все это в атмосферу. Там, по склонам черной «горы», с безумной скоростью мчатся сейчас в небо облака каменного крошева, раскаленного до невероятных температур.

Быков очнулся.

— Как же дальше, Анатолий Борисович? Какой будет маршрут?

Ермаков, присев на башенку, рассматривал Голконду в бинокль.

— Это скажут геологи. Вероятно, пойдем вдоль берега Голконды набирать материал... — Попутно составим карту... Надо искать место для ракетодрома.

Из люка выбрались геологи. Дауге возбужденно размахивал руками:

— Ты только погляди, Владимир! Это же геологическая катастрофа! Катаклизм! Ущипни меня! Это черт знает, как превосходно!..

Юрковский вяло присел рядом с командиром. Чувствовалось, что ему все равно. Дауге спрыгнул вниз, его колпак низко склонился над почвой. Минуту он всматривался, затем глубоко запустил руки в перчатках в толстый слой черной пыли и, набрав в пригоршню, поднес ее к самому шлему Юрковского:

— Смоляные пески! Смотри!.. Анатолий Борисович, мы начнем здесь же... Нет!

Он снова вскарабкался на броню:

— Нет, пойдем туда, дальше! — и махнул измазанной перчаткой в сторону дымной пелены. — Это сокровищница! Вы понимаете? Что там золотое! Это же небывалые залежи! Скорее туда, вперед! Опасно, Иоганьч, — заметил Быков. — Черт знает, что там творится...

— Опасно? — кричал Дауге. — Зачем же мы сюда тащились? Чудак! А как будут работать те, после нас?..

— Опасно! Разведка всегда опасна...

— Рисковать... — начал Быков и поперхнулся.

Километрах в полутора от «Мальчика» вырос столб серого дыма, пронизанный ярким белым пламенем. Вытянулся на фоне черной горы, наливаясь слепящим светом, раздуваясь у вершины в косматый голубой клубок. И снова грохот прорвался сквозь рокочущий мерный гул. «Мальчика» качнуло. Быков потерял равновесие, схватился за плечо Дауге и, падая, успел заметить, как тяжелый голубой клубок оторвался от дымного столба, взлетел к небу и снова погрузился в клубящуюся пучину.

— Ты видел? — крикнул Быков, сясь подняться. — Это не просто опасно...

— Обязательно! — Дауге потряс сжатыми кулаками. — Обязательно мы должны добраться туда! Во что бы то ни стало! Так началась «будничная» экспедиционная работа.

— Ермаков наотрез отказался выполнить просьбу Дауге: «Мальчик» пошел поодаль от края дымной стены, держась от нее метрах в трехстах.

— До тех пор, — сказал в ответ на приставания геолога командир, — пока не будет оборудован ракетодром с маяками, я не позволю, Григорий Иоганнович, рисковать машиной и людьми. Мы не выполнили еще ни одной из наших задач. Ограничьтесь геологической разведкой на дальних подступах к Голконде и ищите место для посадочной площадки. Когда

ракетодром будет готов и «Хиус» перебазировается сюда, тогда будет видно. Все.

Через, каждые два-три километра «Мальчик» останавливался и высаживал разведчиков. Ермаков оставался в машине, а остальные отправлялись «на работу». Дауге и Юрковский шли впереди, собирали образцы грунта, осматривали местность, устанавливали геофизические приборы, которые нес Быков и которые подбирали на обратном пути. Быков тащился, как правило, сзади, ужасно скучая и проклиная геологов, нагрузивших его своим «барахлом». «Барахло» было тяжелым до невозможности. Спецпакеты и контейнеры с образцами нагружали на того же несчастного водителя. Вдобавок геологи разговаривали во время поиска только между собой, обращаясь к Быкову исключительно в повелительном наклонении.

У каждого был автомат. Геологам он мешал, и Дауге однажды попытался отдать свой Быкову. Но тот запротестовал. Каждый должен быть вооружен. Если придется тащить два автомата, то он не сможет защищаться в случае необходимости, и сразу двое окажутся небоеспособными. Нет, не брать автомата вообще он тоже не разрешает. Весьма возможно, что автомат мешает геологам, даже ужасно мешает. Ничего не поделаешь. Трудно? А зачем же мы сюда тащились?

— Алексей, голубчик ты мой! — убеждал Иоганьч. — Ну кто здесь на нас нападет? Что ты несешь несусветное! Перестраховщик!.. Раскрой глаза — ведь все вокруг мертво! При таком уровне радиации никакая тварь существовать не может, разве что кроме тебя, толстолобого!..

Быков был неумолим. В конце концов Дауге вышел из себя и с невозможной язвительностью осведомился, что Быков предпримет, если он, Дауге, все-таки откажется таскать «эту железную кочергу».

Быков посмотрел на него, насмешливо прищурившись, и презрительно выпятил нижнюю губу. Дауге только плюнул с досады.

— Все в шлем, что негоже, — не смолчал Юрковский. Поле боя осталось за Быковым.

Лес остроконечных скал — «Зубов Венеры» — почти вплотную примыкал к «Дымящему морю», как назвал Дауге серую пелену, обволакивающую жерло котла Урановой Голконды. Здесь часто попадались скалы, группами и в одиночку,

почва была изрыта воронками, расколота трещинами, завалена гудами валунов. Расчистить место для настоящего ракетодрома здесь было невозможно. В распоряжении экспедиции имелись десять атомных мин, штук двадцать гранат, но этого не хватало. Понадобилась бы армия строителей, вооруженная в изобилии новейшими подрывными средствами и дорожными механизмами, чтобы с успехом атаковать ближние подступы к Голконде. Когда-нибудь здесь построят гигантские ракетодромы, оборудованные мощными радиомаяками точного наведения, соорудят подземные комбинаты по выработке ядерного горючего, протянут широчайшие автострады, пересекающие гряды скал и черную пустыню, а пока... А пока вблизи от кратера Голконды, километрах в двадцати от него, надо найти достаточно широкую и достаточно ровную площадку, которую можно было бы приспособить для приема первых земных кораблей. Это можно было сделать и с помощью десятка атомных мин среднего калибра. Но найти ее пока не удавалось. После одного из коротких совещаний Ермаков сказал:

— Геологам не терпится окунуться в Дымное море. Они правы — может быть, загадка Голконды таится именно там. Это так. Но мы здесь — первые. Наша задача — разведка. Привезти небольшую коллекцию минералогических и ботанических образцов. Оценить Голконду и доказать рентабельность ее разработки. Выборочно и ориентировочно установить характер коры Венеры. Очень прошу вас понять это как следует. Впрочем, на Земле вы это понимали... Ясно: «золотая лихорадка»... Но есть еще одна задача — ракетодром, пусть примитивный. Это очень важно. Без этого мы не уйдем отсюда, что бы ни случилось. Площадка должна быть создана. Отсутствие воды сокращает нам сроки. Если через десять земных суток мы не найдем места для посадочной площадки по пути следования, выведем «Мальчика» на ту сторону скалистого хребта и заложим ее там.

Да, вода сокращала сроки. Расход ее на дезактивацию оказался непредвиденно огромным. Каждый раз, возвращаясь в транспортер, разведчики должны были тщательно отмываться в кессоне. Тончайшая радиоактивная пыль, липкая и вездесущая, забивалась во время вылазок в складки силикатовых костюмов, и, чтобы избавиться от нее, приходилось по четверть часа вертеться под плотными струями дезактивационного душа. Ермаков с радиометром в руке сам проверял чистоту

костюмов и, случалось, отсылал небрежных обратно в кессон. Между тем запасы дезактивационной жидкости быстро уменьшались. Превосходные фильтры и ионообменные поглотители помогали мало. Быков перебрал десятки комбинаций поглотителей, но ни одна комбинация не давала нужного эффекта. Дезактивационная вода после очистки оставалась активной, и ее приходилось выбрасывать. Видимо, в смолистой пыли Голконды содержались какие-то радиоколлоиды, не поддающиеся воздействию известных ионообменных процессов. Бак с дезактивационной жидкостью, рассчитанный на сорок рабочих суток, быстро пустел. На очереди стояла питьевая вода из нейлоновых бурдюков...

«Мальчик» продолжал двигаться на запад, оставляя справа клубящиеся волны Дымного моря. Часто вздрагивала, колебалась почва от тяжелых далеких ударов. Порывы ветра приносили облака серого тумана — радиоактивной пыли и паров. За горизонтом, уйдя в багровое небо, грозно ревел чудовищный столб дыма, висящий над жерлом бушующего уранового котла. Там ежесекундно образовывались трансураниды: возникали крохотными гнездами, в которых начинался стремительный цепной процесс — взрывалась маленькая атомная бомба с тротиловым эквивалентом в несколько десятков тонн. В бинокли колоссальная туча казалась пронизанной сотнями вспышек. Природный урановый котел в сотни километров в поперечнике бурлил и клочкотал тысячами взрывов.

— Интересное место, — говорил Дауте. — Трудно представить себе, что случилось бы, не будь там огромного количества различных примесей, поглощающих нейтроны. — Непрерывно действующая атомная бомба весом в сто миллионов тонн!

Это было действительно жуткое место. Почва лопалась неожиданно зияющими трещинами, выбрасывая горячий голубоватый пар. В дымной стене иногда вспыхивали таинственные лиловые полосы ослепительного пульсирующего света — вспучивался, взлетал к низкому небу фонтан светящейся пыли. От мощного грохота не спасала акустическая защита в спецкостюмах.

Однажды из дымной стены выползла тяжелая иссиня-черная туча и покатила по равнине прямо на транспортер. Прыгая в люк, Быков успел заметить, как над Голкондой вспыхнуло ослепительное синее зарево. Ермаков повел транспортер прочь, но туча догнала его, навалилась. Забарабанили

по броне тяжелые удары — туча несла с собой обломки камня, груды песка. Стрелка в термометре взлетела до четырехсот. По экрану запрыгали, как тогда, в пустыне, косматые клубки шаровых молний, изображения исказились. Потом экран ослеп. Ермаков остановил машину, и все долго неподвижно сидели, прислушиваясь к шорохам, к стрекотанию счетчиков радиации, к ударам собственного сердца. Туча ушла. Выбравшись из «Мальчика», они увидели ее уползающей за горизонт в сторону горного хребта.

— Вот так рождается Черная буря, — проговорил Юрковский, провожая ее глазами.

Голконда дышала. Иногда вдруг на «Мальчик» налетали невидимые вихри радиоизлучения. Разгорались лампочки индикаторов, тикание счетчиков, не прекращавшееся здесь ни на минуту, сливалось в стрекотание. К счастью, такие бури проносились быстро и возникали сравнительно нечасто. Принимались все меры предосторожности. Была усилена защита на спецкостюмах. Ермаков ежедневно делал всему экипажу впрыскивание арадиатиона — препарата, приостанавливающего развитие лучевой болезни; от него тяжело сердце и ломало поясницу. Геологи работали, заслоняясь тяжелыми щитками, непроницаемыми для излучения. И все-таки угроза лучевой болезни нависла над экипажем «Мальчика». Появилось малокровие, пропал аппетит. Люди становились вялыми и раздражительными. Ермаков молчал и продолжал вести «Мальчик» вдоль берега Дымного моря.

Вскоре после выхода к Дымному морю Быков заметил одну обстоятельство, показавшееся ему странным. Через каждые двадцать четыре часа, ровно в двадцать ноль-ноль по времени планетолета (в вечных багровых сумерках Венеры межпланетники пользовались земным счетом времени), Ермаков, волоча искалеченную ногу, взбирался на сиденье командирской башенки и, развернув широкоугольный дальномер на юг, подолгу глядел, не отрываясь, в сторону пустыни, словно ожидая какого-то сигнала. Быков не мог понять, чего ждал Ермаков, но спросить не решался.

Между тем геологическая разведка давала блестящие результаты. Голконда действительно оказалась Голкондой — краем несметных, неисчерпаемых богатств. Уран, торий, радий... Трансурановые элементы — плутоний, калифорний, кюрий: вещества, на производство которых в земных условиях

тратились огромные силы и средства, вещества, добываемые с помощью сложнейших установок и в ничтожных количествах, здесь лежали прямо под ногами. Без особых затрат их можно было добывать в промышленных масштабах, тоннами. Дауге вопил от восторга, и даже Юрковский, в последнее время угрюмый, пел за работой, несущей открытие за открытием. Значение этих открытий нельзя было переоценить. Они означали небывалый прогресс в энергетике, технике, промышленности, медицине. Земля, покрытая вечнозелеными лесами от полюса до полюса, горящая мириадами огней, населенная здоровыми, сильными, не знающими болезней людьми; изобилие, великолепные города, могучие электростанции, ясная, счастливая жизнь — все это мысленно представлялось экипажу «Хиуса». И эта жизнь должна была получить могучее подкрепление отсюда, из черных смоляных песков Голконды. Под мрачным багровым небом, среди безбрежных угрюмых пустынь маленькая горсточка людей шла через муки, боль исканий, гибель товарищей — к большой победе. Для многого следовало многим рисковать.

У Дауге стали выпадать волосы. После сна, причесываясь, он оставлял на гребенке черные пряди. Геолог исхудал и ослабел, только в глазах постоянно горел упрямый огонек. Температура поднялась до 39.

— Грипп? Это надо уметь — попасть под сквозняк, не вылезая из спещкостюма! — поражался Иоганьч, рассматривая градусник. — То есть абсолютно гриппозная температура! Верно, Анатолий Борисович?

Ермаков только качал головой. Он сам чувствовал себя нехорошо — болела вывихнутая нога. Это было мучительно неудобно. У Юрковского по телу пошли нарывы, он становился все молчаливее. Это никак не могло улучшить его душевного состояния. Он стал молчалив, злобен и груб.

Быков чувствовал себя лучше других, но как-то заметил, что у него не в порядке глаза. Во сне он часто стоил от неожиданной резкой боли, стал хуже видеть, быстро прогрессировала близорукость. Ермаков тщательно осмотрел его, влил в каждый глаз по капельке маслянистой жидкости и назначил особую диету. Быков заметил, что с этого же дня командир начал вводить ему удвоенную дозу арадиатина.

Несмотря на сильную радиоактивность почвы и температуру, доходящую до ста градусов, местность, по-видимому,

была обитаема. Во время одного из поисков Быков чуть отстал от геологов, рассматривая вкрапления красивого серебристого металла в морщинистых боках потрескавшихся валунов, и вдруг услышал отдаленные крики.

Щелкнув предохранителем автомата, он кинулся на шум, на бегу ощупывая за поясом гранату. Навстречу ему из-за скалы высочили геологи. Юрковский все время оглядывался, размахивая стволом автомата. Дауге тащил его за пояс. Через несколько секунд они уже стояли рядом, и Дауге сбивчиво рассказывал, поминутно озираясь:

— Вот нечисть! Кошмарная гадина!.. Видел, Володя?.. Представляешь, Алексей, прямо из скалы вытянулась пятиметровая шея с клювом-пастью на конце... Я схватил автомат... Видел, Володя?

— Ни черта я не видел, — мрачно проговорил Юрковский, поправляя вещевой мешок на плече. — Ты заорал, пустил лучевую очередь-и бросился удирать, да и меня за собой поволок... Ничего я не видел...

Некоторое время они стояли, молча поглядывая на черные скалы вокруг, потом Дауге снова принялся рассказывать, как они шли, собирая материал, как он, Дауге, нагнулся подобрать «один любопытный камешек» и вдруг увидел на песке длинную извилистую тень. Он поднял глаза и только успел заметить, что над головой Юрковского, стоявшего к нему боком, прямо из скалы выдвинулась длинная гибкая шея какого-то животного, похожего на змею, с огромной пастью и без глаз. Он чисто механическим движением поднял автомат и открыл огонь, а когда чудище вскинулось от ожогов чуть ли не выше скал, схватил Юрковского и побежал, таща его за собой.

— Меня больше всего поражает, что эта гадина высунулась прямо из камня, — добавил он, немного успокоившись.

— Померещилось! — Юрковский махнул рукой. — Просто эта штука сидела под скалой, потом смотрит и отмечает, что Дауге намеревается в благородной рассеянности наступить ей на голову. Ну и решила... того...

— Шуточки! — рассердился Иоганьч. — Пойдем-ка лучше посмотрим, что это было... У тебя граната есть, Алексей?

— Граната у меня есть, но идти, пожалуй, не стоит...

— Почему не стоит? Втроем — и не управимся? И потом, ей-богу, я ее подстрелил. А, Володя?

Юрковский стоял в нерешительности, шелкая предохранителем. Быков сказал просительно:

— Не стоит, товарищи! Не нравятся мне эти скалы. Лучше с танком сюда вернемся... с «Мальчиком».

— Пошли, — сказал вдруг Юрковский. — Если ты его убил — это здорово интересно. Биологи наши возликуют. А Быков в крайнем случае может вернуться к своему танку.

Быков хотел заметить, что командует здесь он, но потом решил не спорить: может быть, это действительно важная для науки находка. Кроме того, он не желал снова ссориться с Юрковским — тот явно и открыто ненавидел его после гибели Богдана.

Они шли осторожно, озираясь по сторонам, держась поближе друг к другу. Быков держал наготове гранату.

— Здесь, — сказал Дауге.

Он подошел к подножию скалы, похлопал зачем-то по каменному ее телу, наклонился и подобрал с земли камешек, сунул в сумку.

— Судя по всему, ты промахнулся, милый! — с ехидством произнес Юрковский. — Пойдем домой, пора обедать...

Быков оглядел местность: скалы, валуны, песок, щебень. На скале, на высоте трех-четырёх метров, — выжженные зигзагами полосы, следы выстрелов. Здоровая, видно, была гадинка — понятно, почему Дауге так удирал.

— Да, промахнулся я! — со вздохом проговорил Иоганьч. — А жаль! Был бы чудесный экспонат для нашего музея...

На обратном пути Юрковский подпучивал над Дауге, называя его «покорителем драконов», а за обедом все неприглядно много говорили, впервые за несколько последних дней. Слушая, как весело хохочет Иоганьч, Быков невольно подумал, что нет хуже без добра: в последнее время обстановка в транспортёре стала невыносимой. Геологи ссорились непрерывно. Ермаков упорно молчал, Юрковский натянуто официально разговаривал с командиром и совершенно не замечал Быкова. Случай с геологами как будто разрядил болезненное напряжение последних дней, снова сделал всех друзьями. Но, хотя Юрковский за едой дважды вполне дружески прошелся насчет быковской внешности и даже обратился к нему с просьбой передать консервный нож (чем изумил Быкова несказанно), Ермаков после обеда не преминул отметить, что действия маленького отряда во время последних событий

были неосмотрительны. Глядя на Юрковского в упор, командир подчеркнул (в самом легком тоне), что вся ответственность за безопасность людей, занятых работами вне «Мальчика», лежит на Быкове. В ответ Иоганыч, широко улыбаясь, сказал: «Есть!», а Юрковский нахмурился.

Час спустя, когда Быков вел транспортер, осторожно оглябая громадные туши валунов, а Ермаков сидел над своими записями, Дауге вдруг сказал громким шепотом:

— А посмотри-ка сюда, Володя! Вот находочка! .

— Н-да, Иоганыч! — не без восхищения проговорил Юрковский после короткого молчания. — Это сенсация! Где ты ее нашел?

— Под той же скалой, где квартирует дракон. Смотри, камешек на вид весьма простенький, но меня сразу поразила его форма.

— Трилобит... Вылитый трилобит! Наши ребята с ума сойдут на Земле!

— Трилобит на Венере? — раздался удивленный голос Ермакова. — Вы уверены, Владимир Сергеевич?

— Ну, будем точны: это не совсем трилобит, — принялся объяснять Дауге. — Даже на глаз различия видны, а я ведь не специалист. Но сходство поразительное, да и вообще сам факт — наличие окаменелостей на Венере! Насколько я знаю, еще нигде и никогда на других планетах окаменелостей не обнаруживали...

— На Луне находили окаменелости, — со смехом сказал Юрковский.

— Ну, это не считается...

— Окаменелости на Луне? — снова удивился Ермаков.

— Да шутит он, Анатолий Борисович, — сказал Дауге. — Это был такой смешной случай, когда на Луне обнаружили однажды осколок кремневого топора...

— Не однажды, а после первой посадки, — вмешался Юрковский. — В этом вся соль. После первой в мире посадки на Луну!

— Да-да-да! Совершенно верно! Ну конечно, изумлению нет границ. Юрковский садится и записывает в книжечку осеняющие его идеи — чтобы не забыть...

— Ах ты, сукин сын, — ласково сказал Юрковский.

— Да... А потом оказывается, что на каменном топоре черпильным карандашом написано: Николай Гер...

— Николай Тихонович?

— Ага. Поскольку надпись не размылась, Юрковский сразу заявил, что на Луне человек приспособился к отсутствию влаги... Но-но! Убери руки, Володька!.. В общем, этот камень кто-то Геру подарил... На память. А он человек столь рассеянный, что способен вместо очков велосипед надеть, и каким-то непостижимым образом ухитрился вынести драгоценный подарок, который он, кстати, таскал с собой повсюду, из ракеты. Как он это сделал — задача не под силу даже товарищу Юрковскому. Здоровенный обломок — килограмма на два... А Юрковский...

— Гришка!

— Ладно, ладно, не буду... Но ведь ты действительно признался тогда в своем удручающем бессилии все объяснить. С одной стороны, камень из ракеты вынести было невозможно, а с другой — как объяснить надпись, если даже припять в виду гипотезы, что на Луне никогда не было воды, но обитал человек?..

— Я мог бы размазать тебя по стенам, — задумчиво сказал Юрковский, — но не знаю, станешь ли ты от этого умнее... Нет, вернемся лучше к трилобиту. Может быть, на нем тоже что-нибудь начертано? «Ваня + Галя = ?2», например?

Странная находка пошла по рукам. Дали полюбоваться и Быкову. Это был небольшой серенький камешек, на котором отпечатался четкий узор — головастое продолговатое животное с многочисленными изогнутыми лапками. Дауге объяснил, что эта многоножка пролежала в почве много миллионов лет и окаменела и что на Земле нередко находят окаменевшие существа, очень похожие на нее. Они называются трилобитами. Сотни миллионов лет назад эти малютки населяли земные океаны, а потом вымерли, бедняжки, по неизвестной причине.

— Загадки, загадки! — продолжал он, поблескивая глазами. — Голконда — великая загадка; Венерины Зубы — загадка; красные облака — тайна; болото, где сидит «Хиус»; черные бури; вспышки зарева над Голкондой... Теперь этот трилобит... Неужели здесь когда-то было море?..

— Твой дракон, «Офидий Дауге», — подхватил Юрковский.

— Загадка Тахмасиба, — напомнил Ермаков.

— Загадки, загадки...

Быков не сказал ничего, но подумал о Богдане. И, должно быть, все подумали о нем, потому что веселое настроение вдруг пропало и разговор резко оборвался.

Прошли еще сутки. «Мальчик» торопливо двигался на запад в поисках места для посадочной площадки. И снова дали о себе знать таинственные существа, населяющие эти места. Дауге, первым выбравшийся из люка во время очередной остановки, с воплем кинулся обратно, увидев гигантскую змею, выползающую из-под гусениц «Мальчика». Быков развернул транспортер и, по выражению Юрковского, сплясал трепака, выкопав гусеницами огромную яму в песке на подозрительном месте, но чудище, по-видимому, успело скрыться.

Ермаков приказал Быкову удвоить осторожность, и тот теперь ни на шаг не отставал от геологов. Он брал с собой по четыре гранаты и держал автомат под мышкой, готовый пустить его в ход в любое мгновение. Но шли дни, «драконы» не появлялись, и напряжение постепенно ослабло.

Быков заметил, что геологи стали спокойнее, повеселели. Иногда во время работы они даже начинали возиться, как мальчишки, — бороться, хохотать во все горло, беззлобно подшучивать над Быковым, делая вид, что собираются тайком от Ермакова пешком идти в Дымное море. Быков сердился и даже свирепо орал на них, но в глубине души чувствовал громадное радостное облегчение. Впервые после гибели Богдана все встало на свое место.

«Вечерами» за ужином после десятичасового рабочего дня Юрковский и Дауге наперебой вдохновенно мечтали об экспедициях к жерлу Голконды, спорили о происхождении этого исполинского кратера на теле планеты, затем неожиданно перескакивали на проблемы новых межпланетных исследований. Юрковский, прижимая кулаки к груди, клялся и божился, что, после того, как все будет закончено с Голкондой, он добьется снаряжения экспедиции на страшный Юпитер, где погиб Поль Данже. Дауге сердито отвечал, что Юпитер — всего-навсего гигантский водородный пузырь и геологу на Юпитере делать нечего, что вообще Юпитер человеку еще не по зубам, даже с фотонной ракетой, и что именно о таких случаях китайцы в древности говорили: «Когда посорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки». Юрковский презрительно фыркал и начинал доказывать, загигая пальцы: «Во-первых... Во-вторых...»

Быков слушал их сквозь полудремоту с теплым чувством, наслаждаясь ощущением дружбы и благополучия. Все опять были добрыми товарищами, каждый был полон энергии и мечтаний, успех экспедиции представлялся близким и верным.

Неожиданный случай снова все изменил.

Однажды Быков и Дауге отправились на разведку. Юрковский остался разбирать материал и писать черновик отчета по предварительному обследованию геологических богатств района Голконды.

Быков с неохотой согласился на поход вдвоем. Встреча с драконами ему совершенно не улыбалась.

Друзья бродили около двух часов, в пути не произошло ничего необычного. Когда двинулись в обратный путь, Быков, безропотно сносивший все это время и начальнический тон Иоганьча, и несусветную тяжесть контейнеров, и чувствительное похлопывание по бедрам увесистых гранат, почувствовал себя нехорошо.

Морщась от головной боли, он брел за широко шагающим Дауге, вяло пытаясь устроить поудобнее тяжелый груз за плечами. («Долго они еще собираются таскать свои булыжники в машину? И так уже спать негде...») Резало глаза. Вокруг качались надоевшие до зубной боли скалы, груды валунов, дымная пелена на севере... «Заболеваю, пожалуй», — равнодушно подумал он. Захотелось лечь и закрыть глаза. Бу-бу-бу, — привычно, дремотно гудела Голконда.

— Вот опять! — Голос Дауге заставил его очнуться. — До чего мне не нравятся такие образования!

Они стояли на краю обширной воронки. В глубине ее черпела бездонная дыра, от нее далеко в стороны расползались трещины.

— Смотри, как оплавилась края воронки, — говорил Дауге. — Страшная температура — тысячи градусов!

— Подземный взрыв? — вяло спросил Быков, чувствуя, как у него заплетается язык. («Плохо... Надо скорее в машину, спать...»)

— Подземный атомный взрыв... — Дауге что-то добавил шепотом по-латышски. — Мне абсолютно не нравятся такие образования. Мне не нравится цвет почвы.

Все вокруг было покрыто словно красным налетом.

— Здесь все красное. Красное и черное... — Быков вспомнил Богдана. — Пойдем, Дауге. Я очень устал.

Они сделали несколько шагов, и вдруг Дауге закричал, дико и неожиданно. Быков пришел в себя и закрутился на месте, бормоча:

— Что? Где?..

— Гранату! Гранату, Алексей! — кричал Дауге, тряся его за плечи. — Скорее, скорее!

Быков вытащил гранату, все еще не понимая, куда ее бросать. А Дауге, приставив автомат к животу, принялся палить перед собой.

Вокруг были все те же скалы, и Быков видел, как шипящий луч оставляет длинные черные полосы на потрескавшемся камне.

— Дракон! — кричал Дауге. — Гранату!

Он все продолжал нажимать и нажимать на спусковой крючок, направив ствол автомата на какую-то невидимую цель в десятке метров от себя.

Быков ничего не видел.

— Дауге, — бормотал он. — Иоганьч, милый... Что с тобой?

Дауге опустил наконец автомат.

— Ушел, — сказал он странным голосом. — Ушел... Почему ты не ударил его гранатой?..

Быков в последний раз огляделся. Ему очень хотелось увидеть хоть что-нибудь подозрительное, но вокруг ничего не было, и он засунул гранату за пояс.

— Иоганьч, пойдем... Пойдем, милый...

Они медленно побрели дальше. Дауге шел, заметно пошатываясь, и говорил, путая русские и латышские слова.

Около «Мальтика» их ждали товарищи.

— Что случилось? — спросил Ермаков.

— Абсолютно странные животные, — путано заговорил Дауге. — Огромные звери... черные, метров по десять длиной... Кожа блестит, словно мокрая... Почему ты не ударил его гранатой, Алексей?..

Ему помогли взобраться на борт, помогли снять шлем. Лицо геолога было мокрым от пота, глаза блуждали.

— Только почему они просвечивают? — уныло проговорил он и упал лицом вниз на подушки.

Его устроили поудобнее, и он заснул мгновенно глухим каменным сном. Ермаков выслушал доклад Быкова и долго молчал, а потом спросил только:

— Вы, Алексей Петрович, совершенно убеждены, что никакого дракона не было?

— Никакого дракона не было, — уверенно ответил Быков.

— Плохо... — пробормотал Юрковский, кусая губы.

Ермаков проковылял по кабине, взял ящик с медицинскими приборами и присел около спящего. Юрковский устроился рядом. Послышались какие-то странные звуки, похожие на тихий треск, запахло озоном, потом протяжно и жалобно застонал Иоганьч.

— Все-все, — ласково сказал Юрковский.

Ермаков встал.

— Очень плохо, — проговорил он. — Дауге болен, и...

Юрковский выжидательно поднял голову.

— ...я вспоминаю Тахмасиба, — глухо сказал Ермаков. — Симптомы такие же. Похоже на галлюцинации...

Когда «Мальчик» снова двинулся в путь, Дауге очнулся, сел, пригладил вихор и спокойно сказал:

— Богдан, ты бы все-таки лег наконец. Пять часов за рацией — это отнюдь ни к чему.

Быков, дремавший рядом, подскочил как на пружинах, уставился испуганными глазами. Иоганьч мельком, небрежно посмотрел на него и заботливо продолжал:

— Снимай-ка, Богдан, шлем и ложись. Я тут тебе местечко нагрел.

Он зевнул, ткнул Быкова в бок, хихикнул:

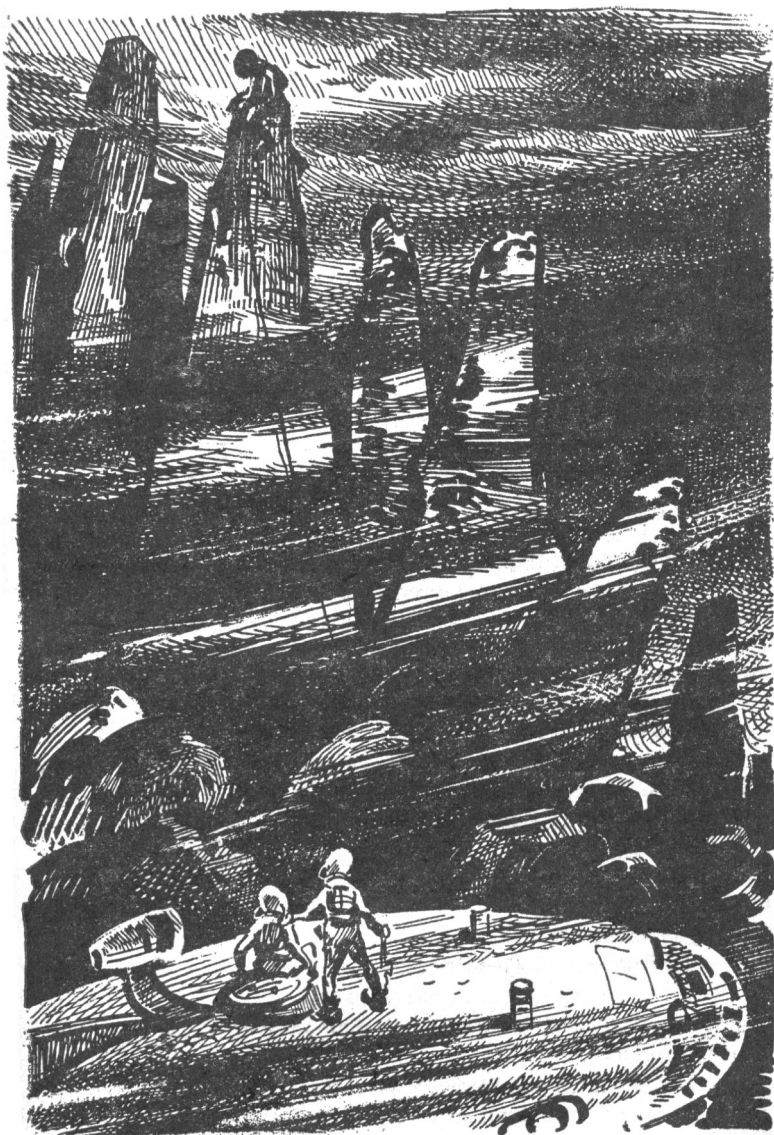
— Чего уставился, Алексей? Тебе тоже следует спать.

Юрковский замер над своим столиком, повернув к ним изумленно-испуганное лицо. Ермаков остановил транспортер, сильно потер ладонями щеки и проговорил напряженно:

— Та-ак...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Быков попытался вытереть потный лоб и с досадой отдернул руку. Вечно забываешь про этот шлем! Иногда пальцы сами собой подбираются к затылку — почесать в трудную минуту, или в рассеянности пытаешься сунуть в рот кусочек шоколада и натыкаешься на гладкую прозрачную преграду. Раше, размышляя, он имел обыкновение тереть себя за

нижнюю губу — пришлось отвыкнуть. Дауге это отметил и не замедлил прочесть краткую лекцию на тему «Роль астронавтических спецкостюмов в избавлении человечества от дурных привычек».

Вторые сутки низкое небо роняло хлопья черной пыли. Черный снег кружился в порывах слабого ветра, покрывая обширную холмистую равнину, в центре которой стоял «Мальчик». Быков огляделся. Повезло, повезло! Перед ним расстился великолепный естественный ракетодром площадью около двух тысяч квадратных километров, вполне ровный, если не считать десятка скал, торчащих из смолянистого песка. С юга, со стороны пустыни, равнину окаймляло полукольцо Венеринных Зубов; вдали, на севере, за пеленой Дымного моря, грохотала Голконда. До нее было около сорока километров — не слишком далеко и не слишком близко. Почва оказалась радиоактивной как раз в той мере, чтобы питать селено-цериевые батареи — источники энергии радиомаяков. Радиомаяки надо было установить на вершинах огромного, по возможности равностороннего треугольника по краям посадочной площадки. Но сначала следовало взорвать мешающие скалы. Вероятность того, что планетолет может сесть на них, была довольно велика: они торчали двумя группами почти в самом центре будущего ракетодрома. Это была задача по силам. Быков с помощью геологов установил две мины в центре северной группы скал — взрыв должен был выворотить из почвы каменные столбы, раскрошить их в пыль. Другую — южную — группу из шести скал решили взрывать «сверху». Мина устанавливается на вершине одного из столбов, и взрыв уничтожает их все — вгоняет в землю, как сказал Дауге.

— На какую волну настраивать? — крикнул Юрковский. Он сидел на вершине обреченной скалы, куда только что без труда была поднята мина.

— Индекс восемь! — откликнулся Быков, задирая голову.

— Ага... ясно... — Силуэт Юрковского зашевелился на фоне красных туч в струях черной метели. — Готово! Ну все, кажется?..

— Слезайте! — крикнул Алексей Петрович.

— Интересно, какая у тебя будет физиономия, если скалы устоят, — заметил Иоганыч, присевший рядом с Быковым на башенку транспортера.

— Ничего... не устоят, — рассеянно ответил тот, с опаской следя за ловкими движениями Юрковского, сползающего по отвесной гладкой стене. — Какого черта он лезет без веревки?.. Ведь есть же трос... Но куда там! Без фокусов не может... Ну, что он — ни туда ни сюда?..

Юрковский словно прилип к черному камню на высоте шести-семи метров от земли. Он казался неподвижным, и только неестественная поза да короткое хриплое дыхание выдавали его страшное напряжение.

Дауге обеспокоенно вскочил:

— Владимир, что с тобой?..

Юрковский не ответил и вдруг, словно сорвавшийся камень, скользнул вниз. Быков сделал падающее движение и невольно зажмурился, а когда снова открыл глаза, увидел, что геолог висит на руках тремя метрами ниже, уцепившись за невидимый снизу выступ.

— Володька!.. — Иоганыч спрыгнул на землю и подбежал к скале.

— Спокойно, Дауге! — Голос Юрковского только слегка прерывался от напряжения. — Сколько до земли?

— Метра четыре!.. — простонал Дауге. — Расшибешься, паршивец!..

— Отойди прочь! — сказал Юрковский и полетел вниз.

Он упал классически, по всем правилам, упруго подскокил и повалился на бок. Быков соскочил с машины, но бесстрашный геолог уже сидел на земле. Тогда Быков обрел голос.

— Что за хулиганство, товарищ Юрковский? — рявкнул он. — Как вы смели так рисковать? Немедленно ступайте к командиру и доложите...

— Ну, что вы в самом деле, Алексей Петрович!.. — Юрковский ловко поднялся, встряхнулся всем телом, проверяя, все ли в порядке, голос у него был смиренный. — Четыре метра — это же ерунда! Посудите сами...

Но Быков бушевал:

— Вы прекрасно могли спуститься по тросу! Вы вели себя как мальчишка! Нашли время для спорта! Черт знает что!..

— Да брось ты, Алексей! — Дауге любовно обнял Юрковского за плечи. — Конечно же, мальчишка! Но что ты будешь с ним делать — смельчак!..

— «Смелчак»!.. — Быков остывал. Юрковский молчал и казался смущенным. Это было столь необычно, что, не получив сопротивления, капитан удивился и перестал орать. — Смелчак... Вот сломал бы шею, и возись тут с ним...

— Виноват, Алексей Петрович, — вдруг сказал Юрковский, и Быков сразу остыл.

— Долóжите командиру о своем проступке, — буркнул он и отошел к скале, чтобы смотать трос.

Геологи принялись помогать ему.

— Жалко ее взрывать, — сказал Дауге, указывая на скалу, окутанную крутящейся поземкой, когда, кончив работу, они собрались у открытого люка. — Варварство — уничтожать памятник в честь великого подвига В. Юрковского...

И он так хлопнул ладонью по спине друга, вползавшего в люк, что тот мгновенно исчез в темноте кессона.

Ермаков повел транспортер на юг и остановил его только у самой гряды Вепериных Зубов. Обреченные скалы исчезли из виду, скрывшись за горизонтом, за черной метелью.

— Начинать, Анатолий Борисович? — спросил Быков.

— Давайте...

Быков положил руку на рубильник радиодистанционного взрывателя, нажал. Экран озарился ярким белым светом, потом сразу потемнел — вдали встали, тяжело покачиваясь под ветром, три кроваво-красных столба огнистого дыма, расплылись грибовидными облаками. Из-за горизонта, покрывая гул далекой Голконды, долетел громовой удар, пронесся над «Мальчиком» и, рокоча, покатился дальше.

В тот же день черный снегопад прекратился, и вдруг наступила непонятная тьма. Неожиданно погасли багровые тучи. Над пустыней повисла глухая почь. Поля смолянистого песка вокруг слабо фосфоресцировали, из трещин поднимался и плыл по ветру голубой светящийся дымок.

Начались работы по установке радиомаяков. Работали в темноте, подсвечивая фонариками, закрепленными на шлемах, или в лучах прожекторов «Мальчика». Собрать и установить радиомаяк было нетрудно — сказывалась тщательная тренировка на Седьмом полигоне, — но укладка огромных полотнищ селено-цериевых элементов занимала много времени. В общей сложности надо было распаковать, вытащить из транспортера, уложить и присыпать сверху песком

сотни квадратных метров упругой тонкой пленки. Работа была скучная и утомительная. К концу дня люди изматывались и валились спать, через силу проглотив по чашке бульона с хлебом.

Работали геологи и Быков. Ермаков почти не мог передвигаться и по многу часов подряд сидел в транспортёре, поддерживая связь с «Хиусом», пытаясь наладить телеустановку; вел дневник, снимал показания экспресс-лаборатории, работал над картой окрестностей Голконды, аккуратно нанося на нейлон штрихи и условные значки черной и цветной тушью; поджав серые губы, ощупывал одряблевшие бурдюки с водой и что-то считал про себя, прикрыв глаза красноватыми веками. По-прежнему через каждые двадцать четыре часа, за пять минут до двадцати ноль-ноль по времени «Хиуса», он гасил в транспортёре свет, забирался в командирскую башенку, прикинул к окулярам дальномера и подолгу не отрываясь смотрел на юг. Когда заканчивалась укладка «одеяла» вокруг очередного маяка, он с помощью Быкова выползал наружу, проверял установку и сам приводил ее в действие. По поводу поведения Юрковского во время подрывных работ у него с геологом произошел короткий, но содержательный разговор без свидетелей, суть которого уязвленный «пижон» передал весьма лаконично — «потрясающий разнос». После этого Юрковский работал как бешеный, с натугой острословия и в туманных выражениях жалуясь на начальство.

Связь с «Хиусом» временами держалась удивительно хорошо — очередной каприз венерианского эфира. В такие периоды Ермаков разговаривал с Михаилом Антоновичем через каждые три-четыре часа. Крутиков расспрашивал, слал приветы. Он говорил, что чувствует себя отлично, что все в полном порядке, но в голосе его зачастую звучала такая тоска по Земле, по товарищам, что у Быкова становилось нехорошо на душе. А ведь штурман еще ничего не знал о Богдане...

И все-таки это были замечательные, самые лучшие минуты. Сидеть, развалившись на тюках, расслабив ноющее, измученное тело, и слушать — как слушают музыку — далекий сипловатый голос штурмана. И думать, что осталось совсем немного, что добрый Михаил Антонович жив, здоров, что «Хиус» скоро придет сюда, на новый ракетодом, чтобы взять их и унести отсюда.

Здоровье экипажа снова стало сдавать. Каждый тщательно старался скрыть свое недомогание, но это удавалось плохо. Быков, просыпаясь по ночам от боли в глазах, часто видел, как Ермаков, разувшись, рассматривает распухшую щиколотку и тихонько стонет сквозь стиснутые зубы. Юрковский втайне от других бинтовал нарывы на руках и ногах. Дауге был особенно плох. Он казался почти здоровым, но непонятная скрытая болезнь пожирала его. Геолог похудел, упорно держалась высокая температура. Ермаков делал что мог — давал успокоительное, применял электротерапию, но все это помогало мало. Болезнь не прекращалась, вызывая иногда припадки странного бреда, когда геолог с воплями бежал от воображаемых змей, по четверть часа просиживал где-нибудь в углу транспортера, бессмысленно глядя в пространство перед собой, и разговаривал с Богданом. Это было страшно, и никто не знал, что делать. В напряженную тишину падали дикие страшные слова. Геолог говорил о Вере, убеждал мертвого друга любить ее всегда, потом начинал вспоминать Машу Юрковскую — слезы текли по его небритому осунувшемуся лицу. В такие минуты он не замечал никого, а очнувшись, не помнил, что с ним было...

Установка второго радиомаяка близилась к концу. Остались считанные часы работы, когда, натрудив руки, Быков забежал в транспортер вытереть пот со лба и немного передохнуть. Геологи остались снаружи укладывать последнюю сотню килограммов селено-цериевого «одеяла». У рации вошел Ермаков с нахмуренным, недовольным лицом. Быков, выждав с минуту, спросил осторожно:

— Серьезные неполадки?

Ермаков вздрогнул и обернулся.

— А, вы здесь, Алексей Петрович... Да, перерыв связи. Неожиданный и... довольно странный...

Он выпрямился, обтирая испачканные руки губкой. Быков выжидательно смотрел на него.

— Я беседовал с Михаилом... и... — командир колебался, — и вдруг прервалась связь.

— Что-нибудь с аппаратурой?

— Нет, рация в порядке. Очевидно, просто не повезло. До этого связь была на редкость хорошей.

Что-то в тоне командира показалось Быкову необычным. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом Ермаков спросил:

— Много еще осталось?

— Нет. Часа два работы. Не больше...

— Хорошо. — Командир взглянул на ручные часы, спросил небрежно: — Вы не замечали, Алексей Петрович, когда-либо вспышек на юге?

— На юге? В стороне «Хиуса»? Нет, Анатолий Борисович. Ведь на юге, в районе болота, никогда не бывает зарниц. По крайней мере, до сих пор не бывало.

— Да-да, вы правы... — Ермаков говорил уже спокойно. — Давайте заканчивать — и на отдых. Осталось немного.

Быков снова нацепил шлем и поднялся. Он вдруг почувствовал себя отдохнувшим и бодрым. У выхода задержался:

— Я скоро вернусь, Анатолий Борисович, помогу вам выбраться наружу.

Ермаков поднял голову, снова взглянул на часы и сказал непонятно:

— Надо следить за горизонтом, Алексей Петрович.

— За горизонтом?

— Да, на юге, в стороне болота...

— Х-хорошо...

Проснувшись ночью, Быков увидел, что Ермаков сидит за приемником. Связи не было. «Хиус» молчал всю ночь. Всю ночь и весь следующий день...

Третий, последний маяк установили очень быстро, меньше чем за десять часов. Ермаков выбрался из «Мальчика»; сильно хромя, прошел по упругой, присыпанной песком и гравием поверхности селено-цериевой ткани, проверил схему подключения и привел установку в действие.

Межпланетники стояли около тускло поблескивающей башенки и молчали. Ничего не изменилось. Там, где с клокотанием кипел взрывами урановый котел Голконды, снова подымалась, как и прежде, багровая стена света. Вздрагивала почва под ногами. Порывами налетал несильный ветер, вздымал облачка пыли в лучах прожекторов. На юге в непроглядной тьме неслись смерчи над черной пустыней, низкие клубящиеся тучи цеплялись за вершины торчащих скал. Едва слышно посвистывал маяк, и невидимый тонкий радиолуч

начал свой стремительный бег кругами по небу — от горизонта к зениту, от зенита к горизонту, — словно разматывая бесконечную огромную спираль.

Дело завершено. Уйдет «Мальчик», снимется с гигантского болота и вернется на Землю «Хиус». Много-много раз черное небо озарится багровым светом, прилетят и улетят десятки планетолетов, а три невысокие крепкие башенки будут упорно слать в эфир свои призывные сигналы: «Здесь посадочная площадка, здесь Голконда, здесь цель ваша, скитальцы безводных океанов Космоса!» Дело сделано, окончено, совсем, совершенно окончено! «Хиус», Михаил Антонович, Земля — все стало удивительно близким, подошло, остановилось рядом в белом свете прожекторов «Мальчика». Это чувствовали все. И Ермаков, напряженно вглядывающийся в черную завесу на юге, и задумавшийся Юрковский, скрестивший руки на груди. И Быков, и бедняга Дауге, ищущий плечо Богдана в рассеянном недоумении, почему это ему никак не удастся опереться на друга-радиота.

— Так... Ракетодром «Урановая Голконда номер один» готов к приему первых планетолетов, — сказал высоким, звенящим голосом Ермаков. — Семнадцать сорок пять, шестнадцатого сентября, 19.. года...

Все молчали. Ермаков поднял руку и торжественно, громко и ясно провозгласил:

— Мы, экипаж советского планетолета «Хиус», именем Союза Советских Коммунистических Республик объявляем Урановую Голконду со всеми ее сокровищами собственностью человечества!

Быков подошел к маяку и прикрепил к шестигранному шесту маяка широкое полотнище. Ветер подхватил и развернул алое, казавшееся в багровых сумерках почти черным, знамя с золотой звездой и великой старинной эмблемой — серпом и молотом. — знамя Родины.

— Ура! — крикнул Юрковский, а Дауге захлопал в ладоши.

На этом торжественная церемония окончилась.

Вернувшись в транспортер, Ермаков сразу же присел к приемнику, а Юрковский снял шлем, потянулся и, отчаянно зевнув, повалился на свою постель.

— Итак, Иоганыч, чем станешь угощать? — осведомился он.

И тут Быков вспомнил: сегодня день рождения Иоганыча. Еще когда устанавливали первый маяк, Дауге говорил об этом и торжественно приглашал «отпраздновать сию знаменательную дату посредством посильного поглощения питания и закусок с произнесением соответствующих речей». Приглашал в стихах:

На вечер, данный в честь мою,
Я вас прошу явиться.
Прошу вас также не забыть
Одеться и умыться.

Быков весело улыбнулся и спросил:

— А где же обещанные яства?

Дауге засуетился, принялся копаться в своем мешке — извлек старательно обернутую в бумагу бутылку, две коробки роль-мопса и толстый ломоть копченого латышского сала. Все эти прелести не входили в обычный рацион межпланетников. Дауге ухитрился протащить их сюда контрабандой. Быков расстелил салфетку, вынул из буфетного шкафчика стаканчики, вилки, хлеб в полиэтиленовой упаковке. Юрковский крикнул, произнес значительно: «Однако!» — и придвинулся поближе к импровизированному пиршественному столу. Внутренность бронированной машины сразу приобрела праздничный вид. Стало хорошо и необычно. Дауге развернул бутылку, поставил ее в центре салфетки и с вожделением потер руки. Юрковский причесался. Быков подумал и повязал галстук поверх спецкостюма, чем поверг именинника в радостное изумление.

Пока длились эти многообещающие приготовления, Ермаков, не снимая шлема, сидел у рации. Кончив какие-то расчеты, он принялся вызывать «Хиус». Но эфир молчал. В репродукторе хрипело, выло, каркало. Михаил Антонович не откликался. Ермаков выключил аппаратуру, устало стащил колпак и аккуратно повесил его на стену. Быков с удивлением заметил, как потемнело и посуровело лицо командира. Ермаков был чем-то очень сильно обеспокоен. Обеспокоен сейчас, когда пройден такой тяжелый и многотрудный путь, когда осталось только отдать Крутикову приказ и ждать прибытия «Хиуса» на новый ракетодром? Странно... Алексей Петрович ухватился за пижнюю губу.

— Товарищи, предлагаю всем отдыхать и... — Ермаков замолчал, с удивлением рассматривая веселых друзей; брови его поднялись. — Что это вы затеяли?

— На вечер, данный в честь мою... — упавшим голосом начал Дауге. Выражение лица командира поразило его. — Анатолий Борисович! Ведь сегодня праздник... в известном смысле — завершение...

— Он — новорожденный, Анатолий Борисович! — весело сказал Юрковский, трудясь над бутылкой. — Выпьем по глотку коньяку, поболтаем.

Ермаков посмотрел на него, на смущенного Иоганьча, на бравого Быкова (тот торопливо прикрыл ладонью глупый галстук). Глаза его потеплели.

— Давайте, — сказал он и сложил карту, расстеленную на столике около рации.

Все чинно расселись вокруг салфетки.

— Будет тост? — осведомился Ермаков, принимая из рук Юрковского желтый стаканчик.

— Обязательно, — ответил тот и торжественно произнес: — Сегодня мы празднуем двойное событие! Сегодня родился большой Г. И. Дауге и маленький ракетодром «Урановая Голконда». У обоих большое будущее, оба дороги нашему сердцу. Живите, растите и размножайтесь! Ура-ура-ура!

За стеной посвистывал раскаленный ветер, темный песок намело вокруг «Мальчика». Чужая черная ночь обступила со всех сторон маленький уютный уголок жизни и света.

— Хороший роль-мопс, — сказал Юрковский, сосредоточенно наматывая на вилку аппетитную рыбу тушку. — Очень люблю роль-мопс...

Иоганьч покачал головой и, обратившись к Ермакову, сказал:

— Между прочим, с роль-мопсом у меня произошла любопытнейшая история. Вернее, не с роль-мопсом, а... Представьте, Гоби, пустыня, несколько палаток — геологическая экспедиция. На триста километров ни одного жилья, дичь, прелесть. И была у нас, молодых практикантов, бутылочка коньяку и заветная баночка роль-мопса. Ждали мы какого-либо высокоторжественного события, чтобы, значит... — Дауге выразительно щелкнул пальцами. — Ну-с, дождались. Вот как теперь, день рождения одной... одного товарища. Собрались мы у нашей палатки, все практиканты, шесть человек.

Откупорили коньяк, нарезали хлеб, помыли руки. Положили все это на футляр для теодолита, и, как сейчас помню, я принялся под жадными взорами ребят вскрывать вожделенный роль-мопс. Понимаете, все баранина, ветчина... Остренького хотелось — сил нет! И вот, едва я вскрыл...

Дауге сделал паузу. Быков нетерпеливо покашлял и сказал:

— Вскрыл — и что?

— Понимаете, я даже не помню, как это случилось. Я случайно взглянул поверх голов товарищей — они все, конечно, наклонились к банке — и вижу: по склону соседнего бархана ползет, извиваясь, преогромный сизый червяк... Настоящий удав, боа-констриктор... Весь в этаких кольцах...

— Врешь! — убежденно сказал Юрковский.

— Погодите, Владимир Сергеевич! — сердито остановил его Быков. — Дайте рассказать.

— Не вру, Володя. Это был олгой-хорхой.

— Олгой... кто? — спросил Быков.

— Олгой-хорхой, — повторил Дауге. — Кажется, единственное сухопутное животное на Земле, вооруженное электричеством.

Юрковский сдвинул брови, вспоминая.

— Олгой-хорхой... Кажется, впервые описан в одном из гобийских рассказов Ивана Ефремова полвека назад. Так?

— Так, — согласился Дауге. — Потом выяснилось, что за эти полвека мы были не то третьей, не то четвертой экспедицией, которая видела его.

— И что же случилось? — не утерпел Быков.

Дауге вздохнул:

— Ничего особенного, конечно. Я заорал и вскочил на ноги. Роль-мопс вывалился в песок. Мы побежали в палатку за ружьями, а когда вернулись... — Он развел руками. — Никаких шансов. Электрический червяк скрылся.

— Досталось тебе, наверное, от ребят, — сказал Юрковский и снова потянулся к роль-мопсу.

— Ну нет! До самого конца экспедиции только и было разговоров, что об олгой-хорхое.

— Я вот ничего подобного не видел в пустыне, — заметил Быков.

Дауге объяснил, что олгой-хорхой водится, вероятно, только в самых жарких и пустынных областях монгольской Гоби.

Быков, чувствуя себя почему-то не в своей тарелке, принялся расспрашивать Ермакова о плане дальнейшего покорения Венеры. Ему хотелось заставить командира разговаривать. Но тот отвечал сдержанно и скучновато. Готовился к вылету «Хиус-3», он перебросит на Голконду большую группу специалистов. Начнется оборудование промышленного комбината по переработке ядерного горючего. Одновременно, конечно, будет происходить расширенное исследование поверхности планеты.

— Да что там говорить, — легкомысленно помахивая рукой, вставил Юрковский, — с Венерой покончено. Дорога проложена, семафор открыт, как говорили наши предки в те времена, когда еще были семафоры. И новые дороги пройдут не здесь.

— Межзвездная астронавтика, конечно? — сказал Ермаков, улыбаясь одними губами.

— Именно! Перелет Земля — 61 Лебедя. Это — новая дорога!

— Это сколько же времени лететь? — с сомнением спросил Быков.

— Десять лет туда и десять обратно. Двадцать лет полета с нашими скоростями.

— Двадцать лет! — ахнул Быков. — Это ж в команду надо набирать юнцов, чтобы экипаж в дороге не вымер естественной смертью...

— Э, брат! — засмеялся имепинник. — А что ты скажешь о перелете Москва — Большое Магелланово Облако? Расстояние — сорок тысяч световых лет, то бишь четыреста миллионов миллиардов километров. Со скоростью света лететь сорок тысяч лет, и это, заметь, ближайшая к нам звездная система типа Галактики. Ну, как?

— Кошмар! Абсолютно переально...

— А кто его знает! — Дауге хитро посматривал на потрясенного водителя. — Наука, как известно, умеет много гитик. А по сравнению с десятком тысяч лет двадцать кажутся мгновением!

— Все равно, и двадцать — много, — проворчал Быков.

— Совсем не много, говорю я тебе, — сказал Иоганьч. — Утром заснул на Земле, в полдень проснулся где-нибудь около 61 Лебедя. Как в трансконтинентальном самолете или чуть помедленнее. Поглядел, пощупал, набрал диковинок и — назад.

— Ну, еще бы! Надо только уметь спать по десять лет сряду. Как раз по тебе, Иоганнч, перелет, — не удержался водитель.

Юрковский засмеялся.

— А ты про анабиоз слышал? — наслаждался Дауге, нисколько не сердясь. — Анабиоз — это такое состояние организма, что-то среднее между жизнью и смертью, вроде обморока...

— Ну-ну... популяризатор, не загибай, — заметил Юрковский.

— Нет, я очень приближенно... В том смысле, что ощущения человека в анабиотическом сне такие же, как при обмороке...

— То есть вообще никаких ощущений.

— Ага... Так вот. При анабиозе все жизненные процессы протекают замедленно. Человек, так сказать, жив, но не живет: не стареет, не болеет, не растет...

— Ну, дальше, — поторопил заинтересовавшийся Быков.

— Вот и все. Поднимаешь звездолет над Землей, включаешь автоматическое управление, погружаешься в анабиотический сон и прекращаешь таким образом течение времени. Через десять лет тебя будит специальное устройство. Протираешь глаза, моешься, делаешь свое дело — исследуешь, собираешь материал — и обратно тем же манером!

— Здорово! — восхитился водитель. — Но это же фантастика все-таки!..

— Это уже не фантастика, — заметил Ермаков. — Но этот путь пока малоприемлем: у нас нет никакого опыта межзвездных полетов, риск слишком велик. Международный Конгресс никогда не даст согласие на подобную авантюру. Впрочем, есть еще одна дорога...

— Теория относительности... — торжественно начал Юрковский.

Дауге застонал.

— Помогите! СОС! Сейчас начнется — лоренцово сокращение временных интервалов... Тензор кривизны Римана-Кристоффеля!.. СОС!

— При чем здесь тензор кривизны? — возмутился Юрковский. — А лоренцово сокращение...

— Во-во! Начинается... Не надо, Володя, голубчик!

— Ну и черт с тобой! Оставайся в серости да в невинности... — Юрковский был явно задет.

— Нет, милый, ты не обижайся...

— На богом обиженного грех обижаться.

— Я имел в виду не теорию относительности, — вмешался Ермаков. — Я говорю об идее покойного Ллойда...

— А, да-да! — воскликнул Юрковский, оживляясь. — Механические астронавты!

— Это как? — спросил Быков.

— Вместо живых пилотов — кибернетические устройства. Роботы, — пояснил Ермаков. — Вы, наверное, слышали о таких, Алексей Петрович?

— Д-да... Ну, еще бы! На Каракумской стройке работала целая механическая бригада!..

— Совершенно верно. Такие же роботы поведут звездолеты. Это, конечно, не люди, но они способны совершать целый ряд вполне осмысленных — с нашей точки зрения — операций. Они могут быть пилотами, и геологами, и биологами, и физиками, и счетными машинами, и радиопередатчиками — и все это одновременно. В определенных пределах, конечно. Это будут великолепные разведчики, пролагатели новых трасс. Будущее звездоплавания в значительной мере принадлежит таким киберпилотам.

— Замечательно! — Быков в восторге крутил головой. — Просто здорово.

— То-то же! — ткнул его в бок Дауге. — А ты говоришь — нереально, фантастично...

— Нет, вы представляете, — блестя великолепными зубами, разглагольствовал Юрковский, — на какой-нибудь безвестной планетке в системе Проксимы Центавра приземляется звездолет. Восхищенные обитатели сбегаются к нему со всех концов в радостном ликовании — прибыли друзья из чужого мира! И вдруг из люков выползают этакие чудища с шести ногами, поблескивающие металлом, — перемигиваются разноцветными лампочками! Удивительно похожие на живых и в то же время мертвые, холодные, непонятные! Если на планетке идет 1901 год от рождества Христова, то это будет фурор!..

— Чудища улетают, — подхватил Дауге, — увозя с собой пару разобранных домов и местную корову в банке со спиртом. Жители остаются в смущении и ужасе...

— Писатели сочиняют двадцать великолепных фантастических романов, — перебил восторженный Юрковский. — Двадцать ученых защищают двадцать докторских диссертаций на тему «Металлические формы жизни во Вселенной», и немедленно возникают двадцать религиозных сект, предающихся культу железных богов. А потом...

— А потом через двадцать лет прилетаем мы с Юрковским и объясняем истинное положение вещей. И начинается освоение под нашим руководством местной Венеры. Мы строим «Хиусы»...

— И все начинается сначала-а! — гнусаво пропел Юрковский.

— Да, и все начинается сначала. Захолустная Венера освоена и... вообще все сначала. Вечное движение, — глубокомысленно закончил Дауге.

Все засмеялись.

— У меня есть предложение... — сказал Юрковский.

— Извините, — прервал его Ермаков. Он поднялся и включил приемник.

Помещение сразу наполнилось свистом и скрежетом.

Геологи переглянулись.

— Связи нет? — тревожно спросил Дауге.

— Вторые сутки нет, — тихо ответил Быков, косясь на командира.

Ермаков повернул ручку приемника — скрежет сразу утих.

— Мы отправимся к «Хиусу»... — он поглядел на часы, — через час с лишним. Если, конечно, ничего не изменится...

Межпланетники оторопело поглядели друг на друга.

— Позвольте, — нахмурился Юрковский, — а Дымное море?

— Разве мы не пойдем в Дымное море? — с изумлением спросил Дауге.

Командир молчал.

— Потом... ведь Михаил Антонович, как мы договорились, должен привести «Хиус» сюда. Ракетодром готов к приему... Михаил ждет только вашего приказа...

— Нет связи... — глухо сказал Ермаков.

— Подумаешь! — Юрковский пожал плечами. — Это бывало и раньше. Подождем...

— ...и тем временем исследуем Дымное море, — подхватил Дауге. — Это называется сочетать полезное с...

Ермаков покачал головой:

— Нет, мы пойдем к «Хиусу».

Он сказал это совсем мягко, и в голосе зазвучали совершенно незнакомые нотки: казалось, командир просит.

— Связь может наладиться, а может и не возобновиться. Мы не должны ждать. Мы обязаны немедленно вернуться к «Хиусу». Воды осталось меньше чем на четверо суток. С завтрашнего дня я сокращаю выдачу.

Юрковский вскочил:

— Уходить? Когда дело сделано только наполовину? Ограничиваться жалкими крохами, стоя в двух шагах от сокровищницы тайн и загадок? Нам доверили ответственнейшее дело...

Быков понял, что это — решительный разговор. Он начинался уже не раз — геологи давно и отчаянно настаивали на глубокой разведке Дымного моря. Упускать такие возможности! Не сделать того, что так необходимо! Сворачивать на полпути! Юрковский размахивал руками в благородном негодовании, Дауге возвышал голос. Но Ермаков либо отмалчивался, либо давал ответы настолько неопределенные, что геологи, не в силах преступить законы походной дисциплины, начинали задыхаться от злости, распираемые громовыми словами.

Правда, Быков не ожидал, что решительный разговор произойдет именно сейчас, когда они так уютно собрались провести два-три часа. Вечер испорчен окончательно... Остается одно — смириться и слушать... И подать голос, если потребуется. А в том, что это потребуется, он был уверен: стоило только поглядеть на эти бледные, осунувшиеся лица. Каждый полон решимости, и каждый уверен в своей правоте...

Ермаков прервал Юрковского:

— Считаете ли вы достаточно полными данные о геологии окрестностей Голконды?

— На дальних подступах?.. — Юрковский прищурился.

— Да, на дальних.

— Данные относительно полны, — осторожно проговорил Дауге, — но...

— Вами закончено в первом приближении изучение качественного и количественного состава полезных ископаемых

окрестностей Урановой Голконды. — Теперь Ермаков говорил громко и резко. — Вы доказали пригодность окрестностей Голконды для разработок. Собрали основательный материал о природных условиях района. Определили режим радиоактивности. Составили карту местности — геологическую и топографическую. Провели геофизическую разведку педер Венеры в этом районе...

— Но данные расплывчаты и недостаточно полны, — ворвался в речь командира Юрковский. — Имея возможность получить гораздо более точные данные...

— Мы не имеем такой возможности! — отчеканил Ермаков.

— Как так — не имеем?!

— Я уже сказал. Готов повторить. Воды осталось на четверо суток. Связи нет. Положение «Хиуса» на болоте небезопасно. Поход в Дымное море в наших условиях является авантюрой. Любая серьезная неисправность транспортера может привести к провалу всего дела. Кроме того...

— При чем здесь авантюра, когда речь идет о задании правительства? — Юрковский вскопился. — Нам поручили ответственнойшее дело, а мы выполняем его только наполовину. Это же позор! Когда еще сюда придут люди!..

— Если мы вернемся, они придут скоро, а если останемся здесь — никогда... Или через двадцать лет!

Дауге сказал негромко:

— Ведь вы обещали... Вы дали согласие на этот поход после оборудования ракетодрома...

— Да, я собирался исследовать Дымное море, если будет на то возможность. Но этой возможности нет. Рисковать результатами экспедиции я не намерен.

— Риск! Опять риск! — бушевал Юрковский. — Я не боюсь риска! Говорите что угодно, Анатолий Борисович, но вы не в силах сделать нас трусами! (Ермаков невольно задрогнул: это были его собственные слова.) Основная задача экспедиции не будет выполнена!

— Не так, — вмешался в спор Быков.

Он неожиданно вспомнил свой разговор с Ермаковым в самом начале перелета и сразу понял причины, заставлявшие командира быть осторожным. Геологи, привыкшие к тому, что Быков обычно не вмешивается в разговоры на эту тему,

удивленно воззрились на него. Только Ермаков не шевельнулся.

Быков продолжал:

— Основная задача экспедиции не в этом. Вы плохо помните приказ комитета. Испытание «Хиуса» — вот основная задача.

— Алексей Петрович прав. Наша основная задача — доказать, что только снаряды типа «Хиус» могут решить проблему овладения Венерой. Доказать это! Кроме того, доставить на Землю результаты предварительной разведки. Мы их добыли. Ракетодром создан. Остается главное — вернуться.

Неудачливый именинник принялся с отвращением жевать роль-мопс — видно было, что он сдается.

Юрковский воскликнул с горечью:

— Бросать на полдороге такое дело!

— Лучшее — враг хорошего, Владимир Сергеевич. И потом, мы сделали свое дело...

— Вы не специалист, — дерзко сказал Юрковский.

— Я командир! — Ермаков заиграл желваками и проговорил, сдерживаясь: — Я отвечаю за исход всего дела. Я мог бы просто приказать, но я выслушал ваши доводы и... считаю их неубедительными. Не будем больше об этом... И, кроме того, если Михаил в течение ближайшего часа свяжется с нами и приведет «Хиус» сюда, я дам вам еще два-три дня...

— Утешение, — язвительно проговорил Юрковский.

— Надеяться на связь — надеяться на бога, — криво усмехнулся именинник.

— К сожалению, вы правы, Григорий Иоганнович, — холодно согласился Ермаков и поглядел на часы.

Вечер был испорчен несомненно. Геологи сели бок о бок и попурили головы. Ермаков снова занялся приемником. Репродуктор выл и падсочно каркал. Бежали минуты. Связи не было. Забытая бутылка одиноко стояла посреди белой салфетки.

«Кр-ра, кр-ра, ти-иу-у, фюи-и...» — затянул приемник. Индикаторы на стене медленно налились красным. Заверещали счетчики радиации.

— Венера приветствует тебя, Иоганыч, — деревянным голосом сообщил Юрковский.

— Ах, боже мой, боже мой!.. — проговорил именинник с невыразимой тоской и принялся ругаться вполголоса по-латышски.

«Фюи-и-и-у-у», — неслоь из репродуктора.

Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж, не беда...
Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят. Надолго? Куда? —

вдруг негромко пропел Юрковский на мотив знакомой лирической песенки.

— А, это что-то новое! — оживился Дауге. — А дальше?

— Подпевать будешь? — спросил Юрковский немного смущенно.

— Конечно! Давай!

Юрковский повторил, и Дауге ужасным голосом подхватил:

Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят. Надолго? Куда?
Ты слышишь, как чайка рыдает и плачет,
Свинцовую зыбь бороздя, —
Скрываются строгие черные мачты
За серой завесой дождя...
В предутренний ветер, в ненастное море,
Где белая пена бурлит,
Спокойные люди в неясные зори
Уводят свои корабли,
Их ждут штормовые часы у штурвала,
Прибой у неведомых скал,
И бешеный грохот девятого вала,
И рифов голодный оскал,
И жаркие ночи, и влажные сети,
И шелест сухих парусов,
И ласковый теплый, целующий ветер
Далеких прибрежных лесов.
Их ждут берега четырех океанов,
Там плещет чужая вода...
Уходят из гавани Дети Тумана...
Вернутся не скоро... Когда?

— «Вернутся не скоро... Когда?» — задумчиво повторил Дауге. — Молодец, Володя, хорошо...

Разлили и выпили по одной. Юрковский, приуныв, склонил на руки красивую, чуть седую голову. Ермаков о чем-то напряженно думал, ежеминутно механически взглядывая на часы. Быкову стало совсем грустно, он откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза. В памяти вставали милые сердцу, страшно далекие образы — синее глубокое небо, легкий ласковый теплый ветерок, белые клочки облаков в темной дрожащей лужице... Земля...

— Хватит, Иоганыч, — раздался голос Юрковского.

Быков поднял веки. Дауге наливал в стаканчик. Руки его дрожали, янтарные капли, весело сверкая в электрическом свете, падали на салфетку, разбегаясь по ней маленькими яркими шариками.

— Это не мне, — строго сказал Иоганыч, — и не тебе...

Он потянулся через закуски:

— Выпей, Богдан... Ну, знаю, что не терпишь, но ради меня — должен!

Юрковский отшатнулся. Держа стаканчик в вытянутой руке, Дауге говорил убеждающе:

— В Дымное море нас все равно не пустят. Эрго — поход окончен. Ради этого абсолютно нельзя не выпить...

Ермаков вдруг поднялся. Совершенно спокойно, не отрывая глаз от циферблата часов, он сказал:

— Извините, я выключу, свет. Надо осмотреть окрестности.

— П-пожалуйста, — с трудом проговорил Быков, не отрывая глаз от белых щек Дауге.

— Помогите мне, Алексей Петрович, — проговорил Ермаков. Он словно ничего не замечал.

— П-пожалуйста, — повторил Быков.

Они поднялись в командирскую башенку. Ермаков погасил свет. В наступившей темноте зазвенел резкий, нездоровый смех Дауге.

— Ты прав, Богдаша... Ты прав.

Ермаков развернул дальномер в сторону юга и прильнул к окулярам. Быков пагнул ко второму дальномеру. Он не понимал, что делает. Он слышал только резкий смех за спиной, непонятные слова (Дауге начал громко говорить по-латышски), шепот Юрковского:

— Григорий... Гриша... Успокойся... Гриша...

А потом перед его глазами в свинцово-черном круге, расчерченном фосфоресцирующими штрихами, вдруг вспыхнули

одна за другой две яркие кроваво-красные звездочки — высоко над черной бездонной полосой горизонта.

— Отсчет, — неожиданно хриплым голосом проговорил над ухом Ермаков. — Отсчет, Быков! Не зевайте, черт...

Не думая, машинально и торопливо, Быков засек направление на странные вспышки. Красные звездочки потускнели и погасли.

— ...Анатолий Борисович! Ну, скажите же вы ему, пусть выпьет! — негодуя крикнул Дауге.

— Выпейте. Выпейте, Богдан Богданович, — проговорил Ермаков. Он зажег свет в башенке и с лихорадочной поспешностью принялся снимать отсчеты с барабанов своего даль-номера.

— Вот так, — с удовлетворением говорил Дауге. — Умница — командира слушаешься. А теперь еще одну...

— Сколько у вас? — быстро спросил Ермаков.

— Высота — десять градусов ноль восемь минут, азимут тринадцать градусов двадцать шесть минут... Но что...

— Молчите, Алексей Петрович... — Ермаков записал числа в блокнот. — Молчите. Об этом после...

Быков взялся пальцами за нижнюю губу.

— Свет! — закричал вдруг Юрковский. — Зажгите свет! Дауге опять плохо!..

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ГОЛКОНДЫ

«Мальчик» шел не быстро. По экрану скользили очертания частых столбов, глыб камня. Ермаков сидел, откинувшись на спинку кресла, положив руки на пульт управления. Свет в транспорте был погашен. Геологи спали. Юрковский тихонько посапывал, свернувшись клубочком; блики серебристого света, падающего с экрана, скользили по его спокойному лицу. Дауге, закинув голову, глухо стонал во сне, иногда принимался быстро-быстро неразборчиво бормотать что-то. Потом вдруг открыл глаза, сказал громко, внятно:

— Знаю, все знаю... Но что делать? За что?.. Ответ — за что?

Ермаков не обернулся. Быков долго смотрел на осунувшееся измученное лицо друга, потом спросил:

— Анатолий Борисович, что с Дауге? Неужто это навсегда?

Ермаков чуть пожал плечами:

— Я не психиатр, Алексей Петрович. Мне трудно разобратся в этой болезни. Я не понимаю ее. «Змеинный психоз», галлюцинации, Богдан... Истощение организма — странное, необъяснимое... Гриппозная температура. И все это без видимой причины. Смерть Богдана он перенес гораздо спокойнее, чем Юрковский, переутомлялся не больше остальных... Может, это та самая горячка, о которой говорили чехи... Только бы, Алексей Петрович, вернуться: по опыту знаю — Земля, голубое небо лечат все небесные болезни лучше любого врача.

— Если это какая-то особая местная болезнь, так почему мы здоровы?.. Все должны были... Впрочем... Помните, Анатолий Борисович, Дауге несколько раз выходил из «Мальчика» без скафандра?..

— Скорей бы вернуться, Алексей Петрович. На Земле разобрались бы во всем.

Помолчали. Дауге опять заговорил. Поднялся, сел, упираясь руками, спросил удивленно: «Белее, чем алебастр? Ерунда!» и снова упал на спину, закинув лицо. Быков потер ладонями глаза — казалось, будто тысячи иголок впииваются в веки.

— Болят? — покосился на него Ермаков.

— Так... Немножко побаливают. А вот, Анатолий Борисович... Почему мы не вызвали «Хиус» прямо сюда, на ракетодром? Зачем тащиться несколько суток по плохим дорогам, если Михаил может привести планетолет сюда?..

Ермаков быстро взглянул на Быкова, лицо его потемнело. Ответил не сразу, оглянувшись на спящих, будто желая убедиться, что они не услышат:

— Да. Перед началом похода я договорился с Крутиковым именно так. Это было бы не только удобно для нас с вами, но послужило бы испытанием посадочной площадки. Это было бы очень хорошо, Алексей Петрович. Но...

— Но?

— Я должен был отдать приказ на переброску «Хиуса» после установки последнего маяка. Но еще накануне... вы

помните, связь с Михаилом прервалась. Неожиданно прервалась.

— Да, я помню это.

Ермаков помолчал.

— Это был очень странный перерыв: репродуктор вдруг загудел, и я почти перестал слышать Крутикова. Но мне показалось, что он окликнул меня как-то... как-то взволнованно, как-то возбужденно... И с тех пор мне не удается связаться с «Хиусом».

— Что-нибудь случилось с Михаилом?

— Да.

Быков приподнялся.

— Случилось? Что?

Ермаков, не отрывая взгляд от экрана, проговорил:

— Вы заметили две вспышки на горизонте?

— З-заметил, конечно. Но...

— Не волнуйтесь, Алексей Петрович. Оснований для беспокойства пока нет. Пока. Во всяком случае Михаил Антонович жив и... здоров, разумеется. Значит, планетолет в порядке. — Ермаков опять оглянулся на геологов, понизил голос: — Я засекаю направление на вспышки... Одним словом, вот что... — Он осторожно остановил транспортер, снял руки с пульта и вытащил из стола сложенный вчетверо лист плотной бумаги. Бережно развернул ее. Смотрите...

Это была карта исследованной области. Быков разглядел почти правильное кольцо огромного болота, грязевого кратера, и крестик внутри его — место посадки «Хиуса». Путь «Мальчика» через пустыню и гряду скал к ракетодрому «Голконда-1» был нанесен четким пунктиром. Резко бросалось в глаза чернильно-черное пятно Голконды, окаймленное бледно-серым поясом Дымного моря.

Ермаков указал кончиком карандаша на маленький красный кружок юго-восточнее болота:

— Вот эта точка. Вы видите, это в стороне от болота... Именно отсюда были выпущены ракеты, если, конечно, это были ракеты. Точность определения — пять—семь километров.

— Но как и почему мог перескочить туда «Хиус»?

— Я не говорил, что это «Хиус». Но...

— Что?

Ермаков ссутулился и погладил больную ногу.

— Вот что, Быков. Сейчас мы идем к месту посадки «Хиуса». К болоту. Ракеты могли быть выпущены какой-нибудь экспедицией, знающей, что мы где-то в этом районе. Возможно, это просто автоуправляемая ракета-грузовик с продольным движением. Или там вообще ничего нет. Мы могли видеть атмосферные вспышки... Однако они странно совпадают с нашим условным сигналом. Во всяком случае, Алексей Петрович, все может случиться.

— Ровно в двадцать ноль-ноль? — спросил Быков.

— В двадцать двенадцать, — холодно уточнил Ермаков.

— А Михаил должен был в случае... должен был сигнализировать ровно в двадцать?

— Да.

Быков отчетливо ощутил в груди холодок нехорошего предчувствия.

— Очень страшно оборвалась связь, — продолжал Ермаков, словно размышляя вслух. — Репродуктор загудел, и я почти перестал слышать Крутикова. Но мне показалось, что он окликнул меня как-то... взволнованно. Слишком взволнованно... Потом наступила тишина. И теперь третьи сутки молчит.

Он наклонился к уху Быкова. На мгновение его глаза засветились в сумраке кабины, как у кошки.

— Так или иначе, одну карту я отдаю вам. Спрячьте и держите при себе. Все время держите при себе. Вторая останется у меня, я кладу ее вот сюда, в столик. Геологам говорить ничего не надо. Очень может быть — все это ложная тревога.

— Та-ак. Понятно. А не двинуть ли нам прямо туда? — глядя прямо в глаза Ермакову, предложил Быков. — Если это люди, зря сигналы подавать они не станут.

— Да. Верно. Но сначала мы пойдем к «Хиусу». А дальше — посмотрим.

Быков сложил карту, сунул ее во внутренний карман.

— Ясно. От Михаила, значит, ничего?

— Ничего, Алексей Петрович. Сейчас я подремлю немного и попытаюсь еще раз. Держите курс на проход в скалах, возвращаемся прежним путем. Идите прямо по карте.

— Слушаюсь. Отдыхайте, Анатолий Борисович. А... А вдруг это все-таки Михаил?..

Ермаков спокойно пожал плечами, покачал головой:

— Не будем делать поспешных выводов.

Надолго настала тишина. Ермаков заснул, уронив голову на грудь. Покашливают двигатели, неторопливо тикают счетчики, товарищи дышат ровно. Даже Дауге успокоился и крепче заснул. Быков начинает подсчитывать. До «Хиуса» — сутки, ну, скажем, двое суток. Еще через сутки — на «Циолковском». Ну, там, туда-сюда, короче говоря, через полмесяца будем дома, на Земле-матушке. Прежде всего — в парикмахерскую, постричься по-человечески, а то от Гришиной стрижки весь экипаж стоном стонет: из Дауге парикмахер, как из Быкова геолог. Потом — Ашхабад. Значит, так. Стучусь. Она, конечно, тетрадки проверяет, учительница моя... Милый ты мой человек... А, черт, как глаза болят! Быков замедляет ход «Мальчика», осторожно трет веки — больно. Ну, ничего... Это верно — Земля быстро вылечит все небесные болезни...

Сзади шутливо-сердитый голос Дауге:

— Ты что машину качаешь? Драть тебя некому!..

— Ладно, ладно, — улыбается Быков. — Спи себе, знай, не буди людей.

Слышно, как Дауге ворочается на своем жестком ложе.

— Все, теперь уж не засну... А ты чего бодрствуешь, полночник?

— Как так — чего? Машину ве...

— Да я не тебе... Богдан, слышишь?

Быков холодеет — вот оно, опять. За спиной звучит негромкий дикий разговор-монолог:

— Тоже не спится? Ну, ясно — любовник пылкий, глаза сияют подобно чему-то там и свету звезд... А? Нет, зачем же, я в этом смысле человек конченный... Ты мне лучше скажи, в Большой театр достанешь билетик, на «Фауста»? Ха-ха-ха!.. Да нет, серьезно... «Позвольте предложить, преле-стная, вам руку...» Что? Не верю... Но это же колоссально! Ты гений! Честное слово, молодец, Богдан! Ага... У меня другая заветная мечта: отдохнуть на Земле, подлечусь немножко... Нет, вот волосы выпадают, видишь — прядями целыми... Ну, у тебя не так — такую гриву никакая радиация не возьмет... Погоди, дай досказать...

Быков не выдерживает, оглядывается. В бледном неровном свете экрана лицо Дауге кажется черным. Он сидит, скрестив ноги, повернувшись к рации, глаза закрыты

мечтательно. В голосе такое спокойствие, такая убежденность, что Быков вздрагивает: ему кажется, что у рации, слегка покачиваясь, по обыкновению, на стуле, сидит Богдан — темный силуэт на фоне поблескивающих металлом приборов.

— Подлечусь немного и отпрошусь снова сюда. Космическая палеонтология! Новая замечательная наука! Жаль, я не специалист, но это дело поправимое, тем более что кое-какими знаниями я обладаю... А? Конечно, можно и так, но это много времени отберет. Я лучше во время отпуска займусь... Конечно! Потом заметь, специалистов по венерийской палеонтологии... Да-да-да-да!

Дауге приглушенно смеется. Быков закусывает губу:

— Слушайте... Тише! Люди спят. Богдан... то есть... это... Гришка! Не спится — займись чем-нибудь.

— Слушаюсь, водитель! — Дауге зловещим шепотом сообщает своему незримому собеседнику. — Выдал? Строгий!..

Зашуршало — Дауге улется опять, замолчал. И снова — шумят моторы, поскрипывает песок под гусеницами, возникают и исчезают беззвучно на экране очертания обломков камня...

«Мальчик» был недалеко от скалистой гряды, когда Быков заметил впереди на пути движения красные пятна и полосы с мерцающим над ними тяжелым лиловатым паром. Необычайный огненный поток преграждал «Мальчику» дорогу. Быков остановил транспортер и вполголоса позвал Ермакова. Некоторое время они оба, склонившись над смотровым люком, молча вглядывались в странное явление.

— Попробуем пройти? — спросил наконец Быков.

Ермаков неопределенно помотал головой:

— Нет... Не стоит. Лучше попытаться миновать стороной.

— Что это может быть?

— Не знаю... Подведите машину поближе.

«Мальчик» тихонько прополз метров двести и остановился. На черной почве ярко-красным светом мерцали извилистые полосы. Вдали, за пеленой лиловой дымки, они сливались в сплошное малиновое пятно. Казалось, откуда-то выливается, покрывая пустыню, раскаленная лава. Быков заметил, как медленно, почти неуловимо для глаза, красное

поле приближалось к большому черному валуну. У его подножия оно поднималось, вспучивалось, наползая на камень...

— Оно движется, — пробормотал Ермаков.

Валун исчез под красным шевелящимся тестом.

— Что за черт!

— Выйдем, посмотрим, — решительно предложил Ермаков. Он быстро поднялся и, невольно застонав, снова рухнул в кресло. — Нет, я не ходок... Будите геологов, Алексей Петрович.

Они не сразу покинули транспортер. Чем-то зловещим веяло от этой малиново-красной светящейся массы. Даже Юрковский промолчал, когда Быков проговорил осторожно:

— Можно подойти и исследовать эту штуку манипуляторами...

— Можно, — неуверенно подтвердил Дауге. — По-моему, это не лава...

Ермаков нагнулся и, морщась, пощупал ногу.

— Будьте осторожны. При малейшей опасности возвращайтесь в транспортер. Вы всегда успеете уйти. Оно движется медленно.

Перед дверцей в кессон Быков оглянулся. Ермаков, ссутулясь, сидел за пультом, не отрывая глаз от багровой полосы за смотровым люком. Он не надел спецкостюма, и Быков видел в розоватом свете экрана его пальцы, крепко стиснутые в кулаки...

Трепещущая масса двигалась сторонами, охватывая транспортер огромным полукольцом. Длинные рукава, выброшенные вперед, словно ощупывали почву. Мерцающий лиловый туман поднимался над всем этим шевелящимся красным ковром. В наушниках гудела далекая Голконда, раздавался ровный скрипящий шорох: багровый поток волочил за собой камни, осколки валунов.

— Удивительно похоже на живое существо, — пробормотал Дауге.

— Не говори ерунды, Григорий... — сказал Юрковский.

— Это живое существо — посмотри на щупальца: они ищут дорогу среди скал...

— Ничего они не ищут...

Дауге наклонился, поднял бульжник и, сказав: «А ну, была не была!» — швырнул его в красную массу. Быков, не успевший его остановить, весь собрался, готовый к любым

неприятностям. Но ничего не произошло. Камень упал на красную поверхность, подпрыгнул, прокатился немного и остановился, чернея. Вокруг него поднялись струйки розоватого дыма. Потом камень исчез, словно растаял, — красная масса всосала его.

— Температура нормальная, — сообщил Юрковский, рассматривая ручной термометр, — пятьдесят четыре и три. Для этих мест — вполне нормальная. Это не лава.

Они подошли совсем близко. Стена лилового тумана поднималась прямо перед их глазами; еще несколько шагов — и они ступили бы на поразительный малиновый ковер.

— Не стоит дальше, — сказал Быков, — у меня в шлеме счетчик радиации с ума сходит.

— Н-да-а, — протянул Иоганьч останавливаясь. — Радиация усиливается. Эта штука излучает, Володя...

— Вижу, — буркнул Юрковский, опускаясь на корточки и внимательно рассматривая край багрового потока.

Почву покрывала толстая светящаяся пленка — очень тугая на вид, ноздреватая, как губка. Она медленно ползла по земле, местами вспучиваясь, выворачивая камни из песка.

— Толщина — сантиметров пятнадцать, — определил Юрковский, наблюдая, как пленка наползает на острый осколок камня. — Это неживое существо, Гриша! Оно совершенно равнодушно к внешним раздражениям.

— Чудак! — Дауге пожал плечами. — Губка тоже совершенно равнодушна к внешним раздражениям... Это наверняка колония каких-то микросущств.

— Микросущества... При таком уровне радиации в этом районе? — Юрковский будто думал вслух. — Хотя, конечно, живое может приспособиться к любым условиям. Тем более эта штука сама излучает... В этом ты прав, Иоганьч. Но как ты докажешь... Давай возьмем пробу — дома рассмотрим.

— Значит, вы думаете, что через это красное поле на «Мальчике» идти можно? — спросил Быков.

Геологи помолчали; потом Дауге сказал:

— Скорее да, чем нет. Во всяком случае это не лава.

— Так пошли в машину. Ермаков ждет.

— Сейчас, Алексей. Надо только взять образец этой штуки.

Транспортер стоял метрах в ста от них, поблескивая в красном свете. Чернело отверстие распаханного люка. Мали-

новая пленка словно обтекала машину — вдали во тьме уже виднелись ее полосы, окутанные лиловатым паром. Пленка охватила «Мальчика» с трех сторон. Быкову стало не по себе.

— Давайте-ка побыстрее, товарищи, — сказал он. — Что-то мне не нравится поведение этого любопытного явления природы.

— Почему она не подползает ближе? — задумчиво проговорил Юрковский.

— Почему она вообще подползает? — возразил Иоганн. — Это, по-моему, и важнее, и интереснее... Короче, я сейчас сбегаю за контейнером, подождите минутку... — пробормотал Дауге и шаткой рысцой направился к «Мальчику».

Быков проводил его глазами и, повернувшись к Юрковскому, увидел, что тот старается финским ножом отхватить кусок пленки.

— Не надо, Владимир Сергеевич, зачем? Возьмем эту штуку манипулятором.

Юрковский сердито пыхтел, орудуя клинком. Нож легко входил в упругую массу, но она сразу смыкалась за ним. Геолог, рассвирепев, рвал и кромсал плотный трепещущий студень. Наконец ему удалось отделить толстый красный кусок. Густо повалил светящийся газ. Юрковский выпрямился, откатил кусок ногой подальше — на черном песке ярко засветилось красное пятно. Сзади загремело. Они оглянулись и увидели Дауге, свалившегося с «Мальчика». Он сидел на земле в челепой позе.

— Эк его... — с досадой произнес Юрковский.

Дауге быстро поднялся и, согнувшись, принялся шарить под ногами — искал что-то. Быков успел заметить, что огненные щупальца уже окружили транспортер, сомкнувшись метрах в трехстах от него. Они образовали почти правильное кольцо.

«Кольцо... — вдруг подумал Быков. — Огненное кольцо... Где я слышал о кольце?»

Дауге уже шел, волоча по земле за ремень металлический бачок-контейнер для радиоактивных образцов. Под мышкой он держал тяжелый щиток.

— Вот дьявол! — изумленно сказал Юрковский.

Быков поглядел под ноги и увидел, что отрубленный кусок пленки расплылся звездой, выбросив длинные топки.

отростки в сторону красного ковра. И вдруг он вспомнил: «Красное кольцо! Берегись Красного кольца! Загадка Тахмасиба...»

В это мгновение почва содрогнулась. Быков потерял равновесие и чуть не упал. Он увидел, как, роняя все из рук, повалился на землю Дауге, как Юрковский, пытаясь подняться, встал на четвереньки.

В черном небе вспыхнула ослепительная бело-синяя зарница. Второй толчок швырнул Быкова на землю. Под ногами оглушительно треснуло. Крутом загрохотало.

— А-а-а! — еле слышно среди ужасного шума закричал Юрковский.

Быков, судорожно цепляясь за неровности почвы, увидел, как раскрылась земля рядом с «Мальчиком» и взметнулся столб огня. В пылающем мареве видно было, как бешено закрутились гусеницы вздыбленного транспортера, как поднялся и снова упал ничком Иоганыч. Нестерпимый жар охватил Быкова, проник сквозь силикотовую ткань костюма. Почти теряя сознание, Быков поднялся на ноги, с трудом удерживая равновесие, сделал несколько неверных шагов к перекошенному транспортеру и снова упал — почва ушла из-под ног. Грохот мгновенно стих. Сквозь пот, заливающий глаза, Быков увидел, как медленно наливается тускло-красным, пепельно-красным светом дрожжащая потрескавшаяся земля, как оседает в плавящийся песок раскаленный докрасна транспортер.

— А-а-а! — кричал сзади Юрковский.

Стиснув зубы, преодолевая нахлынувшую слабость, Быков заставил себя поползти на этот жалобный крик. В глазах качалось багровое зарево,плыли разноцветные ослепляющие круги, но он увидел черные, словно обугленные руки Юрковского, тянущиеся к нему. И он нашел еще в себе силы, чтобы вцепиться в них, упереться в землю и оттащить геолога подальше от малиновой трясины.

Потом он все-таки потерял сознание, но, видимо, ненадолго, потому что, придя в себя, обнаружил, что Юрковский лежит рядом с ним, неловко подогнув под себя руки, что раскаленная почва вокруг «Мальчика» еще не успела потемнеть и транспортер стоит, сильно накренившись, глубоко уйдя в оплавленную землю, и пластмассовая броня на нем дымится, становясь серой и быстро темнея.

Ослепительные сине-белые полосы в небе погасли. В ушах стоял непрерывный пронзительный звон, и Быков не сразу понял, что это — счетчик излучения. «Десятки, сотни рентген», — мелькнула в мозгу и исчезла мимолетная мысль. Он поднялся на ноги, подхватил под мышки неподвижного Юрковского (тот бессильно обвис в его руках) и потащил его к «Мальчику», подальше от пузырящейся, окутанной розовым паром красной пленки. Шагов через сорок он наткнулся на Дауге. Иоганыч лежал на спине, вцепившись скрюченными пальцами в ткань спецкостюма на груди. Положив Юрковского рядом, Быков нагнулся к другу. Дауге был без сознания, дышал часто, с хрипом. Нижняя часть его спецкостюма висела лохмотьями. Алексей торопливо, трясущимися пальцами открутил кислородный кран, снял ремень с автомата, туго перетянул неподвижное тело вокруг пояса, чтобы прекратить доступ раскаленного, бедного кислородом и насыщенного активной пылью воздуха извне. Дауге застонал, со всхлипом втянул в себя живительный газ. Юрковский очнулся сам. Он затрепетал, приходя в себя, быстрым движением поднялся, сел. Дауге продолжал тяжело хрипеть.

— «Мальчик»... Анатолий Борисович... — пробормотал Юрковский. — Скорее...

Быков помог ему подняться, и они оба, шатаясь, направились к остывающей в сотне метров от них громаде транспортера. Перебрались через широкую черпеющую трещину, побежали. Юрковский первым полез в люк, но сорвался и остановился рядом с машиной, держась за броню и тяжело дыша.

Быков оттолкнул его и полез сам.

Люк сильно оплавился, стал овальным. Броня была еще раскалена, жар проникал под спецкостюм, нестерпимо обжигая. В темном кессоне Быков напрасно шарил выключатель и, не найдя, зажег фонарик на шлеме. Кессонную дверь открыть не удавалось.

— Анатолий Борисович! Товарищ Ермаков! — в отчаянии позвал он и вдруг понял: бесполезно. Командир погиб.

Температура взрыва была слишком высока, все оплавилось. «Мальчик» некоторое время был раскален добела, а Ермаков, когда они уходили, был без шлема. Там, внутри транспортера, все сгорело. Все — и командир тоже... Конец...

— Люк, люк, скорее, какого черта! — Юрковский вполз в кесон, кинулся к внутреннему люку, толкнул.

Он навалился всем телом, и Быков присоединился к нему. Напрасно! Юрковский яростно забарабанил кулаками.

— Резать надо... — прохрипел Быков.

— Чем, Петрович? Давай в запасной люк, давай!..

Быков выпрыгнул наружу. Второй запасной люк, которым никогда не пользовались, находился в корме транспортера. Но, обогнув машину, он понял, что все погибло. «Мальчик» сильно осел в размякшую от температуры почву и вплавился в нее. Люк оказался ниже уровня твердой, спекшейся корки, и добраться к нему было невозможно. «Мальчик» превратился в мертвую крепость, неприступную для оставшихся в живых. Ермаков отрезан от мира и мертв. Мертв! Командир мертв!

Быков устало опустил на пышущую жаром, исковерканную землю, поднес руки к лицу. Пальцы его уткнулись в гладкий колпак шлема...

Иоганыча подтащили к «Мальчику», уложили поудобнее. Быкову пришлось прежде потратить несколько минут на то, чтобы привести Юрковского в себя. Геолог ходил вокруг мертвого транспортера, ничего не слыша, не отвечая, не замечая. Быков схватил его за плечи, сильно встряхнул, и тогда тот опомнился и послушно пошел за ним, всхлипывая и бормоча.

Дауге все еще не приходил в сознание. Не было лекарств, бинтов. Нечем было закрыть обожженные ноги друга. Нельзя было даже снять с него шлем и напоить водой — температура воздуха после взрыва была еще слишком высока, более 80 градусов. Юрковский и Алексей Петрович молча перекладывали Иоганыча, рылись в вещевых мешках, обматывая израненные ноги тряпками. Они пытались делать ему искусственное дыхание, сами не зная зачем, лохмотьями костюма укрывали от обжигающего ветра обнаженное тело. Быков поминутно смотрел на ручной термометр, но температура понижалась медленно.

— Умрет, — проговорил Юрковский. — Ожог второй степени. Плохо...

— Молчи! — взревел Быков, приходя в ярость.

— Алексей! Она ползет, — пробормотал Юрковский, как в бреду. — Смотри, ползет...

— Что? — Алексей Петрович оглянулся и сразу понял.

Вокруг «Мальчика» медленно, но заметно смыкалось кольцо красной пленки. Багровая масса наползала со всех сторон, подбираясь к центру страшного подземного взрыва, который сжег «Мальчика» и где сейчас громоздились глыбы вывороченного сплавившегося камня. Над глубокой черной воронкой поднимались клубы дыма.

— Захлестнет, — продолжал Юрковский. — Сомнет, раздавит... Уходить надо.

— Куда? — Быков обвел глазами горизонт: со всех сторон наползала малиновая пелена.

Юрковский тяжело поднялся, склонился к Дауге, взял его осторожно под плечи:

— Берись, Алексей... Запремся в «Мальчике». Может быть, отсидимся...

Иоганьч жалобно застонал, когда они протискивали его через узкий люк. В кессоне было еще очень жарко, гораздо жарче, чем снаружи.

— Господи! — сказал с отчаянием Алексей Петрович, глянув на термометр. — Девяносто!

Он лег на раскаленный пол, втащил Дауге на себя. Юрковский торопливо задраивал люк. Ничего не получалось: и отверстие люка, и крышка потеряли свою первоначальную форму. Он кое-как закрепил тяжелый горячий кусок пластмассовой брони, выглянул в щель:

— Сейчас полезет на танк... Оно не обходит препятствий — перебирается поверху... Посмотрим.

Он отошел от щели, присел где-то в темпоте. Алексей Петрович молчал, прислушиваясь к шорохам снаружи, к хрипению Дауге, чувствуя, как нестерпимый жар гложет спину. Они обречены. «Мальчик» погиб, нет еды, кислорода, воды... Иоганьч плох, очень плох. Что сделать для него? Хоть что-нибудь, хоть бесполезное, если ничего другого не остается...

«Мальчик» дрогнул, красный свет, пробивающийся сквозь щели люка, стал ярче. Раздался скрип, скрежет — красная пленка наползала на изувеченный транспорт...

Через полчаса температура упала до шестидесяти градусов, и Алексей Петрович, осторожно стащив с Дауге гладкий колпак, влил ему в полуоткрытый рот глоток апельсинового сока. Иоганьч поперхнулся, открыл глаза, полные

страдания. Быков погладил его по небритой щеке и снова надел шлем.

— Где мы?

— В «Мальчике», Иоганьч, дружок... Ты ранен.

— Больно как... Ноги... Что случилось, почему темно? Почему не двигаемся?..

— Был взрыв, Иоганьч, — ответил Юрковский и замолчал: не хватило сил сказать все до конца.

— Да... взрыв... Помню. Меня бросило на землю и обожгло... Владимир, ты понимаешь, что это?.. Под землей взорвался атомный котел... Помнишь, мы... спорили... об этом... Не повезло... Как раз под нами...

Дауге быстро, прерывисто задышал. Алексей Петрович до отказа повернул кран подачи кислорода.

— Хорошо, хорошо... Еще... — Дауге дышал глубоко, жадно. — Где Ермаков? Что вы молчите? Алексей! Что случилось?..

— «Мальчик» погиб, Гриша... — Юрковский помолчал, затем медленно договаривал все: — Ермаков погиб...

Дауге всхлипнул и снова потерял сознание. «Мальчик» вздрагивал, скрипело что-то по броне, щели неплотно закрытого люка светились красным. Юрковский вдруг заговорил негромко:

— Гриша, Гришка, очнись... Мы уйдем отсюда... Понесем тебя на руках... Гриша!

Дауге вздрагивал, в бреду звал Машу, плакал:

— Маша, Маша... Не уходи. Я все для тебя... Все... Жизнь, честь... Маша... Никто тебя больше меня любить не будет... Все пройдет, все ложь, кроме любви моей... Богдан... «Мальчик» жалко... Один я... Страшно... Смерть... Бо-о-ольно!..

И вдруг, помолчав, — ласково, радостно:

— Вот так... Да-да... Какая у тебя ладонь нежная, прохладная... Мне очень больно, Машенька... Ты моя радость, моя чудная... Не надо, не говори, я все понимаю, все — ерунда... Еще, еще... Милая ты моя... А я небритый... Больно очень, Машенька... Ма-ша!

Юрковский вскочил, заметался в лучах фонарика:

— Убью!.. Сволочь! Подлая баба!..

Он длинно, мерзко выругался. Быков, стаскивая с Дауге колпак, прижимал к его рту кислородную трубку, не

отрываясь глядел в лицо друга. Жизнь уходила с лица, проваливались щеки, тускнели глаза. Губы едва уже шевелились.

— Ма-ша... — разобрал Быков. И еще: — Холодно... Боль-но... Ма-ша.

Дрожь была небольшое жилистое тело, крупная дрожь, как от сильного пронизывающего холода.

Быков взял в ладони его бессильную голову в шлеме, прижал к себе. Дауге умолк.

— Умер? — чужим голосом спросил Юрковский.

— Не знаю.

— Умер, умер. Григорий Иоганнович Дауге — известный советский геолог-космонавт — погиб при штурме Венеры. Иоганыч умер.

— Он не умер, — сказал Быков, прислушиваясь к слабому редкому дыханию.

Юрковский подошел к люку, прижался к нему и еле слышно проговорил:

— Шесть лет вместе... Луна, марсианские пустыни... Шесть лет...

Он распахнул люк резким, неожиданно сильным движением. Вокруг была ночь, тьма... Далеко-далеко, содрогаясь от собственной мощи, грохотала Урановая Голконда, поднимаемая над горизонтом дымное, пронизанное огнем вспыхивающее зарево...

СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ ШАГОВ

Их осталось трое.

Дауге не приходил в сознание. Быков и Юрковский с трудом извлекли его наружу и некоторое время стояли неподвижно, не в силах покинуть страшное место. Привычно подрагивала земля. Красная пленка исчезла. Они еще успели заметить остатки красного ковра над воронкой на месте подземного взрыва, метрах в двадцати от «Мальчика»: пленка жадно и торопливо втягивалась в бездонную дыру, медленно гасло лиловое сияние. Стало темнее. Быков поднял было автомат для последнего привета, но опустил, раздумав. Оставалась только одна сигнальная обойма — шестьдесят пат-

ронов, — а впереди сто километров пути по песчаной пустыне, по ущелью, по болоту... Сто километров, сто тысяч метров, сто пятьдесят тысяч шагов, и каждый из них грозит неведомым.

— Салют! — хрипло потребовал Юрковский, и Быков, вскинув автомат, дал короткую, скупую очередь...

Из обрезков селено-цериевой ткани, найденных в кессоне, они соорудили нечто вроде носилок и уложили на них Дауге. Прочная, хорошая ткань; ее еще хватило и на то, чтобы обмотать Иоганыча с пог до шеи.

Теперь они шли, согнувшись под упругим тяжелым ветром, в крошечной тьме, изредка озаряемой холодными голубыми зарницами. В такие моменты Быков видел перед собой шлем Дауге на носилках и черную шатающуюся спину Юрковского впереди, мертвые пески, низкие тяжелые тучи с яркими прожилками света. Зарница медленно гасла, и снова — тьма, вязкий песок под ногами, вой ветра в наушниках...

Они не говорили друг с другом. Дышать было тяжело, потому что они берегли сжиженный кислород и дышали наружным воздухом, пропущенным через кислородный фильтр. Этот воздух был горяч и беден кислородом, он душил, заставлял судорожно зевать, жадно распахивать сухие рты... Нет, разговаривать было невозможно. Только на редких и недолгих привалах, когда один валялся в полусне-полубеспамятстве, другой, бодрствующий рядом с автоматом на коленях, имел возможность слушать измененный голос товарища, бормочущего бессмыслицу. Говорить они не могли, но лучше бы они не могли думать...

Жажда! Рот высох. Губы, язык потеряли чувствительность, онемели. Кажется, будто глотка забита песком и пылью, а язык — тяжелый, сухой ворочающийся камень... Горит огнем обожженное тело, огонь на коже, во рту, в легких... Жажда! А здесь, у самого рта — стоит только протянуть губы, — холодный лимонный сок... кисловатый, душистый... Надо только чуть нагнуть голову... взять в пересохшие губы прохладный эбонитовый наконечник... потянуть в себя... Сладость, влага... Быков даже чувствует, как его зубы сжимают гладкий эбонит... Чуть-чуть... Глоток, только один глоток... Увлажнить язык...

— Юрковский, сволочь!.. Опять пьешь? Отставить!

Юрковский хрипит свирепо. Нельзя, нельзя, Вова... Сто пятьдесят тысяч шагов. Осталось еще не меньше ста тысяч... и Гриша... Быков облизывает губы. Или это ему только кажется, что облизывает? Вот в пяти сантиметрах от лица черный прохладный наконечник...

Ну, по сути-то дела, зачем все это? Идти, мучиться... Дело сделано. Далеко позади зарево Голконды пляшет отсветами на гладкой стали башенок маяков. Скоро — может быть, очень скоро — здесь опустятся планетолеты, и бодрые, веселые люди начнут настоящий штурм. Сильные, здоровые, пьющие много свежего, прохладного лимонного сока. И Голконда сдастся. Это уже не зависит от двух измотанных теней в силиконовых костюмах. Что мешает им упасть, напиться вволю холодной влаги и заснуть в песке?

Это так... Хорошо бы лечь, вытянуть обессилевшие ноги, напиться и заснуть. Пусть черный ветер наметает над ними песчаный холмик... Просто и чертовски соблазнительно. А для начала снять с шеи стокилограммовый автомат. Да ну его к черту! Зачем он здесь нужен, в мертвых песках? Тут уже давно все вымерло: всякому ясно, что лучше всего в этой пустыне лечь, напиться вволю — есть еще больше полулитра сока в термосе! — и подождать, пока тебя занесет песком.

Правда, впереди болото, там нельзя без оружия. И там сидит в «Хиусе» Михаил Антонович и ждет. У него есть вода — много воды! — и лимонад — много холодного шипящего лимонада! — но он должен сидеть так один и ждать. Они лягут здесь и уснут, а он будет ждать, будет мучиться бессонницей, часами сидеть у радиоприборов. Он не улетит без них, не улетит, пока не дожидется хоть какой-нибудь вести... может быть, даже сам пойдет искать их, нарушая все инструкции. Он ведь не знает, что здесь нельзя жить, если нет большого, очень большого количества свежей, прохладной влаги...

Лечь нельзя! Гришу надо донести. Михаил Антонович ждет, ждет верно и твердо и верит в них. И Краухин ждет, и Махов, и тот хладнокровный инженер с «Циолковского», и девушка в Ашхабаде...

И все люди, и вся огромная далекая страна. Как много людей ждет их! Значит, они нужны многим, очень многим...

Ждут! Хуже всего на свете ждать и догонять. Их ждут, они догоняют. Они догоняют уходящую жизнь, и им нельзя лечь. Надо идти, потому что их ждут, потому что они нужны, потому что они еще вернутся сюда — обязательно вернутся! — потому что очень хорошо жить, потому что лучше всего на свете — это жить. Надо идти потому, что они дойдут, наверняка дойдут, без всякого сомнения дойдут, и будет очень обидно, если они лягут здесь и заснут... Можно дойти, можно, можно... хотя они могли дойти. Это будет ужасно обидно. И поэтому надо. «Не хочется — надо!» — говаривал Иоганнч.

Быков спотыкается и, конечно, падает. Если споткнешься — упадешь обязательно. Это потому, что они идут уже более суток по песку, который засасывает ноги, а ветер дует с такой силой, что трудно не упасть. А если они за последние двое суток один раз. И шли тоже только один раз. Юрковский падает, роняет Дауге. Быков старается ему помочь. «К черту!» — хрипит геолог. Как так «к черту», если они не могут не дойти? Если осталось всего только сто тысяч шагов... или немного больше... Быков садится рядом и ждет. Э, врешь, брат, ты не ждешь, ты отдыхаешь! И отдыхаешь не вовремя, значит, теряешь время, а время — это вода, а вода — это жизнь. Быков толкает Юрковского. Тот мычит.

— Пошли, пошли, Владимир Сергеевич! Ерунда осталась!

Юрковский в ответ мычит и не двигается. Тогда Быков наклоняется к нему, ощупью находит кислородный кран, отворачивает на несколько секунд. Юрковский жадно дышит, потом медленно, шатаясь, встает. Алексей Петрович помогает ему...

Шаг, два, три, семь, десять... Нет, считать бессмысленно. Десять и пятьдесят тысяч! Смешно! Но интересно — все-таки уже не сто пятьдесят. Прошло трое суток или нет... четверо? Вот черт! Быков чувствует, что потерял счет времени, а это важно, очень важно! Может быть, тогда осталось не пятьдесят, а шестьдесят? Восемьдесят? Минутку, минутку... Быков начинает припоминать. Они идут четвертые сутки. Первые сутки — пустыня, и Юрковский впервые упал

и не хотел вставать. Быков давал ему кислород. Вторые сутки... м-м-м... вторые сутки? А, это когда он чуть не провалился в воронку с зыбучим песком и Юрковский его еле вытащил. Они еще долго, около часу, отдыхали на этом месте и пили сок. И Гриша как будто легче дышал, хотя так и не пришел в сознание... Хороший день... А вот третьи сутки? Да, когда руки онемели, отнялись, стали бесчувственными. Носилок не поднять, не удержать. Гриша стал второе, впятеро тяжелее... И они сделали петли и повесили носилки на шею. Юрковский на привале тогда говорил, что весь поход — бессмыслица, что идти им еще неделю, а питья не хватит и на четыре дня и что вообще они скоро упадут и не встанут. А потом, пока они спали, вокруг намело песчаную насыпь. И сегодня, когда начинали поход, тоже намело. Юрковского и Дауге пришлось откапывать... Правильно — трое суток! А в сутки они проходят в среднем тридцать тысяч шагов. У Быкова есть шагомер. Пройдено сто тысяч шагов, а всего — сто пятьдесят. Значит, осталось только пятьдесят тысяч.

Сегодня осмотрели ожоги Дауге — кожа слезла, кровоточащие язвы... Быков перевязывает ему ноги как умеет. Затем Быков снимает с Юрковского вещевой мешок, в котором лежат термосы Дауге. Ему кажется, что Юрковский два раза тайком пил...

Быков тащит все на себе. Юрковский снова упал — голубая зарница роняет неверный дрожащий свет на черное распростертое тело.

— Вставай!
 — Нет...
 — Вставай, говорю!
 — Не могу...
 — Встать! Убью! — напрягаясь, орет Быков.
 — Оставь меня и Гришу! — злобно хрипит Юрковский. — Иди один.

Но он все-таки встает.

На севере разгорается синее зарево, пылая, охватывает полнеба. Быков сквозь полусомкнутые от усталости веки видит свою длинную неуклюжую тень — она шатается и дергается. Ветер меняет направление — теперь он дует в спину. Очень сильный ветер. Он сильнее людей, он валит с ног, но в то же время помогает идти, и, когда затихает, тело

кажется невыносимо отяжелевшим. Хорошо еще, что нет Черной бури... Юрковский падает снова, лежит неподвижно, погрузив пальцы в крупный песок. Медленно тает заря на севере.

— Встать!

Быков опустился на землю и с трудом стащил с себя заплочный мешок. Снял автомат, уложил аккуратно. Принялся медленными неверными движениями отыскивать замок шлема. Пока не снят шлем, нельзя расстегнуть спецкостюм и высвободить кислородный баллон. А Юрковский лежит без сознания, и запас живительного газа в его баллоне кончился. У капитана кислород почти не растрочен. Надо снять шлем, расстегнуть спецкостюм и вынуть кислородный баллон. Быков облизывает губы. Он их не облизывает, но ему кажется, что облизывает. Впрочем, это неважно. Надо снять шлем и нырнуть в горячий, раскаленный, полный песка и пыли воздух, в котором нет влаги и очень мало кислорода. Впрочем, это неважно тоже... Юрковский лежит без сознания, и если кислород не приведет его в себя, то Быков не знает, что делать. Щелкает замок.

Воздух невыносимо горяч. Быков никогда не дышал таким и не думал даже, что это возможно. Но это, по-видимому, возможно, потому что он достает баллон, присоединяет его к баллону Юрковского и ждет, следя, как судорожно дергается стрелка манометра в лучах фонарика на его шлеме. Шлем лежит рядом, около вещевого мешка... В глазах мутнеет, подкатывает дурнота... Воздуха! Воздуха! Широко открытый рот хватает раскаленную смесь песка, пыли и еще чего-то, чего очень мало, но чем можно дышать... Все-таки, по-видимому, действительно, можно, потому что у него еще хватает сил закрепить как надо свой баллон и нацепить шлем. Только после этого он перестает видеть лучи фонарика, в которых пролетают песчаные вихри, и валится головой в песок рядом с оживающим Юрковским...

Во время привала Быков, измотанный и обессиленный, заснул, оставив Юрковского на часах. За четвертые сутки они прошли не больше двенадцати тысяч шагов, и, пока Быков спал, Юрковский снял с себя термосы с остатками

жидкого шоколада и лимонада, снял баллон с кислородом, сложил все это аккуратно на полупустой мешок рядом с носилками и, кое-как нацепив шлем, уполз в ночь умирать в песках. Быков проснулся как раз вовремя. Он отыскал геолога в тот момент, когда тот, чувствуя, что у него не хватает сил отползти далеко, стаскивал и не мог стащить с себя зацепившийся за что-то шлем. Быков взвалил Юрковского на плечо — оба не сказали ни слова, — отнес к месту привала, помог укрепить шлем и поставить все баллоны и потом сказал:

— Я хочу спать, я очень устал. Дай слово, что во время сна ты не удерешь...

Юрковский молчал.

— Я очень хочу спать, очень... Ты не даешь мне заснуть, Володя...

Юрковский молчал упрямо, только с ненавистью сопел в микрофон.

— Дай мне заснуть, Володя!.. Мы поговорим обо всем, когда я проснусь. Прошу, Владимир Сергеевич...

— Ладно, — вдруг сказал Юрковский. — Спи, Алексей, все в порядке...

Быков хотел сказать что-нибудь ободряющее, но не успел — заснул. Ему ничего не снилось, только все время хотелось пить, и кажется, он даже пил во сне, но потом никак не мог этого припомнить. Через четыре часа они двинулись дальше, и Юрковский пошел сам. Местность стала каменистой, и сквозь мучительный бред о воде Быков подумал, что они сделают, может быть, хороший переход, но Юрковский споткнулся, упал и повредил колено. Быков, ощупывая ему ногу, слышал, как он заплакал горько и яростно, и проговорил:

— А помнишь, Володя?.. Бороться и искать, найти и не сдаваться! Помнишь?

— К черту, все к черту! — всхлипывал Юрковский.

— Нет, ты мне скажи, ты мне скажи, Владимир... Боролись?

Юрковский затих, потом проговорил:

— Боролись.

— Искали?

— Искали.

— Нашли? Вовка! Ведь нашли! Ведь ты же геолог!

Юрковский молчал.

— Не-ет, ты скажи! — Быков чувствовал, что бредит. — Ну? Ведь нашли, а?

— Нашли, — сказал Юрковский.

— Милый... Ведь нашли... Ты... Иоганьч... Все пропало — ладно... Записи, образцы, «Мальчик»... Но ведь ты геолог, ты многое помнишь и так... без записей... Ведь нужен ты, Владимир... Ждут тебя... Краюхин ждет... Искали ведь... нашли... так что же — сдаваться? А, Володя?

— Брось меня, — тихо попросил Юрковский. Все погибнем. Брось...

— Значит, сдаваться? Да?

— Пошли, — прохрипел геолог...

Шаг, два, три, пять, десять.... И все по воде, по глубокой прозрачной воде — вот почему так холодно, вот почему колотит дрожь, вот почему так трудно идти: в воде ведь всегда трудно идти, а здесь она по грудь — прозрачная, холодная, сладкая. Сладчайшая!..

— Юрковский, вода! — бормочет Быков. Геолог не откликается. — Володька! Вода, говорю!..

Молчит. Ну, значит, не хочет. А я выпью, думает Быков. Ого! Как я напьюсь! Только бы не замочить автомат. А впрочем, ерунда, ведь стоит только наклонить голову... Быков с силой натывается на эбонитовые наконечники термосов. С зубов обваливается эмаль, только зубы и сохранили чувствительность в спекшемся рту... Вода сразу исчезает. Остается лютая боль и еще что-то — сухое, пыльное, шершавое — жажда... В термосах почти пусто, осталось много шоколада, но он не утоляет жажды, он сладкий, густой, теплый... Кровь тоже густая и теплая — течет из разбитой губы. Быков слизывает ее языком, спотыкается, делает несколько неверных шагов в сторону и останавливается, тяжело дыша. Юрковский лежит на его спине, обхватив руками за шею. Молчит целыми часами — что ж ему теперь делать, бедняге...

Небо опять окутано багровыми тучами. Дует сильный ветер с севера, он помогает идти. Тучи принесло со стороны Голконды, пока Быков спал. На горизонте мотаются змеистые тени смерчей — все так же, как три недели назад, когда «Мальчик» резво мчался наперерез ветру к Урановой

Голконде, навстречу гибели. Теперь «Мальчик» мертво застыл, вплавившись в остекленевший песок, могучий, огромный — дымной брони памятник Великого похода. Вечным сном заснул его командир; где-то в скалах нашел свою странную смерть Богдан Спицын... Но поход еще не кончен. Не кончен!

Каждый раз, просыпаясь после мучительного сна, Быков люто ненавидел Юрковского. Геолог больше не мог нести носилки. Он все время падал и ронял Дауге. Он еще раз пытался бежать в пески. Но Юрковского терять нельзя! С ним будут потеряны драгоценные знания — знания человека, изучившего подступы к Голконде. Он должен дойти — этот смельчак, поэт и «пижон», он даст людям Голконду, сказочные песчаные равнины, где песок дороже золота, дороже платины... И все-таки каждый раз, проснувшись перед началом нового пятнадцатикилометрового перехода, Быков ненавидел его, как врага.

— Как прошла ночь?

— Все спокойно.

— Спал?

— Немного, часа два...

— Ничего — на мне отоспишься... (Это несправедливо, чертовски несправедливо. Быков никогда не сказал бы так, если бы у них был хотя бы еще один термос с соком, но сейчас он не способен жалеть о сказанном.) Пил?

— Нет. — Голос Юрковского терпеливо спокоен. Это не первый разговор в таком тоне.

— Отпей два глотка, не больше. Слышишь — не больше!..

— Не хочется...

Чудовищная, неприкрытая ложь! Быков еле сдерживается:

— Та-ак! Ладно. Пошли.

Быков с трудом поднимается на ноги, с трудом удерживая болезненный крик. Тело как будто рвут раскаленными клещами. Открывает кран подачи кислорода; жадно глотая, торопливо считает до десяти. Это необходимая порция, иначе ноги просто не пойдут. Медленно опускается на колени и, крихтя, взваливает на плечи вялое тело Дауге. Юрковский остается сидеть на песке — ветер за несколько часов намет около него маленькую черную насыпь.

— Знаете, Быков, это не годится... — Голос сильный, но спокойный. — Так я не согласен...

Быкову хочется разорвать его пополам, но нет сил, а потому — с грозной хрипотцой в ржавом голосе:

— Разговорчики!.. Встать!

— Я тут, пока вы отдыхали, вытащил у вас карту. (Быков судорожно хватается за карман.) Не беспокойтесь, я уже положил обратно... Я нанес на нее основные сведения относительно геологии Голконды.

Быков рассматривает помятую карту с лохматыми краями: дрожащие кривые буквы, непонятные слова... Написано черной сажей, все сотрется, пропадет. Неразборчиво, плохо, грязно...

— Оставьте нас. К чему вам себя мучить? И сами погибнете, и...

— На кой черт ты мне нужен? Мне «язык» нужен! Вставай.

— Но я же записал!..

— На кой черт мне твои писульки? Мне живой «язык» нужен. Хватит болтать, подымайся.

Юрковский колеблется.

— Ты что? Венец героя приобрести хочешь?.. Мученика? Врешь! Я тебя гнать вперед буду, пока сам не свалюсь! А свалюсь — сам поползешь дальше! Понял?! Вставай!

И Юрковский встает. Славный, хороший парень! Наш, советский, хоть и с загибами... После пятого километра Быков перестает его ненавидеть, а после десятого начинает любить, как брата. Молчит, сукин сын, ни слова, ни жалобы — а у самого волосы выпадают, кожа в трещинах, и лицо чернее пустыни. Шатается... Друг ты мой милый, мы дойдем, обязательно дойдем! Смотри, еще десять километров оттопали. Вперед, вперед!.. Шаг, два, три, пять... Вода уже по колено — прозрачная, холодная, сладкая...

Юрковский бормочет:

— Слушай, Алексей... На случай, если я все-таки не дойду... О загадке Тахмасиба, о Красном кольце... Я думаю... я уверен... Это бактерии. Колонии бактерий. Но не наших бактерий. Другая жизнь... небелковая жизнь. Живут за счет излучений. Поглощают радиоактивные излучения и живут за счет их энергии... Слышишь, Быков?

Да-да, он слышит. «Бактерии и излучения...» Но это ни к чему. Нужна вода, а не бактерии.

— Они собираются вокруг места, где должен произойти атомный взрыв, — продолжает Юрковский. — Собираются в кольцо... Красное кольцо... и ждут. «Мальчик» попал на такое место. И под ним взрыв. Подземный атомный взрыв. А они чувствуют, где должен быть взрыв, собираются и ждут... Продукты распада очень активны... они лакомятся... Слышишь? Я почти уверен...

Да, Быков слышит. Он идет вдоль каменистой гряды и все слышит. Но сначала нужна вода. И где же наконец ущелье? Должно быть где-то здесь... Вода...

— Передай всем, чтобы опасались Красного кольца. Где Красное кольцо, там подземный взрыв. Передашь? Ты слышишь?

— Да-да, передам... Сам передашь!..

Шаг, два... десять... пятнадцать...

На шестые сутки они подошли к ущелью. Вход нашли не сразу. Быков, оставив Юрковского и Дауге около каменной стены, долго бродил в поисках прохода, несколько раз терял память, обнаруживал себя вдруг лежащим на песке и лижущим внутренние стенки шлема шершавым, потерявшим чувствительность языком. Черный провал зарос колючками, выглядел зловеще в красном свете огненного неба. Быков вернулся к Юрковскому, взвалил Дауге на себя, пошел вдоль стены и свалился у самого входа в ущелье. Сознание скользило, налетало и исчезало, как порывы ветра, и сквозь клубящуюся муть он слышал, как Юрковский хрипло выкрикивал, глотая слова:

— Подлая! Мы еще вернемся... Придем сюда! За смерть нашу, за муки... отплатишь! Проклятая планета!.. Будешь работать на нас, на людей Земли, давать свет, жизнь... Закуем в сталь, в бетон! Будешь работать!

— Довольно, — сказал Быков и поднялся, опираясь о морщинистый камень...

Нет, идти больше нельзя. Зато можно ползти. Ползти на четвереньках и тащить за собою Дауге. Это гораздо легче, чем нести его на спине. Юрковский тоже ползет... Очень не хочется ползти. Зачем куда-то ползти, если вокруг, насколько хватает глаз, в ярком солнечном свете тянется вода — такая

прозрачная, что виден песок на дне, мелкий серый песок, и такая холодная, что ломит руки? Но Быков помнит, что если захочешь ее пить, то натыкаешься на что-то острое, становишься очень больно... И потом, ведь можно замочить оружие... И вообще, если здесь лечь и не ползти, то это ужасно обидно: осталось совсем немного, всего несколько тысяч шагов. Обидно, в самом деле, остановиться, когда пройдено сто пятьдесят тысяч шагов и осталось только две-три тысячи... если идти ногами, конечно. Если ползти, получается как-то по-другому, но тоже совсем немного, сушая чепуха...

Быков останавливается, включает фонарик и оглядывается. Юрковский здесь. Лежит позади неподвижного тела Иоганнча, упираясь растопыренными локтями в песок, глядит слепым полушарием шлема. Опи связаны ремнем, снятым с вещевого мешка. За этим ремнем надо следить: один раз он уже развязался, и Быков уполз далеко вперед. Пришлось возвращаться и искать Юрковского, который беспомощно крутился, сидел, упершись спиной в каменную стену ущелья, и молчал упорно, хотя и видел Быкова, ползавшего рядом. Чудак! Что он задумал — расставаться, когда осталось всего несколько тысяч шагов. Если идти ногами, конечно. Да, надо внимательно, очень внимательно следить за ремнем. А теперь — дальше. Шаг, два шага... Нет, при чем тут шаги? Они же ползут по дну прохладного быстрого ручья. Ползут! А вовсе не шагают — так что шаги здесь ни к селу...

Быков натывается шлемом на что-то твердое и неподатливое впереди. Может, обвал? Придется оползть стороной... Обвал может даже засыпать, но это, конечно, ерунда... В ущелье красноватые сумерки, а не полный мрак, но Быков стал очень плохо видеть. Он включает фонарик. Это конец ущелья, заросли гигантских колючек. Вот следы «Мальчика» — почерневшие, сморщенные ветви-плети, вырванные вместе с глыбами камня из скалы. Ущелье снова заросло, но пробраться можно. Осталось всего несколько тысяч шагов...

— Если, конечно, идти ногами, — хрипит сзади Юрковский.

Быков садится, подтягивает под себя онемевшие ноги. Кожа на коленях стерлась совершенно, но боль почему-то не чувствуется. И очень хорошо.

— Я что — вслух говорю? — спрашивает Быков не без удивления. Идти уже нельзя, невозможно, но можно еще ползти и, оказывается, удивляться даже.

— Ты все время болтаешь, как испорченный патефон. — Юрковский говорит невнятно и медленно. — Ты все время несешь чушь и непрерывно орешь на меня, чтобы не отставал... А когда тебя зовут, не откликаешься... Обидно даже...

Та-ак, значит, можно еще и обижаться. Быков напоминает, будто действительно Юрковский окликал его и что-то говорил. Про воду. Да. И про ручей. Черт, так это он все говорил! Быкову становится немного жутко: по ущелью ползут двое, связанные друг с другом ремнем, снятым с заплочного мешка, и громко разговаривают, сами того не замечая. Впрочем, здесь некому на это смотреть.

— Плевали мы, — говорит он вслух.

— Верно, — откликается Юрковский.

— Там наше болото, Володя. Чепуха осталась. Давай!

— Давай! — говорит Юрковский.

— Ну, вперед, значит? — спрашивает Быков.

— Вперед! — отвечает Юрковский.

...На болоте шевелились в сияющем тумане джунгли чудовищных белесых растений. Они росли очень густо, и приходилось протискиваться между их толстыми скользкими стволами. Трясина чмокала, чавкала, засасывала грязной мокрой пастью. Перед последним решающим броском устроили длительный привал, и Быков извлек драгоценный заветный термос Дауге — их последнюю надежду и опору. В термосе почти два литра апельсинового сока, и Юрковский даже беззвучно засмеялся, когда шероховатый черный баллончик повис в луче фонарика. Быков разрешил Юрковскому и себе выпить по пять глотков жизни и влил в запекшийся рот Дауге целый стакан. Потом они спали по очереди три часа и выпили еще по пять глотков...

Потом Быкова с Дауге на плечах засосала трясина, и Юрковский выволок их на поверхность. И самое удивительное заключалось в том, что они с первой попытки нашли место, где месяц назад совершил посадку «Хиус».

Но... «Хиуса» здесь не было...

На его месте — широкая, метров шестьдесят в диаметре, лужайка, покрытая прочной асфальтовой коркой. От центра

ее разбегались длинные трещины, сквозь которые пробивалась буйная поросль больших белесых растений с толстыми скользкими стволами...

«ХИУС» ВЕРЗУС ВЕНУС *

Больше всего на свете Михаил Антонович любил сидеть в садике своей дачи на Алтае, где под большой густо-зеленой ольхой специально для него был установлен небольшой столик, и, обложившись книгами, работать — неторопливо, со вкусом, методично. Его интересовали некоторые вопросы теоретического звездоплавания, и с давних пор лелеял он мечту написать небольшую, но содержательную книгу, систематизирующую все основные достижения в этой области за последние двадцать лет.

По специальности он был математик, окончил математико-механический факультет Университета в Ленинграде и первое время работал при Институте космогации. Работу свою очень любил, ему доставляло величайшее наслаждение следить за тем, как из-под пера возникают строчки почти всегда очень сложных, но, как правило, изящных, красивых формул, полных глубокого смысла. Работник он был прекрасный, ошибался редко.

Незаметно для себя он увлекся математическими проблемами автоматического управления новых тогда импульсных ракет на атомном горючем. И это определило его дальнейшую судьбу. Напористый Краюхин вовлек его в сферу своей обширной деятельности, заставил закончить школу штурманов-межпланетников и в числе первых направил в пробные полеты за пояс астероидов. Это случилось около пятнадцати лет назад.

Михаил Антонович побывал и на Луне, и на Марсе, и даже в поясе астероидов, стал великолепным штурманом, испытал множество приключений, повидал такое, что и признать не могло бы научному сотруднику Института космогации, работавшему в области прикладной математики. Но все же больше всего на свете ему нравилось сидеть в тени

* Versus Venus — против Венеры (лат.).

развесистого дерева, копать в толстых книгах с шершавыми обложками, покрывать белые листы изящными строчками математической тайнописи и бессознательно прислушиваться к шелесту листвы над головой, когда ослепительное солнце неподвижно висит в чистейшей голубизне. Подувает ласковый теплый ветерок, под столом стынет в ведерке с искусственным льдом бутылочка нарзана, в кустах смородины жена с дочкой собирают ягоды для домашнего варенья, а сынишка — парень удивительно бедовый — уселся, конечно, возле муравьиной кучи и громким лепетом выражает свое глубокое изумление... Небо чистое, безоблачное, синее, и стрекоза с радужными крыльями ползет по краю голубой чашки... Хорошо!

Простившись с товарищами, Михаил Антонович долго еще стоял в кессоне, опершись локтями о край распахнутого люка, и следил, как гаснут в клубящемся тумане огоньки на корме «Мальчика», уходящего в болотные джунгли. Они исчезли, и сразу стало темнее — штурман «Хиуса» остался один.

Прошли сутки, и над болотами слабо засветился тусклый день. Мрак стал розоватым. Но по-прежнему кругом стоял болотный туман. Липкий, осязаемо плотный, он мягкими, бесшумными волнами поднимался над бурлящей поверхностью грязевого кратера, тяжелой пеленой навис над планетолетом, густыми клубами обволакивал белесые остовы гигантских растений — тускло окрашенных грибов, зыбко трепещущих росянок и еще каких-то — бесцветных, причудливо искривленных, изломанных. В красноватом сумраке их стебли то появлялись, то исчезали, и казалось, что они, как во сне, плывут, плывут и никак не могут уплыть и исчезнуть. Иногда накрапывал теплый дождь, мгла сгущалась, и ворчливое бульканье горячих источников заглушалось однообразным шелестом падающих капель.

Михаил Антонович осмотрел весь планетолет, сменил несколько приборов, пострадавших при посадке, проверил исправность аппаратуры, тщательно прибрал каюты товарищей. Из-под подушки Дауге выпала пачка голубоватых листков с красным обрезом — письма, отпечатанные на машинке. Письма от Марии Сергеевны. Михаил Антонович аккуратно сложил их, спрятал в столик. В каюте Юрковского валялась толстая тетрадь в черном кожаном перепле-

те. Михаил Антонович узнал ее — туда Володя вписывал свои стихи вот уже несколько лет. Исчирканные страницы пестрели изображениями фрегатов и гордыми профилями с однообразно горбатыми носами. Последнее стихотворение начиналось так:

Милая! Спутница осени серой!
Ты не забыла? Ты помнишь? Ты ждешь?

И, хотя все четыре строфы (в том же духе) были жирно зачеркнуты и снабжены решительным комментарием самого автора (самое корректное выражение в этом комментарии было «дрянь, слюняйство»), Михаил Антонович вздохнул, присел на край постели, пробежал несколько строк и засунул тетрадь в карман комбинезона — почитать на сон грядущий. Юрковский никогда не делал тайны из своих стихов, тем более для ближайших друзей.

Первые сутки связь держалась плохо, приемник молчал, и понапрасну Михаил Антонович часами просиживал перед микрофоном, крутя ручку вариометра и бормоча с надеждой:

— «Мальчик», «Мальчик»... Я «Хиус»! Отвечайте. Почему не отвечаете? «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас...

«Мальчик» не откликался, но эфир однажды донес до «Хиуса» таинственные сигналы: три точки тире точка, три точки тире точка... Потрясенный штурман тщетно пытался связаться с неизвестным, терпящим бедствие, и только много дней спустя Ермаков объяснил ему, что это — пеленги погибшего Бондепадхая.

Когда наконец сквозь шорохи, завывания и треск в эфире в репродукторе зазвучал спокойный, размеренный голос Ермакова, Михаил Антонович возликовал, как ребенок. С этого момента связь наладилась. Командир сообщил, что все в порядке. Цель достигнута. Голконда сопротивляется всеми адскими средствами, но все-таки исследования идут успешно. Геологи работают круглые сутки, собрали много материала, Спицын и Быков помогают чем могут.

— Так-так... — говорил Михаил Антонович, радостно кивая головой. — Привет им, Анатолий Борисович, привет им передайте!

Экипаж «Мальчика» теперь так занят исследованиями, что чаще всего с Михаилом Антоновичем будет говорить

Ермаков. Он повредил слегка ногу — не может поэтому принимать участия в паружных работах.

— А-яй! — волновался Михаил Антонович. — Как же это вы? Как неосторожно!..

Иногда со штурманом говорил Алексей Петрович. По его словам, Богдану в свое дежурство никак не удавалось соединиться с «Хиусом». Какое невезение! Михаил Антонович сокрушался, просил передать ему особый привет: он очень любил Богдана, больше всех. Старые друзья! Пятнадцать лет — не шутка!

Но часто эфир молчал, только трещали электрические разряды в беспокойной атмосфере. Угнетали тоска и одиночество. Очень трудно, когда не с кем поговорить, посмеяться, поспорить. Даже обедать одному как-то тоскливо — кусок в рот не лезет. Михаил Антонович пытался работать, но не мог написать ни строчки. Пытался читать. Сначала это увлекло его, в библиотеке «Хиуса» было много хороших новых книг, а Михаилу Антоновичу редко приходилось читать беллетристику за последние несколько лет — работа отнимала все время, даже свободное. Но это увлечение продлилось недолго: мешали мысли о друзьях, о семье...

Тоска выпялила его наружу. Однажды, нарушая строжайший приказ командира, запретившего покидать планетолет без совершенно особой необходимости, он взял автомат и вылез из открытого люка в клубящийся туман. Более часа бродил он по хвоцевым джунглям, пугливо озираясь при каждом вздохе трясины, собрал в коллекторский контейнер несколько любопытных образцов местной флоры — обломки белесых водорослей, круглые фосфоресцирующие шляпки молодых грибов, набрал в специальную баночку омерзительного на вид ила. Потом потерял все это, когда, провалившись в трясины, пытался выбраться, хватаясь за скользкие непрочные стебли гигантских растений. Выкарабкавшись и утопив автомат, безоружный, он долго искал в красноватом тумане потерянный планетолет. После всего этого он зарекся покидать свое убежище, ограничиваясь тем, что можно было увидеть и услышать с порога «Хиуса». И, сказать по правде, в новых впечатлениях недостатка не было...

Однажды что-то грузное, с тускло блестящей кожей, тяжело отдуваясь и хрипя, выползло из трясины, уставилось на замершего штурмана гнусными белыми бельмами. Опом-

нившись, Михаил Антонович потянулся за оружием, но странный гость уже исчез, растворился в тумане. Огромные лиловые слизняки ползали по броне планетолета, тяжело падали, зарывались в ил. Над головой иногда парили в красноватой мгле какие-то широкие тени. Плотоядное растение разрывало на части отчаянно бьющуюся гигантскую гусеницу; кто-то кричал во мгле хриплым, надрывным криком; в тумане как бы по воздуху проплывала вереница сцепившихся волосатых клубков — шевелились трепещущие клейкие нити, огромная цепь казалась бесконечной. Михаил Антонович, задрав люк, ушел спать, так и не увидев хвоста чудовища. Как-то, когда он дремал возле приборов, планетолет слегка качнуло. Он проснулся и выбрался из люка — посмотреть. Рядом с планетолетом чернели широкие овальные ямы, быстро наполняющиеся мутной жижей: какое-то чудовище прошло мимо, задев планетолет и оставив эти громадные следы и широкую просеку в колышущейся стене джунглей.

Проведя в кесон сигнальную систему от радиоприемника, чтобы не прозевать вызова друзей, Михаил Антонович часами сидел, держа палец на переключателе автомата, наблюдал, прислушивался. Асфальтовая площадка вокруг «Хиуса» быстро поросла белесыми водорослями. Первые дни Михаил Антонович следил, как сжимается кольцо зарослей. Потом ему каждый раз приходилось в начале наблюдений прорубать окошко в стене растений, опутавших корпус «Хиуса». Тяжело осевший в трясины планетолет был окружен странным и страшным миром этой планеты, лишь по недоразумению носящей имя богини любви и красоты. Атмосфера, состоящая из углекислоты, азота и горячего тумана; ядовитая тяжелая вода, содержащая большой процент дейтериевой и тритиевой воды; влажная жара, доходящая до ста градусов по Цельсию; флора и фауна, один вид которых исключал всякую мысль об употреблении их в пищу...

— Хорошо, что Голконда ваша не похожа на эти болота, — говорил Михаил Антонович Ермакову.

Тот только покашливал в ответ.

В горячем полусумраке венерианского дня блуждали ярко вспыхивающие далекие огоньки, тяжело вздыхала трясина, с шумом лопались ножки чудовищных грибов — выбрасывали дождь скользких светящихся спор. Может быть, это были не споры, но Михаил Антонович сам видел, как эти

упругие, величиной с кулак лиловые шарики начинали прорастать белыми шупальцами, падая в трясиину. Ветер приносил ярко светящийся туман — мертвенно-синие клубящиеся облака его тяжело оседали в зарослях. Однажды разразилась гроза. Туман наполнился дрожащим зеленоватым варевом, громовые раскаты слились в сплошной грохот, меж поникших стеблей запрыгали струящие огонь голубые мячи шаровых молний, потянуло зноем, и вдруг налетел раскаленный вихрь. «Хиус» раскачивало. Михаил Антонович, придерживаясь за края люка, с изумлением увидел, как стрелка термометра стремительно поднялась, перешагнув за двести. Волна ила ударила в планетолет, далеко отбросила штурмана от люка. Ворочаясь в густой жиже, он долго не мог встать, скользя ногами по грязи, а когда наконец поднялся, не хватало сил закрыть люк. После третьей или четвертой попытки тяжелая крышка под напором ветра сбила его с ног, и он потерял сознание. Очнулся через полчаса, а может, и через час. Ураган стих, кессон был забит илом, вокруг «Хиуса» намело кучу гниющих водорослей.

Вскоре после бури планетолет подвергся гомерическому нашествию омерзительных червеобразных тварей. Радиопередатчик работал, и, по-видимому, они, как мотыльки на огонь, ползли на радиоимпульсы — густыми массами, извиваясь в грязи, — и скоро образовали целую пирамиду шевелящегося живого теста. Михаил Антонович слышал только непрерывный шорох по броне снаружи. Выглянув наружу, штурман отшатнулся — в люк потекла отвратительная живая каша. Черви были невелики — сантиметров десять в длину, — бесцветны, с черными твердыми головками. Нашествие продолжалось около часа, потом пошел дождь, и живая пирамида распалась, животные расплзлись. Радиопередатчик оказался в исправности, все обошлось благополучно, но Михаил Антонович долго еще не решался выглянуть в кессон, откуда бежал, почувствовав, что люк он закрыть не сможет. Но кессон оказался пуст.

На другой день Ермаков сообщил о болезни Дауте. Новость потрясла штурмана. Ему казалось, что это первый удар, тяжелое предзнаменование. Наступала полоса неудач. Венера ополчалась на смелых людей Земли. Несколько часов Михаил Антонович пролежал на койке, глядя в обшитый желтой полимерной губкой потолок. Вспоминались странные слова

Тахмасиба, сказанные им в бреду. Штурмана лихорадило. Термометр показал 39 — температуру большого Дауге. Штурман ощутил, как реденькие волосы у него на голове поднимаются дыбом. Встряхнув градусник, он сел на постели и в полной растерянности набил трубку, но потом спохватился и принялся выковыривать табак карандашом. Михаил Антонович очень редко курил в походе. Его жена не выносила табачного дыма, и давно уже он решил курить только вне дома, и всегда почему-то получалось наоборот. Во время отпуска штурман частенько дымил, хоронясь от жены, соблюдая поразительную осторожность, а в полете сосал пустую трубочку, удивляясь самому себе. И вот сейчас тоже привычным движением он ухватил зубами знакомый мундштучок, старательно выколотив соблазнительный кепстен... Что же это? Быть может, болезнь уже здесь, в нем, притаилась, выжидает... Товарищи вернутся к пустому, вымершему планетолету и даже не смогут попасть в него. Надо бы на всякий случай держать открытым внешний люк... Да, но если заползет в кессон какая-нибудь дрянь — ведь не выгонишь...

Михаил Антонович вздыхал, сосал свою пустую трубку. Потом, впервые за все время, забрался в каюту-арсенал и осмотрел сигнальные ракеты. Две полуметровые стальные сигары, покрытые толстым слоем смазки, и к ним пусковые устройства — тяжелые треноги с шестом. Надо надеть ракету на этот шест, включить маленький приборчик около стабилизатора — и ракета готова к пуску. А вот здесь — пусковое дистанционное устройство... Сделать все это будет нетрудно. Штурман попробовал приподнять ракету, поднатужился — да, не особенно тяжело, можно и в одиночку... Если начнутся сильные приступы и он останется жив после первого, надо будет выпустить ракеты. *«В двадцать ноль-ноль по времени «Хиуса»*, как было условлено с Ермаковым. А потом будь что будет — открыть внешний люк и ждать. Михаил Антонович поставил треноги; вспотев, насадил на них ракеты, полюбовался общим видом — и у него стало как-то легче на душе.

Прошел долгий венерианский день, наступила ночь. Над болотами снова повис туманный мрак. *«Мальчик»* уже заканчивает свой поход. Устанавливают пеленгатор на новой площадке, собирают последние образцы. Скоро Михаил

Антонович поднимет «Хиус», полетит на пеленги, скоро встреча! Обратный путь до «Циолковского» — и снова встреча! Обратный путь к Земле — и снова встреча, самая радостная. А впрочем, трудно даже сказать, чему он будет больше рад: увидеть друзей — Ермакова, Богдана и других — живыми и невредимыми или увидеть жену и детишек. Ведь к тому времени тоска ожидания смягчится. Так всегда. Впрочем, нет, не всегда...

Михаил Антонович вспоминает свое первое возвращение из Пространства. Цветы, музыка, толпы людей, и среди них, сама как цветочек — Зоя. Молоденькая совсем — старший лаборант краюхинского института. «Страшный лаборант», — шутил над ней Михаил Антонович и приставал: «Если ты старший лаборант, то каковы же младшие?» Славное, славное время — расцвет импульсных атомных ракет, время, выдвигавшее таких, как Краюхин, Привалов, Соколовский... Время, когда старик Шрайбер в Новосибирске развил идею «абсолютного отражателя» — идею замечательную. Но как ее встретили, эту идею! «Безумный старик! Мракобес-алхимик! Идеалист! Фантаст!» По уголкам шептались: «Хи-хи!.. Абсолютный отражатель — это, значит, как об стену горох? Гы-гы! Абсолютный отрыгатель! А Шрайбер-то, слышали? Говорят, идейку-то у одного француза... тово! Абсолютный подражатель! Ха-ха, хи-хи!..» «Глупцы, если не хуже!» — сказал тогда о них рассвирепевший Краюхин. Страшный был бой. Краюхина чуть не сняли за нажим, а многих и сняли-таки. А в результате — вот он, «абсолютный отражатель»: «Хиус» верзус Венус! (Михаил Антонович исчерпал на две трети свои знания латыни и бодро потер руки.) «Хиус» верзус Венус! Пока все неплохо! Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

На девятнадцатые сутки после ухода «Мальчика» Михаил Антонович почувствовал себя плохо. Он проснулся от звуков чьего-то голоса и, вскочив с койки, долго вглядывался в полумрак каюты, пока не понял наконец, что это был его собственный голос. Голова казалась страшно тяжелой, покалывало тысячами иголок в кончиках пальцев. Снова захотелось прилечь. Он задремал ненадолго и, проснувшись, отыскал градусник. Проверил температуру. Она оказалась нормальной.

«Вставай, подымайся рабочий народ...» — запел он фальшиво и вдруг подумал, что всегда поет по утрам эту песню,

если чувствует себя плохо, чтобы обмануть бдительность жены, и что никогда ему еще не приходилось петь ее в экспедициях. Что может быть хуже — заболеть сейчас, в полном одиночестве, в пустом корабле?

Он заставил себя встать и, придерживаясь рукой за ребра стальных шпангоутов в коридоре, прошел в рубку, присел около радиопередатчика. «Мальчик» не отвечал.

— Надо проветриться, — вслух сказал Михаил Антонович. — Я болен, надо проветриться.

Неуверенными шагами он прошел вдоль коридора, остановился перед каютой, где хранились спецкостюмы. Оглянулся: мягким светом сияли матовые шары ламп, на тяжелых металлических стенах еще кое-где темнели бурые пятна — следы рыжей плесени, три недели назад проникшей в планетолет. Руки дрожали, и спецкостюм выскользнул из пальцев, со свистящим шелестом упав на пол. Нагибаясь за ним, Михаил Антонович вдруг почти физически ощутил давящую тишину, притаившуюся в пустых коридорах и каютах, — тишину ожидания, тишину одиночества.

— Наверх, наверх, проветриться... — бормотал штурман, натягивая костюм.

До верхнего кессона он добрался с трудом. Шлем лежал на плечах непривычно тяжело, руки с усилием открыли люк. В последнее мгновение он как-то равнодушно подумал, что делает невероятную глупость, забравшись в кессон в таком состоянии, но мысль проплыла вяло и исчезла. Люк откинулся, и Михаил Антонович скорее упал, чем облокотился на край широкого проема.

Тумана не было. Над головой висела непроглядная тьма, а вокруг, насколько хватал глаз, расстилалась слабо светящаяся равнина.

Он раздвинул липкие стебли водорослей, опутавших корабль, оборвал их со злобой — они мешали смотреть. Мрак, пустота...

— Пустота... — прошептал штурман. Никогда в жизни тоска по людям не охватывала его с такой силой. Одиночество! Десятки километров, тьма, и ни одного человеческого существа вокруг — только мерзость болотная. Пустота...

Вдруг он увидел багровое зарево на горизонте. Оно приближалось, росло, пожирало черную тьму... Местность вокруг наполнилась зловещим красным светом, и, вскрикнув,

Михаил Антонович различил прямо перед собой песчаную пустыню. Ветер нес по ней облака огненной пыли, белели лысины валунов, торчащие из-под слоя песка, а посреди этой охваченной ветром равнины стоял гигантский смерч — абсолютно неподвижный, грозный, клубящийся. Видение повисло перед отшатнувшимся штурманом, потом покачнулось, затрепетало, встало дыбом (Михаил Антонович вцепился обеими руками в край люка — ему показалось, что не видение, а он сам раскачивается вместе с «Хиусом») и исчезло мгновенно. Только вдали над спинами гор, ставших багровыми, вспыхнуло и погасло пятно света...

...Над болотом снова занималось зарево. Михаил Антонович попятился. Теперь в светящемся тумане взмыли очертания гигантской скалы, верхушка ее ослепительно сверкала белым серебристым палетом. «Снег? При ста градусах?» У основания неподвижно стояли красноватые деревья с плоскими необычными кронами — много, очень много деревьев, леса... Склоны горы были покрыты ими. Красиво...

Штурман зажмурил глаза и снова медленно раскрыл их. Мрак. Пустота. «Мираж?.. — подумал он. — Мираж или галлюцинация?..»

Михаил Антонович не помнил, как спустился вниз, в жилые отсеки. Голова стала яснее. «Мираж или галлюцинация?» Он взял киноаппарат и вернулся в верхний кессон. Странное видение снова колыхалось перед люком, и он заглянул в него, истратив несколько десятков метров пленки.

Пленку он проявил немедленно. Она была чиста. Ни черточки, ни пятнышка. Сверхсветосильная пленка, для которой было достаточно вдвое меньше света, чем давало багровое видение... Михаил Антонович опустился в кресло и долго сидел, глядя прямо перед собой. Венера перешла в наступление по всему фронту... Безумие, она поражает безумием... Сначала Дауге, теперь он, штурман Крутиков. Я, штурман Михаил Антонович Крутиков, — сумасшедший. Он с любопытством поглядел на себя в зеркало в стене, но ничего не увидел, кроме большого матового шара шлема. Надо раздеться. Он тяжело поднялся, принялся отстегивать шлем, потом посмотрел на черную коробку портативного киноаппарата, взял ее в руки. Объектив был закрыт светонепроницаемым предохранительным колпачком. Михаил Антонович уронил аппарат на пол и засмеялся. Он не сумасшедший,

он — дурак. Он снимал мираж и забыл открыть объектив. Он дурак...

Михаил Антонович опустилсЯ в кресло и долго сидел, глядя прямо перед собой. Пронзительный звон заставил его вздрогнуть: друзья! Он побежал к передатчику, попирая тяжелыми подошвами хрустящие останки портативного киноаппарата. Размеренный голос Ермакова, как всегда, заставил его ободриться. Лучше промолчать обо всех этих волнениях. Мираж миражом, но сегодня после сна он чувствовал недомогание. Кто его знает, какая это болезнь... Может, все-таки предупредить Ермакова, посоветоваться? Но он не посоветовался. Заговорили о Богдане: опять он не может подойти к рации — экое невезение! Впрочем, скоро конец... План дальнейших действий?.. Лучше всего...

В этот миг пол под погами штурмана дрогнул и ушел вниз, раздался тонкий свистящий звук. Михаил Антонович, кажется, вскрикнул, потому что Ермаков спросил его, что он сказал. В репродукторе взвыли сирены, захрипело, затарахтело... Михаил Антонович попробовал подняться с кресла, но вторым толчком его сбilo с ног. Падая, он ухватился за край радиоустановки, поволок ее за собой — что-то задребезжало, опрокидываясь и разбиваясь... Землетрясение! Штурман поднялся, окликнул в микрофон Ермакова. В ответ захрипело, заурчало, завывло... Дрогнули, перекошились стены... Взмахнув руками, штурман опять шлепнулся на пол, проехался, пока не оперся спиной о холодный металл пульта управления. Резкий протяжный свист перешел в могучее басовое гудение, оборвался гулким ударом, и Михаил Антонович снова почувствовал, как пол стремительно уходит из-под ног.

И тогда он понял, понял и моментально покрылся ледяным потом ужаса...

С тех пор как планетолет при посадке глубоко зарылся реакторными кольцами в вязкую, илстую почву, непрерывно сжимались и прогибались под его тысячетонной стальной массой упругие пласты пропитанного водой ила. Ил уступал микрои за микроном, сантиметр за сантиметром и наконец не выдержал. И сейчас громада «Хиуса» тяжело проваливается в бездонную грязевую яму... Товарищи, вернувшись, напрасно будут искать его. Они обнаружат только черную

широкую проплешину на том месте, где стоял планетолет... Они погибли, лишенные всего — воды, кислорода, питания. И самое главное — средств сигнализации... Они не смогут вызвать помощь с «Циолковского».

Михаил Антонович вцепился в край пульта, порываясь встать. Планетолет сильно накренило, он начал заваливаться набок... Через несколько секунд «Хиус» ляжет на борт... может быть, даже перевернется вверх дюзам и зеркалом. Это — смерть! Михаил Антонович наконец добрался до главного пульта, положил руки на рычаги... Вспыхнула радуга лампочек на приборах...

И дрогнула трясина. Колыхнулись белесые джунгли. Тучи голубого пара рванулись из черной дыры в болоте, наполненной горячей жижой... Окруженный ослепительным сиянием, в громовом гуле и вое, подобный огромному членистоногому, пятилапый «Хиус» выпрыгнул из сипящей трясины, повис на долю мгновения над болотом и взвился в черное небо, оставив за собой широкую — метров шестьдесят в диаметре — асфальтовую площадку, покрытую разбегающимися от центра извилистыми трещинами...

— ...«Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас! Я «Хиус»! «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»! «Хиус» слушает вас. Я «Хиус», слушаю вас. Перехожу на прием...

Михаил Антонович подождал, послушал завывание эфира и выключил рацию. Не отвечают. Молчат уже пятые сутки. Что случилось? Почему нет сигнала для перехода на новый ракетодром? Неужели...

«Хиус», в кромешной тьме, стоит, упираясь всеми пятью колоннами в надежный каменистый грунт, припорошенный черным песком. «Хиус» — дивная машина. Только «Хиус» с его удивительной простотой управления, великолепной устойчивостью в полете, с его могучими двигателями мог совершить этот подвиг — перемахнуть через скалы и сесть замечательно точно, не разбиться, несмотря на буйные вихри, несмотря на то что вел его хотя и опытный, но растерявшийся и напуганный пилот. Не даром прошли бессонные ночи Краюхина, Привалова, десятков и сотен людей, вложивших все свое умение, весь свой громадный опыт, всю душу мечтателей и творцов в создание фотонной ракеты. «Хиус» победил там, где любая другая ракета была бы обречена на гибель и ва-

лялась бы сейчас, разбитая и изувеченная, грудой стального лома...

А «Хиус» стоит в крошечной тьме, целый и невредимый, если не считать песколовки незначительных приборов и одного комплекта радиооборудования, который разбил, очевидно, сам Михаил Антонович...

«Хиус» стоит, но где? Этого штурман не знает. Впрочем, это не важно. Он часами и сутками просиживает над рацией, вызывая «Мальчика», он ждет сигнала для перехода на новый ракетодром. Но сигнала нет. Что если его так и не будет? Михаил Антонович встает и принимается шагать по рубке, бессознательно поправляя постоянно сползающие бинты на изрезанных руках.

Если связь не будет налажена, «Мальчик» пойдет к месту прежней посадки. Они будут искать «Хиус». Они не найдут его на болоте. У них мало воды... Так почему же они не дают сигнала? Или сигнал был?

Михаил Антонович напрягал мозг, стараясь осилить предательскую слабость. Спокойно! Спокойно же, черт возьми! Из всякого положения есть по крайней мере два выхода, как говаривает Гриша Дауге. Планетолет цел и невредим — значит, Михаилу Антоновичу ничего не грозит... Впрочем, не в этом дело... Идти на болото? Оставить там знак? Чушь! Десятки километров труднейшей дороги, «Хиус» без присмотра... И где оно, это болото? Куда идти?..

Он хлопнул себя по лбу. Как же можно было забыть? Обе ракеты «в двадцать ноль-ноль любого дня по времени „Хиуса“» — так сказал Ермаков. Михаил Антонович спустился в нижний кессон и, распахнув люк, ступил во тьму, полную вязкого ветра. Особенно трудно было спустить вниз сигнальные ракеты. Нужны обе, обязательно обе! Одну Ермаков может не заметить, так он тогда сказал.

Михаил Антонович оттащил ракеты метров на сто от «Хиуса»; надрываясь, шатаясь, волок их под тугим ветром и установил. Сверил по часам и включил стартовые механизмы. Для безопасности следовало подняться в «Хиус», но он не мог найти трап: гибкую лесенку отнесло ветром куда-то в сторону. Михаил Антонович, теряя сознание, залег за толстой реакторной колонной. Он не видел и не слышал, как сигнальные ракеты одна за другой белыми

молниями рванулись в небо и там, высоко за тучами, распались в ослепительные огненные шары...

...Вернувшись наконец в планетолет, штурман с трудом заставил себя сбросить спецкостюм, дотащился до своей каюты и упал на койку. Он пролежал в полузабытии несколько часов, затем равнодушно выпил кружку холодного бульона, поднялся в рубку. И только там заметил, что его ручные часы отстают от большого хронометра — безупречного инструмента, работающего на диссоциации металлических молекул, — на двенадцать минут. Он выпустил сигнальные ракеты на двенадцать минут позже установленного срока. Ермаков мог заметить и мог не заметить вспышки... Но у штурмана уже не было сил размышлять о возможных последствиях своей ошибки. Теперь оставалось одно: ждать.

Михаил Антонович вскочил на ноги. Надо быть ослом... нет, надо быть пасмерть перепуганным человеком, чтобы упустить из виду другую возможность — простейшую! Ведь можно включить локаторы! Рано или поздно Ермаков запеленгует их и найдет планетолет. Очень просто!..

Он поспешно склонился над пультом управления противометеоритного устройства. Он даже запел что-то легкомысленное, когда засветились серым светом круглые экраны...

С тех пор прошло четверо суток.

— «Мальчик», «Мальчик», я «Хиус»... Берите мои пеленги. Длина волны...

Нет, я не «Хиус», я не из стали, я очень, очень устал... Я просто безмерно усталый человек, который не может заснуть, потому что ждет. Ждет седьмые сутки и спит в наушниках. Точнее, не спит, а дремлет... Седьмые сутки, восьмые сутки...

— Я — «Хиус», я — «Хиус». «Мальчик», отвечайте. Слушаю вас... Берите мои пеленги...

Атмосфера Венеры капризна. Она не всегда пропускает радиоимпульсы локатора. Терпение, терпение...

— Я «Хиус», я «Хиус»! Берите мои пеленги на волне...

А что подумали на «Циолковском», если заметили ракеты? Наверное, ходят в трауре, Махов готовит спасательные грузовики с автоматическим управлением, Краюхин, постаревший и угрюмый, сидит в своем кабинете: погибла его

мечта, вся цель его жизни — погиб «Хиус»! Ну нет, только не «Хиус»! Чуждая, дивная машина!..

— ...Слушаю вас. «Мальчик», «Мальчик», «Мальчик»...

Шли дни за днями. «Мальчик» не приходил, не откликался. Значит, беда. Значит, напрасно он ждет, мучается... Нет! Он обязан ждать, они не могут не вернуться...

— «Мальчик», я «Хиус»! Слушаю вас. Я «Хиус»... Берите мои пеленги...

На девятые сутки он проверил локатор, проверил комплект питания в спецкостюме, взял автомат и спустился вниз, на твердую каменистую почву под «Хиусом». По небу мчались багровые тучи. Песок здесь был рыжий и мелкий. Ветер гнал его, гудел в наушниках, шевелил заросли сухих растений шагах в двухстах от планетолета. Это были те самые деревья с плоскими кронами... Многие из них казались обожженными, хотя и находились от «Хиуса» более чем в полукилометре.

Михаил Антонович огляделся по сторонам, поправил на шее автомат, погладил шершавую, залепленную ссохшейся грязью поверхность одной из могучих лап и шагнул вперед, к зарослям. Он не мог более ждать. Друзья погибли — это ясно, но он не уйдет отсюда, не уведет «Хиус» до тех пор, пока не найдет их тел...

Войдя в обгоревшую рощу, он почти сразу наткнулся на трех человек. Один, огромный, полз, извиваясь, как червяк, цепляясь за неровности почвы, и тащил на себе второго, обмотанного грязными тряпками, неподвижного, беспомощного и обмякшего. Третий полз вслед за ними. Вокруг поясицы его была затянута ременная петля, конец ремня тянулся к переднему. Они ползли прямо на застывшего штурмана. И Михаил Антонович, неожиданно потерявший голос, задыхаясь от ужаса и радости, увидел, как тот, что ужом полз впереди, с размаху ударился головой в серебристом шлеме о ствол дерева, застонал и пополз в обход, дальше — упорно, яростно...

Михаил Антонович наконец закричал и бросился к ним. Тогда передний с удивительной быстротой поднялся на колени, в руках его взметнулся автомат.

— Кто? — прохрипел он, слепо водя дулом по воздуху.

— Алексей! — закричал Михаил Антонович и упал рядом на колени, прижался, заплакал тяжелыми, злыми и радостными слезами...

Под его башмаком, вдавленный в пыль, зашуршал лист бумаги — когда-то белый, теперь заляпанный желтой грязью, мятый, с рваными лохматыми краями. Но на нем еще можно было различить и черную лепешку Голконды, и кольцо болота, и маленький красный кружок юго-восточнее грязевого кратера. Если бы Михаил Антонович знал собственные координаты, он бы сразу увидел, что «Хиус» стоит в этом кружке. Анатолий Борисович Ермаков, командир лучшего в мире планетолета, ошибался редко. Он и здесь ошибся только на несколько километров...

Когда Быков кончил свой рассказ, Михаил Антонович заплакал:

— Товарищи! Родные вы мои! Богдан, Ермаков... — Крупные быстрые капельки бежали по его толстым добрым щекам, застревали в многодневной щетине.

— Не надо... плакать, — с трудом проговорил Юрковский.

Он лежал в кресле рядом с матово-белым закрытым цилиндром, где дремал, плавая в целебном растворе, измученный перевязками и уколами голый Иоганьч.

Глотая слезы, Михаил Антонович переводил глаза с выпуклой крышки цилиндра на лицо Юрковского, черное как уголь, и на лицо Быкова, почти целиком закрытое темными очками-консервами.

— Не плачь, Михаил, — повторил Юрковский, — лучше еще раз настройся на Голконду...

Алексей Петрович Быков снял очки, когда тонкое и нестойчивое «ту-ут, ту-ут, ту-ут» наполнило рубку.

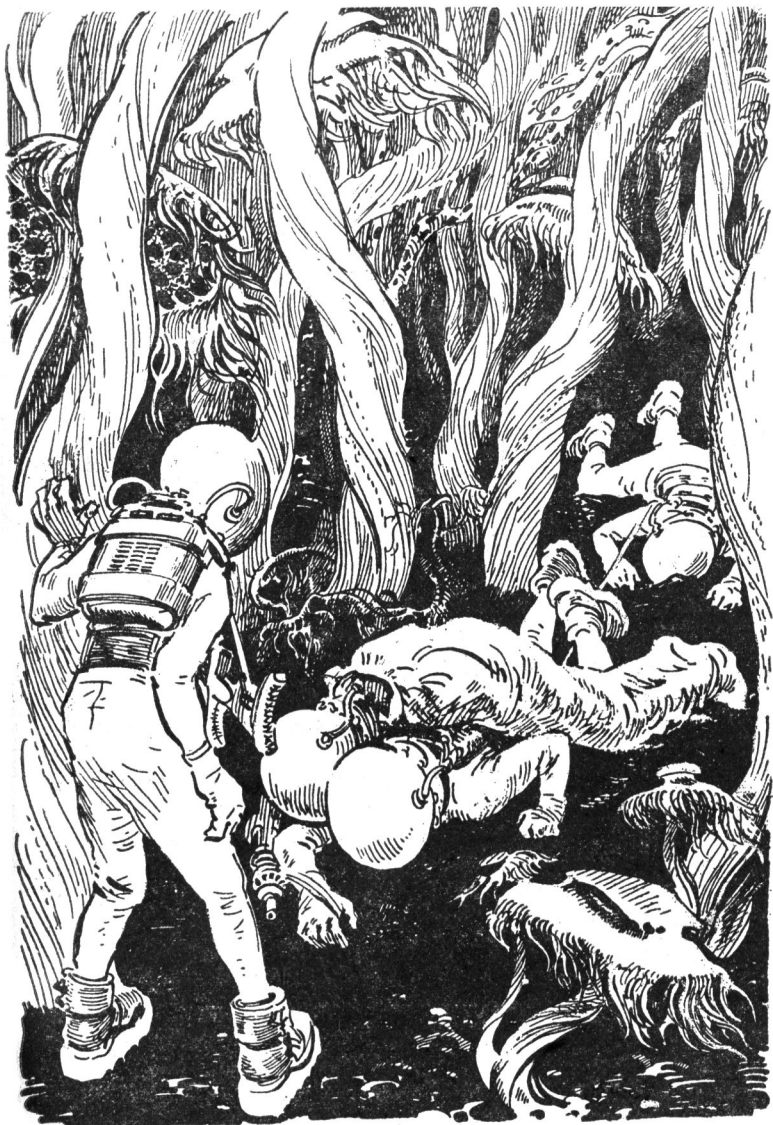
— Маяки, — прошептал он жмурясь. — Наши маяки!..

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут...»

— Мог бы ты, Михаил, идти по этим пеленгам? — шептал Юрковский. Острая, ликующая гордость сверкала в его провалившихся глазах.

— Ну конечно... Ну конечно же! — Толстый штурман тер щеки, а слезы, все такие же крупные и обильные, падали на пульт управления. — Да не то что я — любой новичок сможет!.. Да надень ты очки, Алексей! — страдающим голосом закричал он вдруг. — Опять ослепнуть хочешь?..

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут», — неслось в пространстве. Над уходящими в бездну пустынями, болотами, над багровыми ту-

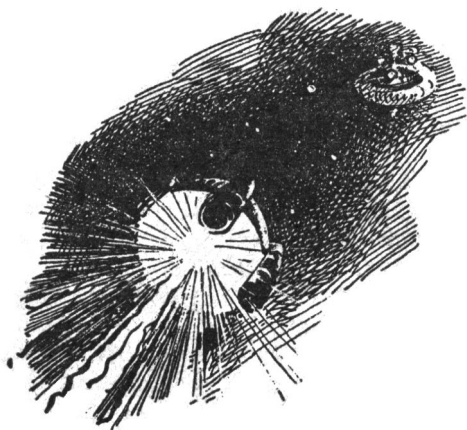
чами, над разбитыми кораблями, над изувеченным «Мальчиком», над безвестной могилой Богдана, над вечно грохочущим жерлом Голконды...

— До «Циолковского» осталось полторы тысячи километров, — сказал Михаил Антонович и полез наконец за платком.

— Не смей плакать, Михаил, — шептал Юрковский. — Дело сделано... Мы... не могли сделать... больше... Но дорога теперь открыта. А мы вернулись. Быков... я... и Гриша. Быков снова надел очки.

«Ту-ут, ту-ут, ту-ут», — пели далекие маяки.

Конец третьей части

ЭПИЛОГ

Быкову Алексею Петровичу, победителю земных, венерианских и прочая и прочая пустынь, украшению третьего курса Высшей Школы Космогации от недостойного планетолога Володьки Юрковского

ПРИВЕТ!

Не кажется ли тебе, краснолицый брат мой, что переписка наша носит несколько конвульсивный характер? За последние два с половиной года (поправь меня, если я ошибаюсь) отправлено мною в твой адрес четыре письма, в ответ на каковые получено всего около одного. И это последнее написано весьма размашистым почерком на половине листка школьной тетради. Истории известен только один пример переписки такой же интенсивности, а именно — переписка царя Иоанна Грозного с беглым князем Курбским. История свидетельствует, что высокие стороны ухитрились за семнадцать лет вдвоем написать только шесть писем. Иван написал два, Курбский же — четыре, после чего помер, вероятно от натуги. В наше время люди крепче, и я пишу тебе пятое. Правда, для этого потребовалось большое усилие воли и определенное стечение обстоятельств.

Вчера на медосмотре старший врач Леонтьев, уложив свой первый подбородок на второй, второй — на остальные, а остальные — на грудь, объявил, что запрещает мне участвовать в третьем походе вокруг Голконды и предписывает заниматься лечебной гимнастикой и сочными (ты подумай только!) бифштексами. Сон, спортзал, бассейн, ионный душ, библиотека, а там видно будет. Я не спорил. Всякий спор с

Леонтьевым сводится к созерцанию его подбородков, поднятых к потолку, и выслушиванию задумчивой реплики:

«Гм... Никак не могу вспомнить, когда у нас ближайший планетолет на Землю?»

Итак, час назад я проводил ребят в экспедицию и от великой печали решил разразиться письмом. В свое время ты просил меня рассказать, как это было. Помнится, за недостатком времени я посоветовал тебе читать газеты и смотреть популярные телепередачи. Теперь у меня оно есть. Проникнись торжественностью минуты и читай.

Восемнадцать месяцев назад, примерно в те дни, когда ты отдувался на экзаменах, с межпланетной базы «Циолковский» по приказу Краюхина, без помпезных речей и оркестра, снялись три фотонные ракеты типа «Хиус» и с интервалом в полтора часа одна за другой ринулись в розовое марево венерианской атмосферы. Первый планетолет шел под вымпелом Адмирала Безводных Океанов Михайла Антоновича Крутикова. Адмирал, грузный и безукоризненно выбритый, лично встал у пульта управления. Глаза его сияли. Могучий корабль, изрыгая фиолетовый огонь, неся на пеленги маяков ракетодрома второго класса Урановая Голконда. Трижды озарилося фиолетовой вспышкой багровое небо. Трижды лопнули тяжелые тучи. Трижды дрогнули смолянистые пески. Пятилапые стальные гиганты, тяжело раскорячившись, стали рядом, зарывшись в щебень реакторными колоннами.

Из них полезли люди в спектролитовых колпаках, автоматические танкетки, землеройные агрегаты, гусеничные вездеходы с герметичными кабинами. Люди разделились. Восемь человек на двух вездеходах, груженных минами, двинулись на восток — рвать скалы, расширять ракетодром, ставить дополнительные маяки. Они скрылись в черном тумане, и вскоре из за горизонта покотился глухой грохот, взметнулись косматые грибы разрывов.

Двадцать строителей под командой Виктора Гайдадымова (того, что строил порт «Большой Сырт» на Марсе) уселись на свои странные машины и не спеша отправились на юг, к горному хребту, планировать, расчищать, котлованить строительную площадку для будущего города-порта. Никем в общей суматохе не замеченные, в том же направлении скрылись два ракетомобильчика с астробиологами: серебристые

маленькие «блохи» стремительно и беззвучно понеслись, пожирая пространство четырехкилометровыми прыжками, на поиски Горячего Болота. В каждой такой «блохе», сидя на бабках со спиртом и формалином, на пластмассовых контейнерах для образцов, тряслись от возбуждения трое любителей внеземной флоры и фауны, с голодными глазами.

Последними солидно и с достоинством ушли мы, геологи. Мы знали себе цену. Начальник группы Павел Николаевич Лип дал команду, и, усевшись в вездеходы, мы отправились на север, к берегам Дымного моря, гоня перед собой стада многоруких роботов — двуногих, шестиногих и на гусеничном ходу. Роботы, натасканные на активные вещества, шли изломанной цепью, на ходу обнюхивая почву, выбирая образцы, записывая, подсчитывая, запоминая и время от времени сообщая нам результаты своих исследований. Они действовали методично и уверенно, и нам уже казалось, что мы будем только складывать в чемоданы готовые открытия. Но в Дымном море произошла заминка.

Роботы столкнулись с полями проклятой малиновой пленки, которая занимает там буквально тысячи гектаров почвы. Радиация оказалась слишком сильной для программы роботов, и они выскочили из Дымного моря как ошпаренные и долго торчали на месте, очумело шевеля щупальцами. Пришлось перестраиваться на ходу, после чего роботы вновь геройски бросились в атаку и натаскали столько красной пленки, что мы не знали, куда от нее деваться. Астробиологам было передано безвозмездно десять тонн этой красно-лиловой дряни. Кстати, оказалось, что наша догадка верна: это действительно колонии микроорганизмов, использующих для жизненных процессов энергию радиоактивного распада. Установлено и несомненное тяготение красной пленки к очагам подземных взрывов. Кое-кто здесь надеется приспособить ее в качестве индикатора, предупреждающего об опасности. Если бы мы знали тогда!

Штурм Голкопды начался. Ревели двигатели, бежали люди, носились вездеходы, поднимая облака черной пыли. Где-то уже ссорились, кто-то уже надрывал эфир, предупреждая, что он сюда не в бирюльки играть прилетел, а старший врач Леонтьев уже впрыскивал кому-то арадиатин и гневно вопрошал, когда будет ближайший планетолет на Землю... Через несколько часов «Хиусы» улетели и верну-

лись с подкреплением; вслед за ними из багровых туч посыпались грузовые ракеты-автоматы, битком набитые материалами, приборами, продовольствием, книгами, одеждой. Открывались люки, по блестящим трапам сползали автоматические танкетки, сбегали «киберы» всех сортов — строители, геологи, взрывники, землекопы, повара... Мелко, непрерывно дрожала почва, гудела Голконда, клубилась светящаяся пыль — и среди всего этого, мужественный и суровый в своей златотканой пижаме, в кают-компании «Хиуса» сидел адмирал Крутиков, молчаливый и сосредоточенный. Он пил крепкий чай с лимонными вафлями. Так происходило то, что впоследствии было названо Началом Великого Штурма Голконды. С каждой минутой рука Человека все крепче сжимала черную глотку Голконды.

И Голконда пала. Голконда подняла лапки. Она ревет, клокочет, пугает багровыми тучами и всяческой пиротехникой, но теперь это уже никого не трогает, кроме новичков. Даже Черные бури не страшны нам больше — наши метеорологи уничтожают их в зародыше водородной бомбардировкой. Там, где мы когда-то укладывали селеновые простыни, теперь раскинулся ракетодром высшего класса, весь утыканный «Хиусами». Он принимает и отправляет до ста кораблей в месяц. Зубов Венеры не найдешь и за триста километров в округе: все, к чертям, взорвано. В пятидесяти километрах к югу, у отрогов хребта, — город. К нему ведут восемь превосходных стекломассовых шоссе. В центре города стоит наш «Мальчик». Его нашли, вырезали из почвы и так, вместе с оплавившимся камнем, поставили на пластметалловый фундамент. На броне вырезали короткую надпись: «Первым». Это памятник Анатолию Ермакову, Богдану Спицыну, Тахмасибу Мехти, его товарищам.

Да, Алеша, Голконда пала! Да что Голконда! Скоро вся Венера будет у ног победителя. Исследуется кольцо тяжеловодных болот и озер вокруг Голконды (до сих пор непонятно, откуда в них берется вода; сначала думали, что эти озера и болота как-то связаны с Голкондой, но два месяца назад большое тяжеловодное озеро было открыто в другом полушарии Венеры, за несколько тысяч километров от нас). Иргенсен высадился на южном полюсе. Там открыта новая страна — необозримые леса красных деревьев, зеленых озер, диковинных животных, настоящий заповедник странной

жизни, скрытый под куполом бешеной стратосферы. Готовится экспедиция на Северный полюс. И если северная полярная шапка Венеры хоть немного похожа на южную, я многое прощу этой планете. А здесь наши экспедиции проникают все дальше в черные пески по ту сторону Кольца Горячих Болот. А я вот вынужден принимать ванны и пожирать бифштексы.

Кстати, о бифштексах.

Недавно я видел Михаила Антоновича. Он рассказывал, что начальник ВШК отзывается о тебе весьма хорошо. Того же мнения о тебе и сам Михаил. Знаешь, эта его манера разговаривать: «Алешенька? Из него будет отличный штурман, о-отличный, вот увидишь!» Очень рад за тебя, краснотлицый.

Мне пришлось на полчаса оторваться от письма и выслушать сетования моего соседа, кибернетиста Щербакова. Ты, вероятно, знаешь, что к северу от ракетодома идет строительство грандиозного подземного комбината по переработке урана и трансуранидов. Люди работают в шесть смен. Роботы — круглые сутки; замечательные машины, последнее слово практической кибернетики. Но, как говорят японцы, обезьяна тоже падает с дерева. Сейчас ко мне пришел Щербаков, злой, как черт, и сообщил, что банда этих механических идиотов (его собственные слова) сегодня ночью растащила один из крупных складов руды, приняв его, очевидно, за необычайно богатое месторождение. Программы у роботов были разные, поэтому к утру часть склада оказалась в пакетах ракетодома, часть — у входа в геологическое управление, а часть вообще неизвестно где. Поиски продолжаются. Я как мог утешил Щербакова (чуть не умер от напряжения, стараясь сохранить серьезный вид) — и вернулся к письму.

Собственно, пора копчить. Перо покоя просит, и меня зовут на процедуры. Хочу только сообщить тебе, что Михаил сейчас откомандирован на Амальтею. Амальтея — это Пятый спутник Юпитера. Сию истину ты, вероятно, узнал в школе, но забыл, конечно. Там сейчас затеваются любопытные вещи. И вообще: ты будешь штурманом, будешь и капитаном корабля, я тебя знаю. Но «*Aspice hoc sublime candens, quem invocant omnes Iovem*», то бишь: «Взгляни на этот возвышенный блеск, который все называют Юпитером». Настоятельно прошу — взгляни! Следующий большой штурм будет

там — это я тебе гарантирую, как старый межпланетный волк.

Да, Миша говорил мне, что Дауге окончательно оправился и досаждают Краюхину просьбами направить его сюда. Дело, конечно, благородное, но ты постарайся его отговорить при встрече. Пусть подождет, пока мы не насадим здесь сады. А если говорить серьезно, то я просто опасаюсь рецидивов горячки. Но все-таки чертовски хочется видеть вас, бесы окаянные!

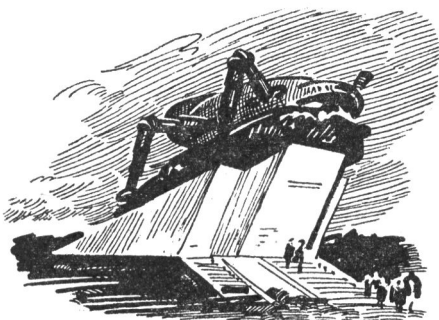
Прощай, краснолицый! Надеюсь, не пройдет и двух лет, как ты напишешь мне.

Большой привет супруге и сынишке. Да ручку, ручку ей поцелуй, неотесанный!

Твой В. Юрковский

Венера. Порт Голконда

7.02.19.. г.

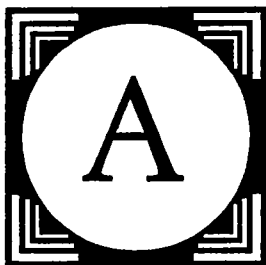

ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ

Художник Лев Рубинштейн

ПРОЛОГ

Амальтея, «Джей-станция»

Амальтея, пятый и ближайший спутник Юпитера, делает полный оборот вокруг своей оси примерно за тридцать пять часов. Кроме того, за двенадцать часов она делает полный оборот вокруг Юпитера. Поэтому Юпитер выплывает из-за близкого горизонта через каждые тринадцать с половиной часов.

Восход Юпитера — это очень красиво. Только нужно заранее подняться в лифте до самого верхнего этажа под прозрачный спектролитовый колпак.

Когда глаза привыкнут к темноте, видна обледенелая равнина, уходящая горбом к скалистому хребту на горизонте. Небо черное, и на нем множество ярких немигающих звезд. От звездного блеска на равнине лежат неясные отсветы, а скалистый хребет кажется глубокой черной тенью на звездном небе. Если присмотреться, можно различить даже очертания отдельных зазубренных пиков.

Бывает, что низко над хребтом висит пятнистый серп Ганимеда, или серебряный диск Каллисто, или они оба, хотя это бывает довольно редко. Тогда от пиков по мерцающему

льду через всю равнину тянутся ровные серые тени. А когда над горизонтом Солнце — круглое пятнышко слепящего пламени, равнина голубеет, тени становятся черными, и на льду видна каждая трещина. Угольные кляксы на поле ракетодрома похожи на огромные, затянутые льдом лужи. Это вызывает теплые полузабытые ассоциации, и хочется сбегать на поле и пройти по тонкой ледяной корочке, чтобы посмотреть, как она хрустнет под магнитным башмаком и по ней побегут морщинки, похожие на пенки в горячем молоке, только темные.

Но все это можно увидеть не только на Амальтее.

По-настоящему красиво становится тогда, когда восходит Юпитер. И восход Юпитера по-настоящему красив только на Амальтее. И он особенно красив, когда Юпитер встает, догоняя Солнце. Сначала за пиками хребта разгорается зеленое зарево — экзосфера гигантской планеты. Оно разгорается все ярче, медленно подбираясь к Солнцу, и одну за другой гасит звезды на черном небе. И вдруг оно наползает на Солнце. Очень важно не пропустить этот момент. Зеленое зарево экзосферы мгновенно, словно по волшебству, становится кроваво-красным. Всегда ждешь этого момента, и всегда он наступает внезапно. Солнце становится красным, и ледяная равнина становится красной, и на круглой башенке пеленгатора на краю равнины вспыхивают кровавые блики. Даже тени пиков становятся розовыми. Затем красное постепенно темнеет, становится бурым, и наконец из-за скалистого хребта на близком горизонте вылезает огромный коричневый горб Юпитера. Солнце все еще видно, и оно все еще красное, как раскаленное железо, — ровный вишневого диска на буром фоне.

Почему-то считается, что бурый цвет — это некрасиво. Так считает тот, кто никогда не видел бурого зарева на полнеба и четкого красного диска на нем. Потом диск исчезает. Остается только Юпитер, огромный, бурый, косматый, он долго выбирается из-за горизонта, словно распухая, и занимает четверть неба. Его пересекают наискось черные и зеленые полосы аммиачных облаков, и иногда на нем появляются и сейчас же исчезают крошечные белые точки — так выглядят с Амальтеи экзосферные протуберанцы.

К сожалению, досмотреть восход до конца удастся редко. Слишком долго выползает Юпитер, и надо идти работать.

Во время наблюдений, конечно, можно проследить полный восход, но во время наблюдений думаешь не о красоте...

Директор «Джей-станции» поглядел на часы. Сегодня красивый восход, и скоро он будет еще красивее, но пора спускаться вниз и думать, что делать дальше.

В тени скал шевельнулся и начал медленно разворачиваться решетчатый скелет Большой Антенны. Радиооптики приступили к наблюдениям. Голодные радиооптики...

Директор в последний раз взглянул на бурый размытый купол Юпитера и подумал, что хорошо бы поймать момент, когда над горизонтом висят все четыре больших спутника — красноватая Ио, Европа, Ганимед и Каллисто, а сам Юпитер в первой четверти наполовину оранжевый, наполовину бурый. Потом он подумал, что никогда не видел захода. Это тоже должно быть красиво: медленно гаснет зарево экзосферы, и одна за другой вспыхивают звезды в чернеющем небе, как алмазные иглы на бархате. Но обычно время захода — это разгар рабочего дня.

Директор вошел в лифт и спустился в самый нижний этаж. Планетологическая станция на Амальтее представляла собой научный городок в несколько горизонтов, вырубленный в толще льда и залитый металлопластом. Здесь жили, и работали, и учились, и строили около шестидесяти человек. Пятьдесят шесть молодых мужчин и женщин, отличных ребят и девушек с отличным аппетитом.

Директор заглянул в спортивные залы, но там уже никого не было, только кто-то плескался в шаровом бассейне и звенело эхо под потолком. Директор пошел дальше, неторопливо переставляя ноги в тяжелых магнитных башмаках. На Амальтее почти не было тяжести, и это было крайне неудобно. В конце концов, конечно, привыкаешь, но первое время кажется, будто тело надут водородом и так и норовит выскочить из магнитных башмаков. И особенно трудно привыкнуть спать.

Прошли двое астрофизиков с мокрыми после душа волосами, поздоровались и торопливо прошли дальше, к лифтам. У одного астрофизика было, по-видимому, что-то не в порядке с магнитными подковами — он неловко подпрыгивал и раскачивался на ходу. Директор свернул в столовую. Человек пятнадцать завтракали.

Повар дядя Валнога, он же инженер-гастроном станции, развозил на тележке завтраки. Он был мрачен. Он вообще человек довольно сумрачный, но в последние дни он был мрачен. Он мрачен с того самого неприятного дня, когда с Каллисто, четвертого спутника, радировали о катастрофе с продовольствием. Продовольственный склад на Каллисто погиб от грибка. Это случилось и раньше, но теперь продовольствие погибло целиком, до последней галеты, и хлорелловые плантации погибли тоже.

На Каллисто очень трудно работать. В отличие от Амальтеи, на Каллисто существует биосфера, и там до сих пор не найдены средства предотвратить проникновение грибка в жилые отсеки. Это очень интересный грибок. Он проникает через любые стены и пожирает все съедобное — хлеб, консервы, сахар. Хлореллу он пожирает с особой жадностью. Иногда он поражает человека, но это совсем не опасно. Сначала этого очень боялись, и самые смелые менялись в лице, обнаружив на коже характерный немного скользкий налет. Но грибки не причиняли живому организму ни боли, ни вреда. Говорили даже, что они действуют как тонизирующее. Зато продовольствие они уничтожают в два счета.

— Дядя Валнога! — окликнул кто-то. — На обед тоже будут галеты?

Директор не успел заметить, кто окликнул, потому что все завтракавшие повернули лица к дяде Валноге и перестали жевать. Славные молодые лица, почти все загорелые до черноты. И уже немного осунувшиеся. Или это так кажется?

— В обед вы получите суп, — сказал дядя Валнога.

— Здорово! — сказал кто-то, и опять директор не заметил кто.

Он подошел к ближайшему столику и сел. Валнога подкатил к нему тележку, и директор взял свой завтрак — тарелку с двумя галетами, полплитки шоколада и стеклянную грушу с чаем. Он сделал это очень ловко, но все-таки толстые белые галеты подпрыгнули и повисли в воздухе. Груша с чаем осталась стоять — она имела магнитный ободок вокруг доньшка. Директор поймал одну из галет, откусил и взялся за грушу. Чай остыл.

— Суп, — сказал Валнога. Он говорил негромко, обращаясь только к директору. — Вы можете себе представить,

что это за суп. А они небось думают, что я им подам куриный бульон. — Он оттолкнул тележку и сел за столик. Он смотрел, как тележка катится в проходе все медленнее и медленнее. — А куриный суп, между прочим, кушают на Каллисто.

— Вряд ли, — сказал директор рассеянно.

— Ну как же вряд ли! — сказал Валнога. — Я им отдал сто семьдесят банок. Больше половины нашего резерва.

— Остаток резерва мы уже съели?

— Конечно, съели, — сказал Валнога.

— Значит, и они уже съели, — сказал директор, разгрызая галету. — У них народу вдвое больше, чем у нас.

«Врешь ты, дядя Валнога, — подумал он. — Я тебя хорошо знаю, инженер-гастроном. Банок двадцать ты еще припрятал для больных и прочего».

Валнога вздохнул и спросил:

— Чай у вас не остыл?

— Нет, спасибо.

— А хлорелла на Каллисто не прививается, — сказал Валнога и опять вздохнул. — Опять они радировали, просили еще килограммов десять закваски. Сообщили, что выслали планетолет.

— Что ж, надо дать.

— Дать! — сказал дядя Валнога. — Конечно, надо дать. Только хлореллы у меня не сто тонн, и ей тоже надо дать подрасти... Я вам, наверное, аппетит порчу, а?

— Ничего, — сказал директор. У него вообще не было аппетита.

— Довольно! — сказал кто-то.

Директор поднял голову и сразу увидел растерянное лицо Зойки Ивановой. Рядом с ней сидел ядерник Козлов. Они всегда сидели рядом.

— Довольно, слышишь? — сказал Козлов со злостью.

Зойка покраснела и наклонила голову. Ей было очень неловко, потому что все смотрели на них.

— Ты мне подсунула свою галету вчера, — сказал Козлов. — Сегодня ты опять подсовываешь мне свою несчастную галету.

Зойка молчала. Она чуть не плакала от смущения.

— Не ори на нее, Козел! — гаркнул с другого конца столовой атмосферный физик Потапов. — Зоенька, ну что ты его подкармливаешь, этого зверя! Дай лучше галету мне, я съем. Я даже не буду на тебя орать.

— Нет, правда, — сказал Козлов уже спокойнее. — Я и так здоровый, а ей надо есть больше моего.

— Неправда, Валя, — сказала Зойка, не поднимая головы.

Кто-то сказал:

— Чайку еще можно, дядя Валнога?

Валнога поднялся. Потапов позвал через всю столовую:

— Эй, Грегор, после работы сыграем?

— Сыграем, — сказал Грегор.

— Снова будешь бит, Вадимчик, — сказал кто-то.

— На моей стороне закон вероятностей! — заявил Потапов.

Все засмеялись.

В столовую просунулась сердитая физиономия.

— Потапов здесь? Вадька, буря на Джупе!

— Ну! — сказал Потапов и вскочил. И другие атмосферники поспешно поднялись из-за стола.

Физиономия исчезла и вдруг появилась снова:

— Галеты мне захвати, слышишь?

— Если Валнога даст, — сказал Потапов вдогонку. Он поглядел на Валногу.

— Почему не дать? — сказал дядя Валнога. — Стеценко Константин, двести граммов галет и пятьдесят граммов шоколада...

Директор встал, вытирая рот бумажной салфеткой. Козлов сказал:

— Товарищ директор, как там с «Тахмасибом»?

Все замолчали и повернули лица к директору. Молодые загорелые лица, уже немного осунувшиеся. Директор ответил:

— Пока никак.

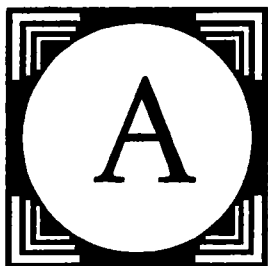
Он медленно прошел по проходу между столиками и направился к себе в кабинет. Вся беда в том, что на Каллисто не вовремя началась «консервная эпидемия». Пока это еще не настоящий голод. Амальтея еще может делиться с Каллисто хлореллой и галетами. Но если Быков не

придет с продовольствием... Быков уже где-то близко. Его уже запеленговали, но затем он замолчал и молчит вот уже шестьдесят часов. Нужно будет снова сократить рационы, подумал директор. Здесь всякое может случиться, а до базы на Марсе не близко. Здесь всякое бывает. Бывает, что планетолеты с Земли и с Марса пропадают. Это случается редко, не чаще грибковых эпидемий. Но очень плохо, что это все-таки случается. За миллиард километров от Земли это хуже десяти эпидемий. Это голод. Может быть, это гибель.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Фотонный грузовик «Тахмасиб»

1. Планетолет подходит к Юпитеру, а капитан ссорится со штурманом и принимает спорамин

Алексей Петрович Быков, капитан фотонного грузовика «Тахмасиб», вышел из каюты и аккуратно притворил за собой дверь. Волосы у него были мокрые. Капитан только что принял душ. Он принял даже два душа — водяной и ионный, но его еще покачивало после короткого сна. Спать все-таки хотелось так, что глаза никак не открывались. За последние трое суток он проспал в общей сложности не более пяти часов. Перелет выдался пелегкий.

В коридоре было пусто и светло. Быков направился в рубку, стараясь не шаркать ногами. В рубку нужно было идти через кают-компанию. Дверь в кают-компанию оказалась открытой, оттуда доносились голоса. Голоса принадлежали планетологам Дауге и Юрковскому и звучали, как показалось Быкову, необыкновенно раздраженно и как-то странно глухо.

«Опять они что-то затеяли, — подумал Быков. — И нет от них никакого спасения. И выругать их как следует невозможно, потому что они все-таки мои друзья и страшно рады, что в этом рейсе мы вместе. Не так часто бывает, чтобы мы собирались вместе».

Быков шагнул в кают-компанию и остановился, поставив ногу на комингс. Книжный шкаф был раскрыт, книги были вывалены на пол и лежали неаккуратной кучей. Скатерть со стола сползла. Из-под дивана торчали длинные, обтянутые узкими серыми брюками ноги Юрковского. Ноги азартно шевелились.

— Я тебе говорю, ее здесь нет, — сказал Дауге.

Самого Дауге видно не было.

— Ты ищи, — сказал задушенный голос Юрковского. — Взялся, так ищи.

— Что здесь происходит? — сердито осведомился Быков.

— Ага, вот он! — сказал Дауге и вылез из-под стола.

Лицо у него было веселое, куртка и воротник сорочки расстегнуты. Юрковский, пятясь, выбрался из-под дивана.

— В чем дело? — сказал Быков.

— Где моя Варечка? — спросил Юрковский, поднимаясь на ноги. Он был очень сердит.

— Изверг! — воскликнул Дауге.

— Безздельники, — сказал Быков.

— Это он, — сказал Дауге трагическим голосом. — Посмотри на его лицо, Владимир! Палач!

— Я говорю совершенно серьезно, Алексей, — сказал Юрковский. — Где моя Варечка?

— Знаете что, планетологи, — сказал Быков. — Подите вы к черту!

Он выпятил челюсть и прошел в рубку. Дауге сказал вслед:

— Он спалил Варечку в реакторе.

Быков с гулом захлопнул за собой люк.

В рубке было тихо. На обычном месте за столом у вычислителя сидел штурман Михаил Антонович Крутиков, подперев пухлым кулачком двойной подбородок. Вычислитель негромко шелестел, моргая неоновыми огоньками контрольных ламп. Михаил Антонович посмотрел на капитана добрыми глазками и сказал:

— Хорошо поспал, Лешенька?

— Хорошо, — сказал Быков.

— Я принял пеленги с Амальтеи, — сказал Михаил Антонович. — Они там уж так ждут, так ждут... — Он покачал головой. — Представляешь, Лешенька, у них норма: двести

граммов галет и пятьдесят граммов шоколада. И хлорелловая похлебка. Триста граммов хлорелловой похлебки. Это же так невкусно!

«Тебя бы туда, — подумал Быков. — То-то похудел бы, толстяк». Он сердито посмотрел на штурмана и не удержался — улыбнулся. Михаил Антонович, озабоченно выпятив толстые губы, рассматривал разграфленный лист голубой бумаги.

— Вот, Лешенька, — сказал он. — Я составил финиш-программу. Проверь, пожалуйста.

Обычно проверять курсовые программы, составленные Михаилом Антоновичем, не стоило. Михаил Антонович по-прежнему оставался самым толстым и самым опытным штурманом межпланетного флота.

— Потом проверю, — сказал Быков. Он сладко зевнул, прикрывая рот ладонью. — Вводи программу в киберштурман.

— Я, Лешенька, уже ввел, — виновато сказал Михаил Антонович.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. Где мы сейчас?

— Через час выходим на финиш, — ответил Михаил Антонович. — Пройдем над северным полюсом Юпитера... — слово «Юпитер» он произнес с видимым удовольствием, — на расстоянии двух диаметров, двести девяносто мегаметров. А потом — последний виток. Можно считать, мы уже прибыли, Алешенька...

— Расстояние считаешь от центра Юпитера?

— Да, от центра.

— Когда выйдем на финиш, будешь каждые четверть часа давать расстояние до экзосферы.

— Слушаюсь, Лешенька, — сказал Михаил Антонович.

Быков еще раз зевнул, с досадой протер кулаками слезящиеся глаза и пошел вдоль пульта аварийной сигнализации. Здесь было все в порядке. Двигатель работал без перебоев, плазма поступала в рабочем ритме, настройка магнитных ловушек держалась безукоризненно. За магнитные ловушки отвечал бортинженер Жилин. «Молодчина, Жилин, — подумал Быков. — Отлично отрегулировал, малек».

Быков остановился и попробовал, чуть меняя курс, сбить настройку ловушек. Настройка не сбивалась. Белый зайчик за прозрачной пластмассовой пластинкой даже не шевельнулся.

«Молодчина, малек», снова подумал Быков. Он обогнул выпуклую стену — кожух фотореактора. У комбайна контроля отражателя стоял Жилин с карандашом в зубах. Он упирался обеими руками в края пульта и едва заметно отплясывал четку, шевеля могучими лопатками на согнутой спине.

— Здравствуй, Ваня, — сказал Быков.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал Жилин, быстро обернувшись. Карандаш выпал у него из зубов, и он ловко поймал его на лету.

— Как отражатель? — спросил Быков.

— Отражатель в порядке, — сказал Жилин, но Быков все-таки нагнулся над пультом и потянул плотную синюю ленту записи контрольной системы.

Отражатель — самый главный и самый хрупкий элемент фотонного привода, гигантское параболическое зеркало, покрытое пятью слоями сверхстойкого мезовещества. В зарубежной литературе отражатель часто называют «сэйл» — парус. В фокусе параболоида ежесекундно взрываются, превращаясь в излучение, миллионы порций дейтериево-третиевой плазмы. Поток бледного лилового пламени бьет в поверхность отражателя и создает силу тяги. При этом в слое мезовещества возникают исполинские перепады температур, и мезовещество постепенно — слой за слоем — выгорает. Кроме того, отражатель непрерывно разъедается метеоритной коррозией. И если при включенном двигателе отражатель разрушится у основания, там, где к нему примыкает толстая труба фотореактора, корабль превратится в мгновенную бесшумную вспышку. Поэтому отражатели фотонных кораблей меняют через каждые сто астрономических единиц полета. Поэтому контролирующая система непрерывно замеряет состояние рабочего слоя по всей поверхности отражателя.

— Так, сказал Быков, вертя в пальцах ленту. — Первый слой выгорел.

Жилин промолчал.

— Михаил! — окликнул Быков. — Ты знаешь, что первый слой выгорел?

— Знаю, Лешенька, — отозвался штурман. — А что ты хочешь? Оверсан, Лешенька...

Оверсан, или «прыжок через Солнце», производится редко и только в исключительных случаях — как сейчас, когда на «Джей-станциях» голод. При оверсане между старт-плане-

той и финиш-планетой находится Солнце — расположение очень невыгодное с точки зрения «прямой космогации». При оверсане фотонный двигатель работает на предельных режимах, скорость корабля доходит до шести-семи тысяч километров в секунду и на приборах начинают сказываться эффекты неклассической механики, изученные пока еще очень мало. Экипаж почти не спит, расход горючего и отражателя громаден, и в довершение всего корабль, как правило, подходит к финиш-планете с полюса, что неудобно и осложняет посадку.

— Да, — сказал Быков. — Оверсан. Вот тебе и оверсан.

Он вернулся к штурману и поглядел на расходомер горючего.

— Дай-ка мне копию финиш-программы, Миша, — сказал он.

— Одну минутку, Лешенька, — сказал штурман.

Он был очень занят. По столу были разбросаны голубые листки бумаги, негромко гудела полуавтоматическая приставка к электронному вычислителю. Быков опустил в кресло и прикрыл веки. Он смутно видел, как Михаил Антонович, не отрывая глаз от записей, протянул руку к пульту и, быстро переставляя пальцы, пробежал по клавишам. Рука его стала похожа на большого белого паука. Вычислитель загудел громче и остановился, сверкнув стоп-лампочкой.

— Что тебе, Лешенька? — спросил штурман, глядя в свои записи.

— Финиш-программу, — сказал Алексей Петрович, еле разлепляя веки.

Из выводного устройства выползла табулограмма, и Михаил Антонович вцепился в нее обеими руками.

— Сейчас, — сказал он торопливо. — Сейчас.

У Быкова сладко зашумело в ушах, под веками поплыли желтые огоньки. Он уронил голову на грудь.

— Лешенька, — сказал штурман. Он потянулся через стол и похлопал Быкова по плечу. — Лешенька, вот программа...

Быков вздрогнул, дернул головой и посмотрел по сторонам. Он взял исписанные листки.

— Кхе-кхм... — откашлялся он и пошевелил кожей на лбу. — Так. Опять тэта-алгоритм... — Он сонно уставился в записи.

— Принял бы ты, Лешенька, спорамин, — посоветовал штурман.

— Подожди, — сказал Быков. — Подожди. Это что еще такое? Ты что, с ума сошел, штурман?

Михаил Антонович вскочил, обежал вокруг стола и нагнулся над плечом Быкова.

— Где, где? — спросил он.

— Ты куда летишь? — ядовито спросил Быков. — Может быть, ты думаешь, что летишь на Седьмой полигон?

— Да в чем дело, Леша?

— Или, может быть, ты воображаешь, что на Амальтее построили для тебя тритиевый генератор?

— Если ты про горючее, — сказал Михаил Антонович, — то горючего хватит на три таких программы...

Быков проснулся окончательно.

— Мне нужно сесть на Амальтею, — сказал он. — Потом я должен сходить с планетологами в экзосферу и снова сесть на Амальтею. И потом я должен буду вернуться на Землю. И это снова будет оверсан!

— Подожди, — сказал Михаил Антонович. — Минуточку...

— Ты мне рассчитываешь сумасшедшую программу, как будто нас ждут склады горючего!

Люк в рубку приоткрылся. Быков обернулся. В образовавшуюся щель втиснулась голова Дауге. Голова повела по рубке глазами, сказала просительно:

— Послушайте, ребята, здесь нет Варечки?

— Вон! — рявкнул Быков.

Голова мгновенно скрылась. Люк тихо закрылся.

— Л-лоботрясы, — сказал Быков. — И вот что, штурман! Если у меня не хватит горючего для обратного оверсана, плохо тебе будет.

— Не ори, пожалуйста, — возмущенно ответил Михаил Антонович. Он подумал и добавил, заливаясь краской: — Черт возьми...

Наступило молчание. Михаил Антонович вернулся на свое место, и они смотрели друг на друга надувшись. Михаил Антонович сказал:

— Бросок в экзосферу я рассчитал. Обратный оверсан я тоже почти рассчитал. — Он положил ладошку на кучу листков на столе. — А если ты трусишь, мы прекрасно можем дозаправиться на Антимарсе...

Антимарсом космогаторы называли искусственную планету, движущуюся почти по орбите Марса по другую сторону

от Солнца. По сути дела, это был громадный склад горючего, полностью автоматизированная заправочная станция.

— И вовсе незачем так на меня... орать, — сказал Михаил Антонович. Слово «орать» он произнес шепотом. Михаил Антонович остывал.

Быков тоже остывал.

— Ну хорошо, — сказал он. — Извини, Миша.

Михаил Антонович сразу заулыбался.

— Я был не прав, — добавил Быков.

— Ах, Лешенька, — сказал Михаил Антонович торопливо. — Пустяки. Совершенные пустяки... А вот ты посмотри, какой получается удивительный виток. Из вертикали, — он стал показывать руками, — в плоскость Амальтеи и над самой экзосферой по инерционному эллипсу в точку встречи. И в точке встречи относительная скорость всего четыре метра в секунду. Максимальная перегрузка всего двадцать два процента, а время невесомости всего минут тридцать-сорок. И очень малы расчетные ошибки.

— Ошибки малы, потому что тэта-алгоритм, — сказал Быков. Он хотел сказать штурману приятное: тэта-алгоритм был разработан и впервые применен Михаилом Антоновичем.

Михаил Антонович издал неопределенный звук. Он был приятно смущен. Быков просмотрел программу до конца, несколько раз подряд кивнул и, положив листки, принялся тереть глаза огромными веснушчатými кулаками.

— Откровенно говоря, — сказал он, — ни черта я не выпался.

— Прими спорамин, Леша, — убеждающе повторил Михаил Антонович. — Вот я принимаю по таблетке через каждые два часа и совсем не хочу спать. И Ваня тоже. Ну зачем так мучиться?

— Не люблю я этой химии, — сказал Быков. Он вскочил и прошелся по рубке. — Слушай, Миша, а что это происходит у меня на корабле?

— А в чем дело, Лешенька? — спросил штурман.

— Опять планетологи, — сказал Быков.

Жилин из-за кожуха фотореактора объяснил:

— Куда-то пропала Варечка.

— Ну? — сказал Быков. — Наконец-то. — Он опять прошелся по рубке. — Дети, престарелые дети.

— Ты уж на них не сердись, Лешенька, — сказал штурман.

— Знаете, товарищи, — Быков опустил ся в кресло. — Самое скверное в рейсе — это пассажиры. А самые скверные пассажиры — это старые друзья. Дай-ка мне, пожалуй, спорамину, Миша.

Михаил Антонович торопливо вытащил из кармана коробочку. Быков следил за ним сонными глазами.

— Дай сразу две таблетки, — попросил он.

2. Планетологи ищут Варечку, а радиооптик узнает, что такое бегемот

— Он меня выпнул вон, — сказал Дауге, вернувшись в каюту Юрковского.

Юрковский стоял на стуле посередине каюты и ощупывал ладонями мягкий матовый потолок. По полу было рассыпано раздавленное сахарное печенье.

— Значит, она там, — сказал Юрковский.

Он прыгнул со стула, отряхнул с колен белые крошки и позвал жалобно:

— Варечка, жизнь моя, где ты?

— А ты пробовал неожиданно садиться в кресла? — спросил Дауге.

Он подошел к дивану и столбом повалился на него, вытянув руки по швам.

— Ты убьешь ее! — закричал Юрковский.

— Ее здесь нет, — сообщил Дауге и устроился поудобнее, задрав ноги на спинку дивана. — Такую вот операцию следует произвести над всеми диванами и креслами. Варечка любит устраиваться на мягком.

Юрковский перетащил стул ближе к стене.

— Нет, — сказал он. — В рейсах она любит забираться на стены и потолки.

— Господи! — Дауге вздохнул. — И что только не приходит в голову планетологу, одуревшему от безделья! — Он сел, покосился на Юрковского и прошептал зловеще: — Я уверен, это Алексей. Он всегда ненавидел ее.

Юрковский пристально поглядел на Дауге.

— Да, — продолжал Дауге. — Всегда. Ты это знаешь. А за что? Она была такая тихая... такая милая...

— Дурак ты, Григорий, — сказал Юрковский. — Ты па-ясничаешь, а мне действительно будет очень жалко, если она пропадет.

Он уселся на стул, уперся локтями в колени и положил подбородок на сжатые кулаки. Высокий зыбый лоб его собрался в морщины, черные брови трагически надломились.

— Ну-ну, — сказал Дауге. — Куда она пропадет с кораб-ля? Она еще найдется.

— Найдется, — сказал Юрковский. — Ей сейчас есть пора. А сама они никогда не попросит, так и умрет с голоду.

— Так уж и умрет! — усомнился Дауге.

— Она уже двенадцать дней ничего не ела. С самого старта. А ей это страшно вредно.

— Лопать захочет — придет, — уверенно сказал Дауге. — Это свойственно всем формам жизни.

Юрковский покачал головой:

— Нет. Не придет она, Гриша.

Он залез на стул и снова стал сантиметр за сантиметром ощупывать потолок. В дверь постучали. Затем дверь мягко отъехала в сторону, и на пороге остановился маленький чер-новолосый Шарль Моллар, радиооптик.

— Войдите? — спросил Моллар.

— Вот именно, — сказал Дауге.

Моллар всплеснул руками.

— Mais non! — воскликнул он, радостно улыбаясь. Он всегда радостно улыбался. — Non «войдите». Я хотел по-знать: войтить?

— Конечно, — сказал Юрковский со стула. — Конечно, войтить, Шарль. Чего уж тут.

Моллар вошел, задвинул дверь и с любопытством задрал голову.

— Вольдемар, — сказал он, великолепно картавя. — Ви учится ходить по потолку?

— Уи, мадам, — сказал Дауге с ужасным акцентом. — В смысле месье, конечно. Собственно, иль шерш ля Варечка.

— Нет-нет! — вскричал Моллар. Он даже замахал ру-ками. — Только не так. Только по-русску. Я же говорю толь-ко по-русску!

Юрковский слез со стула и спросил:

— Шарль, вы не видели мою Варечку?

Моллар погрозил ему пальцем.

— Ви мне все шутіте, — сказал он, делая произвольные ударения. — Ви мне двенадцать дней шутіте. — Он сел на диван рядом с Дауге. — Что есть Варечка? Я много раз слышал «Варечка», сегодня ви ее ищете, но я ее не видёл ни один раз. А? — Он поглядел на Дауге. — Это птичка? Или это кошка? Или... э...

— Бегемот? — сказал Дауге.

— Что есть бегемот? — осведомился Моллар.

— Сэ такая лирондэй, — ответил Дауге. — Ласточка.

— О, l'hirondelle! — воскликнул Моллар. — Бегемот?

— Йес, — сказал Дауге. — Натюрлихь.

— Нон, нон! Только по-русски! — Он повернулся к Юрковскому. — Грегуар говорит верно?

— Ерунду порет Грегуар, — сердито проговорил Юрковский. — Чепуху.

Моллар внимательно посмотрел на него.

— Ви расстроены, Володя, — сказал он. — Я могу помочь?

— Да нет, наверное, Шарль. Надо просто искать. Ощупывать все руками, как я...

— Зачем щупать? — удивился Моллар. — Ви скажите, вид у нее какой есть. Я стану искать.

— Ха, — сказал Юрковский, — хотел бы я знать, какой у нее сейчас вид.

Моллар откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза ладонью.

— Je ne comprendre pas, — жалобно сказал он. — Я не понимаю. У нее нет вид? Или я не понимаю по-русски?

— Нет, все правильно, Шарль, — сказал Юрковский. — Вид у нее, конечно, есть. Только разный, понимаете? Когда она на потолке, она как потолок. Когда на диване — как диван...

— А когда на Грегуар, она как Грегуар, — сказал Моллар. — Ви все шутіте.

— Он говорит правду, — вступился Дауге. — Варечка все время меняет окраску. Мимикрия. Она замечательно маскируется, понимаете? Мимикрия.

— Мимикрия у ласточка? — горько спросил Моллар.

В дверь опять постучали.

— Войтишь! — радостно закричал Моллар.

— Войдите, — перевел Юрковский.

Вошел Жилин, громадный, румяный и немного застенчивый.

— Извините, Владимир Сергеевич, — сказал он, несколько наклоняясь вперед. — Меня...

— О! — вскричал Моллар, сверкая улыбкой. Он очень благоволил к бортинженеру. — *Le petit ingénieur!** Как жизнь, хороше-о?

— Хорошо, — сказал Жилин.

— Как девушки, хороше-о?

— Хорошо, — сказал Жилин. Он уже привык. — Бон.

— Прекрасный прононс, — сказал Дауге с завистью. — Кстати, Шарль, почему вы всегда спрашиваете Ваню, как девушки?

— Я очень люблю девушки, — серьезно сказал Моллар. — И всегда интересуюсь как.

— Бон, — сказал Дауге. — Же ву компран.

Жилин повернулся к Юрковскому:

— Владимир Сергеевич, меня послал капитан. Через сорок минут мы пройдем через перииовий, почти в экзосфере. Юрковский вскочил.

— Наконец-то!

— Если вы будете наблюдать, я в вашем распоряжении.

— Спасибо, Ваня, — сказал Юрковский. Он повернулся к Дауге. — Ну, Иоганыч, вперед!

— Держись, бурый Джуп, — сказал Дауге.

— *Les hirondelles, les hirondelles*, — запел Моллар. — А я пойду готовить обед. Сегодня я дежурный, и на обед будет суп. Ви любите суп, Ванья?

Жилин не успел ответить, потому что планетолет сильно качнуло и он вывалился в дверь, едва успев ухватиться за косяк. Юрковский споткнулся о вытянутые ноги Моллара, развалившегося на диване, и упал на Дауге. Дауге охнул.

— Ого, — сказал Юрковский. — Это метеорит.

— Встань с меня, — сказал Дауге.

* Маленький инженер (фр.)

3. Бортинженер восхищается героями, а штурман обнаруживает Варечку

Тесный обсерваторный отсек был до отказа забит аппаратурой планетологов. Дауге сидел на корточках перед большим блестящим аппаратом, похожим на телевизионную камеру. Аппарат назывался экзосферным спектрографом. Планетологи возлагали на него большие надежды. Он был совсем новый — прямо с завода — и работал синхронно с бомбосбрасывателем. Матово-черный казенник бомбосбрасывателя занимал половину отсека. Возле него, в легких металлических стеллажах, тускло светились воронеными боками плоские обоймы бомбозондов. Каждая обойма содержала двадцать бомбозондов и весила сорок килограммов. По идее обоймы должны были подаваться в бомбосбрасыватель автоматически. Но фотонный грузовик «Тахмасиб» был неважно приспособлен для развернутых научных исследований, и для автоподатчика не хватило места. Бомбосбрасыватель обслуживал Жилин. Юрковский командовал:

— Заряжай.

Жилин откатил крышку казенника, взялся за края первой обоймы, с натугой поднял ее и вставил в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма бесшумно скользнула на место. Жилин накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов.

— Я тоже готов, — сказал Дауге.

— Михаил, — сказал Юрковский в микрофон. — Скоро?

— Еще полчаса, — послышался сиплый голосок штурмана.

Планетолет снова качнуло. Пол ушел из-под ног.

— Опять метеорит, — сказал Юрковский. — Это уже третий.

— Густо что-то, — сказал Дауге.

Юрковский спросил в микрофон:

— Михаил, микрометеоритов много?

— Много, Володенька, — ответил Михаил Антонович. Голос у него был озабоченный. — Уже на тридцать процентов выше средней плотности, и все растет и растет...

— Миша, голубчик, — попросил Юрковский. — Замеряй почаще, а?

— Замеры идут три раза в минуту, — отозвался штурман. Он сказал что-то в сторону от микрофона. В ответ послышался голос Быкова: «Можно». — Володенька, — позвал штурман. — Я переключаю на десять раз в минуту.

— Спасибо, Миша, — сказал Юрковский.

Корабль опять качнуло.

— Слушай, Володя, — позвал негромко Дауге. — А ведь это петривнально.

Жилин тоже подумал, что это петривнально. Нигде, ни в каких учебниках и лощиях, не говорилось о повышении метеоритной плотности в непосредственной близости к Юпитеру. Впрочем, мало кто бывал в непосредственной близости к Юпитеру.

Жилин присел на станипу казенника и поглядел на часы. До перииовия оставалось минут двадцать, не больше. Через двадцать минут Дауге даст первую очередь. Он говорит, что это необычайное зрелище, когда взрывается очередь бомбозондов. В позапрошлом году он исследовал такими бомбозондами атмосферу Урана. Жилин оглянулся на Дауге. Дауге сидел на корточках перед спектрографом, держась за ручки поворота, — сухой, черный, остроносый, со шрамом на левой щеке. Он то и дело вытягивал длинную шею и заглядывал то левым, то правым глазом в окуляр видоискателя, и каждый раз по его лицу пробегал оранжевый зайчик. Жилин посмотрел на Юрковского. Юрковский стоял, прижавшись лицом к нарамнику перископа, и нетерпеливо переступал с ноги на ногу. На шее у него болталось на темной ленте рубчатое яйцо микрофона. Известные планетологи Дауге и Юрковский...

Месяц назад заместитель начальника Высшей Школы Космогации Сантор Ян вызвал к себе выпускника Школы Ивана Жилина. Межпланетники звали Сантора Яна «Железный Ян». Ему было за пятьдесят, но он казался совсем молодым в синей куртке с отложным воротником. Он был бы очень красив, если бы не мертвые серо-розовые пятна на лбу и подбородке — следы давнего лучевого удара. Сантор Ян сказал, что Третий отдел ГКМПС срочно затребовал в свое распоряжение хорошего сменного бортинженера и что Совет Школы остановил свой выбор на выпускнике Жилине (выпускник Жилин похолодел от волнения: все пять лет он боялся, что его пошлют стажером на лунные

трассы). Сантор Ян сказал, что это большая честь для выпускника Жилина, потому что первое свое назначение он получает на корабль, который идет оверсаном к Юпитеру (выпускник Жилин чуть не подпрыгнул от радости) с удовольствием для «Джей-станции» на Пятом спутнике Юпитера — Амальтее.

— Амальтее грозит голод, — сказал Сантор Ян. — Вашим командиром будет прославленный межпланетник, тоже выпускник нашей Школы, Алексей Петрович Быков. Вашим старшим штурманом будет весьма опытный космогатор Михаил Антонович Крутиков. В их руках вы пройдете перво-классную практическую школу, и я чрезвычайно рад за вас.

О том, что в рейсе принимают участие Григорий Иоганнович Дауге и Владимир Сергеевич Юрковский, Жилин узнал позже, уже на ракетодроме Мирза-Чарле. Какие имена! Юрковский и Дауге, Быков и Крутиков. Богдан Спицын и Анатолий Ермаков. Страшная и прекрасная, с детства знакомая полублегда о людях, которые бросили к ногам человечества грозную планету. О людях, которые на допотопном «Хиусе» — фотонной черепахе с одним-единственным слоем мезовещества на отражателе — прорвались сквозь бешеную атмосферу Венеры. О людях, которые нашли в черных первобытных песках Урановую Голконду — след удара чудовищного метеорита из антивещества.

Конечно, Жилин знал и других замечательных людей. Например, межпланетника-испытателя Василия Ляхова. На третьем и четвертом курсах Ляхов читал в Школе теорию фотонного привода. Он организовал для выпускников трехмесячную практику на Спу-20. Межпланетники называли Спу-20 «Звездочкой». Там было очень интересно. Там испытывались первые прямоточные фотонные двигатели. Оттуда в зону абсолютно свободного полета запускали автоматические лоты-разведчики. Там строился первый межзвездный корабль «Хиус-Молния». Однажды Ляхов привел курсантов в ангар. В ангаре висел только что прибывший фотонный танкер-автомат, который полгода назад забросили в зону абсолютно свободного полета. Танкер, огромное неуклюжее сооружение, удалялся от Солнца на расстояние светового месяца. Всех поразило его цвет. Обшивка сделалась бирюзово-зеленой и отваливалась кусками, стоило прикоснуться к ней ладонью. Она просто крошилась, как хлеб. Но

устройства управления оказались в порядке, иначе разведчик, конечно, не вернулся бы, как не вернулись три разведчика из девятнадцати, запущенных в зону АСП. Курсанты спросили Ляхова, что произошло, и Ляхов ответил, что не знает. «На больших расстояниях от Солнца есть что-то, чего мы пока не знаем», — сказал Ляхов. И Жилин подумал тогда о пилотах, которые через несколько лет поведут «Хиус-Молнию» туда, где есть что-то, чего мы пока не знаем.

«Забавно, — подумал Жилин, — мне уже есть о чем вспоминать. Как на четвертом курсе во время зачетного подъема на геодезической ракете отказал двигатель и я вместе с ракетой свалился в совхозное поле под Новоенисейском. Я несколько часов бродил среди автоматических высокочастотных плугов, пока к вечеру не наткнулся на человека. Это был оператор-телемеханик. Мы всю ночь пролежали в палатке, следя за огоньками плугов, двигающимися в темном поле, и один плуг прошел совсем близко, гудя и оставляя за собой запах озона. Оператор угощал меня местным вином, и мне, кажется, так и не удалось убедить этого веселого дядьку, что межпланетники не пьют ни капли. Утром за ракетой пришел транспортер. Железный Ян устроил мне страшный разнос за то, что я не катапультировался...

Или дипломный перелет Спу-16 Земля — Цифэй Луна, когда член экзаменационной комиссии старался сбить нас с толку и, давая вводные, кричал ужасным голосом: „Астероид третьей величины справа по курсу! Скорость сближения двадцать два!“ Нас было шестеро дипломантов, и они надоели нам невыносимо — только Ив, староста, все старался нас убедить, что людям следует прощать их маленькие слабости. Мы в принципе не возражали, но слабости прощать не хотелось. Мы все считали, что перелет ерундовый, и никто не испугался, когда корабль вдруг лег в страшный вираж на четырехкратной перегрузке. Мы вскарабкались в рубку, где член комиссии делал вид, что убит перегрузкой, и вывели корабль из виража. Тогда член комиссии открыл один глаз и сказал: „Молодцы, межпланетники“, и мы сразу простили ему его слабости, потому что до тех пор никто еще не называл нас серьезно межпланетниками, кроме мам и знакомых девушек. Но мамы и девушки всегда говорили: „Мой

милий межпланетник“, и вид у них был при этом такой, словно у них холодеет внутри...»

«Тахмасиб» вдруг трянуло так сильно, что Жилин опрокинулся на спину и стукнулся затылком о стеллаж.

— Черт! — сказал Юрковский. — Все это, конечно, не-тривиально, но, если корабль будет так рыскать, мы не сможем работать.

— Да уж, — сказал Дауге. Он прижимал ладонь к правому глазу. — Какая уж тут работа...

По-видимому, по курсу корабля появлялось все больше крупных метеоритов, и суматошные команды противометеоритных локаторов на киберштурман все чаще бросали корабль из стороны в сторону.

— Неужели рой? — сказал Юрковский, цепляясь за на-рамник перископа. — Бедная Варечка, она плохо переносит тряску.

— Ну и сидела бы дома, — злобно сказал Дауге. Правый глаз у него быстро заплывал, он ощупывал его пальцами и издавал невнятные восклицания по-латышски. Он уже не сидел на корточках, он полулежал на полу, раздвинув для устойчивости ноги.

Жилин держался, упираясь руками в казенник и стеллаж. Пол вдруг провалился под ногами, затем подпрыгнул и больно ударил по пяткам. Дауге охнул, у Жилина подломились ноги. Хриплый бас Быкова проревел в микрофон:

— Бортишженер Жилин, в рубку! Пассажирам укрыться в амортизаторах!

Жилин шатающейся рысцой побежал к двери. За его спиной Дауге сказал:

— Как так в амортизаторы?

— Черта с два! — отозвался Юрковский.

Что-то покатилося по полу с металлическим дребезгом. Жилин выскочил в коридор. Начиналось приключение.

Корабль непрерывно мотало, словно щепку на волнах. Жилин бежал по коридору и думал: этот мимо. И этот мимо. И вот этот тоже мимо, и все они мимо... За спиной вдруг разда-лось пронзительное «поук-пш-ш-ш-ш...». Он бросился спиной к стене и обернулся. В пустом коридоре, шагах в десяти от него, стояло плотное облако белого пара: совершенно такое, как бывает, когда лопаается баллон с жидким гелием. Шипение быстро смолкло. По коридору потянуло ледяным холодом.

— Попал, гад, — сказал Жилин и оторвался от стены. Белое облако ползло за ним, медленно оседая.

В рубке было очень холодно. Жилин увидел блестящую радугой изморозь на стенах и на полу. Михаил Антонович с багровым затылком сидел за вычислителем и тянул на себя ленту записи. Быкова видно не было. Он был за кожухом реактора.

— Опять попало? — тоненьким голосом крикнул штурман.

— Где, наконец, бортинженер? — прогудел Быков из-за кожуха.

— Я, — отозвался Жилин.

Он побежал через рубку, скользя по инею. Быков выскочил ему навстречу, рыжие волосы его стояли дыбом.

— На контроль отражателя, — сказал он.

— Есть, — сказал Жилин.

— Штурман, есть просвет?

— Нет, Лешенька. Кругом одинаковая плотность. Вот ведь угораздило нас...

— Отключай отражатель. Буду выбираться на аварийных.

Михаил Антонович на вращающемся кресле торопливо повернулся к пульта управления позади себя. Он положил руку на клавиши и сказал:

— Можно было бы...

Он остановился. Лицо его перекосилось ужасом. Панель с клавишами управления изогнулась, снова выпрямилась и бесшумно соскользнула на пол. Жилин услышал вопль Михаила Антоновича и в смятении выскочил из-за кожуха. На стене рубки, вцепившись в мягкую обивку, сидела полутора-метровая марсианская ящерица Варечка, любимица Юрковского. Точный рисунок клавиш управления на ее боках уже начал бледнеть, но на страшной треугольной морде все еще медленно мигало красное изображение стоп-лампочки. Михаил Антонович глядел на раздиванную Варечку, всхлипывал и держался за сердце.

— Пшла! — заорал Жилин.

Варечка метнулась куда-то и пропала.

— Убью! — прорычал Быков. — Жилин, на место, черт!

Жилин повернулся, и в этот момент в «Тахмасиб» попало по-настоящему.

Амальтея, «Джей-станция»

*Водовозы беседуют о голоде,
а инженер-гастроном стыдится своей кухни*

После ужина дядя Валнога пришел в зал отдыха и сказал, ни на кого не глядя:

— Мне нужна вода. Добровольцы есть?

— Есть, — сказал Козлов.

Потапов поднял голову от шахматной доски и тоже сказал:

— Есть.

— Конечно, есть, — сказал Костя Стеценко.

— А мне можно? — спросила Зойка Иванова тонким голосом.

— Можно, — сказал Валнога, уставясь в потолок. — Так вы приходите.

— Сколько нужно воды? — спросил Козлов.

— Немного, — ответил дядя Валнога. — Тонн десять.

— Ладно, — сказал Козлов. — Мы сейчас.

Дядя Валнога вышел.

— Я тоже с вами, — сказал Грегор.

— Ты лучше сиди и думай над своим ходом, — посоветовал Потапов. — Ход твой. Ты всегда думаешь по полчаса над каждым ходом.

— Ничего, — сказал Грегор. — Я еще успею подумать.

— Галя, пойдем с нами, — позвал Стеценко.

Галя лежала в кресле перед магнитоvideофоном. Она лениво отозвалась:

— Пожалуй.

Она встала и сладко потянулась. Ей было двадцать восемь лет, она была высокая, смуглая и очень красивая. Самая красивая женщина на станции. Половина ребят на станции были влюблены в нее. Она заведовала астрометрической обсерваторией.

— Пошли, — сказал Козлов. Он застегнул пряжки на магнитных башмаках и пошел к двери.

Они отправились на склад и взяли там меховые куртки, электропилы и самоходную платформу.

Айсротте — так называлось место, где станция брала воду для технических, гигиенических и продовольственных нужд.

Амальтея, сплюснутый шар диаметром в сто тридцать километров, состоит из сплошного льда. Это обыкновенный водяной лед, совершенно такой же, как на Земле. И только на поверхности лед немного присыпан метеоритной пылью и каменными и железными обломками. О происхождении ледяной планетки никто не мог сказать ничего определенного. Одни — мало осведомленные в космогонии — считали, что Юпитер в оные времена содрал водяную оболочку с какой-нибудь неосторожно приблизившейся планеты. Другие были склонны относить образование Пятого спутника за счет конденсации водяных кристаллов. Третьи уверяли, что Амальтея вообще не принадлежала к Солнечной системе, что она вышла из межзвездного пространства и была захвачена Юпитером. Но как бы то ни было, неограниченные запасы водяного льда под ногами — это большое удобство для «Джей-станции» на Амальтее.

Платформа проехала по коридору нижнего горизонта и остановилась перед широкими воротами айсгротте. Грегор соскочил с платформы, подошел к воротам и, близоручко вглядываясь, стал искать кнопку замка.

— Ниже, ниже, — сказал Потапов. — Филин слепой.

Грегор нашел кнопку, и ворота раздвинулись. Платформа въехала в айсгротте. Айсгротте был именно айсгротте — ледяной пещерой, тоннелем, вырубленным в сплошном льду. Три газосветные трубки освещали тоннель, но свет отражался от ледяных стен и потолка, дробился и искрился на неровностях, поэтому казалось, что айсгротте освещен многими люстрами...

Здесь не было магнитного поля, и ходить надо было осторожно. И здесь было необычайно холодно.

— Лед, — сказала Галя, оглядываясь. — Совсем как на Земле.

Зойка зябко поежилась, кутаясь в меховую куртку.

— Как в Антарктике, — пробормотала она.

— Я был в Антарктике, — объявил Грегор.

— И где только ты не был! — сказал Потапов. — Везде ты был!

— Взяли, ребята, — скомандовал Козлов.

Ребята взяли электропилы, подошли к дальней стене и стали выпиливать брусья льда. Пилы шли в лед, как горячие ножи в масло. В воздухе засверкали ледяные опилки. Зойка и Галя подошли ближе.

— Дай мне, — попросила Зойка, глядя в согнутую спину Козлова.

— Не дам, — сказал Козлов, не оборачиваясь. — Глаза повредишь.

— Совсем как снег на Земле, — заметила Галя, подставляя ладонь под струю льдинок.

— Ну, этого добра везде много, — сказал Потапов. — Например, на Ганимеди сколько хочешь снега.

— Я был на Ганимеди, — объявил Грегор.

— С ума сойти можно, — сказал Потапов. Он выключил свою пилу и отвалил от стены огромный ледяной куб. — Вот так.

— Разрежь на части, — посоветовал Стеценко.

— Не режь, — сказал Козлов. Он тоже выключил пилу и отвалил от стены глыбу льда. — Наоборот... — Он с усилием пихнул глыбу, и она медленно поплыла к выходу из тоннеля. — Наоборот, Валюге удобнее, когда брусья крупные.

— Лед, — сказала Галя. — Совсем как на Земле. Я теперь буду всегда ходить сюда после работы.

— Вы очень скучаете по Земле? — робко спросила Зойка. Зойка была на десять лет моложе Гали, работала лаборанткой на астрометрической обсерватории и робела перед своей заведующей.

— Очень, — ответила Галя. — И вообще по Земле, Зюенька, и так хочется посидеть на траве, походить вечером по парку, потанцевать... Не наши воздушные танцы, а обыкновенный вальс. И пить из нормальных бокалов, а не из дурацких груш. И носить платье, а не брюки. Я ужасно соскучилась по обыкновенной юбке.

— Я тоже, — сказал Потапов.

— Юбка — это да, — сказал Козлов.

— Трепачи, — возразила Галя. — Мальчишки.

Она подобрала осколок льда и кинула в Потапова. Потапов подпрыгнул, ударился спиной в потолок и отлетел на Стеценко.

— Тише ты, — сердито сказал Стеценко. — Под пилу угодишь.

— Ну, довольно, наверное, — сказал Козлов. Он отвалил от стены третий брус. — Грузи, ребята.

Они погрузили лед на платформу, затем Потапов неожиданно схватил одной рукой Галю, другой рукой Зойку и

забросил обеих на штабель ледяных брусьев. Зойка испуганно взвизгнула и ухватилась за Галю. Галя засмеялась.

— Поехали! — заорал Потапов. — Сейчас Валюга даст вам премию — по миске хлорелловой похлебки на нос.

— Я бы не отказался, — проворчал Козлов.

— Ты и раньше не отказывался, — заметил Стеценко. — А уж теперь, когда у нас голод...

Платформа выехала из айсротте, и Грегор задвинул ворота.

— Разве это голод? — сказала Зойка с вершины ледяной кучи. — Вот я недавно читала книгу о войне с фашистами — вот там был действительно голод. В Ленинграде, во время блокады.

— Я был в Ленинграде, — объявил Грегор.

— Мы едим шоколад, — продолжала Зойка, — а там выдавали по полтораста граммов хлеба на день. И какого хлеба! Наполовину из опилок.

— Так уж и из опилок, — усомнился Стеценко.

— Представь себе, именно из опилок.

— Шоколад шоколадом, — сказал Козлов, — а нам туго будет, если не прибудет «Тахмасиб».

Он нес электропилу на плече, как ружье.

— Прибудет, — уверенно сказал Галя. Она спрыгнула с платформы, и Стеценко торопливо подхватил ее. — Спасибо, Костя. Обязательно прибудет, мальчишки.

— Все-таки я думаю, надо предложить начальнику уменьшить суточные порции, — сказал Козлов. — Хотя бы только для мужчин.

— Чепуха какая, — сказала Зойка. — Я читала, что женщины гораздо лучше переносят голод, чем мужчины.

Они шли по коридору вслед за медленно движущейся платформой.

— Так то женщины, — сказал Потапов. — А то дети.

— Железное остроумие, — сказала Зойка. — Прямо чужуное.

— Нет, правда, ребята, — сказал Козлов. — Если Быков не прибудет завтра, надо собрать всех и спросить согласия на сокращение порций.

— Что ж, — согласился Стеценко. — Я полагаю, никто не будет возражать.

— Я не буду возражать, — объявил Грегор.

— Вот и хорошо, — сказал Потапов. — А я уж думал, как быть, если ты вдруг будешь возражать.

— Привет водовозам! — крикнул астрофизик Никольский, проходя мимо.

Галя сердито заметила:

— Нё понимаю, как можно так откровенно заботиться только о своем брюхе, словно «Тахмасиб» — автомат и на нем нет ни одного живого человека.

Даже Потапов покраснел и не нашелся что сказать. Остаток пути до камбуза прошли молча. В камбузе дядя Валнога сидел понурившись возле огромной ионообменной установки для очистки воды. Платформа остановилась у входа в камбуз.

— Сгружайте, — сказал дядя Валнога, глядя в пол. В камбузе было непривычно тихо, прохладно и ничем не пахло. Дядя Валнога мучительно переживал это запустение.

В молчании ледяные брусья были отгружены с платформы и заложены в отверстие пасть водоочистителя.

— Спасибо, — сказал дядя Валнога, не поднимая головы.

— Пожалуйста, дядя Валнога, — сказал Козлов. — Пошли, ребята.

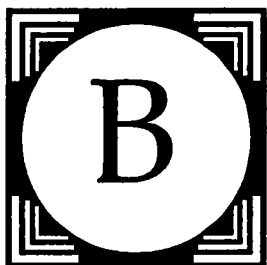
Они молча отправились на склад, затем молча вернулись в зал отдыха. Галя взяла книжку и улеглась в кресло перед магнито видеофоном. Стеценко нерешительно потоптался возле нее, поглядел на Козлова и Зойку, которые снова уселись за стол для занятий (Зойка училась заочно в энергетическом институте, и Козлов помогал ей), вздохнул и побрел в свою компату. Потапов сказал Грегору:

— Ходи. Твой ход.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Люди над бездной

1. Капитан сообщает неприятную новость, а бортинженер не боится

идимо, крупный метеорит угодил в отражатель, симметрия распределения силы тяги по поверхности параболоида мгновенно нарушилась, и «Тахмасиб» закрутило колесом. В рубке один только капитан Быков не потерял сознания. Правда, он больно ударился обо что-то головой, потом боком и некоторое время совсем не мог дышать, но ему удалось вцепиться руками и ногами в кресло, на которое его бросил первый толчок, и он цеплялся, тянулся, карабкался до тех пор, пока в конце концов не дотянулся до панели управления. Все крутилось вокруг него с необыкновенной быстротой. Откуда-то сверху вывалился Жилин и пролетел мимо, растопырив руки и ноги. Быкову показалось, что в Жилине не осталось ничего живого. Он пригнул голову к панели управления и, старательно прицелившись, ткнул пальцем в нужную клавишу.

Киберштурман включил аварийные водородные двигатели, и Быков ощутил толчок, словно поезд остановился на полном ходу, только гораздо сильнее. Быков ожидал этого и изо всех сил упирался ногами в стойку пульта, поэтому из

кресла не вылетел. У него только потемнело в глазах, и рот наполнился крошкой отбитой с зубов эмали. «Тахмасиб» выровнялся. Тогда Быков повел корабль напролом сквозь облако каменного и железного щебня. На экране следящей системы бились голубые всплески. Их было много, очень много, но корабль больше не рыскал — противометеоритное устройство было отключено и не влияло на киберштурман. Сквозь шум в ушах Быков несколько раз услышал пронзительное «поук-пш-ш-ш», и каждый раз его обдавало ледяным паром, и он втягивал голову в плечи и пригибался к самому пульта. Один раз что-то лопнуло, фазлетаясь, за его спиной. Потом сигналов на экране стало меньше, потом еще меньше и, наконец, не стало совсем. Метеоритная атака кончилась.

Тогда Быков поглядел на курсограф. «Тахмасиб» падал. «Тахмасиб» шел через экзосферу Юпитера, и скорость его была намного меньше круговой, и он падал по суживающейся спирали. Он потерял скорость во время метеоритной атаки. При метеоритной атаке корабль, уклоняясь от курса, всегда теряет скорость. Так бывает в поясе астероидов во время обыденных рейсов Юпитер — Марс или Юпитер — Земля. Но там это не опасно. Здесь, над Джупом, потеря скорости означала верную смерть. Корабль сгорит, врезавшись в плотные слои атмосферы чудовищной планеты, — так было десять лет назад с Полем Данже. А если не сгорит, то провалится в водородную бездну, откуда нет возврата, — так случилось, вероятно, с Сергеем Петрушевским в начале этого года.

Вырваться можно было бы только на фотонном двигателе. Совершенно машинально Быков нажал рифленую клавишу стартера. Но ни одна лампочка не зажглась на панели управления. Отражатель был поврежден, и аварийный автомат блокировал неразумный приказ. «Это конец», — подумал Быков. Он аккуратно развернул корабль и включил на полную мощность аварийные двигатели. Пятикратная перегрузка вдавила его в кресло. Это было единственное, что он мог сейчас сделать, — сократить скорость падения корабля до минимума, чтобы не дать ему сгореть в атмосфере. Тридцать секунд он сидел неподвижно, уставясь на свои руки, быстро отекавшие от перегрузки. Потом он уменьшил подачу горючего, и перегрузка пропала. Аварийные двигатели будут немного тормозить падение — пока хватит горючего. А горючего немного. Еще никого и никогда аварийные ракеты не

спасали над Юпитером. Над Марсом, над Меркурием, над Землей — может быть, но не над планетой-гигантом.

Быков тяжело поднялся и заглянул через пульт. На полу, среди пластмассовых осколков, лежал животом вверх штурман Михаил Антонович Крутиков.

— Миша, — позвал Быков почему-то шепотом. — Ты жив, Миша?

Послышался скребущий звук, и из-за кожуха реактора выполз на четвереньках Жилин. Жилин тоже плохо выглядел. Он задумчиво поглядел на капитана, на штурмана, на потолок и сел, поджав ноги.

Быков выбрался из-за пульта и опустился рядом со штурманом па корточки, с трудом согнув ноги в коленях. Он потрогал штурмана за плечо и снова позвал:

— Ты жив, Миша?

Лицо Михаила Антоновича сморщилось, и он, не открывая глаз, облизнул губы.

— Лешенька, — сказал он слабым голосом.

— У тебя болит что-нибудь? — спросил Быков и принялся ощупывать штурмана.

— О! — сказал штурман и широко раскрыл глаза.

— А здесь?

— У! — сказал штурман болезненным голосом.

— А здесь?

— Ой, не надо! — сказал штурман и сел, упираясь руками в пол. Голова его склонилась к плечу. — А где Ванюша? — спросил он.

Быков оглянулся. Жилина не было.

— Ваня, — негромко окликнул Быков.

— Здесь, — отозвался Жилин из-за кожуха. Было слышно, как он уронил что-то и шепотом чертыхается.

— Иван жив, — сообщил Быков штурману.

— Ну и слава богу, — сказал Михаил Антонович и, ухватившись за плечо капитана, поднялся на ноги.

— Ты как, Миша? — спросил Быков. — В состоянии?

— В состоянии, — неуверенно сказал штурман, держась за него. — Кажется, в состоянии. — Он посмотрел на Быкова удивленными глазами и сказал: — До чего же живуч человек, Лешенька... Ох, до чего живуч!

— Н-да, — сказал Быков неопределенно. — Живуч. Слушай, Михаил... — Он помолчал. — Дела наши нехороши.

Мы, брат, падаем. Если ты в состоянии, садись и посчитай, как и что. Вычислитель, по-моему, уцелел. — Он посмотрел на вычислитель. — Впрочем, посмотри сам.

Глаза Михаила Антоновича стали совсем круглыми.

— Падаем? — сказал он. — Ах, вот как! Падаем. На Юпитер падаем?

Быков молча кивнул.

— Ай-яй-яй! — сказал Михаил Антонович. — Надо же! Хорошо. Сейчас. Я сейчас.

Он постоял немного, морщась и ворочая шеей, потом отпустил капитана и, ухватившись за край пульта, заковылял к своему месту.

— Сейчас посчитаю, — бормотал он. — Сейчас.

Быков смотрел, как он, держась за бок, усаживается в кресло и устраивается поудобнее. Кресло было заметно перекошено. Устроившись, Михаил Антонович вдруг испуганно посмотрел на Быкова и спросил:

— Но ведь ты притормозил, Алеша? Ты затормозил?

Быков кивнул и пошел к Жилину, хрустя осколками на полу. На потолке он увидел небольшое черное пятно и еще одно у самой стены. Это были метеоритные пробоины, затянутые смолопластом. Вокруг пятен дрожали крупные капли осевшей влаги.

Жилин сидел по-турецки перед комбайном контроля отражателя. Кожух комбайна был расколот пополам. Внутренности комбайна выглядели неутешительно.

— Что у тебя? — спросил Быков. Он видел что.

Жилин поднял опухшее лицо.

— Подробностей я еще не знаю, — ответил он. — Но ясно, что вдребезги.

Быков сел рядом.

— Одно метеоритное попадание, — сказал Жилин. — И два раза я въехал сюда сам. — Он показал пальцем, куда он въехал, но это было и так видно. — Один раз в самом начале ногами и потом в самом конце головой.

— Да, — сказал Быков. — Этого никакой механизм не выдержит. Ставь запасной комплект. И вот что. Мы падаем.

— Я слышал, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Собственно, — произнес Быков задумчиво, — что толку в контрольном комбайне, если разбит отражатель?

— А может быть, не разбит? — сказал Жилин.

Быков поглядел на него, усмехаясь.

— Такая карусель, — сказал он, — может объясняться только двумя причинами. Или — или. Или почему-то выскочила из фокуса точка сгорания плазмы, или откололся большой кусок отражателя. Я думаю, что разбит отражатель, потому что бога нет и точку сгорания перемещать некому. Но ты все-таки валяй. Ставь запасной комплект. — Он подпоясывался, задрал голову, осмотрел потолок. — Надо еще хорошенько закрепить пробойны. Там внизу большое давление. Смолопласт выдавит. Ну, это я сам. — Он повернулся, чтобы идти, но остановился и спросил негромко: — Не боишься, малек?

В Школе мальками называли первокурсников и вообще младших.

— Нет, — сказал Жилин.

— Хорошо. Работай, — сказал Быков. — Пойду осмотрю корабль. Надо еще пассажиров из амортизаторов вынуть.

Жилин промолчал. Он проводил взглядом широкую сутулую спину капитана и вдруг совсем рядом увидел Варечку. Варечка стояла столбиком и медленно мигала выпуклыми глазами. Она была вся синяя в белую крапинку, и шипы у нее на морде страшно щетинились. Это означало, что Варечка очень раздражена и чувствует себя нехорошо. Жилин уже видел ее однажды в таком состоянии. Это было на ракетодроме Мирза-Чарле месяц назад, когда Юрковский много говорил об удивительной приспособляемости марсианских ящериц и в доказательство окунал Варечку в ванну с кипятком.

Варечка судорожно разинула и снова закрыла огромную серую пасть.

— Ну что? — негромко спросил Жилин.

С потолка сорвалась крупная капля и — тик! — упала на расколотый кожух комбайна. Жилин посмотрел на потолок. Там, внизу, большое давление, «Да, — подумал он, — там давление в десятки и сотни тысяч атмосфер. Смолопластовые пробки, конечно, выдавит».

Варечка шевельнулась и снова разинула пасть. Жилин пошарил в кармане, нашел галету и бросил ее в разинутую пасть. Варечка медленно глотнула и уставилась на него стеклянными глазами. Жилин вздохнул.

— Эх ты, бедолага, — сказал он тихо.

2. Планетологи виновато молчат, а радиооптик поет песенку про ласточек

Когда «Тахмасиб» перестал кувыряться, Дауге отцепился от казенника и выволок бесчувственное тело Юрковского из-под обломков аппаратуры. Он не успел заметить, что разбито и что уцелело, заметил только, что разбито многое. Стеллаж с обоями перекосило, и обои вывалились на приборную панель радиотелескопа. В обсерваторном отсеке было жарко и сильно пахло горелым.

Дауге отделался сравнительно легко. Он сразу же мертвой хваткой ухватился за казенник, и у него только кровь выступила под ногтями и сильно болела голова. Юровский был бледен, и веки у него были сиреневые. Дауге подул ему в лицо, потряс за плечи, похлопал по щекам. Голова Юрского бессильно болталась, и в себя он не приходил. Тогда Дауге поволок его в медицинский отсек. В коридоре оказалось страшно холодно, на стенах искрился иней. Дауге подожил голову Юрского к себе на колени, наскреб со стены темного инея и приложил холодные мокрые пальцы к его вискам. В этот момент его застала перегрузка — когда Быков начал тормозить «Тахмасиб». Тогда Дауге лег на спину, но ему стало так плохо, что он перевернулся на живот и стал водить лицом по заиндевавшему полу. Когда перегрузка кончилась, Дауге лежал еще немного, затем поднялся и, взяв Юрского под мышки, пятась, поволок дальше. Но он сразу понял, что до медотсека ему не добраться, поэтому затащил Юрского в кают-компанию, взвалил его на диван и сел рядом, сопя и отдуваясь. Юровский страшно хрипел.

Отдохнув, Дауге поднялся и подошел к буфету. Он взял графин с водой и стал пить прямо из горлышка. Вода побежала по подбородку, по горлу, потекла за воротник, и это было очень приятно. Он вернулся к Юрковскому и побрызгал из графина ему на лицо. Потом он поставил графин на пол и расстегнул на Юрковском куртку. Он увидел странный ветвистый рисунок на коже, бегущий через грудь от плеча до плеча. Рисунок был похож на силуэт каких-то диковинных водорослей — темно-багровый на смуглой коже. Некоторое время Дауге тупо разглядывал странный рисунок, а затем

вдруг сообразил, что это след сильного электрического удара. Видимо, Юрковский упал на обнаженные контакты под высоким напряжением. Вся измерительная аппаратура планетологов работала под высоким напряжением. Дауге побежал в медицинский отсек.

Он сделал четыре инъекции, и только тогда Юрковский открыл, наконец, глаза. Глаза были тусклые и смотрели довольно бессмысленно, но Дауге очень обрадовался.

— Фу ты, черт, Владимир, — сказал он с облегчением, — я уж думал, что дело совсем плохо. Ну как ты, встать можешь?

Юрковский пошевелил губами, открыл рот и захрипел. Глаза его приобрели осмысленное выражение, брови сдвинулись.

— Ладно, ладно, лежи, — сказал Дауге. — Тебе надо немного полежать.

Он оглянулся и увидел в дверях Шарля Моллара. Моллар стоял, держась за косяк, и слегка покачивался. Лицо у него было красное, распухшее, и он был весь мокрый и обвешан какими-то белыми сосульками. Дауге даже показалось, что от него идет пар. Несколько минут Моллар молчал, переводя печальный взгляд с Дауге на Юрковского, а планетологи озадаченно глядели на него. Юрковский перестал хрипеть. Потом Моллар сильно качнулся вперед, перешагнул через комингс и, быстро семеня ногами, подобрался к ближайшему креслу. У него был мокрый и несчастный вид, и, когда он сел, по каюте прошла волна вкусного запаха вареного мяса. Дауге пошевелил носом.

— Это суп? — осведомился он.

— Oui, monsieur, — печально сказал Моллар. — Вьермишель.

— И как суп? — спросил Дауге. — Хорошѐ-о?

— Хорошѐ-о, — сказал Моллар и стал собирать с себя вермишель.

— Я очень люблю суп, — пояснил Дауге. — И всегда интересуюсь как.

Моллар вздохнул и улыбнулся.

— Больше нет суп, — сказал он. — Это биль очень горячий суп. Но это биль уже не кипятток.

— Боже мой! — сказал Дауге и все-таки захохотал.

Моллар тоже засмеялся.

— Да! — закричал он. — Это биль очень забавно, но очень неудобно, и суп пропал весь.

Юрковский захрипел. Лицо его перекосилось и налилось кровью. Дауге встревоженно повернулся к нему.

— Вольдемар сильно ушибся? — спросил Моллар. Вытянув шею, он с опасливым любопытством глядел на Юрковского.

— Вольдемара ударило током, — сказал Дауге. Он больше не улыбался.

— Но что произошло? — сказал Моллар. — Било так неудобно...

Юрковский перестал хрипеть, сел и, страшно скалясь, стал копаться в нагрудном кармане куртки.

— Что с тобой, Володька? — растерянно спросил Дауге.

— Вольдемар не может говорить, — тихо сказал Моллар.

Юрковский торопливо закивал, вытащил авторучку и блокнот и стал писать, дергая головой.

— Ты успокойся, Володя, — пробормотал Дауге. — Это немедленно пройдет.

— Это пройдет, — подтвердил Моллар. — Со мною тоже било так. Биль очень большой ток, и потом все прошло.

Юрковский отдал блокнот Дауге, снова лег и прикрыл глаза.

— «Говорить не могу», — с трудом разобрал Дауге. — Ты не волнуйся, Володя, это пройдет.

Юрковский нетерпеливо дернулся.

— Так. Сейчас. «Как Алексей и пилоты? Как корабль?» Не знаю, — растерянно сказал Дауге и поглядел на люк в рубку. — Фу, черт, я обо всем забыл.

Юрковский мотнул головой и тоже посмотрел на люк в рубку.

— Я узнаю, — сказал Моллар. — Я все сейчас буду познать.

Он встал с кресла, но люк распахнулся, и в кают-компанию шагнул капитан Быков, огромный, взъерошенный, с ненормально лиловым носом и иссиня-черным синяком над правой бровью. Он оглядел всех свирепыми маленькими глазами, подошел к столу, уперся в стол кулаками и сказал:

— Почему пассажиры не в амортизаторах?

Это было сказано негромко, но так, что Шарль Моллар перестал радостно улыбаться. Наступила короткая тяжелая

тишина, и Дауге неловко, кривовато усмехнулся и стал глядеть в сторону, а Юрковский снова прикрыл глаза. «А дела-то неважные», — подумал Юрковский. Он хорошо знал Быкова.

— Когда на этом корабле будет дисциплина? — сказал Быков.

Пассажиры молчали.

— Мальчишки, — сказал Быков с отвращением и сел. — Бедлам. Что с вами, мсье Моллар? — спросил он устало.

— Это суп, — с готовностью сказал Моллар. — Я немедленно пойду почиститься.

— Подождите, мсье Моллар, — сказал Быков.

— Кх... де мы? — прохрипел Юрковский.

— Падаем, — коротко сказал Быков.

Юрковский вздрогнул и поднялся.

— Кх... уда? — спросил он. Он ждал этого, но все-таки вздрогнул.

— В Юпитер, — сказал Быков. Он не смотрел на планетологов. Он смотрел на Моллара. Ему было очень жалко Моллара. Моллар был в первом своем настоящем космическом рейсе, и его очень ждали на Амальтее. Моллар был замечательным радиооптиком.

— О, — сказал Моллар, — в Юпитер?

— Да. — Быков помолчал, ощупывая синяк на лбу. — Отражатель разбит. Контроль отражателя разбит. В корабле восемнадцать пробоин.

— Гореть будем? — быстро спросил Дауге.

— Пока не знаю. Михаил считает. Может быть, не сгорим.

Он замолчал. Моллар сказал:

— Пойду почиститься.

— Погодите, Шарль, — сказал Быков. — Товарищи, вы хорошо поняли, что я сказал? Мы падаем в Юпитер.

— Поняли, — сказал Дауге.

— Теперь мы будем падать в Юпитер всю нашу жизнь, — сказал Моллар.

Быков искоса глядел на него, не отрываясь.

— X-хорошо ска-азано, — сказал Юрковский.

— C'est le mot*, — сказал Моллар. Он улыбался. — Можно... Можно я все-таки пойду чистить себя?

* Хорошо сказано (фр.).

— Да, идите, — медленно сказал Быков.

Моллар повернулся и пошел из кают-компания. Все глядели ему вслед. Они слышали, как в коридоре он запел слабым, но приятным голосом.

— Что он поет? — спросил Быков. Моллар никогда не пел раньше.

Дауге прислушался и стал переводить:

— «Две ласточки целуются за окном моего звездолета. В пустоте-те-те-те. И как их туда занесло? Они очень любили друг друга и сиганули туда полюбоваться на звезды. Тра-ля-ля. И какое вам дело до них?». Что-то в этом роде.

— Тра-ля-ля, — задумчиво сказал Быков. — Здорово.

— Т-ты п-пе-ереводишь, к-как ЛИАНТО, — сказал Юрковский. — «С-сиганули» — ш-шедевр.

Быков поглядел на него с изумлением.

— Ты что это, Владимир? — спросил он. — Что с тобой?

— З-заика н-на-а всю жизнь, — ответил Юрковский, усмехаясь.

— Его ударило током, — сказал тихо Дауге.

Быков пожевал губами.

— Ничего, — сказал он. — Не мы первые. Бывало и похуже.

Он знал, что хуже еще никогда не бывало. Ни с ним, ни с планетологами.

Из полуоткрытого люка раздался голос Михаила Антоновича:

— Алешенька, готово!

— Поди сюда, — сказал Быков.

Михаил Антонович, толстый и исцарапанный, ввалился в кают-компанию. Он был без рубашки и лоснился от пота.

— Ух, как тут у вас холодно! — сказал он, обхватывая толстую грудь короткими пухлыми ручками. — А в рубке ужасно жарко.

— Давай, Михаил, — нетерпеливо сказал Быков.

— А что с Володенькой? — испуганно спросил штурман.

— Давай, давай, — повторил Быков. — Током его ударило.

— А где Шарль? — спросил штурман, усаживаясь.

— Шарль жив и здоров, — ответил Быков, сдерживаясь. — Все живы и здоровы. Начинай.

— Ну и слава богу, — сказал штурман. — Так вот, мальчики. Я здесь немножко посчитал, и получается вот такая картина. «Тахмасиб» падает, и горячего, чтобы вырваться, нам не хватит.

— Ясно даже и ежу, — сказал Юрковский.

— Не хватит. Вырваться можно только на фотореакторе, но у нас, кажется, разбит отражатель. А вот на торможение горячего хватит. Вот я рассчитал программу. Если общепринятая теория строения Юпитера верна, мы не сгорим.

Дауге хотел сказать, что общепринятой теории строения Юпитера не существует и никогда не существовало, но промолчал.

— Мы уже сейчас хорошо тормозимся, — продолжал Михаил Антонович. — Так что, по-моему, провалимся мы благополучно. А больше сделать ничего нельзя, мальчики. — Михаил Антонович виновато улыбнулся. — Если, конечно, мы не исправим отражатель.

— На Юпитере нет ремонтных станций. Это следует из всех теорий Юпитера. — Быкову хотелось, чтобы они все-таки поняли. До конца поняли. Ему все еще казалось, что они не понимают.

— Какую теорию строения ты считаешь общепринятой? — спросил Дауге.

Михаил Антонович пожал плечиком.

— Теорию Кангрена, — сказал он.

Быков выжидающе уставился на планетологов.

— Ну что ж, — сказал Дауге. — Можно и Кангрена.

Юрковский молчал, глядя в потолок.

— Слушайте, планетологи, — не выдержал Быков, — специалисты. Что будет там, внизу? Вы можете нам это сказать?

— Да, конечно, — сказал Дауге. — Это мы тебе скоро скажем.

— Когда? — Быков оживился.

— Когда будем там, внизу, — сказал Дауге. Он засмеялся.

— Планетологи, — сказал Быков. — Спе-ци-а-лист-ты.

— Н-падо рассчитать, — сказал Юрковский, глядя в потолок. Он говорил медленно и почти не заикался. — Пусть М-михаил рассчитает, на какой глубине к-корабль перестанет проваливаться и повиснет.

— Интересно, — сказал Михаил Антонович.

— П-по Кангрону давление в Юпитере р-растет быстро. П-подсчитай, Михаил, и выясни г-глубину погружения, д-давление на этой глубине и силу т-тяжести.

— Да, — сказал Дауге. — Какое будет давление? Может быть, нас просто раздавит.

— Ну, не так это просто, — проворчал Быков. — Двести тысяч атмосфер мы выдержим. А фотонный реактор и корпуса ракет и того больше.

Юрковский сел, согнув ноги.

— Т-теория Кангрена не хуже других, — сказал он. — Она даст порядок величин. — Он посмотрел на штурмана. — М-мы могли бы п-подсчитать сами, но у тебя в-вычислитель.

— Ну конечно, — сказал Михаил Антонович. — Ну о чем говорить? Конечно, мальчики.

Быков попросил:

— Михаил, давай сюда программу, я прогляжу, и ввожу ее в киберштурман.

— Я уже ввел, Лешенька, — виновато ответил штурман.

— Ага, — сказал Быков. — Ну что ж, хорошо. — Он поднялся. — Так. Теперь все ясно. Нас, конечно, не раздавит, но назад мы уже не вернемся — давайте говорить прямо. Ну, не мы первые. Честно жили, честно и умрем. Я с Жилиным попробую что-нибудь сделать с отражателем, но это... так... — Он сморщился и покрутил распухшим носом. — Что намерены делать вы?

— Н-наблюдать, — жестко сказал Юрковский.

Дауге кивнул.

— Очень хорошо. — Быков поглядел на них исподлобья. — У меня к вам просьба. Присмотрите за Молларом.

— Да-да, — подтвердил Михаил Антонович.

— Он человек новый, и... бывают нехорошие вещи... вы знаете.

— Ладно, Леша, — сказал Дауге, бодро улыбаясь. — Будь спокоен.

— Вот так, — сказал Быков. — Ты, Миша, поди в рубку и сделай все расчеты, а я схожу в медчасть, помассирую бок. Что-то я здорово расшибся.

Выходя, он услышал, как Дауге говорил Юрковскому:

— В известном смысле нам повезло, Володька. Мы кое-что увидим, чего никто не видел. Пойдем чиниться.

— П-пойдем, — сказал Юрковский.

«Ну, меня вы не обманете, — подумал Быков. — Вы все-таки еще не поняли. Вы все-таки еще не верите. Вы думаете: Алексей вытащил нас из Черных Песков Голконды, Алексей вытащил нас из гнилых болот, он вытащит нас из водородной могилы. Дауге — тот наверняка так думает. А Алексей вытащит? А может быть, Алексей все-таки вытащит?»

В медицинском отсеке Моллар, дыша носом от боли, мазался жирной танпиновой мазью. У него было красное лоснящееся лицо и красные лоснящиеся руки. Увидев Быкова, он приветливо улыбнулся и громко запел про ласточек: он почти успокоился. Если бы он не запел про ласточек, Быков мог бы считать, что он успокоился по-настоящему. Но Моллар пел громко и старательно, время от времени шипя от боли.

3. Бортинженер предается воспоминаниям, а штурман советует не вспоминать

Жилин ремонтировал комбайн контроля отражателя. В рубке было очень жарко и душно, по-видимому, система кондиционирования по кораблю была совершенно расстроена, но заниматься ею не было ни времени, ни, главное, желания. Сначала Жилин сбросил куртку, затем комбинезон и остался в трусах и сорочке. Варечка тут же устроилась в складках сброшенного комбинезона и вскоре исчезла — осталась только ее тень да иногда появлялись и сразу же исчезали большие выпуклые глаза.

Жилин одну за другой вытаскивал из исковерканного корпуса комбайна пластметалловые пластины печатных схем, прозванивал уцелевшие, откладывал в сторону расколотые и заменял их запасными. Работал он методически, неторопливо, как на зачетной сборке, потому что спешить было некуда и потому что все это было, по-видимому, ни к чему. Он старался ни о чем не думать и только радовался, что очень хорошо помнит общую схему, что ему почти не приходится заглядывать в руководство, что расшибся он не так уж сильно и ссадины на голове подсохли и совсем не болят. За кожихом

фотореактора жужжал вычислитель. Михаил Антонович шуршал бумагой и мурлыкал себе под нос что-то немзыкальное. Михаил Антонович всегда мурлыкал себе под нос, когда работал.

«Интересно, над чем он работает сейчас? — подумал Жилин. — Может быть, просто старается отвлечься. Это очень хорошо — уметь отвлечься в такие минуты. Планетологи, наверное, тоже работают, сбрасывают бомбозонды. Так мне и не удалось увидеть, как взрывается очередь бомбозондов. И еще многого мне не удалось увидеть. Например, говорят, что очень хорош Юпитер с Амальтеей. И мне очень хотелось участвовать в межзвездной экспедиции или в какой-нибудь экспедиции Следопытов — ученых, которые ищут на других планетах следы пришельцев из других миров... Потом говорят, что на „Джей-станциях“ есть славные девушки, и хорошо было бы с ними познакомиться, а потом рассказать об этом Пере Хунту, который получил распределение на лунные трассы и был этому рад, чудак. Забавно, Михаил Антонович фальшивит, словно нарочно. У него жена и двое детей... Нет, трое, и старшей дочке уже шестнадцать лет, — он все обещал нас познакомить и каждый раз так залихватски подмигивал, но познакомиться теперь уже не придется. Многие теперь уже не придется. Отец будет очень расстроен — ах, как плохо! Как это все нескладно получилось — в первом же самостоятельном рейсе! Хорошо, что я тогда поссорился с ней, — подумал вдруг Жилин. — Теперь все проще, а могло бы быть очень сложно. Вот Михаилу Антоновичу гораздо хуже, чем мне. И капитану хуже, чем мне. У капитана жена — очень красивая женщина, веселая и, кажется, умница. Она провожала его и ни о чем таком не думала, а может быть, и думала, но это было незаметно, но скорее всего, не думала, потому что уже привыкла. Человек ко всему может привыкнуть. Я, например, привык к перегрузкам, хотя сначала было очень плохо, и я думал даже, что меня переведут на факультет дистанционного управления. В Школе это называлось „отправиться к девочкам“: на факультете было много девушек, обыкновенных хороших девушек, с ними всегда было весело и интересно, но все-таки „отправиться к девочкам“ считалось зазорным. Совершенно непонятно почему. Девушки шли работать на разные Спу и на станции и базы на других планетах и работали не хуже ребят. Иногда даже

лучше. Все равно, — подумал Жилин, — очень хорошо, что мы тогда поссорились. Каково бы ей сейчас было!» Он вдруг бессмысленно уставился на треснувшую пластину печатной схемы, которую держал в руках.

«...Мы целовались в Большом Парке и потом на набережной под белыми статуями, и я провожал ее домой, и мы долго еще целовались в парадном, и по лестнице все время почему-то ходили люди, хотя было уже поздно. И она очень боялась, что вдруг пройдет мимо ее мама и спросит: „А что ты здесь делаешь, Валя, и кто этот молодой человек?“ Это было летом, в белые ночи. И потом я приехал на зимние каникулы, и мы снова встретились, и все было как раньше, только в парке лежал снег и голые сучья шевелились на низком сером небе. Поднимался ветер, нас заносило порошей, мы совершенно закоченели и побежали греться в кафе на улице Межпланетников. Мы очень обрадовались, что там совсем нет народу, сели у окна и смотрели, как по улице проносятся автомобили. Я поспорил, что знаю все марки автомобилей, и проспорил: подошла великолепная приземистая машина, и я не знал, что это такое. Я вышел узнать, и мне сказали, что это „Золотой Дракон“, новый японский атомокар. Мы спорили на три желания. Тогда казалось, что это самое главное, что это будет всегда — и зимой, и летом, и на набережной под белыми статуями, и в Большом Парке, и в театре, где она была очень красивая в черном платье с белым воротником и все время толкала меня в бок, чтобы я не хохотал слишком громко. Но однажды она не пришла, как мы договорились, и я по видеофону условился снова, и она опять не пришла и перестала писать мне письма, когда я вернулся в Школу. Я все не верил и писал длинные письма, очень глупые, но тогда я еще не знал, что они глупые. А через год я увидел ее в нашем клубе. Она была с какой-то девчонкой и не узнала меня. Мне показалось тогда, что все пропало, но это прошло к концу пятого курса, и непонятно даже, почему это мне сейчас все вспомнилось. Наверное, потому, что теперь все равно. Я мог бы и не думать об этом, но раз уж все равно...»

Гулко хлопнул лок. Голос Быкова сказал:

— Ну что, Михаил?

— Заканчиваем первый виток, Алешенька. Упали на пятьсот километров.

— Так... — Было слышно, как по полу пнули пластмассовыми осколками. — Так, значит. Связи с Амальтеей, конечно, нет.

— Приемник молчит, — вздохнув, сказал Михаил Антонович. — Передатчик работает, но ведь здесь такие радиобури...

— Что твои расчеты?

— Я уже почти кончил, Алешенька. Получается так, что мы провалимся на шесть-семь мегаметров и там повиснем. Будем плавать, как говорит Володя. Давление огромное, но нас не раздавит, это ясно. Только будет очень тяжело — там сила тяжести два-два с половиной «же».

— Угу, — сказал Быков. Он некоторое время молчал, затем сказал: — У тебя какая-нибудь идея есть?

— Что?

— Я говорю, у тебя какая-нибудь идея есть? Как отсюда выбраться?

— Что ты, Алешенька! — Штурман говорил ласково, почти заискивающе. — Какие уж тут идеи! Это же Юпитер. Я как-то даже и не слышал, чтобы отсюда... выбирались.

Наступило долгое молчание. Жилин снова принялся работать, быстро и бесшумно. Потом Михаил Антонович вдруг сказал:

— Ты не вспоминай о ней, Алешенька. Тут уж лучше не вспоминать, а то так гадко становится, право...

— А я и не вспоминаю, — сказал Быков неприятным голосом. — И тебе, штурман, не советую. Иван! — заорал он.

— Да? — откликнулся Жилин, заторопившись.

— Ты все возишься?

— Сейчас кончаю.

Было слышно, как капитан идет к нему, пиная пластмассовые осколки.

— Мусор, — бормотал он. — Кабак. Бедлам.

Он вышел из-за кожуха и опустился рядом с Жилиным на корточки.

— Сейчас кончаю, — повторил Жилин.

— А ты не торопись, бортинженер, — сказал Быков сердито.

Он засопел и принялся вытаскивать из футляра запасные блоки. Жилин подвинулся немного, чтобы освободить ему место. Они оба были широкие и громадные, и им было

немного тесно перед комбайном. Работали молча и быстро, и было слышно, как Михаил Антонович снова запустил вычислитель и замурлыкал.

Когда сборка окончилась, Быков позвал:

— Михаил, иди сюда.

Он выпрямился и вытер пот со лба. Потом отодвинул ногой грудку битых пластин и включил общий контроль. На экране комбайна вспыхнула трехмерная схема отражателя. Изображение медленно поворачивалось.

— Ой-ёй-ёй, — сказал Михаил Антонович.

Тик-тик-тик — поползла из вывода голубая лента записи.

— А микропробойи мало, — негромко сказал Жилин.

— Что микропробойи, — сказал Быков и нагнулся к самому экрану. — Вот где главная-то сволочь.

Схема отражателя была окрашена в синий цвет. На синем белели рваные пятна. Это были места, где либо пробило слои мезовещества, либо разрушило систему контрольных ячеек. Белых пятен было много, а на краю отражателя они сливались в неровную белую кляксу, занимавшую не менее восьмой части поверхности параболоида.

Михаил Антонович махнул рукой и вернулся к вычислителю.

— Петарды пускать таким отражателем, — пробормотал Жилин.

Он потянулся за комбинезоном, вытряхнул из него Ватручку и принялся одеваться: в рубке снова стало холодно. Быков все еще стоял, глядел на экран и грыз ноготь. Потом он подобрал ленту записи и бегло просмотрел ее.

— Жилин, — сказал вдруг он. — Бери два сигма-тестера, проверь питание и ступай в кесон. Я буду тебя там ждать. Михаил, бросай все и займись креплением пробойи. Все бросай, я сказал.

— Куда ты собрался, Лешенька? — спросил Михаил Антонович с удивлением.

— Наружу, — коротко ответил Быков и вышел.

— Зачем? — спросил Михаил Антонович, повернувшись к Жилину.

Жилин пожал плечами. Он не знал зачем. Починить зеркало в пространстве, в рейсе, без специалистов-мезохимиков, без огромных кристаллизаторов, без реакторных печей просто немыслимо. Так же немыслимо, как, например,

притянуть Луну к Земле голыми руками. А в таком виде, в таком состоянии, как сейчас, с отбитым краем, отражатель мог придать «Тахмасибу» только вращательное движение. Такое же, как в момент катастрофы.

— Чепуха какая-то, — сказал Жилин нерешительно.

Он посмотрел на Михаила Антоновича, а Михаил Антонович посмотрел на него. Они молчали, и вдруг оба страшно заторопились. Михаил Антонович суетливо собрал свои листки и поспешно сказал:

— Ну, иди. Иди, Ванюша, ступай скорее.

В кессоне Быков и Жилин влезли в пустолазные скафандры и с некоторым трудом втиснулись в лифт. Коробка лифта стремительно понеслась вниз вдоль гигантской трубы фотореактора, на которую панизовались все узлы корабля — от жилой гондолы до параболического отражателя.

— Хорошо, — сказал Быков.

— Что хорошо? — спросил Жилин.

Лифт остановился.

— Хорошо, что лифт работает, — ответил Быков.

— А, — разочарованно вздохнул Жилин.

— Мог бы и не работать, — строго сказал Быков. — Лез бы ты тогда двести метров туда и обратно.

Они вышли из шахты лифта и остановились на верхней площадке параболоида. Вниз покато уходил черный рубчатый купол отражателя. Отражатель был огромен — семьсот пятьдесят метров в длину и полкилометра в растворе. Края его не было видно отсюда. Над головой нависал громадный серебристый диск грузового отсека. По сторонам его, далеко вынесенные на кронштейнах, полыхали бесшумным голубым пламенем жерла водородных ракет. А вокруг странно мерцал необычайный и грозный мир.

Слева тянулась стена рыжего тумана. Далеко внизу, невообразимо глубоко под ногами, туман расслаивался на жирные тугие ряды облаков с темными прогалинами между ними. Еще дальше и еще глубже эти облака сливались в плотную коричневатую гладь. Справа стояло сплошное розовое море, и Жилин вдруг увидел Солнце — ослепительный ярко-розовый маленький диск.

— Начали, — сказал Быков. Он сунул Жилину моток тонкого троса. — Закрепи в шахте, — сказал он.

На другом конце троса он сделал петлю и затянул ее вокруг пояса. Затем он повесил себе на шею оба тестера и перекинул ногу через перила.

— Вытравливай понемногу, — сказал он. — Я пошел.

Жилин стоял возле самых перил, вцепившись в трос обеими руками, и смотрел, как толстая неуклюжая фигура в блестящем панцире медленно сползает за выпуклость купола. Панцирь отсвечивал розовым, и на черном рубчатом куполе тоже лежали неподвижные розовые блики.

— Живее вытравливай, — сказал в шлемофоне сердитый голос Быкова.

Фигура в панцире скрылась, и на рубчатой поверхности осталась только блестящая тугая нитка троса. Жилин стал смотреть на Солнце. Иногда розовый диск затягивала мгла, тогда он становился еще более резким и совсем красным. Жилин поглядел под ноги и увидел на площадке свою смутную розоватую тень.

— Гляди, Иван, — сказал голос Быкова. — Вниз гляди, вниз!

Жилин поглядел. Глубоко внизу из коричневой глади странным призраком выплыл исполинский белесый бугор, похожий на чудовищную поганку. Он медленно раздавался вширь, и можно было различить на его поверхности шевелящийся, словно клубок змей, струйчатый узор.

— Экзосферный протуберанец, — сказал Быков. — Большая редкость, кажется. Вот черт, надо бы ребятам показать.

Он имел в виду планетологов. Бугор вдруг засветился изнутри дрожащим сиреневым светом.

— Ух ты!.. — невольно сказал Жилин.

— Вытравливай, — сказал Быков.

Жилин вытравил еще немного троса, не спуская глаз с протуберанца. Сначала ему показалось, что «Тахмасиб» летит прямо на протуберанец, но через минуту он понял, что корабль пройдет гораздо левее. Протуберанец оторвался от коричневой глади и поплыл в розовое море, волоча за собой клейкий хвост желтых прозрачных нитей. В нитях опять вспыхнуло сиреневое зарево и быстро погасло. Протуберанец растаял в розовом свете.

Быков работал долго. Несколько раз он поднимался на площадку, немного отдыхал и снова спускался, каждый раз

выбирая новое направление. Когда он поднялся в третий раз, у него был только один тестер.

— Уронил, — коротко сказал он.

Жилин терпеливо вытравливал трос, упираясь ногой в перила. В таком положении он чувствовал себя очень устойчиво и мог озираться по сторонам. Но по сторонам ничего не менялось. Только когда капитан поднялся в шестой раз и буркнул: «Довольно. Пошли», Жилин вдруг подумал, что рыжая туманная стена слева — облачная поверхность Юпитера — стала заметно ближе.

В рубке было чисто. Михаил Антонович вымел осколки и теперь сидел на своем обычном месте, нахохлившись, в меховой куртке поверх комбинезона. Из рта у него шел пар — в рубке было холодно. Быков сел в кресло, упер руки в колени и пристально поглядел сначала на штурмана, потом на Жилина. Штурман и Жилин ждали.

— Ты закрепил пробоины? — спросил Быков штурмана.

Михаил Антонович несколько раз кивнул.

— Есть шанс, — сказал Быков.

Михаил Антонович выпрямился и шумно перевел дух. Жилин глотнул от волнения.

— Есть шанс, — повторил Быков. — Но он очень маленький. И совершенно фантастический.

— Говори, Алешенька, — тихо попросил штурман.

— Сейчас скажу, — сказал Быков и прокашлялся. — Шестнадцать процентов отражателя вышли из строя. Вопрос такой: можем ли мы заставить работать остальные восемьдесят четыре? Даже меньше, чем восемьдесят четыре, потому что процентов десять еще не контролируется — разрушена система контрольных ячеек.

Штурман и Жилин молчали, вытянув шеи.

— Можем, — сказал Быков. — Во всяком случае, можем попробовать. Надо сместить точку сгорания плазмы так, чтобы скомпенсировать асимметрию поврежденного отражателя.

— Ясно, — сказал Жилин дрожащим голосом.

Быков поглядел на него.

— Это наш единственный шанс. Мы с Иваном займемся переориентацией магнитных ловушек. Иван вполне может работать. Ты, Миша, рассчитаешь нам новое положение точки сгорания в соответствии со схемой повреждения. Схему

ты сейчас получишь. Это сумасшедшая работа, но это наш единственный шанс.

Он смотрел на штурмана, и Михаил Антонович поднял голову и встретился с ним глазами. Они отлично и сразу поняли друг друга. Что можно не успеть. Что там внизу, в условиях чудовищного давления, коррозия начнет разъедать корпус корабля — и корабль может растаять, как рафинад в кипятке, раньше, чем они закончат работу. Что нечего и думать скомпенсировать асимметрию полностью. Что никто и никогда не пытался водить корабли с такой компенсацией, на двигателе, ослабленном по меньшей мере в полтора раза...

— Это наш единственный шанс, — громко сказал Быков.

— Я сделаю, Лешенька, — сказал Михаил Антонович. — Это нетрудно — рассчитать новую точку. Я сделаю.

— Схему мертвых участков я тебе сейчас дам, — повторил Быков. — И нам надо страшно спешить. Скоро начнется перегрузка, и будет очень трудно работать. А если мы провалимся очень глубоко, станет опасно включать двигатель, потому что возможна цепная реакция в сжатом водороде. — Он подумал и добавил: — И мы превратимся в газ.

— Ясно, — сказал Жилип. Ему хотелось начать сию же минуту, немедленно.

Михаил Антонович протянул руку с коротенькими пальцами и сказал тонким голосом:

— Схему, Лешенька, схему.

На панели аварийного пульта замигали три красных огонька.

— Ну вот, — сказал Михаил Антонович. — В аварийных ракетах кончается горючее.

— Наплевать, — сказал Быков и встал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Люди в бездне

1. Планетологи забавляются, а штурман уличен в контрабанде

заряжай, — сказал Юрковский.

Он висел у перископа, втиснув лицо в замшевый парамник. Он висел горизонтально, животом вниз, растопыбив ноги и локти, и рядом плавали в воздухе толстый дневник наблюдений и авторучка. Моллар лихо откатил крышку казенника, вытянул из стеллажа обойму бомбозондов и, подталкивая ее сверху и снизу, с трудом загнал в прямоугольную щель зарядной камеры. Обойма медленно и бесшумно скользнула на место. Моллар накатил крышку, щелкнул замком и сказал:

— Готов, Вольдемар.

Моллар прекрасно держался в условиях невесомости. Правда, иногда он делал резкие неосторожные движения и повисал под потолком, и тогда приходилось стаскивать его обратно, и его иногда подташнивало, но для новичка, впервые попавшего в невесомость, он держался очень хорошо.

— Готов, — сказал Дауте от экзосферного спектрографа.

— З-залп, — скомандовал Юрковский.

Дауге нажал на спуск. Ду-ду-ду-ду — глухо заурчало в казеннике. И сейчас же — тик-тик-тик — затрещал затвор спектрографа. Юрковский увидел в перископ, как в орапжевом тумане, сквозь который теперь проваливался «Тахмасиб», один за другим вспыхивали и стремительно уносились вверх белые клубки пламени. Двадцать вспышек, двадцать лопнувших бомбозондов, несущих мезонные излучатели.

— С-славно, — сказал Юрковский негромко.

За бортом росло давление. Бомбозонды рвались все ближе. Они слишком быстро тормозились.

Дауге громко говорил в диктофон, заглядывая в отсчетное устройство спектроанализатора:

— Молекулярный водород — восемьдесят один и тридцать пять, гелий — семь и одиннадцать, метан — четыре и шестнадцать, аммиак — один ноль один... Усиливается неотожествленная линия... Говорил я им: поставьте считывающий автомат, неудобно же так...

— П-падаем, — сказал Юрковский. — Как мы п-падаем... М-метана уже только ч-четыре...

Дауге, ловко поворачиваясь, снимал отсчеты с приборов.

— Пока Кангрэн прав, — сказал он. — Ну вот, батиметр уже отказал. Давление триста атмосфер. Больше нам давление не мерять.

— Ладно, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

— Стоит ли? — сказал Дауге. — Батиметр отказал. Синхронизация будет нарушена.

— Д-давай попробуем, — сказал Юрковский. — З-заряжай.

Он оглянулся на Моллара. Моллар тихонько раскачивался под потолком, грустно улыбаясь.

— Стащи его, Григорий, — сказал Юрковский.

Дауге привстал, схватил Моллара за ногу и стащил вниз.

— Шарль, — сказал он терпеливо. — Не делайте порывистых движений. Зацепитесь носками вот здесь и держитесь.

Моллар тяжело вздохнул и откатил крышку казенника. Пустая обойма выплыла из зарядной камеры, стукнула его в грудь и медленно полетела к Юрковскому. Юрковский увернулся.

— О, опять! — сказал Моллар виновато. — Простите, Володя. О, этот невесомость!

— З-заряжай, заряжай, — сказал Юрковский.

— Солнце, — сказал вдруг Дауге.

Юрковский припал к перископу. В оранжевом тумане на несколько секунд появился смутный красноватый диск.

— Это последний раз, — сказал Дауге, кашлянув.

— Ви уже три раза говорили «последний раз», — сказал Моллар, пакатывая крышку. Он нагнулся, проверяя замок. — Прощай, Солнце, как говорилль капитан Немо. Но получилось, что не последний раз. Я готов, Вольдемар.

— И я готов, — сказал Дауге. — Может быть, все-таки копчим?

В обсерваторный отсек, лязгая по полу магнитными подковами, вошел Быков.

— Кончайте работу, — сказал он утрюмо.

— П-поч-чему? — спросил Юрковский, обернувшись.

— Большое давление за бортом. Еще полчаса, и ваши бомбы будут рваться в этом отсеке.

— З-залп, — торопливо сказал Юрковский.

Дауге поколебался немного, но все-таки нажал на спуск. Быков дослушал «ду-ду-ду» в казеннике и сказал:

— И хватит. Задраить все тестерные пазы. Эту штуку, — он показал на казенник, — заклинить. И как следует.

— А п-перископ-пические н-наблюдения в-вести нам еще разрешается? — спросил Юрковский.

— Перископические разрешается, — сказал Быков. — Забавляйтесь.

Он повернулся и вышел. Дауге сказал:

— Ну вот, так и знал. Ни черта не получилось. Синхронизации нет.

Он выключил приборы и стал вытаскивать катушку из диктофона.

— Иог-ганьч, — сказал Юрковский. — П-по-моему, Алексей что-то з-задумал, к-как ты думаешь?

— Не знаю, — сказал Дауге и посмотрел на него. — С чего ты взял?

— У н-него т-такая особенная морда, — сказал Юрковский. — Я его з-знаю.

Некоторое время все молчали, только глубоко вздыхал Моллар, которого подтащивало. Потом Дауге сказал:

— Я хочу есть. Где суп, Шарль? Вы разлили суп, мы голодны. А кто сегодня дежурный, Шарль?

— Я, — сказал Шарль. При мысли о еде его затошнило сильнее. Но он сказал: — Я пойду и приготовлю новый суп.

— Солнце! — сказал Юрковский.

Дауге прижался подбитым глазом к окуляру видеоискателя.

— Вот видите, — сказал Моллар. — Опять Солнце.

— Это не Солнце, — сказал Дауге.

— Д-да, — сказал Юрковский. — Это, п-пожалуй, п-не Солнце.

Далекий клубок света в светло-коричневой мгле бледнел, разбухая, расплылся серыми пятнами и исчез. Юрковский смотрел, стиснув зубы так, что трещало в висках. «Прощай, Солнце, — подумал он. — Прощай, Солнце».

— Я есть хочу, — сердито сказал Дауге. — Пойдемте на камбуз, Шарль.

Он ловко оттолкнулся от стены, подплыл к двери и раскрыл ее. Моллар тоже оттолкнулся и ударился головой о карниз. Дауге поймал его за руку с растопыренными пальцами и вытащил в коридор. Юрковский слышал, как Йога-ныч спросил: «Ну, как жизнь, хороше-о?» Моллар ответил: «Хороше-о, но очень неудобно». — «Ничего, — сказал Дауге бодрым голосом. — Скоро привыкнете».

«Ничего, — подумал Юрковский, — скоро все кончится». Он заглянул в перископ. Было видно, как вверх, откуда падал планетолет, сгущается коричневый туман, но снизу, из непостижимых глубин, из бездонных глубин водородной пропасти, брезжил странный розовый свет. Тогда Юрковский закрыл глаза. «Жить, — подумал он. — Жить долго. Жить вечно». Он вцепился обеими руками в волосы. Оглохнуть, ослепнуть, онеметь, только жить. Только чувствовать на коже солнце и ветер, а рядом — друга. Боль, бессилие, жалость. Как сейчас. Он с силой рванул себя за волосы. Пусть как сейчас, но всегда. Вдруг он услышал, что громко сопит, и очнулся. Ощущение непереносимого, сумасшедшего ужаса и отчаяния исчезло. Так уже бывало с ним — двенадцать лет назад на Марсе, и десять лет назад на Голконде, и в позапрошлом году тоже на Марсе. Приступ сумасшедшего желания просто жить, желания темного и древнего, как сама протоплазма. словно короткий обморок. Но это проходит. Это надо перетерпеть, как боль. И сразу о чем-нибудь позаботиться. Лешка приказал задраить тестерные пазы. Он отнял руки от лица, раскрыл глаза и увидел, что сидит на полу. Падение «Тахмасиба» тормозилось, вещи обретали вес.

Юрковский потянулся к маленькому пульта и задрал тестерные пазы — амбразуры в прочной оболочке жилой гондолы, в которые вставляются рецепторы приборов. Затем он тщательно заклинил казенник бомбосбрасывателя, собрал разбросанные обоймы от бомбозондов и аккуратно сложил их в стеллаж. Он заглянул в перископ, и ему показалось — да так оно, наверное, и было на самом деле, — что тьма вверху стала гуще, а розовое сияние внизу сильнее. Он подумал, что на такую глубину в Юпитер не проникал еще ни один человек, разве что Сережа Петрушевский, светлая ему память, но и он, скорее всего, взорвался раньше. У него тоже был расколот отражатель.

Он вышел в коридор и направился в кают-компанию, заглядывая по пути во все каюты. «Тахмаеиб» еще падал, хотя с каждой минутой все медленнее, и Юрковский шел на цыпочках, словно под водой, балансируя руками и время от времени делая произвольные прыжки.

В пустынном коридоре вдруг разнесся приглушенный вопль Моллара, похожий на воинственный клич: «Как жизнь, Грегуар, хороше-о?» Видимо, Дауте удалось привести радиооптика в обычное настроение. Ответа Грегуара Юрковский не расслышал. «Хороше-о», — пробормотал он и не заметил, что не заикается. Все-таки хорошо.

Он заглянул в каюту Михаила Антоновича. В каюте было темно и стоял странный пряный запах. Юрковский вошел и включил свет. Посреди каюты валялся развороченный чемодан. Никогда еще Юрковский не видел чемодана в таком состоянии. Так чемодан мог бы выглядеть, если бы в нем лопнул бомбозонд. Матовый потолок и стены каюты были залепаны коричневыми, скользкими на вид кляксами. От клякс исходил вкусный пряный аромат. «Мидии со специями», — сразу определил Юрковский. Он очень любил мидии со специями, но они, к сожалению, были напрочь исключены из рациона межпланетников. Он оглянулся и увидел над самой дверью блестящее черное пятно — метеоритная пробоина. Все отсеки жилой гондолы были герметическими. При попадании метеорита подача воздуха в них автоматически перекрывалась до тех пор, пока смолопласт — вязкая и прочная прокладка корпуса — не затягивал пробоину. На это требуется всего одна, максимум две секунды, но за это время давление в отсеке может сильно упасть. Это не очень опасно для человека, но

смертельно для контрабанды консервов. Консервы просто взрываются. Особенно пряные консервы. «Контрабанда, — подумал Юрковский. — Старый чревоугодник. Ну, будет тебе от капитана. Быков не выносит контрабанды».

Юрковский осмотрел каюту еще раз и заметил, что черное пятно пробойны слабо серебрится. «Ага, — подумал он. — Кто-то уже прометаллизировал пробойны. Правильно, иначе под таким давлением смолопластовые пробки просто вдавило бы внутрь». Он выключил свет и вернулся в коридор. И тогда он ощутил усталость и свинцовую тяжесть во всем теле. «О черт, как я раскис», — подумал он и вдруг почувствовал, что лента, на которой висел микрофон, режет шею. Он понял, в чем дело. Перелет заканчивается. Через несколько минут тяжесть станет двойной и над головой будет десять тысяч километров сжатого водорода, а под ногами шестьдесят тысяч километров сжатого, жидкого, твердого водорода. Каждый килограмм тела будет весить два килограмма, а то и больше. «Бедный Шарль, — подумал Юрковский. — Бедный Миша».

— Вольдемар, — позвал сзади Моллар. — Вольдемар, помогите нам везти суп. Очень тяжелый суп.

Юрковский оглянулся. Дауге и Моллар, красные и потные, тащили из дверей камбуза грузно вихляющийся столик на колесах. На столике слабо дымились три кастрюльки. Юрковский пошел навстречу. Моллар вдруг слабо ахнул и сел на пол. «Тахмасиб» остановился. «Тахмасиб» с экипажем, с пассажирами и с грузом прибыл на последнюю станцию.

2. Планетологи пытаются штурмана, а радиооптик пытается планетологов

— Кто готовил этот обед? — спросил Быков.

Он оглядел всех и снова уставился на кастрюльки. Михаил Антонович тяжело, со свистом дышал, навалившись грудью на стол. Лицо у него было багровое, отекавшее.

— Я, — несмело сказал Моллар.

— А в чем дело? — спросил Дауге.

Голоса у всех были сильные. Все говорили с трудом, едва выталкивая из себя слова. Моллар криво улыбнулся и лег

на диван лицом вверх. Ему было плохо. «Тахмасиб» больше не падал, и тяжесть становилась непереносимой. Быков посмотрел на Моллара.

— Этот обед вас убьет, — сказал он. — Съедите этот обед и больше не встанете. Он вас раздавит, вы понимаете?

— О черт, — сказал Дауге с досадой. — Я забыл о тяжести.

Моллар лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал. Челюсть у него отвисла.

— Съедем бульону, — сказал Быков. — И все. Больше ни кусочка. — Он поглядел на Михаила Антоновича и оскалил зубы в перадастной усмешке. — Ни кусочка, — повторил он.

Юрковский взял половник и стал разливать бульон по тарелкам.

— Тяжелый обед, — сказал он.

— Вкусно пахнет, — сказал Михаил Антонович. — Может быть, долешь мне еще чуть-чуть, Володенька?

— Хватит, — жестко сказал Быков. Он медленно хлебал бульон, по-детски зажав ложку в кулаке, измазанном графитовой смазкой.

Все молча стали есть. Моллар с трудом приподнялся и снова лег.

— Не могу, — сказал он. — Простите меня, не могу.

Быков положил ложку и встал.

— Рекомендую всем пассажирам лечь в амортизаторы, — сказал он.

Дауге отрицательно покачал головой.

— Как угодно. Но Моллара уложите в амортизатор непременно.

— Хорошо, — сказал Юрковский.

Дауге взял тарелку, сел на диван рядом с Молларом и принялся кормить его с ложки, как больного. Моллар громко глотал, не открывая глаз.

— А где Иван? — спросил Юрковский.

— На вахте, — ответил Быков. Он взял кастрюлю с остатками супа и пошел к люку, тяжело ступая на прямых ногах. Юрковский, поджав губы, глядел в его согнутую спину.

— Всё, мальчики, — сказал Михаил Антонович жалким голосом. — Начинаю худеть. Так все-таки пельзья. Я сейчас вешу двести с лишним кило — подумать страшно! И будет еще хуже. Мы все еще падаем немножко.

Он откинулся на спинку кресла и сложил на животе отекающие руки. Затем поворочался немного, положил руки на подлокотники и почти мгновенно заснул.

— Спит, толстяк, — сказал Дауге, оглянувшись на него. — Корабль затонул, а штурман заснул. Ну, еще ложечку, Шарль. За папу. Вот так. А теперь за маму.

— Нье могу, простите, — пролепетал Моллар. — Нье могу. Я лягу. — Он лег и начал неразборчиво бормотать по-французски.

Дауге поставил тарелку на стол.

— Михаил, — позвал он негромко. — Миша.

Михаил Антонович раскатисто храпел.

— С-сейчас я его ра-азбужу, — сказал Юрковский. — Михаил, — сказал он вкрадчивым голосом. — М-мидии. М-мидии со с-специями.

Михаил Антонович вздрогнул и проснулся.

— Что? — пробормотал он. — Что?

— Нечистая с-совесть, — сказал Юрковский.

Дауге поглядел на штурмана в упор.

— Что вы там делаете в рубке? — сказал он.

Михаил Антонович поморгал красными веками, потом заерзал на кресле, едва слышно сказал: «Ах, я совсем забыл...» — и попытался подняться.

— Сиди, — сказал Дауге.

— Т-так что вы там д-делаете?

— И на кой бес?

— Ничего особенного, — сказал Михаил Антонович и оглянулся на лок в рубку. — Право, ничего, мальчики. Так только...

— М-миша, — сказал Юрковский. — М-мы же видим, что он что-то з-задумал.

— Говори, толстяк, — сказал Дауге свирепо.

Штурман снова попытался подняться.

— С-сиди, — сказал Юрковский безжалостно. — Мидии. Со специями. Говори.

Михаил Антонович стал красен как мак.

— Мы не дети, — сказал Дауге. — Нам уже приходилось умирать. Какого беса вы там секретничаете?

— Есть шанс, — едва слышно пробормотал штурман.

— Шанс всегда есть, — возразил Дауге. — Конкретнее.

— Ничтожный шанс, — сказал Михаил Антонович. — Право, мне пора, мальчики.

— Что они делают? — спросил Дауге. — Чем они заняты, Лешка и Иван?

Михаил Антонович с тоской поглядел на люк в рубку.

— Он не хочет вам говорить, — прошептал он. — Он не хочет вас зря обнадеживать. Алексей надеется выбраться. Они там перестраивают систему магнитных ловушек... И отстаньте от меня, пожалуйста! — закричал он тонким пронзительным голосом, кое-как встал и заковылял в рубку.

— Mon dieu, — тихо сказал Моллар и снова лег навзничь.

— А, все это ерунда, барахтанье, — сказал Дауге. — Конечно, Быков не способен сидеть спокойно, когда костлявая берет нас за горло. Пошли. Пойдемте, Шарль, мы уложим вас в амортизатор. Приказ капитана.

Они взяли Моллара под руки с двух сторон, подняли и повели в коридор. Голова Моллара болталась.

— Mon dieu, — бормотал он. — Простите. Я есть весьма плёхой межпланетник. Я есть только всего радиооптик.

Это было очень трудно — идти самим и тащить Моллара, но они все-таки добрались до его каюты и уложили радиооптика в амортизатор. Он лежал в длинном, не по росту, ящике, маленький, жалкий, задыхающийся, с посиневшим лицом.

— Сейчас вам станет хорошо, Шарль, — сказал Дауге.

Юрковский молча кивнул и сейчас же сморщился от боли в позвоночнике.

— П-полежите, отдо-охните, — сказал он.

— Хорошѐ-о, — сказал Моллар. — Спасибо, товарищи.

Дауге задвинул крышку и постучал. Моллар постучал в ответ.

— Ну, хорошо, — сказал Дауге. — Теперь бы нам костюмы для перегрузок...

Юрковский пошел к выходу. На корабле было только три костюма для перегрузок — костюмы экипажа. Пассажирам полагалось лежать в амортизаторах.

Они обошли все каюты и собрали все одеяла и подушки. В обсерваторном отсеке они долго устраивались у перископов, обкладывали себя мягким со всех сторон, а потом легли и некоторое время молчали, отдыхая. Дышать было трудно. Казалось, на грудь давит многопудовая гиря.

— П-помню, на курсах нам давали с-сильные перегрузки, — сказал Юрковский. — П-пришлось сбрасывать в-вес.

— Да, — сказал Дауге. — Я совсем забыл. Что это за чепуха про мидии со специями?

— В-вкусная вещь, правда? — сказал Юрковский. — Наш штурман в-вез тайком от к-капитана н-несколько банок, и они взорвались у него в ч-чемодане.

— Ну? — сказал Дауге. — Опять? Ну и лакомка! Ну и контрабандист! Его счастье, что Быкову сейчас не до этого.

— Б-быков, наверное, еще н-не знает, — сказал Юрковский.

«И никогда не узнает», — подумал он. Они помолчали, потом Дауге взял дневники наблюдений и стал их просматривать. Они немного посчитали, потом поспорили относительно метеоритной атаки. Дауге сказал, что это был случайный рой. Юрковский объявил, что это кольцо.

— Кольцо у Юпитера? — презрительно сказал Дауге.

— Да, — сказал Юрковский. — Я давно это подозревал. И теперь вот убедился.

— Нет, сказал Дауге. — Все-таки это не кольцо. Это полукольцо.

— Ну, пусть полукольцо, — согласился Юрковский.

— Кангрэн большой молодец, — сказал Дауге. — Его расчеты просто замечательно точны.

— Не совсем, — сказал Юрковский.

— Это почему же? — осведомился Дауге.

— Потому что температура растет заметно медленнее, — объяснил Юрковский.

— Это внутреннее свечение неклассического типа, — возразил Дауге.

— Да, неклассического, — сказал Юрковский.

— Кангрэн не мог этого учесть, — сказал Дауге.

— Надо было учесть, — сказал Юрковский. — Об этом уже сто лет спорят, надо было учесть.

— Просто тебе стыдно, — сказал Дауге. — Ты так бранился с Кангреном в Дублине, и теперь тебе стыдно.

— Балда ты, — сказал Юрковский. — Я учитывал неклассические эффекты.

— Знаю, — сказал Дауге.

— А если знаешь, — сказал Юрковский, — то не болтай глупостей.

— Не ори на меня, — сказал Дауге. — Это не глупости. Не-классические эффекты ты учел, а цена этому сам видишь какая.

— Это тебе такая цена, — рассердился Юрковский. — До сих пор не читал моей последней статьи.

— Ладно, — сказал Дауге, — не сердись. У меня спина затекла.

— У меня тоже, — сказал Юрковский. Он перевернулся на живот и встал на четвереньки. Это было нелегко. Он дотянулся до перископа и заглянул. — П-посмотри-ка, — сказал он.

Они стали смотреть в перископы. «Тахмасиб» плавал в пустоте, заполненной розовым светом. Не видно было ни одного предмета, никакого движения, на котором мог бы задержаться взгляд. Только ровный розовый свет. Казалось, что смотришь в упор на фосфоресцирующий экран. После долгого молчания Юрковский сказал:

— Скучно.

Он поправил подушки и снова лег на спину.

— Этого еще никто не видел, — сказал Дауге. — Это свечение металлического водорода.

— Т-таким н-наблюдениям, — сказал Юрковский, — грош цена. Может, пристроим к п-перископу с-спектрограф?

— Глупости, — сказал Дауге, еле шевеля губами. Он сполз на подушки и тоже лег на спину. — Жалко, — сказал он. — Ведь этого еще никто никогда не видел.

— Д-до чего м-мерзко ничего не делать, — сказал Юрковский с тоской.

Дауге вдруг приподнялся на локте и нагнул голову, прислушиваясь.

— Что ты? — спросил Юрковский.

— Тише, — сказал Дауге. — Послушай.

Юрковский прислушался. Низкий, едва слышный гул доносился откуда-то, волнообразно нарастая и снова затихая, словно гудение гигантского шмеля. Гул перешел в жужжание, стал выше и смолк.

— Что это? — спросил Дауге.

— Не знаю, — отозвался Юрковский вполголоса. Он сел. — Может быть, это двигатель?

— Нет, это оттуда, — Дауге махнул рукой в сторону перископов. — Ну-ка... — Он опять прислушался, и снова послышалось нарастающее гудение.

— Надо поглядеть, — сказал Дауге.

Гигантский шмель смолк, но через секунду загудел снова. Дауге поднялся на колени и уткнулся лицом в нарамник перископа.

— Смотри! — закричал он.

Юрковский тоже подполз к перископу.

— Смотри, как здорово! — крикнул Дауге.

Из желто-розовой бездны поднимались огромные радужные шары. Они были похожи на мыльные пузыри и переливались зеленым, синим, красным. Это было очень красиво и совершенно непонятно. Шары поднимались из пропасти с низким нарастающим гулом, быстро проносились и исчезали из поля зрения. Они все были разных размеров, и Дауге судорожно вцепился в рубчатый барабан дальномера. Один шар, особенно громадный и колыхающийся, прошел совсем близко. На несколько мгновений обсерваторный отсек заполнился нестерпимо низким, зудящим гулом, и планетолет слегка качнуло.

— Эй, в обсерватории! — раздался в репродукторе голос Быкова. — Что за бортом?

— Ф-феномены, — сказал Юрковский, пригнув голову к микрофону.

— Что? — спросил Быков.

— П-пузыри какие-то, — пояснил Юрковский.

— Это я и сам вижу, — проворчал Быков и замолчал.

— Это уже не металлический водород, — сказал Юрковский.

Пузыри исчезли.

— Вот, — сказал Дауге. — Диаметры: пятьсот, девятьсот и три тысячи триста метров. Если, конечно, здесь не искажается перспектива. Больше я не успел. Что это может быть?

В розовой пустоте пронесли еще два пузыря. Вырос и сейчас же смолк густой басовый звук.

— М-машина п-планеты р-работает, — сказал Юрковский. — И мы никогда не узнаем, что там происходит...

— Пузыри в газе, — сказал Дауге. — А впрочем, какой это газ — плотность как у бензина...

Он обернулся. На пороге открытой двери сидел Моллар, прислонившись виском к косяку. Кожа на его лице вся сползла к подбородку от тяжести. У него был белый лоб и темно-вишневая шея.

— Это есть я, — сказал Моллар.

Он перевалился на живот и пополз к своему месту у казенника. Планетологи молча смотрели на него, затем Дауге встал, взял две подушки — у себя и у Юрковского — и помог Моллару устроиться поудобнее. Все молчали.

— Очень тоскливо, — сказал наконец Моллар. — Не могу один. Хочется говорить. — Он делал самые невообразимые ударения.

— Мы очень рады вам, Шарль, — сказал Дауге совершенно искренне. — Нам тоже тоскливо, и мы все время говорим.

Моллар попытался сесть, но раздумал и остался лежать, тяжело дыша и глядя в потолок.

— А к-как жизнь, Шарль? — спросил Юрковский с интересом.

— Жизыль хорошё-о, — сказал Моллар, бледно улыбаясь. — Только мало.

Дауге лег и тоже уставился в потолок. «Мало, — подумал он, — гораздо меньше, чем хочется». Он выругался вполголоса по-латышски.

— Что? — спросил Моллар.

— Он ругается, — объяснил Юрковский.

Моллар вдруг сказал высоким голосом: «Друзья мои!» — и планетологи разом повернулись к нему.

— Друзья мои! — сказал Моллар. — Что мне дьелатть? Ви есть опытные межпланетники! Ви есть большие люди и геройи. Да, геройи! Mon dieu! Ви смотрели в глаза смерти больше, чем я смотрелль в глаза девушки. — Он горестно помотал головой. — И я совсем не есть опытный. Мне страшно, и я хочу много говорить сейчас, но сейчас уже близок конец, и я не знаю как. Да, да, как надо сейчас говорить?

Он смотрел на Дауге и Юрковского блестящими глазами. Дауге неловко пробормотал: «О черт» — и оглянулся на Юрковского. Юрковский лежал, заложив руки за голову, и искоса глядел на Моллара.

— О черт, — сказал Дауге. — Я уже и забыл.

— М-могу рассказать, к-как мне однажды х-хотели ампутировать п-ногу, — предложил Юрковский.

— Верно! — радостно сказал Дауге. — А потом вы, Шарль, тоже расскажете что-нибудь веселенькое...

— Ах, вы все шутите, — сказал Моллар.

— А еще можно спеть, — сказал Дауге. — Я про это читал. Вы нам споете, Шарль?

- Ах, — сказал Моллар. — Я совсем прокис.
- Отнюдь, — сказал Дауге. — Вы замечательно держитесь, Шарль. А это же самое главное. Правда, Шарль замечательно держится, а, Володя?
- К-конечно, — сказал Юрковский. — З-замечательно.
- А капитан не спит, — бодро продолжал Дауге. — Вы заметили, Шарль? Он что-то задумал, наш капитан.
- Да, — сказал Моллар. — Да! Наш капитан — это есть большая надежда.
- Еще бы, — сказал Дауге. — Вы даже не знаете, какая это большая надежда.
- М-метр девяносто пять, — сказал Юрковский.
- Моллар засмеялся.
- Вы все шутите, — сказал он.
- А мы пока будем болтать и наблюдать, — сказал Дауге. — Хотите посмотреть в перископ, Шарль? Это красиво. Этого никто никогда не видел. — Он поднялся и прищип к перископу.
- Юрковский увидел, как у него вдруг выгнулась спина. Дауге обеими руками взялся за парамник.
- Бог мой! — сказал он. — Планетолет!
- В розовой пустоте висел планетолет. Он был виден совершенно отчетливо и во всех подробностях и находился, по-видимому, километрах в трех от «Тахмасиба». Это был фотонный грузовик первого класса с параболическим отражателем, похожим на растопыренную юбку, с крутой жилой гондолой и дисковидным грузовым отсеком, с тремя сигарами аварийных ракет на далеко вынесенных кронштейнах. Он висел вертикально и совершенно неподвижно. И он был серый, как на экране черно-белого кино.
- Кто же это? — пробормотал Дауге. — Неужели Петрушевский?
- П-погляди на отражатель, — сказал Юрковский.
- Отражатель серого планетоleta был обломан с края.
- Тоже не повезло ребятам, — сказал Дауге.
- О! — сказал Моллар. — А вон еще один.
- Второй планетолет — точно такой же — висел дальше и глубже первого.
- И у этого обломан отражатель, — сказал Дауге.
- Я з-знаю, — сказал неожиданно Юрковский. — Это наш «Тахмасиб». М-мираз.

Это был двойной мираж. Несколько радужных пузырей стремительно поднялись из глубины, и призраки «Тахмасиба» исказились, задрожали и растаяли. А правее и выше появились еще три призрака.

— Какие красивые пузыри! — сказал Моллар. — Они поют.

Он снова лег на спину. У него пошла носом кровь, и он сморкался и морщился и все поглядывал на планетологов, не видят ли они. Они, конечно, не видели.

— Вот, — сказал Дауге. — Ты говоришь, что здесь скучно.

— Я н-не говорю, — сказал Юрковский.

— Нет, говоришь, — сказал Дауге. — Ты брюзжишь, что скучно.

Оба старались не глядеть на Моллара. Кровь остановить было пельзя. Она свернется сама. Радиооптика пужно было бы отнести в амортизатор, по... Ничего, она свернется. Моллар тихо сморкался.

— А вон еще мираж, — сказал Дауге. — Но это не корабль.

Юрковский заглянул в перископ. «Не может быть, — подумал он. — Этого не может быть. Не тут, не в Юпитере». Под «Тахмасибом» медленно проплывала вершина громадной серой скалы. Основание ее тонуло в розовой дымке. Рядом поднималась другая скала — голая, отвесная, изрезанная глубокими прямыми трещинами. А еще дальше вырастала целая вереница таких же острых крутых вершин. И тишина в обсерваторном отсеке сменилась скрипами, шорохами, едва слышным гулом, похожим на эхо далеких-далеких горных обвалов.

— Эт-то н-не мираж, — проговорил Юрковский. — Эт-то п-похоже на ядро.

— Вздор, — сказал Дауге.

— В-возможно, все-таки у Юпитера есть я-ядро.

— Вздор, вздор, — нетерпеливо сказал Дауге.

Горная цепь тянулась под «Тахмасибом», и не было ей конца.

— Вон еще, — сказал Дауге.

Выше скалистых зубьев выступил темный бесформенный силуэт, вырос, превратился в изъеденный обломок черного камня и снова скрылся. Сейчас же за ним вслед появился другой, третий, а вдаль, едва различимая, бледным пятном светилась округлая серая масса. Горный хребет внизу постепенно опускался и исчез из виду. Юрковский, не отрываясь от перископа, поднес к губам микрофон. Было слышно, как у него хрустнули суставы.

— Быков, — позвал он. — Алексей.

— Алеши нет, Володенька, — отозвался голос штурмана. Голос был сиплый и задыхающийся. — Он в машине.

— М-михаил, мы идем п-над с-скалами, — сказал Юрковский.

— Над какими скалами? — испуганно спросил Михаил Антонович.

Вдали прошла поразительно ровная, словно отполированная поверхность — огромная равнина, окаймленная невысокой грядой круглых холмов. Прошла и утонула в розовом.

— М-мы еще не все п-понимаем, — сказал Юрковский.

— Я сейчас посмотрю, Володенька, — сказал Михаил Антонович.

За перископом проплывала еще одна горная страна. Она плыла высоко вверх, и вершины гор были обращены вниз. Это было дикое, фантастическое зрелище, и Юрковский подумал сначала, что это опять мираж, но это был не мираж. Тогда он понял и сказал:

— Это не ядро, Иоганьч. Это кладбище.

Дауге не понял.

— Это кладбище миров, — сказал Юрковский. — Джуп проглотил их.

Дауге долго молчал, а затем пробормотал:

— Какие открытия... Кольцо, розовое излучение, кладбище миров... Жаль. Очень жаль.

Он оглянулся и окликнул Моллара. Моллар не ответил. Он лежал ничком.

Они стащили Моллара в амортизатор, привели его в чувство, а он, измотанный, отекший, сразу заснул, словно упал в обморок. Потом они вернулись в обсерваторный отсек и снова повисли на перископах. Под «Тахмасибом», и рядом с «Тахмасибом», и временами над «Тахмасибом» медленно проплывали в потоках сжатого водорода несостоявшиеся миры — горы, скалы, чудовищные потрескавшиеся глыбы, прозрачные серые облака пыли. Потом «Тахмасиб» отнесло в сторону, а в перископах остался только пустой, ровный розовый свет.

— Устал как собака, — сказал Дауге. Он перевернулся на бок, и у него затрещали кости. — Слышишь?

— Слышу, — сказал Юрковский. — Давай смотреть.

— Давай, — сказал Дауге.

— Я думал, это ядро, — сказал Юрковский.

— Этого не могло быть, — сказал Дауге.

Юрковский стал тереть лицо ладонями.

— Это ты так говоришь, — сказал он. — Давай смотреть.

Они еще многое увидели и услышали, или им казалось, что они увидели и услышали, потому что оба они страшно устали, и в глазах иногда темнело, и тогда исчезали стены обсерваторного отсека — оставался только ровный розовый свет. Они видели широкие неподвижные зигзаги молний, упиравшиеся в тьму наверху и в розовую бездну внизу, и слышали, как с железным громом пульсируют в них лиловые разряды. Они видели какие-то кольщущиеся пленки, проплывавшие с тонким свистом совсем рядом. Они разглядывали причудливые тени во мгле, которые двигались и шевелились, и Дауге спорил, что это объемные тени, а Юрковский доказывал, что Дауге бредит. И они слышали вой, и писк, и грохот, и странные звуки, похожие на голоса, и Дауге предложил зафиксировать эти звуки на диктофоне, но тут заметил, что Юрковский спит лежа на животе. Тогда он повернул Юрковского на спину и снова вернулся к перископу.

В открытую дверь отсека вползла, волоча брюхо по полу, Варечка, синяя в крапичку, подобралась к Юрковскому и взгромоздилась к нему на колени. Дауге хотел прогнать ее, но у него уже совсем не было сил. Он даже не мог поднять голову. А Варечка тяжело вздымала бока и медленно мигала. Шипы на ее морде стояли ежом, и полумертвый хвост судорожно подергивался в такт дыханию.

3. Надо прощаться, а радиооптик не знает как

Это было трудно, невообразимо трудно работать в таких условиях. Жилин несколько раз терял сознание. Останавливалось сердце, и все заволакивалось красной мутиью. И во рту все время чувствовался привкус крови. Жилину было очень стыдно, потому что Быков продолжал работать неумолимо, размеренно и точно, как машина. Быков был весь мокрый от пота, ему тоже было невообразимо трудно, но он, по-видимому, умел заставить себя не терять сознание. Уже через два часа у Жилина пропало всякое представление о цели работы, у него больше не осталось ни надежды, ни любви к жизни, но каждый раз, очнувшись, он продолжал

прерванную работу, потому что рядом был Быков. Однажды он очнулся и не нашел Быкова. Тогда он заплакал. Но Быков скоро вернулся, поставил рядом с ним кастрюльку и сказал: «Ешь». Он поел и снова взялся за работу. У Быкова было белое лицо и багровая отвисшая шея. Он тяжело и часто дышал. И он молчал. Жилин думал: «Если мы выберемся, я не пойду в межзвездную экспедицию, я не пойду в экспедицию на Плутон, я никуда не пойду, пока не стану таким, как Быков. Таким обыкновенным и даже скучным в обычное время. Таким хмурым и немножко даже смешным. Таким, что трудно было поверить, глядя на него, в легенду о Голконде, в легенду о Каллисто и в другие легенды». Жилин помнил, как молодые межпланетники потихоньку посмеивались над Рыжим Пустынником — кстати, откуда взялось такое странное прозвище? — но он никогда не видел, чтобы о Быкове отозвался пренебрежительно хоть один пилот или ученый старшего поколения. «Если я выберусь, я должен стать таким, как Быков. Если я не выберусь, я должен умереть как Быков». Когда Жилин терял сознание, Быков молча заканчивал его работу. Когда Жилин приходил в себя, Быков так же молча возвращался на свое место.

Потом Быков сказал: «Пошли» — и они выбрались из камеры магнитной системы. У Жилина все плыло перед глазами, хотелось лечь, уткнуться носом во что-нибудь помягче и так лежать, пока не поднимут. Он выбирался вторым и застрял и все-таки лег носом в холодный пол, но быстро пришел в себя и тогда увидел у самого лица ботинок Быкова. Ботинок нетерпеливо притоптывал. Жилин напрягся и вылез из люка. Он сел на корточки, чтобы как следует задраить крышку. Замок не слушался, и Жилин стал рвать его исцарапанными пальцами. Быков возвышался рядом, как радиомачта, и смотрел не мигая сверху вниз.

— Сейчас, — торопливо сказал Жилин. — Сейчас...

Замок наконец встал на место.

— Готово, — сказал Жилин и выпрямился. Ноги тряслись в коленях.

— Пошли, — сказал Быков.

Они вернулись в рубку. Михаил Антонович спал в своем кресле у вычислителя. Он громко всхрапывал. Вычислитель был включен. Быков перегнулся через штурмана, взял микрофон селектора и сказал:

— Пассажирам собраться в кают-компанию.

— Что? — спросил Михаил Антонович, встрепенувшись. — Что, уже?

— Уже, — сказал Быков. — Пойдем в кают-компанию.

Но он пошел не сразу — стоял и задумчиво наблюдал, как Михаил Антонович, болезненно морщась и постанывая, выбирается из кресла. Затем он словно очнулся и сказал:

— Пойдем.

Они пошли в кают-компанию. Михаил Антонович сразу пробрался к дивану и сел, сложив руки на животе. Жилин тоже сел, чтобы не тряслись ноги, и стал смотреть в стол. На столе еще стояли стопкой грязные тарелки. Потом дверь в коридор открылась, и ввалились пассажиры. Планетологи тащили на себе Моллара. Моллар висел, волоча ноги и обхватив планетологов за плечи. В руке у него был зажат носовой платок, весь в темных пятнах.

Дауге и Юрковский молча усадили Моллар на диван и сели по обе стороны от него. Жилин оглядел их. «Вот это да! — подумал он. — Неужели и у меня такая морда?» Он украдкой ощупал лицо. Ему показалось, что щеки у него очень тощие, а подбородок очень толстый, как у Михаила Антоновича. Под кожей бегали мурашки, как в отсиженной ноге. «Отсидел физиономию», — подумал Жилин.

— Так, — сказал Быков. Он сидел на стуле в углу и теперь встал, подошел к столу и тяжело оперся о него.

Моллар неожиданно подмигнул Жилину и закрыл лицо пятнистым платком. Быков холодно посмотрел на него. Затем он стал смотреть в стену.

— Так, — повторил он. — Мы были заняты пере-о-бо-ру-до-ва-нием «Тахмасиба». Мы закончили пере-о-бо-ру-до-вание. — Это слово никак не давалось ему, но он упрямо дважды повторил его, выговаривая по слогам. — Мы теперь можем использовать фотонный двигатель, и я решил его использовать. Но сначала я хочу поставить вас в известность о возможных последствиях. Предупреждаю: решение принято, и я не собираюсь с вами советоваться и спрашивать вашего мнения...

— Короче, Алексей, — сказал Дауге.

— Решение принято, — сказал Быков. — Но я считаю, что вы вправе знать, чем это все может кончиться. Во-первых, включение фотореактора может вызвать взрыв в сжатом водороде вокруг нас. Тогда «Тахмасиб» будет разрушен пол-

постью. Во-вторых, первая вспышка плазмы может уничтожить отражатель — возможно, внешняя поверхность зеркала уже истончена коррозией. Тогда мы останемся здесь и... В общем, понятно. В-третьих, наконец, «Такмасиб» может благополучно выбраться из Юпитера и...

— Понятно, — сказал Дауге.

— И продовольствие будет доставлено на Амальтею, — сказал Быков.

— П-продовольствие б-будет век б-благодарить Б-быкова, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович робко улыбнулся. Ему было не смешно. Быков смотрел в стену.

— Я намерен стартовать сейчас же, — сказал он. — Предлагаю пассажирам занять места в амортизаторах. И давайте без этих ваших штучек. — Он посмотрел на планетологов. — Перегрузка будет восьмикратная, как минимум. Прошу выполнять. Бортинженер Жилин, проследите за выполнением и доложите.

Он оглядел всех исподлобья, повернулся и ушел в рубку на прямых ногах.

— Mon dieu, — сказал Моллар. — Ну и жизнь.

У него опять пошла кровь из носа, и он принялся слабо сморкаться. Дауге повертел головой и сказал:

— Нам нужен счастливчик. Кто-нибудь здесь есть везучий? Нам совершенно необходим счастливчик.

Жилин встал.

— Пора, товарищи, — сказал он. Ему хотелось, чтобы все скорее кончилось. Ему очень хотелось, чтобы все уже было позади. Все остались сидеть. — Пора, товарищи, — растерянно повторил он.

— В-вероятность б-благоприятного и-исхода — п-процентов д-десять, — задумчиво сказал Юрковский и принялся растирать щеки.

Михаил Антонович, кряхтя, выбрался из дивана.

— Мальчики, — сказал он. — Надо, кажется, прощаться. На всякий случай, знаете... Всякое может быть, — он жалостно улыбнулся.

— Прощаться так прощаться, — сказал Дауге. — Давайте прощаться.

— И я опять не знаю как, — сказал Моллар.

Юрковский поднялся.

— В-вот что, — сказал он. — П-пошли по ам-мортизаторам. С-сейчас выйдет Б-быков, и т-тогда... Лучше мне сгореть. Р-рука у него тяжелая, д-до сих п-пор помню. Д-десять лет.

— Да-да, — заторопился Михаил Антонович. — Пошли, мальчики, пошли... Дайте я вас поцелую.

Он поцеловал Дауге, потом Юрковского, потом повернулся к Моллару. Моллара он поцеловал в лоб.

— А ты где будешь, Миша? — спросил Дауге.

Михаил Антонович поцеловал Жилина, всхлипнул и сказал:

— В амортизаторе, как все.

— А ты, Ваня?

— Тоже, — сказал Жилин. Он придерживал Моллара за плечи.

— А капитан?

Они вышли в коридор, и снова все остановились. Осталось несколько шагов.

— Алексей Петрович говорит, что не верит автоматике в Джупе, — сказал Жилин. — Он сам поведет корабль.

— Б-быков есть Быков, — сказал Юрковский, криво усмехаясь. — В-всех п-помощных на своих п-плечах.

Михаил Антонович, всхлипывая, пошел в свою каюту.

— Я вам помогу, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— Да, — согласился Моллар и послушно обхватил Жилина за плечи.

— Удачи и спокойной плазмы, — сказал Юрковский.

Дауге кивнул, и они разошлись по своим каютам. Жилин ввел Моллара в его каюту и уложил в амортизатор.

— Как жизнь, Ванюша-а? — сказал печально Моллар. — Хорошѐ-о?

— Хорошо, мсье Моллар, — сказал Жилин.

— А как девушки?

— Очень хорошо, — сказал Жилин. — На Амальтее чудесные девушки.

Он вежливо улыбнулся, задвинул крышку и сразу перестал улыбаться. «Хоть бы скорее все это кончилось!» — подумал он.

Он шел по коридору, и коридор показался ему очень пустым. Он постучал по крышке каждого амортизатора и прослушал ответный стук. Потом он вернулся в рубку.

Быков сидел на месте старшего пилота. Он был в костюме для перегрузок. Костюм был похож на кокон шелкопряда,

из него торчала рыжая растрепанная голова. Быков был совершенно обыкновенный, только очень сердитый и усталый.

— Все готово, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Хорошо, — сказал Быков. Он косо поглядел на Жилина. — Не боишься, малек?

— Нет, — сказал Жилин.

Он не боялся. Он только хотел, чтобы все скорее кончилось. И еще ему вдруг очень захотелось увидеть отца, как он вылезает из стратоплана, грузный, усатый, со шляпой в руке. И познакомить отца с Быковым.

— Ступай, Иван, — сказал Быков. — Десять минут в твоём распоряжении.

— Спокойной плазмы, Алексей Петрович, — сказал Жилин.

— Спасибо, — сказал Быков. — Ступай.

«Это надо выдержать, — подумал Жилин. — Черт, неужели я не выдержу?» Он подошел к двери своей каюты и вдруг увидел Варечку. Варечка тяжело ползла, прижимаясь к стене, волоча за собой сплюснутый с боков хвост. Увидев Жилина, она подняла треугольную морду и медленно мигнула.

— Эх ты, бедолага! — сказал Жилин.

Он взял Варечку за отставшую на шее кожу, приволок ее в каюту, сдвинул крышку с амортизатора и поглядел на часы. Потом он бросил Варечку в амортизатор — она была очень тяжелая и грузно трепыхалась в руках — и залез сам. Он лежал в полной темноте, слушал, как шумит амортизирующая смесь, а тело становилось легче и легче. Это было очень приятно, только Варечка все время дергалась под боком и колола руку шипами. «Надо выдержать, — подумал Жилин. — Как он выдерживает?».

В рубке Алексей Петрович Быков нажал большим пальцем рифленую клавишу стартера.

ЭПИЛОГ

Амальтея, «Джей-станция»

**Директор «Джей-станции»
не глядит на заход Юпитера,
а Варечку дергают за хвост**

аход Юпитера — это тоже очень красиво. Медленно гаснет желто-зеленое зарево экзосферы, и одна за другой загораются звезды, как алмазные иглы на черном бархате.

Но директор «Джей-станции» не видел ни звезд, ни желто-зеленого сияния над близкими скалами. Он смотрел на ледяное поле ракетодрома. На поле медленно, едва заметно для глаза, падала исполинская башня «Тахмасиба». «Тахмасиб» был громаден — фотошпый грузовик первого класса. Он был так громаден, что его не с чем было сравнить здесь, на голубовато-зеленой равнине, покрытой круглыми черными пятнами. Из спектролитового колпака казалось, что «Тахмасиб» падает сам собой. На самом деле его укладывали. В тени скал и по другую сторону равнины мощные лебедки тянули тросы, и блестящие нити иногда ярко вспыхивали в лучах солнца. Солнце ярко озаряло корабль, и он был виден весь, от огромной чаши отражателя до шаровидной жилой гондолы.

Никогда еще на Амальтею не опускался такой изуродованный планетолет. Край отражателя был расколот, и в от-

ромной чаше лежала густая изломанная тень. Двухсотметровая труба фотореактора казалась пятнистой и была словно изъедена коростой. Аварийные ракеты на скрученных кронштейнах нелепо торчали во все стороны, грузовой отсек перекосило, и один сектор его был раздавлен. Диск грузового отсека напоминал плоскую круглую консервную банку, на которую наступили свинцовым башмаком. «Часть продовольствия, конечно, погибла, — подумал начальник. — Какая чушь лезет в голову! Не все ли равно. Да, „Тахмасибу“ теперь не скоро уйти отсюда».

— Дорого нам обошелся куриный суп, — сказал дядя Валнога.

— Да, — пробормотал директор. — Куриный суп. Бросьте, Валнога. Вы же этого не думаете. При чем здесь куриный суп?

— Отчего же, — сказал Валнога. — Ребятам нужна настоящая еда.

Планетолет опустился на равнину и погрузился в тень. Теперь было видно только слабое зеленоватое мерцание на титановых боках, потом там сверкнули огни и мелькнули маленькие черные фигурки. Косматый горб Юпитера ушел за скалы, и скалы почерпели и стали выше, и на мгновение ярко загорелась какая-то расщелина, и стали видны решетчатые конструкции антенн.

В кармане директора тоненько запел радиофон. Директор вытащил гладкую коробку и нажал кнопку приема.

— Слушаю, — сказал он.

Тенорок дежурного диспетчера, очень веселый и без всякой почтительности, сказал скороговоркой:

— Товарищ директор, капитан Быков с экипажем и пассажирами прибыл на станцию и ждет вас в вашем кабинете.

— Иду, — сказал начальник.

Вместе с дядей Валногой он спустился в лифте и направился в свой кабинет. Дверь была раскрыта настежь. В кабинете было полно народу, и все громко говорили и смеялись. Еще в коридоре директор услышал радостный вопль:

— Как жизнь — хороше-о? Как мальчúшки — хороше-о?

Директор не сразу вошел, а некоторое время стоял на пороге, разыскивая глазами прибывших. Валнога громко дышал у него над ухом, и чувствовалось, что он улыбается до ушей. Они увидели Моллара с мокрыми после купания волосами. Моллар отчаянно жестикулировал и хохотал. Вокруг него

стояли девушки — Зойка, Галипа, Наденька, Джейн, Юрико, все девушки Амальтеи — и тоже хохотали. Моллар всегда ухитрялся собрать вокруг себя всех девушек. Потом директор увидел Юрковского, вернее его затылок, торчащий над головами, и кошмарное чудище у него на плече. Чудище вертело мордой и время от времени страшно зевало. Варечку дергали за хвост. Дауге видно не было, но зато было слышно не хуже, чем Моллара. Дауге вопил:

— Не наваливайтесь! Пустите, ребяташки! Ой-ой!

В сторонке стоял огромный незнакомый парень, очень красивый, но слишком бледный среди загорелых. С парнем оживленно разговаривали несколько местных планетолетчиков. Михаил Антонович Крутиков сидел в кресле у стола директора. Он рассказывал, всплескивая короткими ручками, и временами подносил к глазам смятый платочек.

Быкова директор узнал последним. Быков был бледен до синевы, и волосы его казались совсем медными, под глазами висели синие мешки, какие бывают от сильных и длительных перегрузок. Глаза его были красными. Он говорил так тихо, что директор ничего не мог разобрать и видел только, что говорит он медленно, с трудом шевеля губами. Возле Быкова стояли руководители отделов и начальник ракетодома. Это была самая тихая группа в кабинете. Потом Быков поднял глаза и увидел директора. Он встал, и по кабинету прошел шепоток, и все сразу замолчали.

Они пошли навстречу друг другу, гремя магнитными подковами по металлическому полу, и сошлись на середине комнаты. Они пожали друг другу руки и некоторое время стояли молча и неподвижно. Потом Быков отнял руку и сказал:

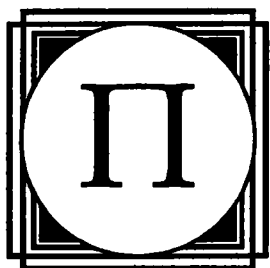
— Товарищ Кангрел, планетолет «Тахмасиб» с грузом прибыл.

СТАЖЕРЫ

Художник Лев Рубинштейн

ПРОЛОГ

одкатил громадный красно-белый автобус и остановился, мерно похрюкивая двигателем. Отлетающих пригласили садиться.

— Что ж, ступайте, — сказал Дауте.

Быков проворчал:

— Успеем. Пока они все усядутся...

Он исподлобья смотрел, как пассажиры один за другим неторопливо поднимаются в автобус. Пассажиров было человек сто. Провожających почему-то было совсем немного.

— Если они будут грузиться такими темпами, — сказал Гриша, — вам к старту не успеть.

Быков строго посмотрел на него.

— Застегни рубашку, — сказал он.

— Пап, жарко, — сказал Гриша.

— Застегни рубашку, — повторил Быков. — Не ходи расхлястаный.

— Не бери пример с меня, — сказал Юрковский. — Мне можно, а тебе еще нельзя.

Дауге взглянул на него и отвел глаза. Не хотелось смотреть на Юрковского — на его уверенное рыхловатое лицо с брюзгливо отвисшей нижней губой, на тяжелый портфель с монограммой, на роскошный костюм из редкостного стереосинтетика. Лучше уж было глядеть в высокое прозрачное небо, чистое, синее, без единого облачка, даже без птиц — над аэродромом их разгоняли ультразвуковыми sireнами.

Быков-младший под внимательным взглядом Быкова-старшего застегивал воротник. Юровский томно сказал:

— В стратоплане спрошу бутылочку эссенуков и выкушаю...

Быков-старший с подозрением спросил:

— Печенка?

— Почему обязательно печенка? — сказал Юровский. — Мне просто жарко. И пора бы тебе знать, что эссенуки от приступов не помогают.

— Ты по крайней мере взял свои пилюли? — спросил Быков.

— Что ты к нему пристал? — сказал Дауге.

Все посмотрели на него. Дауге опустил глаза и сказал сквозь зубы:

— Так ты не забудь, Владимир. Пакет Арнаутову нужно передать сразу же, как только вы прибудете на Сырт.

— Если Арнаут на Марсе, — сказал Юровский.

— Да, конечно. Я только прошу тебя не забыть.

— Я ему напомню, — пообещал Быков.

Они замолчали. Очередь у автобуса уменьшалась. Пора было прощаться.

— Знаете что, идите вы, пожалуйста, — сказал Дауге.

— Да, пора идти, — вздохнул Быков. Он подошел к Дауге и обнял его. — Не печалься, Иоганьч, — сказал он тихо. — До свидания. Не печалься.

Он крепко сжал Дауге длинными костистыми руками, Дауге слабо оттолкнул его.

— Спокойной плазмы, — проговорил он.

Он пожал руку Юровскому. Юровский часто заморгал, он хотел что-то сказать, но только облизнул губы. Он нагнулся, поднял с травы свой великолепный портфель, повертел его в руках и снова положил на траву. Дауге не глядя на него. Юровский снова поднял портфель.

— Ах, да не кисни ты, Григорий, — страдающим голосом сказал он.

— Постараюсь, — сухо ответил Дауге.

В стороне Быков негромко наставлял сына:

— Пока я в рейсе, будь поближе к маме. Никаких там подводных забав.

— Ладно, пап.

— Никаких рекордов.

— Хорошо, пап. Ты не беспокойся.

— Меньше думай о девицах, больше думай о маме.

— Да ладно, пап.

Дауге сказал тихо:

— Я пойду.

Он повернулся и побрел к зданию аэровокзала. Юрковский смотрел ему вслед. Дауге был маленький, сгорбленный, очень старый.

— До свидания, дядя Володя, — сказал Гриша.

— До свидания, мальш, — сказал Юрковский. Он все смотрел вслед Дауге. — Ты его навещай, что ли... Просто так, зайди, выпей чайку — и все. Он ведь тебя любит, я знаю...

Гриша кивнул. Юрковский подставил ему щеку, похлопал по плечу и вслед за Быковым пошел к автобусу. Он тяжело поднялся по ступенькам, сел в кресло рядом с Быковым и сказал:

— Хорошо было бы, если б рейс отменили.

Быков с изумлением воззрился на него.

— Какой рейс? Наш?

— Да, наш. Дауге было бы легче. Или чтобы нас всех забраковали медики.

Быков засопел, но промолчал. Когда автобус тронулся, Юрковский сказал:

— Он даже не захотел меня обнять. И правильно сделал. Незачем нам летать без него. Нехорошо. Нечестно.

— Перестань, — сказал Быков.

Дауге поднялся по гранитным ступеням аэровокзала и оглянулся. Красное пятнышко автобуса ползло уже где-то возле самого горизонта. Там, в розоватом мареве, виднелись конические силуэты лайнеров вертикального взлета. Гриша спросил:

— Куда вас отвезти, дядя Гриша? В институт?

— Можно и в институт, — ответил Дауге.

«Никуда мне не хочется, — подумал он. — Совсем никуда мне не хочется. Тяжело как... Вот не думал, что будет так тяжело. Ведь не случилось ничего нового или неожиданного. Все давно известно и продумано. И заблаговременно пережито потихоньку, потому что кому хочется выглядеть слабым? И вообще все очень справедливо и честно. Пятьдесят два года от роду. Четыре лучевых удара. Поношенное сердце. Никуда не годные нервы. Кровь и та не своя. Поэтому бракует, никуда не берут. А Володьку Юрковского вот берут. А тебе говорят: „Григорий Иоганнович, довольно есть что дают и спать где положат. Пора тебе, говорят, Григорий Иоганнович, молодых поучить“. А чему их учить?» Дауге покосился на Гришу. Вон он какой здоровенный и зубастый. Смелости его учить? Или здоровью? А больше ведь, по сути дела, ничего и не пужно. Вот и остаешься один. Да сотня статей, которые устарели. Да несколько книг, которые быстро стареют. Да слава, которая стареет еще быстрее.

Он повернулся и вошел в гулкий прохладный вестибюль. Гриша Быков шагал рядом. Рубаха у него была расстегнута. Вестибюль был полон негромких разговоров и шуршания газет. На большом, в полстены, вогнутом экране демонстрировался какой-то фильм; несколько человек, уткнувшись в креслах, смотрели на экран, придерживая возле уха блестящие коробочки фонодемонстраторов. Толстый иностранец восточного типа топтался возле буфета-автомата.

Он методически заталкивал в автомат жетон за жетоном, задумчиво глядя на табличку с надписью «выключен». Двое ребятишек — мальчик и девочка лет четырех-пяти — стояли позади него, с любопытством следя за его манипуляциями.

— Пойду объясню ему, — сказал Гриша.

Дауге рассеянно кивнул.

У входа в бар Дауге вдруг остановился.

— Зайдем выпьем, тезка, — сказал он.

Гриша посмотрел на него с удивлением и жалостью.

— Зачем, дядя Гриша? — просительно сказал он. — Зачем? Не надо.

— Ты полагаешь, не надо? — задумчиво спросил Дауге.

— Конечно, не надо. Ни к чему это, честное слово.

Дауге, склонив голову набок, прищурившись, взглянул на него.

— Уж не воображаешь ли ты, — ядовито произнес он, — что я раскис оттого, что меня вывели в тираж? Что я жить не могу без этих самых таинственных бездн и пространств? Извини, голубчик! Плевать я хотел на эти бездны! А вот что я один остался... Понимаешь? Один! Первый раз в жизни один!

Гриша неловко оглянулся. Толстый иностранец смотрел на них. Дауге говорил тихо, но Грише казалось, что его слышит весь зал.

— Почему я остался один? За что? Почему именно меня... именно я должен быть один? Ведь я не самый старый, тезка. Михаил старше, и твой отец тоже...

— Дядя Миша тоже идет в последний рейс, — робко напомнил Гриша.

— Да, — согласился Дауге. — Миша наш состарился... Ну, пойдем выпьем.

Они вошли в бар. В баре было пусто, только за столиком у окна сидела какая-то красивая женщина. Она сидела над пустым бокалом, положив подбородок на сплетенные пальцы, и смотрела в окно на бетонное поле аэродрома.

Дауге остановился и тяжело оперся на ближайший столик. Он не видел ее лет двадцать, но сразу узнал. В горле у него стало сухо и горько.

— Что с вами, дядя Гриша? — встревоженно спросил Быков-младший.

Дауге выпрямился.

— Это моя жена, — сказал он спокойно. — Пойдем.

«Какая еще жена?» — подумал Гриша с испугом.

— Может быть, мне пойти подождать в машине? — спросил он.

— Чепуха, чепуха, — сказал Дауге. — Пойдем.

Они подошли к столику.

— Здравствуй, Маша, — произнес Дауге.

Женщина подняла голову. Глаза ее расширились.

Она медленно откинулась на спинку стула.

— Ты... не улетел? — сказала она.

— Нет.

— Ты летишь позже?

— Нет. Я остаюсь.

Она продолжала глядеть на него широко раскрытыми глазами. Ресницы у нее были сильно накрашены. Под глазами сеть морщинок. И много морщинок на шее.

— Что значит остаешься? — недоверчиво спросила она.

Он взялся за спинку стула.

— Можно нам посидеть с тобой? — спросил он. — Это Гриша Быков. Сын Быкова.

Тогда она улыбнулась Грише той самой привычно-обещающей ослепительной улыбкой, которую так ненавидел Дауге.

— Очень рада, — сказала она. — Садитесь, мальчики.

Гриша и Дауге сели.

— Меня зовут Мария Сергеевна, — сказала она, разглядывая Гришу. — Я сестра Владимира Сергеевича Юрковского.

Гриша опустил глаза и слегка поклонился.

— Я знаю вашего отца, — продолжала она. Она перестала улыбаться. — Я многим ему обязана, Григорий... Алексеевич.

Гриша молчал. Ему было неловко. Он ничего не понимал. Дауге сказал напряженным голосом:

— Что ты будешь пить, Маша?

— Джеймо, — ответила она, ослепительно улыбаясь.

— Это очень крепко? — спросил Дауге. — Впрочем, все равно. Гриша, принеси, пожалуйста, два джеймо.

Он смотрел на нее, на гладкие загорелые руки, на открытые гладкие загорелые плечи, на легкое светлое платье с чуть-чуть слишком глубоким вырезом. Она изумительно сохранилась для своих лет, и даже косы остались совершенно те же, тяжелые, толстые косы, каких давно уже никто не носит, бронзовые, без единого седого волоса, уложенные вокруг головы. Он усмехнулся, медленно расстегнул плотный теплый плащ и стащил плотный теплый шлем с наушниками. У нее дрогнуло лицо, когда она увидела его голый череп с редкой серебристой щетиной возле ушей. Он снова усмехнулся.

— Вот мы и встретились, — сказал он. — А ты почему здесь? Ты ждешь кого-нибудь?

— Нет, — проговорила она. — Я никого не жду.

Она посмотрела в окно, и он вдруг понял.

— Ты провожала, — тихо сказал он.

Она кивнула.

— Кого? Неужели нас?

— Да.

У него остановилось сердце.

— Меня? — спросил он.

Подошел Гриша и поставил на столик два потных ледяных бокала.

— Нет, — ответила она.

— Володьку? — сказал он с горечью.

— Да.

Гриша тихонько ушел.

— Какой милый мальчик, — сказала она. — Сколько ему лет?

— Восемнадцать.

— Неужели восемнадцать? Вот забавно! Ты знаешь, он совсем не похож на Быкова. Даже не рыжий.

— Да, время идет, — сказал Дауге. — Вот я уже и не летаю.

— Почему? — равнодушно спросила она.

— Здоровье.

Она быстро взглянула на него.

— Да, ты неважно выглядишь. Скажи... — Она помолчала. — А Быков тоже скоро перестанет летать?

— Что? — спросил он с удивлением.

— Я не люблю, когда Володя уходит в рейс без Быкова, — сказала она, глядя в окно. Она опять помолчала. — Я очень боюсь за него. Ты ведь знаешь его.

— А при чем здесь Быков? — спросил Дауге неприязненно.

— С Быковым безопасно, — сказала она просто. — Ну, а как твои дела, Григорий? Как-то странно, ты — и вдруг не летаешь.

— Буду работать в институте, — сказал Дауге.

— Работать... — Она покачала головой. — Работать... Посмотри, на что ты похож.

Дауге криво усмехнулся.

— Зато ты совсем не изменилась. Замужем?

— С какой стати? — возразила она.

— Я вот тоже так холостяком и остался.

— Неудивительно.

— Почему?

— Ты не годишься в мужья.

Дауге пеловко засмеялся.

— Не нужно нападать на меня, — сказал он. — Я просто хотел поговорить.

— Раньше ты умел говорить интересно.

— А что, тебе уже скучно? Мы говорим всего пять минут.

— Нет, почему же? — вежливо сказала она. — Я с удовольствием слушаю тебя.

Они замолчали. Дауге мешал соломинкой в бокале.

— А Володю я провожаю всегда, — сказала она. — У меня есть друзья в управлении, и я всегда знаю, когда вы улетае. И откуда. И я всегда его провожаю. — Она выпнула соломинку из своего бокала, смяла ее и бросила в пепельницу. — Он единственный близкий мне человек в вашем сумасшедшем мире. Он меня терпеть не может, но все равно он единственный близкий мне человек. — Она подняла бокал и отпила несколько глотков. — Сумасшедший мир. Дурацкое время, — сказала она устало. — Люди совершенно разучились жить. Работа, работа, работа... Весь смысл жизни в работе. Все время чего-то ищут. Все время что-то строят. Зачем? Я понимаю, это пужно было раньше, когда всего не хватало. Когда была эта экономическая борьба. Когда еще пужно было доказывать, что мы можем не хуже, а лучше, чем они. Доказали. А борьба осталась. Какая-то глухая, невяная. Я не понимаю ее. Может быть, ты понимаешь, Григорий?

— Понимаю, — сказал Дауге.

— Ты всегда понимал. Ты всегда понимал мир, в котором ты живешь. И ты, и Володька, и этот скучный Быков. Иногда я думаю, что вы все просто очень ограниченные люди. Вы просто не способны задать вопрос: «зачем?». — Она снова отпила из бокала. — Ты знаешь, недавно я познакомилась с одним школьным учителем. Он учит детей страшным вещам. Он учит их, что работать гораздо интереснее, чем развлекаться. И они верят ему. Ты понимаешь? Ведь это же страшно! Я говорила с его учениками. Мне показалось, что они презирают меня. За что? За то, что я хочу прожить свою единственную жизнь так, как мне хочется?

Дауге очень хорошо представил себе этот разговор Марии Юрковской с пятнадцатилетними пареньками и девочками из районной школы. «Где уж тебе понять? — подумал он. — Где тебе понять, как неделями, месяцами с отчаянием бьешься в глухую стену, исписываешь горы бумаги, исхаживаешь десятки километров по кабинету или по пустыне, и кажется, что решения нет и что ты безмозглый слепой червяк, и ты уже не веришь, что так было неоднократно, а потом наступает этот чудесный миг, когда открываешь наконец калитку в стене, и еще одна глухая стена позади, и ты снова бог, и Вселенная снова у тебя на ладони. Впрочем, это даже не нужно понимать. Это нужно чувствовать». Он сказал:

— Они тоже хотят прожить жизнь так, как им хочется. Но вам хочется разного.

Она резко возразила:

— А что, если права я?

— Нет. — Дауге помотал головой. — Правы они. Они не задают вопроса: зачем.

— А может быть, они просто не могут широко мыслить?

Дауге усмехнулся. «Что ты знаешь о широте мысли?» — подумал он.

— Ты пьешь холодную воду в жаркий день, — сказал он терпеливо. — И ты не спрашиваешь — зачем? Ты просто пьешь, и тебе хорошо...

Она прервала его:

— Да, мне хорошо. Вот и дайте мне пить мою холодную воду, а они пусть пьют свою!

— Пусть, — спокойно согласился Дауге. Он с удивлением и радостью чувствовал, как уходит куда-то противная, гнетущая тоска. — Мы ведь не об этом говорили. Тебя интересует, кто прав. Так вот. Человек — это уже не животное. Природа дала ему разум. Разум этот неизбежно должен развиваться. А ты гасишь в себе разум. Искусственно гасишь. Ты всю жизнь посвятила этому. И есть еще очень много людей на Планете, которые гасят свой разум. Они называются мещанами.

— Спасибо.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал Дауге. — Но мне показалось, что ты хочешь обидеть нас. Широта взглядов... Какая у вас может быть широта взглядов?

Она допила свой бокал.

— Ты очень красиво говоришь сегодня, — заметила она, недобро усмехаясь, — все так мило объясняешь. Тогда будь добр, объясни мне, пожалуйста, еще одну вещь. Всю жизнь ты работал. Всю жизнь ты развивал свой разум, перешагивал через простые мирские удовольствия.

— Я никогда не перешагивал через мирские удовольствия, — сказал Дауге. — Я даже был изрядным шалопаем.

— Не будем спорить, — сказала она. — С моей точки зрения, ты перешагивал. А я всю жизнь гасила разум. Я всю жизнь занималась тем, что лелеяла свои низменные инстинкты. И кто же из нас счастливее теперь?

— Конечно, я, — сказал Дауге.

Она откровенно оглядела его и засмеялась.

— Нет, — сказала она. — Я! В худшем случае мы оба одинаково несчастны. Бездарная кукушка — так меня, кажется, называют Володя? — или трудолюбивый муравей — конец один: старость, одиночество, пустота. Я ничего не приобрела, а ты все потерял. В чем же разница?

— Спроси у Гриши Быкова, — спокойно сказал Дауге.

— О, эти! — Она пренебрежительно махнула рукой. — Я знаю, что скажут они. Нет, меня интересует, что скажешь ты! И не сейчас, когда солнце и люди вокруг, а ночью, когда бессонница, и твои осточертевшие талмуды, и ненужные камни с ненужных планет, и молчащий телефон, и ничего, ничего впереди.

— Да, это бывает, — сказал Дауге. — Это бывает со всеми.

Он вдруг представил себе все это — и молчащий телефон, и ничего впереди, — но только не талмуды и камни, а флаконы с косметикой, мертвый блеск золотых украшений и беспощадное зеркало. «Я свинья, с раскаянием подумал он. Самоуверенная и равнодушная свинья. Ведь она просит о помощи!»

— Ты разрешишь мне прийти к тебе сегодня? — сказал он.

— Нет. — Она поднялась. — У меня сегодня гости.

Дауге отодвинул нетронутый бокал и тоже поднялся. Она взяла его под руку, и они вышли в вестибюль. Дауге изо всех сил старался не хромать.

— Куда ты сейчас? — спросил он.

Она остановилась перед зеркалом и поправила волосы, которые совершенно не нужно было поправлять.

— Куда? — переспросила она. — Куда-нибудь. Ведь мне еще не пятьдесят и мой мир принадлежит пока мне.

Они спустились по белой лестнице на залитую солнцем площадь.

— Я мог бы тебя подвезти, — сказал Дауге.

— Спасибо, у меня своя машина.

Он неторопливо натянул шлем, проверил, не дует ли в уши, и застегнул плащ.

— Прощай, старичок, — сказала она.

— Прощай, — сказал он, ласково улыбаясь. — Извини, если я говорил жестоко... Ты мне очень помогла сегодня.

Она непонимающе взглянула на него, пожала плечами, улыбнулась и пошла к своей машине. Дауге смотрел, как она идет, покачивая бедрами, удивительно стройная, гордая

и жалкая. У нее была великолепная походка, и она была все-таки еще хороша, изумительно хороша. Ее провожали глазами. Троица каких-то модных парней с рыжими бакенбардами уперлась в нее нахальными глазами. Дауге подумал с тоскливой злобой: «Вот. Вот и вся ее жизнь. Затянуть телеса в дорогое и красивое и привлекать взоры. И много их, и живучи же они».

Когда он подошел к машине, Гриша Быков сидел, упершись коленями в рулевую дугу, и читал толстую книгу. Приемник в машине был включен на полную мощность: Гриша очень любил сильный звук.

Дауге залез в машину, выключил приемник и некоторое время сидел молча. Гриша отложил книгу и завел мотор. Дауге сказал, глядя перед собой:

— Жизнь дает человеку три радости, тезка. Друга, любовь и работу. Каждая из этих радостей отдельно уже стоит многого. Но как редко они собираются вместе!

— Без любви, конечно, обойтись можно, — вдумчиво сказал Гриша.

Дауге мельком взглянул на него.

— Да, можно, — согласился он. — Но это значит, что одной радостью будет меньше, а их всего три.

Гриша промолчал. Ему казалось нечестным ввязываться в спор, безнадежный для противника.

— В институт, — сказал Дауге, — и постарайся успеть к часу. Не опоздаем?

— Нет, я быстро.

Машина выехала на шоссе.

— Дядя Гриша, вам не дует? — спросил Гриша Быков.

Дауге повел посом и сказал:

— Да, брат. Давай-ка поднимем стекла.

1. МИРЗА-ЧАРЛЕ

Русский мальчик

ежурная по пассажирским перевозкам очень сочувствовала Юре Бородину. Она ничем не могла помочь. Регулярного пассажирского сообщения с системой Сатурна не существовало. Не существовало еще даже регулярного грузового сообщения. Грузовики-автоматы отправлялись туда два-три раза в год, а пилотируемые корабли — и того реже. Дежурная дважды посылала запрос электрошному диспетчеру, перелистала какой-то толстый справочник, несколько раз звонила кому-то, но все было напрасно. Наверное, у Юры был очень несчастный вид, потому что напоследок она сказала с жалостью:

— Не падо так огорчаться, голубчик. Очень уж далекая планета. И зачем вам падо так далеко?

— Я от ребят отстал, — расстроено сказал Юра. — Спасибо вам большое. Я пойду. Может быть, еще где-нибудь...

Он повернулся и пошел к выходу, опустив голову, глядя на стертый пластмассовый пол под ногами.

— Пойдите, голубчик, — окликнула его дежурная. Юра сейчас же повернулся и пошел обратно. — Попимаете,

голубчик, — сказала дежурная нерешительно, — случаются еще иногда специальные рейсы.

— Правда? — с надеждой сказал Юра.

— Да. Но сведения о них в наше управление не поступают.

— А меня могут взять в специальный рейс? — спросил Юра.

— Не знаю, голубчик. Я даже не знаю, где об этом можно узнать. Возможно, у начальника ракетодрома? — Она впросительно посмотрела на Юру.

— К начальнику, наверное, не пробиться, — уныло сказал Юра.

— А вы попробуйте.

— Спасибо, — сказал Юра. — До свидания. Я попробую.

Он вышел из управления перевозок и огляделся. Справа над зелеными купами деревьев поднималось в жаркое белесое небо здание гостиницы. Слева нестерпимо блестел на солнце исполинский стеклянный купол. Этот купол Юра увидел еще с аэродрома. С аэродрома только и видно было, что этот купол и золотой шпиль гостиницы. Юра, конечно, спросил, что это такое, и ему коротко ответили: «СЭУК». Что такое СЭУК, Юра не знал.

Прямо перед зданием управления проходила широкая дорога, посыпанная крупным красным песком. На песке виднелись следы множества ног и рубчатые отпечатки протекторов. По обеим сторонам дороги тянулись бетонированные арыки, вдоль арыков густо росли акации. Шагах в двадцати от входа в управление в тени акаций стоял маленький квадратный белый атомокар. Над блестящим ветровым стеклом неподвижно торчали большие голубые каски с белыми буквами: «International Police. Mirza-Charlie».

Минуты две Юра стоял в полной нерешительности. Сначала на дороге никого не было. Потом откуда-то справа появился, широко шагая, рослый, докрасна загорелый человек в белом костюме. Поравнявшись с Юрой, он остановился, стащил с головы огромный белый берет и обмахнул лицо. Юра с любопытством посмотрел на него.

— Ш-жарко! — сказал человек в белом костюме. — А как ты? — Он говорил с сильным акцентом.

— Очень жарко, — согласился Юра.

Человек в белом костюме нахлобучил берет на выгоревшую шевелюру и извлек из кармана плоскую стеклянную флягу.

— Ви-пьем? — сказал он, раздвигая рот до ушей.

Юра помотал головой.

— Не пью, — сказал он.

— Я тош-же не пью, — объявил человек в белом костюме и сунул флягу обратно в карман. — Но я всегда имею виски на случай, если кто пьет.

Юра засмеялся. Человек ему нравился.

— Ш-жарко, — еще раз сказал человек в белом костюме. — Это наша беда. — Меш-ждународни ракетодром в Гренландии — и я там мерзну. Меш-ждународни ракетодром в Мирза-Чарле — я мокрый, потный. А?

— Ужасно жарко, — сказал Юра.

— А куда летим? — осведомился человек в белом костюме.

— Мне нужно на Сатурн.

— О-о! — сказал человек в белом костюме. — Оч-чень молодой и уже на Сатурн! Знач-шит, нам встреч-шаться и встреч-шаться! — Он похлопал Юру по плечу и вдруг заметил полицейскую машину. — Меш-ждународни полиция, — сказал он торжественно. — Они долш-жны иметь все поч-шести.

Он важно кивнул Юре и пошел дальше. Поравнявшись с полицейским атомокаром, он подтянулся и приложил указательный палец к виску. Голубые каски над ветровым стеклом одновременно и медленно качнулись и снова застыли неподвижно.

Юра вздохнул и неторопливо пошел к гостинице. Нужно было искать где-то начальника ракетодрома. На дороге было пусто, и спросить было не у кого. Можно было, конечно, спросить у полицейских, но Юре не хотелось обращаться к ним. Ему не нравилось, что они сидят так неподвижно. Юра мимолетно пожалел, что не спросил о начальнике у человека в белом костюме, а потом вдруг подумал, что ласковая де-журная наверняка должна знать все о Мирза-Чарле.

Он даже остановился на секунду, но потом пошел дальше. В конце концов, неудобно отнимать у людей так много времени. «Ничего, узнаю где-нибудь», — подумал он и пошел быстрее.

Он шел по самому краю арыка, стараясь не выходить на солнце, мимо ярко раскрашенных автоматов с газированной водой и соками, мимо пустых скамеек и шезлонгов, мимо маленьких белых домиков, спрятанных в тени акаций, мимо обширных бетонированных площадок, уставленных пустыми атомокарами. Над одной из этих площадок почему-то не было тента, и от блестящих отполированных крыш машин поднимался дрожащий горячий воздух. Было очень жалко смотреть на эти машины, может быть уже не первый час стоявшие под беспощадным солнцем. Мимо гигантских рекламных щитов, на трех языках обещающих геркулесово здоровье всем, кто пьет витаминизированное козье молоко «Голден Хорнз», мимо каких-то очень странных потрепанных людей, спавших прямо в траве, подложив под головы узелки, рюкзаки и чемоданчики, мимо застывших у обочины машин-дворников, мимо загорелых ребятишек, плескавшихся в арыке. Несколько раз его обгоняли пустые автобусы. Он прошел под плакатом, протянутым над дорогой: «Мирза-Чарле приветствует дисциплинированного водителя». Надпись была сделана по-английски. Он миновал голубую будку регулировщика, свернул направо и вышел на проспект Дружбы — главную улицу Мирза-Чарле.

Проспект был тоже пуст. Магазины, кинотеатры, бары, кафе были закрыты. «Сиеста», — подумал Юра. На проспекте было невыносимо жарко. Юра остановился у автомата и выпил стакан горячего апельсинового сока. Подняв брови, он подошел к следующему автомату и выпил стакан горячей газированной воды. «Да, — подумал он. — Сиеста. Хорошо бы забраться в холодильник».

Солнце жгло проспект — белое, словно затянутое туманом. Тепей не было. В конце проспекта в горячей дымке розовела и синела громада гостиницы. Юра двинулся в путь, ощущая сквозь туфли раскаленный тротуар. Сначала он шел быстро, но быстро идти было нельзя — перехватывало дыхание, и пот катился по лицу, оставляя щекотные дорожки.

Длинная узкая машина с растопыренными надкрыльями подкатила к тротуару. Водитель в огромных черных очках открыл дверцу.

— Слушай, друг, где здесь гостиница?

— А вон прямо, в конце проспекта, — сказал Юра.

Водитель посмотрел, кивнул и спросил:

— А ты не туда?

— Туда, — со вздохом ответил Юра.

— Садись, — сказал водитель.

Юра с радостью полез в машину.

— Сразу видно, что ты приезжий, вроде меня, — сказал водитель. Он вел машину очень медленно. — Все местные сидят в тени. Меня предупреждали, что надо приезжать к вечеру, но такой уж я человек — неохота было ждать. И зря, видно, торопился. Сонное царство.

В машине было много прохладного чистого воздуха.

— А по-моему, — сказал Юра, — очень любопытный городок. Я пикогда раньше не был в международных городах. Здесь все так забавно перепуталось. Каракумы и международная полиция. Видели — такие, в голубых касках?

— Видел, — хмуро сказал водитель. — Там их сейчас на шоссе... — он мотнул головой, — человек тридцать. Грузовики столкнулись.

— Как так столкнулись? — сказал Юра. — Какие грузовики? Автоматы?

— Да нет, зачем автоматы, — проворчал водитель. — Эти... Варяжские гости. Дорвались... Мерзавцы пьяные.

Он остановил машину перед гостиницей и сказал:

— Приехали. Мне в первый переулочек направо.

Юра вылез.

— Большое спасибо, — сказал он.

— Не за что, — сказал водитель. — До свидания.

Юра поднялся в холл и подошел к администратору. Администратор говорила по телефону, и Юра, присев в кресло, стал рассматривать картины на стенах. Здесь тоже все очень забавно перемешалось. Рядом с традиционными шишкинскими медведями красовалось большое полотно, покрытое флюоресцирующими красками и ничего особенного не изображавшее. Некоторое время Юра с тихой радостью сравнивал эти картины. Это было очень забавно.

— Слушаю, вас, мсье, — сказал администратор, складывая руки на столе.

Юра засмеялся.

— Я, видите ли, не мсье, — сказал он. — Я простой советский товарищ.

Администратор тоже засмеялась:

— Откровенно говоря, я так и думала. Но я не хотела рисковать. У нас тут попадаются иностранцы, которые обижаются, когда их называешь товарищами.

— Вот чудачки, — сказал Юра.

— Да уж, — сказала администратор. — Так чем я могу быть вам полезна, товарищ?

— Понимаете, — сказал Юра, — мне страшно пужно попасть к начальнику ракетодрома. Не можете ли вы посоветовать мне что-нибудь?

— А что тут советовать? — удивилась администратор. Она сняла трубку и набрала номер. — Валя? — спросила она. — Ах, Зоя? Слушай, Зочка, это Круглова говорит. Когда твой сегодня принимает? Ага?.. Понимаю... Нет, просто один молодой человек... Да... Ну хорошо, спасибо, извини, пожалуйста.

Экран видеофона во время разговора оставался слепым, и Юра считал это за плохое предзнаменование. «Плохо дело», — подумал он.

— Так вот, дело обстоит следующим образом, — сказала администратор. — Начальник сильно занят, и попасть к нему можно будет только после шести. Я напишу вам адрес и телефон... — Она торопливо писала на гостиничном бланке. — Вот. Часов в шесть позвоните туда или прямо зайдите. Это здесь рядом.

Юра встал, взял листок и поблагодарил.

— А где вы остановились? — спросила администратор.

— Понимаете, — сказал Юра, — я еще пока нигде не остановился. Я и не хочу останавливаться. Мне пужно улететь сегодня.

— А, — сказала администратор, — ну, счастливого пути. Спокойной плазмы, как говорят наши межпланетчики.

Юра еще раз поблагодарил и пошел на улицу.

В тепистом переулке неподалеку от гостиницы он нашел кафе, в котором снеста уже кончилась или еще не начиналась. Под широким цветастым тептом прямо на траве были расставлены столики и пахло жареной свиной. Над тептом висела вывеска: «Your old Micky Mouse» с изображением знаменитого диснеевского мышонка. Юра песмело прошел под тепт.

Конечно, такие кафе бывают только в международном городе. За длинной металлической стойкой на фоне бутылок

с пестрыми этикетками восседал лысый румяный бармен в белой куртке с засученными рукавами. Его большие волосатые кулаки лениво лежали среди серебристых колпаков, покрывавших блюда с бесплатными закусками. Слева от бармена возвышалась непонятная серебристая машина, от которой поднимались струйки пахучего пара. Справа под стеклянной крышкой красовались всевозможные сэндвичи на картонных тарелочках. Над головой бармена были прибиты два плаката. Один, на английском языке, извещал, что «первая выпивка даром, вторая — двадцать четыре цента, остальные — по восемнадцать центов каждая». Другой плакат, на русском языке, гласил: «Ваш старый Микки Маус борется за звание кафе отличного обслуживания».

В кафе было всего двое посетителей. Один из них спал за столиком в углу, уронив на руки печесаную голову. Рядом с ним на траве валялся сморщенный засаленный рюкзак.

Второй посетитель, здоровенный мужчина в клетчатой рубашке, неторопливо и со вкусом ел рагу и через два ряда столиков беседовал с барменом. Беседа велась по-русски. Когда Юра вошел, бармен говорил:

— Я не касаюсь фотонных ракет и атомных реакторов. Я хочу говорить о кафе и барах. В этом-то я кое-что понимаю. Возьмите здесь, в Мирза-Чарле, ваши советские кафе и наши западные кафе. Я знаю оборот каждого заведения в этом городе. Кто ходит в ваши советские кафе? И главное, зачем? В ваши советские кафе ходят женщины кушать мороженое и танцевать по вечерам с непьющими пилотами. Какой же парень, набивший себе карман на космических копиях, пойдет в ваше кафе?..

Тут бармен увидел Юру и остановился.

— Вот мальчик, — сказал он. — Это русский мальчик. Он пришел в «Микки Маус» днем. Значит, он приезжий. Он хочет кушать.

Мужчина в клетчатой рубашке с любопытством поглядел на Юру.

— Здравствуйте, — сказал Юра бармену. — Я действительно хочу есть. Как это у вас делается?

Бармен гулко захохотал.

— У нас это делается точно так же, как у вас, — сказал он. — Быстро, вкусно и вежливо. Что бы вы хотели скушать, мальчик?

Человек в клетчатой рубаше сказал:

— Сделайте ему окрошку со льдом и свиную отбивную, Джойс. А вы, товарищ, подсаживайтесь ко мне. Во-первых, здесь почему-то сквознячок, а во-вторых, так нам будет удобнее вести идеологическую борьбу со старым Джойсом.

Бармен опять захохотал и скрылся под стойкой. Юра, смущенно улыбаясь, сел рядом с клетчатой рубашкой.

— Я веду с «Микки Маусом» идеологическую борьбу, — объяснил человек в клетчатой рубашке. — Вот уже пять лет я пытаюсь доказать ему, что в Солнечной системе есть еще кое-что, кроме питейных заведений.

Бармен появился из-за стойки, неся на подносе глубокую картонную тарелку с окрошкой и хлеб.

— Пить я вам даже не предлагаю, — сказал он и ловко поставил поднос на стол. — Я сразу понял, что вы — русский мальчик. У вас у всех какое-то особенное выражение лица. Не могу сказать, Иван, чтобы оно мне не нравилось, но при виде вас почему-то пропадает жажда. И хочется соревноваться за какое-нибудь звание даже в ущерб заведению.

— В свободном предпринимателе заговорила совесть, — сказал Иван. — Еще год назад мне удалось убедить его в том, что сбывать спиртное ни в чем не повинным людям безправственно.

— Особенно если это делается бесплатно, — сказал бармен и захохотал. Очевидно, он памекал на первую даровую выпивку.

Юра слушал, с удовольствием поедая ледяную, необыкновенно вкусную окрошку. По краю тарелки шла английская надпись, которую Юра перевел так: «Съешь до дна, на дне сюрприз».

— Дело даже не в том, Джойс, что из-за вашей клиентуры приходится содержать в Мирза-Чарле международную полицию, — сказал лениво Иван. — И я оставляю пока в стороне вопрос о том, что именно благодаря преимуществам западных кафе перед советскими человек имеет изумительно легкую возможность потерять свой натуральный человеческий облик. Очень печально глядеть на вас как такового, Джойс. Не на бармена, а на человека. Энергичный мужчина, золотые волосатые руки, далеко не дурак. И чем он занимается? Он торчит за стойкой, как старый торговый

автомат, и каждый вечер, сляня пальцы, считает грязные бумажки.

— Вы этого не поймете, Иван, — величественно сказал бармен. — Такое понятие, как честь и оборот заведения, для вас чуждо. Кто не знает «Микки Мауса» и Джойса? Во всех углах Вселенной знают мой бар! Куда идут наши пилоты, вернувшиеся с какого-нибудь Юпитера? К «Микки Маусу»! Где наши вербованные бродяги проводят свой последний день на Земле? У «Микки Мауса»! Здесь! У этой вот стойки! Куда идут залить горе или sprysнуть радость? Ко мне! А куда ходите обедать вы, Иван? — Он захохотал. — Вы идете к старому Джойсу! Конечно, вы никогда не заглянете ко мне вечером. Разве что в составе патруля порядка. И я знаю, что в глубине души вы предпочитаете ваши советские кафе. Но почему-то вы все-таки ходите сюда! К «Микки Маусу» или к старому Джойсу — что-то вам нравится, верно? Вот поэтому я и горжусь своим заведением. — Бармен перевел дух и выставил перед собой толстый указательный палец. — И еще одно, — сказал он. — Эти самые грязные бумажки, о которых вы говорите. В вашей сумасшедшей стране все знают, что деньги — это грязь. Но у меня в стране всякий знает, что грязь — это, к сожалению, не деньги. Деньги надо добывать! Для этого летают наши пилоты, для этого вербуются наши рабочие. Я старый человек и, наверно, поэтому никак не могу понять, чем измеряется успех и благополучие у вас. Ведь у вас все вверх ногами. А вот у нас все ясно и понятно. Где сейчас покоритель Ганимеда капитан Эптон? Директор компании «Минералз Лимитед». Кто сейчас знаменитый штурман Сайрус Кэмпбэлл? Владелец двух крупнейших ресторанов в Нью-Йорке. Конечно, когда-то их знал весь мир, а теперь они в тепи, но зато раньше они были слугами и шли туда, куда их пошлют, а сейчас они сами имеют слуг и посылают их куда захотят. Я тоже не хочу быть слугой. Я тоже хочу быть хозяином.

Иван сказал задумчиво:

— Кое-чего вы уже достигли, Джойс. Вы не хотите быть слугой. Теперь вам осталась самая малость — перестать хотеть быть господином.

Юра доел крошку и увидел сюрприз. На дне тарелки была надпись: «Это блюдо приготовлено электронной

кухонной машиной „Орфей“ фирмы „Кибернетикс Лимитед“». Юра отодвинул тарелку и заявил:

— А по-моему, ужасно скучно всю жизнь простоять за стойкой.

Бармен поправил на стене табличку с английской надписью: «Ношение огнестрельного оружия в Мирза-Чарле карается смертью» — и сказал:

— Что значит — скучно? Что такое скучная работа и что такое веселая работа? Работа есть работа.

— Работа должна быть интересной, — сказал Юра.

Бармен пожал плечами:

— Зачем?

— Ну как же так зачем? — сказал Юра удивленно. — Если работа неинтересная, падо... падо... Да кому это надо, чтобы работа была неинтересная? Какой от тебя прок, если ты работаешь без интереса?

— Так его, старого, — сказал Иван.

Бармен тяжело поднялся и заявил:

— Это нечестно. Ты вербуешь себе союзников, Иван. А я один.

— Вас тоже двое, — сказал Иван. Он ткнул пальцем в сторону спящего.

Бармен посмотрел, покачал головой и, собрав грязные тарелки, ушел за стойку.

— Каков орешек, — сказал Иван вполголоса. — Как он про честь заведения, а? Вот тебе бы с ним поспорить. Нипочем бы вы друг друга не поняли. Я вот все пытаюсь нащупать с ним общий язык. В общем-то ведь славный дядька!

Юра упрямо затряс головой.

— Нет, — сказал он. — Никакой он не славный. Самодовольный он и тупой. И жалко его. Ну зачем живет человек? Вот накопит денег, вернется к себе домой. Ну и что дальше?

— Джойс! — рявкнул Иван. — Тут к вам есть один вопрос!

— Иду! — откликнулся бармен.

Он появился из-за стойки и поставил перед Юрой тарелку с отбивной и запотевшую бутылочку виноградного сока.

— За счет заведения, — сказал он, указывая на бутылочку, и сел.

Юра сказал:

— Спасибо, зачем же?

— Слушайте, Джойс, — сказал Иван. — Вот русский мальчик спрашивает, что вы будете делать, когда разбогатеете?

Некоторое время Джойс внимательно глядел на Юру.

— Ладно, — сказал он. — Я знаю, какого ответа ждет мальчик. Поэтому спрошу я. Мальчик вырастет и станет взрослым мужчиной. Всю жизнь он будет заниматься своей... как это вы говорите... интересной работой. Но вот он состарится и не сможет больше работать. Чем тогда он будет заниматься, этот мальчик?

Иван откинулся на спинку стула и с удовольствием посмотрел на бармена. На лице его было прямо-таки написано: «Каков орешек, а?» Юра почувствовал, что у него запылали уши. Он опустил вилку и растерянно сказал:

— Я... не знаю, я как-то не думал... — Он замолчал.

Бармен серьезно и печально смотрел на него. Медленно ползли ужасные мгновения. Юра сказал с отчаянием:

— Я постараюсь умереть раньше, чем не смогу работать...

Брови бармена полезли на лоб, он испуганно оглянулся на Ивана. В полнейшем смятении Юра заявил:

— И вообще я считаю, что самое важное в жизни для человека — это красиво умереть!

Бармен молча поднялся, потрепал Юру по спине широкой ладонью и удалился за стойку. Иван сказал:

— Ну, брат, спасибо. Удружил. Этак ты мне всю идеологическую работу развалишь.

— Ну почему же? — пробормотал Юра. — Старость... Не работать... Человек должен всю жизнь бороться! Разве не так?

— Все так, — сказал бармен. — Вот я, например, всю жизнь борюсь с налогами.

— Ах, да ведь я не об этом, — сказал Юра, махнул рукой и уткнулся в тарелку.

Иван отпил виноградного сока за счет заведения и неторопливо сказал:

— Между прочим, Джойс, очень интересная деталь. Хотя мой союзник по молодости лет не сказал ничего умного, но, заметьте, он предпочитает лучше умереть, чем жить вашей

старостью. Ему просто никогда в голову не приходило, что он будет делать, когда состарится. А вы, Джойс, об этом думаете всю жизнь. И всю жизнь готовитесь к старости. Так-то, старина Джойс.

Бармен задумчиво поскреб мизинцем лысину.

— Пожалуй, — сказал он.

— Вот в этом и разница, — сказал Иван. — И разница, по-моему, не в вашу пользу.

Бармен подумал, снова поскреб лысину и, не сказав ни слова, скрылся за дверью позади стойки.

— Ну вот, — сказал Иван с удовлетворением. — Сегодня я его уел. Между прочим, откуда ты, прелестное дитя?

— Из Вязьмы, — грустно сказал Юра. Он остро переживал свою житейскую несостоятельность.

— И зачем?

— Мне нужно на Рею. — Он взглянул на Ивана и пояснил: — Рея — это один из спутников Сатурна.

— Ах вот как, — сказал Иван. — Интересно. И что тебе надо на Рее?

— Там новое строительство. А я — вакуум-сварщик. Нас было одиннадцать человек, и я отстал от группы, потому что... Ну, в общем, по семейным обстоятельствам. Теперь не знаю, как туда добраться. Вот в шесть часов пойду к начальнику ракетодрома.

— К Майкову?

— Н-нет, — сказал Юра. — То есть я не знаю, как его зовут. В общем, к начальнику ракетодрома.

Иван с интересом его рассматривал.

— Как тебя зовут?

— Юра... Юрий Бородин.

— Так вот что, Юрий Бородин, — сказал Иван и сокрушенно покачал головой. — Боюсь, что тебе придется красиво умереть. Дело в том, что начальник ракетодрома товарищ Майков, как мне это доподлинно известно, вылетел в Москву... — он посмотрел на часы, — двенадцать минут назад.

Это был страшный удар. Юра сразу сник.

— Как так... — пробормотал он. — Мне же сказали...

— Ну-ну, — сказал Иван. — Не нужно огорчаться. Старость еще не наступила. Всякий начальник, улетая в Москву, оставляет заместителя.

— Правда! — сказал Юра и воспрянул. — Вы меня извините: я должен немедленно пойти и позвонить.

— Иди позвони, — сказал Иван. — Телефон сразу за углом.

Юра вскочил и побежал к телефону.

Когда Юра вернулся, Иван стоял на тропинке перед входом в кафе.

— Ну что? — спросил он.

— Не везет, — с огорчением сказал Юра. — Начальник действительно улетел, а его заместитель сможет принять меня только завтра вечером.

— Вечером? — переспросил Иван.

— Да, после семи вечера.

Иван задумчиво уставился куда-то на кроны акаций.

— Вечером, — повторил он. — Да, это слишком поздно.

— Придется все-таки ночевать в гостинице, — сказал Юра со вздохом. — Пойду возьму номер.

По тропинке приближался, суетливо перебирая коротенькими ножками, толстенький, шикарно одетый человек в пробковом шлеме. Лицо у него было припухшее, с припухшими глазками. Под левым глазом темнела круто запудренная ссадина. Не доходя десяти шагов до Ивана, человек сорвал с головы шлем и, согнув туловище почти пополам, торопливо проскочил в кафе. Иван вежливо ему поклонился.

— Что это он так? — с изумлением спросил Юра.

— Пойдем, пойдем, — сказал Иван. — Нам по дороге.

— Минуточку, — сказал Юра. — Я только расплачусь.

— Я уже расплатился, — сказал Иван. — Пошли.

— Нет, зачем же, — сказал Юра с достоинством. — Деньги у меня есть... Нам всем выдали...

Иван оглянулся на кафе.

— А этот подхалимчик, — сказал он, — это мой добрый знакомый. Краса и гордость международного порта Мирза-Чарле.

Юра тоже оглянулся. «Краса и гордость Мирза-Чарле» уже взгромоздился на высокий табурет перед стойкой.

— Король стинкеров*. Подпольный вербовщик. Самый процветающий мерзавец в городе. Два дня назад напился как

* Stinker — вонючка (англ.).

свинья и приставал к девушке на улице. Тут я его побил пемножко. Теперь он со мной очень любезен.

Они не спеша шли по тенистому зеленому переулку. Стало прохладно. С проспекта Дружбы доносился слитный гул моторов.

— А кого он вербует? — спросил Юра.

— Рабочих, — ответил Иван. — Между прочим, кто тебя рекомендовал на Рею?

— Нас рекомендовал наш завод, — сказал Юра. — А что это за рабочие? Неужели наши вербуются?

Иван удивился.

— Ну зачем же наши? Ребята с Запада. Всякие бедняги, которые с детства думают о старости и мечтают быть какими-нибудь хозяевами. Таких там еще много. Слушай-ка, Юра, — сказал он, — а если ты не доберешься до Реи? Что тогда?

— Ну что вы, — сказал Юра. — Я обязательно доберусь до Реи. Это ж будет очень пехорошо перед ребятами, если я не доберусь. Нас было сто пятьдесят добровольцев, а выбрали только одиннадцать. Как же я могу не добраться? Надо добраться.

Некоторое время они шли молча.

— Ну, вот они вербуются, — сказал Юра. — А потом куда?

— Потом их сажают на корабли и отправляют на астероиды. Вербовщики получают с каждой головы, посаженной в трюм. Поэтому они под видом всяких торговых агентов околачиваются в Мирза-Чарле. И на других международных ракетодромах.

Они вышли на проспект Дружбы и повернули к гостинице. У большого белого дома Иван остановился.

— Мне сюда, — сказал он. — До свидания, Юра Бородин.

— До свидания, — сказал Юра. — Большое спасибо. И простите, что я наговорил ерунды там, в кафе.

— Ничего, — сказал Иван. — Главное, искренне было сказано.

Они пожали друг другу руки.

— Послушай, Юра, — сказал Иван и замолчал.

— Да? — сказал Юра.

— Насчет Реи, — сказал Иван. Он снова помолчал, глядя в сторону. Юра ждал. — Так вот, насчет Реи. Зайди-ка ты,

брат, сегодня часов этак в девять вечера в триста шестой номер гостиницы.

— И что? — спросил Юра.

— Что из этого получится, я не знаю, — сказал Иван. — В этом номере ты увидишь человека, очень свирепого на вид. Попробуй убедить его, что тебе очень нужно на Рею.

— А кто он такой? — спросил Юра.

— До свидания, — сказал Иван. — Не забудь: номер триста шесть, после девяти.

Он повернулся и скрылся в белом здании. У входа в здание висела черная пластмассовая доска с белой надписью: «Штаб патрулей порядка. Мирза-Чарле».

— Номер триста шесть, — повторил Юра. — После девяти.

2. МИРЗА-ЧАРЛЕ

Гостиница, триста шестой номер

ра убивал время. За несколько часов он обошел почти весь город. Он очень любил ходить по незнакомым городам и узнавать, что в них есть. В Мирза-Чарле был СЭУК. Под гигантский прозрачный купол не пускали, но теперь Юра знал, что СЭУК — это Система электронного управления и контроля, электронный мозг ракетодома. Если пойти на север от СЭУК, то попадешь в обширный парк с кинотеатром под открытым небом, с двумя тирами, с большим стадионом, с аттракционом «Человек в ракете», с музыкальными кабинами, с качелями и танцплощадками и с большим прозрачным озером, вокруг которого растут араукарии и пирамидальные тополя и в котором Юра с наслаждением искупался. На южной окраине города Юра обнаружил низкое красное здание, сразу за которым начиналась пустыня. Возле здания стояло несколько квадратных атомокаров и расхаживал голубой полицейский с пистолетом. Полицейский объявил Юре, что красное здание — это тюрьма и что русскому юноше ходить здесь не нужно. К западу от СЭУК располагались жилые кварталы. Там было много боль-

ших и малепьких, красивых и не очень красивых домов. Улицы были узкие, без покрытия. Жить там было, по-видимому, очень неплохо — прохладно, тенисто и недалеко от центра. Юре очень понравилось здание городской библиотеки, но заходить туда он не стал. На западной окраине города располагались административные здания, а за ними начинался огромный район, занятый складами.

Склады были бесконечно длинные, серые, из гофрированной пластмассы, с гигантскими белыми цифрами, намаляванными на стенах. Здесь Юра обнаружил такое количество грузовиков и грузовых вертолетов, какого не видел никогда в жизни. От непрерывного плотного рева моторов закладывало уши. Юра не успел сделать и десяти шагов, как позади него отвратительно взвыла сирена, и он отскочил в сторону, к какой-то стене, но стена вдруг раздвинулась, и через широкие, как триумфальная арка, ворота прямо на Юру выползло громадное красно-белое чудовище на колесах в два человеческих роста, и с высоты второго этажа на Юру неслышно заорал водитель в тубетейке. Чудовищный грузовик медленно развернулся в узком проезде между складами, а за ним из черных недр уже выползал второй, а за вторым — третий. Юра осторожно пробирался вдоль стен, пылуших жаром, оглушенный ревом, урчанием и тяжелым лязгом невиданных механизмов.

Потом Юра увидел низкую платформу, на которую грузили знакомые цилиндрические баллоны со смесью для вакуумной сварки. Он подошел поближе и, радостно улыбаясь, встал рядом с человеком, управлявшим погрузкой с помощью переносного пульта на шее. Некоторое время он стоял и смотрел, как стрелы лебедек аккуратно укладывают друг на друга упакованные штабеля баллонов. Потом деловито сказал:

— Нет, это не пойдет.

— Что не пойдет? — с интересом спросил человек и поглядел на Юру.

— Вот этот баллон не пойдет.

— Почему?

— Вы же видите. У него сбит кран.

Несколько секунд человек колебался.

— Ничего, — сказал он. — Там разберутся.

— Нет уж, — возразил Юра. — Не будем мы там разбираться. Уберите этот штабель.

Человек снял руки с пульта и уставился на Юру. Стрела лебедки замерла, очередной штабель, тихонько покачиваясь, повис в воздухе.

— Это же пустяк, — сказал человек.

— Это здесь пустяк, — снова возразил Юра.

Человек пожал плечами и снова положил руки на пульт. Юра придирчиво проследил за разгрузкой бракованного баллона, вежливо поблагодарил и пошел дальше. Очень скоро он обнаружил, что заблудился. Территория складов представляла собой целый город, улицы и переулки которого были удивительно похожи один на другой. Несколько раз он попадал в переулки, выходившие прямо в пустыню. В конце таких переулков стояли огромные щиты с надписями: «Назад! Зона опасного излучения!» Быстро темнело, над складами вспыхнули прожектора. Юра пошел вслед за колонной каких-то машин на широких эластичных гусеницах и неожиданно для себя оказался на шоссе.

Юра знал, что город должен находиться справа, но слева, куда ушла колонна, совсем недалеко мигали разноцветные огоньки, и Юра повернул налево. По обе стороны от шоссе расстилалась пустыня. Здесь не было ни деревьев, ни арыков, только ровный черный горизонт. Солнце давно зашло, но воздух был еще горячий и сухой.

Разноцветные огоньки мигали над шлагбаумом. Сбоку от шлагбаума стоял небольшой грибообразный домик. Возле домика на скамеечке под фонарем сидел полицейский, держа на коленях голубую каску.

Другой полицейский расхаживал перед шлагбаумом. Увидев Юру, он остановился и пошел навстречу. У Юры екнуло сердце. Полицейский подошел вплотную и протянул руку.

— Пейпарс! — лающим голосом сказал он.

«Кажется, влип, — подумал Юра. — Если меня здесь задержат... Да пока будут выяснять... И зачем меня сюда понесло!..» Он торопливо полез в карман. Полицейский ждал с протянутой рукой. Второй полицейский надел каску и поднялся.

— Вейт э минут, — пробормотал Юра. — Сейчас... Сию минуту... Фу ты, елки-палки, куда она запропастилась...

Полицейский опустил руку.

— Русский? — спросил он.

— Да, — сказал Юра. — Сейчас... Видите ли, у меня только рекомендация от предприятия... Вязьменский завод металлоконструкций... — Он наконец извлек рекомендацию.

— Не надо, — сказал полицейский неожиданно добродушно.

Подошел второй полицейский и спросил:

— What's the matter? The chap hasn't got his papers?*

— Нет, — сказал первый полицейский. — Это русский.

— А, — равнодушно сказал второй. Он повернулся и пошел обратно к своей скамейке.

— Я просто хотел посмотреть, что здесь, — сказал Юра.

— Здесь ракетодром, — сказал полицейский охотно. — Вон там, — он показал рукой за шлагбаум. — Но туда нельзя.

— Нет-нет, — торопливо сказал Юра. — Я только посмотреть.

— Посмотреть можно, — сказал полицейский. Он пошел к шлагбауму. Юра двинулся за ним. — Это ракетодром, — повторил полицейский.

Под яркими среднеазиатскими звездами слабо мерцала плоская, словно остекленевшая равнина. Далеко впереди, там, куда уходило шоссе, вспыхивали неяркие зарницы и перебегали лучи прожекторов, выхватывая из темноты гигантские туманные силуэты. Время от времени над равниной прокатывался слабый рокошующий грохот.

«Космические корабли», — с удовольствием подумал Юра. Он, конечно, знал, что Мирза-Чарле, как и все другие ракетодромы на Земле, служит только для возлеземных сообщений, что настоящие планетолеты, фотонные ракеты типа «Хиус», «Джон Браун», «Янцзы», слишком громадны и могучи, чтобы стартовать прямо с Земли, но и эти темные силуэты за горизонтом тоже выглядели достаточно внушительно.

— Ракеты, ракеты, — неторопливо проговорил полицейский. — Сколько людей улетает туда! — Он поднял к черному небу голубую светящуюся дубинку. — Каждый со своими надеждами. И сколько их возвращается в свинцовых запаянных гробах! Вот здесь, у этого шлагбаума, мы устраиваем траурный караул. Дух захватывает от их настоячивости! И все-таки, наверное, есть там, — он снова поднял

* Что случилось? У парня нет документов? (англ.)

дубинку, — есть там кто-то, кому очень не нравится эта настойчивость...

Горизонт вдруг озарился ослепительной вспышкой, огненная длинная струя ударила в небо и рассыпалась каскадом искр. Бетон под ногами задрожал. Полицейский поднял к глазам часы.

— Двадцать-двенадцать, — сказал он. — Вечерний лунник.

В небе загрохотало. Громовые раскаты слабели, удаляясь, и наконец затихли совсем.

— Мне пора, — сказал Юра. — Как тут побыстрее добраться до города?

— Идите пешком, — ответил полицейский. — У поворота на склад поймаете попутную машину.

Когда в половине десятого Юра добрался до гостиницы, вид у него был несколько взъерошенный и ошеломленный. Вечерний Мирза-Чарле был совершенно не похож на Мирза-Чарле днем. По улицам, пересеченным резкими черными тенями, сплошным потоком двигались автомобили. Огни реклам озаряли толпы на тротуарах. Двери всех баров и кафе были распахнуты настежь. Там редела музыка и было сизо от табачного дыма. Пьяные иностранцы брели по тротуарам, обнявшись по трое, по четверо, горланя незнакомые песни. Через каждые двадцать-тридцать шагов стояли полицейские с каменными лицами под низко опущенными касками. Сквозь шевелящуюся толпу спокойно и неторопливо проходили тройки крепких молодых ребят с красными повязками на рукавах. Это были патрули порядка. Юра видел, как один такой патруль зашел в бар, и там мгновенно воцарилась тишина, и даже музыка перестала играть. У патрулей были скучающие брезгливые лица. Из другого бара, уже недалеко от гостиницы, двое с маленькими усиками выпрыгнули на тротуар какого-то несчастного и принялись топтать его ногами. Несчастный громко кричал по-французски: «Патруль! На помощь! Убивают!» Юра, стиснув от омерзения зубы, прицелился уже дать в ухо одному из этих усатеньких, но тут его очень бесцеремонно отстранили, и длинная жилистая рука с красной повязкой ухватила одного из усатеньких за ворот. Другой усатенький пригнулся и нырнул в бар. Патруль небрежно стряхнул добычу в объятия подоспевших полицейских, и те, завернув усатенькому руки за спину, почти

бегом поволокли его в ближайший переулок. Юра успел заметить, как один из полицейских, воровато оглянувшись на патрулей, изо всех сил стукнул усатенького по макушке светящейся дубинкой. «Жаль, не успел я его», — подумал Юра. На минуту ему даже расхотелось лететь на Рею. Захотелось надеть красную повязку и присоединиться к этим крепким, уверенным молодым ребятам.

— Ну и порядочки тут у вас! — вернувшись в гостиницу, возбужденно сказал Юра администратору. — Какое-то клопное гнездо!..

— Вы о чем? — испуганно спросила администратор.

Юра пришел в себя.

— Да на улицах, понимаете, — сказал он, — такое болото!..

— Международный порт, пока приходится терпеть, — сказала администратор с улыбкой. — Ну, как ваши дела?

— Еще не знаю, — сказал Юра. — Скажите, пожалуйста, как пройти в триста шестой номер?

— Поднимитесь в лифте, третий этаж, направо.

— Спасибо, — сказал Юра и направился к лифту.

Он поднялся на третий этаж и сразу нашел дверь номера триста шесть. Перед дверью он остановился и в первый раз подумал, как, что и, главное, кому он скажет. Ему вспомнились слова Ивана о свирепом на вид человеке. Он старательно пригладил волосы и осмотрел себя. Потом он постучал.

— Войдите, — произнес за дверью низкий хрипловатый голос.

Юра вошел.

В комнате за круглым столом, накрытым белой скатертью, сидели два пожилых человека. Юра остолебенел: он узнал их обоих, и это было настолько неожиданно, что на мгновение ему показалось, что он ошибся дверью. Лицом к нему, уперев в него маленькие недобрые глаза, сидел известный Быков, капитан прославленного «Тахмасиба», угрюмый и рыжий — такой, как на стереофото над столом Юриного старшего брата. Лицо другого человека, небрежно развалившегося в легком плетеном кресле, породистое, длинное, с безгливой складкой около полных губ, было тоже удивительно знакомо. Юра никак не мог вспомнить имени этого человека, но был совершенно уверен, что видел его когда-то и, может быть,

даже несколько раз. На столе стояла длинная темная бутылка и один бокал.

— Что вам? — глуховато спросил Быков.

— Это триста шестой номер? — неуверенно спросил Юра.

— Да-а, — бархатно и раскатисто ответил человек с породистым лицом. — Вам кого, юноша?

«Да ведь это Юрковский! — вспомнил Юра. — Планетолог с Венеры. Про них есть кино...»

— Я... я не знаю... — проговорил он. — Понимаете, мне нужно на Рею... Сегодня один товарищ...

— Фамилия? — сказал Быков.

— Чья? — не понял Юра.

— Ваша фамилия!

— Бородин... Юрий Михайлович Бородин.

— Специальность?

— Вакуум-сварщик.

— Документы.

Второй раз за последние два часа (и вообще в жизни) Юра полез за документами. Быков выжидательно глядел на него. Юрковский лениво потянулся к бутылке и налил себе вина.

— Вот, пожалуйста, — сказал Юра. Он положил рекомендацию на стол и снова отступил на несколько шагов.

Быков достал из нагрудного кармана огромные старомодные очки и, приставив их к глазам, очень внимательно и, как показалось Юре, дважды прочитал документ, после чего передал его Юрковскому.

— Как случилось, что вы отстали от своей группы? — резко спросил он.

— Я... Понимаете, по семейным обстоятельствам...

— Подробнее, юноша, — пророкотал Юрковский. Он читал рекомендацию, держа ее в вытянутой руке и отхлебывая из бокала.

— Понимаете, у меня внезапно заболела мама, — сказал Юра. — Приступ аппендицита. Понимаете, я никак не мог уехать. Брат в экспедиции... Отец на полбосе сейчас... Я не мог...

— Ваша мама знает, что вы вызвались добровольцем в космос? — спросил Быков.

— Да, конечно.

— Она согласилась?

— Д-да...

— Невеста есть?

Юра помотал головой. Юрковский аккуратно сложил рекомендацию и положил ее на край стола.

— Скажите, юноша, — спросил он, — а почему вас... э-э... не заменили?

Юра покраснел.

— Я очень просил, — ответил он тихо. — И все думали, что я догоню. Я опоздал всего на сутки...

Воцарилось молчание, и было слышно, как на проспекте Дружбы вразноголосицу орут «варяжские гости». Не то залившие горе, не то sprysнувшие радость. Возможно, у старого Джойса.

— У вас есть... э-э... знакомые в Мирза-Чарле? — осторожно спросил Юрковский.

— Нет, — сказал Юра. — Я только сегодня приехал. Я только познакомился в кафе с одним товарищем. Иваном его зовут, и он...

— А куда вы обращались?

— К дежурному по пассажирским перевозкам и к администратору гостиницы.

Быков и Юрковский переглянулись. Юре показалось, что Юрковский чуть-чуть отрицательно покачал головой.

— Ну, это еще не страшно, — проворчал Быков.

Юрковский сказал неожиданно резко:

— Совершенно не понимаю, зачем нам пассажир.

Быков думал.

— Честное слово, я никому не буду мешать, — убедительно сказал Юра. — И я готов на все.

— Готов даже красиво умереть, — проворчал Быков.

Юра прикусил губу. «Дрянь дело, — думал он. — Ох, и плохо же мне. Ох, плохо...»

— Мне очень надо на Рею, — сказал он. Он вдруг с полной отчетливостью осознал, что это его последний шанс и что на завтрашний разговор с заместителем начальника рассчитывать не стоит.

— Мм? — сказал Быков и посмотрел на Юрковского.

Юрковский пожал плечами и, подняв бокал, стал смотреть сквозь него на лампу. Тогда Быков поднялся из-за стола — Юра даже попятился, такой он оказался громадный

и грузный — и, шаркая домашними туфлями, направился в угол, где на спинке стула висела потертая кожаная куртка. Из кармана куртки он извлек плоский блестящий футляр радиодина. Юра, затаив дыхание, смотрел ему в спину.

— Шарль? — глухо осведомился Быков. Он прижимал к уху гибкий шнур с металлическим шариком на конце. — Это Быков. Регистр «Тахмасиба» еще у тебя? Впиши в состав экипажа для спецрейса 17... Да, я беру стажера... Да, начальник экспедиции не возражает. (Юрковский сильно поморщился, но промолчал.) Что? Сейчас. — Быков повернулся к Юре, протянул руку и нетерпеливо пощелкал пальцами. Юра бросился к столу, схватил рекомендацию и вложил в пальцы. — Сейчас... Так... От коллектива Вязьменского завода металлоконструкций... Боже мой, Шарль, это совершенно не твое дело! В конце концов, это спецрейс!.. Да. Даю: Бородин Юрий Михайлович... Восемнадцать лет. Да, именно восемнадцать. Вакуум-сварщик... Стажер... Зачислен моим приказом от вчерашнего числа. Прощай тебя, Шарль, немедленно подготовь для него документы. Нет, не он, я сам заеду... Завтра утром. До свидания, Шарль, спасибо.

Быков медленно свернул шнур и сунул радиодина обратно в карман куртки.

— Это незаконно, Алексей, — негромко сказал Юрковский.

Быков вернулся к столу и сел.

— Если бы ты знал, Владимир, — сказал он, — без скольких законов я могу обойтись в пространстве. И без скольких законов нам придется обойтись в этом рейсе. Стажер, можете сесть, — сказал он Юре.

Юра торопливо и очень неудобно сел. Быков взял телефонную трубку.

— Жилин, найди ко мне. — Он повесил трубку. — Возьмите ваши документы, стажер. Подчиняться будете непосредственно мне. Ваши обязанности вам разъяснит бортинженер Жилин, который сейчас придет.

— Алексей, — величественно сказал Юрковский. — Наш... э-э... кадет еще не знает, с кем имеет дело.

— Нет, я знаю, — сказал Юра. — Я вас сразу узнал.

— О! — удивился Юрковский. — Нас еще можно узнать?

Юра не успел ответить. Дверь распахнулась, и на пороге появился Иван в той же самой клетчатой рубашке.

— Прибыл, Алексей Петрович, — весело сообщил он.

— Принимай своего крестника, — буркнул Быков. — Это наш стажер. Закрепляю его за тобой. Сделай отметку в журнале. А теперь забирай его к себе и до самого старта не спускай с него глаз.

— Слушаю, — сказал Жилин, снял Юру со стула и вывел в коридор. Юра медленно осознавал происходящее.

— Это вы — Жилин? — спросил он. — Бортинженер?

Жилин не ответил. Он поставил Юру перед собой, отступил на шаг и спросил страшным голосом:

— Водку пьешь?

— Нет, — испуганно ответил Юра.

— В бога веруешь?

— Нет.

— Истинно межпланетная душа! — удовлетворенно сказал Жилин. — Когда прибудем на «Тахмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.

3. МАРС Астрономы

Матти, прикрыв глаза от слепящего солнца, смотрел на дюны. Краулера видно не было. Над дюнами стояло большое облако красноватой пыли, слабый ветер медленно относил его в сторону. Было тихо, только на пятиметровой высоте шелестела вертушка анемометра. Затем Матти услышал выстрелы — «пок, пок, пок, пок», — четыре выстрела подряд.

— Мимо, конечно, — сказал он.

Обсерватория стояла на высоком плоском холме. Летом воздух всегда был очень прозрачен, и с вершины холма хорошо просматривались белые купола и параллелепипеды Теплого Сырта в пяти километрах к югу и серые развалины Старой Базы на таком же плоском высоком холме в трех километрах к западу. Но сейчас Старую Базу закрывало облако пыли. «Пок, пок, пок», — снова донеслось оттуда.

— Стрелки, — горестно сказал Матти. Он осмотрел наблюдательную площадку. — Вот подлюга, — сказал он.

Широкоугольная камера была повалена. Метеобудка покосилась. Стена павильона телескопа была забрызгана какой-

то желтой гадостью. Над дверью павильона зияла свежая дыра от разрывной пули. Лампочка над входом была разбита.

— Стрелки, — повторил Матти.

Он подошел к павильону и ощупал пальцами в меховой перчатке края пробоины. Он подумал о том, что может натворить разрывная пуля в павильоне, и ему стало нехорошо. В павильоне стоял очень хороший телескоп с прекрасно исправленным объективом, регистратор мерцаний, блинк-автоматы — аппаратура редкая, капризная и сложная. Блинк-автоматы боялись даже пыли, их приходится закрывать герметическим чехлом. А что может сделать чехол против разрывной пули?

Матти не пошел в павильон. «Пусть они сами посмотрят, — подумал он. — Сами стреляли, пусть сами и смотрят». Честно говоря, ему было просто страшно заходить туда. Он положил карабин на песок и, поднатужась, поднял камеру. Одна нога треножника была погнута, и камера встала криво.

— Подлюга! — сказал Матти с ненавистью. Он занимался метеоритными съемками, и камера была его единственным инструментом. Он пошел через всю площадку к метеобудке. Пыль на площадке была изрыта, Матти со злостью топтал характерные округлые ямы — следы «летучей пиявки». «Почему она все время лезет на площадку? — думал он. — Ну, ползала бы вокруг дома. Ну, вломила бы в гараж. Нет, она лезет на площадку. Человечиной здесь пахнет, что ли?»

Дверца метеобудки была погнута и не открывалась. Матти безнадежно махнул рукой и вернулся к камере. Он свинтил камеру, с трудом снял ее и кряхтя положил на разостланный брезент. Потом он взял треногу и понес в дом. Он оставил треногу в мастерской и заглянул в столовую. Наташа сидела у рации.

— Сообщила? — спросил Матти.

— Ты знаешь, у меня просто руки опускаются, — сердито сказала она. — Честное слово, проще сбежать туда.

— А что? — спросил Матти.

Наташа резко повернула регулятор громкости. Низкий усталый голос загудел в комнате:

— Седьмая, седьмая, говорит Сырт. Почему нет сводки? Слышите, седьмая? Давайте сводку!

Седьмая забубнила цифрами.

— Сырт! — сказала Наташа. — Сырт! Говорит первая!

— Первая, не мешайте, — сказал усталый голос. — Имейте терпение.

— Ну вот, пожалуйста, — сказала Наташа и повернула регулятор громкости в обратную сторону.

— А что ты, собственно, хочешь им сообщить? — спросил Матти.

— Про то, что случилось, — ответила Наташа. — Ведь это чепэ.

— Ну уж и чепэ, — возразил Матти. — Каждую ночь у нас такое чепэ.

Наташа задумчиво подперла кулачком щеку.

— А знаешь, Матти, — сказала она, — ведь сегодня первый раз пиявка пришла днем.

Матти всей горстью взялся за физиономию. Это была правда. Прежде пиявки приходили либо поздно ночью, либо перед самым восходом солнца.

— Да, — сказал он. — Да-а-а. Я это понимаю так: обнаглели.

— Я это тоже так понимаю, — заметила Наташа. — Что там, на площадке?

— Ты лучше сама сходи посмотри, — сказал Матти. — Камеру мою изуродовало. Мне сегодня не наблюдать.

— Ребята там? — спросила Наташа.

Матти замялся.

— Да, в общем, там, — сказал Матти и неопределенно махнул рукой.

Он вдруг представил себе, что скажет Наташа, когда увидит пулевую пробоину над дверью павильона.

Наташа снова повернулась к рации, и Матти тихонько прикрыл за собой дверь. Он вышел из дома и увидел краулер. Краулер летел на предельной скорости, лихо прыгая с бархана на бархан. За ним до самых звезд вставала плотная стена пыли, и на этом красно-желтом фоне очень эффектно выделялась могучая фигура Пенькова, стоявшего во весь рост с упертым в бок карабином. Вел краулер, конечно, Сергей.

Он направил машину прямо на Матти и памертво затормозил в пяти шагах. Густое облако пыли заволокло наблюдательную площадку.

— Кентавры, — сказал Матти, протирая очки. — Лошадина голова на человеческом туловище.

— А что? — сказал Сергей, соскакивая.

За ним петоропливо спустился Пеньков.

— Ушла, — сказал он.

— По-моему, ты в нее попал, — сказал Сергей.

Пеньков важно кивнул.

— По-моему, тоже, — сказал он.

Матти подошел к нему и крепко взял за рукав меховой куртки.

— А ну-ка пойдем, — сказал он.

— Куда? — осведомился Пеньков, сопротивляясь.

— Пойдем, пойдем, стрелок, — сказал Матти. — Я тебе покажу, куда ты попал наверняка.

Они подошли к павильону и остановились перед дверью.

— Ух ты, — сказал Пеньков.

Сергей, не говоря ни слова, кинулся внутрь.

— Наташка видела? — быстро спросил Пеньков.

— Нет еще, — сказал Матти.

Пеньков с задумчивым видом ощупывал края дыры.

— Это так сразу не заделаешь, — сказал он.

— Да, запасного павильона на Сырте нет, — ядовито сказал Матти.

Месяц назад Пеньков, стреляя ночью в пиявок, пробил метеобудку. Тогда он отправился на Сырт и где-то достал там запасную. Пробитую будку он спрятал в гараже.

Сергей крикнул из павильона:

— Кажется, все в порядке!

— А есть там выходное отверстие? — спросил Пеньков.

— Есть...

Раздалось мягкое жужжание, крыша павильона раздвинулась и сдвинулась снова.

— Кажется, обошлось, — объявил Сергей и вылез из павильона.

— А у меня треногу помяло, — сказал Матти. — А метеобудку так покалечило, что придется опять новую доставать.

Пеньков мельком взглянул на будку и снова уставился на зияющую дыру. Сергей стоял рядом с ним и тоже смотрел на дыру.

— Будку я выправлю, — уныло сказал Пеньков. — А вот что с этим делать...

— Наташа идет, — негромко предупредил Матти.

Пеньков сделал движение, как будто собирался куда-то скрыться, но только втянул голову в плечи. Сергей быстро заговорил:

— Здесь пробоина небольшая, Наташенька, но это ерунда, мы ее сегодня же быстро заделаем, а внутри все цело...

Наташа подошла к ним, взглянула на пробоину.

— Свины вы, ребята, — тихо сказала она.

Теперь скрыться куда-нибудь захотелось всем, даже Матти, который был совсем ни в чем не виноват и выбежал на площадку последним, когда уже все кончилось. Наташа вошла в павильон и зажгла свет. В раскрытую дверь было видно, как она снимает футляры с блинк-автоматов. Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Сергей тихонько сказал:

— Пойду загоню машину.

Ему никто не ответил, он полез в краулер и завел мотор. Матти молча вернулся к своей камере и, согнувшись пополам, поволок ее в дом. Перед павильоном осталась только упылая, пелепо громоздкая фигура Пенькова.

Матти втащил камеру в мастерскую, снял кислородную маску, капюшон и долго возился, расстегивая просторную доху. Затем, не снимая унтов, он сел на стол возле камеры. В окно ему было видно, как необыкновенно медленно, словно на цыпочках, проехал в гараж краулер.

Наташа вышла из павильона и плотно закрыла за собой дверь. Потом она пошла через площадку, останавливаясь перед приборами. Пеньков плелся следом и, судя по всему, длинно и тоскливо вздыхал. Тучи пыли уже осели, маленькое красноватое солнце висело над черными, словно обглоданными, руинами Старой Базы, поросшими колючим марсианским саксаулом. Матти посмотрел на низкое солнце, на быстро темнеющее небо, вспомнил, что он сегодня дежурный, и отправился на кухню.

За ужином Сергей сказал:

— Наташенька наша сегодня серьезная, — и испытующе посмотрел на Наташу.

— Да пу вас, в самом деле, — сказала Наташа. Она ела, ни на кого не глядя, очень сердитая и нахмуренная.

— Сердитая Наташенька наша, — сказал Сергей.

Пеньков длинно и тоскливо вздохнул. Матти скорбно покачал головой.

— Не любит нас сегодня Наташенька, — добавил Сергей нежно.

— Ну правда, ну что это такое, — заговорила Наташа. — Ведь договорились же не стрелять на площадке. Ведь это же не тир все-таки. Там приборы... Вот разбили бы сегодня блинки, куда бы пошли? Где их взять?

Пеньков преданными глазами смотрел на нее.

— Ну что ты, Наташенька, — сказал Сергей. — Как можно попасть в блинк?

— Мы стреляем только по лампочкам, — проворчал Матти.

— Вот продырявили павильон, — сказала Наташа.

— Наташенька! — закричал Сережа. — Мы принесем другой павильон! Пеньков сбегает на Сырт и принесет. Он ведь у нас здоровенный!

— Да ну вас, — сказала Наташа. Она уже больше не сердилась.

Пеньков оживился.

— Когда же в нее стрелять, как не на площадке?.. — начал он, но Матти наступил ему под столом на ногу, и он замолчал.

— Ты, Володя, действительно просто ужас какой неуклюжий, — сказала Наташа. — Огромное чудовище ростом со шкаф, и ты целый месяц не можешь в него попасть.

— Я сам удивляюсь, — честно сказал Пеньков и сильно почесал затылок. — Может, прицел сбит?

— Гнутие ствола, — сказал ядовито Матти.

— Все равно, ребята, теперь этим забавам конец, — сказала Наташа. Все посмотрели на нее. — Я говорила с Сыртом. Сегодня пиявки напали на группу Азизбекова, на геологов, на нас и на участок нового строительства. И все среди бела дня.

— И все к западу и к северу от Сырта, — сказал Сергей.

— Да, в самом деле, — сказала Наташа. — А я и не сообразила. Ну, как бы то ни было, решено провести облаву.

— Это здорово, — сказал Пеньков. — Наконец-то.

— Завтра утром будет совещание, вызывают всех начальников групп. Я поеду, а ты останешься за старшего, Сережа. Да, и еще. Наблюдать сегодня не будем, ребята. Начальство распорядилось отменить все ночные работы.

Пеньков перестал есть и грустно посмотрел на Наташу. Матти сказал:

— Мне-то все равно, у меня камера полетела. А вот у Пенькова полетит программа, если он пропустит пару ночей.

— Я знаю, — сказала Наташа. — У всех летит программа.

— А может быть, я как-нибудь потихонечку, — сказал Пеньков, — незаметно.

Наташа замотала головой.

— И слышать не хочу, — сказала она.

— А может... — начал Пеньков, и Матти снова наступил ему на ногу.

Пеньков подумал: «И правда, чего слова тратить. Все равно все будут наблюдать».

— Какой сегодня день? — спросил Сергей. Он имел в виду день декады.

— Восьмой, — сказал Матти.

Наташа покраснела и стала смотреть всем в глаза по очереди.

— Что-то Рыбкина давно нет, — сказал Сергей, наливая себе кофе.

— Да, действительно, — глубокомысленно сказал Пеньков.

— И время уже позднее, — добавил Матти. — Уж полночь близится, а Рыбкина все нет...

— О! — сказал Сергей и поднял палец. В тамбуре звякнула дверь шлюза. — Это он! — торжественным шепотом провозгласил Сергей.

— Вот чудак, вот чудак, — сказала Наташа и смущенно засмеялась.

— Не трогайте Наташеньку, — потребовал Сережа. — Не смейте над ней смеяться.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, — сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали. Сергей, Матти и Пеньков одновременно приложили пальцы к губам и значительно посмотрели на Наташу.

— Ну что же вы? — шепотом сказала Наташа. — Отзовитесь же кто-нибудь...

Матти, Сергей и Пеньков одновременно замотали головами.

— Войдите! — с отчаянием сказала Наташа.

Вошел Рыбкин, как всегда аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке с отложным воротником, безукоризненно выбритый. Лицо его, как и у всех

Следопытов, производило странное впечатление: дочерна загорелые скулы и лоб, белые пятна вокруг глаз и белая нижняя часть лица там, где кожу прикрывают очки и кислородная маска.

— Можно? — сказал он тихо. Он всегда говорил очень тихо.

— Садитесь, Феликс, — пригласила Наташа.

— Ужинать будешь? — спросил Матти.

— Спасибо, — сказал Рыбкин. — Лучше чашечку кофе.

— Что-то ты сегодня запоздал, — сказал прямодушный Пеньков, наливая ему кофе.

Сергей скорчил ужасную мину, а Матти пнул Пенькова под столом ногой.

Рыбкин спокойно принял кофе.

— Я пришел полчаса назад, — сказал он, — и прошелся вокруг дома. Я вижу, сегодня у вас тоже побывала пиявка.

— Сегодня у нас тут была баталия, — сказала Наташа.

— Да, — сказал Рыбкин. — Я видел пробойну в павильоне.

— Наши карабины страдают гнутием ствола, — объяснил Матти.

Рыбкин засмеялся. У него были маленькие ровные белые зубы.

— А тебе приходилось попадать хоть в одну пиявку? — спросил Сергей.

— Вероятно, нет, — сказал Феликс. — В них очень трудно попасть.

— Это я и сам знаю, — проворчал Пеньков.

Наташа, опустив глаза, крошила хлеб.

— Сегодня у Азизбекова одну убили, — сказал Рыбкин.

— Да пу? — изумился Пеньков. — Кто?

Рыбкин опять засмеялся.

— Да никто, — сказал он. Он мельком поглядел на Наташу. — Забавная штука — сорвалась стрела экскаватора и раздавила ее. Наверное, кто-нибудь попал в трос.

— Вот это выстрел, — сказал Сергей.

— Это мы тоже умеем, — сказал Матти. — На бегу, с тридцати шагов прямо в лампочку над дверью.

— Вы знаете, ребята, — сказал Сергей, — у меня такое впечатление, что все карабины на Марсе страдают гнутием ствола.

— Нет, — сказал Феликс. — Потом обнаружили, что в пиявку у Азизбекова попало шесть пуль.

— Вот скоро будет облава, — сказал Пеньков, — мы им тогда покажем, где раки зимуют.

— А я этой облаве вот ни столечко не радуюсь, — сказал Матти. — Спокон веков у нас так: бах-трах-тарарах, перебивают всю живность, а потом начинают устраивать заповедники.

— Что это ты? — сказал Сергей. — Ведь они же мешают.

— Вот нам все мешает, — сказал Матти. — Кислорода мало — мешает, кислорода много — мешает, лесу много — мешает, руби лес... Кто мы такие, в конце концов, что нам все мешает?

— Салат был, что ли, плохой? — задумчиво сказал Пеньков. — Так ты его сам готовил...

— Не попадайся, не попадайся, Пеньков, — сказал Сергей. — Он просто хочет затеять общий разговор. Чтобы Натшенька высказалась.

Феликс внимательно посмотрел на Сергея. У него были большие светлые глаза, и он очень редко мигал. Матти усмехнулся.

— А может быть, вовсе не они нам мешают, — сказал он, — а мы им.

— Ну? — буркнул Пеньков.

— Я предлагаю рабочую гипотезу, — сказал Матти. — Летучие пиявки есть коренные разумные обитатели Марса, хотя они находятся пока на низкой ступени развития. Мы захватили районы, где есть вода, и они намерены нас выжить.

Пеньков ошарашенно смотрел на него.

— Что ж, — сказал он. — Возможно.

— Да ты спорь с ним, спорь, — сказал Сергей. — А то так ему никакого удовольствия.

— Все говорит за мою гипотезу, — продолжал Матти. — Живут они в подземных городах. Нападают всегда справа — потому что у них такое табу. И... э-э... они всегда уносят своих раненых...

— Ну, братец... — разочарованно сказал Пеньков.

— Феликс, — сказал Сергей, — уничтожь это изящное рассуждение.

Феликс сказал:

— Такая гипотеза уже выдвигалась. (Матти изумленно поднял брови.) Давно. До того, как была убита первая пиявка. Сейчас выдвигаются гипотезы поинтереснее.

— Ну? — спросил Пеньков.

— До сих пор никто не объяснил, почему пиявки нападают на людей. Не исключена возможность, что это у них очень древняя привычка. Напрашивается мысль, не обитает ли на Марсе все-таки раса двуногих прямоходящих.

— Обитает, — сказал Сергей. — Тридцать лет уже обитает.

Феликс вежливо улыбнулся.

— Можно надеяться, что пиявки наведут нас на эту расу.

Некоторое время все молчали. Матти с завистью смотрел на Феликса. Он всегда завидовал людям, перед которыми стоят такие задачи. Выслеживать летучих пиявок — занятие само по себе увлекательное, а если при этом еще ставится такая задача...

...Матти мысленно перебрал все интересные задачи, которые пришлось решать ему самому за последние пять лет. Интереснее всего было конструирование дискретного искателя-охотника на хемостазерах. Патрульная камера превращалась в огромный любопытный глаз, следящий за появлением и движением «посторонних» световых точек на ночном небе. Сережка бегал по ночным дюнам, время от времени мигая фонариком, а камера бесшумно и жутко разворачивалась вслед за ним, следя за каждым его движением... «Что ж, — подумал Матти, — это тоже было интересно».

Сергей вдруг сказал с досадой:

— До чего же мы ничего не знаем! (Пеньков перестал тянуть с шумом кофе из чашки и поглядел на него.) И до чего не стремимся узнать! День за днем, декада за декадой бродим по шею в тоскливых мелочах... Копаемся в электронике, ломаем сумматоры, чиним сумматоры, чертим графики, пишем статеечки, отчетики... Противно! — Он взялся за щеки и с силой потер лицо. — Прямо за оградой на тысячи километров протянулся совершенно незнакомый, чужой мир. И так хочется плюнуть на все и пойти куда глаза глядят через пустыню искать настоящего дела... Стыдно, ребята. Это же смешно и стыдно сидеть на Марсе и двадцать четыре часа в сутки ничего не видеть, кроме блинк-регистраграмм и пеньковской унылой физиономии двадцать четыре часа в сутки...

Пеньков сказал мягко:

— А ты плюнь, Серега. И иди себе. Попросись к строителям. Или вот к Феликсу. — Он повернулся к Феликсу. — Возьмете его, а?

Феликс пожал плечами.

— Да нет. Пеньков, дружище, не поможет это. — Сергей, поджав губы, помотал светлым чубом. — Надо что-то уметь. А что я умею? Чинить блинки... Считать до двух и интегрировать на малой машине. Краулер умею водить, да и то не профессионально... Что я еще умею?

— Ныть ты умеешь профессионально, — сказал Матти. Ему было неловко за Сережку перед Феликсом.

— Я не ною. Я злюсь. До чего мы самодовольны и самоограничены! И откуда это берется? Почему считается, что найти место для обсерватории важнее, чем пройти планету по меридиану, от полюса до полюса? Почему важнее искать нефть, чем тайны? Что нам — нефти не хватает?

— Что тебе — тайн не хватает? — сказал Матти. — Сел бы и решил ограниченную Т-задачу...

— Да не хочу я ее решать! Скучно ее решать, бедный ты мой Матти! Скучно! Я же здоровый, сильный парень, я гвозди гну пальцами... Почему я должен сидеть над бумажками?

Он замолчал. Молчание было тяжелым, и Матти подумал, что неплохо было бы переменить тему, но не знал, как это сделать.

Наташа сказала:

— Я с Сережкой вообще-то не согласна, но это верно: мы немножко слишком погрязли в обычных делах. И такая иногда берет досада... Ну, пусть не мы, пусть кто-нибудь все-таки занялся бы Марсом как новой землей. Все-таки ведь это не остров, даже не континент — терра инкогнита, — это же планета! А мы тридцать лет сидим тут тихонько и трусливо, жмемся к воде и ракетодромам. И мало нас до смешного. Это, правда, досадно. Сидит там кто-нибудь в управлении, какой-нибудь убеленный старец с боевым прошлым, и брюзжит: «Рано, рано».

Услыхав слово «рано», Пеньков вздрогнул и посмотрел на часы.

— Ох, мать честная, — пробормотал он, вылезая из-за стола. — Я уже две звезды здесь с вами просидел. — Тут

он посмотрел на Наташу, открыл рот и торопливо сел. У него было такое забавное лицо, что все, даже Сергей, засмеялись.

Матти вскочил и подошел к окну.

— А ночь-то какая! — сказал он. — Качество изображения сегодня, наверное, наводит изумление. — Он оглянулся через плечо на Наташу.

Феликс оживился.

— Наташа, — сказал он, — если нужно, я могу посторожить, пока вы будете работать.

— А как же вы... Ведь вам пора идти... — Наташа покраснела. — Я хочу сказать, что обычно вы в это время уходите...

— Чего нас сторожить? — сказал Матти. — Я и сам могу посторожить. У меня все равно камера полетела.

— Так я пойду одеваться, — сказал Пеньков.

— Ну ладно, — уступила Наташа. — Во изменение моего приказа от семи часов вечера...

Пенькова уже не было. Сергей тоже поднялся и, ни на кого не глядя, вышел. Матти стал собирать со стола, и Феликс, аккуратно засучивая рукава, подошел к нему.

— Давайте я помогу, — предложил Феликс.

— А что тут помогать, — возразил Матти. — Пять чашек, пять тарелок...

Он взглянул на руки Феликса и осекся.

— А это зачем? — спросил он с удивлением. На правом и на левом запястье у Феликса было по две пары часов.

Феликс серьезно сказал:

— Это тоже одна гипотеза. Так вы сами помоете?

— Сам, — сказал Матти. «Странный все-таки парень этот Феликс», — подумал он.

— Тогда я пойду, — сказал Феликс и вышел.

Рация в углу комнаты вдруг зашипела, щелкнула, и густой усталый голос сказал:

— Первая, говорит Сырт. Сырт вызывает первую.

Матти крикнул:

— Наташа, Сырт вызывает!

Он подошел к микрофону и сказал:

— Первая слушает!

— Позовите начальника, — сказал голос из репродуктора.

— Одну минуту.

Вбежала Наташа в расстегнутой дохе и с кислородной маской на груди.

— Начальник слушает, — сказала она.

— Еще раз подтверждаю распоряжение, — сказал голос. — Ночные работы запрещаются. Теплый Сырт окружен пиявками. Повторяю...

Матти слушал и вытирал тарелки. Вошли Пеньков и Сергей. Матти с интересом следил, как у них вытягиваются лица.

— ...Теплый Сырт окружен пиявками. Как поняли меня?

— Поняла вас хорошо, — расстроено сказала Наташа. — Сырт окружен пиявками, ночные работы запрещаются.

— Спокойной ночи, — сказал голос, и репродуктор перестал шипеть.

— Спокойной ночи, Пеньков, — сказал Сергей и стал расстегивать доху.

Пеньков ничего не ответил. Он сердито засопел и ушел в свою комнату.

— Так я пойду, — сказал Феликс.

Все обернулись. Он стоял в дверях, маленький, крепкий, с непропорционально большим карабином у ноги.

— Как пойдешь? — сказал Матти.

Феликс показал пальцами, как он пойдет.

— Ты с ума сошел, — сказал Матти.

Феликс удивленно улыбнулся.

— Да что это с тобой?

— Вы слышали радио? — быстро спросила Наташа.

— Да, слышал, — сказал Феликс. — Но коменданту Сырта я не подчинен. Я же Следопыт.

Он натянул на лицо маску, опустил очки, махнул рукой в перчатке и вышел. Все остолбенело глядели на дверь.

— Как же это? — растерянно сказала Наташа. — Ведь его съедят...

Сергей вдруг сорвался с места и, застегивая доху, кинулся вслед.

— Куда?! — крикнула Наташа.

— Я подвезу его! — на ходу откликнулся Сергей и хлопнул дверь.

Наташа побежала за ним. Матти схватил ее за руку.

— Куда ты, зачем? — спокойно сказал он. — Сережа правильно решил.

— А кто ему позволил? — запальчиво спросила Наташа. — Почему он не слушается?

— Надо же человеку помочь, — рассудительно сказал Матти.

Они почувствовали, как мелко задрожал пол. Сергей вывел краулер. Наташа опустила на стул, сжала руки.

— Ничего, — сказал Матти. — Через десять-пятнадцать минут он вернется.

— А если они бросятся на Сережу, когда он будет возвращаться?

— Не было еще такого, чтобы пиявка бросилась на машину, — сказал Матти. — И вообще Сережка был бы только рад...

Они сидели и ждали. Матти вдруг подумал, что Феликс Рыбкин уже раз десять приходил к ним на обсерваторию по вечерам и уходил вот так же поздно. А ведь пиявки каждую ночь возятся вокруг Сырта. Смелый парень этот Феликс, подумал Матти. Странный парень. Впрочем, не такой уж и странный. Матти посмотрел на Наташу. Способ ухаживания, может быть, действительно немножко странный: робкая осада...

Матти поглядел в окно. В черной пустоте видны были только острые немигающие звезды. Вошел Пеньков, неся в руках кипу бумаг, сказал, ни на кого не глядя:

— Ну, кто мне поможет графики вычертить?

— Я могу, — сказал Матти.

Пеньков стал с шумом устраиваться за столом. Наташа сидела выпрямившись, настороженно прислушиваясь. Пеньков, разложив бумаги, оживленно заговорил:

— Получается удивительно интересная вещь, ребята! Помните закон Дега?

— Помним, — сказал Матти. — Секанс в степени две трети.

— Нет тебе на Марсе секанса две трети! — ликуя, сказал Пеньков. — Наташ, посмотри-ка... Наташа!

— Отстань ты от нее, — сказал Матти.

— А что? — шепотом спросил Пеньков.

Наташа вскочила.

— Едет! — сказала она.

— Кто? — спросил Пеньков.

Пол под ногами снова задрожал, потом стало тихо, звякнула шлюзовая дверь. Вошел Сергей, сдирая с лица зашнурованную маску.

- Ух и мороз — ужас! — сказал он весело.
- Ты где был? — изумленно спросил Пеньков.
- Рыбкина на Сырт отвозил, — сказал Сергей.
- Ну и молодец, — сказала Наташа. — Какой ты молодец, Сережка! Теперь я могу спокойно спать.
- Спокойной ночи, Наташенька, — вразноголосицу сказали ребята.

Наташа ушла.

— Что ж ты меня не взял? — с обидой сказал Пеньков. На лице Сергея пропала улыбка. Он подошел к столу, сел и отодвинул бумаги.

— Слушайте, ребята, — сказал он вполголоса. — А ведь я Рыбкина не нашел. До самого Сырта доехал, сигналил, прожекторами светил — нигде нет. Как сквозь землю провалился.

Все молчали. Матти опять подошел к окну. Ему показалось, что где-то в районе Старой Базы медленно движется слабый огонек, словно кто-то идет с фонариком.

4. МАРС

Старая база

семь часов утра начальники групп и участков системы Теплый Сырт собрались в кабинете директора системы Александра Филипповича Лямина. Всего собралось человек двадцать пять, и все расселись вокруг длинного низкого стола для совещаний. Вентиляторы и озонаторы были пущены на полную мощность. Наташа была единственной женщиной в кабинете. Ее редко приглашали на общие совещания, и многие из собравшихся ее не знали. На нее поглядывали с благожелательным любопытством. Наташа услышала, как кто-то сказал кому-то сипловатым шепотом: «Знал бы — побрился».

Лямин, не вставая, сказал:

— Первый вопрос, товарищи, вне повестки дня. Все ли позавтракали? А то я могу попросить принести консервы и какао.

— А вкусенького ничего нет, Александр Филиппович? — осведомился полный розовощекий мужчина с забинтованными руками.

В кабинете зашумели.

— Вкусенького ничего нет, — ответил Лямин и сокрушенно покачал головой. — Вот консервированную курицу разве...

Раздались голоса:

— Правильно, Александр Филиппович! Пусть принесут! Не успели поесть!

Лямин кому-то махнул рукой.

— Сейчас принесут, — сказал он и встал. — Все собрались? — Он оглядел собравшихся. — Азизбеков... Горин... Барабанов... Накамура... Малумян... Наташа... Ван... Джефферсона не вижу... Ах да, прости... А где Опанасенко?.. От Следопытов есть кто-нибудь?

— Опанасенко в рейде, — сказал тихий голос, и Наташа увидела Рыбкина. Впервые она увидела его небритым.

— В рейде? — сказал Лямин. — Ну ладно, начнем без Опанасенко. Товарищи, как вам известно, за последние недели летающие пиявки активизировались. С позавчерашнего дня началось уже совершенное безобразие. Пиявки стали нападать днем. К счастью, обошлось без жертв, но ряд начальников групп и участков потребовал решительных мер. Я хочу подчеркнуть, товарищи, что проблема пиявок — старая проблема. Всем нам они надоели. Спорим мы о них ненормально много, иногда даже ссоримся, полевым группам эти твари, видимо, очень мешают, и вообще пора наконец принять о них, о пиявках то есть, какое-то окончательное решение. Коротко говоря, у нас определились два мнения по этому вопросу. Первое — немедленная облава и усиленное уничтожение пиявок. Второе — продолжение политики пассивной обороны, как паллиатив, вплоть до того времени, когда колония достаточно окрепнет. Товарищи, — он прижал руки к груди, — я вас прошу сейчас высказываться в произвольном порядке. Но только, пожалуйста, постарайтесь обойтись без личных выпадов. Это нам совершенно ни к чему. Я знаю, все мы устали, раздражены и каждый чем-нибудь недоволен. Но убедительно прошу забыть сейчас все, кроме интересов дела. — Глаза его сузились. — Особенно горячих я буду удалять с совещания независимо от рангов.

Он сел. Сейчас же поднялся высокий, очень худой человек, с пятнистым от загара лицом, небритый, с воспаленными глазами. Это был заместитель директора по строительству — Виктор Кириллович Гайдадымов.

— Я не знаю, — начал он, — сколько времени продлится ваша облава — декаду, месяц, может быть, полгода. Я не знаю, сколько людей вы заберете на облаву — людей, по-видимому, самых лучших, может быть даже всех. Я не знаю, наконец, выйдет ли что-нибудь из вашей облавы. Но вот что я твердо знаю и считаю своим долгом довести до сведения. Во-первых, из-за облавы придется прервать строительство жилых корпусов. А между прочим, через два месяца к нам прибудет пополнение, а жилищный кризис дает себя знать уже сейчас. На Теплом Сырте я не имею возможности выделить комнаты даже женатым. Кстати, не к чести наших иностранных друзей будь сказано, они слишком много волнуются по этому поводу. Но это между прочим. Во-вторых, из-за облавы задержится строительство завода стройматериалов. Что такое завод стройматериалов в наших условиях, вы должны понимать сами. Об оранжереях и теплицах, которые мы из-за облавы не получим и этим летом, я даже говорить не буду. В-третьих, самое главное. Облава сорвет строительство регенерационного завода. Через месяц начнутся осенние бури, и на этом строительстве придется поставить крест. — Он стиснул зубы, закрыл и снова открыл глаза. — Вы знаете, товарищи, что мы все здесь висим на волоске. Может быть, я раскрываю какие-то секреты администрации, но черт с ними в конце концов: мы все здесь взрослые и опытные люди! Запасы воды под Теплым Сыртом иссякают. Они уже фактически иссякли. Уже сейчас мы возим воду на песчаных танках за двадцать шесть километров. (За столом зашумели и задвигались, кто-то крикнул: «А куда раньше смотрели?!») Если мы не закончим к концу месяца регенерационный завод, то осенью мы сядем на голодный паек, а зимой нам придется перетаскивать Теплый Сырт на двести километров отсюда. Я кончил.

Он сел и залпом выпил стакан остывшего какао. После минутной паузы Лямин сказал:

— Кто следующий?

— Я, — сказал кто-то. Встал маленький бородатый человек в темных очках — начальник ремонтных мастерских Захар Иосифович Пучко. — Я полностью присоединяюсь к Виктору Кирилловичу. — Он снял очки и подслеповато оглядел стол. — Как-то все у нас по-детски получается: облава,

пиф-паф, ой-ёй-ёй... А я спрошу вас: а на чем это вы собираетесь гоняться за пиявками? Может быть, на палочке верхом, а? Вам сейчас Виктор Кириллович очень хорошо объяснил: у нас песчаные танки возят воду. А какие это танки? Это же горе, а не танки. Четверть нашего транспортного парка стоит у меня в мастерских, а ремонтировать их некому. Тот, кто умеет ремонтировать, тот не ломает, а кто умеет ломать, тот не умеет ремонтировать. Обращаются с танками так, будто это авторучка — выбросил и купил новую. Я, Наташа, посмотрел на ваш краулер. Это ж довести машину до такого состояния! Можно подумать, вы на нем ходите сквозь стены...

— Захар, Захар, ближе к делу, — сказал Лямин.

— Я хочу только сказать вот что. Знаю я эти облавы, знаю. Половина машин останется в пустыне, другая половина, может быть, доползет до меня, и мне скажут: чини. А чем я буду чинить — ногами? Рук у меня не хватает. И тогда начнется: «Пучко такой, Пучко сякой. Пучко думает, что не мастерские для Теплого Сырта, а Теплый Сырт для мастерских». Я начну просить людей у товарища Азизбекова, и он мне их не даст. Я начну просить людей у товарища Накамуры — простите, у господина Накамуры, — и он скажет, что у него и так летит программа...

— Ближе к делу, Захар, — нетерпеливо сказал Лямин.

— Ближе к делу начнется, когда у нас не останется ни одной машины. Тогда мы начнем носить продукты и воду на своем горбу за сто километров, и тогда меня спросят: «Пучко, где ты был, когда делали облаву?»

Пучко надел очки и сел.

— Дрянь дела, — пробормотал кто-то.

Наташа сидела как пришибленная. «Ну какой я начальник! — думала она. — Ведь я же ничего этого не знала, и даже не могла предположить, и еще ругала, свинья такая, этих стариков за бюрократизм...»

— Разрешите мне, — послышался мягкий голос.

— Старший ареолог* системы Ливанов, — сказал Лямин.

Лицо Ливанова тоже было покрыто пятнистым загаром, широкое квадратное лицо с черными, близко посаженными глазами.

* Специалист по геологии Марса.

— Возражения против облавы, высказанные здесь, — проговорил он, — представляются мне чрезвычайно важными и значительными. (Наташа посмотрела на Гайдадымова. Гайдадымов спал, бессильно уронив голову.) И тем не менее облаву провести необходимо. Вот некоторые статистические данные. За тридцать лет пребывания человека на Марсе летающие пиявки совершили более полутора тысяч зарегистрированных нападений на людей. Три человека было убито, двенадцать искалечено. Население системы Теплый Сырт составляет тысячу двести человек, из них восемьсот человек постоянно работают в поле и, следовательно, перманентно находятся под угрозой нападения. До четверти ученых вынуждены нести сторожевую службу в ущерб государственным и личным научным планам. Мало того. Помимо морального ущерба пиявки наносят весьма значительный материальный ущерб. Только за последние несколько недель и только у ареологов они непоправимо разрушили пять уникальных установок и вывели из строя двадцать восемь ценных приборов. Представляется очевидным, что дальше так продолжаться не может. Пиявки ставят под угрозу всю научную работу системы Теплый Сырт. В мои намерения никоим образом не входит сколько-нибудь умалить значение соображений, высказанных здесь товарищами Гайдадымовым и Пучко. Эти соображения были учтены при составлении плана облавы, который я имею предложить совещанию от имени ареологов и следопытов.

Все зашевелились и снова замерли. Гайдадымов вздрогнул и открыл глаза. Ливанов продолжал размеренным голосом:

— Наблюдения показали, что апексом распространения пиявок в районе Теплового Сырта является участок так называемой Старой Базы — на карте отметка 211. Операция начинается за час до восхода Солнца. Группа из сорока хорошо подготовленных стрелков на четырех песчаных танках с запасом продовольствия на три дня занимает Старую Базу. Две группы загонщиков — ориентировочно по двести человек в каждой — на танках и краулерах разворачиваются в цепи из районов: первая группа — в ста километрах к западу от Сырта, вторая группа — в ста километрах к северу от Сырта. В час ноль-ноль обе группы начинают медленное движение соответственно к северо-востоку и к югу, производя на ходу

как можно больше шума и истребляя пиявок, пытающихся прорваться через цепь. Двигаясь медленно и методически, обе группы смыкаются флангами, оттесняя пиявок в район Старой Базы. Таким образом, вся масса пиявок, оказавшаяся в зоне охвата, будет сосредоточена в районе Старой Базы и уничтожена. Такова первая часть плана. Я хотел бы выслушать возможные вопросы и возражения.

— Медленно и методически — это хорошо, — сказал Пучко. — Но все-таки сколько потребуется машин?

— И людей, — сказал Гайдадымов. — И дней.

— Пятьдесят машин, четыреста пятьдесят человек и максимум трое суток.

— Как вы думаете истреблять пиявок? — спросил Джефферсон.

— Мы очень мало знаем о пиявках, — сказал Ливанов. — Пока мы можем полагаться только на два средства: отравленные пули и огнеметы.

— А где это взять?

— Боеприпасы отравить несложно, а что касается огнеметов, то мы их изготавливаем из пульпомониторов.

— Уже изготавливаете? — удивился Джефферсон.

— Да.

— Хороший план, — сказал Лямин. — Как вы думаете, товарищи?

Гайдадымов поднялся.

— Против такого плана я не возражаю, — сказал он. — Только постарайтесь не брать у меня строителей. И разрешите мне сейчас удалиться.

За столом зашумели:

— Отличный план, что и говорить!

— А где вы возьмете стрелков?

— Наберутся! Это строителей не хватает, а стрелков хватит!..

— Ох, и постреляем же!

— Я еще не кончил, товарищи, — сказал Ливанов. — Есть вторая часть плана. Видимо, территория Старой Базы изрыта трещинами и кавернами, через которые пиявки выходят на поверхность. И там, конечно, полно подземных помещений. Когда кольцо замкнется и мы перебьем пиявок, мы можем либо зацементировать эти каверны, трещины и тоннели, либо продолжать преследование под землей. В

обоих случаях нам совершенно необходим план Старой Базы.

— Нет, о преследовании под землей не может быть и речи, — сказал кто-то. — Это слишком опасно.

— А интересно было бы, — пробормотал розовый толстяк с перевязанными руками.

— Товарищи, этот вопрос мы решим после окончания об-
лавы, — сказал Ливанов. — Сейчас нам нужен план Старой Базы. Мы обращались в архив, но там плана почему-то не оказа-
лось. Может быть, кто-нибудь из старожилов имеет план?

За столом многие недоуменно переглядывались.

— Я не понимаю, — сказал сердито костлявый пожилой ареодезист. — О каком плане идет речь?

— О плане Старой Базы.

— Старая База была построена пятнадцать лет назад, на моих глазах. Это был бетонированный купол, и не было там никаких каверн и тоннелей. Правда, я улетал на Землю, может быть, без меня построили?

Другой ареодезист сказал:

— Кстати, Старая База находится не на отметке 211, а на отметке 205.

— Почему 205? — сказала Наташа. — На отметке 211! Это к западу от обсерватории.

— При чем здесь обсерватория? — Костлявый ареоде-
зист совсем рассердился. — Старая База находится в один-
надцати километрах к югу от Теплого Сырта...

— Подождите, подождите! — закричал Ливанов. — Име-
ется в виду Старая База, расположенная на отметке 211, в
трех километрах к западу от обсерватории.

— А! — сказал костлявый ареодезист. — Так вы имеете
в виду Серые Развалины — остатки первопоселения. Кажет-
ся, там пытался обосноваться Нортон.

— Нортон высадился в трехстах километрах к югу отсю-
да! — закричал кто-то.

Поднялся шум.

— Тише, тише! — сказал Лямин и похлопал ладонью по
столу. — Прекратите споры. Нам надо выяснить, кто знает
что-нибудь о Старой Базе или о Серых Развалинах, как
угодно, одним словом, о высоте с отметкой 211?

Все молчали. Ходить на развалины старых поселений
никто не любил, да и некогда было.

— Одним словом, никто не знает, — сказал Лямин. — И плана нет.

— Могу дать справку, — сказал секретарь директора, он же зам по научной части, он же архивариус. — С этой Старой Базой вообще какая-то чепуха получается. На отчетных кроках Нортонэ эта база не отмечена, потом она появляется на отметке 211, а два года спустя на докладной записке Вельяминова, просившего разрешение исследовать развалины Старой Базы, тогдашний начальник экспедиции Юрковский собственноручно начертать соизволил... — Секретарь поднял над головой пожелтевший листок бумаги: — «Ничего не понял. Учитесь правильно читать карту. Отметка не 211, а 205. Разрешаю. Юрковский».

Все удивленно засмеялись.

— Разрешите предложение, — тихо сказал Рыбкин. Все посмотрели на него. — Можно сейчас же отправиться на отметку 211 и снять кроки Старой Базы.

— И то правильно, — сказал Лямин. — У кого есть время — поезжайте. Старшим назначается товарищ Ливанов. Совещание возобновим в одиннадцать часов.

От Теплового Сырта до Старой Базы по прямой было около шести километров. Отправились туда на двух песчаных танках. Желающих оказалось много — больше, чем участников совещания, — и Наташа решила ехать на своем краулере. Танки с ревом и скрежетом покатались к окраине Сырта. Чтобы не попасть в пыль, Наташа пустила краулер в обход. Поравнявшись с Центральной метеобашней, она вдруг увидела Рыбкина. Маленький Следопыт шел привычным быстрым шагом, положив руки на свой длинный карабин, висевший на шее. Наташа затормозила.

— Феликс! — крикнула она. — Куда вы?

Он остановился и подошел к краулеру.

— Я решил идти пешком, — сказал он, спокойно глядя на нее снизу вверх. — Мне не хватило места.

— Садитесь, — сказала Наташа. Она неожиданно почувствовала себя с Феликсом свободно, совсем не так, как по вечерам в обсерватории.

Феликс легко поднялся на сиденье рядом с нею, снял с шеи карабин и поставил между колен. Краулер тронулся

— Я очень испугалась вчера вечером, когда вы ушли один, — призналась Наташа. — Сергей вас быстро догнал?

— Сергей? — Он посмотрел на нее. — Да... довольно быстро. Это была удачная мысль.

Они помолчали. В полукилометре слева шли танки, оставляя за собой над пустыней плотную неподвижную стену пыли.

— Интересное было совещание, правда? — сказала Наташа.

— Очень интересное, — сказал Рыбкин. — И что-то странное получается со Старой Базой.

— Я там бывала с ребятами, — сказала Наташа. — Еще когда строили нашу обсерваторию. Ничего особенного. Цементные плиты, все растрескалось, проросло саксаулом. Вы тоже думаете, что пиявки вылезают оттуда?

— Уверен, — сказал Рыбкин. — Там огромное гнездо пиявок, Наташа. Там под холмом огромная каверна. И она, наверное, имеет сообщение с другими пустотами под почвой. Хотя я этих ходов не нашел.

Наташа с ужасом на него посмотрела. Краулер вильнул. Справа из-за барханов открылась обсерватория. На наблюдательной площадке стоял длинный, как жердь, Матти и махал рукой. Феликс вежливо помахал в ответ. Купола и здания Теплого Сырта скрылись за близким горизонтом.

— Неужели вы их не боитесь? — спросила Наташа.

— Боюсь, — сказал Феликс. — Иногда, Наташа, просто до тошноты страшно бывает. Вы бы посмотрели, какие у них пасти. Только они еще более трусливы.

— Знаете что, Феликс, — сказала Наташа, глядя прямо перед собой, — Матти говорит, что вы страшный человек. Я тоже думаю, что вы очень страшный человек.

Феликс засмеялся.

— Вы мне льстите, — сказал он. — Вам, конечно, кажется странным, что я всегда прихожу к вам на обсерваторию поздним вечером только для того, чтобы выпить кофе. Но я не могу приходить днем. Днем я занят. Да и вечером я почти всегда занят. А когда у меня бывает свободное время, я прихожу к вам.

Наташа почувствовала, что начинает краснеть. Но краулер был уже у подножия плоского холма, того самого,

который изображался на ареографических картах искривленным овалом с отметкой 211. На вершине холма среди первонных серых глыб уже копошились люди.

Наташа поставила краулер подальше от песчаных танков и выключила двигатель. Феликс стоял внизу, серьезно глядя на нее и протянув руку.

— Не надо, спасибо, — пробормотала Наташа, но на руку все-таки оперлась.

Они пошли среди развалин Старой Базы. Странные это были развалины: по ним никак нельзя было понять, каков первоначальный вид или хотя бы план сооружения. Проломленные купола на шестигранных основаниях, обвалившиеся галереи, штабеля растрескавшихся цементных блоков. Все это густо поросло марсианской колючкой и потонуло в пыли и песке. Кое-где под серыми сводами зияли темные провалы. Некоторые из них вели куда-то в глубокий, непроглядный мрак.

Над развалинами стоял гомон голосов.

— Еще одна каверна! Тут никакого цемента не хватит!

— Что за идиотская планировка!

— А что вы хотите от Старой Базы?

— Коллечек-то, коллечек! Как на солончаке...

— Вилли, не лезьте туда!

— Там пусто, никого нет...

— Товарищи, начинайте же съемку в конце концов.

— Доброе утро, Володя! Давно уже начали...

— Смотрите, а здесь следы ботинок!

— Да, кто-то здесь бывает... Вон еще...

— Следопыты, наверное...

Наташа посмотрела на Феликса. Феликс кивнул.

— Это я, — сказал он.

Он вдруг остановился, присел на корточки и стал что-то разглядывать.

— Вот, — сказал он. — Посмотрите, Наташа.

Наташа наклонилась. Из трещины в цементе свисал толстый стебель коллочки с крошечным цветком на конце.

— Какая прелесть! — сказала она. — А я и не знала, что коллочка цветет. Красиво как — красное с синим...

— Коллочка дает цветок очень редко, — медленно сказал Феликс. — Известно, что она цветет раз в пять марсианских лет.

- Нам повезло, — сказала Наташа.
- Каждый раз, когда цветок осыпается, на его месте выступает новый побег, а там, где был цветок, остается блестящее колечко. Такое вот, видите?
- Интересно, — сказала Наташа. — Значит, можно подсчитать, сколько колпачке лет... Раз... Два... Три... Четыре... Она остановилась и посмотрела на Феликса.
- Тут восемь ободков, — сказала она неуверенно.
- Да, — сказал Феликс. — Восемь. Цветок — девятый. Этой трещине в цементе восемьдесят земных лет.
- Не понимаю, — сказала Наташа и вдруг поняла. — Значит, это не наша база? — сказала она шепотом.
- Не паша, — сказал Феликс и выпрямился.
- Вы об этом знали! — сказала Наташа.
- Да, мы об этом знаем, — сказал Феликс. — Это здание строили не люди. Это не цемент. Это не просто холм. И пиявки не зря нападают на двуногих прямоходящих.
- Наташа несколько секунд глядела на него, а затем повернулась и закричала во весь голос:
- Товарищи! Сюда! Скорее! Все сюда! Смотрите! Смотрите, что здесь есть! Сюда!

Кабинет директора системы Теплый Сырт был набит до отказа. Директор вытирал лысину платком и ошалело мотал головой. Ареолог Ливанов, утратив сдержанность и корректность, орал, надсаживаясь, стараясь перекрыть шум:

— Это просто уму непостижимо! Теплый Сырт существует шесть лет. За шесть лет не разобрались, что здесь наше и что не наше. Никому и в голову не пришло поинтересоваться Старой Базой!..

— А что там интересоваться! — кричал Азизбеков. — Я двадцать раз проезжал мимо. Развалины как развалины. Разве мало развалин оставили после себя первопоселенцы?

— А я там был года два назад! Смотрю, валяется ржавая гусеница от краулера. Посмотрел и поехал дальше.

— А сейчас она там валяется?

— Да что там говорить? Посередине Базы стоит с незапамятных времен тригонометрический знак. Тоже, может быть, марсиане ставили?

— Следопыты просто опозорились, срам на них смотреть!

— Ну почему? Это же они и открыли!

Начальник группы Следопытов Опанасенко, прибывший всего несколько минут назад, огромный, широкий, ухмыляющийся, обмахивался сложенной картой и что-то говорил директору. Директор мотал головой.

К столу пробирался, наступая всем на ноги, Пучко. Борода у него была взъерошенная, очки он держал высоко над головой.

— Потому что в системе творится тихий бедлам! — фальцетом закричал он. — Скоро ко мне будут приходить марсиане и просить, чтобы я им починил танк или там краулер, и я им буду чинить! У меня уже были случаи, когда приходят незнакомые люди и просят починить! Потому что я вижу — по городу ходят какие-то неизвестные люди! Я не знаю, откуда они приходят, и я не знаю, куда они уходят! А может быть, они приходят со Старой Базы и уходят на Старую Базу!

Шум в кабинете внезапно затих.

— Может быть, вы хотите пример? Пожалуйста! Один такой гражданин сидит здесь с нами с утра! Я о вас говорю, товарищ!

Пучко ткнул очками в сторону Феликса Рыбкина. Кабинет взорвался хохотом. Опанасенко сказал гулким басом:

— Ну-ну, Захар, это же мой Рыбкин.

Феликс покачал головой, почесал в затылке и искоса поглядел на Наташу.

— Ну и что же, что Рыбкин? — закричал Пучко. — А я откуда знаю, что он Рыбкин? Вот я и говорю, нужно, чтобы всех знали... — Он махнул рукой и полез на свое место.

Директор встал и громко постучал карандашом по столу.

— Хватит, хватит, товарищи, — строго сказал он. — Повеселились, и хватит. Открытие, которое сделали Следопыты, представляет огромный интерес, но мы собрались не для этого. Схема Старой Базы у нас теперь есть. Облаву начнем через три дня. Приказ на облаву будет отдан сегодня вечером. Предварительно сообщаю, что пачальником группы облавы назначается Опанасенко, его заместителем — Ливанов. А теперь прошу всех, кроме моих заместителей, покинуть кабинет и разойтись по рабочим местам.

В кабинете была только одна дверь в коридор, и кабинет пустел медленно. В дверях вдруг образовалась пробка.

— Радиограмма директору! — закричал кто-то.

— Передайте по рукам!

Сложенный листок бумаги поплыл над головами. Директор, споривший о чем-то с Опанасенко, взял и развернул его. Наташа увидела, как он побледнел, а потом покраснел.

— Что случилось? — пробасил Опанасенко.

— С ума можно сойти, — сказал директор с отчаянием. — Завтра сюда прибывает Юрковский.

— Володя? — сказал Опанасенко. — Это хорошо!

— Кому Володя, — с тихим отчаянием сказал директор, — а кому генеральный инспектор Международного управления космических сообщений.

Директор еще раз перечитал радиограмму и тяжело вздохнул.

5. «ТАХМАСИБ»

Генеральный инспектор и другие

ягкий свисток будильника разбудил Юру ровно в восемь утра по бортовому времени. Юра приподнялся на локте и сердито посмотрел на будильник. Будильник подождал немного и засвистел снова. Юра застонал и сел на койке. «Нет, больше я по вечерам читать не буду, — подумал он. — Почему это вечером никогда не хочется спать, а утром испытываешь такие мучения?»

В каюте было прохладно, даже холодно. Юра обхватил руками голые плечи и постучал зубами. Затем он спустил ноги на пол, протиснулся между койкой и стеной и вышел в коридор. В коридоре было еще холоднее, но зато там стоял Жилин, могучий, мускулистый, в одних трусах. Жилин делал зарядку. Некоторое время Юра, обхватив руками плечи, стоял и смотрел, как Жилин делает зарядку. В каждой руке у Жилина было зажато по десятикилограммовой гантели. Жилин вел бой с тенью. Тени приходилось плохо. От страшных ударов по коридору носился ветерок.

— Доброе утро, Ваня, — сказал Юра.

Жилин мгновенно и бесшумно повернулся и скользящими шагами двинулся на Юру, ритмично раскачиваясь всем телом. Лицо у него было серьезное и сосредоточенное. Юра принял боевую стойку. Тогда Жилин положил гантели на пол и кинулся в бой. Юра кинулся ему навстречу, и через несколько минут ему стало жарко. Жилин хлестко и больно избивал его полураскрытой ладонью. Юра три раза попал ему в лоб, и каждый раз на лице Жилина появлялась улыбка удовольствия. Когда Юра взмок, Жилин сказал: «Брэк!» — и они остановились.

— Доброе утро, стажер, — сказал Жилин. — Как спалось?

— Спа... си... бо, — сказал Юра. — Ни... чего.

— В душ! — скомандовал Жилин.

Душевая была маленькая, на одного человека, и возле нее уже стоял с брезгливой усмешкой Юрковский в роскошном, красном с золотом халате, с колоссальным мохнатым полотенцем через плечо. Он говорил сквозь дверь:

— Во всяком случае... э-э... я отлично помню, что Краюхин тогда отказался утвердить этот проект... Что?

Из-за двери слабо слышался шум струй, плеск и неразборчивый тонкий тенорок.

— Ничего не слышу, — негодуя сказал Юрковский. Он повысил голос. — Я говорю, что Краюхин отклонил этот проект, и если ты напишешь, что это была историческая ошибка, то ты будешь прав... Что?

Дверь душевой отворилась, и оттуда, еще продолжая вытираться, вышел розовый бодрый Михаил Антонович Крутиков, штурман «Тахмасиба».

— Ты тут что-то говорил, Володенька, — благодушно сказал он. — Только я ничего не слышал. Вода очень шумит.

Юрковский с сожалением на него посмотрел, вошел в душевую и закрыл за собой дверь.

— Мальчики, он не рассердился? — спросил встревоженный Михаил Антонович. — Мне почему-то показалось, что он рассердился.

Жилин пожал плечами, а Юра сказал неуверенно:

— По-моему, ничего.

Михаил Антонович вдруг закричал:

— Ах, ах! Каша разварится! — и быстро побежал по коридору на камбуз.

— Говорят, сегодня прибываем на Марс? — деловито сказал Юра.

— Был такой слух, — сказал Жилин. — Правда, тридцать-тридцать по курсу обнаружен корабль под развевающимся пиратским флагом, но я полагаю, что мы проскочим.

Он вдруг остановился и прислушался. Юра тоже прислушался. В душевой обильно лилась вода. Жилин пошевелил коротким носом.

— Чую, — сказал он.

Юра тоже припохался.

— Каша, что ли? — спросил он неуверенно.

— Нет, — сказал Жилин. — Зашалил недублированный фазоциклёр. Ужасный шалун этот недублированный фазоциклёр. Чую, что сегодня его придется регулировать.

Юра с сомнением посмотрел на него. Это могло быть шуткой, а могло быть и правдой. Жилин обладал изумительным чутьем на неисправности.

Из душевой вышел Юрковский. Он величественно посмотрел на Жилина и еще более величественно на Юру.

— Э-э... — сказал он, — кадет и поручик. А кто сегодня дежурный на камбузе?

— Михаил Антонович, — сказал Юра застенчиво.

— Значит, опять овсяная каша, — величественно сказал Юрковский и прошел к себе в каюту.

Юра проводил его восхищенным взглядом. Юрковский поражал его воображение.

— А? — сказал Жилин. — Громовержец! Зевес! А? Ступай мыться.

— Нет, — сказал Юра. — Сначала вы, Ваня.

— Тогда пойдем вместе. Что ты здесь будешь один торчать? Как-нибудь втиснемся.

После душа они оделись и явились в кают-компанию. Все уже сидели за столом, и Михаил Антонович раскладывал по тарелкам овсяную кашу. Увидев Юру, Быков посмотрел на часы и потом снова на Юру. Он делал так каждое утро. Сегодня замечания не последовало.

— Садитесь, — сказал Быков.

Юра сел на свое место — рядом с Жилиным и напротив капитана, — и Михаил Антонович, ласково на него поглядывая, положил ему каши. Юрковский ел кашу с видимым отвращением и читал какой-то толстый переплетенный машинописный отчет, положив его перед собой на корзинку с хлебом.

— Иван, — сказал Быков, — недублированный фазоциклёр теряет пастройку. Займись.

— Я, Алексей Петрович, займусь им, — сказал Иван. — Последние рейсы я только им и занимаюсь. Надо либо менять схему, либо ставить дублер.

— Схему менять надо, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Устарело это все — и фазоциклёры, и вертикальная развертка, и телетакторы... Вот я помню, мы ходили к Урану на «Хнусе-8»... в две тысячи первом...

— Не в две тысячи первом, а в девяносто девятом, — сказал Юрковский, не отрываясь от отчета. — Мемуарщик...

— А по-моему... — сказал Михаил Антонович и задумался.

— Не слушай ты его, Михаил, — сказал Быков. — Какое кому дело, когда это было? Главное — кто ходил. На чем ходил. Как ходил.

Юра тихонько поерзал на стуле. Начинался традиционный утренний разговор. Бойцы вспоминали минувшие дни. Михаил Антонович, собираясь в отставку, писал мемуары.

— То есть как это? — сказал Юрковский, поднимая глаза от рукописи. — А приоритет?

— Какой еще приоритет? — сказал Быков.

— Мой приоритет.

— Зачем это тебе понадобился приоритет?

— По-моему, очень приятно быть... э-э... первым.

— Да на что тебе быть первым? — удивился Быков. Юрковский подумал.

— Честно говоря, не знаю, — сказал он. — Мне просто приятно.

— Лично мне это совершенно безразлично, — сказал Быков.

Юрковский, снисходительно улыбаясь, помотал в воздухе указательным пальцем.

— Так ли, Алексей?

— Может быть, и неплохо оказаться первым, — сказал Быков, — но лезть из кожи вон, чтобы быть первым, — занятие нескромное. По крайней мере для ученого.

Жилин подмигнул Юре. Юра понял это так: «Мотай на ус».

— Не знаю, не знаю, — сказал Юрковский, демонстративно возвращаясь к отчету. — Во всяком случае, Михаил обязан придерживаться исторической правды. В девяносто девятом году экспедиционная группа Дауге и Юрковского

впервые в истории науки открыла и исследовала бомбозондами так называемое аморфное поле на северном полюсе Урапа. Следующее исследование пятна было произведено годом позже.

— Кем? — с очень большим интересом спросил Жилин.

— Не помню, — сказал рассеянно Юрковский. — Кажется, Лекруа. Михаил, нельзя ли... э-э... освободить стол? Мне надо работать.

Наступали священные часы работы Юрковского. Юрковский всегда работал в кают-компаний. Он так привык. Михаил Антонович и Жилин ушли в рубку. Юра хотел последовать за ними — было очень интересно посмотреть, как настраивают недублированный фазоциклёр, — но Юрковский остановил его.

— Э-э... кадет, — сказал он, — не считите за труд, принесите мне, пожалуйста, бювар из моей каюты. Он лежит на койке.

Юра сходил за бюваром. Когда он вернулся, Юрковский что-то печатал на портативной электромашинке, небрежно порхая по контактам пальцами левой руки. Быков уже сидел на обычном месте, в большом персональном кресле под торшером; рядом с ним на столике возвышалась огромная пачка газет и журналов. На носу Быкова были большие старомодные очки.

Первое время Юра поражался, глядя на Быкова. На корабле работали все. Жилин ежедневно вылизывал ходовую и контрольную системы, Михаил Антонович считал и пересчитывал курс, вводил дополнительные команды на киберуправление, заканчивал большой учебник и еще ухитрялся как-то находить время для мемуаров. Юрковский до глубокой ночи читал какие-то пухлые отчеты, получал и отправлял бесчисленные радиогаммы, что-то расшифровывал и зашифровывал на электромашинке. А капитан корабля Алексей Петрович Быков читал газеты и журналы. Раз в сутки он, правда, выстаивал очередную вахту. Но все остальное время он проводил в своей каюте либо под торшером в кают-компаний. Юру это шокировало. На третьи сутки он не выдержал и спросил у Жилина, зачем на корабле капитан. «Для ответственности, — сказал Жилин. — Если, скажем, кто-нибудь потеряется». У Юры вытянулось лицо. Жилин засмеялся и сказал: «Капитан отвечает за всю организацию рейса.

Перед рейсом у него нет ни одной свободной минуты. Ты заметил, что он читает? Это газеты и журналы за последние два месяца». — «А во время рейса?» — спросил Юра. Они стояли в коридоре и не заметили, как подошел Юрковский. «Во время рейса капитан нужен только тогда, когда случается катастрофа, — сказал он со странной усмешкой. — И тогда он нужен больше, чем кто-нибудь другой».

Юра, ступая на цыпочках, положил рядом с Юрковским бювар. Бювар был роскошный, как и все у Юрковского. В углу бювара была врезана золотая пластина с надписью: «IV Всемирный Конгресс планетологов. 20. XII.02. Конакри».

— Спасибо, кадет, — сказал Юрковский, откинулся на стуле и задумчиво посмотрел на Юру. — Вы бы сели да побеседовали со мной, стариком, — сказал он негромко. — А то через десять минут принесут радиogramмы и опять начнется кавардак на целый день.

Юра сел. Он был безмерно счастлив.

— Вот давеча я говорил о приоритете и, кажется, немного погорячился. Действительно, что значит одно имя в океане человеческих усилий, в бурях человеческой мысли, в грандиозных приливах и отливах человеческого разума? Вот подумайте, Юра, сотни людей в разных концах Вселенной собрали для нас необходимую информацию, дежурный на Спу-5, усталый, с красными от бессонницы глазами, принимал и кодировал ее, другие дежурные программировали трансляционные установки, а затем еще кто-то нажмет на пусковую клавишу, гигантские отражатели заворочаются, разыскивая в пространстве наш корабль, и мощный квант, насыщенный информацией, сорвется с острия антенны и устремится в пустоту вслед за нами...

Юра слушал, глядя ему в рот. Юрковский продолжал:

— Капитан Быков, несомненно, прав. Собственное имя на карте не должно означать слишком много для настоящего человека. Радоваться своим успехам надо скромно, один на один с собой. А с друзьями надо делиться только радостью поиска, радостью погони и смертельной борьбы. Вы знаете, Юра, сколько людей на Земле? Четыре миллиарда! И каждый из них работает. Или гонится. Или ищет. Или дерется насмерть. Иногда я пробую представить себе все эти четыре миллиарда одновременно. Капитан Фрэд Дулитл ведет

пассажирский лайпер, и за сто мегаметров до финиша выходит из строя питающий реактор, и у Фрэда Дулитла за пять минут седеет голова, но он надевает большой черный берет, идет в кают-компанию и хохочет там с пассажирами, с теми самыми пассажирами, которые так ничего и не узнают и через сутки разъедутся с ракетодома и навсегда забудут даже имя Фрэда Дулитла. Профессор Канаяма отдает всю свою жизнь созданию стереосинтетиков, и в одно жаркое сырое утро его находят мертвым в кресле возле лабораторного стола, и кто из сотен миллионов, которые будут поситть изумительно красивые и прочные одежды из стереосинтетиков профессора Канаяма, вспомнит его имя? А Юрий Бородин будет в необычайно трудных условиях возводить жилые купола на маленькой каменистой Рее, и можно поручиться, что ни один из будущих обитателей этих жилых куполов никогда не услышит имени Юрия Бородина. И вы знаете, Юра, это очень справедливо. Ибо и Фред Дулитл тоже уже забыл имена своих пассажиров, а ведь они идут на смертельно опасный штурм чужой планеты. И профессор Канаяма никогда в глаза не видел тех, кто носит одежду из его тканей, а ведь эти люди кормили и одевали его, пока он работал. И ты, Юра, никогда, наверное, не узнаешь о героизме ученых, что поселятся в домах, которые тыстроишь. Таков мир, в котором мы живем. Очень хороший мир.

Юрковский кончил говорить и посмотрел на Юру с таким выражением, словно ожидал, что Юра тут же переменится к лучшему. Юра молчал. Это называлось «беседовать со стариком». Оба очень любили такие беседы. Ничего особенно нового для Юры в этих беседах, конечно, не было, но у него всегда оставалось впечатление чего-то огромного и сверкающего. Вероятно, дело было в самом обличии великого палетолога — весь он был какой-то красный с золотом.

В кают-компанию вошел Жилин, положил перед Юрковским катушки радиограрм.

— Утренняя почта, — сказал он.

— Спасибо, Валя, — расслабленным голосом сказал Юрковский. Он взял паугад катушку, вставил ее в машинку и включил дешифратор. Машинка бешено застучала. — Ну вот, — тем же расслабленным голосом сказал Юрковский, вытягивая из машинки лист бумаги. — Опять на Церере программу не выполнили.

Жилин крепко взял Юру за рукав и повлек в рубку. Позади раздавался крепнущий голос Юрковского:

— Снять его надо к чертовой бабушке и перевести на Землю, пусть сидит смотрителем музея...

Юра стоял за спиной Жилина и глядел, как настраивают фазоциклёр. «Ничего не понимаю, — думал он с унынием. — И никогда не пойму». Фазоциклёр был деталью комбайна контроля отражателя и служил для измерения плотности потока радиации в рабочем объеме отражателя. Следить за настройкой фазоциклёра нужно было по двум экранам. На экранах вспыхивали и медленно гасли голубоватые искры и извилистые линии. Иногда они смешивались в одно сплошное светящееся облако, и тогда Юра думал, что все пропало и настройку нужно начинать сначала, а Жилин со вкусом приговаривал: «Превосходно. А теперь еще на полградуса». И все действительно начиналось сначала.

На возвышении в двух шагах позади Юры сидел за пультом счетной машины Михаил Антонович и писал мемуары. Пот градом катился по его лицу. Юра уже знал, что писать мемуары Михаила Антоновича заставил архивный отдел Международного управления космических сообщений. Михаил Антонович трудолюбиво царапал пером, возводил очи горе, что-то считал на пальцах и время от времени грустным голосом принимался петь веселые песни. Михаил Антонович был добряк, каких мало. В первый же день он подарил Юре плитку шоколада и попросил прочитать написанную часть мемуаров. Критику прямодушной молодости он воспринял крайне болезненно, но с тех пор стал считать Юру непререкаемым авторитетом в области мемуарной литературы.

— Вот послушай, Юрик, — вскричал он. — И ты, Ваюша, послушай.

— Слушаем, Михаил Антонович, — с готовностью сказал Юра.

Михаил Антонович откашлялся и стал читать:

— «С капитаном Степаном Афанасьевичем Варшавским я встретился впервые на солнечных и лазурных берегах Танти. Яркие звезды мерцали над бескрайним Великим, или Тихим, океаном. Он подошел ко мне и попросил закурить, сославшись на то, что забыл свою трубку в отеле. К

сожалению, я не курил, но это не помешало нам разговаривать и узнать друг о друге. Степан Афанасьевич произвел на меня самое благоприятное впечатление. Это оказался милейший, превосходнейший человек. Он был очень добр, умен, с широчайшим кругозором. Я поражался обширности его познаний. Ласковость, с которой он относился к людям, казалась мне иногда необыкновенной...»

— Ничего, — сказал Жилин, когда Михаил Антонович замолк и застенчиво на них посмотрел.

— Я здесь только попытался дать портрет этого превосходного человека, — сказал Михаил Антонович.

— Да, ничего, — повторил Жилин, внимательно наблюдая за экранами. — Как это у вас сказано: «Над солнечными и лазурными берегами мерцали яркие звезды». Очень свежо.

— Где? Где? — засуетился Михаил Антонович. — Ну, это просто описка, Ваня. Ну, не нужно так шутить.

Юра напряженно думал, к чему бы это прицепиться. Ему очень хотелось поддержать свое реноме.

— Вот я и раньше читал вашу рукопись, Михаил Антонович, — сказал он наконец. — Сейчас я не буду касаться литературной стороны дела. Но почему они у вас все такие милейшие и превосходнейшие? Нет, они действительно, наверное, хорошие люди, но у вас их совершенно нельзя отличить друг от друга.

— Что верно, то верно, — сказал Жилин. — Уж кого-кого, а капитана Варшавского я отличу от кого угодно. Как это он выражается? «Динозавры, прохвосты, тунеядцы несчастные».

— Нет, извини, Ванюша, — с достоинством сказал Михаил Антонович, — мне он ничего подобного не говорил. Вежливейший и культурнейший человек.

— Скажите, Михаил Антонович, — сказал Жилин, — а что будет написано про меня?

Михаил Антонович растерялся. Жилин отвернулся от приборов и с интересом на него смотрел.

— Я, Ванюша, не собирался... — Михаил Антонович вдруг оживился. — А ведь это мысль, мальчики! Правда, я напишу главу. Это будет заключительная глава. Я ее так и назову: «Мой последний рейс». Нет, «мой» — это как-то нескромно. Просто: «Последний рейс». И там я напишу, как

мы сейчас все летим вместе, и Алеша, и Володя, и вы, мальчишки. Да, это хорошая идея — «Последний рейс».

И Михаил Антонович снова обратился к мемуарам.

Успешно завершив очередную пастройку недублированного фазоциклёра, Жилин пригласил Юру спуститься в машинные недра корабля — к основанию фотореактора. У основания фотореактора оказалось холодно и неудобно. Жилин неторопливо принялся за свой каждодневный «чек-ап»*. Юра медленно шел за ним, засунув руки глубоко в карманы, стараясь не касаться покрытых инеем поверхностей.

— Здорово это все-таки, — сказал он с завистью.

— Что именно? — спросил Жилин.

Он со звоном откидывал и снова захлопывал какие-то крышки, отодвигал полупрозрачные заслонки, за которыми каббалистически мерцала путаница печатных схем, включал маленькие экраны, на которых тотчас возникали яркие точки импульсов, прыгающие по координатной сетке, запускал крепкие ловкие пальцы во что-то невообразимо сложное, многоцветное, вспыхивающее, и делал он все это небрежно, легко, не задумываясь и до того ладно и вкусно, что Юре захотелось сейчас же сменить специальность и вот так же непринужденно повелевать поражающим воображение гигантским организмом фотонного чуда.

— У меня слюнки текут, — сказал Юра.

Жилин засмеялся.

— Правда, — сказал Юра. — Не знаю, для вас это все, конечно, привычно и буднично, может быть, даже надоело, но это все равно здорово. Я люблю, когда большой и сложный механизм — и рядом один человек... повелитель. Это здорово, когда человек — повелитель.

Жилин чем-то щелкнул, и на шершавой серой стене радугой загорелись сразу шесть экранов.

— Человек уже давно такой повелитель, — сказал он, внимательно разглядывая экраны.

— Вы, наверное, гордитесь, что вы такой...

Жилин выключил экраны.

— Пожалуй, — сказал он. — Радуюсь, горжусь и прочее. — Он двинулся дальше вдоль заиндеветших пультов. —

* Check-up — проверка, контроль (англ.).

Я, Юрочка, уже десять лет хожу в повелителях, — сказал он с какой-то странной интонацией.

— И вам... — Юра хотел сказать «надоело», но промолчал. Жилин задумчиво отвинчивал тяжелую крышку.

— Главное! — сказал он вдруг. — Во всякой жизни, как и во всяком деле, главное — это определить главное. — Он посмотрел на Юру. — Не будем сегодня говорить об этом, а?

Юра молча кивнул. «Ой-ёй-ёй, — подумал он. — Неужели Ивану надоело? Это, наверное, ужасно плохо, когда десять лет занимаешься любимым делом и вдруг оказывается, что ты это дело разлюбил. Вот тошно, наверное! Но что-то не похоже, чтобы Ивану было тошно...»

Он огляделся и сказал, чтобы переменить тему:

— Здесь должны водиться привидения...

— Чп-ш-ш! — сказал Жилин с испугом и тоже огляделся по сторонам. — Их здесь полным-полно. Вот тут, — он указал в темный проход между двумя панелями, — я нашел... только не говори никому... детский чепчик!

Юра засмеялся.

— Тебе следует знать, — продолжал Жилин, — что наш «Тахмасиб» — весьма старый корабль. Он побывал на многих планетах, и на каждой планете на него грузились местные привидения. Целыми дивизиями. Они, бедняжки, думали, что «Тахмасиб» останется на их земле, и теперь они очень тоскуют по родным кладбищам, и по ночам, когда даже вахтенный спит в рубке, они устраивают диспуты на тему: какое кладбище лучше — из кристаллического аммиака или из мелкодробленого камня. Они таскаются по кораблю, стонут, ноют, набиваются в приборы, нарушают работу фазоциклера... Им, видишь ли, очень досаждают призраки бактерий, убитых во время дезинфекций! Однажды, когда мне показалось, что они особенно сильно расчихались, я вышел в коридор и предложил им фау-пенициллина. Но — увы! — это оказался Михаил Антонович... И никак от них не избавиться.

— Их падо святой водой.

— Пробовал. — Жилин махнул рукой, открыл большой люк и погрузился в него верхней частью туловища. — Все пробовал, — гулко сказал он из люка. — И простой святой водой, и дейтериевой, и тритиевой. Никакого впечатления. Но я придумал, как избавиться. — Он вылез из люка, захлопнул крышку и посмотрел на Юру серьезными глаза-

ми. — Надо проскочить на «Тахмасиб» сквозь Солнце. Ты понимаешь? Не было еще случая, чтобы привидение выдержало температуру термоядерной реакции. Кроме шуток, ты серьезно не слыхал о моем проекте сквозьсолнечного корабля?

Юра помотал головой. Ему никогда не удавалось определить тот момент, когда Жилин переставал шутить и начинал говорить серьезно.

— Странно, что ты не слыхал о нем. Эта идея получила большой резонанс.

— Но ведь внутри Солнца температуры достигают десятков миллионов градусов, — нерешительно сказал Юра.

— Значит? — сказал Жилин.

— Значит, корабль испарится.

— Правильно! Значит?

— Не знаю, — сказал Юра.

Жилин посмотрел на него с сожалением.

— А ведь это так просто, — сказал он. — Значит, надо проскочить через Солнце очень быстро, а на выходе поставить охладители — скажем, гигантские брандспойты. Пойдем наверх, я расскажу тебе подробнее, как это делается.

Наверху, однако, Юру поймал Быков.

— Стажер Бородин, — сказал он, — ступайте за мной.

Юра горестно вздохнул и поглядел на Жилина. Жилин едва заметно развел руками. Быков привел Юру в кают-компанию и усадил за стол напротив Юрковского. Предстояло самое неприятное: два часа принудительных занятий физикой металлов. Быков рассудил, что время перелета стажер должен использовать рационально, и с первого же дня усадил Юру за теоретические вопросы сварочного дела. Честно говоря, это было не так уж неинтересно, но Юру угнетала мысль, что его, опытного рабочего, заставляют заниматься, как школяра. Спротивляться он не смел, но занимался с большой прохладцей.

Гораздо интереснее было смотреть и слушать, как работает Юрковский.

Быков вернулся в свое кресло, несколько минут смотрел, как Юра нехотя листает страницы книги, а затем развернул очередную газету. Юрковский вдруг перестал шуметь электромашинкой и повернулся к Быкову.

— Ты слыхал что-нибудь о статистике безобразий?

— Каких безобразий? — спросил Быков из-за газеты.

— Я имею в виду безобразия... э-э... в космосе. Число неблагоприятных поступков и противозаконных действий быстро растет с удалением от Земли, достигает максимума в поясе астероидов и снова спадает к границам... э-э... Солнечной системы.

— Нет ничего удивительного, — проворчал Быков, не опуская газеты. — Вы же сами разрешили всяким лишенцам вроде «Спэйс Пёрл» копаться в астероидах, так чего ж вы теперь хотите?

— Мы разрешили! — Юрковский рассердился. — Не мы, а эти лондонские дурачки. И теперь сами не знают, что делать...

— Ты генеральный инспектор, тебе и карты в руки, — сказал Быков.

Юрковский некоторое время молча смотрел в бумаги.

— Душу выну из мер-рзавцев! — сказал вдруг он и снова зашумел машинкой.

Юра уже знал, что такое спецрейс 17. Кое-где в огромной сети космических поселений, охватившей всю Солнечную систему, происходило неладное, и Международное управление космических сообщений решило покончить с этим раз и, по возможности, навсегда. Юрковский был генеральным инспектором МУКСа и имел, по-видимому, неограниченные полномочия. Он обладал правом понижать в должности, давать выговоры, разносить, снимать, смещать, назначать, даже, кажется, применять силу и, судя по всему, был намерен делать все это. Более того, Юрковский намеревался падать на виновных как снег на голову, и поэтому спецрейс 17 был совершенно секретным. Из обрывков разговоров и из того, что Юрковский зачитывал вслух, следовало, что фотонный планетолет «Тахмасиб» после кратковременной остановки у Марса пройдет через пояс астероидов, задержится в системе Сатурна, затем оверсаном выйдет к Юпитеру и опять-таки через пояс астероидов вернется на Землю. Над какими именно небесными телами нависла грозная тень генерального инспектора, Юра так и не понял. Жилин только сказал Юре, что «Тахмасиб» высадит Юру на Япете, а оттуда планетолеты местного сообщения перебросят его, Юру, на Рею.

Юрковский опять перестал шуметь машинкой.

— Меня очень беспокоят научники у Сатурна, — озабоченно сказал он.

— Умгу, — донеслось из-за газеты.

— Представь себе, они до сих пор не могут раскататься... э-э... и взяться наконец за программу.

— Умгу.

Юрковский сказал сердито:

— Не воображай, пожалуйста, что я беспокоюсь за эту программу оттого, что она моя...

— А я и не воображаю.

— Я думаю, мне придется их подтолкнуть, — заявил Юрковский.

— Ну что ж, в час добрый, — сказал Быков и перевернул газетную страницу.

Юра почувствовал, что весь разговор этот — и странная нервозность Юрковского, и нарочитое равнодушие Быкова — имеет какой-то второй смысл. Похоже было, что неозримые полномочия генерального инспектора имели все-таки где-то границы. И что Быков и Юрковский об этих границах великолепно знали.

Юрковский сказал:

— Однако не пора ли пообедать? Кадет, не могли бы вы вакуумно сварить обед?

Быков сказал из-за газеты:

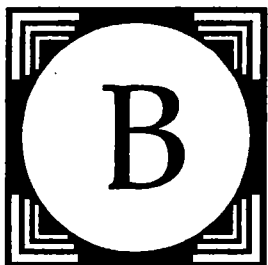
— Не мешай работать.

— Но я хочу есть! — сказал Юрковский.

— Потерпишь, — сказал Быков.

6. МАРС

Облава

четыре часа утра Феликс Рыбкин сказал: «Пора», и все стали собираться. На дворе было минус восемьдесят три градуса. Юра натянул на ноги две пары пуховых носков, одолженных ему Наташей, тяжелые меховые штаны, которые ему дал Матти, нацепил поверх штанов аккумуляторный пояс и влез в унты. Следопыты Феликса, невыспавшиеся и мрачноватые, торопливо пили горячий кофе. Наташа бегала на кухню и обратно, пося бутерброды, кофе и термосы. Кто-то попросил бульону — Наташа побежала на кухню и принесла бульон. Рыбкин и Жилин сидели на корточках в углу комнаты над раскрытым плоским ящиком, из которого торчали блестящие хвосты ракетных гранат. Ракетные ружья привез на Теплый Сырт Юрковский. Матти в последний раз проверял электрообогреватель куртки, предназначенной для Юры.

Следопыты напились кофе и молча потянулись к выходу, привычным движением натягивая на лицо кислородные маски. Феликс с Жилиным взяли ящик с гранатами и тоже пошли к выходу.

— Юра, ты готов? — спросил Жилин.

— Сейчас, сейчас, — ответил Юра.

Матти помог ему облачиться в куртку и сам подключил электрообогреватели к аккумуляторам.

— А теперь беги на улицу, — сказал он. — А то вспотеешь.

Юра сунул руки в рукавицы и побежал за Жилиным.

На дворе было совсем темно. Юра пересек наблюдательную площадку и спустился к танку. Здесь в темноте негромко переговаривались, слышалось позвякивание металла о металл. Юра налетел на кого-то. Из темноты посоветовали надеть очки. Юра посоветовал не торчать на дороге.

— Вот чудак, — сказали из темноты. — Надень тепловые очки.

Юра вспомнил про инфракрасные очки и надвинул их на глаза. Намного лучше от этого не стало, но теперь Юра смутно различал силуэты людей и широкую корму танка, нагретую атомным реактором. На танк грузили ящики с боеприпасами. Сначала Юра встал на подачу, но потом рассудил, что места в танке может не хватить и тогда его наверняка оставят в обсерватории. Он тихонько отошел к танку и вскарабкался на корму. Там двое в надвинутых на самый нос капюшонах принимали ящики.

— Кого это несет? — добродушно спросил один.

— Это я, — отозвался Юра.

— А, столичная штучка? — сказал другой. — Ступай в кузов, задвигай ящики под сиденья.

«Столичной штучкой» Юру называли местные сварщики, которым он накануне помогал оборудовать танки турелями для ракетных ружей и демонстрировал новейшие методы сварки в разреженных атмосферах.

В кузове были все те же восемьдесят три градуса ниже нуля, поэтому тепловые очки не помогали. Юра с энтузиазмом таскал ящики по гремящему дну кузова и на ощупь запикивал их под сиденья, натываясь на какие-то острые твердые углы, торчащие отовсюду. Потом таскать стало нечего. Через высокие борта полезли молчаливые Следопыты и стали рассаживаться, гремя карабинами. Юре несколько раз чувствительно наступали на ноги, и кто-то надвинул ему капюшон на глаза. В передней части кузова послышался отвратительный скрип — по-видимому, Фелкс пробовал турель. Потом кто-то сказал:

— Едут.

Юра осторожно высунул из-за борта голову. Он увидел серую стену обсерватории и блики прожекторов, скользящие по наблюдательной площадке. Это подходили остальные три танка центральной группы. Голос Феликса негромко сказал:

— Малинин!

— Я, — откликнулся Следопыт, сидевший рядом с Юрой.

— Петровский!

— Здесь.

— Хомерйки!

Закончив переключку (фамилии Юры и Жилина названы почему-то не были), Феликс сказал:

— Поехали.

Песчаный танк «Мимикродон» заворчал двигателем, лягнул и, грузно кренясь, с ходу полез куда-то в гору. Юра посмотрел вверх. Звезд видно не было — их заволокло пылью. Смотреть стало абсолютно не на что. Танк немилосердно трясло. Юра поминутно слетал с жесткого сиденья, натываясь все на те же острые твердые углы. В конце концов Следопыт, сидевший рядом, спросил:

— Ну что ты все время прыгаешь?

— Откуда я знаю? — сердито сказал Юра.

Он ухватился за какой-то стержень, торчавший из борта, и ему стало легче. Время от времени в клубах пыли, нависших над танком, вспыхивал свет прожекторов, и тогда на светлом фоне Юра видел черное кольцо турели и длинный ствол ракетного ружья, задранный к небу. Следопыты переговаривались.

— Боюсь, что после этой облавы от Старой Базы ничего не останется.

— Надо осторожно.

— Есть приказ — ни одного выстрела в сторону Старой Базы.

— Чей приказ?

— Опанасенки.

— Ну и глупо. Надо отдавать такие приказы, которые можно выполнять.

— Зря вы спорите. Ничего страшного не случится. Ну, попортим немного остатки стен. Самое интересное должно находиться внутри и внизу.

— Между прочим, я смотрел развалины и немножко разочаровался. Архитектура действительно только на первый

взгляд кажется странной, а потом начинаешь чувствовать, что ты это где-то уже видел.

- Купола, параллелепипеды...
- Вот именно. Совершенно как Теплый Сырт.
- Потому никому и в голову не приходило, что это не наше.
- Еще бы... После чудес Фобоса и Деймоса...
- А мне вот как раз это сходство и странно.
- Материал анализировали?

Юре было неудобно, жестко и как-то одиноко. Никто не обращал на него внимания. Люди казались чужими, равнодушными. Лицо обжигал свирепый холод. В днище под ногами со страшной силой били фонтаны песка из-под гусениц. Где-то рядом находился Жилищ, но его не было ни слышно, ни видно. Юра даже почувствовал какую-то обиду на него. Хотелось, чтобы скорее взошло солнце, чтобы стало тепло и светло. И чтобы перестало так трясти.

Быков отпустил Юру на Марс с большой неохотой и под личную ответственность Жилина. Сам он с Михаилом Антоповичем остался на корабле и крутился сейчас вместе с Фобосом на расстоянии девяти тысяч километров от Марса. Где был сейчас Юрковский, Юра не знал. Наверное, он тоже участвовал в облаве.

«Хоть бы карабин дали, — уныло думал Юра. — Я же им все-таки турели варил».

Все вокруг были с карабинами и, наверное, поэтому чувствовали себя так свободно и спокойно.

«Все-таки человек по своей природе неблагодарен и равнодушен, — с горечью подумал Юра. — И чем старше, тем больше. Вот если бы здесь были наши ребята, все было бы наоборот. У меня был бы карабин, я знал бы, куда мы едем и зачем. И я знал бы, что делать».

Танк вдруг остановился. От света прожекторов, метавшегося по тучам пыли, стало совсем светло. В кузове все замолчали, и Юра услышал незнакомый голос:

— Рыбкин, выходите на западный склон. Кузьмин — на восточный. Джефферсон, останьтесь на южном.

Танк снова двинулся. Свет прожектора упал в кузов, и Юра увидел Феликса, стоявшего у турели с радиофоном в руке.

— Становись своим бортом к западу, — сказал Рыбкин водителю.

Танк сильно накренился, и Юра расставил локти, чтобы не сползти на дно.

— Так, хорошо, — сказал Феликс. — Поддай еще немного вперед. Там ровнее.

Танк снова остановился. Рыбкин сказал в радиотелефон:

— Рыбкин на месте, товарищ Ливанов.

— Хорошо, — сказал Ливанов.

Все Следопыты стояли, заглядывая через борта. Юра тоже посмотрел. Ничего не было видно, кроме плотных туч пыли, медленно оседающей в лучах прожекторов.

— Кузьмин на месте. Только тут рядом какая-то башня.

— Спуститесь ниже.

— Слушаюсь. В общем, Кузьмин на месте.

— Внимание! — сказал Ливанов. На этот раз он говорил в мегафон, и его голос громом покатылся над пустыней. — Облава начнется через несколько минут. До восхода солнца остался час. Загонщики будут здесь через полчаса. Через полчаса включить ревуны. Можно стрелять. Всё.

Следопыты зашевелились. Снова послышался отвратительный скрежет турели. Борта танка оцетинились карабинами. Пыль оседала, и силуэты людей постепенно таяли, сливаясь с ночной темнотой. Снова стали видны звезды.

— Юра! — негромко позвал Жилин.

— Что? — сердито сказал Юра.

— Ты где?

— Здесь.

— Иди-ка сюда, — строго сказал Жилин.

— Куда? — спросил Юра и полез на голос.

— Сюда, к турели.

В кузове оказалось огромное количество ящиков. «И откуда они здесь взялись?» — подумал Юра. Мощная рука Жилина ухватила его за плечо и подтащила под турель.

— Сиди здесь, — строго сказал Жилин. — Будешь помогать Феликсу.

— А как? — спросил Юра. Он был еще обижен, но уже отходил.

Феликс Рыбкин тихо сказал:

— Вот здесь ящики с гранатами. — Он посветил фонариком. — Вынимайте гранаты по одной, снимайте колпачок с хвостовой части и подавайте мне.

Следопыты переговаривались:

— Ничего не вижу.
— Очень холодно сегодня, все остыло.
— Да, осень скоро. Погоды стоят холодные...
— Вот я, например, вижу на фоне звезд какой-то купол наверху и целюсь в него.

— Зачем?
— Это единственное, что я вижу.
— А спать можно?

Феликс над головой Юры тихо сказал:

— Ребята, за восточной стороной слежу я. Не стреляйте пока, я хочу опробовать ружье.

Юра сейчас же взял гранату и спял колпачок. На несколько минут наступила мертвая тишина.

— А славная девушка Наташа, правда? — сказал кто-то шепотом.

Феликс сделал движение. Турель скрипнула.

— Зря она так коротко стрижется, — отозвались с западного борта.

— Много ты понимаешь...

— Она на мою жену похожа. Только волосы короче и светлее.

— И чего это Сережка зевает! Такой лихой парень, не похоже на него.

— Какой Сережка?
— Сережка Белый, астроном.
— Женаг, наверное.
— Нет.

— Они ее все очень любят. Просто по-товарищески. Она ведь на редкость славный человек. И умница. Я ее еще по Земле немножко знаю.

— То-то ты ее за бульоном гонял.

— А что такого?

— Да нехорошо просто. Она всю ночь работала, потом завтрак нам готовила. А тебе вдруг приспичило бульона...

— Тс-с-с!

В мгновенно наступившей тишине Феликс тихо сказал:

— Юра, хотите посмотреть на пиявку? Смотрите!

Юра немедленно высунулся. Сначала он увидел только черные изломанные силуэты развалин. Потом что-то бесшумно задвигалось там. Длинная гибкая тень поднялась над башнями и медленно закачалась, закрывая и открывая яркие

звезды. Снова скрипнула турель, и тень застыла. Юра затаил дыхание. «Сейчас, — подумал он. — Сейчас». Тень изогнулась, словно складываясь, и в ту же секунду ракетное ружье выпалило.

Раздался длинный шипящий звук, брызнули искры, огненная дорожка протянулась к вершине холма, что-то гулко лопнуло, ослепительно вспыхнуло, и снова наступила тишина. С вершины холма посыпались камешки.

— Кто стрелял? — проревел мегафон.

— Рыбкин, — сказал Феликс.

— Попал?

— Да.

— Ну, в добрый час, — проревел мегафон.

— Гранату, — тихо сказал Феликс.

Юра поспешно сунул ему в руку гранату.

— Это здорово, — с завистью сказал кто-то из Следопытов. — Прямо напололам.

— Да, это не карабин.

— Феликс, а почему нам всем таких не дали?

Феликс ответил:

— Юрковский привез всего двадцать пять штук.

— Жаль. Доброе оружие.

— Прямо напололам. Как горлышко от бутылки.

С восточного борта вдруг начали палить. Юра азартно вертел головой, но ничего не видел. Зашипела и лопнула над развалинами ракета, пущенная с какого-то другого танка. Феликс выстрелил еще раз.

— Гранату, — сказал он громко.

Пальба с небольшими перерывами продолжалась минут двадцать. Юра ничего не видел. Он подавал гранату за гранатой и вспотел. Стреляли с обоих бортов. Феликс со страшным скрежетом поворачивал ружье на турели. Затем включили ревуны. Тоскливый грубый вой понесся над пустыней. У Юры заныли зубы и зачесались пятки. Стрелять перестали, но разговаривать было совершенно невозможно.

Быстро светало. Юра теперь видел Следопытов. Почти все они сидели, прижавшись спиной к бортам, нахохлившись, плотно надвинув капюшоны. На дне стояли раскрытые пластмассовые ящики с торчащими из них клочьями цветного целлофана, в изобилии валялись расстрелянные гильзы, пустые

обоймы. Перед Юрой на ящике сидел Жилин, держа карабин между колен. На открытых щеках его слабо серебрилась изморозь. Юра встал и посмотрел на Старую Базу. Серые изъеденные степы, колючий кустарник, камни. Юра был разочарован. Он ожидал увидеть дымящиеся груды трупов. Только присмотревшись, он заметил желтоватое щетинистое тело, застрявшее в расщелине среди колючек, да на одном из куполов что-то мокро и противно блестело.

Юра повернулся и посмотрел в пустыню. Пустыня была серая под темно-фиолетовым небом, покрытая серой рябью барханов, мертвая и скучная. Но высоко над ровным горизонтом Юра увидел яркую желтую полосу, клочковатую, рваную, протянувшуюся через всю западную часть неба. Полоса быстро ширилась, росла, наливалась светом.

— Загонщики идут! — заорал кто-то еле слышно в реве сирен.

Юра догадался, что желтая яркая полоса над горизонтом — это туча пыли, поднятая облавой. Солнце поднималось навстречу загонщикам, на пустыню легли красные пятна света, и вдруг осветилось огромное желтое облако, заволакивающее горизонт.

— Загонщики, загонщики! — завопил Юра.

Весь горизонт — прямо, справа, слева — покрылся черными точками. Точки появлялись, и исчезали, и снова появлялись на гребнях далеких барханов. Уже сейчас было видно, что танки и краулеры идут на максимальной скорости и каждый волочит за собой длинный клубящийся шлейф. Вдоль всего горизонта сверкали яркие быстрые вспышки, и непонятно было — то ли это вспышки выстрелов, то ли разрывы гранат, а может быть, просто сверкание солнца на ветровых стеклах.

Юру пнули в бок, и он сел, споткнувшись, на ящики. Феликс Рыбкин лихо разворачивал на турели свой длинный гранатомет. Несколько Следопытов кинулись к левому борту. Загонщики стремительно приближались. Теперь до них было километров пять-семь, не больше. Горизонт заволокло совершенно, и было видно, что перед загонщиками катится по пустыне дымная полоса вспышек. Мегафон проревел, перекрывая вой сирен:

— Весь огонь на пустыню! Весь огонь на пустыню!

С танка начали стрелять. Юра видел, как широченные плечи Жилина вздрагивают от выстрелов, и видел белые

вспышки над бортом, и никак не мог понять, куда стреляют и по кому стреляют. Феликс хлопнул его по капюшону, Юра быстро подал гранату и сорвал колпачок со следующей. Тупо и упрямо выли сирены, грохотали выстрелы, и все были очень заняты, и не у кого было спросить, что происходит. Потом Юра увидел, как с одного из приближающихся танков сорвалась длинная красная струя огня, похожая на плевок, и утопула в дымной полосе перед цепью загонщиков. Тогда он понял. Все стреляли по этой дымной полосе: там были пиявки. И полоса приближалась.

Из-за холма, кормой вперед, медленно выкатился танк Кузьмина. Танк еще не остановился, когда кузов его распахнулся и оттуда выдвинулась огромная черная труба. Труба стала задираться к небу, и, когда она застыла под углом в сорок пять градусов, Следопыты Кузьмина горохом посыпались через борта и полезли под гусеницы. Из кузова повалил густой черный дым, труба с протяжным хрипом выбросила огромный язык пламени, после чего танк заволокло тучами пыли. На минуту стрельба прекратилась. На гребне бархана, метрах в трехстах, ни к селу ни к городу вспучился лохматый гриб дыма и пыли.

Феликс опять шлепнул Юру по капюшону. Юра подал ему сразу одну за другой две гранаты и оглянулся на танк Кузьмина. В пыли было видно, как Следопыты с наугой выволакивают трубу из кузова. Юре даже показалось, что сквозь рев и треск выстрелов он слышит невинные проклятья.

Дымная полоса, в которой вспыхивали огоньки разрывов, надвигалась все ближе. И наконец Юра увидел. Пиявки были похожи на исполинских серо-желтых головастика. Гибкие, необычайно подвижные, несмотря на свои размеры и, вероятно, немалый вес, они стремительно выскакивали из тучи пыли, проносились в воздухе несколько десятков метров и снова исчезали в пыли. А за ними, почти по пятам, неслись, подскакивая на барханах, широкие квадратные танки и маленькие краулеры, сверкающие огоньками выстрелов. Юра нагнулся за грапатами, а когда он выпрямился, пиявки были уже совсем близко, огоньки выстрелов исчезли, танки замедлили ход, на крыши кабин выскакивали люди и размахивали руками, и вдруг откуда-то слева, огибая машину Кузьмина, на сумасшедшей скорости вылетел песчаный танк и пошел, пошел, пошел вдоль пыльной стены, через самую гущу пиявок. Кузов его был

пуст. Вслед за ним из пыли выскочил второй такой же пустой танк, за ним третий, и больше уже ничего нельзя было разоб-
брать в желтой, непроглядно густой пыли.

— Прекратить огонь! — заревел мегафон.

— Гони! Гоши! — отозвался мегафон у загонщиков.

Пыль закрыла все, наступили сумерки.

— Берегись! — крикнул Феликс и пригнулся.

Длинное темное тело пронеслось над танком. Феликс вы-
прямился и круто развернул ракетное ружье в сторону Стар-
рой Базы. Внезапно сирены замолкли, и сразу стали слышны
грохот десятков двигателей, лязг гусениц и крики. Феликс
больше не стрелял. Он потихоньку передвигал ружье то впра-
во, то влево, и пронзительный скрип казался Юре райской
музыкой после сирен. Из пыли появилось несколько человек
в карабинами. Они подбежали к танку и поспешно вскараб-
кались через борта.

— Что случилось? — спросил Жилин.

— Краулер перевернулся, — быстро ответил кто-то.

Другой, нервно рассмеявшись, сказал:

— Медленное и методическое движение.

— Каша, — сказал третий. — Не умеем мы воевать.

Грохот моторов надвинулся, мимо медленно и неуверенно
проползли два танка. У последнего за гусеницей тащилось
что-то бесформенное, облепленное пылью.

— Будем надеяться, что это не Опанасенко, — пробормо-
тал кто-то из Следопытов.

Удивленный голос вдруг сказал:

— Ребята, а сирены-то не воют!

Все засмеялись и заговорили.

— Ну и пылища.

— Словно осенняя буря началась.

— Что теперь делать, Феликс? Эй, командир!

— Будем ждать, — негромко сказал Феликс. — Пыль
скоро сядет.

— Неужели мы от них избавились?

— Эй, загонщики, много вы там настреляли?

— На ужин хватит, — сказал кто-то из загонщиков.

— Они, подлые, все ушли в каверны.

— Здесь только одна прошла. Они сирен боятся.

Пыль медленно оседала. Стал виден неяркий кружок солн-
ца, проглянуло фиолетовое небо. Затем Юра увидел мертвую

пиявку — вероятно, ту самую, которая перепрыгнула через кузов. Она валялась на склоне холма, прямая как палка, длинная, покрытая рыжей жесткой щетиной. От хвоста к голове она расширялась, словно воронка, и Юра разглядывал ее пасть, чувствуя, как по спине ползет холодок. Пасть была совершенно круглая, в полметра диаметром, усаженная большими плоскими треугольными зубами. Смотреть на нее было тошно. Юра огляделся и увидел, что пыль почти осела и вокруг полным-полно танков и краулеров. Люди прыгали через борта и медленно брели вверх по склону к развалинам Старой Базы. Моторы затихли. Над холмом стоял шум голосов, да слабо потрескивал неизвестно как подожженный кустарник.

— Пошли, — сказал Феликс.

Он снял с турели ружье и полез через борт. Юра двинулся было за ним, но Жилин поймал его за рукав.

— Тихо, тихо, — сказал он. — Ты пойдешь со мной, голубчик.

Они вылезли из танка и стали подниматься вслед за Феликсом. Феликс направлялся к большой группе людей, толпившихся метрах в пяти ниже развалин. Люди обступили каверну — глубокую черную пещеру, круто уходящую под развалины. Перед входом, уперев руки в бока, стоял человек с карабином на шее.

— И много туда... э-э... проникло? — спрашивал он.

— Две пиявки наверняка, — отвечали из толпы. — А может быть, и больше.

— Юрковский! — сказал Жилин.

— Как же вы их... э-э... не задержали? — спросил Юрковский укоризненно.

— А они... э-э-э... не захотели задержаться, — объяснили в толпе.

Юрковский сказал пренебрежительно:

— Надо было... э-э... задержать! — Он снял карабин. — Пойду посмотрю, — сказал он.

Никто не успел и слова сказать, как он пригнулся и с неожиданной ловкостью нырнул в темноту. Вслед за ним тенью скользнул Феликс. Юра больше не раздумывал. Он сказал: «Позвольте-ка, товарищ», — и отобрал карабин у соседа. Ошарашенный сосед не сопротивлялся.

— Ты куда? — удивился Жилин, оглядываясь с порога пещеры.

Юра решительно шагнул к каверне.

— Нет-нет, — скороговоркой сказал Жилин, — тебе туда нельзя.

Юра, нагнув голову, пошел на него.

— Нельзя, я сказал! — рывкнул Жилин и толкнул его в грудь.

Юра с размаху сел, подняв много пыли. В толпе захохотали. Мимо бежали Следопыты, один за другим скрывались в пещере. Юра вскочил, он был в ярости.

— Пустите! — крикнул он. Он кинулся вперед и палетел на Жилина, как на стену.

Жилин сказал просительно:

— Юрик, прости, но тебе туда и правда не надо.

Юра молча рвался.

— Ну что ты ломишься? Ты же видишь, я тоже остался.

В пещере глухо забухали выстрелы.

— Вот видишь, прекрасно обошлись без нас с тобой.

Юра стиснул зубы и отошел. Он молча сунул карабин опомнившемуся загонщику и понуро остановился в толпе. Ему казалось, что все на него смотрят. «Срам-то, срам какой, — думал он. — Только что уши не надрали. Ну пусть бы один на один — в конце концов, Жилин это Жилин. Но не при всех же...» Он вспомнил, как десять лет назад забрался в комнату к старшему брату и раскрасил цветными карандашами чертежи... Он хотел, как лучше. И как старший брат вывел его за ухо на улицу, и какой это был срам!

— Не обижайся, Юрка, — сказал Жилин. — Я нечаянно. Совершенно забыл, что здесь тяжесть меньше.

Юра упрямо молчал.

— Да ты не беспокойся, — ласково сказал Жилин, поправляя его капюшон. — Ничего с ним не случится. Там ведь Феликс возле него, Следопыты... А я тоже сгоряча решил, что пропадет старик, и кинулся, но потом, спасибо тебе, опомнился...

Жилин говорил еще что-то, но Юра больше не слышал ни слова. «Уж лучше бы мне надрали уши, — в отчаянии думал он. — Лучше бы публично побили по лицу. Мальчишка, сопляк, эгоист неприличный! Правильно Иван сделал, что треснул меня. Не так еще меня надо было треснуть. — Юра даже зашипел сквозь зубы, так ему стало стыдно. — Иван вот заботился и обо мне, и о Юрковском, и он

нисколько не сомневается, что и я тоже заботился о Юрковском и о нем... А я?.. То, что Юрковский прыгнул в пещеру, я воспринял только как разрешение на геройские подвиги. Ни на секунду не подумал о том, что Юрковскому угрожает опасность. Жаждал, дурак, сразиться с пиявками и стяжать славу... Хорошо еще, что Иван не знает».

— Па-аберегись! — завопили сзади.

Юра машинально отошел в сторону. Сквозь толпу к пещере вскарабкался краулер, тащивший за собой прицеп с огромным серебристым баком. От бака тянулся металлический шланг со странным длинным наконечником. Наконечник держал под мышкой человек на переднем сиденье.

— Здесь? — деловито осведомился человек и, не дожидаясь ответа, направил наконечник в сторону пещеры. — Подведи еще поближе, — сказал он водителю. — А ну, ребята, посторонитесь, — сказал он в толпу. — Дальше, дальше, еще дальше. Да отойдите же, вам говорят! — крикнул он Юре.

Он прицелился наконечником шланга в черный провал пещеры, но на пороге пещеры появился один из Следопытов.

— Это еще что? — спросил он.

Человек со шлангом сел.

— Елки-палки, — сказал он. — Что вы там делаете?

— Да это же огнемёт, ребята! — догадался кто-то в толпе.

Огнемётчик озадаченно почесал где-то под капюшоном.

— Нельзя же так, — сказал он. — Надо же предупредить.

Под землей вдруг стали стрелять так ожесточенно, что Юре показалось, что из пещеры полетели клочья.

— Зачем вы это затеяли? — спросил огнемётчик.

— Это Юрковский, — ответили из толпы.

— Какой Юрковский? — спросил огнемётчик. — Сын, что ли?

— Нет, пэр.

Из пещеры один за другим вышли еще трое Следопытов. Один из них, увидев огнемёт, сказал:

— Вот хорошо. Сейчас все выйдут, и дадим.

Из пещеры выходили люди. Последними выбрались Феликс и Юрковский. Юрковский говорил запыхавшимся голосом:

— Значит, вот эта вот башня над нами должна быть чем-то вроде... э-э... водокачки. Очень... э-э... возможно! Вы молодец, Феликс. — Он увидел огнемёт и остановился. — А-а, огнемёт! Ну что ж... э-э... можно. Можете работать. — Он благосклонно покивал огнемётчику.

Огнемётчик оживился, соскочил с сиденья и подошел к порогу пещеры, волоча за собой шланг. Толпа подалась назад. Один Юрковский остался возле огнемётчика, уперев руки в бока.

— Громовержец, а? — сказал Жилин над ухом Юры.

Огнемётчик прицелился. Юрковский вдруг взял его за руку.

— Постойте. А собственно... э-э... зачем это нужно? Живые пиявки давно... э-э... мертвы, а мертвые... э-э... понадобятся биологам. Не так ли?

— Зевес, — сказал Жилин. Юра только повел плечом. Ему было стыдно.

Пеньков залпом допил чашку, отдулся и задумчиво сказал:

— Выпить, что ли, еще чашку кофе?

— Давай я налью, — сказал Матти.

— А я хочу, чтобы Наташа, — сказал Пеньков.

Наташа налила ему кофе. За окном была черная, кристально ясная ночь, какие часто бывают в конце лета, накануне осенних бурь. В углу столовой беспорядочной кучей громоздились меховые куртки, аккумуляторные пояса, унты, карабины. Уютно пощелкивали электрические часы над дверью в мастерскую. Матти сказал:

— Все-таки я не понимаю, уничтожили мы пиявок или нет!

Сережа оторвался от книжки.

— Коммюнике главного штаба, — сказал он. — На поле боя осталось шестнадцать пиявок, один танк и три краулера. По непроверенным данным, еще один танк застрял на солончаках в самом начале облавы, и извлечь его оттуда пока не удалось.

— Это я знаю, — объявил Матти. — Меня интересует, могу я теперь ночью сходить в Теплый Сырт?

— Можешь, — сказал Пеньков, отдуваясь. — Но нужно взять карабин, — добавил он, подумав.

— Понятно, — сказал Матти необычайно язвительно.
— А зачем тебе, собственно, ночью на Теплый Сырт? — спросил Сергей.

Матти посмотрел на него.

— А вот зачем, — сказал он вкрадчиво. — Например, приходит время товарищу Белому Сергею Александровичу выходить на наблюдения. Три часа ночи, а товарища Белого, вы сами понимаете, на обсерватории нет. Тогда я иду в Теплый Сырт на Центральную метеостанцию, поднимаюсь на второй этаж...

— Лаборатория восемь, — вставил Пеньков.

— Я все понял, — сказал Сергей.

— А почему я ничего не знаю? — спросила Наташа обиженно. — Почему мне никогда ничего не говорят?

— Что-то Рыбкина давно нет, — задумчиво сказал Сергей.

— Да, действительно, — сказал Пеньков глубокомысленно.

— Уж полночь близится, — заявил Матти, — а Рыбкина все нет.

Наташа вздохнула.

— До чего вы мне все надоели, — сказала она.

В тамбуре звякнула дверь шлюза.

— Вот он сейчас придет, он нам посмеется, — сказал Пеньков.

В дверь столовой постучали.

— Войдите, — сказала Наташа и сердито посмотрела на ребят.

Вошел Рыбкин, аккуратный и подтянутый, в чистом комбинезоне, в белоснежной сорочке, безукоризненно выбритый.

— Можно? — спросил он тихо.

— Заходи, Феликс, — сказал Матти и налил кофе в заранее приготовленную чашку.

— Я немного запоздал сегодня, — сказал Феликс. — Было совещание у директора.

Все выжидательно посмотрели на него.

— Больше всего говорили о регенерационном заводе. Юрковский приказал на два месяца прекратить все научные работы. Все ученые мобилизуются в мастерские и на строительство.

— Все? — спросил Сергей.

— Все. Даже Следопыты. Завтра будет приказ.

— Полетела моя программа, — уныло сказал Пеньков. — И почему эта наша администрация никак не может паладить работу?

Наташа сказала с сердцем:

— Молчи, Володя! Ведь ты же ничего не знаешь!..

— Да, — сказал Сергей задумчиво. — Я слышал, что с водой у нас неважно. А что еще было на совещании?

— Юрковский произнес большую речь. Он сказал, что мы захлебнулись в повседневщине. Что мы слишком любим жить по расписанию, обожаем насиженные места и за тридцать лет успели создать... как это он сказал... «скучные и сложные традиции». Что у нас сгладились извилины, ведающие любознательностью, чем только и можно объяснить анекдот со Старой Базой. В общем, говорил примерно то же, что и ты, Сергей, помнишь, на прошлой декаде? О том, что кругом тайны, а мы копаемся... Очень была горячая речь — по-моему, экспромтом. Потом он похвалил нас за облаву, сказал, что приехал нас подталкивать и очень рад, что мы сами на эту облаву решились... А потом выступил Пучко и потребовал голову Ливанова. Кричал, что покажет ему «медленно и методично»...

— А что такое? — спросил Пеньков.

— Очень сильно покалечили тапки. А через два месяца нашу группу переводят на Старую Базу, так что будем соседями...

— А Юрковский уезжает? — спросил Матти.

— Да, сегодня ночью.

— Интересно, — задумчиво сказал Пеньков, — зачем он возит с собой этого сварщика?

— Турели варить, — сказал Матти. — Говорят, он собирается провести еще несколько облав — на астероидах.

— С Юрковским у меня был инцидент, — сказал Сергей. — Еще в институте. Сдавал я ему как-то курс теоретической планетологии, и он меня выгнал очень оригинальным способом. «Дайте, — говорит, — товарищ Белый, вашу зачетку и откройте, пожалуйста, дверь». Я с большим удивлением иду и открываю дверь. Тут он кидает мою зачетку в коридор и говорит: «Идите и возвращайтесь через месяц».

— Ну? — сказал Пеньков.

— Ну, я и пошел.

— А что это он так грубо? — спросил Пеньков с неудовольствием.

— А я молодой был тогда, — сказал Сергей. — Наглый...
— Ты и сейчас хорош, — заметила Наташа.
— Так перебили мы все-таки пивок или нет? — спросил Матти.

Все посмотрели на Феликса.

— Трудно сказать, — сказал Феликс. — Убито шестнадцать штук, а мы никак не ожидали, что их будет больше десяти. Практически, наверное, перебили.

— А ты пришел с карабином? — спросил Матти.

Феликс кивнул.

— Понятно, — сказал Матти.

— А правда, что Юрковского чуть из огнемета не сожгли? — спросила Наташа.

— И меня вместе с ним, — сказал Феликс. — Мы спустились в каверну, а огнеметчики не знали, что мы там. С этой каверны мы начнем работу через два месяца. Там, по моему, сохранились остатки водопровода. Водопровод очень странный — не круглые трубы, а овальные.

— Ты еще надеешься найти двуногих прямоходящих? — спросил Сергей.

Феликс помотал головой.

— Нет, здесь мы их не найдем, конечно.

— Где здесь?

— Возле воды.

— Не понимаю, — сказал Пеньков. — Наоборот! Если их нет здесь, у воды, значит, их и вообще нет.

— Нет-пет-пет, — сказала Наташа. — Я, кажется, понимаю. У нас на Земле марсиане стали бы искать людей в пустыне. Это же естественно. Подальше от ядовитой зелени, подальше от областей, закрытых тучами. Искали бы где-нибудь в Гоби. Так, Феликс? Я хочу сказать, что я тоже так думаю.

— Значит, мы должны искать марсиан в пустынях? — сказал Пеньков. — Хорошенькое дело! А зачем же им тогда водопроводы?

— Может быть, это не водопроводы, — сказал Феликс, — а водоотводы. Вроде наших дренажных канав.

— Ну, это ты, по моему, слишком, — сказал Сергей. — Скорее уж они живут в подземных пустотах. Впрочем, я сам не знаю, почему это, собственно, скорее, но все равно — то, что ты говоришь, это слишком уж смело... Ненормально смело.

— А иначе нельзя, — сказал Феликс тихо.

— Мать честная! — сказал Пеньков и вылез из-за стола. — Мне ведь пора!

Он пошел через комнату к груде меховой одежды.

— И мне пора, — сказала Наташа.

— И мне, -- сказал Сергей.

Матти принялся убирать со стола, Феликс аккуратно под-вернул рукава и стал ему помогать.

— Так зачем у тебя так много часов? — спросил Матти, косясь на Феликсовы запястья.

— Забыл снять, — пробормотал Феликс. — Теперь это, наверное, ни к чему.

Он ловко мыл тарелки.

— А когда они были к чему?

— Я проверял одну гипотезу, — тихо сказал Феликс. — Почему пиявки нападают всегда справа. Был только один случай, когда пиявка напала слева — на Крейцера, который был левша и носил часы на правой руке.

Матти с изумлением воззрился на Феликса.

— Ты думаешь, пиявки боялись тиканья?

— Вот это я и хотел выяснить. На меня лично пиявки не нападали ни разу, а ведь я ходил по очень опасным местам.

— Странный ты человек, Феликс, — сказал Матти и снова принялся за тарелки.

В столовую вошла Наташа и весело спросила:

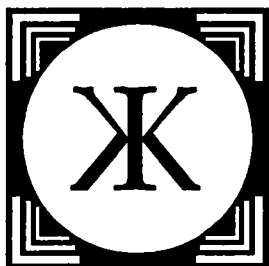
— Феликс, вы идете? Пошли вместе.

— Иду, — сказал Феликс и направился в переднюю, на ходу опуская засученные рукава.

7. «ТАХМАСИБ»

Польза инструкций

илин читал, сидя за столом. Глаза его быстро скользили по страницам, время от времени влажно поблескивая в голубоватом свете настольной лампы. Некоторое время Юра следил за Жилиным и вдруг поймал себя на том, что любит его. У Ивана было тяжеловатое коричневое лицо, четкое, как гравюра. Такое по-настоящему мужественное лицо настоящего человека.

Хороший человек Ваня Жилин. Можно прийти к нему в любое время и сидеть и болтать, что в голову взбредет, и никогда ты ему не мешаешь. И он всегда тебе рад. Есть такие люди на свете, и это здорово. Женька Сегал, например. С ним можно идти на любое дело, на любой риск, и точно известно, что не придется его подгонять, он сам кого хочешь подгонит. Юра представил себе Женьку на Рее, как он вместе с ребятами варит щелевые конструкции в черной пустоте. Белый огонь окситана пляшет на силикатовом забрале, и он орет песни на весь эфир, придерживая ломтями цилиндр смесителя, который у него всегда висит на груди, а не на спине, как требует инструкция. Так ему удобно, и

ни за что его не переубедить, пока кто-нибудь с цилиндром на спине не обгонит его на инерционном шве, на продольном стыке или хотя бы на простой косоугольной распорке без троса. Вот тогда он посмотрит и, возможно, перебросит цилиндр за спину, да и то не обязательно. А на инструкцию он плевал. «Инструкция — это для тех, кто еще не умеет». Но вот слуха у него нет. Поет он просто безобразно. И это даже хорошо, потому что куда годится человек, к которому и придраться нельзя? У порядочного человека всегда должна быть такая дырка в способностях, лучше даже несколько, и тогда он будет по-настоящему приятен. Тогда ты точно знаешь, что он не перл какой-нибудь. Вот Женька — стоит ему запеть, и сразу видно, что он не перл, а славный парень.

— Ваня, — сказал Юра, — у вас есть слух?

— Что ты, братец, — сказал Жилин, не отрываясь от книжки. — За кого ты меня принимаешь?

— Я так и думал, — сказал Юра с удовлетворением. — А что это у вас за книжка?

Жилин поднял голову, некоторое время смотрел на Юру, затем медленно произнес:

— «Правила санитарной дисциплины для лейб-гусар Ея Императорского Величества».

Юра фыркнул. Было, однако, ясно, что Иван не хочет говорить, что это за книга. Что ж, в этом нет ничего такого...

— Я сегодня одолел наконец «Физику металлов», — сказал Юра. — Ну и скучища. Разве можно так писать книги? Алексей Петрович меня слегка проэкзаменовал, — последнее слово Юра выговорил с особым отвращением, — и все время придирался. Почему он ко мне все время придирается, вы не знаете, Ваня?

Жилин закрыл книжку и спрятал в стол.

— Это тебе кажется, — сказал он. — Капитан Быков никогда не придирается. Он только требует то, что следует требовать. Он очень справедливый человек, наш капитан.

Несколько минут Юра размышлял, удобно ли и честно будет сказать то, что ему хочется сказать. В глаза Быкову сказать такое, пожалуй, не рискнешь. За глаза говорить нехорошо. А сказать очень хочется...

— Ваня, а каких людей вы больше всего не любите?

Жилин немедленно ответил:

— Людей, которые не задают вопросов. Есть такие — уверенные...

Он прищурил глаз, посмотрел на Юру, схватил карандаш и быстро нарисовал его портрет. Стажер Бородин, очень похожий, вот с таким носом, сидел, перекосив физиономию, за чтением толстой книги «Физика металлов».

— А я так не люблю скучных, — заявил Юра, разглядывая рисунок. — Можно, я его возьму? Спасибо... Я вот, Ваня, очень не люблю скучных. У них такая скучная, тошная жизнь. На работе пишут бумажки или считают на машинах, которые не они придумали, а сами придумать что-нибудь даже не пытаются. Им и в голову не приходит что-нибудь придумать. Они все делают «как люди». Вот примутся рассуждать: эти ботинки красивые и прочные, а эти нет; и не умеют у нас в Вязьме красивую мебель делать, придется из Москвы выписать; а вот об этой книге говорят, что ее надо прочесть; и пойдете завтра по грибы — по слухам, хорошие в этом году грибы... Елки-палки, меня по эти грибы ничем на свете не загонишь!

Жилин задумчиво слушал, тщательно разрисовывая на бумаге огромный интеграл от нуля до бесконечности.

— Всегда у них уйма свободного времени, — продолжал Юра, — и никогда они не знают, куда это время девать. Катаются на машинах большой глупой компанией, и тошно смотреть, как они это по-идиотски делают. Сначала по грибы, потом идут в кафе и едят так — просто от безделья, потом начинают гонять по шоссе, только по самым лучшим и благоустроенным, где, значит, безопасно, и ремонтные автоматы под рукой, и мотели, и все что хочешь. Потом собираются на какой-нибудь даче и там опять ничего не делают, даже не беседуют. Скажем, перебирают эти свои паршивые грибы и спорят, где подберезовик, а где подосиновик. А уж начнут спорить о чем-нибудь дельном, тут уж беги — спасайся. Почему, видите ли, их до сих пор не пускают в космос? А спроси, зачем им это, — ничего толком ответить не могут, бормочут что-то про свои права. Ужасно они любят говорить про свои права. Но самое противное у них — это то, что у них всегда масса времени, и они это время убивают. Я тут на «Тахмасибе» не знаю, куда деваться от безделья, мне работать не терпится, а они были бы здесь как рыба в воде...

Юра потерял нить и замолчал. Жилин все разрисовывал свой интеграл, лицо у него стало почему-то печальное. Потом он сказал:

— А при чем здесь капитан Быков?

Юра вспомнил, с чего он начал.

— Алексей Петрович, — перешитительно пробормотал он, — он... какой-то скучноватый...

Жилин кивнул.

— Я так и думал, — сказал он. — Но ты ошибаешься, дружище, если мешаешь все в одгу кучу — и Быкова, и любителей безопасных шоссе...

— Я совсем не это имел в виду...

— Я понимаю тебя. Так вот. Быков любит свое дело — раз. Не мыслит себя в каком-либо другом качестве — два. И потом, ведь Алексей Петрович работает даже тогда, когда читает журналы или дремлет в своем кресле. Ты никогда не задумывался над этим?

— Н-нет...

— Зря. Знаешь, в чем работа Быкова? Быть всегда готовым. Это очень сложная работа. Тяжелая, изматывающая. Нужно быть Быковым, чтобы выдерживать все это. Чтобы привыкнуть к постоянному напряжению, к состоянию непрерывной готовности. Не понимаешь?

— Не знаю... Если это действительно так...

— Но это действительно так! Он солдат космоса. Ему можно только позавидовать, Юрочка, потому что он нашел главное в себе и в мире. Он нужен, необходим и труднозаменим. Понимаешь?

Юра молча нерешительно кивнул. Перед ним встала осточертевшая картина: прославленный капитан в шлепанцах и полосатых носках в позе бюргера в своем любимом кресле.

— Я знаю, тебя покори́л Владимир Сергеевич. Что ж, это понятно. С одной стороны, Юрковский, который считает, что жизнь — это довольно скучная возня с довольно скучными делами и нужно пользоваться всяким случаем, чтобы разрядиться в великолепной вспышке. С другой стороны, Быков, который полагает истинную жизнь в непрерывном напряжении, не признает никаких случаев, потому что он готов к любому случаю, и никакой случай не будет для него неожиданностью... Но есть еще и третья сторона. Представь себе, Юра, — Жилин положил ладони на стол и откинулся

в кресле, — огромное здание человеческой культуры: все, что человек создал сам, вырвал у природы, переосмыслил и сделал заново так, как природе было бы не под силу. Величественное такое здание! Строят его люди, которые отлично знают свое дело и очень любят свое дело. Например, Юрковский, Быков... Таких людей меньше пока, чем других. А другие — это те, на ком стоит это здание. Так называемые маленькие люди. Просто честные люди, которые, может быть, и не знают, что они любят, а что нет. Не знают, не имели случая узнать, что они могут, а что нет. Просто честно работают там, где поставила их жизнь. И вот они-то в основном и держат на своих плечах дворец Мысли и Духа. С девяти до пятнадцати держат, а потом едут по грибы... — Жилин помолчал. — Конечно, хочется, чтобы каждый и держал, и строил. Очень, брат, хочется. И так обязательно будет когда-нибудь. Но на это нужно время. И силы. Такое положение вещей тоже ведь надо создать.

Юра сосредоточенно думал. Что-то было в словах Ивана. Что-то непривычное.

Это надо было еще осмыслить.

Жилин заложил руки за голову.

— Я вспоминаю одну историю, — проговорил он. Он глядел прямо на лампу, зрачки у него стали как точки. — У меня был товарищ, звали его Толя. Мы вместе в школе учились. Он был всегда такой незаметный, все, бывало, копался в мелочах. Мастерил какие-то тетрадошки, клеил корбочки. Очень любил переплетать старые, зачитанные книжки. Добряк был большой, до того добряк, что обидных шуток не понимал. Воспринимал их как-то странно и, на наш тогдашний развеселый взгляд, как-то даже дико. Запустишь ему, бывало, в кровать тритона, а он его вытащит, положит на ладонь и долго рассматривает. Мы вокруг гогочем, потому что смешно, а он его разглядывает, а потом скажет негромко: «Вот бедняга» — и отнесет в пруд. Потом он вырос и стал где-то статистиком. Всем известно, работа эта тихая и незаметная, и все мы считали, что так ему и надо и ши на что другое наш Толя не годится. Работал он честно, без всякого увлечения, но добросовестно. Мы летали к Юпитеру, поднимали вечную мерзлоту, строили новые заводы, а он все сидел в своем учреждении и считал на машинах, которые не сам придумал. Образцовый маленький человек. Хоть обложи его

ватой и помести в музей под колпак с соответствующей надписью: «Типичный самодовлеющий человек конца двадцатого века». Потом он умер. Запустил пустяковое заболевание, потому что боялся операции, и умер. Это случается с маленькими людьми, хотя об этом никогда не пишут в газетах.

Жилин замолчал, словно прислушиваясь. Юра ждал.

— Это было в Карелии, на берегу лесного озера. Его кровать стояла на застекленной веранде, и я сидел рядом и видел сразу и его небритое темное лицо... мертвое лицо... и огромную синюю тучу над лесом на той стороне озера. Врач сказал: «Умер». И тотчас же ударил гром невиданной силы, и разразилась такая гроза, какие на редкость даже на южных морях. Ветер ломал деревья и кидал их на мокрые розовые скалы, так что они разлетались в щепки, но даже их треска не было слышно в реве ветра. Озеро стеной шло на берег, и в эту стену били не по-северному яркие молнии. С домов срывало крыши. Повсюду остановились часы — никто не знает почему. Животные умирали с разорванными легкими. Это была неистовая, зверская буря, словно весь неживой мир встал на дыбы. А он лежал тихий, обыкновенный, и, как всегда, это его не касалось. — Жилин снова прислушался. — Я, Юрик, человек не трусливый, спокойный, но тогда мне было страшно. Я вдруг подумал: «Так вот ты какой был, наш маленький скучный Толик. Ты тихо и незаметно, сам не подозревая ни о чем, держал на плечах равновесие Мира. Умер — и равновесие рухнуло, и Мир встал дыбом». Если бы мне тогда прокричали на ухо, что Земля сорвалась с орбиты и ринулась на Солнце, я бы только кивнул головой. И еще я тогда подумал... — Жилин помолчал. — Я подумал: почему он был таким скучным и таким маленьким? Ведь он был очень скучным человеком, Юра. Очень. Если бы эта буря случилась у него на глазах, он наверняка бы закричал: «Ах! Тапочки! Тапочки мои сохнут на крыльце!» И побежал бы спасать тапочки. Но почему, как он стал таким?

Жилин замолчал и строго посмотрел на Юру.

— Но он же сам был виноват... — робко сказал Юра.

— Неправда. Никто никогда не бывает виноват только сам. Такими, какими мы становимся, нас делают люди. Вот в чем дело. А мы... Как часто мы не платим этот должок... Почти никогда. А ведь нет ничего важнее этого. Это главное. Сейчас это главное. Раньше главным было дать человеку

свободу стать тем, чем ему хочется быть. А теперь главное — показать человеку, каким надо стать для того, чтобы быть по-человечески счастливым. Вот это сейчас главное. — Жилин посмотрел на Юру и вдруг спросил: — Правда?

— Наверное, — сказал Юра. Все это было правильно, но как-то чуждо ему. Как-то не трогало. Безнадежным казалось это дело. Или скучным.

Жилин сидел, настороженно прислушиваясь. Глаза у него совсем остановились.

— Что случилось? — спросил Юра.

— Тихо! — Жилин поднялся. — Странно, — сказал он. Он все прислушивался.

Юра вдруг ощутил, как пол тихонько дрогнул под ногами, и в ту же секунду пронзительно завывла сирена. Он вскочил и кинулся к двери. Жилин поймал его за плечо.

— Спокойно, — сказал он. — Свое место по расписанию помнишь?

— Да! — сказал Юра и задохнулся.

— Обязанности тоже? — Жилин отпустил его. — Марш! Юра кинулся в коридор.

Он бежал по кольцевому коридору в вакуум-отсек, где было его место по аварийному расписанию, бежал быстро, но все же сдерживался, чтобы не пуститься во всю прыть. Стажеру надлежит быть «спокойну, выдержану и всегда готову», однако когда по кораблю несетя тоскливый угрожающий вой, когда корабль судорожно вздрагивает, словно раненый, у которого копаются в ране неумелыми пальцами, когда плохо понимаешь, что ты должен делать, и совсем не понимаешь, что происходит... В конце коридора вспыхнули красные лампы. Юра не выдержал и кинулся со всех ног.

Навалившись, он откатил тяжелую дверь и влетел в серую комнату, где вдоль стен темнели стеклянные шторы боксов с вакуум-скафандрами. Надо было поднять все шторы, проверить комплектность скафандров, давление в баллонах, энергопитание, перевести крепление каждого скафандра в аварийное положение и сделать что-то еще... Потом надо было надеть свой скафандр и с откинутым коллаком ждать дальнейших распоряжений.

Юра проделал все это довольно быстро и, как ему показалось, толково, хотя сильно дрожали пальцы и он ощущал

напряжение во всем теле, сильное и неприятное, похожее на затапнувшуюся судорогу. Сирена замолчала, наступила зловещая тишина. Юра покончил с последним скафандром и огляделся. В боксах под поднятыми шторами горел сильный голубой свет, блестели огромные с раскинутыми рукавами скафандры, похожие на уродливые безголовые статуи. Юра вытащил свой скафандр и влез в него. Костюм был великоват, в нем было жестко и неудобно, совсем не так, как в костюме сварщика, удобном, гибком, уютном. А в этом сразу стало жарко. Юра включил потоуловитель, потом, тяжело переставляя толстые ноги, лязгая металлом о металл, подошел к двери.

Корабль все вздрагивал, было тихо, вдоль коридора горели под потолком красные аварийные сигналы. Юра приклонился спиной к одному косяку двери и уперся ногой в противоположный. Он перегородил дверь, и теперь войти в отсек можно было, только сбив его с ног. (Было странно читать это место в инструкции, где предписывалось охранять вакуум-отсек во время тревоги. От кого охранять? Зачем?) Войти в отсек во время тревоги имел право только тот человек — член экипажа или пассажир, — о котором капитан лично распоряжался: «Пропустить». Для этого в косяке вмонтирован радиодфон, постоянно работающий на волне капитанского радиодфона. Юра посмотрел на радиодфон и вспомнил, что он еще не сделал. Он торопливо ткнул коленчатым пальцем в кнопку вызова.

— Слушаю, — сказал голос Быкова. Голос был, как всегда, скрипучий и равнодушный.

— Стажер Бородин занял пост по расписанию, — сообщил Юра.

— Хорошо, — сказал Быков и сейчас же отключился.

Юра сердито посмотрел на радиодфон и произнес скрипучим голосом: «Хорошо». «Дерево», — подумал он и скорчил рожу, высунув язык. Корабль тряхнуло, и он чуть не прикусил язык. Он стыдливо огляделся, а затем ему в голову пришла мысль: что если всезнающий и всепредусматривающий Быков нарочно тряхнул корабль, чтобы прищемить язык обнаглевшему стажеру. Можно было легко представить себе, как Быков делает это. «Наверное, жизнь у него была нелегкая, — подумал Юра. — Наверное, жизнь терла его и перемалывала, пока не содрала с него шелуху

всяких эмоций, которые, в общем-то, не нужны, но без которых человек уже не человек, а дерево. Жилин как-то сказал, что с годами человек меняется только в одном — становится терпимее. К Быкову это, вероятно, не относится...»

Корабль снова дрогнул, и Юра уперся попрочнее. Непонятно было, что происходит. На метеоритную атаку не похоже, на какое-нибудь там столкновение — тем более. Мишка Ушаков сказал, что опасность в космосе — словно удар шпаги, от нее либо умирают сразу же, либо вообще не умирают... Это заявил Мишка Ушаков, который в космосе был только на практике по строительной сварке и который даже о космосе судит в терминах мушкетерских романов.

У Юры свело икру, и он переменял ногу. Вдоль коридора светились красные огни. Юра все пытался вспомнить, что это ему напоминает, и никак не мог, но было какое-то неприятное воспоминание, это он знал твердо. «Хоть бы пришел кто, — подумал он. — Спросить бы, что случилось, чего надо ждать...» Он посмотрел на кнопку вызова. Взять и обратиться прямо к Быкову: «Товарищ капитан, прошу объяснить задачу...» Потом Юра вдруг представил себе, сколько стажеров стояло здесь, потных от волнения, уперев ногу в косяк; страшно переживали, пытались понять, что происходит, и все прикидывали: «Успею надвинуть колпак или не успею?» Это были славные ребята, с которыми можно отлично сыграть в бок-ап-штаг или почесать язык насчет смысла жизни. Теперь они все уже опытные и умудреные, теперь они все в рубках, и их корабли посятся в пространстве... и тоже иногда трясутся и вздрагивают... От этих мыслей ни с того ни с сего представилось вдруг залитое потом и кровью лицо Быкова, который с чисто человеческим понятным отчаянием следит остановившимися глазами за чем-то, что учесть не удалось и что приближается теперь совершенно неотвратно...

В глазах у Юры все поплыло, он потерял равновесие и очутился на полу. Под низким потолком залязгало, загремело. Юра, торопливо царапая башмаками по металлическому полу, перевернулся на живот, поднялся и бросился к двери. Он стал в прежнюю позу и изо всех сил растопырился между косяками.

Теперь «Тахмасиб» вибрировал непрерывно, словно ему тоже было страшно. Юра весь напрягся, стараясь унять дрожь. Хотя бы пришел кто-нибудь, хоть бы понять, что к чему, хоть бы Быков приказал что-нибудь... Мама будет горевать ужасно — как ей скажут? Кто найдет такой, чтобы это сказать? Она ведь умереть может, она недавно оперировалась, у нее сердце ну никуда не годится, ей нельзя этого говорить... Юра закусил губу и крепко сжал зубы. Стало больно, но дрожь не проходила. Ну что это, в самом деле... Нет, надо немедленно сходить и посмотреть. Сунуть голову в рубку, небрежно бросить: «Ну, долго еще?» — и уйти... А вдруг их всех поубивало? Юра с ужасом посмотрел в коридор, ожидая, что вот-вот из-за поворота выползет Жилин, посмотрит потухшими глазами и уронит голову на закованные руки...

Юра отпустил ногу, оттолкнулся от косяка и сделал несколько неуверенных шагов по коридору. По трясущемуся полу, мимо красных огней, к лифту, навстречу тому, кто ползет... Он остановился и вернулся к двери. «Поспокойнее, — сказал он и откашлялся, чтобы не хрипело в горле. — Воображение любит пошутить, но шутит оно зло и нечестно. Не свой друг — воображение». Он снова прочно растопырился в дверях. «Так вот оно каково, — подумал он вдруг. — Так вот оно каково — ждать и всегда быть готовым в шлепанцах и полосатых носочках, под скучным торшерчиком, с прошлогодней газеткой, чтобы никто не заметил и не подумал... Ничего не знать наверняка и быть всегда готовым...»

Вибрация усиливалась, и спадала, и снова усиливалась. Юра представил себе «Тахмасиб», километровое сооружение из титановых сплавов, похожее на гигантский бокал. Сейчас вдоль всего тела корабля, от грузового трюма до кромки отражателя, волной проходят судороги вибрации. То усиливаются, то спадают... Тут не надо, быть сверхчутким, чтобы разобраться, что к чему. Если бы так завибрировал, скажем, окситановый датчик, все было бы ясно — надо отрегулировать компрессор или хотя бы сменить гаситель... Юра отчетливо ощутил, как корабль заваливается набок — это стало заметно по давлению на ступню. «Тахмасиб» разворачивался сначала плавно, а потом начались рывки. От каждого рывка тряслась голова и все, что в голове... «Что же это, — думал Юра, упираясь изо всех

сил в косяки. — Что же у них там, а?... И тут в страшной глухой тишине раздался шаг. Неторопливые, уверенные, незнакомые шаги, а может быть, Юра просто не узнавал их. Он смотрел вдоль коридора, а шаги все приближались, и вот из-за поворота появился Жилин в рабочем комбинезоне, с плоским ящиком тестера на груди. Лицо у него было серьезное и как будто недовольное, на глаза падал светлый чуб. Жилин подошел вплотную и, похлопав Юру по коленке, сказал негромко:

— Ну-ка...

Он хотел войти в вакуум-отсек. Юра открыл и закрыл рот, но ногу не убрал. Это был Жилин, милый, славный, долгожданный Жилин, но Юра ногу не убрал, а вместо этого спросил:

— Что там у вас?

Он хотел произнести это небрежно, но на последнем слогe глотнул, и впечатление было испорчено.

— Да что у нас может быть... — неохотно сказал Жилин. — Пропусти-ка меня, — сказал он. — Мне там пужно взять кое-что...

В голове у Юры была каша, и в этой каше из собственных Юриных принципов и понятий в целости оставалось одна только инструкция.

— Подождите, Ваня, — пробормотал он и нажал кнопку вызова.

Капитан не отвечал.

— Юрка, — сказал Жилин, — да что с тобой, братец? Пропусти же меня, я оставил в скафандре...

— Не могу, — сказал Юра и облизнул губы. — Как я могу?.. Вот сейчас капитан ответится...

Жилин внимательно смотрел на него.

— А если не ответится?

— Почему же не ответится? — Юра уставился на Жилина круглыми глазами и вдруг схватил его за рукав. — Что случилось?

— Да ничего не случилось. — Жилин вдруг заулыбался. — Так не пропустишь?

Юра отчаянно замотал головой.

— Ведь нельзя же, Ваня... Ты же должен понять! — Он даже перешел на «ты» от избытка чувств, ему очень хотелось расплакаться и в то же время было отчего-то хорошо и

спокойно, и он знал, что ни за что не пропустит Жилина. — Ведь ты сам был стажером.

— Да-а... — неопределенно протянул Жилин, разглядывая его. — Соблюдаем букву и дух инструкции?

— Не знаю... — пробормотал Юра. Ему было стыдно и вместе с тем он знал, что ногу он не отпустит. «Если тебе действительно надо войти, то не стой так, — мысленно взывал он к Жилину. — Бей меня в челюсть и бери, что тебе тут нужно...»

— Капитан Быков слушает, — раздалось из радиодфона. Юра все еще не в силах был собраться с мыслями.

— Алексей Петрович, — сказал Жилин в радиодфон, — я хочу пройти в вакуум-отсек, а стажер меня не пускает.

— Зачем тебе понадобился вакуум-отсек? — осведомился Быков.

— Я оставил там «сириус» в прошлый раз... В скафандре забыл.

— Так, — сказал Быков. — Стажер Бородин, пропустите бортинженера Жилина.

Быков выключился. Юра с огромным облегчением убрал ногу. Он только сейчас заметил, что корабль больше не вибрирует. Жилин ласково посмотрел на него и похлопал по плечу.

— Ваня, вы только не сердитесь... — пробормотал Юра.

— Наоборот! — сказал Жилин. — На тебя исключительно интересно было смотреть.

— У меня такая каша в голове...

— Вот-вот... — Жилин остановился перед своим скафандром. — На этот случай и сочиняются инструкции. Хорошее дело, правда?

— Не знаю. Я теперь что-то перестал понимать, что к чему. Что хоть случилось?

Жилин снова потускнел.

— Что у нас могло случиться? — сказал он сквозь зубы. — Искусственное питание. Таблетки вместо котлетки. Учебная тревога, стажер Бородин, только и всего. Рутинная, не реже одного-двух раз в течение рейса. В целях проверки знания инструкций. Великая вещь — инструкция! — Он вытащил из скафандра белый цилиндрок толщиной в палец и со злостью грохнул штормом. — Бежать мне пора отсюда, Юра. Бежать со всех ног, пока не надоело.

Юра глубоко вздохнул и посмотрел в коридор. Красные огни больше не горели. Пол больше не вибрировал. Юра увидел, как из каюты вышел Юрковский, посмотрел на Юру, величественно кивнул и неспешно скрылся за поворотом.

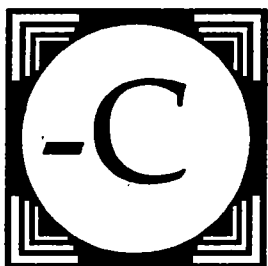
Жилин проворчал:

— Рыба ищет, где глубже, а человек — где хуже. Понял, Юрка? Здесь все хорошо. Тревоги учебные, аварии понарошку. А вот кое-где — похуже. Гораздо хуже. Туда и надо идти, а не ждать, пока тебя поведут... Ты меня слушаешь, стажер? По инструкции ты меня должен слушать.

— Подождите, Ваня, — сказал Юра, сморщившись. — Я еще, кажется, не очухался...

8. ЭЙНОМИЯ

Смерть-планетчики

тажер Бородин, — сказал Быков, складывая газету, — пора спать, стажер.

Юра встал, закрыл книжку и, немного поколебавшись, супул ее в шкаф. «Не буду сегодня читать, — подумал он. — Надо наконец выспаться».

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответил Быков и развернул очередную газету.

Юрковский, не отрываясь от бумаг, небрежно сделал ручкой. Когда Юра вышел, Юрковский спросил:

— Как ты думаешь, Алексей, что он еще любит?

— Кто?

— Наш кадет. Я знаю, что он любит и умеет вакуумно варить. Я видел на Марсе. А вот что он еще любит?

— Девушек, — сказал Быков.

— Не девушек, а девушку. У него есть фотография девушки.

— Я не знал.

— Можно было догадаться. В двадцать лет, отправляясь в дальний поход, все берут с собой фотографии и потом не знают, что с ними делать. В книгах говорится, что на эти фотографии нужно смотреть украдкой и чтобы при этом глаза были полны слез или уж, во всяком случае, затуманивались. Только на это никогда не хватает времени. Или еще чего-нибудь, более важного. Но вернемся к нашему стажеру.

Быков отложил газету, снял очки и посмотрел на Юрковского.

— Ты уже кончил дела на сегодня? — спросил он.

— Нет, — сказал Юрковский с раздражением. — Не кончил и не желаю о них говорить. От этой идиотской канцелярщины у меня распухла голова. Я желаю рассеяться. Можешь ты ответить на мой вопрос?

— На этот вопрос лучше всего тебе ответит Иван, — сказал Быков. — Он с ним все время возится.

— Но поскольку Ивана здесь нет, я спрашиваю тебя. Кажется, совершенно ясно.

— Не волнуйся так, Володя, печенка заболит. Наш стажер еще просто мальчик. Умелые руки, а любить он ничего особенно не любит, потому что ничего не знает. Алексея Толстого он любит. И Уэллса. А Голсуорси ему скучен, и «Дорога дорог» ему скучна. Еще он очень любит Жилина и не любит одного бармена в Мирза-Чарле. Мальчишка он еще. Почка.

— В его возрасте, — сказал Юрковский, — я очень любил сочинять стихи. Я мечтал стать писателем. А потом я где-то прочитал, что писатели чем-то похожи на покойников: они любят, когда о них либо говорят хорошо, либо ничего не говорят... И я подался в космос.

— Стихи ты писал и в космосе, — заметил Быков.

— М-да-а, — сказал Юрковский, задумчиво улыбаясь. — А теперь вот не пишу. Прошла молодость. Да. К чему это я все?

— Не знаю, — сказал Быков. — По-моему, ты просто отлыниваешь от работы.

— Нет-нет, позволь... Да! Меня интересует внутренний мир нашего стажера.

— Стажер есть стажер, — сказал Быков.

— Стажер стажеру рознь, — возразил Юрковский. — Ты тоже стажер, и я стажер. Мы все стажеры на службе у будущего. Старые стажеры и молодые стажеры. Мы стажируемся

всю жизнь, каждый по-своему. А когда мы умираем, потомки оценивают нашу работу и выдают диплом на вечное существование.

— Или не выдают, — задумчиво сказал Быков, глядя в потолок. — Как правило, к сожалению, не выдают.

— Ну что же, это наша вина, а не наша беда. Между прочим, знаешь, кому всегда достается диплом?

— Да?

— Тем, кто воспитывает смену. Таким, как Краюхин.

— Пожалуй, — сказал Быков. — И вот что интересно: эти люди, не в пример многим иным, нимало не заботятся о дипломах.

— И напрасно. Меня вот всегда интересовал вопрос: станем ли мы лучше от поколения к поколению? Поэтому я и заговорил о кадете. Старики всегда говорят: «Ну и молодежь нынче пошла. Вот мы были!»

— Это говорят очень глупые старики, Владимир. Краюхин так не говорил.

— Краюхин просто не любил теории. Он брал молодых, кидал их в печку и смотрел, что получится. Если не сгорали, он признавал в них равных.

— А если сгорали?

— Как правило, мы не сгорали.

— Ну вот, ты и ответил на свой вопрос, — сказал Быков и снова взялся за газету. — Стажер Бородин сейчас на пути в печку, в печке он, пожалуй, не сгорит, через десять лет ты с ним встретишься, он назовет тебя старой песочницей, и ты, как честный человек, с ним согласишься.

— Позволь, — возразил Юрковский, — но ведь на нас тоже лежит какая-то ответственность. Мальчика нужно чему-то учить!

— Жизнь научит, — коротко сказал Быков из-за газеты.

В кают-компанию вошел Михаил Антонович в пижаме, в шлепанцах на босу ногу, с большим термосом в руке.

— Добрый вечер, мальчики, — сказал он. — Что-то мне захотелось чайку.

— Чаек — это неплохо, — оживился Быков.

— Чаек так чаек, — сказал Юрковский и стал собирать свои бумаги.

Капитан и штурман накрыли на стол, Михаил Антонович разложил варенье в розетки, а Быков налил всем чаю.

- А где Юрик? — спросил Михаил Антонович.
- Спит, — ответил Быков.
- А Ванюша?
- На вахте, — терпеливо ответил Быков.
- Ну и хорошо, — сказал Михаил Антонович. Он отхлебнул чаю, зажмурился и добавил: — Никогда, мальчики, не соглашайтесь писать мемуары. Такое нудное занятие, такое нудное!
- А ты побольше выдумывай, — посоветовал Быков.
- Как это?
- А как в романах. «Юная марсианка закрывала глаза и потянулась ко мне полуоткрытыми устами. Я страстно и длинно обнял ее».
- «Всю», — добавил Юрковский.
- Михаил Антонович зарделся.
- Ишь, покраснелся, старый хрыч, — сказал Юрковский. — Было дело, Миша?
- Быков захохотал и поперхнулся чаем.
- Фу! — сказал Михаил Антонович. — Фу на вас! — Он подумал и заявил вдруг: — А знаете что, мальчики? Плюну-ка я на эти мемуары. Ну что мне сделают?
- Ты нам вот что объясни, — сказал Быков. — Как повлиять на Юру?
- Михаил Антонович испугался.
- А что случилось? Он нашалил что-нибудь?
- Пока нет. Но вот Владимир считает, что на него нужно влиять.
- Мы, по-моему, и так на него влияем. От Ванюши он не отходит, а тебя, Володенька, просто боготворит. Раз двадцать уже рассказывал, как ты за пиявками в пещеру полез.
- Быков поднял голову.
- За какими это пиявками? — спросил он.
- Михаил Антонович виновато заерзал.
- А, это легенды, — сказал Юрковский, не моргнув глазом. — Это было еще... э-э... давно. Так вот вопрос: как нам влиять на Юру? Мальчику представился единственный в своем роде шанс посмотреть мир лучших людей. С нашей стороны было бы просто... э-э...
- Видишь ли, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Ведь Юра очень славный мальчик. Его очень хорошо воспитали в школе. В нем уже заложен... как бы это сказать...

фундамент хорошего человека. Ведь пойми, Володенька, Юра уже никогда не спутает хорошее с плохим...

— Настоящего человека, — веско сказал Юрковский, — отличается широкий кругозор.

— Правильно, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Вот и Юрик...

— Настоящего человека формируют только настоящие люди, работники, и только настоящая жизнь, полнокровная и нелегкая.

— Но ведь и наш Юрик...

— Мы должны воспользоваться случаем и показать Юрию настоящих людей в настоящей, нелегкой жизни.

— Правильно, Володенька, и я уверен, что Юрик...

— Извини, Михаил, я еще не кончил. Вот завтра мы пройдем до смешного близко от Эйномии. Вы знаете, что такое Эйномия?

— А как же? — сказал Михаил Антонович. — Астероид, большая полуось — две и шестьдесят четыре астрономические единицы, эксцентриситет...

— Я не об этом, — нетерпеливо сказал Юрковский. — Известно ли вам, что на Эйномии уже три года функционирует единственная в мире физическая станция по исследованию гравитации?

— А как же, — сказал Михаил Антонович. — Ведь там же...

— Люди работают там в исключительно сложных условиях, — продолжал Юрковский с воодушевлением. Быков пристально смотрел на него. — Двадцать пять человек, крепкие, как алмаз, умные, смелые, я бы сказал даже — отчаянно смелые! Цвет человечества! Вот прекрасный случай познакомиться мальчишку с настоящей жизнью!

Быков молчал. Михаил Антонович сказал озабоченно:

— Очень славная мысль, Володенька, но это...

— И как раз сейчас они собираются производить интереснейший эксперимент. Они изучают распространение гравитационных волн. Вы знаете, что такое смерть-планета? Скалистый обломок, который в нужный момент целиком превращается в излучение! Чрезвычайно поучительное зрелище!

Быков молчал. Молчал и Михаил Антонович, который понял, что Юрковский во что бы то ни стало хочет произнести речь.

— Увидеть настоящих людей в процессе настоящей работы — разве это не прекрасно?

Быков молчал.

— Я думаю, это будет очень полезно нашему стажеру, — сказал Юрковский и добавил тоном ниже: — Даже я не отказался бы посмотреть. Меня давно интересуют условия работы смерть-планетчиков.

Быков наконец заговорил.

— Что ж, — сказал он. — Действительно небезынтересно.

— Уверяю тебя, Алексей! — воскликнул Юрковский с подъемом. — Я думаю, мы зайдем туда, не так ли?

— М-да, — неопределенно пробормотал Быков.

— Ну, вот и прекрасно, — сказал Юрковский. — Он посмотрел на Быкова и спросил: — Тебя что-то смущает, Алексей?

— Меня смущает вот что, — сказал Быков. — В моем маршруте есть Марс. В маршруте есть Бамберга с этими паршивыми копиями. Есть несколько спутников Сатурна. Есть система Юпитера. И еще кое-что. Одного там нет. Эйнонии там нет.

— Н-ну, как тебе сказать... — опустив глаза и барабая пальцами по столу, сказал Юрковский. — Будем считать, что это недосмотр управления, Алеша.

— Придется тебе, Владимир, посетить Эйномию в следующий раз.

— Позволь, позволь, Алеша. Э-э... Все-таки я генеральный инспектор, я могу отдать приказ, сказать... э-э... во изменение маршрута...

— Вот сразу бы и отдал. А то морочит мне голову воспитательными задачами.

— Н-ну, воспитательные задачи, конечно, тоже... да.

— Штурман, — сказал Быков, — генеральный инспектор приказывает изменить курс. Рассчитайте курс на Эйномию.

— Слушаюсь, — сказал Михаил Антонович и озабоченно посмотрел на Юрковского: — Ты знаешь, Володенька, горючего у нас маловато. Эйномия — это крючок... Ведь два раза тормозить придется. И один раз разгоняться. Тебе бы неделю назад об этом сказать.

Юрковский гордо выпрямился.

— Э-э... вот что, Михаил. Есть тут автозаправщики поблизости?

- Есть, как не быть, — сказал Михаил Антонович.
- Будет горячее, — сказал Юрковский.
- Будет горячее — будет и Эйномия, — сказал Быков, встал и пошел к своему креслу. — Ну, мы с Мишей стол накрывали, а ты, генеральный инспектор, прибери.
- Вольтерьянцы, — сказал Юрковский и стал прибирать со стола. Он был очень доволен своей маленькой победой. Быков мог бы и не подчиниться. У капитана корабля, который вез генерального инспектора, тоже были большие полномочия.

Физическая обсерватория «Эйномия» двигалась вокруг Солнца приблизительно в той точке, где когда-то находился астероид Эйномия. Гигантская скала диаметром в двести километров была за последние несколько лет почти полностью истреблена в процессе экспериментов. От астероида остался только жиденький рой сравнительно небольших обломков да семисоткилометровое облако космической пыли, огромный серебристый шар, уже слегка растянутый приливной силой. Сама физическая обсерватория мало отличалась от тяжелых искусственных спутников Земли: это была система торов, цилиндров и шаров, связанных блестящими тросами, вращающихся вокруг общей оси.

В обсерватории работали двадцать семь физиков и астрофизиков, «крепкие, как алмаз, умные, смелые» и зачастую «отчаянно смелые». Самому младшему из них было двадцать пять лет, самому старшему — тридцать четыре.

Экипаж «Эйномии» занимался исследованием космических лучей, экспериментальными проверками единых теорий поля, вакуумом, сверхнизкими температурами, экспериментальной космогонией. Все небольшие астероиды в радиусе двадцати мегаметров от «Эйномии» были объявлены смерть-планетами: они либо были уже уничтожены, либо подлежали уничтожению. В основном этим занимались космогонисты и релятивисты. Истребление маленьких планеток производилось по-разному. Их обращали в рой щебня, или в тучу пыли, или в облако газа, или во вспышку света. Их разрушали в естественных условиях и в мощном магнитном поле, мгновенно и постепенно, растягивая процесс на декады и месяцы. Это был единственный в Солнечной системе космогонический полигон, и если возлезмные обсерватории

обнаруживали теперь вспыхнувшую новую звезду со странными линиями в спектре, то прежде всего вставал вопрос: где находилась в этот момент «Эйномия» и не в районе ли «Эйномии» вспыхнула новая звезда? Международное управление космических сообщений объявило зону «Эйномии» запретной для всех рейсовых планетолетов.

«Тахмасиб» затормозил у «Эйномии» за два часа до начала очередного эксперимента. Релятивисты собирались превратить в излучение каменный обломок величиной с Эверест и с массой, определенной с точностью до нескольких граммов. Очередная смерть-планета двигалась на периферии полигона. Туда уже были посланы десять космоскафов с наблюдателями и приборами, и на обсерватории остались всего два человека — начальник и дежурный диспетчер.

Дежурный диспетчер встретил Юрковского и Юру у кессона. Это был долговязый, очень бледный, веспушчатый человек. Глаза у него были бледно-голубые и равнодушные.

— Э... здравствуйте, — сказал Юрковский. — Я Юровский, генеральный инспектор МУКСа.

По всей видимости, голубоглазому человеку было не впервой встречать генеральных инспекторов. Он спокойно, не торопясь оглядел Юрковского и сказал:

— Что ж, заходите.

Голубоглазый спокойно повернулся спиной к Юрковскому и, клацая магнитными подковами, пошел по коридору.

— Постойте! — вскричал Юрковский. — А где здесь... э-э... начальник?

Голубоглазый, не оборачиваясь, сказал:

— Я вас веду.

Юрковский и Юра поспешили за ним. Юрковский вполголоса приговаривал:

— Станные, однако... э-э... порядки. Удивительные...

Голубоглазый открыл в конце коридора круглый люк и полез в него. Юрковский и Юра услышали:

— Костя, к тебе пришли...

Было слышно, как кто-то кричал звонким веселым голосом:

— Шестой! Сашка! Куда ты лезешь, безумный? Пожалей своих детей! Отойди на сто километров, ведь там опасно! Третий! Третий! Тебе ж русским языком было сказано! Держись в створе со мной! Там, где ты есть, тебя не нужно!

Тебя нужно, где тебя нет! Шестой, не ворчи на начальство! Начальство проявило заботу, а ему уже нудно!..

Юрковский и Юра пролезли в небольшую комнату, плотно уставленную приборами. Перед вогнутым экраном висел сухощавый, очень смуглый парень лет тридцати, в синих брюках со складкой и в белой рубашке с черным галстуком.

— Костя, — позвал голубоглазый и замолчал.

Костя повернул к вошедшим веселое красивое лицо с горбатым носом, несколько секунд рассматривал их, изысканно поздоровался, затем снова отвернулся к экрану. На экране медленно перемещались по линиям координатной сетки несколько ярких разноцветных точек.

— Девятый, зачем ты остановился? Что, у тебя пропал энтузиазм? А ну, прогуляйся еще чуть вперед... Шестой, ты делаешь успехи. Я от тебя уже заболел. Ты что, полетел домой, на Землю? Вернись на двадцать километров, я все прощу.

Юрковский солидно кашлянул. Веселый Костя выдернул из правого уха блестящий шарик и, повернувшись к Юрковскому, спросил:

— Кто вы, гости?

— Я Юрковский, — очень веско сказал Юрковский.

— Какой Юрковский? — весело и нетерпеливо спросил Костя. — Я знал одного, он был Владимир Сергеевич.

— Это я, — сказал Юрковский.

Костя очень обрадовался.

— Вот кстати! — воскликнул он. — Тогда встаньте вон к тому пульта. Будете крутить четвертый верньер — на нем написано по-арабски «четыре», — чтобы вон та звездочка не выходила из вон того кружочка... У вас это получится.

— Но позвольте, однако... — сказал Юрковский.

— Только не говорите мне, что вы не поняли! — закричал Костя. — А то я в вас разочаруюсь.

Голубоглазый подплыл к нему и начал что-то шептать. Костя выслушал и заткнул ухо блестящим шариком.

— Пусть ему от этого будет лучше, — сказал он и звонко закричал: — Наблюдатели, слушайте меня, я опять команду! Все сейчас стоят хорошо, как запорожцы на картине у Репина! Только не касайтесь больше управления! Выключаюсь на две минуты. — Он снова выдернул блестящий шарик. — Так вы стали генеральным инспектором, Владимир Сергеевич? — спросил он.

— Да, стал, — сказал Юрковский. — И я...

— А кто этот молодой юноша? Он тоже генеральный инспектор? Эзра, — он повернулся к голубоглазому, — пусть Владимир Сергеевич держит ось, а мальчику ты дай чем-нибудь полезно поиграть. Лучше всего поставь его к своему экрану, и пусть он посмотрит, как дяди делают бах.

— Может быть, мне все-таки дадут здесь сказать два слова? — спросил Юрковский в пространство.

— Конечно, говорите, — сказал Костя. — У вас еще целых девяносто секунд.

— Я хотел... э-э... попасть на один из космоскафов, — сказал Юрковский.

— Ого! — сказал Костя. — Лучше бы вы захотели колесо от троллейбуса. А еще лучше, если бы вы захотели крутить верньер номер четыре. На космоскафы нельзя даже мне. Там все занято, как на концерте Блюмберга. А старательно поворачивая верньер, вы увеличиваете точность эксперимента на полтора процента.

Юрковский величественно пожал плечами.

— Н-пу, хорошо, — сказал он. — Я вижу, мне придется... А почему... э-э... у вас это не автоматизировано?

Костя уже вставлял в ухо блестящий шпатель. Долговязый Эзра прогудел, как в бочку:

— Оборудование. Дрянь. Устарело.

Он включил большой экран и поманил к себе Юру пальцем. Юра подошел к экрану и оглянулся на Юрковского. Юрковский, скорбно перекосив брови, держался за верньер и глядел на экран, перед которым стоял Юра. Юра тоже стал глядеть на экран. На экране светилось несколько ярких округлых пятен, похожих не то на кляксы, не то на репейник. Эзра ткнул в одно из пятен костлявым пальцем.

— Космоскаф, — сказал он.

Костя опять начал командовать:

— Наблюдатели, вы еще не спите? Что там у вас тянется? Ах, время? Стори со стыда, Саша, ведь осталось всего три минуты. Корыто? Ах, фотонное корыто? Это к нам прибыл генеральный инспектор. Зачем он прибыл, я не знаю. Сейчас он держит ось. Его уговорил Эзра. Не надо смеяться, вы мне сгладите весь опыт. Внимание, я стал серьезным. Осталось тридцать... двадцать девять... двадцать восемь... двадцать семь...

Эзра ткнул пальцем в центр экрана.

— Сюда, — сказал он.

Юра уставился в центр. Там ничего не было.

— ...пятнадцать... четырнадцать... Владимир Сергеевич, держите ось... десять... девять...

Юра смотрел во все глаза. Эзра тоже вертел верньер, должно быть, тоже держал какую-нибудь ось.

— ...три... два... один... Ноль!

В центре экрана вспыхнула яркая белая точка. Затем экран сделался белым, потом ослепительным и черным. Где-то над потолком пронзительно и коротко проверещали звонки. Вспыхнули и погасли красные огоньки на пульте возле экрана. И снова на экране появились округлые пятна, похожие на репейник.

— Все, — сказал Эзра и выключил экран.

Костя ловко спустился на пол.

— Ось можно больше не держать, — сказал он. — Раздавайтесь, я начинаю прием.

— Что такое? — спросил Юрковский.

Костя достал из-под пульта коробочку с пилюлями.

— Одолжайтесь, — сказал он. — Это, конечно, не шоколад, но зато полезнее.

Эзра подошел и молча взял две пилюли. Одну он протянул Юре. Юра нерешительно посмотрел на Юрковского.

— Я спрашиваю, что это? — повторил Юрковский.

— Гамма-радиофаг, — объяснил Костя. Он оглянулся на Юру. — Кушайте, кушайте, юноша, — сказал он. — Вы сейчас получили четыре рентгена, и с этим нужно считаться.

— Да, — сказал Юрковский. — Верно.

Он протянул руку к коробочке. Юра положил пилюлю в рот. Пилюля была очень горькая.

— Так чем же мы можем помочь генеральному инспектору? — осведомился Костя, пряча коробочку обратно под пульт.

— Собственно, я хотел... э-э... присутствовать при эксперименте, — сказал Юрковский, — ну и заодно... э-э... выяснить положение на станции... нужды работников... жалобы наконец... Что? Вот я вижу, лаборатория плохо защищена от излучений... Тесно. Плохая автоматизация, устаревшее оборудование... Что?

Костя сказал со вздохом:

— Да, это правда, правда горькая, как гамма-радиофаг. Но если вы меня спросите, на что я жалуюсь, я вам вынужден буду ответить, что я ни на что не жалуюсь. Конечно, жалобы есть. Как в этом мире можно без жалоб? Но это не наши жалобы, это жалобы на нас. И согласитесь, что будет смешно, если я вам, генеральному инспектору, стану рассказывать, за что на нас жалуются. Кстати, вы не хотите кушать? Очень хорошо, что вы не хотите. Попробуйте поискать что-нибудь съедобное в нашем погребе, и вы узнаете, каково было слепому, который ночью искал в темной комнате свою черную шляпу, которую он забыл купить в прошлом году! Ближайший продовольственный танкер придет сегодня вечером или завтра днем, и это, поверьте мне, очень грустно, потому что физики привыкли есть каждый день, и никакие ошибки снабжения не могут их от этого отучить. Ну а если вы серьезно хотите узнать мое мнение о жалобах, то я скажу вам все коротко и ясно, как любимой девушке: эти дипломированные кое-каеры из нашего дорогого МУКСа всегда на что-нибудь жалуются. Если мы работаем быстро, то они жалуются, что мы работаем быстро и быстро изнашиваем драгоценное, оно же уникальное, оборудование, что у нас все горит и что они не успевают. А если мы работаем медленно... Впрочем, что я говорю? Еще не было такого оригинала, который бы жаловался, что мы работаем медленно. Кстати, Владимир Сергеевич, вы же были порядочным планетологом, мы же все учились по вашим роскошным книжкам и всяким там отчетам! Для чего же вы попали в МУКС да еще занялись генеральной инспекцией?

Юрковский ошеломленно смотрел на Костю. Юра весь сжался, ожидая, что вот-вот разразится гром. Эзра стоял и совершенно равнодушно моргал желтыми коровьими ресницами.

— Э-э-э... — хмурясь, затянул Юрковский. — Собственно, почему же нет?

— Я вам объясню, почему нет, — сказал Костя, толкая его пальцами в грудь. — Вы же хороший ученый, вы же были папа и мама современной планетологии! Из вас же с детства бил фонтан идей, как у Самсона в Петродворце! Что гигантские планеты должны иметь кольца, что планеты могут конденсироваться без центрального светила, что кольцо Сатурна имеет искусственное происхождение, — спросите у

Эзры, кто это все придумал? Эзра вам сразу скажет: Юрковский! И вы отдали все эти лакомые куски на растерзание всякой макрели, а сами подались в кое-какеры!

— Ну что вы! — сказал Юрковский благодушно. — Я всего лишь... э-э... простой ученый...

— Были вы простым ученым! Теперь вы, извините за выражение, простой генеральный инспектор. Ну, вот скажите мне серьезно: зачем вы приехали сюда? Ни спросить вы ничего толком не можете, ни посоветовать, я уж не говорю, чтобы помочь. Ну, скажем, я в порядке вежливости поведу вас по лабораториям, и мы станем ходить как два лунатика и уступать друг другу дорогу перед люками. И мы будем вежливо молчать, потому что вы не знаете, как спросить, а я не знаю, как ответить. Это ж нужно собрать все двадцать семь человек, чтобы объяснить, что делается на станции, а двадцать семь сюда не влезут даже из уважения к генеральному инспектору, потому что тесно, и один у нас даже живет в лифте...

— Вы напрасно думаете... э-э... что меня это радует, — казенным голосом перебил его Юрковский. — Я имею в виду такую... э-э... перенаселенность станции. Насколько мне известно, станция рассчитана на экипаж из пяти гравиметристов. И если бы вы, как руководитель станции, придерживались существующих положений, утвержденных МУКСом...

— Так ведь, Владимир Сергеевич! — воскликнул веселый Костя. — Товарищ генеральный инспектор! Люди же хотят работать! Гравиметристы хотят работать? Хотят. Релятивисты хотят? Тоже хотят. Я уже не говорю про космогонистов, которые втиснулись сюда прямо через мой труп. И на Земле еще полтора человека роют землю от нетерпения... Подумаешь, ночевать в лифте! Что же, ждать, пока МУКС закончит постройку новой станции? Нет, планетолог Юрковский рассудил бы совсем иначе. Он не стал бы выговаривать мне за перенаселенность. И не стал бы требовать, чтобы я ему все объяснял. Тем более что он не Гейзенберг и все равно понял бы не больше половины. Нет, планетолог Юрковский сказал бы: «Костя! Мне нужно, чтобы вы экспериментально обосновали мою новую роскошную идею. Давайте займемся, Костя!» Тогда я уступил бы вам свою койку, а сам бы занял аварийный лифт, и мы бы с вами работали до тех пор, пока

бы все не стало ясно, как весеннее утро! А вы приезжаете собирать жалобы. Какие могут быть жалобы у человека, имеющего интересную работу?

Юра вздохнул с облегчением. Гром так и не разразился. Лицо Юрковского становилось все более задумчивым и даже грустным.

— Да, — сказал он. — Вы, пожалуй, правы... э-э... Костя. Мне действительно не следовало приезжать сюда в таком... э-э... качестве. И я вам... э-э... завидую, Костя. С вами я бы поработал с удовольствием. Но... э-э... есть станции и есть... э-э... станции. Вы себе представить не можете, Костя, сколько безобразий еще у нас в системе. И поэтому планетологу Юрковскому пришлось... э-э... сделаться генеральным инспектором Юрковским.

— Безобразия, — быстро сказал Костя, — это дело космической полиции...

— Не всегда, — сказал Юрковский, — к сожалению, не всегда.

В коридоре что-то лязгнуло и загрохотало. Послышалось беспорядочное кланье магнитных подков. Кто-то завопил:

— Костя-а! Есть упреждение-е! На три миллисекунды!..

— О! — сказал Костя. — Это идут мои работнички, сейчас они потребуют кушать. Эзра, — сказал он, — как им помягче сообщить, что танкер будет только завтра?

— Костя, — сказал Юрковский, — я вам дам ящик консервов.

— Шутите! — обрадовался Костя. — Вы бог. Вдвое подает тот, кто подает вовремя. Считайте, что я вам должен два ящика консервов!

В лок один за другим протиснулись четверо, и в помещении сразу стало тесно повернуться. Юру затиснули в угол и огородили широкими спинами. По-настоящему хорошо он мог видеть только худой вихрастый затылок Эзры, чей-то зеркально выбритый череп и еще один затылок, мускулистый, с фиолетовыми следами фурункулов. Кроме того, Юра видел ноги — они располагались над головами, и гигантские ботинки с блестящими стертыми подковами осторожно шевелились в двух сантиметрах от бритого черепа. В просвете между спинами и затылками Юра видел иногда горбоносый Костин профиль и густо бородатое лицо четвертого

работничка. Юрковского видно не было, вероятно, его тоже затерли. Говорили все сразу.

— Разброс точек очень маленький. Я считал наскоро, но три миллисекунды, по-моему, совершенно бесспорно...

— Но все-таки три, а не шесть!

— Не в этом дело! Важно, что за пределами ошибок!

— Марс бы взорвать, вот это была бы точность.

— Да, брат, тогда можно было бы половину гравископов убрать.

— Неправильный прибор — гравископ. И кто его такого выдумал!

— Скажи спасибо, что хоть такие есть. Знаешь, как мы это раньше делали?

— Скажите, ему уже не нравятся гравископы!

— А поесть дадут?

— Кстати, о еде. Костя, радиофаг мы весь съели.

— Да-да, хорошо, что ты вспомнил. Костя, выдай нам таблеток.

— Ребята, я, кажется, наврал. Не три миллисекунды, а четыре.

— Болтовня это все. Отдай Эзре, Эзра посчитает как следует.

— Правильно... Эзра, вот возьми, голуба, ты у нас самый хладнокровный, а то у меня руки от жадности трясутся.

— Вспышка была сегодня красоты изумительной. Я чуть не ослеп. Люблю взрывы на аннигиляцию! Чувствуешь себя таким творцом, человеком будущего...

— Послушай, человек будущего, я тебя поздравляю, у тебя опять на щеке преогромный фурункул.

— А, шут его подери. Когда они меня в покое оставят?

— Ты же обещал, что больше не будешь.

— Милый Костя, очень легко выдумывать обещания, гораздо труднее их выполнять. Но в общем-то, конечно, надо быть осторожнее.

— Ничего, залечим.

— Слушай, Костя, что это Пагава говорит, что теперь будут только очаговые взрывы? А как же мы?

— А у тебя есть совесть? Если нет — сходи в коридор, там в углу чья-то валяется. Ты что, воображаешь, что это гравитационная обсерватория? А космогонисты тебе так, мальчики? Такое богатое воображение иметь опасно.

— Ой, Фанас, не ввязывайся в этот спор. Все-таки Костя начальник. А зачем существует начальник? Чтобы все было справедливо.

— Какой же тогда смысл иметь начальником своего человека?

— Ого! Я уже не гожусь в начальники? Это что, бунт? Где мои ботфорты, брабантские манжеты и пистолеты?

— Между прочим, я бы поел.

— Сосчитал, — сказал Эзра.

— Ну?

— Не торопите его, он не может так быстро.

— Три и восемь.

— Эзра! Каждое твое слово — золото!

— Ошибка плус-минус два и два.

— Как сегодня словоохотлив наш Эзра!

Юра не выдержал и прошептал Эзре прямо в ухо:

— Что случилось? Почему все так радуются?

Эзра, слегка повернув голову, пробубнил:

— Получили упреждение. Доказали. Что гравитация распространяется. Быстрее света. Впервые доказали.

— Три и восемь, ребята, — объявил бритоголовый, — это значит, что мы утерли нос этому кое-какеру из Ленинграда. Как, бишь, его...

— Отличное начало. Сейчас бы только поесть, перебить космогонистов и взяться за дело по-настоящему.

— Слушайте, ученые, а для чего здесь нет Крамера?

— Он врет, что у него есть две банки консервов. Он сейчас их ищет у себя в старых бумагах. Устроим пиршество тощих — по банке на четырнадцать человек.

— Пиршество тощих телом и нищих духом.

— Тихо, ученые, и я вас порадую.

— А про какие консервы врал Валерка?

— По слухам, там у него банка компота из персиков и банка кабачков...

— Колбаски бы...

— Меня здесь будут слушать или нет? Смирно, вы, ученые! Вот так. Могу вам сообщить, что среди нас имеется один генеральный инспектор — Юрковский Владимир Сергеевич. Он жалует нам ящик консервов со своего стола!

— Ну-у? — сказал кто-то.

— Нет, это даже не остроумно. Кто же так шутит?
Откуда-то из угла послышалось:

— Э-э... Здравствуйте.

— Ба! Владимир Сергеевич? Как же мы вас не заметили?

— Охамели мы здесь, братцы смерть-планетчики!

— Владимир Сергеевич! Про консервы это правда?

— Истинная правда, — сказал Юрковский.

— Ура!

— И еще раз...

— Ура!

— И еще раз...

— Ур-р-а-а!

— Консервы мясные, — сказал Юрковский.

По комнате пронесся голодный стон.

— Эх, ну почему здесь невесомость? Качать надо такого человека. На руках носить!

В открытый люк просунулась еще одна борода.

— Что вы тут разорались? — сумрачно спросила она. — Упреждение получили, а что лопать нечего — вы знаете? Танкер только завтра приковыляет.

Некоторое время все смотрели на бороду. Потом человек с мускулистым затылком сказал задумчиво:

— Узнаю космогониста по изящным словесам.

— Ребята, а ведь он голоден.

— Еще бы! Космогонисты всегда голодны!

— А не послать ли его за консервами?

— Павел, друг мой, — сказал Костя, — сейчас ты пойдешь за консервами. Пойди надень вакуум-скафандр.

Бородатый парень подозрительно на него посмотрел.

— Юра, — сказал Юрковский, — проводи товарища на «Тахмасиб». Впрочем, ладно, я сам схожу.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич, — сказал бородатый, расплываясь в улыбке. — Как это вы к нам?

Он отступил от люка, давая Юрковскому дорогу. Они вышли.

— Хороший человек Юрковский. Добрый человек.

— А зачем нас инспектировать?

— Он приехал не инспектировать. Я понял так, что ему просто любопытно.

— Тогда пусть.

— Зря я при нем про фурункулы распространялся.

— А нельзя, чтобы он похлопотал насчет расширения программы?

— Расширение программы — ладно. А вот не сократил бы он штаты. Пойду уберу свою постель из лифта.

— Да, инспекторы не любят, чтобы жили в лифтах.

— Ученые, не пугайтесь. Я ему уже все рассказал. Он не такой. Это же Юрковский!

— Ребята, пойдемте искать столовую. В библиотеку, что ли?

— В библиотеке космогонисты все заставили.

Все по очереди стали вылезать через люк. Тогда человек с мускулистым затылком подошел к Косте и сказал тихо:

— Дай-ка мне еще одну пилюлю, Костя. Мутит меня что-то.

«Эйномия» осталась далеко позади. «Тахмасиб» держал курс на астероид Бамбергу — в царство таинственной «Спэйс Перл Лимитед». Юра проснулся глубокой ночью — болел и чесался укол под лопаткой, ужасно хотелось пить. Юра услышал тяжелые неровные шаги в коридоре. Ему показалось даже, что он слышит сдавленный стон. «Привидения, — подумал он с досадой. — Только этого еще и не хватало». Не слезая с койки, он приоткрыл дверь и выглянул. В коридоре, странно скособочившись, стоял Юрковский в своем великолепном халате. Лицо у него обрюзгло, глаза были закрыты. Он тяжело и часто дышал искривленным ртом.

— Владимир Сергеевич! — испуганно позвал Юра. — Что с вами?

Юрковский быстро открыл глаза и попробовал выпрямиться, но его снова согнуло.

— Ти-хо! — сказал он угрожающе и торопливо, весь искривившись, пошел к Юре.

Юра отодвинулся и пропустил его в каюту. Юрковский плотно притворил за собою дверь и осторожно сел рядом с Юрой.

— Ты чего не спишь? — сказал он шепотом.

— Что с вами, Владимир Сергеевич? — пробормотал Юра. — Вам плохо?..

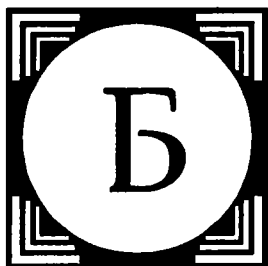
— Ерунда, печень.

Юра с ужасом смотрел на его судорожно прижатые к бокам, словно оцепеневшие, руки.

— Всегда она, подлая, после лучевого удара... А все-таки не зря мы побывали на «Эйномии». Вот они, люди, Юра! Настоящие люди! Работники. Чистые. И никакие кое-какеры им не помешают. — Он осторожно откинулся спиной к стене, и Юра торопливо подsunул ему подушку. — Смешное слово «кое-какеры» — правда, Юра? А вот скоро мы увидим других людей... Совсем других... Гнилушки, дрянь... Хуже марсианских пиявок... Ты-то их, конечно, не увидишь, а вот мне придется... — Он закрыл глаза. — Юра... ты прости... я, может быть, тут... засну... Я принял... лекарство... Если засну... иди... спать ко мне...

9. БАМБЕРГА

Нищие духом

эла Барабаш перешагнул через комингс и плотно прикрыл за собой дверь. На двери красовалась черная пластмассовая табличка: «The chief manager of Bamberga mines. Space Pearl Limited»^{*}. «Сволоочь скользкая», — подумал Бэла. Табличка была расколота. Еще вчера она была цела. Пуля попала в левый нижний уголок таблички, и трещина проходила через заглавную букву «В». «Подлый слизняк, — подумал Бэла. — „Уверяю вас, на копиях нет никакого оружия. Только у вас, мистер Барабаш, да у полицейских. Даже у меня нет“. Мерзавец».

Коридор был пуст. Прямо перед дверью висел жизнерадостный плакат: «Помни, ты — пайщик. Интересы компании — твои интересы». Бэла взялся за голову, закрыл глаза и некоторое время постоял так, слегка покачиваясь. «Боже мой, — подумал он. — Когда же все это кончится? Когда меня отсюда уберут? Ну какой я комиссар? Ведь я же ничего

^{*} Главный управляющий копиями Бамберги. Спэйс Перл Лимитед (англ.).

не могу. У меня сил больше нет. Вы понимаете? У меня больше нет сил. Заберите меня отсюда, пожалуйста. Да, мне очень стыдно и все такое. Но больше я не могу...»

Где-то с лязгом захопнулся люк. Бэла опустил руки и побрел по коридору. Мимо осточертевших рекламных проспектов на стенах. Мимо запертых кают инженеров. Мимо высоких узких дверей полицейского отделения. «Интересно, в кого могли стрелять на этаже администрации? Конечно, мне не скажут, кто стрелял. Но, может быть, удастся узнать, в кого стреляли?» Бэла вошел в полицию. За столом, подперев рукой щеку, дремал сержант Хиггинс, пачальник полиции, и один из трех полицейских шахты Бамберги. На столе перед Хиггинсом стоял микрофон, справа — рация, слева лежал журнал в пестрой обложке.

— Здравствуйте, Хиггинс, — сказал Бэла.

Хиггинс открыл глаза.

— Добрый день, мистер Барабаш.

Голос у него был мужественный, но немножко силпый.

— Что нового, Хиггинс?

— Пришла «Гея», — сказал Хиггинс. — Привезли почту. Жена пишет, что очень скучает. Как будто я не скучаю. Вам тоже есть четыре пакета. Я сказал, чтобы вам занесли. Я думал, что вы у себя.

— Спасибо, Хиггинс. Вы не знаете, кто сегодня стрелял на этом этаже?

Хиггинс подумал.

— Что-то я не помню, чтобы сегодня стреляли, — сказал он.

— А вчера вечером? Или ночью?

Хиггинс сказал неохотно:

— Ночью кто-то стрелял в инженера Мейера.

— Это сам Мейер вам сказал? — спросил Барабаш.

— Меня не было. Я дежурил в салуне.

— Видите ли, Хиггинс, — сказал Барабаш. — Я сейчас был у управляющего. Управляющий в десятый раз заверил меня, что оружие здесь имеется только у вас, у полицейских.

— Очень может быть.

— Значит, в Мейера стрелял кто-нибудь из ваших подчиненных?

— Не думаю, — сказал Хиггинс. — Том был со мной в салуне, а Конрад... Зачем Конраду стрелять в инженера?

— Значит, оружие есть у кого-нибудь еще?

— Я его не видел, мистер Барабаш, этого оружия. Если бы видел — отобрал бы. Потому что оружие запрещено. Но я его не видел.

Бэла вдруг стало все совершенно безразлично.

— Ладно, — вяло сказал он. — В конце концов, следить за законностью — дело ваше, а не мое. Мое дело — информировать МУКС о том, как вы справляетесь со своими обязанностями.

Он повернулся и вышел. Он спустился в лифте на второй этаж и пошел через салун. В салуне никого не было. Вдоль стен мигали желтыми огоньками продавцы-автоматы. «Напиться, что ли? — подумал Бэла. — Нализаться, как свинья, лечь в постель и проспать двое суток. А потом встать и опять нализаться». Он прошел салун и пошел по длинному широкому коридору. Коридор назывался «Бродвеем» и тянулся от салуна до уборных. Здесь тоже висели плакаты, напоминавшие о том, что «интересы компании — твои интересы», висели программы кино на ближайшую декаду, биржевые бюллетени, лотерейные таблицы, висели таблицы бейсбольных и баскетбольных соревнований, проводившихся на Земле, и таблицы соревнований по боксу и по вольной борьбе, проводившихся здесь, на Бамберге. На «Бродвей» выходили двери обоих кинозалов и дверь библиотеки. Спортзал и церковь находились этажом ниже. По вечерам на «Бродвее» было не протолкнуться, и глаза слепили разноцветные огни бессмысленных реклам. Впрочем, не так уж и бессмысленных — они ежевечерне напоминали рабочему, что ждет его на Земле, когда он вернется к родным пенатам с набитым кошельком.

Сейчас на «Бродвее» было пусто и полутемно. Бэла свернул в один из коридоров. Справа и слева потянулись одинаковые двери. Здесь располагались общежития. Из дверей тянуло запахом табака и одеколона. В одной из комнат Бэла увидел лежащего на койке человека и вошел. Лицо лежавшего было облеплено пластырем. Одиноким глаз грустно смотрел в низкий потолок.

— Что с тобой, Джошуа? — спросил Бэла, подходя.

Печальный глаз Джошуа обратился на него.

— Лежу, — сказал Джошуа. — Мне следует быть в шахте, а я лежу. И каждый час теряю уйму денег. Я даже боюсь подсчитать, сколько я теряю.

— Кто тебя побил?

— Почему я знаю? — ответил Джошуа. — Напился вчера так, что ничего не помню. Черт меня дернул... Целый месяц крепился. А теперь вот пропил дневной заработок, лежу и еще буду лежать. — Он снова печально уставился в потолок.

— Да, — сказал Бэла.

«Ну, вот что ты с ним сделаешь! — подумал он. — Убеждать его, что пить вредно, — он и сам это знает. Когда он встанет, то будет сидеть в шахте по четырнадцать часов, чтобы наверстать упущенное. А потом вернется на Землю, и у него будет черный лучевой паралич и никогда не будет детей или будут рождаться уроды».

— Ты знаешь, что работать в шахте больше шести часов опасно? — спросил Бэла.

— Идите вы, — тихо сказал Джошуа. — Не ваше это дело. Не вам работать.

Бэла вздохнул и сказал:

— Ну что ж, поправляйся.

— Спасибо, мистер комиссар, — проворчал Джошуа. — Не о том вы заботитесь. Позаботьтесь лучше, чтобы салун прикрылись. И чтобы самогонщиков нашли.

— Ладно, — сказал Бэла. — Попробую.

«Вот, — думал он, направляясь к себе. — А попробуй закрой салун, и ты же сам будешь орать на митингах, что всякие коммунисты лезут не в свое дело. Нет никакого выхода из этого круга. Никакого».

Он вошел в свою комнату и увидел, что там сидит инженер Сэмюэль Ливингтон. Инженер читал старую газету и ел бутерброды. На столе перед ним лежала шахматная доска с расставленными фигурами. Бэла поздоровался и устало уселся за стол.

— Сыграем? — предложил инженер.

— Сейчас, я только посмотрю, что мне прислали.

Бэла распечатал пакеты. В трех пакетах были книги, в четвертом — письмо от матери и несколько открыток с видами Нового Пешта. На столе лежал еще розовый конвертик. Бэла знал, что в этом конвертике, но все-таки распечатал его. «Мистер комиссар! Убирайся отсюда к чертовой матери. Не мутит воду, пока цел. Доброжелатели». Бэла вздохнул и отложил записку.

— Ходите, — сказал он.

Инженер двинул пешку.

— Опять неприятности? — спросил он.

— Да.

Бэла в молчании разыграл защиту Каро-Канн. Инженер получил небольшое позиционное преимущество. Бэла взял бутерброд и стал задумчиво жевать, глядя на доску.

— Вы знаете, Бэла, — сказал инженер, — когда я впервые увижу вас веселым, я скажу, что проиграл идеологическую войну.

— Вы еще увидите, — сказал Бэла без особой надежды.

— Нет, — сказал инженер. — Вы обречены. Посмотрите вокруг, вы сами видите, что вы обречены.

— Я? — спросил Бэла. — Или мы?

— Все вы со своим коммунизмом. Нельзя быть идеалистами в нашем мире.

— Ну, это нам двадцать раз говорили за последние сто лет.

— Шах, — сказал инженер. — Вам говорили правильно. Кое-что, конечно, недооценили и потому часто говорили ерунду. Смешно было говорить, что вы уступите военной силе или проиграете экономическое соревнование. Всякое крепкое правительство и всякое достаточно богатое государство в наше время непобедимо в военном и экономическом отношении. Да, да, коммунизм, как экономическая система, взял верх, это ясно. Где они сейчас, прославленные империи Морганов, Рокфеллеров, Круппов, всяких Мицуи и Мицубиси? Все лопнули и уже забыты. Остались жалкие огрызки вроде нашей «Спэйс Перл», солидные предприятия по производству шикарных матрасов узкого потребления... да и те вынуждены прикрываться лозунгами всеобщего благоденствия. Еще раз шах. И несколько миллионов упрямых владельцев отелей, агентов по продаже недвижимости, упылых ремесленников. Все это тоже обречено. Все это держится только на том, что в обеих Америках еще имеют хождение деньги. Но тут вы зашли в тупик. Есть сила, которую даже вам не побороть. Я имею в виду мешацтво. Косность маленького человека. Мещацтв не победить силой, потому что для этого их пришлось бы физически уничтожить. И их не победить идеей, потому что мешацтво органически не приемлет никаких идей.

— Вы были когда-нибудь в коммунистических государствах, Сэм?

— Был. И видел там мещан.

— Вы правы, Сэм. Они еще есть и у нас. Пока есть, и вы это заметили. Но вы не заметили, что у нас их гораздо меньше, чем у вас, и что у нас они тихие. У нас нет воинствующего мещанина. Пройдет еще поколение-другое, и их не станет совсем.

— Так я беру слона, — сказал инженер.

— Попробуйте, — сказал Бэла.

Некоторое время инженер раздумывал, затем взял слона.

— Через два поколения, говорите вы? А может быть, через двести тысяч поколений? Спимите наконец розовые очки, Бэла. Вот они вокруг вас, эти маленькие люди. Я не беру авантюристов и сопляков, которые играют в авантюристов. Возьмите таких, как Джошуа, Смит, Блэкуотэр. Таких, кого вы сами называете «сознательными» или «тихими», в зависимости от вашего настроения. У них же так мало желаний, что вы ничего им не можете предложить. А того, чего они хотят, они добьются безо всякого коммунизма. Они станут владельцами трактиров, заведут жену, детей и будут тихо жить в свое удовольствие. Коммунизм, капитализм — какое им до этого дело? Капитализм даже лучше, потому что капитализм благословляет такое бытие. Человек же по натуре — скотинка. Дайте ему полную кормушку, не хуже, чем у соседа, дайте ему набить брюшко и дайте ему раз в день посмеяться над каким-нибудь нехитрым представлением. Вы мне сейчас скажете: мы можем предложить ему большее. А зачем ему большее? Он вам ответит: не лезьте не в свое дело. Маленькая равнодушная скотинка.

— Вы клевете на людей, Сэм. Джошуа и компания кажутся вам скотами только потому, что вы очень много потрудились, чтобы сделать их такими. Кто с пеленок внушал им, что самое главное в жизни — это деньги? Кто учил их завидовать миллионерам, домовладельцам, соседскому бакалейщику? Вы забивали их головы дурацкими фильмами и дурацкими книжками и говорили им, что выше бога не прыгнешь. И вы вдалбливали им, что есть бог, есть дом и есть бизнес, и больше ничего нет на целом свете. Так вы и делаете людей скотами. А человек ведь не скотина, Сэм. Внушите ему с пеленок, что самое важное в жизни — это дружба и знание, что, кроме его колыбельки, есть огромный мир, который ему и его друзьям предстоит завоевать, — вот тогда

вы получите настоящего человека. Ну вот, теперь я ладью прозевал.

— Можете переходить, — сказал инженер. — Не буду с вами спорить. Может быть, роль воспитания действительно так велика, как вы говорите. Хотя и у вас при вашем воспитании, при государственной нетерпимости к мещанству все-таки ухитряются как-то вырастать... как это говорят по-русски... чертополохи. А у нас при нашем воспитании ухитряются как-то вырастать те, кого вы называете настоящими людьми. Может быть, в процентном отношении мещан у вас и меньше, чем у нас... хотя никто, наверное, не проводил такой статистики... Шах... Все равно я не знаю, куда вы намерены девать два миллиарда мещан капиталистического мира. У нас их перевоспитывать не собираются. Да, капитализм — труп. Но это опасный труп. А вы еще открыли границы. И пока открыты границы, мещанство во всех видах будет течь через эти границы. Как бы вам не захлебнуться в нем... Еще шах.

— Не советую, — сказал Бэла.

— А в чем дело?

— Я закроюсь на же-восемь, и у вас висит ферзь.

Инженер некоторое время размышлял.

— Да, пожалуй, — сказал он. — Шаха не будет.

— Глупо было бы отрицать опасность мещанства, — сказал Бэла. — Кто-то из ваших деятелей правильно сказал, что идеология маленького хозяйчика представляет для коммунизма большую опасность, чем забытая теперь водородная бомба. Только адресовал он эту опасность неправильно. Не для коммунизма, а для всего человечества опасно мещанство. Потому что в ваших рассуждениях, Сэм, есть одна ошибка. Мещанин — это все-таки тоже человек, и ему всегда хочется большего. Но поскольку он в то же время и скотина, это стремление к большему по необходимости принимает самые чудовищные формы. Например, жажда власти. Жажда поклонения. Жажда популярности. Когда двое таких вот сталкиваются, они рвут друг друга, как собаки. А когда двое таких сговариваются, они рвут в клочья окружающих. И начинаются веселенькие штучки вроде фашизма, сегрегации, геноцида. И прежде всего поэтому мы ведем борьбу против мещанства. И скоро вы вынуждены будете начать такую войну просто для того, чтобы не задохнуться в собственном

навозе. Помните поход учителей в Вашингтон в позапрошлом году?

— Помню, — сказал Ливингтон. — И помню, чем он кончился. И если вы в этом тоже правы, это означает только, что мы все обречены задохнуться в собственном навозе. Поэтому что бороться с мещанством — это все равно что резать воду ножом.

— Инженер, — насмешливо сказал Бэла, — это утверждение столь же голое, словно, как Апокалипсис. Вы просто пессимист. Как это там?.. «Преступники возвысятся над героями, мудрецы будут молчать, а глупцы будут говорить: ничто из того, что люди думают, не осуществится».

— Ну что ж, — сказал Ливингтон. — Были и такие времена. И я, конечно, пессимист. С чего это мне быть оптимистом? Да и вам тоже.

— Я не пессимист, — сказал Бэла. — Я просто плохой работник. Но время нищих духом прошло, Сэм. Оно давно миновало, как сказано в том же Апокалипсисе.

Дверь распахнулась, и на пороге остановился высокий человек с залысым лбом и бледным, слегка обрюзгшим лицом. Бэла застыл, всматриваясь. Через секунду он узнал его. «Ну вот и все, — подумал он с тоской и облегчением. — Вот и конец». Человек скользнул взглядом по инженеру и шагнул в комнату. Теперь он смотрел только на Бэлу.

— Я генеральный инспектор МУКСа, — сказал он. — Моя фамилия Юрковский.

Бэла встал. Инженер тоже почтительно встал. За Юрковским в комнату вошел громадный загорелый человек в мешковатом синем комбинезоне. Он скользнул взглядом по Бэле и стал смотреть на инженера.

— Прошу меня извинить, — сказал инженер и вышел. Дверь за ним закрылась. Пройдя несколько шагов по коридору, инженер остановился и задумчиво засвистел. Затем он достал сигарету и закурил. «Так, — подумал он. — Идеологическая борьба на Бамберге входит в новую фазу. Надо срочно принять меры».

Размышляя, он пошел по коридору, все ускоряя шаг. В лифт он уже почти вбежал. Поднявшись на самый верхний этаж, он направился в радиорубку. Дежурный радист посмотрел на него с удивлением.

— Что случилось, мистер Ливингтон? — спросил он.

Ливингтон провел ладонью по мокрому лбу.

— Я получил плохие вести из дому, — сказал он отрывисто. — Когда ближайший сеанс с Землей?

— Через полчаса, — сказал радист.

Ливингтон присел к столу, вырвал из блокнота лист бумаги и быстро написал радиogramму.

— Отправьте срочно, Майкл, — сказал он, протягивая листок радисту. — Это очень важно.

Радист взглянул на листок и удивленно свистнул.

— Зачем это вам понадобилось? — спросил он. — Кто же продает «Спэйс Перл» в конце года?

— Мне срочно нужны наличные, — сказал инженер и вышел.

Радист положил листок перед собой и задумался.

Юрковский сел и отодвинул локтем шахматную доску. Жилин сел в стороне.

— Осрамились, товарищ Барабаш, — сказал Юрковский негромко.

— Да, — сказал Бэла и глотнул.

— Откуда на Бамбергу попадает спирт, вы выяснили?

— Нет. Скорее всего, спирт гонят прямо здесь.

— За последний год компания отправила на Бамбергу четыре транспорта с прессованной клетчаткой. Для каких работ на Бамберге нужно столько клетчатки?

— Не знаю, — сказал Бэла. — Не знаю таких работ.

— Я тоже не знаю. Из клетчатки гонят спирт, товарищ Барабаш. Это ясно даже и ежу.

Бэла молчал.

— Кто на Бамберге имеет оружие? — спросил Юрковский.

— Не знаю, — сказал Бэла. — Я не мог выяснить.

— Но оружие все-таки есть?

— Да.

— Кто санкционирует сверхурочные работы?

— Их никто не запрещает.

— Вы обращались к управляющему?

Бэла сжал руки.

— К этой сволочи я обращался двадцать раз. Он ни о чем не желает слушать. Он ничего не видит, не слышит и не понимает. Он очень сожалеет, что у меня плохие источники

информации. Знаете что, Владимир Сергеевич, либо вы меня отсюда снимайте к чертовой матери, либо дайте мне полномочия расстреливать гадов. Я ничего не могу сделать. Я вразумлял. Я просил. Я угрожал. Я даже пытался бить морды. Это стена. Для всех рабочих комиссар МУКСа — красное пугало. Разговаривать со мной — никто не желает. «I don't know anything and it's not any damn business of yours»*. Плевать они хотели на международное трудовое законодательство. Я больше так не могу. Видели плакаты на стенах?

Юрковский задумчиво смотрел на него, вертя в пальцах белого ферзя.

— Здесь не на кого опереться, — продолжал Бэла. — Это либо бандиты, либо тихая дрянь, которая мечтает только о том, чтобы набить свой карман, и ей наплевать, сдохнет она после этого или нет. Ведь у них настоящие люди сюда не идут. Отбросы, неудачники. Люмпены. У меня руки трясутся по вечерам от всего этого. Я не могу спать. Позавчера меня пригласили подписать протокол о несчастном случае. Я отказался: совершенно ясно, что человеку вспороли скафандр автогеном. Тогда этот подлец, секретарь профсоюза, сказал, что будет на меня жаловаться. Месяц назад на Бамберге появляются и в то же утро исчезают три девицы. Я иду к управляющему, и этот стервец смеется мне в лицо: «У вас галлюцинации, мистер комиссар, вам пора вернутся к вашей жене, вам уже мерещатся девки». В конце концов в меня трижды стреляли. Да, да, я знаю, что ни один дурак не старался в меня попасть. Но мне от этого не легче. И подумать только, меня посадили сюда, чтобы охранять жизнь и здоровье этих обормотов! Да провались они все...

Бэла замолчал и хрустнул пальцами.

— Ну-ну, спокойно, Бэла, — сказал строго Юрковский.

— Разрешите мне уехать, — сказал Бэла. — Вот товарищ, — он указал на Жилина, — это, вероятно, новый комиссар...

— Это не новый комиссар, — сказал Юрковский. — Познакомьтесь, бортинженер «Тахмасиба» Жилин.

Жилин слегка поклонился.

— Какого «Тахмасиба»? — спросил Бэла.

* Ничего я не знаю, и не ваше это, черт побери, дело (англ.).

— Это мой корабль, — сказал Юрковский. — Вот что мы сейчас сделаем. Мы пойдем к управляющему, и я скажу ему несколько слов. А потом мы поговорим с рабочими. — Он встал. — Ничего, Бэла, не огорчайтесь. Не вы первый. У меня эта Бамберга тоже вот здесь сидит.

Бэла озабоченно сказал:

— Только нужно взять с собой несколько наших. Может случиться драка. Управляющий здесь подкармливает целую шайку гангстеров.

— Каких наших? — спросил Юрковский. — Вы же говорили, что ни на кого здесь положиться не можете.

— Так вы приехали один? — с ужасом спросил Бэла.

Юрковский пожал плечами.

— Ну, естественно, — сказал он. — Я же не управляющий.

— Ладно, — сказал Бэла.

Он отпер сейф и взял пистолет. Лицо у него было бледное и решительное. «Первую пулю я всажу в этого слизняка, — с острой радостью подумал он. — Пусть в меня стреляет кто угодно, но первую пулю получит мистер Ричардсон. В жирную, гладкую, подлую свою рожу».

Юрковский внимательно посмотрел на него.

— Знаете что, Бэла, — сказал он проникновенно, — я бы на вашем месте пистолет оставил. Или отдайте его товарищу Жилину. Я боюсь, что вы не удержитесь.

— А вы думаете, он удержится?

— Удержусь, удержусь, — сказал Жилин, улыбаясь.

Бэла с сожалением отдал ему пистолет.

Юрковский открыл дверь и остановился. Перед ним вырос молодцеватый сержант Хиггинс в свежей парадной форме и в голубой каске. Хиггинс отчетливо взял под козырек.

— Сэр, — сказал он, — начальник полиции шахты Бамберги сержант Хиггинс прибыл в ваше распоряжение.

— Очень рад, сержант Хиггинс, следуйте за нами, — сказал Юрковский.

Они миновали короткий коридор и вышли на «Бродвей». Еще не было шести часов, но «Бродвей» был залит ярким светом и плотно забит рабочими. «Бродвей» гудел от встревоженных голосов. Юрковский шел неторопливо, любезно улыбаясь и внимательно вглядываясь в лица рабочих. Он хорошо видел эти лица в ровном свете дневных ламп — осунувшиеся, с нездоровой землистой кожей, с отеками под

глазами, апатично-равнодушные, сердитые, любопытные, злобные, ненавидящие. Рабочие расступались перед ним, давая дорогу, а за спиной Хиггинса снова смыкались и шли следом. Сержант Хиггинс покрикивал:

— Дорогу генеральному инспектору! Не напирайте, ребята! Дайте дорогу генеральному инспектору!

Так они дошли до лифта и поднялись на этаж администрации. Здесь толпа была еще гуще. И здесь дорогу уже не уступали. Между усталыми лицами рабочих стали просовываться какие-то нагловатые веселые морды. Теперь сержант Хиггинс пошел впереди, расталкивая толпу голубой дубинкой.

— Посторонись, — говорил он негромко, — дай дорогу... Посторонись...

Затылок его между краем каски и воротником налился кровью и заблестел от пота. Шествие замыкал Жилин. Нагловатые морды протискивались в первые ряды толпы, перекликаясь:

— Эй, ребята, а кто из них инспектор?

— Не разобрать, они все красные, как томатный сок...

— Они насквозь красные, внутри и снаружи...

— Не верю, хочу посмотреть...

— Посмотри, я тебе мешать не стану...

— Эй, сержант! Хиггинс! Ну и в компанию же ты попал!

Жилипу подставили ножку. Он не обернулся, но стал смотреть под ноги. Увидев под собой очередной ботинок из мягкой замши, он старательно, всем весом наступил на него. Рядом взвыли. Жилин посмотрел в перекошенное, побелевшее лицо с усиками и сказал:

— Извините, пожалуйста, какой я неуклюжий!

У него были здоровенные, необычайно тяжелые башмаки с рубчатыми магнитными подковами.

Шум вокруг нарастал. Теперь уже кричали все.

— Кто их звал сюда?

— Эй, вы! Не суйтесь не в свое дело!

— Дайте нам работать, как мы хотим! Мы не лезем в ваши дела!

— Убирайтесь к себе домой и там распоряжайтесь!

Сержант Хиггинс, мокрый как мышь, добрался наконец до дверей с треснувшей табличкой и распахнул ее перед Юрковским.

— Сюда, сэр, — тяжело дыша, сказал он.

Юрковский и Бэла вошли. Жилин перешагнул через комингс и оглянулся. Он увидел множество наглых морд и только за ними, в табачном дыму, хмурые, ожесточенные лица рабочих. Хиггинс тоже перешагнул через комингс и закрыл дверь.

Кабинет управляющего шахтами мистера Ричардсона был обширен. Вдоль стен стояли большие мягкие кресла и стеклянные витрины с образцами пород и с имитациями самых крупных «космических жемчужин», найденных на Бамберге. Из-за стола навстречу Юрковскому поднялся благообразный приятный человек в черном костюме.

— О, мистер Юрковский, — пророкотал он и, обогнув стол, пошел к Юрковскому, протягивая руки. — Я бесконечно рад...

— Не беспокойтесь, — сказал Юрковский, огибая стол с другой стороны. — Руки я вам все равно не подам.

Управляющий остановился, приятно улыбаясь. Юрковский сел за стол и повернулся к Бэле.

— Это управляющий? — спросил он.

— Да! — с наслаждением сказал Бэла. — Это управляющий шахтами мистер Ричардсон.

Управляющий покачал головой.

— О, мистер Барабаш, — сказал он укоризненно, — неужели же вам я обязан такой неприветливостью мистера инспектора?

— Кем выдан патент на управление шахтой? — спросил Юрковский.

— Как это принято в западном мире, мистер Юрковский, советом директоров компании.

— Предъявите.

— Прошу вас, — весьма вежливо сказал управляющий. Он неторопливо пересек комнату, отпер большой сейф, встроенный в стену, достал большой бювар коричневой кожи и извлек из бювара лист плотной бумаги с золотым обрезом. — Прошу вас, — повторил он и положил лист перед Юрковским.

— Заприте сейф, — сказал Юрковский, — и передайте ключи сержанту.

Сержант Хиггинс с каменным лицом принял ключи. Юрковский просмотрел патент, сложил его вчетверо и сунул в

карман. Мистер Ричардсон продолжал приятно улыбаться. Жилин подумал, что никогда в жизни он не видел человека столь обаятельной наружности. Юрковский положил локти на стол и задумчиво посмотрел на Ричардсона. Ричардсон пророкотал:

— Мне было бы очень приятно узнать, мистер Юрковский, что означают все эти странные действия.

— Вы обвиняетесь в ряде преступлений против международного законодательства, — небрежно сказал Юрковский.

Мистер Ричардсон, необычайно удивившись, развел руками.

— Вы обвиняетесь в нарушении правовых норм космического пространства.

Изумлению мистера Ричардсона не было границ.

— Вы обвиняетесь в убийстве — пока непреднамеренном — шестнадцати рабочих и трех женщин.

— Я? — оскорбленно вскричал мистер Ричардсон. — Я обвиняюсь в убийстве?

— В том числе и в убийстве, — сказал Юрковский. — Я снимаю вас с должности, в ближайшее время вы будете арестованы и отправлены на Землю, где предстанете перед международным трибуналом. А сейчас я вас не задерживаю.

— Я уступаю грубой силе, — с достоинством сказал мистер Ричардсон.

— И правильно делаете, — сказал Юрковский. — Явитесь сюда через час и сдадите дела своему преемнику.

Ричардсон круто повернулся, подошел к двери и распахнул ее.

— Друзья мои! — громко сказал он. — Эти люди меня арестовали! Им не нравятся ваши высокие заработки! Они хотят, чтобы вы работали по шесть часов и оставались нищими!

Юрковский с любопытством глядел на него. Хиггинс, растегивая кобуру, попятился к столу. Ричардсона отнесло в сторону. В дверь ворвались ревушие молодчики, их сейчас же оттеснили, и кабинет быстро наполнился рабочими. Плотная стена серых комбинезонов и злобных, утрюмых лиц остановилась перед столом. Юрковский осмотрелся и увидел, что Жилин стоит справа от него, засунув руки в карманы, а Бэла, изогнувшись, стиснув руками спинку стула, не отрываясь, смотрит на мистера Ричардсона. Лицо его было

гораздо более свирепо, чем лица самых озлобленных рабочих. «Плохо придется управляющему», — мельком подумал Юрковский. Сержант Хиггинс с пистолетом в руке упирался дубинкой в грудь одного из рабочих и бормотал:

— Никаких незаконных действий, ребята, поспокойней, ребята, поспокойней.

Сквозь толпу протолкался облепленный пластырями Джошуа.

— Мы не хотим ни с кем ссориться, мистер инспектор, — прохрипел он, уставясь на Юрковского злобным глазом. — Но мы не допустим здесь этих ваших штучек.

— Каких штучек? — осведомился Юрковский.

— Мы прилетели сюда, чтобы заработать...

— А мы прилетели сюда, чтобы не дать вам сгнить живо.

— А я говорю вам, что это не ваше дело! — заорал Джошуа. Он повернулся к толпе и спросил: — Верно, ребята?

— Уо-о-о! — заревела толпа, и в этот момент кто-то выстрелил.

За спиной Юрковского зазвенела, разлетаясь, витрина. Бэла застонал, с натугой поднял стул и обрушил его на голову мистера Ричардсона, который стоял в первом ряду, подняв глаза и молитвенно сложив руки. Жилин вынул руки из карманов и приготовился на кого-то прыгнуть. Джошуа испуганно отпрянул. Юрковский встал и сердито сказал:

— Какой дурак там стреляет? Чуть не попал в меня. Сержант, что вы стоите, как стул? Отберите у болвана оружие!

Хиггинс послушно полез в толпу. Жилин снова сунул руки в карманы и присел на угол стола. Он посмотрел на Бэлу и засмеялся. Лицо Бэлы сияло блаженством. Он с наслаждением наблюдал за Ричардсоном. Двое молодчиков поднимали Ричардсона, злобно и растерянно поглядывая на Бэлу, на Юрковского и на рабочих. Глаза Ричардсона были закрыты, на высоком гладком лбу разливался темный кровоподтек.

— Кстати, — сказал Юрковский, — вообще сдайте все оружие, которое здесь есть. Это я вам говорю, дармоеды! С этого момента всякий, у кого будет обнаружено оружие,

подлежит расстрелу на месте. Я облаеаю комиссара Барабаша соответствующими полномочиями.

Жилин неторопливо обошел стол, вынул пистолет и протянул его Барабашу. Барабаш, пристально уставившись на ближайшего гангстера, медленно оттянул затвор. В наступившей тишине затвор звонко щелкнул. Вокруг гангстера мгновенно образовалось пустое пространство. Тот побледнел, вынул из заднего кармана пистолет и бросил на пол. Бэла пинком отшвырнул оружие в угол и повернулся к молодчику, поддерживающему Ричардсона.

— Ты!

Молодчик отпустил Ричардсона и, криво улыбаясь, покачал головой.

— У меня нет, — сказал он.

— Ну хорошо, — сказал Юрковский. — Сержант, помогите этим типам разоружиться. Вернемся к нашему разговору. Здесь нас прервали, — сказал он, обращаясь к Джошуа. — Вы, кажется, говорили, чтобы я не вмешивался в ваши дела, так?

— Так, — сказал Джошуа. — Мы свободные люди и сами пошли сюда, чтобы заработать. И нечего нам мешать. Мы вам не мешаем, и вы нам не мешайте.

— Вопрос о том, кто кому мешает, мы пока оставим, — сказал Юрковский. — А сейчас я хочу вам кое-что рассказать. — Он достал из кармана и бросил на стол несколько ослепительно сверкающих разноцветных камешков. — Вот так называемый космический жемчуг, — сказал он. — Вы все его хорошо знаете. Это обыкновенные драгоценные и полудрагоценные камни, которые здесь, на Бамберге, в течение очень долгого времени подвергались воздействию космического излучения и низких температур. Никаких особенных достоинств, если не считать очень красивого блеска, за ними не числится. Богатые дамочки платят за них бешеные деньги, и на этой махровой глупости выросла ваша компания. Пользуясь спросом на эти камни, компания получает большие деньги.

— И мы тоже, — крикнули из толпы.

— И вы тоже, — согласился Юрковский. — Но вот в чем дело. За восемь лет существования компании на Бамберге отработали по трехгодичному контракту около двух тысяч человек. А знаете ли вы, сколько из тех, кто вернулся,

осталось в живых? Меньше пятисот. Средний срок жизни рабочего после возвращения не превышает двух лет. Вы три года подрываете пуп тут, на Бамберге, только для того, чтобы потом два года гнить заживо на Земле. Это происходит прежде всего потому, что на Бамберге никогда не соблюдается постановление Международной комиссии, запрещающее работать в ваших шахтах больше шести часов в сутки. На Земле вы только лечитесь, страдаете оттого, что у вас нет детей, или рождаете уродов. Это преступление компании, но не о компании сейчас идет речь.

— Подождите, — сказал Джошуа и поднял руку. — Дайте и мне сказать. Все это мы уже слышали. Нам об этом прожужжал уши мистер комиссар. Не знаю, как другим, а мне нет дела до тех, кто помер. Я человек здоровый и помирать не собираюсь.

— Верно, — загудели в толпе. — Пусть сопляки поми-
рают.

— Дети там, не дети — это мое дело. И лечиться тоже не вам, а мне. Слава богу, я давно уже совершеннолетний и отвечаю за свои поступки. Я не хочу слушать никаких речей. Вот вы отобрали оружие у гангстеров, я говорю: правильно. Найдите спиртогонов, закройте салун. Точно? — Он повернулся к толпе. В толпе неопределенно заговорили. — Что вы там бормочете? Я правильно говорю. Где это видано — за выпивку два доллара? Взятчиков кое-каких к рукам приберите. Это тоже будет правильно. А в работу мою не вмешивайтесь. Я прилетел сюда, чтобы заработать, и я зарабатую. Решил я открыть свое дело — и открою. А речи ваши мне ни к чему. За слова дом не купишь...

— Правильно, Джо! — закричали в толпе.

— А вот и неправильно, — сказал Юрковский. Он вдруг налился кровью и заорал: — Вы что же, думаете, вам так и дадут сдохнуть? Это вам, голубчики, не девятнадцатый век! Ваше дело, ваше дело, — он снова заговорил нормальным голосом. — Вас здесь, дураков, от силы четыреста человек. А нас — четыре миллиарда. И мы не хотим, чтобы вы умирали. И вы не умрете. Ладно, я не буду с вами говорить о вашей нищете духовной. Вам, как я вижу, этого не понять. Это только ваши дети поймут, если они у вас еще будут. Я буду говорить с вами на языке, который вам понятен. На языке закона. Человечество приняло закон, по

которому запрещается загонять себя в гроб. Закон, понимаете вы? Закон! Отвечать по этому закону будет компания, а вы запомните вот что. Человечеству ваши шахты не нужны. Копи на Бамберге могут быть закрыты в любой момент, и все только вздохнут с облегчением. И имейте в виду: если комиссар МУКСа доложит хотя бы еще об одном случае каких-либо безобразий, все равно каких — сверхурочные, взятки, спирт, стрельба, — копи будут закрыты, а Бамберга будет смешана с космической пылью. Это закон, и я говорю вам это именем человечества.

Юрковский сел.

— Плакали наши денежки, — громко сказал кто-то.

Толпа зашумела. Кто-то крикнул:

— Значит, копи закрыть, а нас на улицу?

Юрковский встал.

— Не говорите чепуху, — сказал он. — Что у вас за дурацкое представление о жизни? Столько работы на Земле и в космосе! Настоящей, действительно необходимой, всем нужной, понимаете? Не горстке сытых дамочек, а всем! У меня, кстати, есть к вам предложение от МУКСа — желающие могут в течение месяца рассчитаться с компанией и перейти на строительные и технические работы на других астероидах и на спутниках больших планет. Вот если бы вы все здесь дружно проголосовали закрыть эти вонючие копи, я бы сделал это сегодня же. А работы вам всегда будет выше головы.

— А сколько платят? — заорал кто-то.

— Платят, конечно, раз в пять меньше, — ответил Юрковский. — Зато работа у вас будет на всю жизнь, и хорошие друзья, настоящие люди, которые из вас тоже сделают настоящих людей! И здоровыми останетесь, и будете участниками самого большого дела в мире.

— Какой интерес работать в чужом деле? — сказал Джошуа.

— Да, это нам не подходит, — заговорили в толпе.

— Разве это бизнес?

— Всякий будет тебя учить, что можно, что нельзя...

— Так всю жизнь и промываешься в рабочих...

— Бизнесмены! — с невыразимым презрением сказал Юрковский. — Ну, пора кончать. Имейте в виду, этого господина, — он указал на мистера Ричардсона, — этого госпо-

дина я арестовал, его будут судить. Выберите сейчас сами временного управляющего и сообщите мне. Я буду у комиссара Барабаша.

Джопуа мрачно сказал Юрковскому:

— Неправильный это закон, мистер инспектор. Разве можно не давать рабочим заработать? А вы, коммунисты, еще хвастаете, что вы за рабочих.

— Мой друг, — мягко сказал Юрковский, — коммунисты совсем за других рабочих. За рабочих, а не за хозяйчиков.

В комнате у Барабаша Юрковский вдруг хлопнул себя по лбу.

— Растяпа, — сказал он. — Я забыл камни на столе у управляющего.

Бэла засмеялся.

— Ну, теперь вы их больше не увидите, — сказал он. — Кто-то станет хозяйчиком.

— Черт с ними, — сказал Юрковский. — А нервы у вас... э-э... Бэла, действительно... неважные.

Жилин захохотал.

— Как он его стулом!..

— А верно, гадкая рожа? — спросил Бэла.

— Нет, почему же, — сказал Жилин. — Очень культурный и обходительный человек.

Юрковский брюзгливо заметил:

— Вежливый наглец. А какие здесь помещения, товарищи, а? Какой дворец отгрохали, а смерть-планетчики живут в лифте! Нет, я этим займусь, я этого так не оставлю.

— Хотите обедать? — спросил Бэла.

— Нет, обедать пойдем на «Тахмасиб». Сейчас кончится вся эта канитель...

— Боже мой, — мечтательно сказал Бэла. — Посидеть за столом с нормальными хорошими людьми, не слышать ни о долларах, ни об акциях, ни о том, что все люди скоты... Владимир Сергеевич, — умоляюще сказал он, — прислали бы вы мне сюда хоть кого-нибудь.

— Потерпите еще немного, Бэла, — сказал Юрковский. — Эта лавочка скоро закроется.

— Кстати, об акциях, — сказал Жилин. — Вот, наверное, сейчас в радиорубке бедлам...

— Наверняка, — сказал Бэла. — Продают и покупают очередь к радисту. Глаза на лоб, морды в мыле... Ой, когда же я отсюда выберусь!..

— Ладно, ладно, — сказал Юрковский. — Давайте я посмотрю все протоколы. — Бэла пошел к сейфу.

— Кстати, Бэла, получится здесь из кого-нибудь хоть более или менее порядочный управляющий?

Бэла копался в сейфе.

— Почему же, — сказал он. — Получится, конечно. Инженеры здесь — люди в общем неплохие. Хозяйчики.

В дверь постучали. Вошел угрюмый, облепленный пластырями Джошуа.

— Пойдемте, мистер инспектор, — сказал он хмуро.

Юрковский, кряхтя, поднялся.

— Пойдемте, — сказал он.

Джошуа протянул ему открытую ладонь.

— Вы камни там забыли, — хмуро сказал он. — Я собрал. А то у нас тут народ разный.

10. «ТАХМАСИБ»

Гигантская флюктуация

Был час обычных предобеденных занятий. Юра изнывал над «Курсом теории металлов». Взъерошенный, невыспавшийся Юрковский вяло перелистывал очередной отчет. Время от времени он сладострастно зевал, деликатно прикрывая рот ладонью. Быков сидел в своем кресле под торшером и дочитывал последние журналы. Был двадцать четвертый день пути, где-то между орбитой Юпитера и Сатурном.

«Изменение кристаллической решетки кадмиевого типа в зависимости от температуры в области малых температур определяется, как мы видели, соотношением...» — читал Юра. Он подумал: «Интересно, что случится, когда у Алексея Петровича кончатся последние журналы?» Он вспомнил рассказ Колдуэлла, как парень в жаркий полдень состругивал ножом маленькую палочку и как все ждали, что будет, когда палочка кончится. Он прыснул, и в тот же момент Юрковский резко повернулся к Быкову.

— Если бы ты знал, до чего мне все это надоело, Алексей, — сказал он, — до чего мне хочется размяться...

— Возьми у Жилина гантели, — посоветовал Быков.
 — Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — сказал Юрковский.

— Догадываюсь, — проворчал Быков. — Давно уже догадываюсь.

— И что ты по этому поводу... э-э... думаешь?

— Неугомонный старик, — сказал Быков и закрыл журнал. — Тебе уже не двадцать пять лет. Что ты все время лезешь на рожон?

Юра с удовольствием стал слушать.

— Почему... э-э... на рожон? — удивился Юрковский. — Это будет небольшой, абсолютно безопасный поиск...

— А может быть, хватит? — сказал Быков. — Сначала абсолютно безопасный поиск в пещеру к пиявкам, потом безопасный поиск к смерти-планетчикам — кстати, как твоя печень? — наконец совершенно фанфаронский налет на Бамбергу.

— Позволь, но это был мой долг, — сказал Юрковский.

— Твой долг был вызвать управляющего на «Тахмасиб», мы вот здесь сообща намылили бы ему шею, пригрозили бы сжечь шахту реактором, попросили бы рабочих выдать нам гангстеров и самогонщиков — и все обошлось бы безо всякой дурацкой стрельбы. Что у тебя за манера из всех вариантов выбирать наиболее опасный?

— Что значит — опасный? — сказал Юрковский. — Опасность — понятие субъективное. Тебе это представляется опасным, а мне — нисколько.

— Ну вот и хорошо, — сказал Быков. — Поиск в кольце Сатурна представляется мне опасным. И поэтому я не разрешу тебе этот поиск производить.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал Юрковский. — Мы еще об этом поговорим. — Он раздраженно перевернул несколько листов отчета и снова повернулся к Быкову. — Иногда ты меня просто удивляешь, Алексей! — заявил он. — Если бы мне попался человек, который назвал бы тебя трусом, я бы размазал наглеца по стенам, но иногда я гляжу на тебя, и... — Он затряс головой и перевернул еще несколько страниц отчета.

— Есть храбрость дурацкая, — наставительно сказал Быков, — и есть храбрость разумная!

— Разумная храбрость — это катахреза!* «Спокойствие горного ручья, прохлада летнего солнца», — как говорит Киплинг. Безумству храбрых поем мы песню!..

— Попели, и хватит, — сказал Быков. — В наше время надо работать, а не петь. Я не знаю, что такое катахреза, но разумная храбрость — это единственный вид храбрости, приемлемый в наше время. Безо всяких там этих... покойников. Кому нужен покойник Юрковский?

— Какой утилитаризм! — воскликнул Юрковский. — Я не хочу сказать, что прав только я! Но не забывай же, что существуют люди разных темпераментов. Вот мне, например, опасные ситуации просто доставляют удовольствие. Мне скучно жить просто так! И слава богу, я не один такой...

— Знаешь что, Володя, — сказал Быков. — В следующий раз возьми себе капитаном Баграта — если он к тому времени еще будет жив — и летай с ним хоть на Солнце. А я потакать твоим удовольствиям не намерен.

Оба сердито замолчали. Юра снова принялся читать: «Изменение кристаллической решетки кадмиевого типа в зависимости от температуры...» «Неужели Быков прав? — подумал он. — Вот скука-то, если он прав. Верно говорят, что самое разумное — самое скучное...»

Из рубки вышел Жилин с листком в руке. Он подошел к Быкову и сказал негромко:

— Вот, Алексей Петрович, это Михаил Антонович передает...

— Что это? — спросил Быков.

— Программа на киберштурман для рейса от Япета.

— Хорошо, оставь, я погляжу, — сказал Быков.

«Вот уже программа рейса от Япета, — подумал Юра. — Они полетят еще куда-то, а меня уже здесь не будет». Он грустно посмотрел на Жилина. Жилин был в той самой клетчатой рубашке с закатанными рукавами.

Юрковский неожиданно сказал:

— Ты вот что пойми, Алексей. Я уже стар. Через год, через два я навсегда уже останусь на Земле, как Дауге, как Миша... И, может быть, нынешний рейс — моя последняя возможность. Почему ты не хочешь пустить меня?..

Жилин на цыпочках пересек кают-компанию и сел на диван.

* Катахреза — соединение несовместимых понятий.

— Я не хочу тебя пускать не столько потому, что это опасно, — медленно сказал Быков, — сколько из-за того, что это бессмысленно опасно. Ну что, Владимир, за бредовая идея — искусственное происхождение колец Сатурна! Это же старческий маразм, честное слово...

— Ты всегда был лишен воображения, Алексей, — сухо сказал Юрковский. — Космогония колец Сатурна не ясна, и я считаю, что моя гипотеза имеет не меньше прав на существование, чем любая другая, более, так сказать, рациональная. Я уже не говорю о том, что всякая гипотеза несет не только научную нагрузку. Гипотеза должна иметь и моральное значение — она должна будить воображение и заставлять людей думать...

— При чем здесь воображение? — сказал Быков. — Это же чистый расчет. Вероятность прибытия пришельцев именно в Солнечную систему мала. Вероятность того, что им взбредет в голову разрушать спутники и строить из них кольцо, я думаю, еще меньше...

— Что мы знаем о вероятностях? — провозгласил Юрковский.

— Ну хорошо, допустим, ты прав, — сказал Быков. — Допустим, что действительно в незапамятные времена в Солнечную систему прибыли пришельцы и зачем-то устроили искусственное кольцо около Сатурна. Отметим, так сказать. Но неужели ты рассчитываешь найти подтверждение своей гипотезе в этом первом и единственном поиске в кольце?

— Что мы знаем о вероятностях? — повторил Юрковский.

— Я знаю одно, — сердито сказал Быков, — что у тебя нет совершенно никаких шансов, и вся эта затея безумна.

Они снова замолчали, и Юрковский взялся за отчет. У него было очень грустное и очень старое лицо. Юре стало его невыносимо жалко, но он не знал, как помочь. Он посмотрел на Жилина. Жилин сосредоточенно думал. Юра посмотрел на Быкова. Быков делал вид, что читает журнал. По всему было видно, что ему тоже очень жалко Юрковского.

Жилин вдруг сказал:

— Алексей Петрович, а почему вы считаете, что если шансы малы, то и надеяться не на что?

Быков опустил журнал.

— А ты думаешь иначе?

— Мир велик, — сказал Жилин. — Мне очень понравились слова Владимира Сергеевича: «Что мы знаем о вероятностях?»

— Ну и чего же мы не знаем о вероятностях? — спросил Быков.

Юрковский, не поднимая глаз от отчета, насторожился.

— Я вспомнил одного человека, — сказал Жилин. — У него была очень любопытная судьба... — Жилин в нерешительности остановился. — Может, я мешаю вам, Владимир Сергеевич?

— Рассказывай, — потребовал Юрковский и решительно захлопнул отчет.

— Это займет некоторое время, — предупредил Жилин.

— Тем лучше, — сказал Юрковский. — Рассказывай.

И Жилин начал рассказывать.

Рассказ о гигантской флюктуации

Я был тогда еще совсем мальчишкой и многого тогда не понял и многое забыл, может быть самое интересное. Была ночь, и лица этого человека я так и не разглядел. А голос у него был самый обыкновенный, немножко печальный и сиплый, и он изредка покашливал, словно от смущения. Словом, если я увижу его еще раз где-нибудь на улице или, скажем, в гостях, я его, скорее всего, не узнаю.

Встретились мы на пляже. Я только что искупался и сидел на камне. Потом я услышал, как позади посыпалась галька — это он спускался с насыпи, — запахло табачным дымом, и он остановился рядом со мной. Как я уже сказал, дело было ночью. Небо было покрыто облаками, и на море начинался шторм. Вдоль пляжа дул сильный теплый ветер. Незнакомец курил. Ветер высекал у него из папиросы длинные оранжевые искры, которые неслись и пропадали над пустынным пляжем. Это было очень красиво, и я это хорошо помню. Мне было всего шестнадцать лет, и я даже не думал, что он заговорит со мной. Но он заговорил. Начал он очень странно.

— Мир полон удивительных вещей, — сказал он.

Я решил, что он просто размышляет вслух, и промолчал. Я обернулся и посмотрел на него, но ничего не увидел, было слишком темно. А он повторил:

— Мир полон удивительных вещей. — И затем затянулся, осыпав меня дождем искр.

Я снова промолчал: я был тогда стеснительный. Он докурив папиросу, закурил новую и присел на камни рядом со мной. Время от времени он принимался что-то бормотать,

но шум воды скрадывал слова, и я слышал только неразборчивое ворчание. Наконец он заявил громко:

— Нет, это уже слишком. Я должен это кому-нибудь рассказать.

И обратился прямо ко мне, впервые с момента своего появления:

— Не откажитесь выслушать меня, пожалуйста.

Я, конечно, не отказался. Он сказал:

— Только я вынужден буду начать издали, потому что, если я сразу расскажу вам, в чем дело, вы не поймете и не поверите. А мне очень важно, чтобы мне поверили. Мне никто не верит, а теперь это зашло так далеко...

Он помолчал и сообщил:

— Это началось еще в детстве. Я начал учиться играть на скрипке и разбил четыре стакана и блюда.

— Как это так? — спросил я. Я сразу вспомнил какой-то анекдот, где одна дама говорит другой: «Вы представляете, вчера дворник бросал нам дрова и разбил люстру». Есть такой старый анекдот.

Незнакомец этак грустно рассмеялся и сказал:

— Вот представьте себе. В течение первого же месяца обучения. Уже тогда мой преподаватель сказал, что он в жизни не видел ничего подобного.

Я промолчал, но тоже подумал, что это должно было выглядеть довольно странно. Я представил себе, как он размахивает смычком и время от времени попадает в буфет. Это действительно могло завести его довольно далеко.

— Это известный физический закон, — пояснил он неожиданно. — Явление резонанса. — И он, не переводя дыхания, изложил мне соответствующий анекдот из школьной физики, как через мост шла в ногу колонна солдат и мост рухнул. Потом он объяснил мне, что стаканы и блюда тоже можно дробить резонансом, если подобрать звуковые колебания соответствующих частот. Должен сказать, что именно с тех пор я начал отчетливо понимать, что звук — это тоже колебания.

Незнакомец объяснил мне, что резонанс в обыденной жизни (в домашнем хозяйстве, как он выражался) вещь необычайно редкая, и очень восхищался тем, что какой-то древний правовой кодекс учитывает такую ничтожную возможность и предусматривает наказание владельцу того петуха, который своим криком расколет кувшин у соседа.

Я согласился, что это действительно, должно быть, редкое явление. Я лично никогда ни о чем таком не слышал.

— Очень, очень редкое, — сказал он. — А я вот своей скрипкой разбил за месяц четыре стакана и блюдце. Но это было только начало.

Он закурил очередную папиросу и сообщил:

— Очень скоро мои родители и знакомые отметили, что я нарушаю закон бутерброда.

Тут я решил не ударить в грязь лицом и сказал:

— Странная фамилия.

— Какая фамилия? — спросил он. — Ах, закон? Нет, это не фамилия. Это... как бы вам сказать... нечто шутовское. Знаете, есть целая группа поговорок: чего боялся, на то и наварлся... бутерброд всегда падает маслом вниз... В том смысле, что плохое случается чаще, чем хорошее. Или в наукообразной форме: вероятность желательного события всегда меньше половины.

— Половины чего? — спросил я и тут же понял, что сморозил глупость. Он очень удивился моему вопросу.

— Разве вы не знакомы с теорией вероятностей? — спросил он.

Я ответил, что мы этого еще не проходили.

— Так тогда вы ничего не поймете, — сказал он разочарованно.

— А вы объясните, — сердито сказал я, и он покорно принялся объяснять. Он объявил, что вероятность — это количественная характеристика возможности наступления того или иного события.

— А при чем здесь бутерброды? — спросил я.

— Бутерброд может упасть или маслом вниз, или маслом вверх, — сказал он. — Так вот, вообще говоря, если вы будете бросать бутерброд наудачу, случайным образом, то он будет падать то так, то эдак. В половине случаев он упадет маслом вверх, в половине — маслом вниз. Понятно?

— Понятно, — сказал я. Почему-то я вспомнил, что еще не ужинал.

— В таких случаях говорят, что вероятность желаемого исхода равна половине — одной второй.

Дальше он рассказал, что если бросать бутерброд, например, сто раз, то он может упасть маслом вверх не пятьдесят раз, а пятьдесят пять или двадцать и что только если бросать

его очень долго и много, масло сверху окажется приблизительно в половине всех случаев. Я представил себе этот несчастный бутерброд с маслом (и, может быть, даже с икрой) после того, как его бросали тысячу раз на пол, пусть даже на не очень грязный, и спросил, неужели действительно были люди, которые этим занимались. Он стал рассказывать, что для этих целей пользовались в основном не бутербродами, а монетой, как в игре в орлянку, и начал объяснять, как это делалось, забираясь во все более глухие дебри, и скоро я совсем перестал его понимать, и сидел, глядя в хмурое небо, и думал, что, вероятно, пойдет дождь. Из этой первой лекции по теории вероятностей я запомнил только полужнакомый термин «математическое ожидание». Незнакомец употреблял этот термин неоднократно, и каждый раз я представлял себе большое помещение, вроде зала ожидания, с кафельным полом, где сидят люди с портфелями и бюравами и, подбирая время от времени к потолку монетки и бутерброды, чего-то сосредоточенно ожидают. До сих пор я часто вижу это во сне. Но тут незнакомец оглушил меня звонким термином «пределная теорема Муавра—Лапласа» и сказал, что все это к делу не относится.

— Я, знаете ли, совсем не об этом хотел вам рассказать, — проговорил он голосом, лишенным прежней живости.

— Простите, вы, вероятно, математик? — спросил я.

— Нет, — ответил он уныло. — Какой я математик? Я флюктуация.

Из вежливости я промолчал.

— Да, так я вам, кажется, еще не рассказал своей истории, — вспомнил он.

— Вы говорили о бутербродах, — сказал я.

— Это, знаете ли, первым заметил мой дядя, — продолжал он. — Я был, знаете ли, рассеян и часто ронял бутерброды. И бутерброды у меня всегда падали маслом вверх.

— Ну и хорошо, — сказал я.

Он горестно вздохнул.

— Это хорошо, когда изредка... А вот когда всегда! Вы понимаете — всегда!

Я ничего не понимал и сказал ему об этом.

— Мой дядя немного знал математику и увлекался теорией вероятностей. Он посоветовал мне попробовать бросить монетку. Мы ее бросали вместе. Я сразу тогда даже не понял,

что я конченный человек, а мой дядя это понял. Он так и сказал мне тогда: «Ты конченный человек!»

Я по-прежнему ничего не понимал.

— В первый раз я бросил монетку сто раз, и дядя сто раз. У него орел выпал пятьдесят три раза, а у меня девятью восемь. У дяди, знаете ли, глаза на лоб вылезли. И у меня тоже. Потом я бросил монетку еще двести раз, и, представьте себе, орел у меня выпал сто девятью шесть раз. Мне уже тогда следовало понять, чем такие вещи должны кончиться. Мне надо было понять, что когда-нибудь наступит и сегодняшней вечер! — Тут он, кажется, всхлипнул. — Но тогда я, знаете ли, был слишком молод, моложе вас. Мне все это представлялось очень интересным. Мне казалось очень забавным чувствовать себя средоточием всех чудес на свете.

— Чем? — изумился я.

— Э-э-э... средоточием чудес. Я не могу другого слова подобрать, хотя и пытался.

Он немножко успокоился и принялся рассказывать все по порядку, непрерывно куря и покашливая. Рассказывал он подробно, старательно описывая все детали и неизменно подводя научную базу под все излагаемые события. Он порастил меня если не глубиной, то разносторонностью своих знаний. Он осыпал меня терминами из физики, математики, термодинамики и кинетической теории газов, так что потом, уже став взрослым, я часто удивлялся, почему тот или иной термин кажется мне таким знакомым. Зачастую он пускался в философские рассуждения, а иногда казался просто несамокритичным. Так, он неоднократно величал себя «феноменом», «чудом природы» и «гигантской флуктуацией». Тогда я понял, что это не профессия. Он мне заявил, что чудес не бывает, а бывают только весьма маловероятные события.

— В природе, — наставительно говорил он, — наиболее вероятные события осуществляются наиболее часто, а наименее вероятные осуществляются гораздо реже.

Он имел в виду закон необывания энтропии, но тогда для меня все это звучало веско. Потом он попытался мне объяснить понятия наименее вероятнейшего состояния и флуктуации. Мое воображение потряс тогда этот известный пример с воздухом, который весь собрался в одной половине комнаты.

— В этом случае, — говорил он, — все, кто сидел в другой половине, задохнулись бы, а остальные сочли бы происшедшее чудом. А это отнюдь не чудо, это вполне реальный, но необычайно маловероятный факт. Это была бы гигантская флюктуация — ничтожно вероятное отклонение от наиболее вероятного состояния.

По его словам, он и был таким отклонением от наиболее вероятного состояния. Его окружали чудеса. Увидеть, например, двенадцатикратную радугу было для него пустяком — он видел их шесть или семь раз.

— Я побью любого синоптика-любителя, — удрученно хвастался он. — Я видел полярные сияния в Алма-Ате, Брокенское видение на Кавказе и двадцать раз наблюдал знаменитый зеленый луч, или «меч голода», как его называют. Я приехал в Батуми, и там началась засуха. Тогда я отправился путешествовать в Гоби и трижды попал там под тропический ливень.

За время обучения в школе и в вузе он сдал множество экзаменов и каждый раз вытаскивал билет номер пять. Однажды он сдавал спецкурс, и было точно известно, что будет всего четыре билета — по числу сдающих, — и он все-таки вытащил билет номер пять, потому что за час до экзамена преподаватель вдруг решил добавить еще один билет. Бутерброды продолжали у него падать маслом вверх. («На это я, по-видимому, обречен до конца жизни, — сказал он. — Это всегда будет мне напоминать, что я не какой-нибудь обыкновенный человек, а гигантская флюктуация».) Дважды ему случалось присутствовать при образовании больших воздушных линз («Это макроскопические флюктуации плотности воздуха», — непонятно объяснил он), и оба раза эти линзы зажигали спичку у него в руках.

Все чудеса, с которыми он сталкивался, он делил на три группы. На приятные, неприятные и нейтральные. Бутерброды маслом вверх, например, относились к первой группе. Неизменный насморк, регулярно и независимо от погоды начинающийся и кончающийся первого числа каждого месяца, относился ко второй группе. К третьей группе относились разнообразные редчайшие явления природы, которые имели честь происходить в его присутствии. Однажды в его присутствии произошло нарушение второго закона термодинамики: вода в сосуде с цветами неожиданно принялась отнимать

тепло от окружающего воздуха и довела себя до кипения, а в комнате выпал иней. («После этого я ходил как пришибленный и до сих пор, знаете ли, пробую воду пальцем, прежде чем ее, скажем, пить...») Неоднократно к нему в палатку — он много путешествовал — залетали шаровые молнии и часами висели под потолком. В конце концов он привык к этому и использовал шаровые молнии как электрические лампочки: читал.

— Вы знаете, что такое метеорит? — спросил он неожиданно.

Молодость склонна к плоским шуткам, и я ответил, что метеориты — это падающие звезды, которые не имеют ничего общего со звездами, которые не падают.

— Метеориты иногда попадают в дома, — задумчиво сказал он. — Но это очень редкое событие. И зарегистрирован только один, знаете ли, случай, когда метеорит попал в человека. Единственный, знаете ли, в своем роде случай...

— Ну и что? — спросил я.

Он наклонился ко мне и прошептал:

— Так этот человек — я!

— Вы шутите, — сказал я, вздрогнув.

— Нисколько, — грустно сказал он.

Оказалось, что все это произошло на Урале. Он шел пешком через горы, остановился на минутку, чтобы завязать шнурок на ботинке. Раздался резкий шелестящий свист, и он ощутил толчок в заднюю, знаете ли, часть тела и боль от ожога.

— На штанах была вот такая дыра, — рассказывал он. — Кровь текла, знаете, но не сильно. Жалко, что сейчас темно, я бы показал вам шрам.

Он подобрал там несколько подозрительных камешков и хранил их в своем столе — может быть, один из них и есть тот метеорит.

Случались с ним и вещи, совершенно необъяснимые с научной точки зрения. По крайней мере пока, при нынешнем уровне науки. Так, однажды ни с того ни с сего он стал источником мощного магнитного поля. Выразилось это в том, что все предметы из ферромагнетиков, находившиеся в комнате, сорвались с места и по силовым линиям ринулись на него. Стальное перо вонзилось ему в щеку, что-то больно ударило по голове и по спине. Он закрылся руками, дрожа

от ужаса, с ног до головы облепленный ножами, вилками, ложками, пожницами, и вдруг все кончилось. Явление длилось не больше десяти секунд, и он совершенно не знал, как его можно объяснить.

В другой раз, получив письмо от приятеля, он после первой же строчки, к изумлению своему, обнаружил, что совершенно такое же письмо получал уже несколько лет назад. Он вспомнил даже, что на оборотной стороне, рядом с подписью, должна быть большая клякса. Перевернув письмо, он действительно увидел кляксу:

— Все эти вещи не повторялись больше, — печально сообщил он. — Я считал их самыми замечательными в своей коллекции. Но только, знаете ли, до сегодняшнего вечера.

Он вообще очень часто прерывал свою речь, для того чтобы заявить: «Все это, знаете ли, было бы очень хорошо, но вот сегодня... Это уже слишком, уверяю вас».

— А вам не кажется, — спросил я, — что вы представляете интерес для науки?

— Я думал об этом, — сказал он. — Я писал. Я, знаете ли, предлагал. Мне никто не верит. Даже родные не верят. Только дядя верил, но теперь он умер. Все считают меня оригиналом и неумным шутником. Я просто не представляю себе, что они будут думать после сегодняшнего события. — Он вздохнул и бросил окурок. — Да, может быть, это и к лучшему, что мне не верят. Предположим, что мне бы кто-нибудь поверил. Создали бы комиссию, она бы за мной везде ходила и ждала чудес. А я человек от природы нелюдимый, а тут еще от всего этого характер у меня испортился совершенно. Иногда не сплю по ночам — боюсь.

Насчет комиссии я был с ним согласен. Ведь и в самом деле, он не мог вызывать чудеса по своему желанию. Он был только средоточием чудес, точкой пространства, как он говорил, где происходят маловероятные события. Без комиссии и наблюдения не обошлось бы.

— Я писал одному известному ученому, — продолжал он. — В основном, правда, о метеорите и о воде в вазе. Но он, знаете ли, отнесся к этому юмористически. Он ответил, что метеорит упал вовсе не на меня, а на одного, кажется японского, шофера. И он очень язвительно посоветовал мне обратиться к врачу. Меня очень заинтересовал этот шофер. Я подумал, что он, может быть, тоже гигантская флюктуа-

ция — вы сами понимаете, это возможно. Но оказалось, что он умер много лет назад. Да, знаете ли... — Он задумался. — А к врачу я все-таки пошел. Оказалось, что я с точки зрения медицины ничего особенного собой не представляю. Но он нашел у меня некоторое расстройство нервной системы и послал сюда, на курорт. И я поехал. Откуда я мог знать, что здесь произойдет? — Он вдруг схватил меня за плечо и прошептал: — Час назад у меня улетела знакомая!

Я не понял.

— Мы прогуливались там, наверху, по парку. В конце концов, я же человек, и у меня были самые серьезные намерения. Мы познакомились в столовой, пошли прогуляться в парк, и она улетела.

— Куда? — закричал я.

— Не знаю. Мы шли, вдруг она вскрикнула, ойкнула, оторвалась от земли и поднялась в воздух. Я опомниться не успел, только схватил ее за ногу, и вот...

Он ткнул мне в руку какой-то твердый предмет. Это была босоножка, обыкновенная светлая среднего размера.

— Вы понимаете, это не совершенно невозможно, — бормотал феномен. — Хаотическое движение молекул тела, броуновское движение частиц живого коллоида стало упорядоченным, ее оторвало от земли и унесло совершенно не представляю куда. Очень, очень маловероятное... Вы мне теперь только скажите, должен я считать себя убийцей?

Я был потрясен и молчал. В первый раз мне пришлось в голову, что он, наверное, все выдумал. А он сказал с тоской:

— И дело, знаете ли, даже не в этом. В конце концов, она, может быть, зацепилась где-нибудь за дерево. Ведь я не стал искать, потому что побоялся, что не найду. Но вот, знаете ли... Раньше все эти чудеса касались только меня. Я не очень любил флюктуации, но флюктуации, знаете ли, очень любили меня. А теперь? Если такие штуки начнут происходить и с моими знакомыми?.. Сегодня улетает девушка, завтра проваливается сквозь землю сотрудник, послезавтра... Да вот, например, вы. Ведь вы сейчас ни от чего не застрахованы.

Это я уже понял сам, и мне стало удивительно интересно и жутко. «Вот здорово, — подумал я. — Скорее бы!» Мне вдруг показалось, что я взлетаю, и я вцепился руками в камень под собой. Незнакомец вдруг встал.

— Вы знаете, я лучше пойду, — сказал он жалобно. — Не люблю я бессмысленных жертв. Вы сидите, а я пойду. Как это мне раньше в голову не пришло!

Он торопливо пошел вдоль берега, оступаясь на камнях, а потом вдруг крикнул издали:

— Вы уж извините меня, если с вами что случится! Ведь это от меня не зависит!

Он уходил все дальше и дальше и скоро превратился в маленькую черную фигурку на фоне чуть фосфоресцирующих волн. Мне показалось, что он размахнулся и бросил в волны что-то белое. Наверное, это была босоножка. Вот так мы с ним и расстались.

К сожалению, я не мог бы узнать его в толпе. Разве что случилось бы какое-нибудь чудо. Я никогда и ничего больше не слышал о нем, и, по-моему, ничего особенного в то лето на морском побережье не случилось. Вероятно, его девушка все-таки зацепилась за какой-нибудь сук, и они потом поженились. Ведь у него были самые серьезные намерения. Я знаю только одно. Если когда-нибудь, пожимая руку новому знакомому, я вдруг почувствую, что становлюсь источником мощного магнитного поля, и вдобавок замечу, что новый знакомец много курит, часто покашливает, этак «кхым-кхум», — значит, это, знаете ли, он, феномен, средоточие чудес, гигантская флюктуация.

Жилин закончил рассказ и победоносно оглядел слушателей. Юре рассказ понравился, но он, как всегда, так и не понял, выдумал все это Жилин или рассказывал правду. На всякий случай он в течение всего рассказа скептически усмехался.

— Прелестно, — сказал Юрковский. — Но больше всего мне нравится мораль.

— Что же это за мораль? — сказал Быков.

— Мораль такова, — объяснил Юрковский. — Нет ничего невозможного, есть только маловероятное.

— И кроме того, — сказал Жилин, — мир полон удивительных вещей — это раз. И два. Что мы знаем о вероятностях?

— Вы мне тут зубы не заговаривайте, — сказал Быков и встал. — Тебе, Иван, я вижу, не дают покоя писательские лавры Михаила Антоновича. Рассказ этот можешь вставить в свои мемуары.

— Обязательно вставлю, — сказал Жилин. — Правда, хороший рассказ?

— Спасибо, Ванюша, — сказал Юрковский. — Ты меня отлично рассеял. Интересно, как это у него могло появиться электромагнитное поле?

— Магнитное, — поправил Жилин. — Он говорил мне о магнитном.

— М-да, — сказал Юрковский и задумался.

После ужина они остались в кают-компании втроем. Сменившийся с вахты Михаил Антонович с наслаждением забрался в быковское кресло почитать на сон грядущий «Повесть о принце Гэндзи», а Юра с Жилиным устроились перед экраном магнитоvizора поглядеть что-нибудь легкое. Свет в кают-компании был притушен, только переливались на экране глухими мрачными красками страшные джунгли, по которым шли первооткрыватели, да поблескивала в углу под бра глянцевитая лысина штурмана. И было совсем тихо.

Жилин «Первооткрывателей» уже видел, гораздо интереснее ему было смотреть на Юру и штурмана. Юра глядел на экран, не отрываясь, и только иногда нетерпеливо поправлял на голове тонкий обруч фонодемонстратора. Первооткрыватели страшно нравились ему, а Жилин посмеивался про себя и думал, до чего же нелеп и примитивен этот фильм, особенно если смотришь его не в первый раз и тебе уже за тридцать. Эти подвиги, похожие на упоенное самоистязание, нелепые с начала и до конца, и этот командир Сандерс, которого бы немедленно сместить, намылить ему шею и отправить назад на Землю архивариусом, чтобы не сходил с ума и не губил невинных людей, не имеющих права ему противоречить. И в первую очередь прикончить бы эту истеричку — Прасковину, кажется, — послать ее в джунгли одну, раз уж у нее так пятки чешутся. Ну и экипаж подобрался! Сплошные самоубийцы с инфантильным интеллектом. Доктор был неплох, но автор прикончил его с самого начала, видимо, чтобы никто не мешал идиотскому замыслу ополоумевшего командира.

Самое забавное, что Юра все это, конечно, не может не видеть, но попробуй вот оторвать его сейчас от экрана и засадить, скажем, за того же принца Гэндзи!.. Издавна так

повелось и навсегда, наверное, останется, что каждый пормальный юноша до определенного возраста будет предпочитать драму погони, поиска, беззаветного самоистребления драме человеческой души, тончайшим переживаниям, сложнее, увлекательнее и трагичнее которых нет ничего в мире... О, конечно, он подтвердит, что Лев Толстой велик как памятник человеческой душе, что Голсуорси монументален и замечателен как социолог, а Дмитрий Строгов не знает себе равных в исследовании внутреннего мира нового человека. Но все это будут слова, пришедшие извне. Настанет, конечно, время, когда он будет потрясен, увидев князя Андрея живого среди живых, когда он задохнется от ужаса и жалости, поняв до конца Сомса, когда он ощутит великую гордость, разглядев ослепительное солнце, что горит в невообразимо сложной душе строговского Токмакова... Но это случится позже, после того как он накопит опыт собственных душевных движений.

Другое дело — Михаил Антонович. Вот он поднял голову и уставился маленькими глазками в темноту комнаты, и сейчас перед ним, конечно, далекий красавец в странной одежде и странной прическе, с ненужным мечом за поясом, тонкий и насмешливый грешник, японский донжуан — именно такой, каким он выскочил в свое время из-под пера гениальной японки в пышном и грязном хэйанском дворце и отправился невидимкой гулять по свету, пока не нашлись и для него такие же гениальные переводчики. И Михаил Антонович видит его сейчас так, словно нет между ними девяти веков и полутора миллиардов километров, и видит его только он, а Юре пока это не дано, и будет дано только лет через пять, когда войдут в Юрину жизнь и Токмаков, и Форсайты, Катя с Дашей, и многие, многие другие...

Последний первооткрыватель умер под водруженным флагом, и экран погас. Юра стащил с затылка фонодемонстратор и задумчиво произнес:

— Да, отлично сделан фильм.
— Прелесть, — серьезно откликнулся Жилин.
— Какие люди, а? — Юра дернул себя за хохол на макушке. — Как стальной клинок... Герои последнего шага. Только Прасковина какая-то неестественная.

— Н-да, пожалуй...
— Но зато Сандерс! До чего же он похож на Владим Сергеича!

— Мне они все напоминают Владим Сергеича, — сказал Жилин.

— Ну что вы! — Юра оглянулся, увидел Михаила Антоновича и перешел на шепот: — Конечно, все они настоящие, чистые, но...

— Пойдем-ка лучше ко мне, — предложил Жилин.

Они вышли из кают-компания и направились к Жилину. Юра говорил:

— Все они хороши, я не спорю, но Владимир Сергеевич — это, конечно, совсем другое, он мощнее их как-то, значительнее...

Они вошли в комнату. Жилин сел и стал смотреть на Юру. Юра говорил:

— А какое болото! Как это все изумительно сделано — коричневая жижа с громадными белыми цветами, и блестящая скользкая шкура чья-то в тине... и крики джунглей... — Он замолчал. — Ваня, — сказал он осторожно, — а вам, я вижу, картина не очень?..

— Ну что ты! — сказал Жилин. — Просто я уже видел ее, да и староват я для всех этих болот, Юрик. Я по ним хаживал и знаю, что там на самом деле...

Юра пожал плечами. Он был недоволен.

— Право же, дружище, не в болотах суть. — Жилин откинулся на спинку кресла и принял любимую позу: закинул голову, сцепил пальцы на затылке и растопырил локти. — И не подумай, пожалуйста, что я намекаю на разницу в наших годах. Нет. Это ведь неправда, что бывают дети и бывают взрослые. Все на самом деле сложнее. Бывают взрослые и бывают взрослые. Вот, например, ты, я и Михаил Антонович. Стал бы ты сейчас в трезвом уме и здравой памяти читать «Повесть о Гэндзи»? Вижу ответ твой на лице твоём. А Михаил Антонович перечитывает сейчас «Гэндзи» чуть ли не пятый раз, а я впервые почувствовал прелесть его только в этом году... — Жилин помолчал и пояснил: — Прелесть этой книги, конечно. Прелесть Михаила Антоновича я почувствовал гораздо раньше.

Юра с сомнением смотрел на него.

— Я, разумеется, знаю, что это классика и все такое, — сообщил он. — Но читать «Гэндзи» пять раз я бы не стал. Там все запутано, усложнено... А жизнь по сути своей проста, много проще, чем ее изображают в таких книгах.

— А жизнь по сути своей сложна, — сказал Жилин. — Много сложнее, чем описывают ее такие фильмы, как «Первооткрыватели». Если хочешь, мы попробуем разобраться. Вот командир Сандерс. У него есть жена и сын. У него есть друзья. И все же как легко он идет на смерть. У него есть совесть. И как легко он ведет на смерть своих людей...

— Он забыл обо всем этом, потому что...

— Об этом, Юрик, не забывают никогда. И главным в фильме должно быть не то, что Сандерс геройски погиб, а то, как он сумел заставить себя забыть. Ведь гибель-то была верной, дружище. Этого в кино нет, поэтому все кажется простым. А если бы это было, фильм показался бы тебе скучнее...

Юра молчал.

— Ну-с? — сказал Жилин.

— Может быть, — неохотно проговорил Юра. — Но мне все-таки кажется, что на жизнь надо смотреть проще.

— Это пройдет, — пообещал Жилин. Они помолчали. Жилин, прищурясь, глядел на лампу. Юра сказал:

— Есть трусость, есть подвиг, есть работа — интересная и неинтересная. Надо ли все это перепутывать и выдавать трусость за подвиг и наоборот?

— А кто же перепутывает, кто этот негодяй? — вскричал Жилин.

Юра засмеялся.

— Я просто схематически представил, как это бывает в некоторых книгах. Возьмут какого-нибудь типа, напустят вокруг слюней, и потом получается то, что называют «изящным парадоксом» или «противоречивой фигурой». А он — тип типом. Тот же Гэндзи.

— Все мы немножко лошади, — проникновенно сказал Жилин. — Каждый из нас по-своему лошадь. Это жизнь все перепутывает. Ее величество жизнь. Эта благословенная негодяйка. Жизнь заставляет гордого Юрковского упрашивать непримиримого Быкова. Жизнь заставляет Быкова отказывать своему лучшему другу. Кто же из них лошадь, то бишь тип? Жизнь заставляет Жилина, который целиком согласен с железной линией Быкова, сочинять сказочку о гигантской флуктуации, чтобы хоть так выразить свой протест против самой непоколебимости этой линии. Жилин

тоже тип. Весь в слюнях, и никакого постоянства убеждений. А знаменитый вакуум-сварщик Бородин? Не он ли видел смысл жизни в том, чтобы положить живот на подходящий алтарь? И кто поколебал его — не логикой, а просто выражением лица? Растленный кабатчик с Дикого Запада. Поколебал ведь, а?

— Н-ну... в каком-то смысле...

— Ну, не тип ли этот Бородин? Ну, не проста ли жизнь? Выбрал себе принцип — и валяй. Но принципы тем и хороши, что они стареют. Они стареют быстрее, чем человек, и человеку остаются только те, что продиктованы самой историей. Например, в наше время история жестко объявила Юрковским: баста! Никакие открытия не стоят одной-единственной человеческой жизни. Рисковать жизнью разрешается только ради жизни. Это придумали не люди. Это продиктовала история, а люди только сделали эту историю. Но там, где общий принцип сталкивается с принципом личным, — там кончается жизнь простая и начинается сложная. Такова жизнь.

— Да, — сказал Юра. — Наверное.

Они замолчали, и Жилин опять ощутил мучительное чувство раздвоенности, не оставлявшее его вот уже несколько лет. Как будто каждый раз, когда он уходит в рейс, на Земле остается какое-то необычайно важное дело, самое важное для людей, необычайно важное, важнее всей остальной Вселенной, важнее самых замечательных творений рук человеческих.

На Земле оставались люди, молодежь, дети. Там оставались миллионы и миллионы таких вот Юриков, и Жилин чувствовал, что может здорово помочь им, хотя бы некоторым из них. Все равно где. В школьном интернате. Или в заводском клубе. Или в Доме пионеров. Помочь им входить в жизнь, помочь найти себя, определить свое место в мире, научить хотеть сразу многого, научить хотеть работать взахлеб.

Научить не кланяться авторитетам, а исследовать их и сравнивать их поучения с жизнью.

Научить настороженно относиться к опыту бывалых людей, потому что жизнь меняется необычайно быстро.

Научить презирать мещанскую мудрость.

Научить, что любить и плакать от любви не стыдно.

Научить, что скептицизм и цинизм в жизни стоят дешево, что это много легче и скучнее, нежели удивляться и радоваться жизни.

Научить доверять движениям души своего ближнего.

Научить, что лучше двадцать раз ошибиться в человеке, чем относиться с подозрением к каждому.

Научить, что дело не в том, как на тебя влияют другие, а в том, как ты влияешь на других.

И научить их, что один человек ни черта не стоит.

Юра вздохнул и сказал:

— Давайте, Ваня, в шахматы сыграем.

— Давай, — сказал Жилин.

11. ДИОНА

На четвереньках

иректора обсерватории на Дионе Юрковский знал давно, еще когда тот был аспирантом в Институте планетологии. Владислав Кимович Шершень слушал тогда у Юрковского спецкурс «Планеты-гиганты». Юрковский его помнил и любил за дерзость ума и исключительную целенаправленность.

Шершень вышел встречать старого наставника прямо в кессон.

— Не ожидал, не ожидал, — говорил он, ведя Владимира Сергеевича под локоток к своему кабинету.

Шершень был уже не тот. Не было больше стройного черноволосого парня, всегда загорелого и немного сумрачного. Шершень стал бледен, он облысел, расплнел и все время улыбался.

— Вот не ожидал! — повторял он с удовольствием. — Как же это вы к нам падумали, Владимир Сергеевич? И никто нам не сообщил...

В кабинете он усадил Юрковского за свой стол, сдвинув в сторону пружинный пресс с кипой фотокорректур, а сам

сел на табурет напротив. Юрковский озирался, благожелательно кивал. Кабинет был невелик и гол. Настоящее рабочее место ученого на межпланетной станции. И сам Владислав был под стать этому месту. На нем был поношенный, но выглаженный комбинезон с подвернутыми рукавами, полное лицо было тщательно выбрито, а жиденькая полуседая прядь на макушке аккуратно причесана.

— А вы постарели, Владислав, — сказал Юрковский с сожалением. — И... э-э... фигура не та. Ведь вы спортсменом были, Владислав.

— Шесть лет здесь, почти безвыездно, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень. — Тяжесть здесь в пятьдесят раз меньше, чем на Планете, эспандерами изгибать себя, как наша молодежь делает, не могу за недостатком времени, да и сердце пошаливает, вот и толстею. Да к чему мне стройность, Владимир Сергеевич? Жене все равно, какой я, а девушек ради худеть — темперамент не тот, да и положение не позволяет...

Они посмеялись.

— А вы, Владимир Сергеевич, изменились мало.

— Да, — сказал Юрковский. — Волос поменьше, ума побольше.

— Что нового в институте? — спросил Шершень. — Как дела у Габдула Кадыровича?

— Габдул застрял, — сказал Юрковский. — Очень ждет ваших результатов, Владислав. По сути, вся планетология Сатурна держится на вас. Избаловали вы их, Владислав... э-э... Избаловали.

— Что ж, — сказал Шершень, — за нами дело не станет. В следующем году начнем глубинные запуски... Вы вот только людей бы мне подбросили, Владимир Сергеевич, специалистов. Опытных, крепких специалистов...

— Специалисты, — сказал, усмехаясь, Юрковский. — Специалисты всем нужны. Только это, между прочим, ваше дело, Владислав, — готовить специалистов. Вы, вы должны их институту давать, а не институт вам. А я слышал, что от вас Мюллер на Тефию ушел. Даже то, что мы вам дали, вы упускаете.

Шершень покачал головой.

— Дорогой Владимир Сергеевич, — сказал он, — мне работать нужно, а не специалистов готовить. Подумаешь, Мюл-

лер. Ну, хороший атмосферник, два десятка неплохих работ. Так ведь Дионе программу надо выполнять, а не гоняться за хитрыми разумом Мюллерами. И таких, как Мюллер, пусть институт держит у себя. Никто на них не польстится. А нам здесь нужны молодые дисциплинированные ребята... Кто там сейчас в координационном отделе? Все еще Баркан?

— Да, — сказал Юрковский.

— Оно и видно.

— Ну, ну, Владислав, Баркан хороший работник. Но сейчас открыты пять новых обсерваторий в Пространстве. И всем нужны люди.

— Ну так, товарищи! — сказал Шершень. — Надо же планировать по-человечески! Обсерваторий стало больше, а специалистов не прибавилось? Нельзя же так!

— Ладно, — весело сказал Юрковский, — ваше... э-э... неудовольствие, Владислав, я непременно передам Баркану. И вообще, Владислав, готовьте ваши жалобы и претензии. Насчет людей, насчет оборудования. Пользуйтесь случаем, ибо в настоящее время я облечен властью разрешать и вязать, высшей властью, Владислав.

Шершень удивленно поднял брови.

— Да, Владислав, вы разговариваете с генеральным инспектором МУКСа.

Шершень вздернул голову.

— Ах... вот как? — медленно сказал он. — Вот не ожидал! — Он вдруг опять заулыбался. — А я, дурень, ломаю голову: как случилось, что глава мировой планетологии так внезапно, без предупреждения... Интересно, по каким же это наветам удостоилась наша маленькая Диона генерального посещения?

Они еще раз посмеялись.

— Послушайте... э-э... Владислав, — сказал Юрковский. — Мы довольны работой обсерватории, вы это знаете. Я очень доволен вами, Владислав. Отчетливо... э-э... работаете. И я вовсе не собирался беспокоить вас в моем, так сказать... э-э... официальном качестве. Но вот все тот же вопрос о людях. Понимаете, Владислав, некоторое — я бы сказал законное — недоумение вызывает тот факт, что у вас... э-э... Вот за последний год у вас здесь закончено двадцать работ. Хорошие работы. Некоторые просто превосходные. Например... э-э... эта, об определении глубины экзосферных

слоев по конфигурации тени колец. Да. Хорошие работы. Но среди них нет ни одной самостоятельной. Шершень и Аверин. Шершень и Свирский. Шершень и Шатрова... Возникает вопрос: а где просто Аверин и Шатрова? Где просто Свирский? То есть создается впечатление, что вы ведете свою молодежь на помочах. Конечно, более всего важен результат, победителя не судят... э-э... но при всей вашей загруженности вы не имеете права упускать из виду подготовку специалистов. Им ведь рано или поздно придется работать самостоятельно. И, в свою очередь, людей учить. Как же это у вас получается?

— Вопрос законный, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень после некоторого молчания. — Но как на него ответить — не представляю. И выглядит это подозрительно. Я бы сказал, мерзко. Я уж тут несколько раз пытался отказываться от соавторства — знаете, просто чтобы спасти лицо. И представьте себе, ребята не разрешают. И я их понимаю! Вот Толя Кравец. — Он похлопал ладонью по фотокорректуре. — Великолепный наблюдатель. Мастер прецизионных измерений. Инженер чудесный. Но... — он развел руками, — недостаточно опыта у него, что ли... Огромный, интереснейший наблюдательный материал — и практически полная неспособность провести квалифицированный анализ результатов. Вы понимаете, Владимир Сергеевич, я же ученый, мне до боли жалко этот пропадающий материал, а опубликовывать это в сыром виде, чтобы выводы делал Габдул Кадырович, тоже, знаете ли, с какой стати. Не выдерживает ретивое, сажусь, начинаю интерпретировать сам. Ну... у мальчика же самолюбие... Так и появляется — Шершень и Кравец.

— М-да, — сказал Юрковский. — Это бывает. Да вы не беспокойтесь, Владислав, никто ничего страшного не предполагает... Мы отлично знаем вас. Да, Анатолий Кравец. Кажется, я его... э-э... припоминаю. Такой крепыш. Очень вежливый. Да-да, помню. Очень, помню, был старательный студент. Я почему-то думал, что он на Земле, в Абастумани... Э... да. Знаете, Владислав, расскажите мне, пожалуйста, о ваших сотрудниках. Я уже всех их позабыл.

— Что ж, — сказал Шершень. — Это не трудно. Нас здесь всего восемь человек на всей Дионе. Ну, Дитца и Оленеву мы исключим, это инженеры-контролеры. Славные, умные ребята, ни одной аварии за три года. Обо мне говорить тоже не будем, итого у нас остается всего пять собственно

астрономов. Ну, Аверин. Астрофизик. Обещает стать очень ценным работником, но пока слишком разбрасывается. Мне лично это никогда в людях не правилось. Потому мы и с Мюллером не сошлись. Так. Свирский Виталий. Тоже астрофизик.

— Позвольте, позвольте, — сказал Юрковский, прося. — Аверин и Свирский! Как же... Это была чудесная пара! Помню, я был в плохом настроении и завалил Аверина, и Свирский отказался мне сдавать. Очень, помню, трогательный был бунт... Потом я у них принимал экзамен у обоих сразу, и они еще отвечали мне с этакой... лихостью. Дескать, знай, кого выгоняешь. Большие были друзья.

— Теперь они поохладели друг к другу, — грустно сказал Шершень.

— А что... э-э... случилось?

— Девушка, — сердито сказал Шершень. — Оба влюбились по уши в Зину Шатрову....

— Помню! — воскликнул Юрковский. — Маленькая такая, веселая, глаза синие, как.... э-э... незабудки. Все за ней ухаживали, а она отшучивалась. Изрядная была забавница.

— Теперь она уже не забавница, — сказал Шершень. — Запутался я в этих сердечных делах, Владимир Сергеевич. Нет, воля ваша. Я в этом отношении всегда выступал против вас и буду впредь выступать. Молодым девчонкам на дальних базах не место, Владимир Сергеевич.

— Оставьте, Владислав, — сказал Юрковский, нахмурясь.

— Дело, в конце концов, не в этом. Хотя я тоже многого ожидал от этой пары — Аверин и Свирский. Но они потребовали разных тем. Теперь их старую тему разрабатываем мы с Авериным, а Свирский работает отдельно. Так вот Свирский. Спокойный, выдержанный, хотя и несколько флегматичный. Я намерен оставить его за себя, когда уйду в отпуск. Еще не совсем самостоятелен, приходится помогать. Ну, о Толе Кравце я вам рассказывал. Зина Шатрова... — Шершень замолчал и шибко почесал затылок. — Девушка! — сказал он. — Знающая, конечно, но... Этакая, знаете ли, во всем расплывчатость. Эмоции. Впрочем, особых претензий к ее работе у меня нет. Свой хлеб на Дионе она, пожалуй, оправдывает. И наконец, Базанов.

Шершень замолчал и задумался. Юрковский покосился на фотокорректуру, затем не выдержал и сдвинул крышку

пресса, закрывавшую титульный лист. «Шершень и Кравец, — прочитал он. — Пылевая составляющая полос Сатурна». Он вздохнул и стал глядеть на Шершня.

— Так что же? — сказал он. — Что же... э-э... Базанов?

— Базанов — отличный работник, — решительно сказал Шершень. — Немного строптив, но хорошая, светлая голова. Ладить с ним трудновато, правда.

— Базанов... Что-то я не помню... Чем он занимается?

— Атмосферник. Вы знаете, Владимир Сергеевич, он очень щепетилен. Работа готова, ему еще Мюллер помогал, нужно публиковать — так нет! Все он чем-то недоволен, что-то ему кажется необоснованным... Вы знаете, есть такие... очень самокритичные люди. Самокритичные и упрямые. Его результатами мы давно уже пользуемся... Получается глупое положение, не имеем возможности сослаться. Но я, откровенно говоря, не очень беспокоюсь. Да и упрям он ужасно и раздражителен.

— Да, — сказал Юрковский. — Такой... э-э... очень самостоятельный студент был. Да... очень. — Он как бы невзначай протянул руку к фотокорректуре и словно в рассеянности стал ее листать. — Да... э-э... интересно. А вот эту работу я у вас еще не видел, Владислав, — сказал он.

— Это моя последняя, — сказал Шершень, улыбаясь. — Корректуру, вероятно, сам на Землю отвезу, когда в отпуск поеду. Парадоксальные результаты получены, Владимир Сергеевич. Просто изумительные. Вот взгляните...

Шершень обошел стол и нагнулся над Юрковским. В дверь постучали.

— Простите, Владимир Сергеевич, — сказал Шершень и выпрямился. — Войдите!

В низкий овальный люк, согнувшись в три погибели, пролез костлявый бледный парень. Юрковский узнал его — это был Петя Базанов, добродушный, очень справедливый юноша, умница и добряк. Юрковский уже начал благожелательно улыбаться, но Базанов только холодно кивнул ему, подошел к столу и положил перед Шершнем папку.

— Вот расчеты, — сказал он. — Коэффициенты поглощения.

Юрковский спокойно сказал:

— Что же это вы, Петр... э-э... не помню отчества, и поздороваться со мной не хотите?

Базанов медленно повернул к нему худое лицо и, прищурясь, поглядел в глаза.

— Прошу прощения, Владимир Сергеевич, — сказал он. — Здравствуйте. Боюсь, я немного забылся.

— Боюсь, вы действительно немного забылись, Базанов, — негромко произнес Шершень.

Базанов пожал плечами и вышел, захлопнув за собой люк. Юровский резко выпрямился, и его вынесло из-за стола. Шершень поймал его за руку.

— Магнитные подковки у нас полагается держать на полу, товарищ генеральный инспектор, — сказал он смеясь. — Это вам не «Тахмасиб».

Юровский смотрел на закрытый люк. «Неужели это Базанов», — с удивлением думал он.

Шершень стал серьезен.

— Вы не удивляйтесь поведению Базанова, — сказал он. — Мы с ним повздорили из-за этих коэффициентов поглощения. Он полагает ниже своего достоинства считать коэффициенты поглощения и уже двое суток терроризирует всю обсерваторию.

Юровский сдвинул брови, пытаясь вспомнить. Затем он махнул рукой.

— Не будем об этом, — сказал он. — Давайте, Владислав, показывайте ваши парадоксы.

...От реакторного кольца «Тахмасиба» через каменистую равнину к цилиндрической башне лифта был протянут тонкий трос. Юра неторопливо и осторожно двигался вдоль троса, с удовольствием чувствуя, что период подготовки в условиях невесомости не прошел для него даром. Впереди, шагах в пятидесяти, поблескивал в желтом свете Сатурна скафандр Михаила Антоновича.

Огромный желтый серп Сатурна выглядывал из-за плеча. Впереди над близким горизонтом ярко горела зеленоватая ущербленная луна — это был Титан, самый крупный спутник Сатурна и вообще самый крупный спутник в Солнечной системе. Юра оглянулся на Сатурн. Колец с Дионы видно не было. Юра увидел только тонкий серебристый луч, режущий серп пополам. Неосвещенная часть диска Сатурна слабо мерцала зеленым. Где-то позади Сатурна двигалась сейчас Рея.

Михаил Антонович дождался Юру, и они вместе протиснулись в низкую полукруглую дверцу. Обсерватория

размещалась под землей, на поверхности оставались только сетчатые башни интерферометров и параболоиды антенн, похожие на исполинские блюдца. В кессоне, вылезая из скафандра, Михаил Антонович сказал:

— Я, Юрик, пойду в библиотеку, а ты здесь прогуляйся, посмотри, сотрудники тут все молодые, ты с ними быстро познакомишься... А часа через два встретимся... Или возвращайся прямо на корабль...

Он похлопал Юру по плечу и, гремя магнитными подковами, пошел по коридору налево. Юра пошел направо. Коридор был круглый, облицованный матовым пластиком, только под ногами лежала неширокая стальная дорожка, исцарапанная подковами. Вдоль коридора тянулись трубы, в них клокотало и булькало. Пахло сосновым лесом и нагретым металлом.

Юра прошел мимо открытого люка. Там никого не было, только мигали цветные огоньки на пультах. «Тихо как, — подумал Юра. — Никого не видно и не слышно». Он свернул в поперечный коридор и услышал музыку. Кто-то где-то играл на гитаре, уверенно и неторопливо выводя печальную мелодию. «Неужели и на Рее так?» — подумал вдруг Юра. Он лобил, чтобы вокруг было шумно, чтобы все были вместе, и смеялись, и острили, и пели. Ему стало грустно. Потом он подумал, что все сейчас, должно быть, на работе, но все же так и не смог отделаться от ощущения, что люди не могут не скучать в круглых пустых коридорах — здесь ли или на других далеких планетах. Вероятно, виновата была гитара.

Вдруг кто-то злобно сказал над самым ухом:

— А вот это уже тебя не касается! Понимаешь? Совершенно не касается!

Юра остановился. Коридор был по-прежнему пуст. Другой голос, мягкий и извиняющийся, сказал:

— Я не имел в виду ничего плохого, Виталий. Ведь это действительно не пужно ни тебе, ни ей, ни Владиславу Кимовичу. Никому это не нужно. Я только хотел сказать...

Злобный голос перебил:

— Я уже слышал, и надоело! И отстаньте вы от меня с вашим Авериным, не лезьте в мои дела! Я прошу только одного: дайте мне отработать мои три года — и провалитесь вы в самые глубокие тартарары...

Слева от Юры распахнулся люк, и в коридор выскочил беловолосый парень лет двадцати пяти. Светлые вихры его

были взъерошены, покрасневшее лицо перекошено. Он с наслаждением грохнул люком и остановился перед Юрой. Минуту они глядели друг на друга.

— Вы кто такой? — спросил беловолосый.

— Я... — сказал Юра, — я с «Тахмасиба».

— А, — с отвращением сказал беловолосый. — Еще один любимчик!

Он обошел Юру и стремительно зашагал по коридору, то и дело подлетая к потолку и бормоча: «Провалитесь вы все в тартарары! Провалитесь вы все...» Юра холодно спросил ему вслед:

— Вы что, палец прищемили, юноша?

Беловолосый не обернулся.

«Ну и ну, — подумал Юра. — Здесь совсем не так скучно».

Он повернулся к люку и обнаружил, что перед ним стоит еще один человек, должно быть, тот, что говорил извиняющимся голосом. Он был коренаст, широкоплеч и одет не без изыска. У него была красивая прическа и румяное грустное лицо.

— Вы с «Тахмасиба»? — тихо спросил он, приветливо кивая.

— Да, — сказал Юра.

— С Владимиром Сергеевичем Юрковским? Здравствуй-те. — Человек протянул руку. — Меня зовут Кравец. Анатолий. Вы будете у нас работать?

— Нет, — сказал Юра. — Я здесь проездом.

— Ах, проездом? — сказал Кравец. Он все еще держал Юрину руку. Ладонь у него была сухая и прохладная.

— Юрий Бородин, — сказал Юра.

— Очень приятно, — сказал Кравец и отпустил Юрину руку. — Так вы проездом. Скажите, Юра, Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?

— Не знаю, — сказал Юра.

Румяное лицо Анатолия Кравца стало совсем печальным.

— Ну конечно, откуда вам знать... Тут у нас, знаете ли, распространился вдруг этот странный слух... Вы давно знакомы с Владимиром Сергеевичем?

— Месяц, — неохотно сказал Юра. Он уже понял, что Кравец ему не нравится. Может быть, потому, что он говорил с белобрсым извиняющимся голосом. Или потому, что все время задавал вопросы.

— А я его знаю больше, — сказал Кравец. — Я у него учился. — Он вдруг спохватился. — Что же мы тут стоим? Заходите!

Юра шагнул в люк. Это была, по-видимому, вычислительная лаборатория. Вдоль стен тянулись прозрачные стеллажи электронной машины. Посередине стояли матово-белый пульт и большой стол, заваленный бумагами и схемами. На столе стояло несколько небольших электрических машин для ручных вычислений.

— Это наш мозг, — сказал Кравец. — Присаживайтесь.

Юра остался стоять. Молчание затянулось.

— На «Тахмасибе» тоже такая же машина, — сообщил Юра.

— Сейчас все наблюдают, — заговорил Кравец. — Видите, никого нет. У нас вообще очень много наблюдают. Очень много работают. Время летит совершенно незаметно. Иногда такие ссоры бывают из-за работы... — Он махнул рукой и засмеялся. — Наши астрофизики совсем рассорились. У каждого своя идея, и каждый почитает другого дураком. Объясняются через меня. И мне же от обоих попадает.

Кравец замолчал и выжидательно посмотрел на Юру.

— Что ж, — сказал Юра, глядя в сторону. — Бывает.

Конечно, подумал он, никому неохота сор из избы выносить.

— Нас здесь мало, — сказал Кравец, — все мы очень заняты, директор наш, Владислав Кимович, очень хороший человек, но он тоже занят. Так что на первый взгляд может показаться, что у нас очень скучно. А на самом деле мы круглыми сутками сидим каждый со своей работой.

Он снова выжидательно поглядел на Юру. Юра вежливо сказал:

— Да, конечно, чем тут еще заниматься. Космос ведь для работы, а не для развлечений. Правда, у вас тут действительно пусто немножко. Только где-то гитара играет.

— А, — сказал Кравец, улыбаясь, — это наш Дитц погружился в размышления.

Люк отворился, и в лабораторию неловко протиснулась маленькая девушка с большой охапкой бумаг. Она плечом затворила люк и посмотрела на Юру. Наверное, она только что проснулась — глаза у нее были слегка припухшие.

— Здравствуйте, — сказал Юра.

Девушка беззвучно шевельнула губами и тихонько прошла к столу. Кравец сказал:

— Это Зина Шатрова. А это, Зиночка, Юрий Бородин, он прибыл вместе с Владимиром Сергеевичем Юрковским.

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Юра старался сообщить, ко всем ли прибывшим на «Тахмасиб» с Юрковским работники обсерватории относятся так странно. Он взглянул на Кравца. Кравец смотрел на Зину и, кажется, что-то подсчитывал. Зина молча перебирала листки. Когда она придвинула к себе электрическую машину и стала звонко щелкать цифровыми клавишами, Кравец обернулся к Юре и сказал:

— Ну что, Юра, хотите...

Его прервало мягкое пение радифонного вызова. Он извинился и поспешно вытащил из кармана радифон.

— Анатолий? — спросил густой голос.

— Да, я, Владислав Кимович.

— Анатолий, навести, пожалуйста, Базанова. Он в библиотеке.

Кравец взглянул на Юру.

— У меня... — начал он.

Голос в радиэфоне стал вдруг далеким.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич... Да-да, схемы я приготовил...

Послышались частые гудки отбоя. Кравец засунул радифон в карман и нерешительно поглядел на Зину и на Юру.

— Мне придется уйти, — сказал он. — Директор просит меня помочь нашему атмосфернику... Зина, будь добра, покажи нашему гостю обсерваторию. Учти, он хороший друг Владимира Сергеевича, надо принять его получше.

Зина не ответила. Она словно не слышала Кравца и только низко опустила лицо над машиной. Кравец улыбнулся Юре грустной улыбкой, поднял брови, слегка развел руками и вышел.

Юра отошел к пульту и украдкой взглянул на девушку. У нее было милое и какое-то безнадежно усталое лицо. Что все это значит: «Владимир Сергеевич действительно приехал сюда инспектировать?» «Учти, он хороший друг Владимира Сергеевича». «Провалитесь вы все в тартарары!» Юра чувствовал, что все это означает что-то нехорошее. Он испытывал настоятельную потребность во что-то вмешаться. Уйти и оставить все в таком же положении было решительно

невозможно. Он опять посмотрел на Зину. Девушка прилежно работала. Никогда он еще не видел, чтобы такая милая девушка была так печальна и молчалива. «Да ее же обидели! — подумал вдруг он. — Ясно как Солнце, что ее обидели. Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват, — машинально вспомнил он. — Ну ладно...»

— Это что? — громко спросил Юра и ткнул пальцем наугад в одну из мигающих ламп. Зина вздрогнула и подняла голову.

— Это? — сказала она. В первый раз она подняла на него глаза. У нее были необыкновенно синие большие глаза.

Юра храбро сказал:

— Вот именно, это.

Зина все еще смотрела на него.

— Скажите, — спросила она, — вы будете работать у нас?

— Нет, — сказал Юра и подошел вплотную к столу. — Я не буду у вас работать. Я здесь проездом. И никакой я не друг Владимира Сергеевича, а просто мы слегка знакомы. И я не любимчик. Я вакуум-сварщик.

Она провела ладонью по лицу.

— Погодите, — пробормотала она. — Вакуум-сварщик? Почему вакуум-сварщик?

— А почему бы и нет? — сказал Юра. Он чувствовал, что каким-то непостижимым образом это имеет огромное значение, и очень хорошо для этой милой печальной девушки, что он именно вакуум-сварщик, а не кто-то другой. Никогда он еще так не радовался тому, что он вакуум-сварщик.

— Простите, — сказала девушка. — Я вас спутала.

— С кем?

— Не знаю. Я думала... Не знаю. Это не важно.

Юра обошел стол и остановился рядом с нею, глядя на нее сверху вниз.

— Рассказывайте, — потребовал он.

— Что?

— Все. Все, что здесь делается.

И вдруг Юра увидел, как на блестящую полированную поверхность стола закапали частые капли. У него подкатил ком к горлу.

— Ну вот еще, — сердито сказал он.

Зина затрясла головой. Он испуганно оглянулся на люк и грозно сказал:

— Прекратите реветь! Какой срам!

Она подняла голову. Лицо у нее было мокрое и жалкое, глаза припухли еще больше.

— Вам... бы... так, — проговорила она.

Он достал носовой платок и положил ей на мокрую ладонь. Она стала вытирать щеки.

— Опять глаза красные будут, — сказала она почти спокойно. — Опять он за обедом будет спрашивать: «В чем дело, Зинаида? Когда же кончатся ваши эмоции?»

— Кто это вас? — тихо спросил Юра. — Кравец? Так я пойду и сейчас набью ему морду, хотите?

Она сложила платок и попыталась улыбнуться. Затем она спросила:

— Слушайте, вы правда вакуум-сварщик?

— Правда. Только, пожалуйста, не ревите. В первый раз вижу человека, который плачет при виде вакуум-сварщика.

— А правда, что Юрковский привез на обсерваторию своего протеже?

— Какого протеже? — изумился Юра.

— У нас тут говорили, что Юрковский хочет устроить на Дионе какого-то своего любимца — астрофизика...

— Что за чушь? — сказал Юра. — На борту только экипаж, Юрковский и я. Никаких астрофизиков.

— Правда?

— Ну конечно, правда! И вообще — у Юрковского любимцы! Это же надо придумать! Кто это вам сказал? Кравец?

Она опять помотала головой.

— Хорошо. — Юра пашарил ногой табурет и сел. — Вы все-таки рассказывайте. Все рассказывайте. Кто вас обидел?

— Никто, — сказала она тихо. — Я просто плохой работник. Да еще с неуравновешенной психикой. — Она невесело усмехнулась. — Наш директор вообще против женщин на обсерватории. Спасибо, что хоть не сразу на Планету вернул. Со стыда бы сгорела. На Земле пришлось бы менять специальность. А мне этого вовсе не хочется. Здесь у меня хоть и ничего не получается, зато я на обсерватории, у мощного ученого. Я ведь люблю все это. — Она судорожно глотнула. — Ведь я думала, что у меня призвание...

Юра сказал сквозь зубы:

— В первый раз слышу о человеке, чтобы он любил свое дело и чтобы у него ничего не получалось.

Она дернула плечом.

— Ведь вы любите свое дело?

— Да.

— И у вас ничего не получается?

— Я бездарь, — сказала она.

— Как это может быть?

— Не знаю.

Юра прикусил губу и задумался.

— Послушайте, — сказал он. — Послушайте, Зина, ну а другие как же?

— Кто?

— Другие ребята...

Зина судорожно вздохнула.

— Они здесь стали совсем другие, чем на Земле. Базанов всех ненавидит, а эти два дурачка вообразили невесть что, перессорились и теперь ни со мной, ни друг с другом не разговаривают...

— А Кравец?

— Кравец — холуйчик, — равнодушно сказала она. — Ему на все наплевать. — Она вдруг растерянно посмотрела на него. — Только вы никому не говорите того, что я вам здесь рассказала. Ведь мне совсем житья не будет. Начнутся всякие укоризненные замечания, общие рассуждения о сущности женской натуры...

Юра сузившимися глазами смотрел на нее.

— Как же так? — сказал он. — И никто об этом не знает?

— А кому это интересно? — Она жалко улыбнулась. — Ведь мы — лучшая из дальних обсерваторий...

Люк распахнулся. Давешний бело волосый парень просунул по пояс в комнату, уставился на Юру, неприятно сморщив нос, затем взглянул на Зину и снова уставился на Юру. Зина встала.

— Познакомьтесь, — сказала она дрожащим голосом. — Это Свирский, Виталий Свирский, астрофизик. А это Юрий Бородин...

— Сдаешь дела? — неприятным голосом осведомился Свирский. — Ну, не буду мешать.

Он стал закрывать лок, но Юра поднял руку.

— Одну минуту, — сказал он.

— Хотя пять, — любезно осклабился Свирский. — Но в другой раз. А сейчас мне не хочется нарушать ваш тет-а-тет, коллеги.

Зина негромко охнула и прикрыла лицо рукой.

— Я тебе не коллега, дурак, — тихо сказал Юра и пошел на Свирского. Свирский бешеными глазами глядел на него. — И я буду говорить с тобой сейчас, понял? А сначала ты извинишься перед девушкой, скотина этакая.

Юра был в пяти шагах от люка, когда Свирский, зверски выпятив челюсть, полез в комнату ему навстречу.

Быков расхаживал по кают-компании, заложив руки за спину и опустив голову. Жилин стоял, прислонившись к двери в рубку. Юрковский, сцепив пальцы, сидел за столом. Все трое слушали Михаила Антоновича. Михаил Антонович говорил страстно и взволнованно, прижимая к левой стороне груди коротенькую руку.

— ...И поверь мне, Володенька, никогда в жизни я не выслушивал столько гадостей о людях. Все гадкие, дурные, один Базанов хороший. Шершень, видите ли, тиран и диктатор, всех изматал, нагло диктует свою волю, а кто ему не подчиняется, тому творческой работы не выдать на обсерватории как своих ушей. Все его боятся. Был один смелый человек на Дионе, Мюллер, и того Шершень, видите ли, выжил. Нет-нет, Базанов не отрицает научных заслуг Шершня, он, видите ли, даже восхищается ими, и в том, что обсерватория пользуется такой славой, заслуга именно Шершня, но зато, видите ли, внутри там царит упадок нравов. У Шершня есть специальный осведомитель и провокатор, некий бездарь Кравец. Этот Кравец, видите ли, везде подслушивает, а потом наушничает, а потом по указанию директора распространяет слухи и всех между собой ссорит. Так сказать, разделяй и властвуй. Кстати, пока мы беседовали, этот несчастный Кравец зашел в библиотеку за какой-то книжкой. Как на него Базанов накричал! «Пошел вон!» — кричит. Бедный Кравец, такой милый, симпатичный юноша, даже представиться не успел толком. Весь покраснел и ушел, даже книжки не взял. Я, конечно, не мог сдержаться и здорово отчитал Базанова. Я ему прямо сказал: «Что же вы, Петя? Разве можно?»

Михаил Антонович перевел дух и вытер лицо платочком.

— Ну вот, — продолжал он. — Базанов, видите ли, необычайно нравственно чистоплотен. Он не выносит, когда кто-нибудь за кем-нибудь ухаживает. Здесь есть молоденькая сотрудница Зина, астрофизик, так он приклеил к ней сразу двух кавалеров да еще вообразил, что они из-за нее передрались. Она, видите ли, делает авансы и тому и другому, а те как петушки... Причем сам, заметьте, добавляет, что это только слухи, но что факт остается фактом, все трое в ссоре. Мало того, что Базанов склочничает со всеми астрономами, он втянул в свои склоки и инженер-контролеров. Все у него кретины, сопляки, работать никто не умеет, недоучки... У меня волосы дыбом вставали, когда я это слышал! Вообрази, Володенька... Знаешь, кого он считает главным виновником всего этого?

Михаил Антонович сделал эффектную паузу. Быков остановился и посмотрел на него. Юрковский, сильно прищурясь, играл желваками на обрюзглых щеках.

— Тебя! — сказал Михаил Антонович сорвавшимся голосом. — Я прямо ушам не поверил! Генеральный инспектор МУКСа прикрывает все эти безобразия, мало того, возит по обсерваториям каких-то таинственных любимцев, своих ставленников, чтобы их там пристроить! Набил все обсерватории в космосе своими протеже-недоучками, а простых работников, придравшись к мелочи, увольняет и возвращает на Землю. Всюду насадил своих ставленников, вроде Шершня! Я этого уже не выдержал. Я ему сказал! «Извините, — говорю, — голубчик, извольте отдавать отчет в своих словах».

Михаил Антонович снова перевел дух и замолчал. Быков принялся рассказывать по кают-компаниям.

— Так, — сказал Юрковский. — Чем же ваша беседа кончилась?

Михаил Антонович гордо сказал:

— Я больше не мог его слушать. Я не мог слышать, как обливают грязью тебя, Володенька, и коллектив лучшей дальней обсерватории. Я встал, язвительно попрощался и ушел. Надеюсь, ему сделалось стыдно.

Юрковский сидел, опустив глаза. Быков сказал с усмешкой:

— Хорошо живут у тебя на базах, генеральный инспектор. Дружно живут.

— Я бы на твоём месте, Володенька, принял бы меры, — сказал Михаил Антонович. — Базанова надо вернуть на Землю без права работать на внеземных станциях. Такие люди ведь очень опасны, Володенька, ты сам знаешь...

Юрковский сказал, не поднимая глаз:

— Хорошо. Спасибо, Михаил. Меры принять придется.

Жилин тихо сказал:

— Может быть, он просто устал?

— Кому от этого легче? — сказал Быков.

— Да, — сказал Юрковский и тяжело вздохнул. — Базанова придется убрать.

В коридоре послышался торопливый стук магнитных подков.

— Юра возвращается, — сказал Жилин.

— Что ж, давайте обедать, — сказал Быков. — Ты с нами обедаешь, Владимир?

— Нет. Я обедаю у Шершня. Мне еще о многом надо договориться с ним.

Жилин стоял у входа в рубку и первым увидел Юру. Он вытаращил глаза и поднял брови. Тогда к Юре обернулись все остальные.

— Что это значит, стажер? — осведомился Быков.

— Что с тобой, Юрик? — воскликнул Михаил Антонович.

Выглядел Юра предосудительно. Левый глаз был залит красно-синим синяком, нос деформировался, губы распухли и почернели. Левую руку он держал несколько на весу, пальцы правой были облеплены пластырями. Спереди на куртке виднелись наспех замкнутые темные пятна.

— Я дрался, — хмуро ответил Юра.

— С кем вы дрались, стажер?

— Я дрался со Свирским.

— Кто это?

— Это один молодой астрофизик на обсерватории, — нетерпеливо пояснил Юрковский. — Почему вы подрались, кадет?

— Он оскорбил девушку, — сказал Юра. Он глядел прямо в глаза Жилину. — Я потребовал, чтобы он извинился.

— Ну?

— Ну и мы подрались.

Жилин едва заметно одобрительно кивнул. Юрковский встал, прошелся по каюте и остановился перед Юрой, глупо засунув руки в карманы халата.

— Я так понимаю, кадет, — сказал он холодно, — что вы устроили в обсерватории мерзкий дебош.

— Нет, — сказал Юра.

— Вы избили сотрудника обсерватории.

— Да, — сказал Юра. — Но я не мог иначе. Я должен был заставить его извиниться.

— Заставил? — быстро спросил Жилин.

Юра поколебался немного, затем сказал уклончиво:

— В общем он извинился. Потом.

Юрковский раздраженно сказал:

— А, черт, при чем тут это, Иван!

— Извините, Владимир Сергеевич, — смиренно сказал Иван.

Юрковский снова повернулся к Юре.

— Все равно это был дебош, — сказал он. — Так это выглядит, во всяком случае. Послушайте, кадет, я охотно верю, что вы действовали из самых лучших побуждений, но вам придется извиниться.

— Перед кем? — сейчас же спросил Юра.

— Во-первых, разумеется, перед Свирским.

— А во-вторых?

— Во-вторых, вы должны будете извиниться перед директором обсерватории.

— Нет! — сказал Юра.

— Придется.

— Нет.

— Что значит нет? Вы устроили драку в его обсерватории. Это отвратительно. И вы отказываетесь извиниться?

— Я не стану извиняться перед подлецом, — ровным голосом сказал Юра.

— Молчать, стажер! — проревел Быков.

Воцарилось молчание. Михаил Антонович горестно вздыхал и качал головой. Юрковский с изумлением глядел на Юру.

Жилин вдруг оттолкнулся от стены, подошел к Юре и положил руку ему на плечо.

— Простите, Алексей Петрович, — сказал он. — Мне кажется, надо дать Бородину рассказать все по порядку.

— А кто ему мешает? — сердито сказал Быков. Было видно, что он очень недоволен всем происходящим.

— Рассказывай, Юра, — сказал Жилин.

— Что тут рассказывать? — тихо начал Юра. Затем он закричал: — Это надо видеть! И слышать! Этих дураков надо немедленно спасать! Вы говорите — обсерватория, обсерватория! А это притон! Здесь люди плачут, понимаете? Плачут!

— Спокойно, кадет, — сказал Юрковский.

— Я не могу спокойно! Вы говорите — извиняться... Я не стану извиняться перед инквизитором! Перед мерзавцем, который пауськивает дураков друг на друга и на девушку! Куда вы смотрите, генеральный инспектор? Все это заведение пора давно эвакуировать на Землю, они скоро на четвереньки станут, начнут кусаться!

— Успокойся и расскажи по порядку, — сказал Жилин.

И Юра рассказал. Как он встретился с Зиной Шатровой, и как она плакала, и как он понял, что необходимо вмешаться немедленно, и он начал со Свирского, который до того оброс шерстью, что верил всяким гадостям о любимой девушке. Как он заставил Аверина со Свирским «поговорить по душам», и как выяснилось, что Свирский никогда не называл Аверина бездарью и подхалимом и что Аверин даже не подозревал, что его неоднократно выводили ночью из комнаты Зины. Как отобрали у контролера Дитца гитару и узнали, что он никогда не отпускал слухов про Базанова и Таню Оленипу... И как сразу обнаружилось, что все это проделки Кравца и что Шершень не может не знать о них, и он-то и есть главный негодяй...

— Ребята прислали меня к вам, Владимир Сергеевич, чтобы вы что-нибудь сделали. И вы лучше что-нибудь сделайте, иначе они сами сделают... Они уже готовы.

Юрковский сидел в кресле за столом, и лицо у него было такое старое и жалкое, что Юра остановился и растерянно оглянулся на Жилина. Но Жилин опять еле заметно кивнул.

— За эти слова вы тоже ответите, — процедил сквозь зубы Шершень.

— Замолчи! — закричал маленький смутный Аверин, сидевший рядом с Юрой. — Не смей перебивать! Товарищи, как он смеет все время перебивать?

Юрковский переждал шум и продолжил:

— Все это до того омерзительно, что я вообще исключал возможность такого явления, и понадобилось вмешательство

постороннего человека, мальчишки, чтобы... Да. Омерзительно. Я не ждал этого от вас, молодые. Как это оказалось просто — вернуть вас в первобытное состояние, поставить вас на четвереньки — три года, один честолюбивый маньяк и один провинциальный интриган. И вы согнулись, озверели, потеряли человеческий облик. Молодые, веселые, честные ребята... Какой стыд!

Юрковский сделал паузу и оглядел астрономов. «Все это сейчас зря, — подумал он. — Им не до меня». Они сидели кучкой и с ненавистью смотрели на Шершня и Кравца.

— Ладно. Нового директора вам пришлют с Титана. Два дня можете митинговать и думать. Думайте. Вы, бедные и слабые, вам говорю: думайте! А сейчас идите.

Они поднялись и, понурившись, пошли из кабинета. Шершень тоже встал и, нелепо качаясь на магнитных башмаках, подошел к Юрковскому вплотную.

— Это самоуправство, — сипло сказал он. — Вы нарушаете работу обсерватории.

Юрковский гадливо отстранил его.

— Слушайте, Шершень, — сказал он. — На вашем месте я бы застрелился.

12. «КОЛЬЦО-1»

Баллада об одноногом пришельце

наешь, — сказал Быков, глядя на Юрковского поверх очков и поверх «Физики металлов», — а ведь Шершень, пожалуй, считает себя незаслуженно оскорбленным. Как-никак лучшая обсерватория и так далее...

— Шершень меня не интересует, — сказал Юрковский. Он захлопнул бювар и потянулся. — Меня интересует, как могли эти ребята дойти до такой жизни... А Шершень — прах, мелочь.

Несколько минут Быков размышлял.

— И как же, по-твоему? — спросил наконец он.

— У меня есть одна теория... Вернее, гипотеза. Я полагаю, что у них уже исчез необходимый в прошлом иммунитет к социально вредному, но еще не исчезли их собственные антиобщественные задатки.

— Попроще, — сказал Быков.

— Пожалуйста. Возьмем тебя. Что бы ты сделал, если бы к тебе подошел сплетник и сказал, что... э-э... скажем, Михаил Крутиков ворует и продает продовольствие? Ты повидал

на своем веку много сплетников, знаешь им цену, и ты бы сказал ему... э-э... удалиться. Теперь возьмем нашего кадета. Что бы он сделал, если бы ему сказали... э-э... ну, скажем, то же самое? Он бы припал все за чистую монету и моментально помчался бы к Михаилу объясняться. И сразу же понял бы, что это чепуха, вернулся бы и... э-э... побил бы негодяя.

— Ага, — с удовольствием сказал Быков.

— Ну так вот. А наши друзья на Дионе — это уже не ты, но еще и не кадет. Они принимают гадость за чистую монету, но неистраченные запасы ложной гордости мешают им пойти и все выяснить.

— Что ж, — сказал Быков. — Может быть, что и так.

Вошел Юра, сел на корточки перед открытым книжным шкафом и стал выбирать себе книгу на вечер. События на Дионе совсем выбили его из колеи, и он все никак не мог прийти в себя. Прощание с Зиной Шатровой было молчаливым и очень трогательным. Зина и подавно не успела прийти в себя. Правда, она уже улыбалась. Юре очень хотелось остаться на Дионе до тех пор, пока Зина не начнет смеяться. Он был уверен, что сумел бы развеселить ее, в какой-то мере помочь ей забыть о страшных днях владычества Шершня. Он очень жалел, что остаться нельзя. Зато в коридоре он поймал белобрысого Свирского и потребовал, чтобы с Зиной здесь были особенно внимательны. Свирский бешено взглянул на него и невпопад ответил: «Морду мы ему еще набьем».

— Э... Алексей, — сказал Юрковский. — Я никому не помешаю в рубке?

— Ты генеральный инспектор, — сказал Быков. — Кому же ты можешь помешать?

— Я хочу связаться с Титаном, — сказал Юрковский. — И вообще послушать эфир.

— Валяй, — сказал Быков.

— А мне можно? — спросил Юра.

— И тебе можно, — сказал Быков. — Всем все можно.

Утром Быков дочитал последний журнал, долго и внимательно разглядывал обложку и даже, кажется, посмотрел, каков тираж. Затем он вздохнул, отнес журнал в свою каюту, а когда вернулся, Юра понял, что «парень достругал палочку до конца». Быков был теперь очень ласков, словоохотлив и всем все позволял.

— Пойду-ка и я с вами, — сказал Быков.

Все втроем они ввалились в рубку. Михаил Антонович изумленно поглядел на них со своего пьедестала, расплылся в улыбку и помахал им ручкой.

— Мы тебе мешать не будем, — сказал Быков. — Мы на рацию.

— Только смотрите, мальчики, — предупредил Михаил Антонович, — через полчаса невесомость.

По требованию Юрковского «Тахмасиб» шел к станции «Кольцо-1», искусственному спутнику Сатурна, движущемуся вблизи Кольца.

— А пельзя ли без невесомости? — капризно спросил Юровский.

— Видишь ли, Володенька, — виновато ответил Михаил Антонович, — очень тесно здесь «Тахмасибу». Все время приходится маневрировать.

Они прошли мимо Жилина, копавшегося в комбайне контроля, и сели перед рацией. Быков принялся манипулировать верньерами. В динамике завывало и заверещало.

— Музыка сфер, — прокомментировал позади Жилин. — Подключите дешифратор, Алексей Петрович.

— Да, действительно, — сказал Быков. — Я почему-то решил, что это помехи.

— Радист, — презрительно сказал Юровский.

Динамик вдруг заорал неестественным голосом: «... минут слушайте Александра Блюмберга, ретрансляция с Земли. Повторяю...»

Голос уплыл и сменился сонным похрипыванием. Потом кто-то сказал: «...чем не могу помочь. Придется вам, товарищи, подождать». — «А если мы пришлем свой бот?» — «Тогда ждать придется меньше, но все-таки придется». Быков включил самонастройку, и стрелка поползла по шкале, ненадолго задерживаясь на каждой работающей станции: «...восемьдесят гектаров селеновых батарей для оранжереи, сорок километров медного провода, шесть сотых, двадцать километров...», «...масла нет, сахару нет, осталось сто пачек „Геркулеса“, сухари и кофе. Да, и еще сигарет нет...», «...And hear me? I'm not going to stand this impudence... Hear me? I'm...».

* ...И слышите? Я не намерен терпеть эту паглотность... Слышите? Я... (англ.)

«Ку-два, ку-два, ничего не понял... Что у него за рация?.. Ку-два, даю настройку. Раз, два, три...», «...очень соскучилась. Когда же ты вернешься? И почему не пишешь? Целую, твоя Анна. Точка», «...Чэн, не пугайся, это очень просто. Берешь объемный интеграл по гиперболоиду до „ц“...», «Седьмой, седьмой, для вас очищен третий сектор. Седьмой, выходите на посадку в третий сектор...», «...Саша, ходят слухи, что какой-то генеральный инспектор прилетел. Чуть ли не сам Юрковский...».

— Хватит, — сказал Юрковский. — Ищи Титан. Паршивцы, — проворчал он. — Уже знают.

— Интересно, — глубокомысленно сказал Быков. — Все-го-то их в системе Сатурна полтора-два человека, а сколько шуму...

Рация кричала и подвывала. Быков настроился и стал говорить в микрофон:

— Титан, Титан. Я «Тахмасиб». Титан. Титан.

— Титан слушает, — сказал женский голос.

— Генеральный инспектор Юрковский вызывает директора системы. — Быков весело посмотрел на Юрковского. — Я правильно говорю, Володя? — спросил он.

Юрковский благосклонно покивал.

— Алло, алло, «Тахмасиб»! — Женский голос стал немножко взволнованным. — Подождите минуту, я соединю вас с директором.

— Ждем, — сказал Быков и пододвинул микрофон к Юрковскому.

Юрковский откашлялся.

— Лизочка! — закричал кто-то в динамике. — Дай-ка мне директора, голубчик! Быстренько!

— Освободите частоту, — строго сказал женский голос. — Директор занят.

— Как это занят? — оскорбленно сказал голос. — Ференц, это ты? Опять без очереди?

— Освободите частоту, — строго сказал Юрковский.

— Всем освободить частоту, — раздался медлительный скрипучий голос. — Директор слушает генерального инспектора Юрковского.

— Ух ты... — испуганно сказал кто-то. Юрковский самодовольно посмотрел на Быкова.

— Зайцев, — сказал он. — Здравствуй, Зайцев.

— Здравствуй, Володя, — проскрипел директор. — Какими судьбами?

— Я... э-э... слегка инспектирую. Прибыл вчера. Прямо на Диону. Шершня я снял. Подробности после. Значит, сделаем... э-э... так. На смену Шершню пришли Мюллера. Шершня постарайся как можно скорее отправить на Землю. Шершня и еще там одного. Кравец его фамилия. Из молодых, да ранний. За отправкой проследи лично. И учти, что я тобой недоволен. С этим делом... э-э... ты мог бы справиться сам, и гораздо раньше. Далее... — Юрковский замолчал. В эфире царила почтительная тишина. — Я наметил себе следующий маршрут. Сейчас я иду к «Кольцу-1». Задержусь там на двое-трое суток, а затем загляну к тебе на Титан. Прикажи там, чтобы приготовили горячее для «Тахмасиба». И наконец, вот что. — Юрковский опять замолчал. — У меня на борту находится один юноша. Это вакуум-сварщик. Один из группы добровольцев, что работают у тебя на Рее. Будь добр, посоветуй, где я его могу посадить, чтобы его немедленно отправили на Рею. — Юрковский снова замолчал. В эфире было тихо. — Так я слушаю тебя, — сказал Юрковский.

— Одну минуту, — сказал директор. — Сейчас здесь наводят справки. Ты что, на «Тахмасибе»?

— Да, — сказал Юрковский. — Вот тут со мной рядом Алексей.

Михаил Антонович крикнул из штурманской:

— Привет Феденьке, привет!

— Вот Миша тебе привет передает.

— А Григорий с тобой?

— Нет, — сказал Юрковский. — А ты разве не знаешь?

В эфире молчали. Потом скрипучий голос осторожно спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, — сказал Юрковский. — Ему просто запретили летать. Вот уже год.

В эфире вздохнули.

— Да-а, — сказал директор. — Вот скоро и мы так же.

— Надеюсь, еще не скоро, — сухо сказал Юрковский. — Ну, как там твои справки?

— Так, — сказал голос. — Минутку. Слушай. На Рею твоему сварщику лететь не нужно. Добровольцев мы перебросили на «Кольцо-2». Там они нужнее. На «Кольцо-2», если повезет,

отправишь его прямо с «Кольца-1». А если не повезет — отправим его отсюда, с Титана.

— Что значит — повезет, не повезет?

— Два раза в декаду на Кольцо ходят швейцарцы, возят продовольствие. Возможно, ты застанешь швейцарский бот на «Кольце-1».

— Понимаю, — сказал Юрковский. — Ну что ж, хорошо. У меня к тебе пока больше ничего нет. До встречи.

— Спокойной плазмы, Володя, — сказал директор. — Не провалитесь там в Сатурн.

— Тьфу на тебя, — проворчал Быков и выключил рацию.

— Ясно, кадет? — спросил Юрковский.

— Ясно, — сказал Юра и вздохнул.

— Ты что, недоволен?

— Да нет, работать все равно где, — сказал Юра. — Не в этом дело.

Обсерватория «Кольцо-1» двигалась в плоскости Кольца Сатурна по круговой орбите и делала полный оборот за четырнадцать с половиной часов. Станция была молодая, ее постройку закончили всего год назад. Экипаж ее состоял из десяти планетологов, занятых исследованием Кольца, и четырех инженер-контролеров. Работы у инженер-контролеров было очень много: некоторые агрегаты и системы обсерватории — обогреватели, кислородные регенераторы, гидросистема — еще не были окончательно отрегулированы. Неудобства, связанные с этим, нимало не смущали планетологов, тем более что большую часть времени они проводили в космоскафах, плавая над Кольцом. Работе планетологов Кольца придавалось большое значение в системе Сатурна. Планетологи рассчитывали найти в Кольце воду, железо, редкие металлы — это дало бы системе автономность в снабжении горючим и материалами. Правда, даже если бы эти поиски увенчались успехом, воспользоваться такими находками пока не представлялось возможным. Не был еще создан снаряд, способный войти в сверкающие толщи колец Сатурна и вернуться оттуда невредимым.

Алексей Петрович Быков подвел «Тахмасиб» к внешней линии доков и осторожно пришвартовался. Подход к искусственным спутникам — дело тонкое, требующее мастерства и ювелирного изящества. В таких случаях Алексей Петрович

вставал с кресла и сам поднимался в рубку. У внешних доков уже стоял какой-то бот, судя по обводам — продовольственный танкер.

— Стажер, — сказал Быков. — Тебе повезло. Собирай чемодан.

Юра промолчал.

— Экипаж отпускаю на берег, — объявил Быков. — Если пригласят к ужину — не увлекайтесь. Здесь вам не отель. А лучше всего захватите с собой консервы и минеральную воду.

— Увеличим круговорот, — вполголоса сказал Жилин.

Снаружи послышался скрип и скрежет — это дежурный диспетчер прилаживал к внешнему локу «Тахмасиба» герметическую перемычку. Через пять минут он сообщил по радио:

— Можно выходить. Только одевайтесь потеплее.

— Это почему? — осведомился Быков.

— Мы регулируем кондиционирование, — ответил дежурный и дал отбой.

— Что значит — теплее? — возмутился Юрковский. — Что надевать? Фланель? Или как это там называлось — валенки? Стеганки? Ватники?

Быков сказал:

— Надевай свитер. Надевай теплые носки. меховую куртку неплохо надеть. С электроподогревом.

— Я надену джемпер, — сказал Михаил Антонович. — У меня есть очень красивый джемпер. С парусом.

— А у меня ничего нет, — грустно сказал Юра. — Могу вот надеть несколько безрукавок.

— Безобразие, — сказал Юрковский. — У меня тоже ничего нет.

— Надень свой халат, — посоветовал Быков и отправился к себе в каюту.

В обсерваторию они вступили все вместе, одетые очень разнообразно и тепло. На Быкове была гренландская меховая куртка. Михаил Антонович тоже надел куртку и натянул на ноги унты. Унты были лишены магнитных подков, и Михаила Антоновича тащили, как привязной аэростат. Жилин натянул свитер и один свитер дал Юре. Кроме того, на Юре были меховые штаны Быкова, которые он затащил под мышки. Меховые штаны Жилина были на Юрковском. И еще на Юрковском были джемпер Михаила Антоновича с парусом и очень красивый белый пиджак.

В кессоне их встретил дежурный диспетчер в трусах и майке. В кессоне была удушливая жара, как в шведской бане.

— Здравствуйте, — сказал диспетчер. Он оглядел гостей и нахмурился. — Я же сказал: одеться потеплее. Вы же замерзнете в ботинках.

Юрковский зловеще сказал:

— Вы что, молодой человек, шутки со мной хотите шутить?

Диспетчер непонимающе посмотрел на него.

— Какие там шутки? В кают-компании минус пятнадцать.

Быков вытер со лба пот и проворчал:

— Пошли.

Из коридора пахло ледяным холодом, ворвались клубы пара. Диспетчер, обхватив себя руками за плечи, завопил:

— Да поскорее же, пожалуйста!

Обшивка коридора была местами разобрана, и желтая сетка термоэлементов бесстыдно блестела в голубоватом свете. Возле кают-компаний они столкнулись с инженер-контролером. Инженер был в невообразимо длинной шубе до пяток, из-под которой проглядывала голубая майка. На голове инженера красовалась ушанка с торчащими ушами.

Юрковский зябко повел плечами и открыл дверь в кают-компанию.

В кают-компанию за столом сидели, пристегнувшись к стульям, пять человек в шубах с поднятыми воротниками. Они были похожи на будочников времен Алексея Тишайшего и сосали горячий кофе из прозрачных термосов. При виде Юрковского один из них отогнул воротник и, выпустив облако пара, сказал:

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич. Что-то вы легко оделись. Садитесь. Кофе?

— Что у вас тут делается? — спросил Юрковский.

— Мы регулируем, — сказал кто-то.

— А где Маркушин?

— Маркушин ждет вас в космоскафе. Там тепло.

— Проводите меня, — сказал Юрковский.

Один из планетологов поднялся и выплыл с Юрковским в коридор. Другой, долговязый вихрастый парень, сказал:

— Скажите, среди вас больше нет генеральных инспекторов?

— Нет, — сказал Быков.

— Тогда я вам прямо скажу: собачья у нас жизнь. Вчера по всей обсерватории была температура плюс тридцать, а в кают-компании даже плюс тридцать три. Ночью температура внезапно упала. Лично я отморозил себе пятку, работать при таких перепадах температуры никому неохота, поэтому работаем мы по очереди в космоскафах. Там автономное кондиционирование. У вас так не бывает?

— Бывает, — сказал Быков. — Во время аварий.

— И это вы так целый год живете? — с ужасом и жалостью спросил Михаил Антонович.

— Нет, что вы! Всего около месяца. Раньше перепады температур были не так значительны. Но мы организовали бригаду помощи инженерам, и вот... сами видите.

Юра старательно сосал горячий кофе. Он чувствовал, что замерзает.

— Бр-р-р, — сказал Жилин. — Скажите, а нет ли здесь какого-нибудь оазиса?

Планетологи переглянулись.

— Разве что в кессоне, — сказал один.

— Или в душевой, — сказал другой. — Но там сыро.

— Неуютно очень, — пожаловался Михаил Антонович.

— Ну вот что, — сказал Быков. — Пойдемте все к нам.

— И-эх, — сказал долговязый планетолог. — А потом опять сюда возвращаться?

— Пойдемте, пойдемте, — сказал Михаил Антонович. — Там и побеседуем.

— Как-то это не по правилам гостеприимства, — нерешительно сказал долговязый.

Наступило молчание. Юра сказал:

— Как мы забавно сидим — четыре на четыре. Прямо как шахматный матч.

Все посмотрели на него.

— Пошли, пошли к нам, — сказал Быков, решительно поднимаясь.

— Как-то это неловко, — сказал один из планетологов. — Давайте посидим у нас. Может, еще разговоримся.

Жилин сказал:

— У нас тепло. Маленький поворот регулятора — и можно сделать жарко. Мы будем сидеть в легких красивых одеждах. Не будем шмыгать носами.

В кают-компанию просунулся угрюмый человек в шубе на голое тело. Глядя в потолок, он неприветливо сказал:

— Прошу прощения, конечно, но разошлись бы вы, в самом деле, по каютам. Через пять минут мы перекроем здесь воздух.

Человек скрылся. Быков, не говоря ни слова, двинулся к выходу.

— Пойдемте, что ли, — сказал долговязый планетолог. — Посмотрим хоть, как люди живут.

Планетологи поднялись и потянулись за Быковым. Юра слышал, как Михаил Антонович отчетливо стучит зубами.

В торжественном молчании они прошли коридор, захлебнулись горячим воздухом в пустом кессоне и вступили на борт «Тахмасиба». Долговязый планетолог проворно стащил с себя шубу и пиджак и принялся сматывать с шеи шарф.

Теплую амуницию запихали в стенной шкаф. Потом состоялись представления и взаимные пожимания ледяных рук. Долговязого планетолога звали Рафаил Горчаков. Остальные трое, как выяснилось, были Иозеф Влчек, Евгений Садовский и Павел Шемякин. Оттаяв, они оказались веселыми, разговорчивыми ребятами. Очень скоро выяснилось, что Горчаков и Садовский исследуют турбулентные движения в Кольце, не женаты, любят Грэма Грина и Строгова, предпочитают кино театру, в настоящий момент читают в подлиннике «Опыты» Монтеня, неореалистическую живопись не понимают, но не исключают возможности, что в ней что-то есть; что Иозеф Влчек ищет в Кольце железную руду методом нейтронных отражений и при помощи бомб-вспышек, что по профессии он скрипач, был чемпионом Европы по бегу на четыреста метров с барьерами, а в систему Сатурна попал, мстя своей девушке за холодность и печуткое к нему отношение; что, наконец, Павел Шемякин, напротив, женат, имеет детей, работает ассистентом в Институте планетологии, яро выступает за гипотезу об искусственном происхождении Кольца и намерен «голову сложить, но превратить гипотезу в теорию».

— Вся беда в том, — горячо говорил он, — что наши космоскафы как исследовательские снаряды не выдерживают никакой критики. Они очень тихходны и очень непрочны. Когда я сижу в космоскафе над Кольцом, мне просто плакать хочется от обиды. Ведь рукой подать... А спускаться в Кольцо нам решительно запрещают. А я совершенно уверен, что

первый же поиск в Кольце дал бы что-нибудь интересное. По крайней мере, какую-нибудь зацепку...

— Какую, например? — спросил Быков.

— Н-ну, я не знаю!..

— Я знаю, — сказал Горчаков. — Он надеется найти на каком-нибудь булыжнике след босой ноги. Знаете, как он работает? Опускается как можно ближе к Кольцу и рассматривает обломки в сорокократный биноктар. А в это время сзади подбирается здоровенный астероид и бьет его под корму. Паша надевается глазами на биноктар, а пока он свинчивается, другой астероид...

— Ну и глупо, — сердито сказал Шемякин. — Если бы удалось показать, что Кольцо — результат распада какого-то тела, это уже означало бы многое, а между тем ловлей обломков нам заниматься запрещено.

— Легко сказать — поймать обломок, — сказал Быков. — Я знаю эту работу. Весь в поту и так до конца и не знаешь, кто кого поймал, а потом выясняется, что ты сбил аварийную ракету и горючего у тебя не хватит до базы. Не-ет, правильно делают, что запрещают эту ерунду.

Михаил Антонович вдруг сказал, мечтательно закатив глаза:

— Но зато, мальчики, как это увлекательно! Какая это живая, тонкая работа!

Планетологи посмотрели на него с почтительным удивлением. Юра тоже. Ему никогда не приходило в голову, что толстый добрый Михаил Антонович занимался когда-то охотой на астероиды. Быков холодно посмотрел на Михаила Антоновича и звучно откашлялся. Михаил Антонович испуганно оглянулся на него и торопливо заявил:

— Но это, конечно, очень опасно... Неоправданный риск... И вообще не надо...

— Кстати, о следах, — задумчиво сказал Жилин. — Вы тут далеки от источников информации, — он оглядел планетологов, — и, наверное, не знаете...

— А о чем речь? — спросил Садовский. По его лицу было видно, что он основательно изголодался по информации.

— На острове Хонсю, — сказал Жилин, — недалеко от бухты Дапнуоура, в ущелье между горами Сираминэ и Титигатакэ, в непроходимом лесу археологи обнаружили систему

пещер. В этих пещерах нашли множество первобытной утвари и — что самое интересное — много окаменевших следов первобытных людей. Археологи считают, что в пещерах двести веков назад обитали первояпонцы, потомки коих были впоследствии вырезаны племенами Ямато, ведомыми императором Дзиммутэнно, божественным внуком небоблистающей Аматаэрасу.

Быков крикнул и взялся за подбородок.

— Эта находка всполошила весь мир, — сказал Жилин, — вероятно, вы слышали об этом.

— Где уж нам... — грустно сказал Садовский. — Живем как в лесу...

— А между тем об этом много писали и говорили, но не в этом дело. Самая любопытная находка была сделана сравнительно недавно, когда основательно расчистили центральную пещеру. Представьте себе: в окаменевшей глине оказалось свыше двадцати пар следов босых ног с далеко отставленными большими пальцами, и среди них... — Жилин обвел круглыми глазами лица слушателей. Юре было все ясно, но тем не менее эффектная пауза произвела на него большое впечатление. — След ботинка... — сказал Жилин обыкновенным голосом.

Быков поднялся и пошел из кают-компаний.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Куда же ты?

— Я уже знаю эту историю, — сказал Быков, не оборачиваясь. — Я читал. Я скоро приду.

— Ботинка? — переспросил Садовский. — Какого ботинка?

— Примерно сорок пятого размера, — сказал Жилин. — Рубчатая подошва, низкий каблук, тупой квадратный носок.

— Бред, — решительно сказал Влчек. — Утка.

Горчаков засмеялся и спросил:

— А не отпечаталась ли там фабричная марка «Скорыход»?

— Нет, — сказал Жилин. Он покачал головой. — Если бы там была хоть какая-нибудь надпись! Просто след ботинка... Слегка перекрыт следом босой ноги — кто-то наступил позже.

— Ну, это же утка! — сказал Влчек. — Это же ясно. Массовый отлов русалок на острове Мэн, дух Буонапарте, вселившийся в Массачусетскую счетную машину...

— Солнечные пятна расположены в виде чертежа Пифагоровой теоремы! — провозгласил Садовский. — Жители Солнца ищут контакта с МУКСом!

— Что-то ты, Вапюша, немножко... это... — сказал Михаил Антонович недоверчиво.

Шемякин молчал. Юра тоже.

— Я читал перепечатку из научного приложения к «Асахи симбун», — сказал Жилин. — Сначала я тоже думал, что это утка. В наших газетах такое сообщение не появлялось. Но статья подписана профессором Усодзуки — крупный человек, я слышал о нем от японских ребят. Там он, между прочим, пишет, что хочет своей статьей положить конец потоку дезинформации, но никаких комментариев давать не собирается. Я понял так, что они сами не знают, как это объяснить.

— Отважный европеец в лапах разъяренных синантропов! — провозгласил Садовский. — Съеден целиком, остался только след ботинка фирмы «Шуз Маджестик». Покупайте изделия «Шуз Маджестик», если хотите, чтобы после вас хоть что-нибудь осталось.

— Это были не синантропы, — терпеливо сказал Жилин. — Большой палец отличается даже на глаз. Профессор Усодзуки называет их нихонантропами.

Шемякин наконец не выдержал.

— А почему, собственно, обязательно утка? — спросил он. — Почему мы всегда из всех гипотез выбираем наимвероятнейшие?

— Действительно, почему? — сказал Садовский. — Следы оставил, конечно, Пришелец, и первый контакт закончился трагически.

— А почему бы и нет? — сказал Шемякин. — Кто мог носить ботинок двести столетий назад?

— Елки-палки, — сказал Садовский. — Если говорить серьезно, то это след одного из археологов.

Жилин замотал головой.

— Во-первых, глина там совершенно окаменела. Возраст следа не вызывает сомнений. Неужели вы думаете, что Усодзуки не подумал о такой возможности?

— Тогда это утка, — упрямо сказал Садовский.

— Скажите, Иван, — сказал Шемякин, — а фотография следа не приводилась?

— А как же, — сказал Жилин. — И фотография следа, и фотография пещеры, и фотография Усодзуки... Причем учтите, у японцев самый большой размер сорок второй. От силы сорок третий.

— Давайте так, — сказал Горчаков. — Будем считать, что перед нами стоит задача построить логически непротиворечивую гипотезу, объясняющую эту японскую находку.

— Пожалуйста, — сказал Шемякин. — Я предлагаю — Пришелец. Найдите в этой гипотезе противоречие.

Садовский махнул рукой.

— Опять Пришелец, — сказал он. — Просто какой-нибудь бронтозавр.

— Проще предположить, — сказал Горчаков, — что это все-таки след какого-нибудь европейца. Какого-нибудь туриста.

— Да, это либо какое-нибудь неизвестное животное, либо турист, — сказал Влчек. — Следы животных имеют иногда удивительные формы.

— Возраст, возраст... — тихонько сказал Жилин.

— Тогда просто неизвестное животное.

— Например, утка, — сказал Садовский.

Вернулся Быков, солидно устроился в кресле и спросил:

— Ну-ну, что тут у вас?

— Вот товарищи пытаются как-то объяснить японский след, — сказал Жилин. — Предлагаются: Пришелец, европейец, неизвестное животное.

— И что же? — сказал Быков.

— Все эти гипотезы, — сказал Жилин, — даже гипотеза о Пришельце, содержат одно чудовищное противоречие.

— Какое? — спросил Шемякин.

— Я забыл вам сказать, — сказал Жилин. — Площадь пещеры — сорок квадратных метров. След ботинка находится в самой середине пещеры.

— Ну и что же? — спросил Шемякин.

— И он один, — сказал Жилин.

Некоторое время все молчали.

— Н-да, — сказал Садовский. — Баллада об одноногом Пришельце.

— Может, остальные следы стерты? — предположил Влчек.

— Абсолютно исключено, — сказал Жилин. — Двадцать пар совершенно отчетливых следов босых ног по всей пещере и один отчетливый след ботинка посередине.

— Значит, так, — сказал Быков. — Пришелец был одноногий. Его принесли в пещеру, поставили вертикально и, выяснив отношения, съели на месте.

— А что? — сказал Михаил Антонович. — По-моему, логически непротиворечиво. А?

— Плохо, что он одноногий, — задумчиво сказал Шемякин. — Трудно представить одноногое разумное существо.

— Возможно, он был инвалид? — предположил Горчаков.

— Одну ногу могли съесть сразу, — сказал Садовский.

— Бог знает какой ерундой мы занимаемся, — сказал Шемякин. — Пойдемте работать.

— Нет уж, извини, — сказал Влчек. — Надо расследовать. У меня есть такая гипотеза: у Пришельца был очень широкий шаг. Они все там такие ненормально длинноногие.

— Он бы разбил себе голову о свод пещеры, — возразил Садовский. — Скорее всего, он был крылатый — прилетел в пещеру, увидел, что его нехорошо ждут, оттолкнулся и улетел. А сами-то вы что думаете, Иван?

Жилин открыл рот, чтобы ответить, но вместо этого поднял палец и сказал:

— Внимание! Генеральный инспектор!

В кают-компанию вошел красный, распаренный Юрковский.

— Ф-фу! — сказал он. — Как хорошо, прохладно. Планетологи, вас зовет начальство. И учтите, что у вас там сейчас около сорока градусов. — Он повернулся к Юре. — Собирайся, кадет. Я договорился с капитаном танкера, он забросит тебя на «Кольцо-2».

Юра вздрогнул и перестал улыбаться.

— Танкер стартует через несколько часов, но лучше пойти туда заблаговременно. Ваня, проводишь его. Да! Планетологи! Где планетологи? — Он выглянул в коридор. — Шемякин! Паша! Приготовь фотографии, которые ты сделал над Кольцом. Мне надо посмотреть. Михаил, не уходи, погоди минуточку. Останься здесь, Алексей, брось книжку, мне нужно поговорить с тобой.

Быков отложил книжку. В кают-компании остались только он, Юрковский и Михаил Антонович. Юрковский, неуклюже раскачиваясь, пробежался из угла в угол.

— Что это с тобой? — осведомился Быков, подозрительно следя за его эволюциями.

Юрковский резко остановился.

— Вот что, Алексей, — сказал он. — Я договорился с Маркушиным, он дает мне космоскаф. Я хочу полетать над Кольцом. Абсолютно безопасный рейс, Алексей. — Юрковский неожиданно разозлился. — Ну чего ты так смотришь? Ребята совершают такие рейсы по два раза в сутки уже целый год. Да, я знаю, что ты упрям. Но я не собираюсь забираться в Кольцо. Я хочу полетать над Кольцом. Я подчиняюсь твоим распоряжениям. Уважь и ты мою просьбу. Я прошу тебя самым нижайшим образом, черт возьми. В конце концов, друзья мы или нет?

— В чем, собственно, дело? — сказал Быков спокойно. Юрковский опять пробежался по комнате.

— Дай мне Михаила, — отрывисто сказал он.

— Что-о-о? — сказал Быков, медленно выпрямляясь.

— Или я полечу один, — сейчас же сказал Юрковский. — А я плохо знаю космоскафы.

Быков молчал. Михаил Антонович растерянно переводил глаза с одного на другого.

— Мальчики, — сказал он. — Я ведь с удовольствием... О чем разговор?

— Я мог бы взять пилота на станции, — сказал Юрковский. — Но я прошу Михаила, потому что Михаил в сто раз опытнее и осторожнее, чем все они, вместе взятые. Ты понимаешь? Осторожнее!

Быков молчал. Лицо у него стало темное и угрюмое.

— Мы будем предельно осторожны, — сказал Юрковский. — Мы будем идти на высоте двадцать-тридцать километров над средней плоскостью, не ниже. Я сделаю несколько крупномасштабных снимков, понаблюдаю визуально, и через два часа мы вернемся.

— Алешенька, — робко сказал Михаил Антонович. — Ведь случайные обломки над Кольцом очень редки. И они не так уж страшны. Немного внимательности...

Быков молча смотрел на Юрковского. «Ну что с ним делать? — думал он. — Что делать с этим старым безумцем? У Михаила больное сердце. Он в последнем рейсе. У него притупилась реакция, а в космоскафах ручное управление. А я не могу водить космоскаф. И Жилин не может. А молодого пилота с ним отпускать нельзя. Они уговорят друг друга нырнуть в Кольцо. Почему я не научился водить космоскаф, старый я дурак?»

— Алеша, — сказал Юрковский. — Я тебя очень прошу. Ведь я, наверное, больше никогда не увижу колец Сатурна. Я старый, Алеша.

Быков поднялся и, ни на кого не глядя, молча вышел из кают-компании. Юрковский закрыл лицо руками.

— Ах, беда какая! — сказал он с досадой. — Ну почему у меня такая отвратительная репутация? А, Миша?

— Очень ты неосторожный, Володенька, — сказал Михаил Антонович. — Право же, ты сам виноват.

— А зачем быть осторожным? — спросил Юрковский. — Ну скажи, пожалуйста, зачем? Чтобы дожить до полной духовной и телесной немоги? Дождаться момента, когда жизнь опротивеет, и умереть от скуки в кровати? Смешно же, Михаил, в конце концов, так трястись над собственной жизнью.

Михаил Антонович покачал головой.

— Экий ты, Володенька, — сказал он тихо. — И как ты не понимаешь, голубчик, ты-то умрешь — и все. А ведь после тебя люди останутся, друзья. Знаешь, как им горько будет? А ты только о себе, Володенька, все о себе.

— Эх, Миша, — сказал Юрковский, — не хочется мне с тобой спорить. Скажи-ка ты мне лучше, согласится Алексей или нет?

— Да он, по-моему, уже согласился, — сказал Михаил Антонович. — Разве ты не видишь? Я-то его знаю, пятнадцать лет на одном корабле.

Юрковский снова пробежался по комнате.

— Ты-то хоть, Михаил, хочешь лететь или нет? — кричал он. — Или ты тоже... «соглашаешься»?

— Очень хочется, — сказал Михаил Антонович и покраснел. — На прощанье.

Юра укладывал чемодан. Он никогда как следует не умел укладываться, а сейчас вдобавок торопился, чтобы незаметно было, как ему не хочется уходить с «Тахмасиба». Иван стоял рядом, и до чего же грустно было думать, что сейчас с ним придется проститься и что они больше никогда не встретятся. Юра как попало запихивал в чемодан белье, тетрадки с конспектами, книжки — в том числе «Дорогу дорог», о которой Быков сказал: «Когда эта книга тебе начнет нравиться, можешь считать себя взрослым». Иван, насвистывая, веселыми

глазами следил за Юрой. Юра наконец закрыл чемодан, грустно оглядел каюту и сказал:

— Вот и все, кажется.

— Ну, раз все, пойдем прощаться, — сказал Жилин.

Он взял у Юры невесомый чемодан, и они пошли по кольцевому коридору, мимо плавающих в воздухе десятикилограммовых гантелей, мимо душевой, мимо кухни, откуда пахло овсяной кашей, в кают-компанию. В кают-компании был только Юрковский. Он сидел за пустым столом, обхватив ладонями залысую голову, и перед ним лежал прижатый к столу зажимами одинокий чистый листок бумаги.

— Владимир Сергеевич, — сказал Юра.

Юрковский поднял голову.

— А, кадет, — сказал он, печально улыбаясь. — Что ж, давай прощаться.

Они пожали друг другу руки.

— Я вам очень благодарен, — сказал Юра.

— Ну-ну, — сказал Юрковский. — Что ты, брат, в самом деле. Ты же знаешь, я не хотел тебя брать. И напрасно не хотел. Что же тебе пожелать на прощание? Побольше работай, Юра. Работай руками, работай головой. В особенности не забывай работать головой. И помни, что настоящие люди — это те, кто много думает о многом. Не давай мозгам закиснуть. — Юрковский посмотрел на Юру со знакомым выражением, как будто ожидал, что Юра вот сейчас, немедленно, изменится к лучшему. — Ну, ступай.

Юра неловко поклонился и пошел из кают-компании. У дверей в рубку он оглянулся. Юрковский задумчиво смотрел ему вслед, но, кажется, уже не видел его. Юра поднялся в рубку. Михаил Антонович и Быков разговаривали возле пульта управления. Когда Юра вошел, они замолчали и посмотрели на него.

— Так, — сказал Быков. — Ты готов, Юрий. Иван, значит, ты его проводишь.

— До свидания, — сказал Юра. — Спасибо.

Быков молча протянул ему огромную ладонь.

— Большое вам спасибо, Алексей Петрович, — повторил Юра. — И вам, Михаил Антонович.

— Не за что, не за что, Юрик, — заговорил Михаил Антонович. — Счастливой тебе работы. Обязательно напиши мне письмецо. Адресок ты не потерял?

Юра молча похлопал себя по нагрудному карману.

— Ну вот и хорошо, ну вот и прекрасно. Напиши, а если захочешь — приезжай. Право же, как вернешься на Землю, так и приезжай. У нас весело. Много молодежи. Мемуары мои считаешь.

Юра слабо улыбнулся.

— До свидания, — сказал он.

Михаил Антонович помахал ручкой, а Быков прогудел:

— Спокойной плазмы, стажер.

Юра и Жилин вышли из рубки. В последний раз открылась и закрылась за Юрой дверь кессона.

— Прощай, «Тахмасиб», — сказал Юра.

Они прошли по бесконечному коридору обсерватории, где было жарко, как в бане, и вышли на вторую доковую палубу. У раскрытого люка танкера сидел на маленькой бамбуковой скамеечке голенастый рыжий человек в расстегнутом кителе с золотыми пуговицами и в полосатых шортах. Глядясь в маленькое зеркальце, он расчесывал пятерней рыжие бакенбарды и, выпятив челюсть, дудел какой-то тирольский мотив. Увидев Юру и Жилина, он спрятал зеркальце в карман и встал.

— Капитан Корф? — сказал Жилин.

— Йа, — сказал рыжий.

— На «Кольцо-2», — сказал Жилин, — вы доставите вот этого товарища. Генеральный инспектор говорил с вами, не так ли?

— Йа, — сказал рыжий капитан Корф. — Отчень корошо. Багаж?

Жилин протянул ему чемодан.

— Йа, — сказал капитан Корф в третий раз.

— Ну, прощай, Юрка, — сказал Жилин. — Не вешай ты, пожалуйста, поса. Что за манера, в самом деле?

— Ничего я не вешаю, — сказал Юра печально.

— Я отлично знаю, почему ты вешаешь нос, — сказал Жилин. — Ты вообразил, что мы больше никогда не встретимся, и не замедлил сделать из этого трагедию. А трагедии никакой нет. Тебе еще сто лет встречаться с разными хорошими и плохими людьми. А можешь ты мне ответить на вопрос: чем один хороший человек отличается от другого хорошего человека?

— Не знаю, — сказал Юра со вздохом.

— Я тебе скажу, — сказал Жилин. — Ничем существенным не отличается. Вот завтра ты будешь со своими ребятами. Завтра все тебе будут завидовать, а ты будешь хвастаться. Мы, мол, с инспектором Юрковским... Расскажешь, как ты стрелял в пиявок на Марсе, как своими руками вот таким стулом изничтожил мистера Ричардсона на Бамберге, как спас синеглазую девушку от злодея Шершня. Про смерть планетчиков ты тоже чего-нибудь наврешь.

— Да что вы, Ваня, — сказал Юра, слабо улыбаясь.

— Ну а почему же? Воображение у тебя живое. Могу себе представить, как ты споешь им балладу об одноногом Пришельце. Только учти. Честно говоря, там было два следа. Про второй след я не успел рассказать. Второй след был на потолке, в точности над первым. Не забудь. Ну, прощай.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — тихонько завопил сзади капитан Корф.

— До свидания, Ваня, — сказал Юра. Он двумя руками пожал руку Жилина.

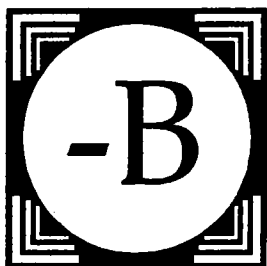
Жилин похлопал его по плечу, повернулся и вышел в коридор. Юра услышал, как в коридоре крикнули:

— Иван! Есть еще одна гипотеза! Там, в пещере, не было никакого Пришельца. Был только его ботинок.

Юра слабо улыбнулся.

— Ти-ла-ла-ла и-а! — распевал позади капитан Корф, расчесывая рыжие бакенбарды.

10. «КОЛЬЦО-1» Должен жить

олоденька, подвинься немножко, — сказал Михаил Антонович. — А то я прямо в тебя локтем упираюсь. Если вдруг придется, скажем, делать

вираж...

— Изволь, изволь, — сказал Юрковский. — Только мне, собственно, некуда. Удивительно тесно здесь. Кто строил эти... э-э... аппараты...

— А вот так... И хватит, и хватит, Володенька...

В космоскафе было очень тесно. Маленькая круглая ракета была рассчитана только на одного человека, но обычно в нее забирались по двое. Мало того, по правилам безопасности при работах над Кольцом экипажу надлежало быть в скафандрах с откинутым колпаком. Вдвоем, да еще в скафандрах, да еще с колпаками, висящими за спиной, в космоскафе было не повернуться. Михаилу Антоновичу досталось удобное кресло водителя с широкими мягкими ремнями, и он очень переживал, что другу Володеньке приходится корчиться где-то между чехлом регенератора и пультом бомбосбрасывателя.

Юрковский, прижимая лицо к нарамнику биноктара, время от времени щелкал затвором фотокамеры.

— Чуть-чуть притормози, Миша, — приговаривал он. — Так... остановись... Фу ты, до чего у них тут все неудобно устроено...

Михаил Антонович, с удовольствием покачивая штурвал, глядел, не отрываясь, на экран телепроектора. Космоскаф медленно плыл в двадцати пяти километрах от средней плоскости Кольца. Впереди исполинским мутно-желтым горбом громоздился водянистый Сатурн. Ниже, вправо и влево, на весь экран тянулось плоское сверкающее поле. Вдали оно заволакивалось зеленоватой дымкой, и казалось, что гигантская планета рассечена пополам. А под космоскафом проползало каменное крошево. Радужные россыпи угловатых обломков, мелкого щебня, блестящей искрящейся пыли. Иногда в этом крошеве возникали странные вращательные движения, и тогда Юрковский говорил: «Притормози, Михаил... Вот так...» — и несколько раз щелкал затвором. Эти неопределенные и непонятные движения привлекали особенное внимание Юрковского. Кольцо не было пригоршней камней, брошенных в мертвое инертное движение вокруг Сатурна; оно жило своей странной, непостижимой жизнью, и в закономерностях этой жизни еще предстояло разобраться. Михаил Антонович был счастлив. Он нежно сжимал податливые рукоятки штурвала, с наслаждением чувствуя, как мягко и послушно отзывается ракета на каждое движение его пальцев. Как это было прекрасно — вести корабль без киберштурмана, без всякой там электроники, бионики и кибернетики, надеяться только на себя, упиваться полной и безграничной уверенностью в себе и знать, что между тобой и кораблем — только этот мягкий удобный штурвал и не приходится привычным усилием воли подавлять в себе мысль, что у тебя под ногами клокочет хотя и усмиренная, но страшная сила, способная разнести в пыль целую планету. У Михаила Антоновича было богатое воображение, в душе он всегда был немножко ретроградом, и медлительный космоскаф с его слабосильными двигателями казался ему уютным и домашним по сравнению с фотонным чудовищем «Тахмасибом» и с другими такими же чудовищами, с которыми пришлось иметь дело Михаилу Антоновичу за двадцать пять лет штурманской работы.

Кроме того, его, как всегда, приводили в тихий восторг сверкающие радугой алмазные россыпи Кольца. У Михаила Антоновича всегда была слабость к Сатурну и к его кольцам. Кольцо было изумительно красиво. Оно было гораздо красивее, чем об этом мог рассказать Михаил Антонович, и все же каждый раз, когда он видел Кольцо, ему хотелось рассказать.

— Хорошо как, — сказал он наконец. — Как все переливается. Я, может быть, не могу...

— Притормози-ка, Миша, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович притормозил.

— Вот есть лупатики, — сказал он. — А у меня такая же слабость...

— Притормози еще, — сказал Юрковский.

Михаил Антонович замолчал и притормозил еще. Юрковский щелкал затвором. Михаил Антонович помолчал и позвал в микрофон:

— Алешенька, ты нас слушаешь?

— Слушаю, — басом отозвался Быков.

— Алешенька, у нас все в порядке, — торопливо сообщил Михаил Антонович. — Я просто хотел поделиться. Очень красиво здесь, Алешенька. Солнце так переливается на камнях... и пыль так серебрится... Какой ты молодец, Алешеньке, что отпустил нас. Напоследок хоть посмотреть... Ах, ты бы посмотрел, как тут камушек один переливается! — От полноты чувств он снова замолчал.

Быков подождал немного и спросил:

— Вы долго еще намерены идти к Сатурну?

— Долго, долго! — раздраженно сказал Юрковский. — Ты бы шел, Алексей, занялся бы чем-нибудь. Ничего с нами не случится.

Быков сказал:

— Иван делает профилактику. — Он помолчал. — И я тоже.

— Ты не беспокойся, Алешенька, — сказал Михаил Антонович. — Шальных камней нет, все очень спокойно, безопасно.

— Это хорошо, что шальных камней нет, — сказал Быков. — Но ты все-таки будь повнимательнее.

— Притормози, Михаил, — приказал Юрковский.

— Что это там? — спросил Быков.

— Турбуленция, — ответил Михаил Антонович.

— А, — сказал Быков и замолчал.

Минут пятнадцать прошло в молчании. Космоскаф удалился от края Кольца уже на триста километров. Михаил Антонович покачивал штурвал и боролся с желанием разогнаться сильнее, так, чтобы сверкающие обломки внизу слились в сплошную сверкающую полосу. Это было бы очень красиво. Михаил Антонович любил делать такие вещи, когда был помоложе.

Юрковский вдруг сказал шепотом:

— Остановись.

Михаил Антонович притормозил.

— Остановись, говорят! — сказал Юрковский. — Ну?

Космоскаф повис неподвижно. Михаил Антонович оглянулся на Юрковского. Юрковский так втиснул лицо в нарамник, словно хотел продавить корпус космоскафа и выглянуть наружу.

— Что там? — спросил Михаил Антонович.

— Что у вас? — спросил Быков,

Юрковский не ответил.

— Михаил! — закричал вдруг он. — По вращению Кольца... Видишь, под нами длинный черный обломок? Иди прямо над ним... точно над ним, не обгоняя...

Михаил Антонович повернулся к экрану, нашел длинный черный обломок внизу и повел космоскаф, стараясь не выпускать обломок из визирного перекрестия.

— Что там у вас? — снова спросил Быков.

— Какой-то обломок, — сказал Михаил Антонович. — Черный и длинный.

— Уходит, — сказал Юрковский сквозь зубы. — Медленнее на метр! — крикнул он.

Михаил Антонович спизил скорость.

— Нет, так не получится, — сказал Юрковский. — Миша, смотри, черный обломок видишь? — Он говорил очень быстро и шепотом.

— Вижу.

— Прямо по курсу на два градуса от него группа камней...

— Вижу, — сказал Михаил Антонович. — Там что-то блестит так красиво.

— Вот-вот... Держи на этот блеск... Не потеряй только... Или у меня в глазах что-то такое?

Михаил Антонович ввел блестящую точку в визирное перекрестие и дал максимальное увеличение на телепроектор. Он увидел пять округлых, странно одинаковых белых камней, а между ними — что-то блестящее, неясное, похожее на серебристую тень растопыренного паука. Словно камни расходились, а паук цеплялся за них расставленными голыми лапами.

— Как забавно! — вскричал Михаил Антонович.

— Да что там у вас? — заорал Быков.

— Погоди, погоди, Алексей, — пробормотал Юрковский. — Здесь надо бы снизиться...

— Начинается, — сказал Быков. — Михаил! Ни на метр ниже!

Взволнованный Михаил Антонович, сам того не замечая, уже вел космоскаф вниз. Это было так удивительно и непонятно — пять одинаковых белых глыб и совершенно непривычных очертаний серебристая тень между ними.

— Михаил! — рявкнул Быков и замолчал.

Михаил Антонович опомнился и резко затормозил.

— Ну что же ты? — не своим голосом закричал Юрковский. — Упустишь!

Длинный черный обломок медленно, едва заметно для глаза наползал на странные камни.

— Алешенька! — позвал Михаил Антонович. — Здесь в самом деле что-то очень странное! Можно я еще немножко спущусь? Плохо видно!

Быков молчал.

— Упустишь, упустишь, — рычал Юрковский.

— Алешенька! — отчаянно закричал Михаил Антонович. — Я спущусь! На пять километров, а?

Он судорожно сжимал рукоятки штурвала, стараясь не выпускать блестящий предмет из перекрестия. Черный обломок надвигался медленно и неумолимо. Быков не отвечал.

— Да спускайся же, спускайся, — сказал Юрковский неожиданно спокойно.

Михаил Антонович в отчаянии посмотрел на спокойно мерцающий экран метеоритного локатора и повел космоскаф вниз.

— Алешенька, — бормотал он. — Я чуть-чуть, только чтобы из виду не упустить. Вокруг все спокойно, пусто.

Юрковский торопливо щелкал затворами фотокамер. Черный длинный обломок наползал, наползал и, наконец, надвинулся, закрыл белые камни и блестящего паучка между ними.

— Эх, — сказал Юрковский. — С твоим Быковым...

Михаил Антонович затормозил.

— Алешенька! — позвал он. — Вот и все.

Быков все молчал, и тогда Михаил Антонович посмотрел на рацию. Прием был выключен.

— Ай-яй-яй-яй! — закричал Михаил Антонович. — Как же это я... Локтем, наверное?

Он включил прием.

— ...хаил, назад! Михаил, пазад! Михаил, назад!.. — монотонно повторял Быков.

— Слышу, слышу, Алешенька! Здесь я нечаянно прием выключил.

— Немедленно возвращайтесь назад, — сказал Быков.

— Сейчас, сейчас, Алешенька! — сказал Михаил Антонович. — Мы уже все кончили, и все в порядке... — Он замолчал.

Продолговатый черный обломок постепенно уплывал, открывая снова группу белых камней. Снова вспыхнул на солнце серебристый паучок.

— Что у вас там происходит? — спросил Быков. — Можете вы мне толком объяснить или нет?

Юрковский, отпихнув Михаила Антоновича, нагнулся к микрофону.

— Алексей! — крикнул он. — Ты помнишь сказку про гигантскую флуктуацию? Кажется, нам выпал-таки один шанс на миллиард!

— Какой шанс?

— Мы, кажется, нашли...

— Смотри, смотри, Володенька! — пробормотал Михаил Антонович, с ужасом глядя на экран. Масса плотной серой пыли надвигалась сбоку, и над ней плыли наискосок десятки блестящих угловатых глыб. Юрковский даже застонал: сейчас заволочет, закроет, сомнет и утащит невесть куда и эти странные белые камни и этого серебристого паучка, и никто никогда не узнает, что это было...

— Вниз! — заорал он. — Михаил, вниз!..

Космоскаф дернулся.

— Назад! — крикнул Быков. — Михаил, я приказываю: назад!

Юрковский протянул руку и выключил прием.

— Вниз, Миша, вниз... Только вниз... И поскорее.

— Что ты, Володенька! Нельзя же — приказ! Что ты! — Михаил Антонович потянулся к рации. Юрковский поймал его за руку.

— Посмотри на экран, Михаил, — сказал он. — Через двадцать минут будет поздно...

Михаил Антонович молча рвался к рации.

— Михаил, не будь дураком... Нам выпал один шанс на миллиард... Нам никогда не простят... Да пойми ты, старый дурак!

Михаил Антонович дотянулся-таки до рации и включил прием. Они услышали, как тяжело дышит Быков.

— Нет, они нас не слышат, — сказал он кому-то.

— Миша, — хрипло зашептал Юрковский. — Я тебе не прошу никогда в жизни, Миша... Я забуду, что ты был моим другом, Миша... Я забуду, что мы были вместе на Голконде... Миша, это же смысл моей жизни, пойми... Я ждал этого всю жизнь... Я верил в это... Это Пришельцы, Миша...

Михаил Антонович взглянул ему в лицо и зажмурился: он не узнал Юрковского.

— Миша, пыль надвигается... Выводи под пыль, Миша, прошу, умоляю... Мы быстро, мы только поставим радиобакеи и сразу вернемся. Это же совсем просто и неопасно, и никто не узнает...

— Ну вот, что ты с ним будешь делать! — вскричал Быков.

— Они что-то нашли, — сказал голос Жилина.

Михаил Антонович торопливо забормотал:

— Нельзя ведь. Не проси. Нельзя. Ведь я же обещал. Он с ума сойдет от беспокойства. Не проси...

Серая пелена пыли надвинулась вплотную.

— Пусти, — сказал Юрковский. — Я сам поведу.

Он стал молча выдирать Михаила Антоновича из кресла. Это было так дико и страшно, что Михаил Антонович совсем потерялся.

— Ну хорошо, — забормотал он. — Ну ладно... Ну погоди... — Он все никак не мог узнать лица Юрковского, это было похоже на жуткий сон.

— Михаил Антонович! — позвал Жилин.

— Я, — слабо сказал Михаил Антонович, и Юрковский изо всех сил ударил по рычажку бронированным кулаком. Металлическая перчатка срезала рычажок, словно бритвой.

— Впиз! — заревел Юрковский.

Михаил Антонович, ужаснувшись, бросил космоскаф в двадцатикилометровую пропасть. Он весь содрогался от жалости и страшных предчувствий. Прошла минута, другая...

Юрковский сказал ясным голосом:

— Миша, Миша, я же понимаю...

Ноздреватые каменные глыбы на экране росли, медленно поворачивались. Юрковский привычным движением надвинул на голову прозрачный колпак скафандра.

— Миша, Миша, я же понимаю, — услышал Жилин голос Юрковского.

Быков, сгорбившись, сидел перед рацией, обеими руками вцепившись в стойку бесполезного микрофона. Он мог только слушать, и пытаться понять, что происходит, и ждать, и надеяться. «Вернутся — избыю в кровь, — думал он. — Этого пайнюку штурмана и этого генерального мерзавца. Нет. Не избыю. Только бы вернулись. Только бы вернулись». Рядом — руки в карманы — молчал угрюмый Жилин.

— Камни, — жалобно сказал Михаил Антонович, — камни...

Быков закрыл глаза. Камни в Кольце. Острые, тяжелые. Летят, ползут, крутятся. Обступают. Подталкивают, отвратительно скрипят по металлу. Толчок. Потом толчок посильнее. Это еще ерунда, не страшно, горохом сыплется по обшивке ползучая мелочь, и это тоже ерунда, а вот где-то сзади надвигается тот самый тяжелый и быстрый, словно пущенный из гигантской катапульты, и локаторы еще не видят его за пеленой пыли, а когда увидят, будет все равно поздно... Лопаются корпус, гармошкой складываются переборки, на миг мелькает в трещине забитое камнем небо, пронзительно свистнет воздух, и люди становятся белыми и хрупкими, как лед... Впрочем, они в скафандрах. Быков открыл глаза.

— Жилин, — сказал он. — Иди к Маркушину и узнай, где второй космоскаф. Пусть приготовит для меня пилота.

Жилин исчез.

— Миша, — беззвучно позвал Быков. — Как-нибудь, Миша... Как-нибудь...

— Вот он, — сказал Юрковский.

— Ай-й-й-й-й-й, — сказал Михаил Антонович.

— Километров пять?

— Что ты, Володенька! Гораздо меньше... Правда, хорошо, когда камней нет?

— Тормози понемногу. Я буду готовить бакен. Эх, зря я рацию сломал, дурак...

— Что же это может быть, Володенька? Смотри, какое чудище!..

— Он их держит, видишь? Вот они где, Пришельцы. А ты ныл!

— Что ты, Володенька? Разве я ныл? Я так...

— Как-нибудь стань, чтобы его, спаси-сохрани, не задеть...

Наступило молчание. Быков напряженно слушал. «Может быть, и обойдется», — думал он.

— Ну, чего ты куksiшься?

— Не знаю, право... Как-то мне все это странно... Не по себе как-то...

— Выйди под лапу и выброси магнитную кошку.

— Хорошо, Володенька...

«Что они там нашли? — думал Быков. — Что еще за лапа? Что они там копаются? Неужели нельзя побыстрее?»

— Не попал, — сказал Юрковский.

— Подожди, Володенька, ты не умеешь. Дай я.

— Смотри, она словно вросла в камень... А ты заметил, что они все одинаковые?

— Да, все пять. Мне это сразу странным показалось...

Вернулся Жилин.

— Нет космоскафа, — сказал он.

Быков даже не стал спрашивать, что это значит — нет космоскафа. Он оставил микрофон, поднялся и сказал:

— Пошли к швейцарцам.

— Так у нас ничего не получится, — сказал голос Михаила Антоновича.

Быков остановился.

— Да, действительно... Что ж тут придумать?

— погоди, Володенька. Давай я сейчас вылезу и сделаю это вручную.

— Правильно, — сказал Юрковский. — Давай вылезем.
— Нет уж, Володенька, ты сиди здесь. Толку от тебя мало... мало ли что...

Юрковский сказал, помолчав:

— Ладно. А я еще несколько снимков сделаю.

Быков поспешно пошел к выходу. Жилин вслед за ним вышел из рубки и запер люк в рубку на ключ. Быков на ходу сказал:

— Возьмем танкер, по пеленгу выйдем к этому месту и будем их ждать там.

— Правильно, Алексей Петрович, — сказал Жилин. — А что они там пашли?

— Не знаю, — сказал Быков сквозь зубы. — И знать не хочу. Пока я буду говорить с капитаном, ступай в рубку и займись пеленгом.

В коридоре обсерватории Быков поймал распаренного дежурного и приказал:

— Мы сейчас идем на танкер. Спимешь перемычку и задраишь люк.

Дежурный кивнул.

— Второй космоскаф возвращается, — сказал он.

Быков остановился.

— Нет-нет, — сказал дежурный с сожалением. — Он будет не скоро, часа через три.

Быков молча двинулся дальше. Они миновали кессон, прошли мимо бамбукового стульчика и по узкому, тесному колодцу поднялись в рубку танкера. Капитан Корф и его штурман стояли над низким столиком и рассматривали голубой чертеж.

— Здравствуйте, — сказал Быков.

Жилин, не говоря ни слова, прошел к рации и принялся настраиваться на волну космоскафа. Капитан и штурман в изумлении воззрились на него. Быков подошел к ним.

— Кто капитан? — спросил он.

— Капитан Корф, — сказал рыжий капитан. — Кто ви? Потшему?

— Я Быков, капитан «Тахмасиба». Прошу мне помочь.

— Рад, — сказал капитан Корф. Он посмотрел на Жилина. Жилин возился над рацией.

— Двое наших товарищей забрались в Кольцо, — сказал Быков.

— О! — На лице капитана изобразилась растерянность. — Как неосторожно!

— Мне нужен корабль. Я прошу у вас ваш корабль.

— Мой крабль, — растерянно повторил Корф. — Идти в Кольцо?

— Нет, — сказал Быков. — В Кольцо только в крайнем случае. Если случится несчастье.

— А где ваш крабль? — спросил Корф подозрительно.

— У меня фотонный грузовик, — ответил Быков.

— А, — сказал Корф. — Да, это нельзя.

В рубке раздался голос Юрковского:

— Погоди, я сейчас вылезу.

— А я тебе говорю, сиди, Володенька, — сказал Михаил Антонович.

— Ты очень долго копаешься.

Михаил ничего не ответил.

— Это они в Кольце? — спросил Корф, показывая пальцем на рацию.

— Да, — сказал Быков. — Вы согласны?

Жилин подошел и стал рядом.

— Да, — сказал Корф задумчиво. — Надо помогать,

Штурман вдруг заговорил так быстро и неразборчиво, что Быков понимал только отдельные слова. Корф слушал и кивал. Затем он, сильно покраснев, сказал Быкову:

— Штурман не хочет лететь. Он не обязан.

— Он может сойти, — сказал Быков. — Спасибо, капитан Корф.

Штурман произнес еще несколько фраз.

— Он говорит, что мы идем на верную смерть, — перевел Корф.

— Скажите ему, чтобы он уходил, — сказал Быков. — Нам надо спешить.

— Может быть, господину Корфу тоже лучше сойти? — осторожно сказал Жилин.

— Хо-хо-хо! — сказал Корф. — Я капитан!

Он махнул штурману и пошел к пульта управления. Штурман, ни на кого не глядя, вышел. Через минуту гулко бухнул наружный люк.

— Девушки, — сказал капитан Корф, не оборачиваясь, — они делают нас слабыми. Слабыми, как они. Но надо сопротивляться. Приготовимся.

Он полез в боковой карман, вытащил фотографию, поставил на пульт перед собой.

— Вот так, — сказал он. — И никак по-другому, если рейс опасен. По местам, господа.

Быков сел у пульта рядом с капитаном. Жилин пристегнулся в кресле перед ракетой.

— Диспетчер! — сказал капитан.

— Есть диспетчер, — откликнулся дежурный обсерватории.

— Прошу старт!

— Даю старт!

Капитан Корф нажал стартер, и все сдвинулось. И тогда Жилин вдруг вспомнил: «Юрка!» Несколько секунд он глядел на ракету, вздыхающую грустными вздохами Михаила Антоновича. Он просто не знал, как поступить. Танкер уже покинул зону обсерватории, и капитан Корф, маневрируя рулями, выводил корабль на пеленг. «Не будем-ка паниковать, — подумал Жилин. — Не так уж плохи дела. Пока еще не случилось ничего страшного».

— Михаил! — позвал голос Юрковского. — Скоро ты там?

— Сейчас, Володенька, — отозвался Михаил Антонович. Голос у него был какой-то странный — не то усталый, не то растерянный.

— Хо! — сказал позади голос Юры.

Жилин обернулся. В рубку входил Юра, заспанный и очень обрадованный.

— Вы тоже на «Кольцо-2»? — спросил он.

Быков дико взглянул на него.

— Химмельдоннерветтер! — прошептал капитан Корф. Он тоже начисто забыл о Юре. — Пассажир! Ф-в каюта! — крикнул он грозно. Его рыжие бакенбарды страшно растопырились.

Михаил Антонович вдруг громко сказал:

— Володя... Будь добр, отведи космоскаф метров на тридцать. Сумеешь?

Юрковский недовольно заворчал.

— Ну попробую, — сказал он. — А зачем это тебе понадобилось?

— Так мне будет удобней, Володя. Пожалуйста.

Быков вдруг встал и рванул на себе застёжки куртки. Юра с ужасом глядел на него. Лицо Быкова, всегда

красно-кирпичное, сделалось бело-синим. Юрковский вдруг закричал:

— Камень! Миша, камень! Назад! Бросай все!

Послышался слабый стон, и Михаил Антонович сказал дрожащим голосом:

— Уходи, Володенька. Скорее уходи. Я не могу.

— Скорость, — прохрипел Быков.

— Что значит — не могу? — завизжал Юрковский. Было слышно, как он тяжело дышит.

— Уходи, уходи, не надо сюда... — бормотал Михаил Антонович. — Ничего не выйдет... Не надо, не надо...

— Так вот в чем дело, — сказал Юрковский. — Что же ты молчал? Ну, это ничего. Мы сейчас. Сейчас... Эх тебя угораздило...

— Скорость, скорость... — рычал Быков.

Капитан Корф, перекосив веснушчатое лицо, навис над клавишами управления. Перегрузка нарастала.

— Сейчас, Мишенька, сейчас.. — бодро говорил Юрковский. — Вот так... Эх, лом бы мне...

— Поздно, — неожиданно спокойно сказал Михаил Антонович.

В наступившей тишине было слышно, как они тяжело, с хрипом, дышат.

— Да, — сказал Юрковский. — Поздно.

— Уйди, — сказал Михаил Антонович.

— Нет.

— Зря.

— Ничего, — сказал Юрковский, — это быстро.

Раздался сухой смехок.

— Мы даже не заметим, Закрой глаза, Миша.

И после короткой тишины кто-то — непонятно, кто, — тихо и жалобно позвал:

— Алеша... Алексей...

Быков молча отшвырнул капитана Корфа, как котенка, и впился пальцами в клавиши. Танкер рвануло. Вдавленный в кресло страшной перегрузкой, Жилин успел только подумать: «Форсаж!» На секунду он потерял сознание. Затем сквозь шум в ушах он услышал короткий оборвавшийся крик, как от сильной боли, и через красную пелену, застилавшую глаза, увидел, как стрелка автопеленгатора дрогнула и ослабленно закачалась из стороны в сторону.

— Миша! — закричал Быков. — Ребята!

Он упал головой на пульт и громко, неумело заплакал...

...Юре было плохо. Его тошнило, сильно болела голова. Его мучил какой-то странный двойной бред. Он лежал на своей койке в тесной, темной каюте «Тахмасиба», и в то же время это была его светлая большая комната дома на Земле. В комнату входила мама, клала холодную приятную руку ему на щеку и говорила голосом Жилина: «Нет, еще спит». Юре хотелось сказать, что он не спит, но это почему-то нельзя было делать. Какие-то люди, знакомые и незнакомые, проходили мимо, и один из них — в белом халате — нагнулся и очень сильно ударил Юру по больной разбитой голове, и сейчас же Михаил Антонович жалобно сказал: «Алеша... Алексей...», — а Быков, страшный, бледный как мертвец, схватился за пульт, и Юру кинуло вдоль коридора головой на острое и твердое. Играла печальная до слез музыка, и чей-то голос говорил: «...при исследовании Кольца Сатурна погибли генеральный инспектор Международного управления космических сообщений Владимир Сергеевич Юрковский и старейший штурман-космонавт Михаил Антонович Крутиков...» И Юра плакал, как плачут во сне даже взрослые люди, когда им приснится что-нибудь печальное...

Когда Юра пришел в себя, то увидел, что находится действительно в каюте «Тахмасиба», а рядом стоит врач в белом халате.

— Ну вот, давно бы так, — сказал Жилин, печально улыбаясь.

— Они правда погибли? — спросил Юра.

Жилин молча кивнул.

— А Алексей Петрович?

Жилин ничего не сказал.

Врач спросил:

— Голова сильно болит?

Юра прислушался.

— Нет, — сказал он. — Не сильно.

— Это хорошо, — сказал врач. — Дней пять полежишь и будешь здоров.

— Меня не отправят на Землю? — спросил Юра. Он вдруг очень испугался, что его отправят на Землю.

— Нет, зачем же, — удивился врач, а Жилин бодро общил:

— О тебе уже справлялись с «Кольца-2», хотят тебя навестить.

— Пусть, — сказал Юра.

Врач сказал Жилину, что Юру надо через каждые три часа поить микстурой, предупредил, что придет послезавтра, и ушел. Жилин сказал, что скоро заглянет, и пошел его проводить. Юра снова закрыл глаза. Погибли, подумал он. Никто больше не назовет меня кадетом и не попросит побеседовать со стариком, и никто не станет добрым голосом застенчиво читать свои мемуары о милейших и прекраснейших людях. Этого не будет никогда. Самое страшное — что этого не будет никогда. Можно разбить себе голову о стену, можно разорвать рубашку — все равно никогда не увидать Владимира Сергеевича, как он стоит перед душевой в своем роскошном халате, с гигантским полотенцем через плечо и как Михаил Антонович раскладывает по тарелкам неизменную овсяную кашу и ласково улыбается. Никогда, никогда, никогда... Почему никогда? Как это так можно, чтобы никогда? Какой-то дурацкий камень в каком-то дурацком Кольце дурацкого Сатурна... И людей, которые должны быть, просто обязаны быть, потому что мир без них хуже, — этих людей нет и никогда больше не будет...

Юра помнил смутно, что они что-то там нашли. Но это было неважно, это было не главное, хотя они-то считали, что это и есть главное... И, конечно, все, кто их не знает, тоже будут считать, что это самое главное. Это всегда так. Если не знаешь того, кто совершил подвиг, для тебя главное — подвиг. А если знаешь — что тебе тогда подвиг? Хоть бы его и вовсе не было, лишь бы был человек. Подвиг — это хорошо, но человек должен жить.

Юра подумал, что через несколько дней встретит ребят. Они, конечно, сразу станут спрашивать, что да как. Они не будут спрашивать ни о Юрковском, ни о Крутикове, они будут спрашивать, что Юрковский и Крутиков нашли. Они будут прямо гореть от любопытства. Их будет больше всего интересоваться, что успели передать Юрковский и Крутиков о своей находке. Они будут восхищаться мужеством Юрковского и Крутикова, их самоотверженностью и будут восклицать с завистью: «Вот это были люди!» И больше всего их

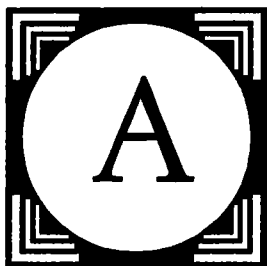
будет восхищаться, что они погибли на боевом посту. Юре даже стало тошно от обиды и от злости. Но он уже знал, что им ответить. Чтобы не закричать на них: «Дураки сопливые!», чтобы не заплакать, чтобы не полезть в драку, я скажу им: «Подождите. Есть одна история...», и я начну так: «На острове Хонсю, в ущелье горы Титигатакэ, в непроходимом лесу нашли пещеру...»

Вошел Жилин, сел у Юры в ногах и потрепал его по колену. Жилин был в клетчатой рубашке с засученными рукавами. Лицо у него было осунувшееся и усталое. Он был небрит. «А как же Быков?» — подумал вдруг Юра и спросил:

— Ваня, а как же Алексей Петрович?

Жилин ничего не ответил.

ЭПИЛОГ

автобус бесшумно подкатил к низкой белой ограде и остановился перед большой пестрой толпой встречающих. Жилин сидел у окна и смотрел на веселые, раскрасневшиеся от мороза лица, на сверкающие под солнцем сугробы перед зданием аэровокзала, на одетые ином деревья. Открылись двери, морозный воздух ворвался в автобус. Пассажиры потянулись к выходу, отпуская прощальные шутки бортпроводнице. В толпе встречающих стоял веселый шум — у дверей обнимались, пожимали руки, целовались. Жилин искал знакомые лица, никого не нашел и вздохнул с облегчением. Он посмотрел на Быкова. Быков сидел неподвижно, опустив лицо в меховой воротник гренландской куртки.

Бортпроводница взяла из сетки свой чемоданчик и весело сказала:

— Ну что же вы, товарищи? Приехали! Автобус дальше не идет.

Быков тяжело встал и, не вынимая рук из карманов, через опустевший автобус пошел к выходу. Жилин с портфелем

Юрковского последовал за ним. Толпы уже не было. Люди группами направлялись к аэровокзалу, смеясь и переговариваясь. Быков ступил в снег, постоял, хмуро жмурясь на солнце, и тоже пошел к вокзалу. Снег звонко скрипел под ботинками. Сбоку бежала длинная голубая тень. Потом Жилин увидел Дауге.

Дауге торопливо ковылял навстречу, сильно опираясь на толстую полированную палку, маленький, закутанный, с темным морщинистым лицом. В руке у него, в теплой мохнатой варежке, был зажат жалкий букетик увядших незабудок. Глядя прямо перед собой, он подошел к Быкову, сунул ему букетик и прижался лицом к гренландской куртке. Быков обнял его и проворчал:

— Вот еще, сидел бы дома, видишь, какой мороз...

Он взял Дауге под руку, и они медленно пошли к вокзалу — огромный сутулый Быков и маленький, сгорбленный Дауге. Жилин шел следом.

— Как легкие? — спросил Быков.

— Так... — сказал Дауге, — не лучше, не хуже...

— Тебе нужно в горы. Не мальчик, нужно беречься.

— Некогда, — сказал Дауге. — Очень многое нужно закончить. Очень многое начато, Алеша.

— Ну и что же? Надо лечиться. А то и кончить не успеешь.

— Главное — начать.

— Тем более.

Дауге сказал:

— Решен вопрос с экспедицией к Трансплутону. Наставляют, чтобы пошел ты. Я попросил подождать, пока ты вернешься.

— Ну что ж, — сказал Быков, — съезжу домой, отдохну... Пожалуйста.

— Начальником назначен Арнаутов.

— Все равно, — сказал Быков.

Они поднимались по ступенькам вокзала. Дауге было неудобно, видимо, он еще не привык к своей палке. Быков поддерживал его под локоть. Дауге тихо сказал:

— А я ведь так и не обнял их, Алеша... Тебя обнял, Ваню обнял, а их не обнял...

Быков промолчал, и они вошли в вестибюль. Жилин поднялся по лестнице и вдруг увидел в тени за колонной

какую-то женщину, которая смотрела на него. Она сразу же отвернулась, но он успел заметить ее лицо под меховой шапочкой — когда-то, наверно, очень красивое, а теперь старое, обрюзгшее, почти безобразное. «Где я ее видел? — подумал Жилин. — Я ведь ее много раз где-то видел. Или она на кого-то похожа?»

Он толкнул дверь и вошел в вестибюль. Значит, теперь Трансплутон, он же Цербер. Далекий-далекий. От всего далекий. От Земли далекий, от людей далекий, от главного далекий. Снова стальная коробка, снова чужие, обледеневшие, такие неглавные скалы. Главное останется на Земле. Как всегда, впрочем. Но ведь так нельзя, печально. Пора решиться, Иван Жилин, пора! Конечно, некоторые скажут — с сожалением или насмешливо: «Нервы не выдержали. Бывает». Алексей Петрович может так подумать. Жилин даже приостановился. Да он так и подумает: «Нервы не выдержали. А ведь крепкий парень был». А ведь это здорово! «По крайней мере ему не так будет обидно, что я бросаю его сейчас, когда он остается один... Конечно, ему будет легче думать, что у меня нервы не выдержали, чем видеть, что я ни во что не ставлю все эти трансплутоны. Он ведь упрям и очень тверд в своих убеждениях... и заблуждениях. Твердокаменные заблуждения...

Главное — на Земле. Главное всегда остается на Земле, и я останусь на Земле. Решено, — подумал он. — Решено. Главное — на Земле...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Сергей Переслегин.</i>	
Бриллиантовые дороги	5
XX и XXI века (<i>краткая хронология</i>)	36
 СТРАНА БАГРОВЫХ ТУЧ	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Седьмой полигон	43
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Пространство и люди	139
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. На берегах Урановой Голконды	207
Эпиог	339
 ПУТЬ НА АМАЛЬТЕЮ	 345
 СТАЖЕРЫ	 423

Стругацкий А., Стругацкий Б.

С87 Страна Багровых Туч; Путь на Амальтею; Стажеры: Фантастические романы / Сост. Н.Ютанов; Предисл. С.Переслегина; Ил. И.Ильинского, Л.Рубинштейна. – М.: ООО “Издательство АСТ”; СПб.: Тетра Fantastica, 2000. — 656 с.: ил. — (Миры братьев Стругацких).

ISBN 5-7921-0173-6 (TF)

ISBN 5-17-001545-3 (АСТ)

Первые шаги человечества в Космос. От первых спутников 1949 года – к первой лунной Эрика Хартмана. От первой марсианской 1959 года – к штурму венерианской Урановой Голконды кораблями типа “Хиус”. Стремительное освоение пояса малых планет и формирование Евразийского Коммунистического Союза. Эпоха блистательных космолетчиков, покоривших Солнечную систему – Соколовского, Ермакова, Быкова, Юрковского, Дауге, Крутикова, – завершилась к началу первого десятилетия XXI века. Система была освоена от орбиты Венеры до орбиты Сатурна, обеспечив технико-экономический плацдарм для Первой Межзвездной экспедиции 2005 года.

УДК 882

ББК 84(2Рос-Рус)6

Литературно-художественное издание

Стругацкий Аркадий Натанович

Стругацкий Борис Натанович

Страна Багровых Туч

Путь на Амальтею

Стажеры

Ответственный редактор Н.Ю.Ютанов

Редактор Л.И.Филиппов

Технический редактор А.Д.Положенцев

Корректоры А.А.Борисенкова, В.И.Важенко,

О.П.Васильева, Л.Н.Комарова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.07.00. Формат

84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 34,44. Тираж 5100 экз.

Заказ 1217.

**Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

Гигиенический сертификат

№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Издательство АСТ».

Лицензия ИД № 00017 от 16.08.99.

366720, РФ, Республика Ингушетия,

г. Назрань, ул. Кирова, д. 13.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: AST_PUB@ANA.RU

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома

«Корвус». Лицензия ЛР № 040390. 190068,

Санкт-Петербург, Вознесенский пр., д. 36.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор

Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300

Республиканское унитарное предприятие

«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».

220005, Минск, ул. Красная, 23.

аст

О

Т

В

С

Т

А

Б

У

Л

И

З

наши КНИГИ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ПО ПОЧТЕ

129085, МОСКВА,
ЗВЕЗДНЫЙ БУЛЬВАР, 21.
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ,
КНИГИ ПО ПОЧТЕ

ОТДЕЛ РЕАЛИЗАЦИИ **ОПТОМ**

ТЕЛ.: (095) 215 0101,
(095) 974 1724,
ФАКС : (095) 215 5110.

ФИРМЕННЫЕ МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ

ул. КАРЕТНЫЙ РЯД, д. 5/10,
ТЕЛ.: (095) 299 6584 (розн.);

ул. ТАТАРСКАЯ, д. 14,
ТЕЛ.: (095) 235 3406
(мелкий опт и розн.);

ул. АРБАТ, д. 12,
ТЕЛ.: (095) 291 6101

Первые шаги человечества в Космос. От первых спутников 1949 года – к первой лунной Эрика Хартмана. От первой марсианской 1959 года – к штурму венерианской Урановой Голконды кораблями типа «Хиус». Стремительное освоение пояса малых планет и формирование Евразийского Коммунистического Союза. Эпоха блистательных космолетчиков, покоривших Солнечную систему – Соколовского, Ермакова, Быкова, Юрковского, Дауге, Крутикова, – завершилась к началу первого десятилетия XXI века. Система была освоена от орбиты Венеры до орбиты Сатурна, обеспечив технико-экономический плацдарм для Первой Межзвездной экспедиции 2005 года.

ISBN 5-17-001545-3

9 785170 015450